

Отделение историко-филологических наук РАН

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

Российский гуманитарный научный фонд

Русь, Россия: Средневековье и Новое время

Выпуск 3

Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова

Материалы к международной научной конференции
Москва, 21-23 ноября 2013 г.

Москва 2013

УДК 930
ББК 6.3.3

Редакционная коллегия

В.Л. Янин (председатель), Д.Ю. Арапов, Н.С. Борисов, Л.Н. Вдовина.
С.В. Воронкова, А.А. Голубинский, А.А. Горский (заместитель
председателя), С.П. Карпов, Н.В. Козлова, В.А. Кучкин, О.Л. Милова,
И.Е. Тришкан, Б.Н. Флоря (заместитель председателя), Д.А. Хитров
(ответственный секретарь), Е.Н. Швейковская

*Конференция проводится при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 13-01-14010*

P899

**Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 3:
Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова.**
Материалы к международной научной конференции. Москва, 21-
23 ноября 2013 г. – М., 2013. – 556 с.

ISBN 978-5-88060-056-4

Научное издание

© Редакционная коллегия, составление, 2013
© Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, 2013

ISBN 978-5-88060-056-4

Содержание

Пленарное заседание

<i>Флоря Б.Н.</i> Норвегия и Древняя Русь: попытка сопоставления общественного строя	11
<i>Миц С.С.</i> Учебные курсы Леонида Васильевича Милова	12
<i>Юркин И.Н.</i> «...Несколько иначе, чем прежде, посмотреть, что же собой представляли знаменитые Тульские и Каширские заводы XVII в.» (размышления по поводу нескольких страниц «Великорусского пахаря» Л.В. Милова)	21
<i>Козлов Д.Н., Глухов А.В., Голубинский А.А., Хитров Д.А.</i> Роль природно-позиционных условий в дифференциации землепользования Европейской России конца XVIII в. – методика цифрового анализа материалов Генерального межевания	26

История древнерусского права

<i>Лукин П.В.</i> Коровья татьба в Краткой редакции Правды Русской	33
<i>Петров К.В.</i> К вопросу о рецепции византийского права в домонгольской Руси	38
<i>Алексеев В.В.</i> Обеспечение материального содержания внебрачных детей согласно памятникам древнерусского права	44
<i>Пономарева И.Г.</i> Об обряде инвеституры в Древней Руси	48

Политическая история Древней Руси

<i>Стефанович П.С.</i> Об эволюции древнерусского полюдя	50
<i>Темушев С.Н.</i> К вопросу о причинах политической раздробленности Древней Руси	56
<i>Горский А.А.</i> О так называемой «Большой» Орде	60
<i>Володихин Д.М.</i> Высший воеводский состав полевых соединений в царствование Федора Ивановича (1584 – 1598 гг.)	62

Вопросы церковной истории Древней Руси

<i>Борисов Н.С.</i> Из истории церковно-политической борьбы в эпоху Куликовской битвы. «Дело Митяя»	70
<i>Тарасов А.Е.</i> К вопросу о днях рукоположения архиереев средневековой Руси	75

<i>Стариков Ю.С.</i> Церковная деятельность митрополита Даниила Московского	80
<i>Донской Г.Г.</i> Приготовление погребальных принадлежностей в жизни человека средневековой Руси	85

Повседневность Древней Руси

<i>Алпатов С.В., Шамин С.М.</i> Радость в жизни русских князей и дружины (X–XIV в.)	89
<i>Лаушкин А.В.</i> Выбор дней для княжичьих постригов в Древней Руси	93
<i>Горюшкина Л.П.</i> О выборе дней княжеских и царских свадеб в первой половине – середине XVI в.	99
<i>Грязнов А.Л.</i> Сомнительные сделки на родовые вотчины князей Ухтомских во второй половине XVI в.	106

Источниковедение истории Древней Руси

<i>Усачев А.С.</i> О возможном источнике информации о Западной Европе у представителей русской церковной элиты XVI в. (штрих к биографии дьяка М.Ф. Карачарова)	113
<i>Матасова Т.А.</i> Древнерусский перевод Первой книги «Географии» Помпония Мелы: исторический контекст, перспективы издания и изучения	116
<i>Мошкова Л.В.</i> Палеографический анализ грамот начала XVI в.: проблема отождествления почерков	123
<i>Хазанова С.И.</i> Апокрифы о Моисее в древнерусской письменности	128
<i>Иванова Н.П.</i> Статистический анализ месяцесловных показаний как датирующих элементов в летописях (по материалам новгородских летописей)	136

Торговля в XVII-XVIII вв.

<i>Раздорский А.И.</i> Конская торговля в Белгороде в XVII в. (по данным таможенных книг)	141
<i>Жиброва Т.В.</i> Азовское таможенное и питейное управление в конце XVII – начале XVIII вв.	149
<i>Гефке Н.А.</i> Поставка поваренной соли в Кузнецкий уезд в 1720-е гг. ..	154
<i>Комиссаренко А.И.</i> Роль Вятского края в русской экспортной торговле через Архангельский порт в 30 – 40-е гг. XVIII в.	159

Русский город Раннего Нового времени

<i>Козлова Н.В.</i> Персонализированная среда обитания российского горожанина XVIII в.: источники и методика реконструкции	166
<i>Беспалёнок Е.Д.</i> Участие вяземского купечества в крещении новорожденных во второй половине XVIII в.	173
<i>Прокофьева А.Ю.</i> Невенчаные браки в городской среде XVIII в. (на примере г. Москвы). Судьбы, мотивы, эмоции	178
<i>Четырина Н.А.</i> Духовные завещания жителей Сергиевского посада первой половины XIX в.	184

Налоги и подати Раннего Нового времени

<i>Черкасова М.С.</i> Устюжская «белка» в Петровскую эпоху	190
<i>Хацкевич М.В.</i> Сбор рекрут в конце 20-х гг. XVIII в. (на примере рекрутского набора 1729 г.)	195
<i>Киселев М.А.</i> Проблема податных привилегий мастеровых людей на казенных металлургических заводах Урала в 20-40-е гг. XVIII в.	200
<i>Корчмина Е.С.</i> Влиятельные дворяне – злостные неплательщики подушной подати?	205

Социальная структура и система управления России в Раннее Новое время

<i>Акишин М.О.</i> Международно-правовые основы присоединения Сибири к России: постановка проблемы	210
<i>Камараули Е.В.</i> Эволюция материального обеспечения служилой бюрократии в России во второй половине XVII – XVIII вв.: к постановке проблемы (по материалам южных уездов и Воронежской губернии)	215
<i>Перегудов А.В.</i> К вопросу о компетенции воронежского Государева разрядного шатра и документировании его деятельности	220
<i>Черников С.В.</i> Чины государева двора в составе правящей элиты 1725-1730 гг.	226

Крупное землевладение и вотчинное хозяйство в XVII-XVIII вв.

<i>Зинько М.А.</i> Формирование крупной княжеской вотчины во второй половине XVI – второй четверти XVII вв. (на примере князей Телятевских)	231
---	-----

<i>Богомазова А.А.</i> Морские суда в хозяйстве усолий Соловецкого монастыря в середине XVII в. (по данным отводных книг усолий)	236
<i>Соколова Н.В.</i> Землевладение Троице-Сергиева монастыря в Нижегородском и Балахнинском уездах в начале XVIII в.	243
<i>Богданова А.В.</i> К вопросу о том, крупным ли вотчинником был Соловецкий монастырь накануне секуляризации 1764 г.	248

**Вопросы социально-экономической истории России
конца XVIII – первой половины XIX в.**

<i>Пушков В.П.</i> Борьба графа С.Гр. Строганова с «распутством» в Пермском нераздельном имении в середине XIX в.	259
<i>Никулин В.Н.</i> Природный фактор в жизни крестьян столичной губернии середине XIX в.	264
<i>Александров Н.М.</i> Влияние природно-географического фактора на форму эксплуатации помещичьих крестьян в дореформенной России (на материалах Верхнего Поволжья)	269
<i>Бойко Я.В.</i> Территориальное размещение и отраслевая структура занятости экономически активного населения Наднепрянской Украины (вторая половина XIX в.)	273

Освоение южных окраин в XVII в.

<i>Глазьев В.Н.</i> Заселение городов и формирование уездов Центрального Черноземья в конце XVI – начале XVII в.	278
<i>Ляпин Д.А., Жиров Н.А.</i> Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – первой трети XVII вв.	283
<i>Дедук А.В.</i> К исторической географии Корницкого стана Соловецкого (Крапивенского) уезда	288
<i>Папков А.И.</i> Православные выходцы из Речи Посполитой на южной окраине России в первой половине XVII в.	294

**Военная и дипломатическая история южной границы России
в конце XVII-XVIII вв.**

<i>Дубман Э.Л.</i> Строительство Карсунской и Симбирской черт как составной части единой системы укреплений европейской лесостепи России	300
<i>Жуков В.Д.</i> К вопросу о судьбе посольства Ивана Фустова и Ивана Ломакина в Крым в 1639 г.: «заемные кабалы» рядовых членов посольства и их оплата Московским государством	305

<i>Яфарова М.Р.</i> Турецкие планы в первом Чигиринском походе 1677 г.	310
<i>Мустафазаде Т.Т.</i> Хозяйственная деятельность русских властей во временно присоединенных в 1722-1735 гг. прикаспийских провинциях	315
<i>Юссон А.</i> Старое и новое в организации военной службы донских казаков во время русско-турецкой войны 1735-1739 гг.	321

Русская колонизация в XVIII в.

<i>Круглова Т.А.</i> К вопросу о социальных функциях «Записки о не порядках в Малороссии» (1750-е гг.)	326
<i>Смирнов Ю.Н.</i> Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения	331
<i>Перечицкая С.Л.</i> Опорные пункты российской колонизации в конце XVIII в.	336
<i>Иванов В.И.</i> Особенности формирования и состав духовенства Черноморского казачьего войска в конце XVIII в.	340

Массовые источники эпохи Московского государства

<i>Степанова Л.Г.</i> Реконструкция освоенности земельных угодий на основании данных Генерального межевания и писцовых книг	345
<i>Фролов А.А., Трапезникова О.Н.</i> Возможности проверки гипотезы Л.В. Милова о системе одабривания земли в обежном окладе новгородской пашни конца XV в.	351
<i>Чеченков П.В.</i> Нижегородский служилый «город» в 20-х гг. XVII в.: обеспеченность землей и рабочими руками	356
<i>Апонасенко А.Н.</i> Шведские кадастровые планы Ингерманландии XVII в. как источник по социально-экономической истории невских земель	362

Писцовые и переписные книги XVII в.

<i>Черненко Д.А., Борисов М.Я., Яскунова А.А.</i> Сопоставительный анализ и электронное картографирование данных массовых источников XVII – XIX вв. по истории Вологодского края	367
<i>Булгаков М.Б.</i> Переписная книга г. Коломны 1678 г.: форма, особенности, результаты	372

Макарова А.Н. «Как место здешнее самое приморское и не хлебородное»: дворцовые крестьяне между возможностями и налогами (на примере Важского уезда Архангелогородской губернии) 375

Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю. Сведения о пахотных землях карельских дворцовых крестьян в писцовых книгах карельских дворцовых вотчин во второй половине XVII в. 380

Массовые источники XVIII в.

Иванов А.Г. Купчие акты города Козьмодемьянска в материалах Генерального межевания земель Казанской губернии конца XVIII в. 387

Акманов А.И. Первый опыт организации массовых земельных измерений Оренбургской губернии в конце XVIII в.: кадровое и материальное обеспечение Генерального межевания 394

Хитров Д.А. Электронные карты административно-территориального деления России накануне и после губернской реформы 1775 г.: о методике составления 399

Голубинский А.А. Судьба землемера. Степан Хрулев 404

Пахунов С.Н. К вопросу о демографических последствиях эпидемии чумы в России в 1771-72 гг. 410

Природная среда как фактор развития русского общества

Канищев В.В. Русский народный календарь и реальные погоды на Юге Центральной России в XVII-XX вв. 417

Худин К.С. «Травники» и «помясы». К вопросу о деятельности Аптекарского приказа (1629-1645 гг.) 423

Мизис Ю.А., Напольникова П.К. Бортные ухажья как форма заселения и освоения южнорусского пограничья в XVI – XVII вв. 427

Сидоренко Т.Н., Бершадская О.В. Природная среда как фактор общественного и экономического развития Кубани и Черноморья в конце XVIII – XIX вв. 433

Историческое сознание и историография XVIII – начала XIX вв.

Артамонова Л.М. Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И.А. Второва (1791-1793 гг.) 437

Биланчук Р.П. «История города Шенкурска» – памятник провинциальной историографии конца XVIII в. 443

<i>Акманов И.Г.</i> Жизнь и деятельность башкирского батыра Алдара Исянгильдина	448
<i>Кайгородова Т.В., Цыб С.В.</i> Забытый эпизод развития исторической науки в Московском университете	451

Вопросы истории культуры и религии Раннего Нового времени – 1

<i>Лётин В.А.</i> Репрезентация Марины Мнишек как «императрицы Московии» в живописном проекте Вишневецкого замка	456
<i>Черная Л.А.</i> Модернизация русской культуры XVII века: сверху или снизу?	460
<i>Глаголева О.Е.</i> Провинциальные дворяне в России середины XVIII в.: индивидуальные лица в коллективном портрете (по материалам международного исследовательского проекта «Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в.»)	463

Вопросы истории культуры и религии Раннего Нового времени – 2

<i>Ибнеева Г.В.</i> Императрица Екатерина II в церемониале высочайшего путешествия	469
<i>Посохова Л.Ю.</i> Мир вещей и стиль жизни ректора Харьковского колледжума Лаврентия Кордета	475
<i>Вдовина Л.Н.</i> Массон в России XVIII в. как историко-культурный тип личности: взгляды, поведение, эмоциональный мир	480
<i>Шемякина О.Д.</i> Григорий Сковорода – мыслитель и человек эпохи барокко	486

Вопросы истории, культуры и религии Раннего Нового времени – 3

<i>Кошелева О.Е.</i> Рукописный сборник учебного состава и А.А. Виниус	491
<i>Башнин Н.В.</i> Записная тетрадь указам и распоряжениям архиепископа Вологодского и Белозерского Симона 1681–1682 гг.	499
<i>Арапов Д.Ю.</i> Буддизм в Русском Забайкалье в XVIII в.	505
<i>Санников А.П.</i> Иркутское викариатство: попытка обустройства церковных дел на восточных окраинах России в первой четверти XVIII в.	508

Вопросы истории культуры и религии Раннего Нового времени – 4

<i>Агеева О.Г.</i> Православная религиозность императорского двора России XVIII в.	515
---	-----

<i>Крылов А.О.</i> Знак и означаемое в антистарообрядческой полемике святителя Димитрия Ростовского	520
<i>Богданов В.П.</i> Церкви и монастыри в записях на книгах старопечатной кириллицы	525
<i>Красиков А.Н.</i> Книжная торговля на Европейском Севере России в середине XVIII в. (по материалам таможенных книг Устюга Великого)	530
Abstracts	537
Список сокращений	553

Норвегия и Древняя Русь: попытка сопоставления общественного строя

Древняя Русь; Норвегия; землевладение.

В статье предпринимается попытка сопоставления общественного строя домонгольской Руси и Норвегии XIII в. Рассматривается вопрос о причинах длительного сохранения подобного общественного устройства на русских землях.

Сопоставление характеристик общественного строя Норвегии XIII в. и Древней Руси до-монгольского, а во многом и после-монгольского времени выявляет их сходство по целому ряду важных параметров: в обоих случаях перед нами иерархически организованная общность воинов, члены которой получают от власти в кормление территории той или иной доходности в соответствии с их положением на лестнице социальной иерархии, на этих территориях воины осуществляют военную, административную и судебную власть и доход от кормлений является основным источником их существования. Установление такого сходства может служить дополнительным подтверждением тезиса об общности путей развития не-каролингской Европы в эпоху раннего средневековья.

2. Сопоставление показывает, что такая организация общества сложилась в Норвегии к началу XIII в., в то время как в Древней Руси ее существование четко фиксируется уже источниками второй половины XI в. Тем самым возникает вопрос, почему соответствующий порядок сложился в достаточно четких формах на Руси гораздо раньше, чем в Норвегии, какие факторы могли способствовать ускорению формирования такого общества на Руси и тормозить аналогичные процессы в Норвегии.

3. В Норвегии такой тип организации общества скоро сошел со сцены, что было связано с переходом большей части земельной площади в руки церкви и бывших дружинников. В Древней Руси он устойчиво сохранялся – большая часть земельного фонда находилась в руках государственной власти и раздавалась в кормление, доходность кормления еще в середине XVI в. являлась важным показателем социального статуса. Сопоставление такого положения с результатами

¹ Флоря Борис Николаевич, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корр. РАН; feodal.msu@gmail.com.

исследований о судьбах дворянского землевладения в Молдавском княжестве под властью Османской империи позволяет выдвинуть гипотезу, что тяжелый «выход» в пользу Золотой Орды должен был в течение длительного времени блокировать развитие землевладения частных лиц на древнерусских землях.

УДК 930.23

С.С. Минц¹

Учебные курсы Леонида Васильевича Милова

Л.В. Милов; история России; методы исторического исследования; теория феодализма; теория модернизации; проблемное обучение; конспекты как исторический источник.

В статье рассказывается об учебных курсах Л.В. Милова конца 1960–2000-х гг. и о содержании одного из его специальных курсов, прочитанного студентам-старшекурсникам и аспирантам в 1978 г.

В современном научном мире есть масса различных степеней, званий, более или менее почетных наград. Одни из них учреждены официально, другие стали отражением повседневности жизни научного сообщества. Бережно хранимая стопка старых тетрадей с записями лекций и практических занятий – самая интимная и самая ценная из них. Знак уважения к Учителям, почитания их педагогического и исследовательского мастерства, символ преемственности идей. Солидная часть тетрадей в моем шкафу – конспекты лекций и практических занятий, которые вел Леонид Васильевич Милов. Мне посчастливилось посещать его лекции и семинары в студенческие годы, затем – учась в аспирантуре и позже, во время 4-месячных курсов повышения квалификации. Сейчас, спустя много лет, интересно сравнивать записи сходных курсов, слушать которые довелось в разные годы. Более ранние курсы Милова привлекали его манерой разговаривать со студентами как с коллегами, связывать темы занятий с дискуссионными проблемами отечественной истории. Позднее фокус восприятия сместился на то, как он строил свои лекции, объяснял сложнейшие проблемы историософии, учил профессиональному мастерству. Благодаря Леониду Васильевичу слушатели понимали, что актуальность и занимательность истории не в поисках надуманных тайн или создании

¹ Минц Светлана Самуиловна, Кубанский государственный университет (РФ, Краснодар), д.и.н.; svm201138@gmail.com.

занимательных мифов, а в красоте решения реальных задач, помогающих понять корни и альтернативы современных ситуаций.

Проблемы природы исторического источника и источниковедческого знания – ключевые для научного творчества и преподавательской деятельности Л.В. Милова. В его трудах, будь то солидные монографии или небольшие заметки, тема полноты, точности и достоверности источниковедческого знания всегда стояла на первом месте. В отношении Милова к историческому источнику в полной мере проявлялся его талант мыслить системно, умение сочетать разные уровни логического обобщения, редчайшее качество видеть соотношение и взаимосвязь макро- и микропроцессов, столь соответствующее потребностям современного мира наукоемких технологий. Многие из того, что нашло свое место в знаменитых научных трудах академика Милова, впервые появлялось и со временем обретало свою законченную форму во время его занятий со студентами и аспирантами.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в научный оборот вошло понятие проблемного обучения. Что это такое, мы, студенты и аспиранты истфака МГУ, постигали не через педагогические теории, а на практике, на учебных занятиях. Передо мной конспект спецкурса «Методологические и историографические проблемы генезиса капитализма (до капиталистического уклада)». Он читался во втором семестре 1977/1978 учебного года, состоял всего из шести лекций, но был примером того, как Леонид Васильевич понимал принцип проблемного обучения. Спецкурс был направлен на развитие навыков системного анализа и, что более важно, системности мышления, без которой невозможно профессиональное восприятие истории. В спецкурсе шла речь о малоисследованных аспектах становления мелкотоварного и промышленного производства в России, в частности, на Русском Севере. Слушателям спецкурса повезло. Они стали свидетелями процесса рождения теории российского феодализма.

Спецкурс построен в дискурсивном поле, рождавшемся в отечественной истории с конца 1960-х гг. Главными в нем были забота о четком определении используемых понятий и их соотношения с конкретно-историческими реалиями российской истории, осознание общности процессов модернизации в истории промыслов и промышленности XVII в. и специфики их преломления в истории России.

Для своих работ Леонид Васильевич всегда создавал солидную источниковую базу и на ее основе собирал увесистую коллекцию фактов. Его учебные занятия, как и опубликованные сюжеты, всегда были результатом многолетнего интеллектуального труда. К обобщению конкретного материала он шел от теории, поскольку в 1950–1970-х гг.

менялся сам способ теоретического осмысления истории. Это интеллектуальное движение имело общеевропейский масштаб. Затрагивало оно и отечественных историков. Л.В. Милову принадлежит заметное место среди создателей нового типа исторического мышления. В своих учебных курсах он обычно начинал изложение итогов своих разысканий, наблюдений и размышлений с теоретического обоснования, и лекционный курс 1978 г. не представлял собою исключения.

Спецкурс был построен на понимании марксизма, свойственном Л.В. Милову. В марксизме как гносеологической теории он ценил богатый потенциал системного исследования и возможность в единичном явлении, фактически в микропроцессе, увидеть глубинную природу породивших его макропроцессов. Милов отдавал предпочтение нечасто цитируемым трудам К. Маркса. Так, в своем спецкурсе ученый анализировал ранние рукописи Маркса, опубликованные в 1968 г., часто упоминал «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

Отношение Л.В. Милова к марксизму заслуживает особого внимания. Путь от классической логики к нелинейному мышлению долог и тернист. Преодоление устоявшихся стереотипов, создание нового понятийно-терминологического аппарата занимает не одно поколение. Мне приходилось высказывать предположение, что Постмодерн как культурно-историческая эпоха началась с 1880–1890-х гг. Ее начало обозначила научно-техническая революция, самой заметной частью которой стали открытия в физике. Суть происшедших открытий уже тогда виделась в появившейся возможности экспериментального сопоставления видимого и невидимого в природе и обществе. В сфере гуманитарного знания прорыв обозначился повышенным вниманием исследователей к культуре как целостному явлению, к сознанию человека и личности, к глубинным механизмам регуляции поведения людей и их интеллектуальной деятельности. Социогуманитаристика шла к осознанию объективной природы субъективности, к представлениям об иерархии субъектности социума, к эмпирическому освоению многомерности исторического пространства.

Свидетельствами существенных сдвигов в социогуманитаристике стали, например, труды А.С. Лаппо-Данилевского и Л.П. Карсавина, идеи и работы множества их современников – от одного из основоположников философской антропологии М. Шелера до все реже упоминаемых в современном социогуманитарном дискурсе основателей школы Анналов М. Блока и Л. Февра. Но давайте вспомним историософский труд медиевиста Л.П. Карсавина «Философия истории», опубликованный в 1923 г. [3]. По Карсавину, история изучает

социально-психологическое при помощи системного метода и с использованием относительной шкалы, которая строится сравнением индивидуального, коллективного и идеального, где идеальное одновременно и эталон, и единица измерения. Л.П. Карсавин описывал исследовательские приемы, для которых еще не было общепринятой терминологии. Его новаторство требовало нового языка. Карсавин создал нужный язык, но он оказался слишком русифицированным. Приемлемый международный язык для описания информационных процессов системного уровня появился благодаря Н. Винеру, создателю кибернетики. Современная наука лингвистически ушла далеко вперед от размышлений Карсавина о системной природе истории. А вот практика реализации приемов системного исследования все еще отстает существеннейшим образом.

Ситуация в отечественном источниковедении вплоть до 1990-х гг. чем-то напоминала казус Карсавина. Историки Советского Союза долго казались вне поля интеллектуального движения Постмодерна, но это впечатление поверхностно. В построении динамических моделей, в реконструкциях конкретных ситуаций по косвенным признакам российские историческая и, особенно, источниковедческая школы были традиционно сильнее еще со времен А.С. Лаппо-Данилевского и Л.П. Карсавина. Системный анализ, которому отдавали предпочтение отечественные историки, включал в себя изучение структур не как завершающий результат исследования, а как его промежуточную ступень. Л.В. Милов прилагал много усилий для того, чтобы показать, что выделенные и предложенные им практики изучения социально-экономической проблематики можно экстраполировать на область духовной и интеллектуальной истории. Очень жаль, что эти знания и умения, имевшие в то время шанс превратиться в массовые, во втором десятилетии XXI в. стали практически реликтовыми. Еще одно подтверждение нелинейности движения знаний, которая усиливается странновато реализующейся потребностью нашей страны в догоняющей модернизации. Возможно, отечественная история еще вспомнит с благодарностью об опыте ученых-источниковедов 1970–1980-х гг.

До сих пор почти все, связанное с марксизмом, воспринимается, теперь – и внутри страны, в основном в ограниченном русле истории идеологического противостояния второй трети XX в. Тот отупляющий догматизм, что доходил до историков моего поколения на излете Оттепели, с лихвой перекрывался явлениями совсем другого порядка. Уже в учебных курсах истфака МГУ 1960-1970-х гг. марксизм присутствовал не только как идеология. В лекциях И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова много говорилось об общей теории систем как об обще-

научном методе, имеющем свое преломление и в истории. Марксизм рассматривался ими именно с такой точки зрения.

Отношение к марксизму как к гносеологической теории, позволяющей выстраивать алгоритм конкретных исследовательских практик, формировалось не только на истфаке МГУ. Вольные трактовки марксизма в трудах А.Я. Гуревича или М.Я. Гефтера были, конечно, редкостью, но думать над работами классиков уже не только не возбранялось, но даже рекомендовалось. Можно вспомнить, например, книгу философа и культуролога М.С. Кагана «Человеческая деятельность» (Л., 1974) [1]. В ней автор часто обращался к произведениям классиков марксизма, но Маркса цитировал преимущественно на немецком языке и уточнял содержание терминов, казалось бы, устоявшихся и не нуждающихся в дополнительной расшифровке. В результате автор обосновал системную природу художественной деятельности, а в 1990-е гг. развернул свои идеи в системную теорию культуры [2]. В современной истории такие теории имеют статус феноменологических и конкретизируются как когнитивные. К когнитивной истории шел в своих исследованиях и Леонид Васильевич Милов.

Л.В. Милову, как и многим его современникам, изучение работ К. Маркса и В.И. Ленина помогало осваивать системный метод, переводить его из декларируемого принципа в набор исследовательских стратегий и практик. Историсофия их работ интересовала Л.В. Милова отнюдь не как догма. «Вы понимаете, что мне не нужна философия истории, написанная другими. Я создаю ее сам», – заметил в 1980 г. Леонид Васильевич в одной из личных бесед. И он был совершенно прав. Его историсофия опиралась на принципы многомерности, открытые современным научным знанием и расширенные теорией информации. Теоретические выкладки Маркса и Ленина помогали Милову проложить трассу от конкретного материала к тому типу теоретизирования, которое К. Ясперс связывал с наступлением нового осевого времени. Постмодерн как большая культурно-историческая эпоха может знаменовать его начало. Изучение социально-экономических процессов заняло свое место в осмыслении системной природы истории и освоении приемов моделирования исторических явлений, процессов и состояний. Оно помогло историкам связать воедино хозяйственную и интеллектуальную деятельность людей конкретных эпох, выйти на объективную природу социокультурных явлений, в частности, на глубинную природу российского этатизма.

Л.В. Милов занимался разными типами моделирования в истории. В контексте исторического моделирования он рассматривал явле-

ние изоморфизма. В источниковедении общенаучное понятие «изоморфизм» Милов соотносил с представлением о репрезентативности исторического исследования. В небольшом сюжете 1979 г. «Проблема репрезентативности в источниковедении» он объяснял, что такое изоморфизм, и как его можно связать с понятием полноты и репрезентативности научной деятельности историка² [5, с.73]. В курсе «Количественные методы в исторических исследованиях» (программа 1998 г.) Леонид Васильевич отвел понятию «изоморфизм» роль гносеологической основы «математизации» исторического знания. К определению методологической роли изоморфизма в истории Милов подходил не только через изучение структуры нарративов, но и через анализ социально-экономических процессов и видов хозяйственной деятельности. Как происходило это интеллектуальное движение, показывает курс «Методологические и историографические проблемы генезиса капитализма (до капиталистического уклада)».

В спецкурсе не было подчеркнутого деления лекций по тематике. Л.В. Милов читал его как единый текст. Начинался курс с уточнения ключевых понятий: общественно-экономическая формация, формы собственности и их эволюции. Лектор подчеркивал многоплановость понятий, их способность существовать в историко-социологическом и философском контекстах. Особое внимание он уделял понятию «исторический закон». Представления Милова об этой гносеологической категории выходило далеко за рамки механицизма. Идея К. Маркса о том, что «все экономические законы не имеют своей реальности, кроме как в приближении к действительности, в среднем», была близка Л.В. Милову. И в этом спецкурсе, и на других занятиях он старался обратить внимание своих учеников на приблизительность соответствия логической и конкретно-исторической последовательности в разворачивании изучаемых феноменов. Стройность логических построений ценилась им в качестве вспомогательного инструментария для упорядочивания внешне хаотических исторических реалий, которые могли проявлять свое приближение к логической схеме лишь при использовании достаточно крупных масштабов исторического времени и пространства. Основой сравнения для него становились не те черты изучаемых процессов, которые чаще поддавались регистрации, а те, которые выполняли роль системообразующих элементов. Так, долговременность существования славянской общины, ее консерватизм академик Л.В. Милов связывал с

² «...степень... репрезентативности [исследования – С.М.] может измеряться фиксацией изоморфизма основных структурных элементов изучаемого явления и его аналога», – писал по этому поводу ученый.

неразвитостью аллодной системы, а то и с полным ее отсутствием. Ученый показал, что из-за постоянных переделов пашенных угодий пахотный надел так и не стал в русской общине частной собственностью. Поэтому признаки модернизации Милов искал не столько в формах частной собственности на землю, сколько в обращении товаров и порождаемых им формах кооперации.

Российское общество Л.В. Милов относил к типу запоздавших в отношении становления капиталистического уклада и подчеркивал, что в нем, как и в других обществах подобного типа, по сравнению со странами классического капитализма, наличествует масса стертых трудноразличимых черт. Молодые историки 2000-х гг. рассматривают теорию модернизации исключительно как продукт западной научной мысли. В своем спецкурсе Л.В. Милов разрабатывал именно теорию модернизации, обозначая ее границы теоретико-методологическими спорами о сущности категорий и понятий социально-экономического развития. Выход с этих позиций на специфику природы российской государственности тоже укладывается в рамки теории модернизации, хотя в работах Л.В. Милова далеко не исчерпывается ею.

Центральным понятием, помогающим определить отношение конкретных российских реалий к логическим моделям и классическим образцам развития изучаемых процессов, Л.В. Милов считал не общественно-экономическую формацию, а уклад. Именно соотношение укладов, с его точки зрения, определяло специфику социально-экономического развития определенного общества. Многоукладность российского общества, по Милову, свидетельствовала о его формационной незрелости. При господстве стертых форм собственности на средства производства, прежде всего землю, большую роль в становлении будущего капиталистического уклада могли сыграть формы квазипроизводства, развитие промыслов, например. На них он и сосредоточил основное внимание в спецкурсе 1978 г.

В этом спецкурсе Милов стал использовать понятие «государственный феодализм». После работ Н.П. Павлова-Сильванского, идея господства в России XVII в. государственного феодализма, была сформулирована с такой четкостью, пожалуй, впервые. Его суть Леонид Васильевич блестяще раскрыл в своем центральном труде «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (1998) [4].

Три лекции спецкурса были посвящены формам промышленного производства от домашнего ремесла до общинных и сябринных (соседских) форм кооперации. Л.В. Милов сравнивал структуру промыслов в земледельческих и неземледельческих общинах, подчерки-

вал неравномерность социально-экономического развития разных регионов страны в зависимости от разницы природно-климатических условий и удаленности от центра феодальной власти. Особенно интересовала его сябринная кооперация, преобладавшая в XVII в. на Русском Севере. Год спустя, 21 мая 1980 г. он раскрыл эту тему как самостоятельный сюжет в докладе «Типология социально-экономического развития Русского Севера в XVI-XVII вв.», сделанном в Институте истории АН СССР.

В последней лекции рассматривалась тема значения наемного труда для определения степени сформированности и устойчивости капиталистического уклада. Л.В. Милов подчеркивал, что сам по себе этот признак, взятый в отрыве от других, не является репрезентативным. Большое значение ученый придавал комплексным факторам, например, укрупнению производства и созданию вокруг него достаточно устойчивых товарно-денежных связей. Милов рассматривал эту проблему на материале кожевенного производства в Ярославле. Основанием для его характеристики, как правило, было писцовое делопроизводство, ориентированное на нужды налогообложения. Его неполнота и давала повод для различных предположений о формах кожевенного производства, которые то слишком архаизировались, то излишне модернизировались другими исследователями. Л.В. Милов считал, что для выявления реального состояния кожевенного производства того времени «необходима детализированная реконструкция всего производственного процесса с точностью до дня». Только такая реконструкция была способна, по его мнению, показать, был ли кожевенный двор фрагментарным сезонным промыслом или непрерывным производственным процессом, нуждавшимся в долговременной, т.е. устойчивой кооперации усилий его участников. В книге «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия», написанной совместно с М.Б. Булгаковым и И.М. Гарсковой, подобная детализация хозяйственной жизни помогла объективно сравнить возможности вотчинной и поместной систем ведения хозяйства [6]. В книге же «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» скрупулезная детализация производственного цикла стала основным исследовательским приемом построения эмпирической базы для моделирования системы феодальных отношений в России в целом.

Взгляды Л.В. Милова на феодализм в России, изложенные в специальном курсе 1978 г., показали, насколько творчески он относился к теории и методологии истории. Само построение спецкурса стало для его слушателей мастер-классом высочайшего профессиона-

лизма. В спецкурсе не было ничего случайного. Он действительно представлял собою целостное произведение, каждая часть которого работала на конечную цель – выяснение особенностей зарождения капиталистического уклада в средневековой России накануне Нового времени. Выделение понятия «уклад» как системообразующего позволило Л.В. Милову показать темпы и направления становления новых тенденций в хозяйственной жизни России, которые развивались не только и не столько благодаря усилиям государства, сколько нередко вопреки им. Л.В. Милов всегда делал акцент на творческой природе научного поиска. Спецкурс 1978 г., раскрывал глубинные направления построения концепции феодализма в России, демонстрировал слушателям дисциплину научного мышления и исследовательского процесса.

Старые тетради с конспектами лекций, материалами практических занятий. Социокультурный артефакт, историографический факт, исторический источник и живая память об Учителе. Их сохранность – лучшая награда ученому и преподавателю. Мастеру. Реальное свидетельство научной и педагогической преемственности. Той самой преемственности, которая сообщает целостность полю научных знаний, сохраняет их и передает из поколения в поколение напрямую или в скрытой форме даже тогда, когда уходят носители идей, а сами памятники погибают, как большинство старых тетрадей, отслуживших свой век.

1. *Каган М.С.* Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). Л., 1974.
2. *Каган М.С.* Философия культуры. СПб., 1996.
3. *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993.
4. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1996.
5. *Милов Л.В.* Проблема репрезентативности в источниковедении // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. М., 1979.
6. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986.

**«...Несколько иначе, чем прежде, посмотреть,
что же собой представляли знаменитые Тульские и
Каширские заводы XVII в.»**

**(размышления по поводу нескольких страниц
«Великорусского пахаря» Л.В. Милова)**

Мануфактура; Тульские и Каширские заводы; природно-климатический фактор.

Рассмотрены взгляды Л.В. Милова на факторы, определявшие своеобразие развития российской металлургической мануфактуры XVII в.; его оценка эффективности феномена ранней мануфактуры.

После издания в 1930 г. сборника документов «Крепостная мануфактура в России» [3] к опубликованным в нем материалам о Тульских и Каширских железных заводах XVII в. обращались многие историки, в том числе такие видные, как С.Г. Струмилин, И.И. Смирнов, Б.Б. Кафенгауз, Е.И. Заозерская, К.Н. Сербина. К 1998 г., когда вышла из печати книга Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», из «Мануфактуры» было «выжато», казалось, все, что могло интересовать исследователя. Работа Л.В. Милова показала, что содержащаяся в ней информация не исчерпана. Прошло еще 15 лет. Можно уверенно утверждать, что предпринятое им прочтение документов «Крепостной мануфактуры» остается наиболее основательным и продуктивным по результатам – во всяком случае, в том, что касается экономической истории. Глубина анализа источника совмещается у него с интерпретацией фактов в ключе масштабной концепции, целостно описывающей экономику России феодального и раннекапиталистического периодов.

Поделимся размышлениями, возникшими при осмыслении страниц книги, посвященных экономике ранней металлургической мануфактуре.

На связанные с ними вопросы автор выходит ближе к концу труда – в 3 главе 2 части, в параграфе об особенностях генезиса капитализма в России. Показав свойственную ей нехватку квалифицированных кадров, автор выстраивает следующую цепочку следствий: дефицит кадров порождал несбалансированность производства,

¹ Юркин Игорь Николаевич, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (РФ, Москва), д.и.н.; ig-yurkin@yandex.ru.

несбалансированность – невозможность наладить стабильный выпуск конечного продукта (показано на примере производства ружей и шпаг [4, с. 512–517]), недоведение до конца производственного цикла – к кооперации мануфактуры с казенным ремесленным производством. Рассмотрев звенья этой цепи, Л.В. Милов предлагает «несколько иначе, чем прежде, посмотреть, что же собой представляли знаменитые Тульские и Каширские заводы XVII в.» [4, с. 517].

Мнение, что перед нами предприятия с мануфактурным характером производства, было высказано давно. Специально вопрос рассмотрел, в частности, И.И. Смирнов, определивший их как капиталистическую мануфактуру [1, с. 144–146]. Мануфактурными считал их и Л.В. Милов, упомянувший в связи с ними две классических черты мануфактуры: а) значительный масштаб производства, б) наличие внутрипроизводственного разделения труда. Но мануфактура, подчеркивал он, перенесена «к нам» из других природных условий – «из краев с ровным климатом, практически постоянным водным режимом». (Здесь же упомянуто о наличии на ней дорогостоящего и сложного оборудования, требующего «огромных средств на ремонт и обновление». Подразумевается, что это может влиять на различие условий, в которых она работала в Западной Европе и России, но как – не разъяснено. Реконструируя логику рассуждений, предполагаем, что имелось в виду различие амортизационных расходов, несомненно зависевших от климатического фактора.) В отличие от региона-технологического донора, в России годовой цикл работы оборудования мануфактурного предприятия из-за неблагоприятного климата составлял, по подсчетам Л.В. Милова, всего 120–130 рабочих дней. «Такая производительность, – утверждал он, – изначально была убыточной» [4, с. 517].

Соглашаясь с тем, что климат и некоторые другие природные факторы не благоприятствовали российской мануфактуре, отнесемся к этому выводу с осторожностью. На страницах «Пахаря» расчетов, которые бы убеждали в «изначальной убыточности» производства при такой продолжительности цикла работы оборудования, мы не обнаружили. Вместе с тем, решимся утверждать, что эксплуатация мануфактур для их владельцев убыточной не была. Нередкие в их челобитных заявления об испытываемых экономических трудностях следует воспринимать критически. Выпросить у государства помощь было легче, сгустив краски. Если бы общий баланс по операциям в ходе производства и реализации был отрицательным, заводы не просуществовали бы без малого столетие. А они действовали, сохраняя при этом высокий уровень оплаты специалистов и управляющих.

Конечно, прибыльность производства в немалой степени обеспечивалась искусственными средствами – предоставлением заводчикам льгот и покупкой продукции казной по выгодным для них ценам. Но почему мы должны считать нормой ситуацию, когда такой «допинг» отсутствовал? Допустим, цены были перегреты (в сравнении с европейскими), но участников обмена они устраивали. (Сравнение с мировыми ценами в данном случае вообще неуместно – Россия, как мы знаем, и сейчас не вполне интегрирована в мировой рынок, а уж тогда была от него несравненно дальше.) Да и были ли цены, по которым правительство закупало у Марселиса и Акемы оружие, сильно «перегретыми»? Известно, что они (владельцы) часть продукции реализовывали за рубежом [4, с. 515]. При большом разрыве между российскими и европейскими ценами это означало бы для них снижение прибыли – между тем экспортные операции продолжались.

Более серьезна апелляция к немонетизированным формам поддержки производителей – льготам, которые им предоставляло государство. Но льготы и привилегии были так глубоко укоренены в экономической системе, что их следует рассматривать как одну из черт экономического климата, не менее значимую, чем климат физический. Но в отличие от последнего, они не мешали мануфактурному производству, а помогали ему. Льготы и привилегии заводчикам отчасти компенсировали то негативное влияние, которое оказывал на производственный процесс климатический фактор, столь значимый в концепции Л.В. Милова.

На этом примере видим, что наряду с неблагоприятными были факторы способствующие развитию мануфактуры. К их числу С.Г. Струмилин отнес изобилие и дешевизну сырьевых ресурсов, а также отсутствие в России ограничений развития крупной централизованной мануфактуры, свойственные Западной Европе с ее регламентацией мелкого ремесленного производства. Не заметив (в отличие от Л.В. Милова) факторы, мешавшие мануфактуре, С.Н. Струмилин оценил условия ее развития в России весьма позитивно: «Возможности внедрения крупного доменного производства в пределах Московской Руси созрели значительно позже, чем в Англии и Швеции, зато они оказались здесь в некоторых отношениях гораздо благоприятнее, и русская металлургия железа уже в XVIII в. успела догнать и перегнать металлургию своих западных соседей» [5, с. 75].

Пропасть между тезисом об «изначальной убыточности» первых российских металлургических мануфактур и утверждением о более благоприятных, чем на Западе, условиях для их развития существует и она широка. Констатируя это, призываем к дополнительному изуче-

нию вопроса. Отметим, однако, что даже если доказать мнение Л.В. Милова не удастся, это не нанесет существенного урона построениям, связанным с интеграцией «мануфактурного блока» в общую его концепцию – потребует ревизии лишь некоторых ее деталей.

Вернемся к тексту «Великорусского пахаря». После тезиса о производительности, делавшей производство убыточным, автор назвал еще два фактора, мешавшие эффективной работе металлургической мануфактуры в России XVII в. Во-первых, частые поломки² и ремонт нарушали ритмичную работу квалифицированных специалистов. (К этому прибавлен «ввод в действие новых блоков», но едва ли работу по расширению и модернизации производства уместно квалифицировать как фактор, мешающий его развитию). Во-вторых, не была налажена «технологическая линия производства», причину чего автор видел в дефиците специалистов [4, с. 517]. Это делало неизбежным привлечение «смежников» (московских и тульских мастеров), осуществлявшееся государством через механизм повинностей. «Единого слаженного комплекса, работающего на вольном найме, не получилось» [4, с. 518].

Полностью соглашаясь и с рассуждениями, и с этим выводом, спросим, однако: причем тут климат? Нам видятся другие причины несбалансированности звеньев технологического цикла. Из внутренних назовем неэффективный менеджмент и недостаточно налаженная работа по привлечению из-за границы высококвалифицированных специалистов. Из внешних – колебания конъюнктуры, обусловленные неритмичностью заказов казны. Следует учитывать и тот факт, что с 1662 по 1667 гг. Тульские и Каширские заводы находились сначала в совместном с Ф. Акемой, а потом в полном владении государства [1, с. 16–18]. (Благодаря этому и сохранились приходно-расходные книги, используемые в расчетах по экономике ранней мануфактуры.) Последнего фактора уже достаточно чтобы объяснить отмеченное Л.В. Миловым отсутствие на этих заводах «единого сложного комплекса» и указать путь нейтрализации негативных последствий этого факта. В этой ситуации кооперация централизованной мануфак-

² Как справедливо замечает Л.В. Милов, особенно длительное время требовалось для ликвидации последствий аварий на плотинах [4, с. 511]. Приведем цитату из документа 1721 г., в котором заводоладелец говорит о такой аварии на Дугненском заводе Н.Н. Демидова: «А в 1719-м году волею Божию от полой воды на том заводе плотину розрыла и спуски у вешнеков розломала. И стоял тот завод мало не весь год без работы для того, что тем летом того заводу строением в совершенство привести не мог» (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1017. Л. 339 об–340).

туры с казенным ремесленным производством представляется совершенно логичным и экономически обоснованным решением. Может быть, завод не обрабатывал производимый им полуфабрикат (например, стволы) не потому, что не мог этого сделать, а потому, что его владельцы и/или управляющие находили более выгодным поставлять его смежнику – например, московским или тульским оружейникам. Данных, чтобы обсчитать эффект кооперации, в данный момент недостаточно – больших опубликованных комплексов, подобных «Крепостной мануфактуре», которые раскрывают работу оружейников XVII в. с этой стороны, не существует. Подчеркнем, однако, что Тульская оружейная слобода по сути также являлась мануфактурой, только рассеянной и опиравшейся (это важно) преимущественно на ручной труд. Оружейники не только последним обстоятельством не тяготились, но после пуска в 1714 г. Тульского оружейного завода сопротивлялись переводу на него производства, стараясь сохранить старые (ручные) технологии [2, с. 90].

И последнее. Показывая, как, создавая крупное мануфактурное производство, российский социум «подмял» «новые технологии под господствующий уклад хозяйственных отношений», Л.В. Милов подчеркнул неизбежность этой траектории социально-экономического развития. При этом отметил: «К такого рода процессам абсолютно неприменимы понятия «реакционный», «консервативный» и т.п., так как они были проявлением объективной необходимости, логикой развития данного общества» [4, с. 526]. Мы убеждены, что какие бы поправки в описанную в «Великорусском пахаре» схему не внесли будущие исследования, изучение начальной истории российской мануфактуры должно вестись с учетом отношения к цитированному положению, как к аксиоме. Попытка перехода к иной аксиоматике, как минимум, трудоемка, как максимум, проблематична по результатам. Утверждать это позволяет и осознание трудности выявления и введения в оборот документальных комплексов, равных по информационной емкости «Крепостной мануфактуре» (не факт, что они вообще сохранились), и сомнительность того, что удастся расшатать совокупность тщательных и взаимоувязанных расчетов, выполненных и опубликованных Л.В. Миловым.

Огромной заслугой Л.В. Милова в его работе с, казалось, исчерпанным документальным материалом явилось то, что сквозь призму выработанного им подхода он сумел разглядеть в нем последствия влияния на адаптацию в России новой для нее формы производства природно-климатических факторов. Нам представляется достаточно перспективным взглянуть с помощью этого подхода на диффузию и

адаптацию в России других феноменов (знаний, технологий, форм коммуникации и т.д.) – на проявления не только экономического, но и культурного трансфера.

1. *Бакланов Н.Б., Мавродин В.В., Смирнов И.И.* Тульские и Каширские заводы в XVII в. М.; Л., 1934.
2. *Зыбин С.А.* История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. М., 1912.
3. Крепостная мануфактура в России. Ч. 1: Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930.
4. *Милов Л.В.* Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
5. *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1967.

УДК 94(47).06

**Д.Н. Козлов, А.В. Глухов,
А.А. Голубинский, Д.А. Хитров¹**

**Роль природно-позиционных условий в
дифференциации землепользования Европейской
России конца XVIII в. – методика цифрового анализа
материалов Генерального межевания²**

Реконструкция структуры землепользования; Генеральное межевание; цифровой анализ.

Рассматриваются возможности цифрового анализа материалов Генерального межевания применительно к упорядочиванию факторов дифференциации структуры землепользования в локальном масштабе.

Взаимоотношение общества и среды – многогранная междисциплинарная проблема, в рамках которой изучение влияния природно-климатических условий на особенности территориального и исторического развития общества [10; 21] сопряжено с изучением роли хозяйственной деятельности в трансформации природной среды [2; 9;

¹ Козлов Даниил Николаевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.геогр.н.; daniilkozlov@gmail.com.

Глухов Александр Иванович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва).

Голубинский Алексей Алексеевич, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), к.и.н.

Хитров Дмитрий Алексеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №12-06-33035.

14; 4]. В каждой предметной области предложено большое количество теорий и концепций для объяснения специализации, особенностей территориальной структуры и динамики природно-хозяйственных систем. В обобщенном случае своеобразие природно-антропогенных ландшафтов определяется совместным действием природных, социальных, позиционных, этно-культурных и исторических факторов. Природное своеобразие естественного ландшафта (климатическое, геолого-геоморфологическое, почвенно-растительное) задает его потенциальные производственные возможности [10]. Социальные факторы определяют специализацию и интенсивность хозяйственного использования [9; 13; 6]. Позиционные условия определяют особенности расселения и возможности хозяйственного использования ландшафтов относительно центров социально-экономической активности разного ранга, элементов инфраструктуры (транспортная сеть, рынки труда, сбыта и т.п.) и описываются моделью Центр-Периферия [19]. Этно-культурные факторы связаны с хозяйственными традициями этноса обжитого ландшафта [5]. Исторические факторы – природные либо общественные события прошлого, запечатленные в современной территориальной структуре расселения, землепользования, например, – пожары, укрупнение деревень и др.

Решение проблемы идентификации и упорядочивания факторов дифференциации и эволюции природно-хозяйственных систем различного пространственно-временного масштаба требует адаптивного подхода, сочетающего в себе возможности характеристики структуры каждого фактора и исследования их отношений друг с другом и с целевым свойством. В качестве технологической основы исследований закономерностей организации расселения, землепользования и их динамики принято использовать растровую модель измерения территориальной структуры хозяйственной жизни общества и актуальных свойств климата, рельефа, почв, удаленности от центров социально-экономической активности и т.п. [18, 19]. Однако распространение подобного подхода для исследования исторических отношений сопряжено с естественными сложностями в реконструкции территориальных характеристик прошлого на основе косвенных экспертных или модельных суждений [20; 17]. В этом отношении перспективны материалы Генерального межевания XVIII-XIX вв., с высокой точностью [3; 7; 8] характеризующих структуру расселения и угодий центральной части Европейской России на локальном (М 1:8400) и региональном (М 1:42000) уровнях. Столь точная характеристика территориальной структуры общества позволяет ставить задачу коли-

чественного анализа ее зависимости от природно-климатических факторов на региональном и локальном уровнях.

Цель исследования – установить закономерности специализации, территориальной структуры и динамики хозяйственных угодий конца XVIII в. для десяти историко-географических регионов, специфичных по климатическим, геолого-геоморфологическим, почвенно-растительным и социально-экономическим условиям, степени хозяйственной освоенности и ее динамики. Каждый ключевой участок включает от 50 до 100 дач Генерального межевания общей площадью не менее 120 км² и охватывает типичное для данного природного региона разнообразие природных условий: 1) «Устьянский» – Устьянский район Архангельской области, ландшафт северотаежных структурно-эрозионных моренных равнин, долина р. Кокшенга; 2) «Кологривский» – Кологривский район Костромской области, ландшафт южнотаежных структурно-эрозионно-моренных равнин, долина р. Унжа; 3) «Московский» – Пушкинский район Московской области, ландшафты моренных и моренно-водноледниковых равнин зоны хвойно-широколиственных лесов, долина р. Вязь; 4) «Боровский» – Боровский район Калужской области, ландшафт вторичных моренных равнин зоны хвойно-широколиственных лесов, долина р. Протва; 5) «Тумской» – Тумской район Рязанской области, ландшафт моренно-водноледниковых равнин зоны хвойно-широколиственных лесов, долина р. Гусь; 6) «Касимовский» – Касимовский район Рязанской области, долина р. Ока; 7. «Валдайский» – Нелидовский, Селижаровский и Оленинский районы Тверской области, ландшафты крупнохолмистых моренных равнин зоны хвойно-широколиственных лесов, долины рр. Межа, Тудовка; 8) «Курский» – Курский район Курской области, ландшафт эрозионных равнин лесостепной зоны, долина р. Сейм; 9) «Высогорский» – Высогорский район респ. Татарстан, ландшафт лесостепных эрозионных равнин; 10) «Старооскольский» – Старооскольский район Белгородской области, ландшафт степных эрозионных равнин.

Структура угодий для каждого ключевого участка восстанавливалась по планам дач Генерального межевания (М 1:8 400) в пять этапов:

1) создание абрисов землевладений по данным межевых измерений с устранением невязок принятым в геодезии способом (ГИС «ГЕОПРОЕКТ» 5.29). Средняя ошибка межевания всех землевладений составила 1 сажень на 230 саженей хода. Величина ошибок обмера землевладений не зависит от протяженности их границ, что говорит об их случайной природе;

2) сведение индивидуальных изображений дач в единое покрытие в условной системе координат путем трансформации изображений планов каждого землевладения в их абрис по углам межевого хода;

3) трансформация сведенного изображения к современной географической основе по 100-300 опорным точкам (слияния и изгибы рек, совпадающие административные границы и границы угодий), выбираемым по топографическим картам крупного масштаба и изображениям космических снимков высокого и сверхвысокого разрешения в среде ГИС;

4) реконструкция структуры землепользования ключевых участков конца XVIII в. в шести категориях: 1) строевой лес (коренной), 2) дровяной лес (вторичный), 3) молодой лес, совмещенный с пастбищем и сенокосом, 4) пастбище и сенокос, 5) пашня, 6) населенные пункты. При этом пришлось провести сопоставление условных обозначений планов дач, разного времени составления или обновления.

5) реконструкция социально-экономической инфраструктуры конца XVIII в.: дороги губернского, уездного и местного значения, судоходные реки, постоянные водотоки, иные источники водоснабжения (из экономических примечаний). Территориальный охват этих карт шире границ ключевых участков, при их составлении используются уездные планы Генерального межевания масштаба 1:42 000.

Для обеспечения количественного анализа все картографические материалы приведены к растровой модели. Элементы регулярной сети с размерами 100x100 м (пиксели, элементарные территориальные единицы) служат посредниками при сравнении типа угодья с соответствующими ему природными и позиционными условиями. Позиционные условия для каждого элемента сетки оценивались как геометрическое расстояние до ближайшего населенного пункта, ближайшего постоянного водотока, ближайшего судоходного водотока, ближайшей дороги уездного или губернского значения (программа SAGA). Природные условия задавались в двух вариантах: 1) через долевое участие почв с проявлением процессов, лимитирующих сельскохозяйственное производство (переувлажнение, каменистость, эродированность), полученных в соответствии с методикой агроэкологической оценки земель [1]; 2) в виде переменных рельефа (крутизна, форма, длина склона и др.), величины которых определяют развитие этих процессов [16]. Сопоставление структуры хозяйственных угодий с природными и позиционными факторами проводилось средствами пошагового дискриминантного анализа. Зависимая переменная задавалась типом землепользования, независимые – природно-позиционные условия.

В качестве примера регионального анализа приведем результаты для исторического центра Российского государства (Замосковский край) в границах Боровского ключевого участка Калужской губернии. Природные условия участка представлены (в порядке убывания занимаемой площади): зональными (30 %), полугидроморфно-зональными (25 %), эрозионно-зональными (20 %), эрозионными (15 %), полугидроморфными (6 %), литогенными (3 %) и гидроморфными (1 %) агроэкологическими группами земель. Населенные пункты расположены на террасах р. Протвы и ее притоков. По результатам анализа специализация и территориальная дифференциация хозяйственного использования исследованного участка на 66 % контролируется ландшафтными и позиционными факторами. В целом факторы позиционного положения демонстрируют большее участие в объяснении специализации и конфигурации угодий, чем ландшафтная структура. Наиболее детерминировано (87 %) положение пашен (7600 га или 57 % площади участка) и строевых лесов (57 %, 511 га или 5 % площади). Природно-позиционные условия этих двух типов угодий противоположны: для пашни характерны зональные (35 %), эрозионно-зональные (30 %) и полугидроморфно-зональные (20 %) агрогруппы земель при удалении от населенных пунктов не более чем на 1,5 км, не более чем на 1 км от постоянного водотока и 2 км от судоходной реки; для коренных лесов – плакорные (50 %) и полугидроморфно-зональные (35 %) при удалении более чем на 2 км от населенных пунктов, более 2,5 км от судоходной реки и 0,5 км от ближайшей дороги. Территориальная структура сенокосов, молодых и дровяных лесов обусловлена на 30-50 %. Положение населенных пунктов наименее однозначно (0 %) в сравнении с другими видами хозяйственного использования. Вместе с тем, индивидуальная определенность положения населенных пунктов (в противопоставлении с другими видами землепользования) составляет 65 %.

Полученная модель для каждого элемента регулярной сетки 100x100 м с учетом присущих ему природно-позиционных условий позволяет дать прогноз наиболее вероятного типа землепользования (карта равновесного землепользования), и оценить степень однозначности такого прогноза (карта неопределенности специализации). Логика этой процедуры заключается в поиске элементов сетки с таким соотношением условий, при котором один из видов землепользования (например, пашня) наблюдается чаще, чем все остальные. Такие пиксели с высокой определенностью можно определить как потенциально пригодные к сельскохозяйственному производству, несмотря на их фактическое использование. Наоборот, элементы сетки с близ-

ким набором условий, имеющие соразмерное соотношение угодий (50 % – пашня, 50 % – коренной лес), будут определены как участки с высокой неопределенностью специализации.

Согласно этому анализу площади, потенциально пригодные для пашни, составляют 85 % территории, что на 28 % больше ее фактически реконструированной площади. Пригодными к пахоте признаются 60 % реконструированной площади сенокосов и не менее половины площади молодых и дровяных лесов, в то время как условия сохранившихся строевых лесов признаются непригодными к пашне. При исключении доли суходольных сенокосов, емкость пахотных угодий составляет 74 % от площади ключевого участка, что на 17 % больше фактической. Этот вывод представляется весьма важным. Как известно, «пашня» Генерального межевания включала в себя более или менее обширный массив перелогов, земель, ранее использовавшихся под запашку [12]. Очевидно, на момент Генерального межевания размеры пахотных угодий еще не достигли своего исторического максимума, и даже за пределами массива земель, так или иначе вовлеченных в севооборот, оставались участки, которые еще могли быть распаханы. Это вполне корреспондируется со сделанным ранее на основе анализа социально-экономических параметров крестьянского хозяйства выводом о том, что возможности экстенсивного развития крестьянского хозяйства исчерпаны к концу XVIII в. лишь в отдельных уездах центра страны, к которым не принадлежит исследуемый район [15].

Сравнение исходного и равновесного землепользований позволяет выявить участки, где фактическое землепользование входит в противоречие с ожидаемыми по совокупности природно-позиционных условий. Так на фоне уплощенных водораздельных моренных равнинах с высокой долей переувлажненных почв, занятых преимущественно коренными и вторичными лесами, в границах одной из пустошей фактически наблюдается сенокос, составляющий 100 % ее площади. Обращение к Экономическим примечаниям по этой даче позволяет найти этому объяснение: пустошью владеет можайская ямская слобода, и, будучи слишком удаленной от места проживания хозяев, она, видимо, используется исключительно для заготовки сена.

Приведенные результаты рассмотрения зависимости структуры землепользования от природно-позиционных факторов следует считать предварительными – раскрывающими потенциальные возможности реконструкции угодий по первичным материалам Генерального межевания и их цифрового анализа. В перспективе в состав модели могут быть включены: число жителей каждого землевладения,

способных к возделыванию почвы, граничные условия возделывания земель одного владельца и формы эксплуатации крепостного труда (барщина/оброк из Экономических примечаний). Содержательный блок информации исторической тематики ожидается получить при сравнительном анализе закономерностей организации землепользования разных историко-географических регионов Европейской России.

1. Агроэкологическая оценка земель, проектирование адаптивно-ландшафтных систем земледелия и агротехнологий. Методическое руководство / Под ред. В.И. Кирюшина и А.Л. Иванова. М., 2005.
2. *Бобровский М.В.* Лесные почвы Европейской России. Биотические и антропогенные факторы формирования. М., 2010.
3. *Гедымин А.В.* Генеральное межевание – важный источник информации при почвенных исследованиях // Региональные проблемы экологии, географии и картографии почв. М.; Смоленск, 1998.
4. Изменения природной среды в России в XX веке. М., 2012.
5. *Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А.* Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М., 1998.
6. *Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний 1-й половины XIX в. М., 1959.
7. *Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. М., 2004. Т. 1-2.
8. *Кусов В.С.* Качество карт межеваний и возможности их использования для ретроспективного картографирования // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 1993. № 3.
9. *Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г.* Динамика сельскохозяйственных земель в России в XX веке и постагрогенное восстановление растительности и почв. М., 2010.
10. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд. М., 2006.
11. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965.
12. *Милов Л.В.* О роли переложных земель в русском земледелии XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 год. Рига, 1963.
13. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). М., 1957.
14. Современные глобальные изменения природной среды. Т. 4. Факторы глобальных изменений. М., 2012.
15. *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А.* Нечерноземный Центр России в материалах Генерального межевания // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2011.
16. *Advances in Digital Terrain Analysis / Zhou, Qiming; Lees, Brian; Tang, Guo-an (Eds.). 2008, XIV.*

17. Pongratz J., Reick C., Raddatz T., Claussen M. A reconstruction of global agricultural areas and land cover for the last millennium, *Global Biogeochem. Cycles*, 2008, 22, GB3018, doi:10.1029/2007GB003153.
18. Prishchepov A.V., Radeloff V.C., Baumann M., Kuemmerle T., Muller D. Effects of institutional changes on land use: agricultural land abandonment during the transition from state-command to market-driven economies in post-Soviet Eastern Europe // *Environ. Res. Lett.* 7 024021
19. Ramachandra TV., Bharath H.A., Durgappa D.S. Insights to urban dynamics through landscape spatial pattern analysis // *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation*. 18 (2012).
20. Ramankutty N. and J. A. Estimating historical changes in global land cover: Croplands from 1700 to 1992 // *Global Biogeochem. Cycles*, 13(4), 997 – 1027.
21. Simmons I.G. *Environmental History. A concise introduction*. Oxford: Blackwell. 1993.

УДК 94(47).02

П.В. Лукин¹

Коровья татья в Краткой редакции Правды Русской

Древнерусское право; Правда Русская; история древней Руси.

Статья посвящена сопоставлению статей Краткой и Пространной редакций Правды Русской о краже. Сделан вывод о первичности текста этих статей в Краткой редакции.

В науке утвердилось представление о старшинстве Краткой редакции Правды Русской (далее: КП) по сравнению с Пространной редакцией (далее: ПП). Из этого представления исходил в своих работах, посвященных древнерусскому праву и Л.В. Милов. Недавно, однако, украинский историк А.П. Толочко попытался пересмотреть соотношение КП и ПП [1; 2]. Между тем, в КП имеются явные лучшие чтения по сравнению с ПП, что было уже давно отмечено в литературе [3, с. 197-204]. Такие лучшие чтения А.П. Толочко иногда не объясняет вообще, иногда он трактует их с использованием интерпретаций *ad hoc* – например, объяснение того, что в ПП число «княжих мужей», участвовавших в принятии «Правды Ярославичей», точно соответствует числу князей, и при этом устраняется как минимум один «лишний» персонаж. Иногда же А.П. Толочко истолковывает такие «сложные случаи» *pro domo sua*. Так упоминание в перечне князей в КП Всеволода Ярославича перед Святославом он

¹ Лукин Павел Владимирович, ИРИ РАН (РФ, Москва), к.и.н.; lukinpavel@yandex.ru.

объясняет тем, что для автора XV в. (когда, по мнению А.П. Толочко, была написана КП) это «могло не казаться так существенно», и тот же составитель КП предпринял весьма сложные разыскания, причем не только в летописи, но и в «Чудесах свв. Романа и Давыда», чтобы сконструировать отсутствующего в ПП Микулу Чудина.

Однако еще одно место кажется А.П. Толочко однозначным свидетельством в пользу первичности ПП: «Некоторые чтения Кр[аткой] П[равды] могут быть объяснены как результат ошибочного прочтения Пр[остранной] П[равды] и, таким образом, указывают на направление заимствования текстов. Статья 21 содержит весьма странный термин *коровья татьба*... Прежде всего, выглядит довольно странно, что огнищанин – член княжеского окружения – занимается мелким воровством скота (а таков буквальный смысл). Во-вторых, смущает, что огнищанина можно убить *во пса место*, т.е. не понести никакой ответственности за его убийство (пусть даже и во время неблагоприятных занятий). В-третьих, странно – потому что явно тавтологично – звучит *коровья татьба*, ведь кража «говяда» и есть кража коров». А.П. Толочко поясняет свою мысль: «Можно было бы гадать, не имеет ли статья в виду два различных убийства: огнищанина, защищающего скот, и его пойманного убийцы, собственно вора. Но в том виде, как фраза читается в Кр[аткой] П[равде], в ней отсутствует второй субъект. Ее смысл: если огнищанина застанут за кражей скота и убьют, то не нужно никакого расследования. Впрочем, это спасительное толкование оказывается излишним ввиду смысла статьи Пр[остранной] П[равды], послужившей оригиналом» (имеется в виду 40-я статья ПП) [2, с. 90].

Сравним эти статьи:

КП ст. 21: «Аже убиють огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место».

ПП ст. 40: «**О татбе.** Аже убиють кого у клети или у которое татьбы, то убиють во пса место; аже ли и додержать света, то вести на княжь двор; оже ли оубиють и, а уже будуть людие связана видели, то платити в томь 12 гривен» [4, с. 71, 108].

При сопоставлении этих статей сразу же становится очевидным, что статья КП не могла быть сконструирована на основе 40-й ст. ПП: в КП упомянут огнищанин, которого нет в ПП; речь идет не о татьбе вообще, а перечислены конкретные казусы: кража из помещения («у клети»), конокрадство (кража коня), кража крупного рогатого скота. Уверенность А.П. Толочко в том, что «коровья» в КП возникла из «которая» в ПП «под влиянием предыдущего *говядо*», неосновательна: ведь в ПП никакого «говяда» нет. Откуда в этой статье КП взялся

огнищанин, А.П. Толочко не объясняет. Конь, «говядо» и «коровья татьба» стали, по его мнению, следствием стремления составителя КП «к уточнению оригинала» [2, с. 92-93].

Таким образом, при сравнении этих статей надо рассмотреть две группы фактов: упоминание огнищанина и соотношение татебных казусов. Вторая часть статьи ПП – о наказании вора – не должна приниматься во внимание, так как она читается в 38-й статье КП: «Аще убьют татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то той убит; аще ли до света держать, то вести его на князь двор; а, оже ли убьют, а люди будут видели связан, то платити в немь» [4, с. 72]. Разница тут только в том, что в ПП уточняется размер выплаты, что вполне соответствует ее тенденции.

Большая древность чтения «огнищанина» по сравнению с абстрактным «кого» вполне очевидна. Статья 21 КП находится в ряду статей т.н. «Правды Ярославичей», в которых идет речь о наказаниях за преступления в отношении княжеских людей и конкретно огнищан (ст. 19-21). Все три статьи об огнищанах оформлены совершенно одинаково: «Аще (аже, а иже) убьют огнищанина в обиду (в разбои, у клети и т.д.), то платити за нь 80 гривен убици, а людем не надобе (ст. 19); то вирное платити, в ней же вири голова начнет лежати (ст. 20); то убити в пса место» [4, с. 71]. Во всех трех случаях объектом наказания являются убийца или ответственные за него лица (вервь), а жертвой – огнищанин [5, с. 30; 6, с. 203]. «Буквальному смыслу» текста это понимание не противоречит, с лингвистической точки зрения, оно вполне допустимо. В ПП эта серия статей разбита и видоизменена, в нее вклинились статьи другого происхождения (например, о «поконах вирных»), а конкретная деталь о конюхе Изяслава, убитом дорогобужцами (ст. 23 КП) – опущена как неактуальная. Как уже было отмечено [7, с. 175-195], содержание этих статей и особенно эта последняя деталь достаточно четко указывает на время, когда эти установления могли быть актуальны – 60-70-е гг. XI в., время восстаний и социальной нестабильности.

Мнение о первичности чтения «которая татьба» высказывалось и теми исследователями, которые считали КП более древним памятником, чем ПП, а чтение «коровья татьба» относили к ошибке рукописной традиции КП [см., например: 8, с. 47].

Есть, однако, некоторые основания предполагать, что «коровья татьба» могла быть и первичным чтением.

Если мы обратимся к словарям древнерусского языка и посмотрим, какое значение там присваивается лексеме «говядо», то мы увидим, что в разных словарях она определяется несколько по-разному:

«крупный рогатый скот» [9, с. 344]; «бык» (βοῦς, bos); «рогатый скот» [10, стб. 533-534]; «бык, вол»; «крупный рогатый скот, быки и коровы» (только мн. ч. «говяда») [11, с. 54]. В двух последних словарях в качестве примера значения «бык» приводится в т.ч. «коровья татьба» из КП. Реальность такого значения подтверждается другими примерами. Достаточно характерно упоминание лексемы «говядо» в славянском переводе книге Исход: «Аще срящещи говядо друга» (23, 4) [11, с. 54] (ср. в Острожской Библии: «Ащеже срящещи говядо врага твоего, или ося его блудить зашедьше, обративъ, даси ему»; в Септуагинте: ἐὰν δὲ συναντήσης τῷ βοὶ τοῦ ἐχθροῦ σου ἢ τῷ ὑποζυγίῳ αὐτοῦ πλανωμένοις ἀποστρέψας ἀποδώσεις αὐτῷ; в Синодальном переводе: «Если найдешь вола врага твоего, или осла его заблудившегося, приведи его к нему»). «Говядо» (ὁ βοῦς) здесь – это самец крупного рогатого скота, использовавшийся для работы на поле, бык или вол (кастрированный бык). Корова статьи КП – это самка крупного рогатого скота, использовавшаяся, прежде всего, для производства молока. Речь идет о княжеском хозяйстве во главе с княжескими людьми, пострадавшем в результате восстаний 60-70-х гг. XI в.

Прямые параллели обнаруживаются в европейских варварских правдах. Различие между быком и коровой часто проводилось в варварских правдах. Похожие места в Lex Baiuvariorum (IX. 2), где отдельно говорится о краже быка и коровы: Si bovem domitum vel vaccam mulsam, id est, lactantem, furaverit... [12, s. 368-369] и в Lex Alamannorum (LXVIII, 1-2), который различает быка, «любой крупный рабочий скот», «самую лучшую корову» и «другую похуже» корову: taurus, quaecumque armentum, mellissima vacca, alia sequentiana [vacca] [13, s. 135-136]. Корову от быка отличает и лангобардский Эдикт Ротари (234): Servus massarius habeat de peculio suo, id est bove, vacca, caballo... [14, s. 58]. Самая близкая аналогия – в Lex Salica (III, 3): Si quis bouem aut vaccam furaverit... [15, s. 33]. Англосаксонские законы короля Ине (VII в.) (58-59) отличают даже бычьи (oxan) рога, хвосты и глаза от коровьих (cus) [16, s. 114, 116].

Тщательное различение типов скота и домашних животных характерно и для древнерусского права. В той же КП, в ст. 28 разные наказания назначаются за кражу (или ущерб в отношении) княжеского коня, смердьего коня, кобылы; вола, коровы, третьяка (теленка-трехлетки), лонщины (двухлетки), теленка [4, с. 72]. Гораздо позднее, в Псковской судной грамоте (ст. 112) различаются выплаты за барана и овцу, гусака и гусыню; утку и селезня, курицу и петуха [17, с. 300].

«Коровью татьбу» в КП, таким образом, вполне возможно трактовать не как ошибку, а именно как *lectio difficilior*. Можно теперь

представить, каким образом происходило изменение текстов. Более поздний законодатель переработал статью, состоявшую из отдельных казусов, связанных с бурными событиями 60-70-х гг. XI в., в обобщенную правовую норму и выбросил из нее весь скотный двор. Статья при этом почти полностью поменяла содержание. Если раньше она карала не просто вора, а грабителя и убийцу княжеского человека, то теперь она превратилось в общую норму, направленную на наказание всякого вора, схваченного на месте преступления. При этом естественным образом она была соединена с другой статьей КП, в которой как раз шла речь о порядке наказания татя. Обратное развитие представляется крайне нелогичным, а доводы в его обоснование – искусственными (даже независимо от того, считать ли чтение «коровья татьба» первичным).

1. *Tolochko O.* The Short Redaction of Pravda Ruskaia: A Reconsideration // *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology.* 2007. Vol. 15. No. 1.
2. *Толочко А.* Краткая редакция Правды Руской: Происхождение текста. Київ, 2009 (*Ruthenica. Supplementum.* 2).
3. *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941.
4. *Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова.* М.; Л., 1940. Т. I. Тексты.
5. *Романов Б.А.* Смердий конь и смерд (в Летописи и Русской Правде) // *Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук.* 1908 г. СПб., 1908. Т. XIII. Кн. 3.
6. *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. М., 1993 (1-е издание: СПб., 1909).
7. *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // *Древнерусское государство и его международное значение.* М., 1965.
8. *Goetz L.K.* Das Russische Recht (Русская Правда). Stuttgart, 1911. Bd. II. Die zweite Redaktion des Russisches Rechtes.
9. *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.).* М., 1989. Т. II.
10. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I.
11. *Словарь русского языка XI-XVII вв.* М., 1977. Вып. 4.
12. *Leges nationum Germanicarum.* T. V. P. II. *Lex Baiuvariorum / ed. E. von Schwind.* Hannoverae, 1926 (MGH. Legum Sectio I).
13. *Leges nationum Germanicarum.* T. V. P. I. *Leges Alamannorum.* Ed. altera / ed. K. Lehmann; ed. altera curavit K.A. Eckhardt. Hannoverae, 1966 (MGH. Legum sectio I).
14. *MGH. Legum / ed. G.H. Pertz.* Hannover, 1868. T. IV.
15. *Leges nationum Germanicarum.* T. IV. P. II. *Lex Salica / ed. K.A. Eckhardt.* Hannoverae, 1969 (MGH Legum Sectio I).
16. *Die Gesetze der Angelsachsen / ed. F. Liebermann.* Halle, 1902. Bd. I. Text und Übersetzung.
17. *Памятники русского права / Сост. А.А. Зимин.* М., 1953. Вып. 2.

К вопросу о рецепции византийского права в домонгольской Руси

Древнерусское государство; древнерусское право; византийское право; рецепция византийского права.

Работа посвящена анализу существующих точек зрения по вопросу о рецепции византийского права в домонгольской Руси, и выработке подхода проблеме с учетом состояния источников, методологии исторического исследования.

Обширная рукописная традиция списков византийских правовых памятников, свидетельствующая об их широком бытовании на Руси давно наводила исследователей на мысль о возможной рецепции византийского права. Мнение о рецепции византийского права древнерусским право разделял М.Ф. Владимирский-Буданов, аргументируя его тем, что ряд сборников содержат Русскую Правду и византийские правовые тексты [2, с. 100] При этом ученый отметил, что сфера действия рецептированного права распространялось 1) по характеру дел – на семейные и уголовные отношения, 2) по подсудности – на «людей церковных» [2].

Выражая мнение сходное с позицией, которое позже будет высказано М.Ф. Владимирским-Будановым относительно юрисдикции церковного суда, Н.Л. Дювернуа все же был далек от мнения о рецепции византийского права [6, с. 35-36]. Появление византийских правовых текстов – свидетельство «возникающей потребности изменить основы юридического быта и вовсе не доказывает, чтоб перемена в самом деле произошла» [6, с. 36-38, 41]. Бытование Русской Правды в канонических сборниках показывает лишь то, что «духовенство с самого начала старается влиять на юридическую практику» [5, с. 189-196]. Как отмечал исследователь, «вообще говоря, памятники церковного законодательства не могут служить средством для изучения условий юридического быта столь ранней эпохи. В каком отношении могла стоять законодательная власть к юридической практике? Как могли определиться границы церковной юрисдикции в это время? Вот вопросы, которые для нас также важны, как и для канониста» [5, с. 32].

Все же позиция Н.Л. Дювернуа была не определяющая в дореволюционной историографии. Многие исследователи полагали, что

¹ Петров Константин Васильевич, Российская национальная библиотека (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., к.ю.н.; 1petrov_kv@mail.ru.

влияние сборников византийского права на Русскую Правду несомненно (в статьях Краткой Русской Правды о незаконном пользовании чужим конем, убийстве вора на месте и др.), – так полагал М.А. Дьяконов. При этом историк колебался в своем мнении, поскольку «условия русской жизни были столь существенно различны с византийскими» [4, с. 39.]. Несмотря на то, что, судя по всему, тексты византийского права (номоканоны) появились на Руси в связи с принятием христианства, не очевиден вопрос о том, «в какой мере усвоились эти приникшие к нам юридические сборники» [4]. Тем не менее, М.А. Дьяконов считал, что влияние византийских сборников на право было оказано, поскольку переводчик пытался найти наиболее адекватное правовое понятие современной ему действительности. Во-вторых, телесные наказания норм византийских юридических текстов заменены на денежные взыскания, то есть наиболее приближены к реалиям окружающей действительности [4, с. 39, 49-50].

Наконец, в 1916 г. Е.А. Черноусов, провел изучение текста Русской Правды в сопоставлении с Эклогой, Прохироном, Эпанагогой, Земледельческим законом, и пришел к выводу о том, что «Русская Правда расходясь по принципам, а также в большинстве случаев и по способам взыскания с византийским правом, заимствует у него свою внешнюю форму. Получается такое впечатление, что редактор Русской Правды строил свои статьи по образцу родственных по содержанию статей византийских судебныхников и сборников, заимствуя из них в минимальных размерах» [16, с. 321].

В советское и постсоветское время существенный вклад в разработку проблемы рецепции византийского права внесли работы Л.В. Милова. Ученый показал, что перевод Эклоги в редакции Мерила Праведного был сделан на Руси при Владимире после крещения. При этом перевод готовился таким образом, чтобы нормы могли быть применены в условиях Руси X в.: «наиболее актуальные для древнерусского общества юридические разделы византийского права не только не подвергались обобщениям и укрупнениям параграфов, а, наоборот, каждая статья таких разделов выделялась своим, особым заголовком» [8, с. 130]. Тогда же была предпринята попытка введения в действие норм Эклоги, от которой пришлось отказаться по финансовым причинам спустя менее чем через десять лет (в ПВЛ под 996 годом) [8, с. 127-129, 138]. В последующем, как писал, Л.В. Милов, «отвергнутый византийский свод послужил основой для разработки местными юристами своих законов с применением уже местных, традиционных наказаний («Закона Русского») [8, с. 147]. Более того, «тематика установлений Эклоги была в существенной мере использо-

вана древнерусскими юристами при создании Древнейшей Правды» (т.е. Правды Ярослава) [8, с. 147, 148], а в дальнейшем – Пространной Русской Правды [9, с. 172]. В целом, как отметил Л.В. Милов, «восприятие греко-римских норм права совершалось более гибко и осторожно. Лишь с началом эпохи единого Русского государства процесс рецепции византийского права стал заметно более активным» [10, с. 327].

Я.Н. Щапов принял позицию Л.В. Милова о времени и месте создания древнерусского перевода Эклоги, указав, что в XII – первой половине XIII в. на Руси была подготовлена сокращенная редакция перевода Эклоги (оставлено 29 глав из 149) в качестве возможного дополнения к Пространной Русской Правде. В целом историк более осторожен в отношении роли византийского права на Руси. Он полагает, что «римское право в византийской обработке было вспомогательной системой права на Руси» [19, с. 215]. Практическому использованию византийских правовых текстов, переведенных на Руси (например, Кормчей книги) различия в общественном и государственном строе Византии и Руси [17, с. 236]. Именно это было препятствием для широкого употребления сборников византийского права [17, с. 237].

Я.Н. Щапов обратил внимание на высказанные в дореволюционных исследованиях проблему общей и церковной юрисдикции и пришел к выводу о «противоречии в ведомственной принадлежности споров» разных судебных властей [18, с. 177]. Что касается светского права, то следов применения римского права в XI-XV вв. заметить не удастся [19, с. 219]. Таким образом, как пишет Я.Н. Щапов, в домонгольское время на Руси функционировали несколько систем права: обычное и княжеское право – в рамках светской юрисдикции, а также каноническое (церковное) и римское право – в рамках церковной юрисдикции [17, с. 236-237].

В последнее время проблема рецепции византийского права на Руси в значительной степени актуализировалась среди юристов. При этом большая часть исследователей, не опровергая аргументы противников, утверждают о рецепции византийского права как аксиоме [3, с. 63-66].

Более осторожна в своих выводах В.В. Чемеринская; она пишет о «формальном влиянии» византийских текстов на Краткую Русскую Правду и значительно большим – на Пространную [15, с. 8]. Мнение Я.Н. Щапова о роли церковной и светской юрисдикции в домонгольское время разделяет и развивает И.Н. Фалалеева [14, с. 57-60].

Наконец, с возражениями относительно рецепции византийского права выступил В.А. Томсинов, отметивший, что «степень влияния правового наследия Византии на древнерусскую юриспруденцию была весьма ограниченной». Более того, как показал исследователь на примере европейского правового развития, так называемой «рецепции римского права в Европе» способствовали две традиции (вида рецепции): вульгарная (народная) и схоластическая (университетская) [12, с. 8].

Практически все исследования, посвященные проблеме рецепции византийского права обходят стороной вопрос о самом понятии «рецепции права». С точки зрения теории права, Е.Ю. Курышев определяет рецепцию как «инокультурное воздействие на правовую систему». К видам рецепции исследователь относит: 1) полная системная (тотальная) рецепция, 2) частичная юридическая аккумуляция, то есть заимствование отдельных норм, институтов, которое «не влечет за собой нарушение системности и культурной идентичности национального права», 3) естественную (стихийную), 4) принудительную [7, с. 7, 15]. При этом элементами механизма рецепции – «системы юридических средств, с помощью которой осуществляется инокультурное воздействие на правовую систему», являются: 1) субъекты рецепции, 2) объекты (источники права, образовательные программы, юридическая доктрина, программы реформ и т.п.), 3) процессы правотворчества, правоприменения, 4) формирования правосознания в части передачи новой информации [7, с. 8].

Представляется, что с учетом высказанных теоретических положений о рецепции права, справедливо мнение В.А. Томсинова о том, что рецепция определяется и доказывается не существованием правовых текстов, а «в большей мере ... условиями экономического, политического и культурного развития Древней Руси, особенностями общественного сознания русского народа». С учетом этих факторов, «византийскому правовому наследию отводилось в древнерусском обществе более идеологическое значение, нежели регулятора общественных отношений» [13, с. 3-26]. С этой точки зрения интерес представляет позиция Я.Н. Щапова о разном значении древнерусских правовых текстов для церковной и светской юрисдикции.

Уже давно является очевидным, что «сходство юридических институтов находит свое объяснение в одинаковых условиях быта». С другой стороны, является ли перевод, совпадающий терминологически со сходными нормами Русской Правды свидетельством рецепции. Было бы странным, если бы переводчик переводил

правовые термины иначе, нежели это было принято в Древней Руси – в этом смысл работы переводчика.

С другой стороны, использование в рамках церковной юрисдикции византийских правовых текстов также остается лишь предположением.

При исследовании этого вопроса следует учесть, что значение церковной организации все же в домонгольскую эпоху не было столь всеобъемлющим, нежели, например, в XV-XVI вв. Вопрошание Кириково – яркий памятник того, что соблюдение церковных обрядов зачастую является проблемой не догматической, а сугубо экономической. Более того, отсутствие единообразия в обрядах в значительной мере, еще со времен Е.Е. Голубинского, объясняется уступками, на которые шла церковь в обществе, насыщенной языческим мировоззрением. Эти уступки, позднее, в XVI-XVII вв. – в эпоху «строгого православия» – станут уже невозможны.

Еще один аспект проблемы связан с тотальной христианской идеологией всей книжной культуры. Можно сказать, что все сохранившиеся тексты (за исключением берестяных грамот) – это тексты христианской культурной традиции [См.: 1].

Наконец, немаловажным обстоятельством является весьма ограниченные возможности для принуждения к исполнению правовых предписаний в домонгольскую эпоху. Это связано с незначительным населением, огромными расстояниями, отсутствием по существу системы органов власти [См.: 11, с. 81-102]. С этой точки зрения навязать обществу нормы, которые не знакомы и чужды обществу возможно только теоретически.

Представляется, что византийские правовые тексты, с одной стороны, в большей мере носили характер определенного эталона, образца, к которому нужно было бы стремиться. С другой стороны, наличие в древнерусских юридических сборниках, наряду с византийскими правовыми текстами, текстов Русской Правды означает, что все они использовались субсидиарно, помогая судьям преодолевать пробелы в действующем праве, применяя нормы в случае их соответствия принципу справедливости.

1. Буланин Д.М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков. Заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950-1300 гг.)». СПб., 2009.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 3-е изд. Киев, 1900.

3. *Георгиевский Э.В.* Уголовно-правовая юрисдикция Русской православной церкви. Иркутск, 2007.
4. *Дьяконов М.А.* Власть московских государей. Очерк из истории политических идей древней Руси до конца XVI в. 2-е изд. СПб., 1909.
5. *Дювернуа Н.Л.* Чтения по гражданскому праву. Т. 1. 4-е изд. СПб., 1902. Вып. 1.
6. *Дювернуа Н.Л.* Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869.
7. *Курьшев Е.Ю.* Рецепция в российском праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
8. *Милов Л.В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правда Ярослава) // *Милов Л.В.* Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009.
9. *Милов Л.В.* Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) // *Милов Л.В.* Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009.
10. *Милов Л.В.* Проблемы рецепции византийского права в Древней Руси // *Милов Л.В.* Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009.
11. *Петров К.В.* Подлинное и мнимое: проблемы реконструкции прошлого в исторических исследованиях // Русское средневековье. Сборник статей в честь Ю.Г. Алексева. М., 2011.
12. *Томсинов В.А.* О сущности явления, называемого рецепцией римского права (нач.) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1998. № 4.
13. *Томсинов В.А.* Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. № 4.
14. *Фалалеева И.Н.* Политико-правовая система Древней Руси IX – XI вв. Волгоград, 2003.
15. *Чемеринская В.В.* Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство X – XVII вв.: Опыт сравнительного анализа: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
16. *Черноусов Е.А.* К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское // Византийское обозрение, издаваемое при историко-филологическом факультете Юрьевского университета. 1916. Т. 2. Вып. 2.
17. *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI – XIII вв. /Отв.ред. Л.В. Черепнин. М., 1978.
18. *Щапов Я.Н.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII-XIV вв. // *Щапов Я.Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археологии. М., 2004.
19. *Щапов Я.Н.* Римское право на Руси до XVI в. (Новые аспекты проблемы) // Феодализм в России. Сб. ст., посвящ. памяти Л.В. Черепнина. М., 1987.

Обеспечение материального содержания внебрачных детей согласно памятникам древнерусского права

Древнерусское право; внебрачные дети; материальное обеспечение.

В статье рассматривается формирование понятия «незаконорожденный ребенок» в памятниках древнерусского права, показано какое влияние в данном вопросе на светское законодательство оказало церковное право.

Репродуктивная функция является врожденным инстинктом у всех живых существ. Род человеческий не представляет собой исключения в среде животного мира. Поэтому рождение детей это естественный процесс. Другое дело, что в социуме появление от связи мужчины и женщины ребенка не просто биологическое, но и, в определенной степени, социальное явление.

В языческие времена, до становления на Руси писаного права семейные узы между супругами, а также отношение родителей к детям строились на основе обычаев, которые тогда были основными нормативными регуляторами. При этом не делалось различия между детьми, рожденными в оформленном публично брачном сожитии, и теми, кто появился вне него. Фактическое включение в состав семьи, проживание в ней, участие в совместном труде делало прижитого на стороне ребенка полноправным членом микросоциума.

Ситуация кардинально изменилась с образованием Древнерусского государства и принятия христианства в качестве официальной религии. Благодаря целенаправленной деятельности православного духовенства в качестве юридически признаваемого утверждался церковный брак, который выступал отныне главной формой заключения семейного союза. Создаваемую посредством его семью деятели церкви рассматривали не только в качестве основной ячейки общества, но также воспринимали подобием своего рода образа сакрального союза Христа с Церковью. Поэтому любые сексуальные связи вне брака категорически осуждались. Тем более это касалось рожденных в результате таких связей детей, которых православные иереи именовали с амвона «блудным плодом». Согласно каноническому праву подобный грех рассматривался как преступление, которое следовало искупить. Церковный устав кн. Ярослава Мудрого (ст. 5-6)

¹ Алексеев Виктор Владимирович, МГУ имени М.В.Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; morehod800@mail.ru.

в случае рождения внебрачного ребенка предусматривал для женщины заключение в «доме церковном», т.е. особом монастырском учреждении для отбывания церковного наказания [2, с. 168].

С точки зрения церковных канонов действительными считались только два последующих друг за другом брака. А вот третья и последующие жены, равно как и их дети согласно каноническому праву, заимствованному из Византии, уже считались незаконными и потому не наделялись гражданской правосубъектностью. Фактически Русская православная церковь стремилась монополизировать контроль над семейной и сексуальной сферами жизни людей. В результате христианская религиозная мораль привела к формированию представления о незаконнорожденном ребенке, т.е. таком, который был рожден женщиной и женщиной вне брака или в браке, признанным незаконным с точки зрения церковных установлений. Недаром миряне клеймили подобных детей разнообразными, часто обидными, кличками: гулевой, зазорный, байстрюк, приبلудный, подтынник, крапивник, выблядок, выпороток, заугольник и пр. Таким образом, незаконное рождение рассматривалось как позор, а связь, в результате которой появлялся незаконный ребенок, беспутной. С первого же дня своего существования такой младенец фактически был отмечен как изгой, недостойный нормального с ним обращения. Рожденный в результате осуждаемой социумом связи ребенок стоял фактически вне семьи или рода, а потому не воспринимался как полноценный человек. Отторжение социумом для незаконнорожденного младенца было чревато смертельной опасностью, поскольку нередко от него стремились избавиться всевозможными способами, вплоть до смертоубийства.

Русская православная церковь не могла закрывать глаза на данный вид преступлений, поскольку нарушалась одна из важнейших христианских заповедей: «не убий». Кроме того человеческая природа частенько брала верх и люди спорадически продолжали сходиться для сожителства без церковного венчального обряда, несмотря на явное нарушение канонических правил. Поэтому Церковь вынуждена была идти на определенные уступки и послабления. Хорошо известный на Руси византийский юридический сборник Номоканон ради «пресечения соблазна и уврачевания зла» предусматривал легитимацию внебрачных детей через последующий брак их родителей [4, с. 360]. Данная процедура получила название «привенчивания». В другом случае узаконить внебрачного ребенка удавалось через специальный церковный обряд «сынотворения». Правда, он не распространялся на собственных единокровных детей, а применялся в отношении чужих, приемных со стороны. В результате обряда «сынотворения» возникал

специфический союз названных родителей с лицами, не связанными друг с другом естественным фактом рождения.

Светское законодательство этого периода было гораздо мягче в рассматриваемом вопросе. Приходилось считаться с тем, что: «Существование холопства и других форм личной зависимости способствовало возникновению интимных связей феодала с принадлежащими ему женщинами-рабынями» [2, с. 118]. Тем не менее, ст. 98 Пространная редакция Русской правды проводит различие между детьми от свободной женщины и от рабыни. Закон определенно постановляет, что последние не могут участвовать в наследстве имущества по смерти отца, им вместе с матерью-наложницей предоставляется только личная свобода [2, с. 71].

Впрочем, дополнительные статьи Новгородского устава великого князя Всеволода, представляющий собой памятник XIII-XIV вв., предусматривали возможность предоставления незаконным детям при их освобождении некоего «наделка», который состоял из движимых вещей. Это давало возможность зажиточному человеку оставить небольшую часть наследства своим детям от третьей и четвертой жены, не включая их при этом в число основных наследников. Небогатый же человек мог незаконному сыну передать некоторые материальные ценности в размере доли сына рабыни-наложницы, а именно – коня и боевое снаряжение, а также имущество, необходимое для службы, в зависимости от общего размера наследства [2, с. 252-253]. Но, по видимому, эти правовые нормы имели сугубо региональный характер и не применялись широко. По мнению В.А. Рогова, к моменту появления Судебника 1550 г., внебрачные дети не имели никаких прав на наследство именно на основании отвержения их в качестве плода «блуда» [1, с. 208].

С возникновением централизованного государства правительство начало более строго юридически разграничивать статус законных и незаконнорожденных детей. Правовые последствия по-прежнему имел только церковный брак, хотя акценты несколько меняются, исходя уже не столько из религиозных воззрений, сколько учитывая государственный и общественный интерес. Закрепляется, что незаконными являлись дети, рожденные не от официальной, венчанной жены, даже если отец женился впоследствии на матери ребенка и признавал прижитого вне брака ребенка за своего. Статья 280 главы X Соборного уложения 1649 г. гласила: «А будет тот, кто того выблядка у наложницы прижил, на той наложнице и женится, и ему того выблядка в законные дети не причитати же, и поместий его и вотчин тому его выблядку не давати потому, что он того выблядка прижил у

наложницы своей незаконно до женитвы» [3, с. 150]. Точно так же обстоит дело с потомством от четвертой жены. Указанные категории детей не могли никоим образом усыновляться и ни при каких обстоятельствах не приравнивались в своих имущественных и личных правах к законным детям. Прежде всего незаконнорожденные устраняются полностью от наследования отцовских поместий и вотчин. Вероятно, это было обусловлено тем, что назначение на государеву службу приобрело родовой характер и определялось местническими порядками. Внебрачнорожденный же находился вне семьи и рода, потому не считался полноценным человеком. Это явствует из того, что само название кого-либо незаконнорожденным считалось позорным. В случае такого оскорбления была предусмотрена возможность «государю челом будут бить о бесчестьи». Если же судебное расследование приходило к выводу, что такое обвинение ложно, то обидчик должен был уплатить компенсацию за «бесчестье вдвое безо всякия пощады» [3, с. 149-150]. Вместе с тем за убийство внебрачного ребенка полагалась смертная казнь, тогда как лишение жизни законного дитя влекло за собой только тюремное заключение сроком на год и церковное покаяние [3, с. 248, 250-251]. Скорее всего, карая за «погубление» внебрачных детей, законодатель не столько был озабочен их участью, сколько исходил из принципа общей превенции². В статье 26 главы XXII Соборного уложения об этом заявляется недвусмысленно: «...казнити смертию безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова незаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» [3, с. 250-251].

Впрочем, Соборное уложение оставляло открытым вопрос о возможности участия незаконнорожденных в наследовании движимого имущества отца и о наследовании после смерти своей матери. Возможно что, в каждом отдельно взятом, конкретном случае это разрешалось преимущественно на основе обычного права. Получается, что в правовом плане речь шла о материальном обеспечении незаконнорожденных детей только после смерти родителей, но никак не упоминалась необходимость содержания первых в младенчестве и малолетнем возрасте.

Таким образом, согласно законодательству Древней Руси полноценные юридические последствия имел только оформленный посредством обряда венчания в церкви брак. Стремление утвердить «святость брака» определяло ущемленный правовой статус рожденных вне

² В уголовном праве это означает нацеленность на предупреждение новых преступлений за счет применения жестоких наказаний, с тем, чтобы страх удерживал от свершения запретных действий.

брака детей и консервировало его в течение длительного времени. Вместе с тем юридические положения статьи 280 X главы Соборного уложения стали основополагающими для русского семейного права. В дальнейшем они, сохраняя свой сущностный смысл и, подвергаясь преимущественно редакционным переформулировкам, воспроизводились в более поздних нормативно-законодательных актах Российской империи вплоть до начала XX в.

1. *Рогов В.А.* История государства и права России IX – начала XX веков. М., 1995.
2. Российское законодательство X-XX веков. М., 1984. Т. 1.
3. Российское законодательство X-XX веков. М., 1985. Т. 3.
4. *Цытин В.А.* Церковное право. 2-е изд. М., 1996

УДК 94(47).027

И.Г. Пономарева¹

Об обряде инвеституры в Древней Руси

Инвеститура; обряды и ритуалы вассалитета; символика вассалитета.

На Руси, как и в Западной Европе, князь-сюзерен вводил князя-вассала во владение землей специальным обрядом. Русские источники сообщают об использовании при инвеституре в качестве символических предметов меча и креста.

«Инвеститура» (лат. «investitura» от «investire» – облачать, облекать) – формальный юридический акт введения во владение имуществом или должностью в средневековой Западной Европе. Западноевропейскими историками выявлено более сотни предметов, передаваемых сеньором вассалу во время соответствующего обряда, что являлось своеобразной формой репрезентации права на бенефиций и его легитимации [1]. Служебные отношения на Руси в среде господствующего класса, в целом, характеризуются как вассальные, что предполагает инвеституру. В условиях отсутствия документирования пожалований на раннем этапе развития сюзеренитета-вассалитета она должна была осуществляться публично: оглаской или в более развитой форме – в рамках ритуализированной процедуры (на Западе, как правило, при заключении вассального договора). А.В. Арциховский, основываясь на миниатюрах Радзивиловской летописи, пришел

¹ Пономарева Ирина Гавриловна, Московский государственный лингвистический университет (РФ, Москва); к.и.н.; vasiliiy_ii@mail.ru.

к заключению, что на Руси обряд инвеституры (есть только свидетельства, касающиеся князей) имел место и неизменно проводился мечом [2, с. 34]. В статье за 6714 г. в Лаврентьевской летописи размещено уникальное известие об инвеституре, свидетельствующее о том, что в ритуале наряду с мечом использовался крест. Там же разъяснена их ритуальная символика.

Направляя сына Константина 1 марта 1205 г. на княжение в Новгород, владимирский великий князь Всеволод Юрьевич вручил ему крест и меч, сопроводив этот акт речью: «Си (крест) ти буди схранник и помощник, а меч прещенье и опасенье. Иже ныне даю ти пасти люди своя от противных» [4, стб. 421–422]². Из приведенных слов, предназначение креста понятно. С мечом дело обстоит сложнее из-за многозначности использованных слов. «Прещенье» – угроза; приказ; запрет; наказание. «Опасенье» – боязнь, страх; осторожность; внимание; охрана, оберегание; гарантия, обеспечение чего-либо [7, с. 7; 8, с. 85–86]. В средневековой Европе меч символизировал право принуждения, карающую и дисциплинирующую функцию власти [1, с. 495–496], можно думать, что такой же смысл имело в речи князя слово «*прещенье*». Судя по заключительной фразе, слово «*опасенье*», вероятно, было призвано выразить охранно-защитную функцию княжеской власти по отношению к населению.

Изображения на миниатюрах показывают, что при инвеституре передающий держал меч за клинок, эфесом вверх. Очевидно, тем самым подчеркивалось его сходство с крестом. Западный материал помогает в некоторой степени уяснить смысл обращения к этому образу. Меч был одним из ритуальных предметов при посвящении в рыцари. Посвящавший ударял им по плечу кандидата, а восприемник объяснял его символику. Отмечая сходство меча с крестом, он говорил о том, что подобно Христу, побеждавшему грех и смерть на Кресте, рыцарь должен был побеждать им врагов. Следует отметить, что меч выступал также символом правосудия [6, с. 58], скорее сам по себе, нежели в связи с образом Креста.

Обращение к мечу как к предмету, избранному для инвеституры имеет объяснение. Человек, принятый в войско конунга, мог впервые вступить на военное поприще, поэтому одной из первых обязанностей сеньора было обеспечение его оружием [3, с. 20]. Истоки и символика древнерусской княжеской инвеституры также выводятся из военной сферы, в частности, в ней отражено завоевательное начало власти. На

² Вышедшие из употребления буквы заменены современными, обозначающими тот же звук, выносные буквы внесены в строку без выделений, твердый и мягкие знаки поставлены по правилам современного правописания.

миниатюрах, изображающих сдачу города, показана передача меча. Он опущен вниз, или поднят вверх эфесом как при инвеституре, видимо, в зависимости от того, что хотел передать изограф – подчеркнуть поражение осажденных или утверждение власти князя [5, л. 101 об. – нижняя миниатюра; 120 об. – верхняя миниатюра; 2, с. 34].

Миниатюры показывают преобладающим обрядовым предметом инвеституры на Руси меч, что, очевидно, соответствовало реалиям. Это явление может быть объяснено исторически. Господствующая верхушка в ранний период формирования древнерусской государственности была представлена князьями-конунгами и варяжской дружиной. В этой среде главные ценностные ориентиры были связаны с воинской практикой. Под влиянием христианизации в обряде стал использоваться и крест. За отсутствием источников трудно сказать, всегда ли в сочетании с мечом. Со временем, можно думать, крест был заменен церковным благословением, ставшим в конечном итоге частью церемонии вокняжения.

1. Арнаутова Ю.Е. Инвеститура // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22.
2. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
3. Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994.
4. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 4-е изд. М., 1997. Т. 1.
5. Радзивилловская летопись. СПб.; М., 1994. Т. 1.
6. Руа Ж.Ж. История рыцарства. М., 1996.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19. М., 1994.

УДК 94(47).01-03

П.С. Стефанович¹

Об эволюции древнерусского полюдья

История; Древняя Русь; налоги; управление.

В статье обобщаются данные о древнерусском полюдье – от древнейших IX–X вв. до последних упоминаний в грамотах Великого княжества Литовского начала XVI в. Автор приходит к выводу, что полюдье претерпело сложную эволюцию: первоначально, на до- или пред-государственном этапе, это были добровольные дары и приношения населения князю, объезжавшему ту или иную область («племя»), затем они совместились с обязательной данью, и

¹ Стефанович Петр Сергеевич, ИРИ РАН (РФ, Москва), к.и.н.; petr.stefanovich@mail.ru.

полюдье превратилось в многофункциональный институт (X–XI вв., местами XII в.), а начиная с XII в. полюдье превращается в один определенный налог.

1. О древнерусском полюдье много писали и спорили, и изучение этого любопытного явления архаического общества принесло несомненные результаты. Такие известные свидетельства о полюдье, как рассказ Константина Багрянородного в трактате «*De administrando imperio*» (гл. 9) и летописная повесть о гибели Игоря у древлян, были дополнены упоминаниями полюдья в позднейших источниках, а также сопоставлены с сообщениями арабских писателей X – середины XI в. Но обобщения и согласования всех этих данных не производилось, и в литературе до сих пор можно встретить разного рода суждения о полюдье, происходящие отчасти из старых, уже пересмотренных работ, отчасти из новых, но мало обоснованных догадок. В настоящем докладе предпринимается попытка дать непротиворечивую картину эволюции этого института.

2. В литературе есть устойчивая тенденция различать полюдье и дань как разные явления в том или ином смысле. Основание к такому разделению дают упоминания полюдья и дани в грамотах XII – начала XVI в. как разных сборов.

Так, В.И. Сергеевич считал, что дань как определенный всеобщий обязательный налог появилась на Руси только с установлением монгольского владычества, а в источниках домонгольского времени слово *дань* употреблялось только в широком («родовом») смысле всех вообще поступлений в княжескую казну (древние дани с покоренных племен он не считал, полагая, что они исчезли со складыванием единого государства Руси). Полюдье же, по его мнению, представляло собой некие добровольные подношения (дары) и исчезло с введением дани монголами [9, с. 166-168]. Такая схема не может быть принята, потому что, во-первых, полюдье упоминается вплоть до начала XVI в., а во-вторых, дань как особый налог все-таки существовала и в домонгольское время.

М.Д. Приселков считал, что полюдье было системой содержания наемников киевского князя, а собственно дань шла в пользу киевского князя [7, с. 235-236]. И.Я. Фроянов развивает целую теорию, согласно которой дань налагалась как «внешний побор» в результате завоевания и потом собиралась с рабов и полусвободных (преимущественно «чужаков»), а полюдье было «ритуальным» объездом, во время которого князь общался со свободными «людьми» и получал от них добровольные дары, и имело, главным образом, «религиозно-коммуникативное» значение [10, с. 376-391, 448-484]. Эти суждения, а в

особенности теория Фроянова, представляются умозрительными и малообоснованными, но последовательной их критики в литературе не было, и проблема соотношения дани и полюдья остается и требует прояснения.

3. На мой взгляд, решение этой проблемы возможно, если, с одной стороны, допустить, что полюдье не было неизменным институтом, но переживало со временем трансформацию, а с другой стороны, оставить излишние ригоризм и требовательность при обращении с древней терминологией.

Сергеевич справедливо указывал, что слово *дань* могло употребляться по-разному: и в более узком, и в широком значении – как один налог и как вообще все сборы, поступавшие в княжескую казну. Но он не обратил внимание на то, что таким же образом могло употребляться и слово *полюдье*.

Так, в грамоте князя Мстислава новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. на волость Буйцы и в уставной грамоте Ростислава Смоленской епископии 1136 г. *полюдье* обозначает один конкретный налог. В грамоте Мстислава сказано, что помимо «даней», вир, продаж с этой волости, а также других пожалований, монастырь получает «осеньнее полюдие даровьное полътретиядесяте гривнь» [1, с. 140-141]. Но в летописных упоминаниях, относящихся к XII – началу XIII в., то есть приблизительно той же эпохе, оно выступает явно в более широком смысле. Эти упоминания однотипны: говорится, что князь в тот или иной момент, во время тех или иных описываемых в летописи событий, находился где-то «в полюдии», где доступ к нему был затруднен. По прямому смыслу и контексту этих сообщений очевидно, что под полюдьем имелся в виду не налог, а поездка князя по подчиненной ему территории, имевшая самые разные цели (так, Юрий Долгорукий, будучи в 1154 г. в полюдье, заложил город Дмитров). Н.М. Карамзин, впервые отметивший эти известия, совершенно верно оценил упомянутое в них полюдье как «*объезд Княжеский*, то есть когда Государь для суда, расправы и собрания даров ездил *по людям* или областям своего Княжения» [3, с. 550].

Карамзин также сопоставлял эти летописные известия с рассказом Константина Багрянородного и летописной повестью об Игоре, считая, что все эти данные описывают одно явление. Константин, приводя само славянское слово «полюдие» и переводя его как «кружение», писал, что «росы» во главе со своими «архонтами» обходят подчиненные «славинии» с ноября по апрель, «кормясь там в течение всей зимы» [4, с. 50-51]. В летописи явно имеется в виду такой же осенне-зимний объезд «росов» во главе с их «архонтом» (киевским

князем Игорем) подчиненной им «славинии» (древлян). Об этом в литературе много писалось, в том числе в недавнее время [например: 8, с. 164-172].

Те расхождения, которые как будто есть в рассказах императора и летописи, не могут служить основанием в пользу тезиса о принципиальном отличии дани и полюдья. Расхождений два: 1) Константин говорит о «прокормлении» как цели объездов, а летопись говорит о сборе дани, 2) в летописи не используется слово полюдье, а о поездке Игоря говорится выражением «ходить в дани». Эти расхождения вполне объяснимы. Рассказ Константина не ставил целью дать описание налоговой системы Руси, и о поездках архонтов руси по славянским «пактиотам» говорилось под рубрикой «Зимний и суровый образ жизни росов». Мы не знаем, что именно рассказывал о полюдье тот человек, чей рассказ был вставлен в трактат императора, но вполне естественно, что греков должен был поразить, прежде всего, сам способ жизнеобеспечения и времяпрепровождения руси, а детали – что там происходило в этих поездках, помимо «кормления», – были уж не так важны. В летописи же акцент делается именно на вопросе о данническом подчинении тех или иных народов «руським князьям», и сам рассказ о походе Игоря к древлянам начинается как раз с сообщения о выделении Игорем права сбора дани с древлян Свенельду (по более ранней и исправной версии Новгородской 1-й летописи младшего извода, отражающей «Начальный Свод»).

Таким образом, и в летописном рассказе об Игоре, и в сообщении Константина речь шла об одном институте полюдья, который соединял в себе и прокормление, и сбор дани, а вероятно, и другие действия (суд и пр.). Об этом полюдье говорят и летописные известия XII – начала XIII в. Полюдье как налог, о котором говорят иммунитетные грамоты XII-го и последующих веков – явление, очевидно, вторичное, развившееся из этого «синтетического» и «полифункционального» института в условиях, когда князья сами уже не объезжали подчиненные территории, но сохраняли право на сборы, предполагавшиеся во время этих объездов. Происходит как бы отчуждение этого права от фигуры князя. Непременной частью этих полюдий-объездов было угощение-кормление, и либо право кормиться, либо те средства, которые должны были идти на эту цель, князья стали передавать покровительствуемым учреждениям или своим агентам на местах, называя это право сбора или сам сбор тем же словом *полюдье*. Это полюдье упоминается в грамотах как корм или сбор отдельный от собственно дани (что бы именно не подразумевалось под ней в том или ином случае и в том или ином регионе в XII–XVI вв.). В русских

землях Литвы этот корм/сбор входил в наместничьи доходы, а в пользу господаря шли другие налоги. И в Литве [см.: 2, с. 132], и в Северо-Восточной Руси [см.: 5] это полюдье либо отождествляется, либо тесно связано с «подъездом», «въездом» или «объездом» (причем именно в осеннее время). Оно не имело одной общепринятой формы, а подразумевало разного рода локально обусловленные выдачи или выплаты – иногда деньгами, иногда мехом, но чаще всего медом или другими натуралиями. Это связано, очевидно, с тем, что изначально речь шла именно о продуктах, которыми надо было кормить князя (или его представителя) во время его объезда подчиненной территории, но просто со временем этот сбор коммутировался в меха или деньги.

4. Примечательным, но недостаточно оцененным в литературе фактом является то, что полюдье-налог не только всегда отличается от дани, но и нередко обозначается в этих грамотах также (синонимически) как «дар», «даровное», «подарки» и т. п. (ср. выше в грамоте Мстислава). Это обстоятельство ясно говорит о сущности самого института полюдья и позволяет, на мой взгляд, понять его происхождение. Устойчивое (и сохранявшееся на протяжении столетий) именование корма или сбора, заменяющего корм, как *дар* указывает на то, что в обществе эти приношения осознавались как добровольные и связанные с некоей взаимностью в отношениях населения и правителя. Такие представления надо возводить к очень древним временам, и совсем не случайно, что их существование подтверждают древнейшие данные о полюдье – сообщения арабских писателей.

В сочинениях Ибн Русте и Гардизи, восходящих, видимо, к географическому трактату Ибн Хордадбеха и, вероятно, другим трудам арабских писателей IX в., есть отрывочные данные о славянах и руси, которые А.П. Новосельцев интерпретирует как свидетельства о полюдье. У Ибн Русте сохранился фрагмент, повествующий о славянах: «Царь (славян – П.С.) ежегодно объезжает их, и если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год...» У Гардизи рассказывается о руси, среди прочего, следующее: «Всегда 100–200 из них (руси – П.С.) ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся» [6, с. 295, 305].

Ввиду отождествления полюдья и дара надо отметить указание Ибн Русте, что смыслом объезда славянского «царя» был сбор «платьев». В арабском источнике стоит слово *хал'ат*, что, согласно Новосельцеву, значило на арабском не только «платье», но и «дар, подно-

шение». Вполне вероятно, что это арабское слово в данном случае употреблено сознательно двусмысленно – и в смысле дара, и как обозначение платья или одежды (а у славян известен обычай использовать куски ткани как средство платежа и обмена).

У Ибн Русте, таким образом, речь идет скорее о добровольных дарах, а у Гардизи уже явно о вынужденных сборах. Это различие помогает представить трансформацию полюдья. Некий «первоначальный» обычай у славянских «племен» был, когда правитель или глава «племени» (князь или кто бы то ни был) объезжал население и собирал подати в той или иной зависимости от размера или даже, точнее, увеличения семьи и рода – это и было полюдье. Этот порядок надо поставить в связь с архаическим представлением об ответственности главы (правителя) той или иной общности за плодородие и мир в этой общности. Правитель был обязан поддерживать благоденствие среди населения, признающего его власть, а оно «кормило» его [см.: 11, с. 401 и след., 438; 12]. Собираемые подати были не слишком обременительными (отрезы ткани), но главное, мыслились как добровольные дары. Когда и при каких обстоятельствах возникает обязанность давать еще дополнительно и дань, нам неизвестно, но вероятно, она появляется в результате давления некоей внешней силы (будь то хазары, русь или кто-то еще), и этот момент и фиксирует Гардизи. Сбор этой дани приурочивается к уже существующему порядку объезда с угощением и сбором подарков, и таким образом, хотя сборы становятся обязательно-принудительными, но некоторый «антураж» добровольности остается. Так полюдье становится «полифункциональным» институтом, который местами доживает до XII в. Но уже в это время этот институт разлагается, и словом *полюдье*, как говорилось выше, начинают обозначать только один определенный сбор, о котором нам известно из иммунитетных грамот XII – начала XVI в.

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанев, Г.Е. Кочин, Р.Б. Мюллер и Е.А. Рыдзевская. Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
2. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ, 1994. Т. V.
3. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Том II–III. М., 1991.
4. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.
5. *Назаров В.Д.* Полюдье и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актов источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988. Ч. I.

6. *Новосельцев А.П.* Арабские источники об общественном строе восточных славян IX в. – первой половины X в. (полюдь) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1998. М., 2000.
7. *Приселков М.Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 73 (1940). Серия исторических наук, вып. 8. Л., 1941.
8. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
9. *Сергеевич В.И.* Древности русского права. М., 2007. Т. 3.
10. *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996.
11. *Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.
12. *Třeštík D.* Počátky přemyslovské státnosti mezi křesťanstvím a pohanstvím // Stát, státnost a rituály přemyslovského věku. Problémy, názory, otázky. Sborník příspěvků z konference konané dne 18. října 2005 v Brně, ed. Martin Wihoda, Demeter Malat'ák. Brno, 2006.

УДК 94(47).02:354+930

С.Н. Темушев¹

К вопросу о причинах политической раздробленности Древней Руси

Политическая раздробленность; земля; волость; налогово-данническая система; князь; посадник.

В работе анализируется проблема определения причин политической раздробленности Древнерусского государства. Сама раздробленность рассматривается как этап в развитии налогово-даннической системы. Основной причиной раздробленности называется стремление к перераспределению налогов-дани в свою пользу представителями княжеской семьи.

К числу проблем древнерусской истории, которые требуют переосмысления на современном уровне развития исторической науки, относится определение причин политической раздробленности. Решение данной проблемы необходимо отнести к числу приоритетных в исследовании Средневековой Руси [14, с. 173]. В политической раздробленности нашли отражение важные социально-экономические сдвиги, произошедшие в древнерусском обществе, в то же время сама раздробленность имела далеко идущие последствия, отразившиеся на государственно-политическом и этническом облике восточного славянства.

¹Темушев Степан Николаевич, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь, Минск), к.и.н.; stepnik_bsu@tut.by.

Проблема истоков раздробленности Древней Руси имеет обширную историографию, причем принципиально различные решения предлагались на разных этапах развития исторической науки. Так, если в историографии XIX – начала XX в. акцент делался на политико-правовой сфере, то в советский период большее внимание уделялось социально-экономическим факторам вызревания нового явления в политической сфере. Важнейший вывод, следующий из сложившейся историографической традиции изучения рассматриваемой проблемы, сводится к пониманию политической раздробленности как сложного явления, включающего существенные изменения в политической, социальной и экономической сферах. В свое время А.Е. Пресняков политическую сторону раздробленности видел в усилении обособленности отдельных земель-княжений, социальную – в «развитии землевладельческого боярства», экономическую – в изменении направления торговых путей и колониционных процессах [10, с. 460]. В трудах историков советского периода эти положения получили дальнейшее развитие, несмотря на то, что главная роль была отведена процессу феодализации [11, с. 475].

Представляется необходимым среди выделяемых исследователями сторон раздробленности важнейшее место отвести эволюции налогово-даннической, или фискальной системы. Именно борьба за распределение получаемых от непосредственного производителя в результате прямых сборов, судебных штрафов, мытных пошлин и т.д. материальных ресурсов и стала основной причиной политической раздробленности. В результате административных реформ Владимира Святославича и Ярослава Владимировича на местах (безусловно, в качестве посадников) [8, с. 170] оказываются представители княжеской семьи – сыновья киевского князя. Эти мероприятия имели целью укрепление единства страны, однако привели в итоге к обратному. Определенную роль сыграла и борьба за волости обделенных князей-изгоев [4].

Л.В. Милов в статье 1986 г. указывал на то, что дробление территории государства способствовало возрастанию ренты и облегчению ее взимания [7]. Однако сама причина раздробления государства видится в ином. Оказавшиеся на местах князя должны были обзавестись своей собственной администрацией и дружиной, требовавших соответствующего материального обеспечения. При этом проявившаяся вражда между князьями-братьями (и даже между отцом и сыновьями) потребовала усиления военной организации, что вынуждало искать дополнительные источники средств. В таких условиях традиционные выплаты Киеву большей части собранных с местного

населения ресурсов (две трети общих сборов, согласно статье 1014 г. Повести временных лет) становились обременительными. Возможно, недостаток средств сделался еще более ощутимым в связи с отмечаемым в начале XII в. кризисом, вызванным перемещением торговых путей [1, с. 505]. Князья стали стремиться к полному контролю над сбором налогов-дани на территории своего княжества и в той связи, что им необходимо было обеспечивать церковную организацию. Именно к этому времени во всех княжествах-землях создаются (если их еще не было) отдельные епископства. Весьма показательна в этом отношении Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича Смоленского, изданная по случаю основания в 1136 г. Смоленской епархии [15].

На протяжении периода середины X – второй половины XI в., подготовившего переход к последующему раздроблению Русской земли на ряд обособленных и, более того, независимых княжеств-земель, происходит принципиально важное разделение административных функций между Киевом и отдельными центрами княжеств-земель. Симптоматичным является уже отказ Ярослава Владимировича перед смертью отца – киевского князя – в 1014 г. отдавать Киеву установленную часть общих сборов со своей земли [9, с. 58]. Вместе с тем происходило и разделение дани с подчиненных Древнерусскому государству периферийных финно-угорских и балтских племен между отдельными княжествами-землями [13]. По всей видимости, в это время центр сбора налогов-дани перемещается в города, которые только сейчас превращаются в реальные центры администрации и суда. Предполагается, что погосты, важнейшая функция которых с момента их создания заключалась в организации сбора дани на местах, исчезают к концу X в.: «города пересиливают погосты, сосредотачивают в своих стенах все властные функции» [8, с. 159]. Сбор дани концентрируется в руках князей отдельных земель, судеб-но-административные полномочия они передают своим должностным лицам – посадникам и тиунам. Между тем начинает формироваться и десятичная система, видимо, изначально призванная решать две задачи – фискальную и военно-организационную [6].

Еще В.О. Ключевский обратил внимание на принципиальное изменение ситуации в связи с заменой посадников представителями княжеской семьи: «Областные или местные князья перестают платить дань Киеву, несовместную с отношениями младших родичей к названному отцу, великому князю киевскому» [2, с. 200]. Если посадник по существу являлся чиновником, отражавшим интересы князя-правителя, и для него занятие должности не могло быть связано с реализацией

собственных интересов, то иное дело князь, который считал себя полноправным правителем. Исследователи неоднократно указывали на безусловные владельческие права князей-Рюриковичей, возникавшие уже в силу их рождения (что, возможно, было связано с языческими представлениями) [3]. Рассматривая период политической раздробленности, М.Б. Свердлов писал: «Где бы князь ни находился, в отчинном княжестве, захватывал или получал в управление другие княжеские столы и территории, только он мог осуществлять верховную административно-судебную и военную власть» [12, с. 584]. Это обстоятельство, безусловно, сказалось не только на отношениях князя с местной знатью (представляется, что в принципе не могло быть никакого давления «местных феодалов» на князей), но и на стремлении выйти из подчинения старшему князю в Киеве (первоначально, отцу). Именно в период политической раздробленности, начало которого следует относить к 30–40-м гг. XII в., обнаруживается стремление к более четкому определению границ обособившихся княжеств [5, с. 75–76], в летописях появляются свидетельства замены представления о «коллективной власти княжеского рода над Русской землей» идеей «**великого князя**, как верховного сюзерена не “всей Руси”, но своей волости – Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской земли» [8, с. 229].

Таким образом, стремление к перераспределению налогов-дани и всех иных денежных и натуральных поступлений в пользу князей, обосновавшихся в отдельных княжествах-землях, и приводит к явлению, известному как «политическая раздробленность». Не представляется возможным видеть в качестве важнейшей причины раздробленности процесс феодализации: частное землевладение начинает играть существенную роль несколько позже того времени, когда в полной мере заявила о себе политическая децентрализация. В этой связи появление вотчин (как один из путей материального обеспечения князя и его семьи, а также и дружинной организации) следует рассматривать как следствие, а не причину раздробленности.

1. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.; Л., 1953.
2. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под ред. В.Л. Янина. М., 1987.
3. Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II. Кн. 1.
4. Котляр Н.Ф. К вопросу о причинах удельной раздробленности на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1.
5. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

6. *Кучкин В.А.* Десятские и сотские Древней Руси // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович, П.С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.
7. *Милов Л.В.* О специфике феодальной раздробленности на Руси // *История СССР.* 1986. № 2.
8. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // *Из истории русской культуры.* М., 2000. Т. I (Древняя Русь).
9. *Повесть временных лет.* СПб., 1996.
10. *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
11. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993.
12. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
13. *Темушев С.Н.* Литва и Русь: трансформация взаимоотношений от даннической зависимости к внешней экспансии (историография проблемы) // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб.* Минск, 2010. Вып. 3.
14. *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть собственность, идеология. Киев, 1992.
15. *Уставная грамота князя Ростислава (1150 г.) // Памятники русского права.* Вып. 2. М., 1953.

УДК 94(47).03

А.А. Горский¹

О так называемой «Большой» Орде

Большая Орда, летописи, акты.

В докладе подвергается сомнению представление, что словосочетание Большая Орда является переводом тюркского улуг орда – «Великая Орда». Автор обосновывает точку зрения о русском происхождении этого названия – со значением «главная из орд».

К середине XV столетия улус Джучи – государство, именовавшееся в русских источниках «Ордой» – фактически распадается. Возникают Крымское и Казанское ханства, Ногайская Орда на левобережье Нижней Волги. При этом сохраняется «центральная» часть бывшего единого государства – территория между Днепром и Волгой. Именно ханов, контролирующих эту территорию, на Руси продолжали некоторое время считать сюзеренами. В московском летописании 1470-х гг. и более позднего времени данное политическое образование, возглавляемое потомками хана Кичи-Мухаммеда (ум. ок. 1459 г.)

¹ Горский Антон Анатольевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н.; feodal.msu@gmail.com.

– Махмудом, Ахматом и сыновьями Ахмата – определяется как *Большая Орда*: первое известие с упоминанием этого термина относится к событиям 1460 г. («Того же лѣто безбожнии царь Ахмут Болшиа орды приходиль со всею силою под Переславль Рязаньскы») [4, с. 277; ср.: 5, с. 156; 6, с. 122]². В историографии закрепилось мнение, что термин «Большая Орда» является переводом на русский язык тюркского словосочетания *Улуг Орда* – «Великая Орда», т.е. отражает ордынскую терминологию [2, с. 38-49; 1, с. 151, примеч. 57; 12, с. 7].

Однако источники содержат примеры, в которых присутствует несомненно перевод словосочетания *улуг орда*. В посольских книгах по связям с Крымом содержатся переводы посланий крымских ханов, чей титул после разгрома Менгли-Гирея Орды Ахматовичей в 1502 г. звучал как *улуг орду улуг хан* [13, с. 189-194]. И во всех случаях *улуг орда* переводится как *великая орда*: «Великие Орды великого царя Менли-Гиреево царево слово» [8, № 2, с. 19, 21, 27, 29; № 4, с. 70, 75-77]³.

Закономерен вопрос: почему при переводе того же, по традиционному мнению, словосочетания в наименовании Орды потомков Кичи-Мухаммеда *улуг* было переведено не как *великая*, а как *большая*? Сомнения в справедливости такого представления усиливаются, если учесть, что прилагательное *большии* в значении «крупный» употреблялось в русском языке той эпохи нечасто: обычным в этом значении было именно слово *великии* [10, с. 289-290, 384-386]. Следовательно, если бы русское название Орды потомков Кичи-Мухаммеда было переводом тюркского *улуг орда*, то оно бы наверняка звучало как «Великая Орда».

Основным же значением слова *большии* было прилагательное сравнительной степени со значением «более высокий по положению», «главный» – то, которое в современном русском языке передается через слово «большой» с ударением на первом слоге [11, с. 147-148; 10, с. 289-290]. Если полагать, что «Большая Орда» – это значит старшая, главенствующая из орд, то противоречий не возникает. Распад бывшей единой Орды на несколько привел к необходимости как-то обозначить ту орду, ханы которой считались номинально главными. Примечательно, что именно в 1470-е гг., когда в московском летописи-

² В Никоновской летописи (20-е гг. XVI в.) термин «Большая Орда» употребляется начиная с описания событий конца 1430-х гг. [7, с. 24, 30]. Но за этим нет оснований видеть что-то кроме свойственной данному памятнику «ретроспекции», перенесения позднейшей терминологии на более ранние события.

³ При этом Орда детей Ахмата в посольских книгах определяется как *большая* [9, № 31, с. 119; № 47, с. 214; № 53, с. 241; № 56, с. 255].

сании появляется понятие «Большая Орда», в договорных грамотах князей московского дома начинает употребляться слово «орды» во множественном числе [3, № 63, с. 202-203, 205; № 64, с. 209, 211; № 65, с. 214; № 66, с. 215; № 67, с. 218, 220; № 69, с. 226, 228, 231; № 70, с. 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249; 1, с. 165-167]. И то и другое, было, очевидно, реакцией на новую политическую ситуацию в степях – формирование системы из нескольких государств, определяемых как «орды».

Таким образом, «Большая Орда» – скорее всего, не перевод, а термин русского происхождения со значением «главная из орд». Соответственно при склонении этого словосочетания нужно исходить из того, что формой именительного падежа прилагательного по нормам современного русского языка является не «больша́я», а «бо́льшая».

1. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.
2. Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1987. Вып. 10.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.;Л., 1950.
4. ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. (Московский летописный свод конца XV в.).
5. ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910 (Ермолинская летопись).
6. ПСРЛ. Т. 27. М.;Л., 1962 (Никаноровская летопись).
7. ПСРЛ. Т. 12. М., 1965 (Никоновская летопись).
8. Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1892.
9. Сборник РИО. Т. 41. СПб., 1884.
10. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). Т. 1. М., 1988.
11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.
12. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли: очерк истории. М., 2010.
13. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса. Казань, 1979.

УДК 94(47).044

Д.М. Володихин¹

Высший воеводский состав полевых соединений в царствование Федора Ивановича (1584–1598 гг.)

Россия; история России; местничество; воеводы; опричнина; дворянство; служилая аристократия; военная элита; военная иерархия.

Автор рассматривает социальный состав русского воеводского корпуса в период правления царя Федора Ивановича (1584–1598). В статье прослеживаются

¹ Володихин Дмитрий Михайлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н.; volodih@yandex.ru.

изменения, происходившие в командном составе русской армии в зависимости от политической конъюнктуры того времени.

Социальный состав русского воеводского корпуса в царствование Федора Ивановича до сих пор не получил серьезного систематического изучения. В частности, неясно соотношение различных социальных групп в составе среды, из которой рекрутировались полководцы вооруженных сил Московского государства. Нет ответа и на вопрос о том, кто входил в «костяк» воеводского корпуса – группу военачальников, постоянно, из года в год, получавших высшие и высокие посты в русской армии. Не исследовалась важная проблема: как отразилось на командовании армией России политическое доминирование группировки Годуновых-Сабуровых, начавшееся в середине 1580-х гг.

С целью ликвидировать все перечисленные «белые пятна» были проанализированные данные разрядных книг, уточненные и откорректированные по ряду летописных источников. Исследование коснулось исключительно воеводского корпуса в полевых соединениях и только самых значительных воеводских постов – командующих соединениями и отдельными полками (включая ертаул и «государев полк», но исключая «кош» и «наряд»).

Удалось сделать следующие выводы:

1. Из 108 назначений командующими в полевых соединениях² представители нетитулованной аристократии всего 20 раз оказывались на подобного рода постах. Это выходцы из 7 родов старомосковского боярства: Головиных, Морозовых, Годуновых (по 1 назначению), Бутурлиных (3 назначения), Плещеевых-Очиных (3 назначения), Сабуровых (4 назначения), и Шереметевых (7 назначений).

Совершенно очевидно весьма высокое положение Шереметевых в воеводской иерархии. Оно явилось результатом как их высокого положения в иерархии местнической, так и традиционно выбора этим семейством поприща военачальников.

Общее присутствие нетитулованной знати на высших воеводских постах в действующих полевых соединениях составляет около 18,5 % от общего числа назначений. Один из случаев надо признать сомнительным. Ф.А. Бутурлину приписано командование пятью полками, притом в полковых воеводах записаны аристократы более знатные, чем он, или, во всяком случае, равные ему: Н.И. Плещеев-Очин, кн. М.Ф. Гвоздев-Ростовский, кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский, кн. В.Г.

² Таковыми считались, в соответствии с воинским законом того времени, лица, занимавшие в полевых соединениях пост первого воеводы большого полка.

Щербатый. По крайней мере, Н.И. Плещеев-Очин и князь В.И. Бахтеров-Ростовский стояли в служебно-местнической иерархии того времени вровень или, скорее, выше Ф.А. Бутурлина, но странным образом приняли подчинение ему без местнического челобитья. Эта ситуация относится к осени 1590 г. Сама разрядная запись сопровождается горделивым местническим комментарием в пользу Бутурлиных и заставляет заподозрить сознательную фальсификацию.

2. Особое положение в действующей армии занимал «дворовый воевода» (т.е. командующий «государева полка» или, иначе, Государева двора в походе) Б.Ф. Годунов. Очень хорошо этого его особое положение видно по двум операциям: большому наступлению на Ям, Ивангород и Нарву в 1589–1590 гг. и обороне Москвы от крымцев летом 1591 г. Однако его близкая родня – Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы – не получили в верхнем эшелоне воеводского корпуса преобладающего положения. По количеству назначений данного уровня они уступают Шереметевым, князьям Черкасским, а также еще полудюжине княжеских родов русского происхождения. Способности Б.Ф. Годунова как военачальника оцениваются в летописях критически.

3. Представители не-аристократических родов среди командующих действующими полевыми соединениями встречаются только 2 раза – чуть менее 2 % от общего числа назначений на такого рода посты. Это князья А.В. и Д.П. Елецкие. Они принадлежат знатному роду, несколько не дотягивающему до положения аристократического. Князья Елецкие, скорее, могут быть названы представителями верхушки провинциального дворянства. Иными словами, князья Елецкие пребывают на пороге аристократического статуса. В 1584 г. князь Д.П. Елецкий был пожалован окольниковством, и это позволяет, хоть и с натяжкой, видеть в Елецких фамилию, временно оказавшуюся в кругу служилой знати.

4. Выезжая знать (князья Черкасские, князь В.А. Тюменский, «воеводич» С.А. Волошский) – получала должности командующих 11 раз, т.е. около 10 % от общей суммы. Поистине выдающееся положение занимал князь Б.К. Черкасский, возглавлявший полевые соединения 6 раз.

5. Соответственно, за русской титулованной знатью – 75 назначений, иначе говоря, 69,5 % от всех назначений. Среди семейств княжеской аристократии они распределяются следующим образом:

Бахтеяровы-Ростовские – 1

Воротынские – 1

Долгорукие – 1

Звенигородские – 1
Хилковы – 1
Засекины – 2
Глинские – 2
Шуйские – 2
Ногтевы-Суздальские – 3
Ромодановские – 3
Катыревы-Ростовские – 4
Туренины – 4
Буйносовы-Ростовские – 6
Хворостинины – 6
Голицыны – 8
Ноготковы-Оболенские – 9
Мстиславские – 9
Трубецкие – 12

Чаще прочих командовать полевыми соединениями ставили князей Ф.И. Мстиславского (9 раз), Т.Р. Трубецкого (9 раз) и Ф.А. Ноготкова-Оболенского (8 раз). По 4 раза высшие командные посты занимали князья Д.И. Хворостинин, В.В. Голицын, И.И. Голицын, а также М.П. Катырев-Ростовский. Свидетельство Джильса Флетчера, включившего князя И.М. Глинского в число четырех главнейших полководцев России, не подтверждается.

6. Операции, где общее командование доверяли воеводам из старого боярства, и, тем более, князьям Елецким, имели сравнительно меньший масштаб, нежели операции, где старшинство отдавалось представителям княжеской аристократии.

7. На посты первых воевод в остальных полках, помимо большого, за период царствования Федора Ивановича было сделано 278 назначений. Из них 56 раз на подобные должности ставились представители древних боярских родов или же бывших княжеских, утерявших право на титул (Полевы). Это приблизительно 20 % от общего количества назначений.

Назначения распределяются между отдельными семействами следующим образом:

Колычёвы – 1
Полевы – 1
Нагие – 1³
Морозовы – 2

³ Назначение А.А. Нагого одним из первых полковых воевод при отражении татарского набега осенью 1584 г. сомнительно – в другой разрядной записи на его месте указан Е.В. Бутурлин: [2, с. 214]; сравнить: [1, с. 48].

Головины – 3
Плещеевы и Плещеевы-Очины – 6
Годуновы – 7
Бутурлины – 7
Шереметевы – 8
Сабуровы – 9
Салтыковы – 11

Нагие, Головины и Колычёвы едва заметны, поскольку находились в опале и унижении. Полевы – знать «третьего сорта», некоторые исследователи вообще отказывают им в аристократическом статусе, хотя это весьма родовитая фамилия, к тому же, занимавшая при Иване IV видное положение. Шереметевы, как уже говорилось, – традиционный лидер в военной сфере. Да и положение Плещеевых, Бутурлиных, Салтыковых в командовании вооруженными силами Московского государства оставалось весьма высоким на протяжении нескольких поколений. Тут ничего неожиданного. К тому же, Салтыковы примыкали к господствующей группировке Годуновых-Сабуровых. В.П. Морозов был в родстве с Салтыковыми и потому оказался возвышен.

Годуновы и Сабуровы, входя в лидирующую по политическому «весу» и придворному влиянию «партию», естественно, занимают в воеводском корпусе выдающееся место, хотя и не преобладающее. Можно сделать вывод: доминирование при дворе не обеспечивало Годуновым-Сабуровым доминирования в армии. Тут им в большей степени приходилось полагаться на союзных князей Трубецких и Хворостининых – опытных, умелых военачальников.

Чаще всего назначения командовать отдельными полками получали П.Н. Шереметев (7) и М.Г. Салтыков (7).

8. Выходцы из слоев, не относящихся к служилой аристократии, оказывались на таких должностях довольно часто – 16 раз (примерно 6 %).

Здесь надо сделать важную оговорку: эта группа не является однородной.

На воеводские посты нередко ставили выходцев из семейств, недалеко отстоящих от аристократии или, возможно, находящихся на крайней ее периферии. Таковы князья Коркодиновы, князья Друцкие, князья Щетинины, князья Шаховские, князья Путятины. Между ними и аристократическими родами нет никакой пропасти, напротив, граница размыта и переходима.

Весьма близко к ним стояли семейства, представлявшие богатую и знатную верхушку провинциального дворянства: Вердеревские,

Бестужевы, Простевы, Игнатьевы, князья Барятинские, князья Гагарины, князья Кропоткины.

Р.М. Пивов – худородный «выдвиженец» Ивана Грозного, думный дворянин, влиятельный при дворе человек. Он сохранил относительно высокое положение после того, как обширная группировка таких же парвеню, поднятых волей государя к высотам власти, оказалась разгромленной и униженной.

Д.Н. Чепчугов – сын Н.П. Чепчугова-Клементьева, добившегося назначений на высокие воеводские посты при очевидном отсутствии знатности и какого-то особенного благоволения со стороны царя. Чепчуговы представляли средние слои дворянства, не имевшие влияния при дворе. Чепчуговы связаны были с влиятельным дьяческим семейством Щелкаловых. Василий Яковлевич Щелкалов, по всей видимости, женился на сестре Никифора Павловича, а Василий Петрович Морозов, представитель влиятельного старомосковского боярского рода, был двоюродным братом Евдокии Никифоровны Чепчуговой. Таким образом, вполне вероятно возвышение Чепчуговых при покровительстве сильной родни.

Каждый из перечисленных родов отмечен одним назначением, а Барятинские – тремя.

9. Что касается родов выезжей титулованной аристократии, то два из них оказались в высшей степени востребованными. Это те же князья Черкасские (12 назначений) и князья Тюменские (8 назначений). Итого 20 назначений, что составляет около 7 %.

Два полководца из этой среды использовались на воеводских должностях данного уровня с высокой частотой: князь В.К. Черкасский (10 раз) и князь В.А. Тюменский (7 раз).

10. Чаще всего первыми воеводами в отдельных полках становились представители русской титулованной аристократии. На них приходится в общем счете 186 назначений или приблизительно 67 % от общего их числа.

Между отдельными родами они распределяются следующим образом:

Пронские – 1

Мосальские – 1

Гундоровы – 1

Репнины – 1

Сицкие – 1

Катыревы-Ростовские – 2

Приимковы-Ростовские и Приимковы-Гвоздевы-Ростовские – 3

Татевы – 3

Бахтеяровы-Ростовские – 3
Шуйские – 5
Ногтевы-Суздальские – 5
Одоевские – 5
Кашины – 5
Лобановы-Ростовские – 5
Великого-Гагины – 5
Буйносовы-Ростовские – 6
Хворостинины – 6
Хилковы – 7
Засекины, Жировые-Засекины, Солнцевы-Засекины – 8
Ромодановские – 9
Тюфякины – 9
Долгорукие – 11
Ноготковы-Оболенские – 11
Туренины – 13
Трубецкие – 13
Щербатые – 14
Звенигородские, Ноздроватые-Звенигородские, Токмаковы-Звенигородские – 15
Голицыны – 18

Слабость позиций князей Шуйских по части воеводских назначений, как уже говорилось, – результат полного их разгрома Годуновыми и тяжелой царской опалы. Обилие назначений, доставшихся князьям Звенигородского дома, а также Щербатым, Турениным, и особенно Долгоруким, объясняется многочисленностью представителей этих родов на государевой службе.

Голицыны представляют собой парадокс: они не являлись доброжелателями Годуновых, страдали от опал, хотя и не столь тяжких, какие обрушились на Шуйских, от жестоких местнических поражений, а некоторыми исследователями они даже рассматриваются в качестве своего рода оппозиции Годуновым-Сабуровым при дворе. Но исключительно высокий местнический статус и служба одновременно нескольких видных представителей этого семейства обеспечили Голицыным колоссальное влияние в сфере военного командования.

Когда формировалась армия, предназначенная для решения первостепенно важной боевой задачи, явное преобладание в ее командном составе получали князья-Гедиминовичи: Ф.И. Мстиславский, Трубецкие, Голицыны, да еще присоединявшиеся к ним князья Черкасские. Очень хорошо видно: знатнейшим князьям-Рюриковичам

оказывалось не столь большое доверие, их редко использовали в таких случаях.

От 6 до 11 раз на должности первых воевод в отдельных полках назначались князья Т.Р. Трубецкой, И.И. Голицын, В.В. Голицын, В.Г. Щербатый, Ф.А. Ноготков-Оболенский, В.В. Тюфякин.

11. За неполные 14 лет правления Федора Ивановича список лиц, хотя бы по одному разу назначенных на воеводский пост в полевое соединение, ушел далеко за отметку 100. Тем не менее, боевой костяк воеводского корпуса на уровне командующих соединениями и отдельными полками невелик – менее двух десятков человек. В него входили:

Князь П.И. Буйносов-Ростовский

Князь В.В. Голицын

Князь И.И. Голицын

Князь М.П. Катырев-Ростовский

Князь Ф.И. Мстиславский

Князь Ф.А. Ноготков-Оболенский

Князь Д.А. Ногтев-Суздальский

Н.И. Плещеев-Очин

М.Г. Салтыков

Князь Т.Р. Трубецкой

Князь В.А. Тюменский

Князь В.В. Тюфякин

Князь Д.И. Хворостинин

Князь Б.К. Черкасский

Князь В.К. Черкасский

П.Н. Шереметев

Князь В.Г. Щербатый

Этих людей постоянно отправляли командовать войсками. Некоторые из них по несколько раз в год оказывались в фронтовых условиях.

По числу назначений абсолютно преобладает князь Ф.А. Ноготков-Оболенский. Это самый востребованный русский полководец времен царствования Федора Ивановича. Его назначали на воеводские посты, соответствующие командованию полевым соединением или отдельным полком около 20 раз. И эту востребованность невозможно объяснить одним лишь значением князя в местнической иерархии: положение Ф.А. Ноготкова-Оболенского в ней было высоким, но не исключительным. Остается предполагать в нем яркие тактические способности.

1. Разрядная книга 1475—1605. М., 1987. Т. III. Ч. 2.
2. Разрядная книга 1559—1605. М., 1974.

УДК 94(47).034

Н.С. Борисов¹

Из истории церковно-политической борьбы в эпоху Куликовской битвы. «Дело Митяя»

Русская Православная Церковь; великий князь Московский; политическое убийство; митрополит Киевский и всея Руси.

Доклад посвящен одному из самых драматических эпизодов в истории Русской Православной Церкви – неудавшейся попытке великого князя Дмитрия Ивановича Московского возвести на митрополичью кафедру своего фаворита архимандрита Михаила. Анализ главного источника по этому вопросу – Повести о Митяе – позволяет автору предложить новый взгляд на некоторые аспекты этой темы. В частности, автор приходит к выводу о достоверности сведений Никоновской летописи относительно насильственной смерти Митяя.

Данный доклад содержит некоторые наблюдения над текстом Повести о Митяе – известного памятника церковной публицистики последней четверти XIV в. Этот памятник привлекал внимание исследователей (Е.Е. Голубинский, Г.М. Прохоров, А.А. Горский и др.). В литературе принято выделять три редакции Повести о Митяе, первая из которых содержится в Рогожском летописце, вторая – в Воскресенской летописи и Московском своде конца XV в., а третья – в Никоновской [6, с. 125-136]. Все исследователи эпохи Куликовской битвы так или иначе обращаются к сведениям Повести о Митяе. Однако информационный потенциал этого ценного источника далеко не исчерпан. Многие обстоятельства, связанные с «делом Митяя», остаются невыясненными.

В середине июля 1379 г. кандидат на митрополию архимандрит Михаил (Митяй) выехал из Москвы в сопровождении большой свиты, в состав которой, помимо клириков, входили и великокняжеские бояре.

Летописная Повесть о Митяе сообщает, что посольский караван в Коломне переправился через Оку во вторник, 26 июля [3, с. 39]. Расстояние от Москвы до Коломны – около 110 км. По торной дороге конный отряд мог преодолеть его за два-три дневных перехода. Отсю-

¹ Борисов Николай Сергеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н.; feodal.msu@gmail.com.

да можно заключить, что торжественные проводы посольства в Москве состоялись в воскресенье 24 июля. В этот день церковь вспоминала «убиение Бориса и Глеба» [1, с. 13]. Московские князья верили в небесное покровительство своих «сродников». Семен Гордый дважды отправлялся в Орду в праздник Перенесения мощей Бориса и Глеба (2 мая) [5, с. 93, 94]. Выбор этого дня для отправления московского посольства в Константинополь – еще одно свидетельство «княжеского» происхождения этой акции.

Миновав половецкую степь и добравшись до Кафы (современная Феодосия), московские послы вздохнули облегченно. Вскоре они взошли на большой корабль, который отплывал в Константинополь.

Шла вторая половина сентября 1379 г. [6, с. 87, 88]. Не знаем, как встретило путешественников Черное море. Но ясно, что для сухопутных москвичей даже плавание по спокойному морю было незабываемым переживанием. А в это время года море редко бывает спокойным долгое время.

Примечательно, что тема бурного моря, терпящего бедствие корабля, гибнущего в морской пучине человека, красной нитью проходит через образный ряд Повести. Для книжного человека естественно было выражать подобные чувства с помощью цитат из Священного писания. Наиболее ярко эти чувства выражены в 106-м псалме. Цитату из него находим в тексте Повести. Еще один литературный источник «морских» образов и переживаний русских путешественников – ветхозаветная книга пророка Ионы. Обращение к этому образу имело особый смысл: в день памяти пророка Ионы (22 сентября) или около этого дня внезапно скончался Митяй.

Весьма загадочно представлена в Повести история внезапной кончины Митяя. Попытаемся отделить историческую реальность от ее публицистической трактовки.

Самая ранняя из сохранившихся версий Повести о Митяе (по Г.М. Прохорову – первая редакция) – Рогожский летописец, 1440-е гг. – лаконично констатирует факт смерти: «Внезапу Митяй разболеся в корабли и умре на мори» [6, с. 129]. Впрочем, нельзя забывать, что редакция Рогожского летописца отстоит от времени создания Повести более чем на полвека. За это время текст неоднократно редактировался и сокращался. Следы этой правки отчетливо заметны. Первая редакция была в оригинале более пространной, чем ее версия, дошедшая в составе Рогожского летописца.

Вторая редакция (Воскресенская летопись) возникла во второй половине XV в. [6, с. 125]. О смерти Митяя здесь говорится в тех же словах, что и в первой редакции – «внезапу разболеся Митяй, и умре

на море» – но этот факт сопровождается своего рода «вздохом» автора. «И не сбывается мысль его и не случится быти ему митрополитом на Руси» [2, с. 31]. А чуть ниже дается обширная подборка благочестивых сентенций на тему «добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя» [2, с. 31]. Внезапная смерть Митяя – Божья кара за то, что он хотел стать митрополитом вопреки не только желанию всего русского духовенства, но и вопреки воле Божьей. Тема эта была особенно актуальной в XV столетии – периоде борьбы за полное подчинение Русской церкви московской великокняжеской власти.

Теряя в своей политической актуальности, Повесть о Митяе со временем прибавляла в литературной занимательности, а вместе с ней – и в обилии реальных деталей.

Относительно поздняя (1520-е гг.), но сохранившая уникальные известия более ранних сводов Никоновская летопись (по Г.М. Прохорову – третья редакция) сообщает подробности: вместе с известием о кончине Митяя в Москву дошли и слухи о его убийстве. «Инии глаголаху о Митяи, яко задушиша его; инии же глаголаху, яко морьскою водою умориша его» [3, с. 40].

Как отнестись к этому известию Никоновской летописи? Не является ли оно плодом воображения московских книжников первой половины XVI столетия? Думается, следует, прежде всего, обратить внимание на сам характер уникальных чтений. Создатели Никоновской летописи нередко украшали лаконичные сообщения своих источников вымышленными подробностями и риторическим «плетением словес». Но эти литературные упражнения, как правило, не содержали принципиально новой информации. В данном же случае известие об убийстве Митяя является новой и весьма существенной информацией. Убийство, заговор, измена – обвинения серьезные. Такие вещи летописцы не выдумывали «ради красного словца».

Итак, допустим, что Митяй действительно пал жертвой заговора. Возникает вопрос: почему сообщение об убийстве отсутствует в первой и второй редакции Повести о Митяе?

Считается, что первая редакция Повести о Митяе была создана неизвестным московским книжником по заказу (а может быть, и при личном участии) митрополита Киприана осенью 1382 г. [6, с. 140]. Главная религиозная идея Повести – размышление о путях Божьего промысла, о пагубности человеческой гордыни. Идею содержание произведения отличается своего рода «многослойностью». Публицистический пласт составляет апология деятельности митрополита Киприана, осуществленная не прямой похвалой, а методом «от противного»: путем яркого изображения безнравственного поведения

всех трех его политических соперников, претендентов на освободившуюся с кончиной святителя Алексея митрополичью кафедру – Митяя, Пимена и Дионисия. Главный «возмутитель спокойствия» – архимандрит Михаил, которого автор Повести (или ее редактор) митрополит Киприан сознательно именуется уничижительным прозвищем – Митяй. Своим возвышением Митяй обязан главным образом великому князю Дмитрию Ивановичу, который при этом выведен в Повести «вторым планом» и не подвергается прямому осуждению.

Внезапную кончину Митяя автор Повести представляет как провиденциальное событие, как определенное высшими силами наказание Митяя за грех гордыни. В этом идейном контексте Повести нет места для насильственной смерти Митяя. Он умер внезапно, пораженный гневом Божиим. Для исполнения Божьей воли нет нужды в человеческих ухищрениях. Версия убийства по политическим мотивам своей прозаичностью не соответствовала провиденциальному осмыслению всей истории Митяя и потому не могла быть включена в Повесть даже в качестве предположения.

Однако помимо законов литературы есть и законы жизни. Даже если смерть Митяя была вызвана естественными причинами, ее внезапность и необычность (в последний день пути, ввиду Константинополя, без свидетелей) неизбежно должны были породить слухи об убийстве. Эти слухи, конечно, зафиксировал в своих записках тот «неизвестный москвич», труд которого стал основой произведения [6, с. 150]. При окончательной обработке произведения в митрополичьей канцелярии эти сведения были пропущены как излишние. Но, как известно, «рукописи не горят». Записки затаились в недрах канцелярий, дожидаясь своего часа.

При создании третьей редакции Повести (Никоновская летопись) в 1520-е гг. «дело Митяя» имело уже чисто исторический характер. Создавая пространную версию Повести о Митяе, составители Никоновской летописи решили воспользоваться и слухами об убийстве фаворита, сохранившимися в «записях неизвестного москвича». Эти подробности придавали рассказу больше занимательности и достоверности.

Но убийство Митяя вполне могло быть реальностью. Как свидетельствует Повесть о Митяе, в этой истории накал страстей был столь велик, а ставки столь велики, что дело едва не дошло до убийства одного из участников посольства – игумена Иоанна Петровского. В этой острой борьбе за митрополию (а вместе с ней – и за церковно-политическую гегемонию в Великороссии) вполне можно было

ожидать использование «зелья». Однако княжеского фаворита Митяя, по-видимому, устранили иным способом...

На способ убийства указывает комментарий Никоновской летописи к известию о смерти Митяя: «Инии глаголаху о Митяи, яко задушиша его; инии же глаголаху, яко морьскою водою умориша его» [3, с. 40].

Заговорщикам важно было представить убийство Митяя как естественную смерть. Удушение было как раз тем видом убийства, при котором не остается открытых ран и пятен крови.

Сохраненные Никоновской летописью слухи предполагают и другой, на первый взгляд весьма странный, но в действительности самый подходящий в тех обстоятельствах способ убийства Митяя – «морской водой задушили». Остановимся на этой загадочной формуле. Ясно, что Митяя не могли просто утопить в море. Скорее всего, убийцы, уловив удобный момент, набросились на архимандрита и опустили его голову в ванну (бочку?) с морской водой, которая, конечно, имелась в парадной каюте большого корабля. (Напомним: каменные ванны имелись в каждом богатом римском и византийском доме). Возможно, это произошло в тот момент, когда нареченный митрополит в своей каюте лежал в ванне, готовясь отойти ко сну. Не имея возможности крикнуть и позвать на помощь, он захлебнулся морской водой. Такой способ убийства известен в византийской истории [7, с. 32].

Впрочем, возможен и составной вариант: Митяя вначале удушили без применения веревки, а затем уже мертвого положили в ванну, имитируя несчастный случай. На это указывает и свидетельство Никоновской летописи: одни говорят, что Митяя задушили, другие говорят, что его уморили морской водой. И те и другие были правы.

Восстанавливая подлинную картину гибели Митяя, нельзя упустить из виду и еще одно обстоятельство. Дело происходило в последний день долгого и опасного пути московского посольства в Царьград. Завершение путешествия обычно праздновали хмельным застольем. Вино воодушевило заговорщиков – вспомним историю гибели Андрея Боголюбского! – и ускорило события. Несколько перебрав за столом хмельного «меда», Митяй пошел в свою каюту и решил освежиться в ванне с морской водой. Но вслед за ним в каюту вошли заговорщики...

Утопление Митяя (или его уже бездыханного тела) в ванне с водой легко можно было выдать за несчастный случай. Свидетелей случившегося – кроме самих заговорщиков – не было. По случаю позднего часа прислуга была удалена из покоев. Только наутро дело

открылось. И тут же была пущена официальная версия случившегося: сильно захмелевший иерарх сам не заметил, как уснул в своей ванне и захлебнулся во сне. Вероятно, эта версия совпадала с привычками и образом жизни Митяя, а потому казалась вполне правдоподобной.

Гибель Митяя предопределила крах всей церковной политики Дмитрия Донского. На смену Митяю пришел умный и энергичный византиец Киприан. При нем московскому князю не удалось подчинить себе митрополичью кафедру. Эта неудача существенно затормозила процесс политической консолидации. Отсюда открывается прямой путь к ответу на вопрос: кто же стоял за таинственной гибелью архимандрита Михаила? И почему князь Дмитрий с какой-то трагической безнадежностью отозвался на долетевшую до Москвы печальную весть: «Что же есть сиа сотворено о Митяе, не вем» [3, с. 40]. В гибели Митяя были заинтересованы все те, кто хотел помешать возвышению Москвы – Литва, Орда, самостоятельные княжества и земли Великороссии и даже удельные князья московского дома. И какая именно из этих сил оплатила убийство – в сущности уже не имело особого значения...

1. *Леонид (Кавелин), архим.* Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // ЧОИДР. 1880. Книга 4.
2. ПСРЛ. Т.8. М., 2001.
3. ПСРЛ. Т.11.М., 2000.
4. ПСРЛ. Т.15. Вып.1. М., 2000.
5. ПСРЛ. Т.18. М., 2007.
6. *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. Л., 1978.
7. *Пселл Михаил.* Хронография. М., 1978.

УДК 94(47).04

А.Е. Тарасов¹

К вопросу о днях рукоположения архиереев в средневековой Руси²

Каноническое право; Чин избрания епископов; архиереи; календарно-хронологическая культура; Средневековая Русь.

В работе рассматриваются различные Чины избрания и поставления епископов XV-XVII вв. с целью выявления канонической традиции выбора определенных

¹ Тарасов Аркадий Евгеньевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; tarasov2000@front.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 12-31-01255 а2).

дней и времени суток рукоположения архиереев Русской Церкви допетровской поры.

Изучение такой составляющей календарно-хронологической культуры, как восприятие времени обществом на определенных этапах его исторического развития, все больше привлекает внимание исследователей в последние годы [4; 9]. Важность постижения феномена времени для отечественной истории допетровской поры точно выразил А.В. Лаушкин: «Сознательное совмещение людьми Средневековья тех или иных действий с особыми днями церковного календаря, их настороженное отношение к случайным календарным совпадениям, внимание или, напротив, невнимание к точным датам типологически разнородных событий — все эти следствия средневекового понимания природы времени, отразившиеся в точных летописных датах, дают возможность глубже заглянуть в мир представлений и идей древности» [10, с. 70].

Среди различных аспектов изучения отношения ко времени в эпоху русского Средневековья, можно отметить направление, посвященное исследованию календарных особенностей рукоположения архиереев. Ранее историки обращались к этой теме лишь вскользь [3, с. 130; 5, с. 698-699; 7, с. 368-377; 8, с. 174-175; 12, с. 374], однако в последнее время появляются работы, непосредственно связанные с решением данной проблемы. Исследователями было показано, что дни поставления владык назначались отнюдь не случайно, причем механизмы выбора дня рукоположения зависели от многих условий. Сами же условия не были застывшими и менялись с течением времени или в зависимости от предпочтений тех, кто определял политику пополнения епископата [6, с. 101-109; 11, с. 130-139; 18, с. 234-237; 19, с. 5-9].

Таким образом, вопрос о днях поставления иерархов уже в определенной мере изучен, хотя поле для дальнейших исследований еще чрезвычайно широко – закономерности в целом прослеживаются, но не все условия их появления до конца ясны. Иначе обстоит дело с определением времени суток, когда должны были происходить те или иные события процедуры избрания и поставления епископов. Отмечу, что исследователи хронологической культуры до сих пор уделяли незначительное внимание памятникам канонического содержания, первым делом, такому важному источнику для изучения истории рукоположений иерархов, как древнерусский Чин поставления епископов. Между тем, обращение к тексту Чина отчасти приоткрывает завесу над средневековой календарной практикой.

Ныне принято считать, что Чин возник на Руси в связи с деятельностью митрополита Фотия около 1423 г. Впоследствии он видоизменялся, появлялись его новые редакции, отражавшие перемены в жизни Русской Церкви³. Со временем были выработаны новые формы чинопоследования архиерейской хиротонии, вытеснившие Чин 1423 г. Мной были рассмотрены следующие Чины епископских рукоположений: 1423 г. в нескольких его редакциях⁴, Чин эпохи патриарха Филарета (Романова), содержащий его поучение новопоставленному⁵, Чин патриарха Иоакима 1676 г.⁶, а также Чин Западнорусской митрополии из сборника владыки Лазаря Барановича 1660-х гг.⁷.

Прежде всего следует отметить, что в Чинах содержатся указания не только относительно проведения самой хиротонии, совершаемой, как известно, за литургией, но также и всей последовательности действий, начиная с созыва архиерейского собора для избрания кандидата на пустующую кафедру. В допетровскую пору решение о времени проведения собора зависело от главы Церкви и не имело хронологической привязки: в Чинах используются общие формулы **«на уреченный рок и день»**, **«на уреченное время»**, **«времени же наставшу»**. Также строго не оговаривался день и час заседания, на котором собравшимся архиереям официально объявлялось о необходимости замещения вдовствующей кафедры, а затем, как правило, происходил выбор кандидата (формула **«повнегда же избратися/собратися епископом вместе/купно»**). В Чинах патриархов Филарета и Иоакима участником избрания становится царь. В первом случае именно он выбирал будущего владыку из нескольких кандидатов, во втором – его официально уведомляли о решении собора. И если временная привязка этого события в Чине патриарха Иоакима не определена (**«по сем во утро или во ин день»**), то, как ни удивительно, в более

³ Взаимоотношение редакций Чина 1423 года предложено А.И. Плигузовым [16, с. 920-927]. Некоторые исследователи определяют редакции Чина 1423 года в качестве самостоятельных чинов. Так, например, считает Б.А. Успенский, отмечая существование Чина 1456 года [20, с. 49, 82 и др.]. Однако изменения отдельных формул Чина при сохранении его структуры и основного содержания не дают оснований говорить о появлении новых Чинов. Только существенные изменения чинопоследования могут свидетельствовать об этом.

⁴ РО ГИМ. Син. 703. Л. 29-42; См. также опубликованные списки [1, №375; 13, с. 31-40; 14; 15, №52].

⁵ ОР РГБ. Ф. 304.І. № 741. Л. 3-45; См. также опубликованные списки [2, № 1; 21].

⁶ ОР РГБ. Ф. 173.ІІІ. № 115. Л. 2-75; РО ГИМ. Син. 344. Л. 1-48 об.

⁷ РО ГИМ. Син. 271. Л. 241-266 об.

раннем Чине патриарха Филарета строго оговорена: **«На утрия же в день первый, в час второй».**

После избрания наступала пора т.н. «благовестия», когда кандидата официального оповещали о принятом собором решении. «Благовестие» обычно состояло из двух этапов: собственно оповещение будущего иерарха и затем «второе великое извещение» или «целование» с участниками собора. «Устав благовестию» – первая часть Чина, в которой даже ранние его формы содержат точные календарно-хронологические предписания. Так, согласно всем редакциям Чина 1423 г., **«первое последование, бываемое о благовестии, и се паки целования, обоя прежде литургия бывають, в 2-й час дне».** При этом «целование» могло происходить как в день оповещения, так и в любой другой день: **«Егда же будет время, или того дни или наутрие, или когда повелит митрополит».** Новые предписания появляются в XVII в. Согласно Чину патриарха Филарета, «благовестие» совершается **«во второй же день, в час 2 или третий».** Первый день был днем выбора кандидата царем. Несколько иные указания содержатся в Чине Западнорусской митрополии из сборника Лазаря Барановича. Насчет времени суток «благовестия» никаких установок нет, зато подчеркивается, что его первая часть должна совершаться **«прежде уреченнаго рукоположению дня»**, а «целование» – **«в вечер пред уреченным днем рукоположения».**

Особенно заметно развивался Чин в части, посвященной непосредственно рукоположению кандидата. Редакции Чина 1423 г., оставляя за митрополитом право выбора дня, строго оговаривали час начала подготовки к хиротонии: **«В который день разсудит и повелит митрополит, собираются епископи въ второй час дне».** Чин из сборника Лазаря Барановича ограничивает день поставления воскресениями или большими церковными праздниками: **«Иже бытии имат или неделя, или от господских праздников, или от нарочитых святых».** Чин патриарха Иоакима, не привязывая хиротонию к церковному календарю (выбор дня определялся патриархом), подробно, до часов, прописывает последовательность действий уже накануне дня рукоположения. Чин патриарха Филарета точно определяет время символического введения новопоставленного иерарха в собор архиереев («обыкновенное целование»): **«В первый день по поставлении, по заутрени в 2 час дне».** Ранее выбор этого дня оставался за главой Церкви.

Итак, календарно-хронологическая составляющая русского чинопоследования епископской хиротонии менялась, как и сам Чин. С XVII в. отдельные хронологические сюжеты Чина поставления

обретают новые формы, что, вероятно, отражает общие изменения отношения ко времени в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, а также – некоторые изменения богослужебных традиций [17, с. 199-200, 243-256]. Однако полной кодификации в вопросе выбора дня и времени рукоположения архиереев не происходит, очевидно, и в это время механизмы такого выбора зачастую определялись околоцерковными соображениями (в том числе, о благоприятных днях)⁸.

1. Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. I.
2. Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4.
3. *Борисов Н.С.* К изучению датированных летописных известий XIV – XV веков // История СССР. 1983. № 4.
4. Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. В 2-х частях. М., 2013.
5. *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М., 1900. Т. 2. Первая половина.
6. *Горюшкина Л.П.* О времени поставления высших иерархов Русской Церкви в первой половине – середине XVI в. // Макариевские чтения. Можайск, 2013. Вып. 20.
7. *Дмитриевский А.А.* Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Казань, 1884.
8. *Дмитриевский А.А.* Ставленник. Киев, 1904.
9. Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: К 870-летию «Учения» Кирика Новгородца. Материалы научной конференции. М., 2006.
10. *Лаушкин А.В.* Супружеское воздержание Великим постом в XII-XIII веках и точные летописные латы // Русское Средневековье: Духовный мир. М., 1999.
11. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Кирилло-Мефодиевский след в поставлении на митрополию Климента Смолятича (1147 г.) // *Miscellanea Slavica*. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008.
12. *Неселовский А.* Чины хиротесий и хиротоний (Опыт историко-археологического исследования). Каменец-Подольск, 1906.
13. *О. Др. Мирослав Марусин.* Чини Святительських Служб в Київському Евхології з початку XVI ст. Рим, 1966.
14. *Петрушевич А.С.* Архиератикон Киевской митрополии с половины XIV столетия, по списку конца XVI столетия. Львов, 1901.
15. Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т.6.
16. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1988. Ч. 4.
17. *Симонов Р.А.* Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси (по данным средневековой книжной культуры). М., 2007.

⁸ Например, это может быть характерно для среды и пятницы. Так, согласно «Стоглаву», «лжепророки» призывали людей отказываться от работы в данные дни недели. В тоже время, рукоположения иерархов в среды и пятницы также практически не известны.

18. *Тарасов А.Е.* Архиереи Грозного царя // Современные проблемы изучения истории Церкви. Международная научная конференция: Тезисы докладов. М., 2011.
19. *Тарасов А.Е.* К вопросу о принципах формирования высшей иерархии Русской Церкви во второй половине XV – первой трети XVI вв. // Историческое обозрение. М., 2009. Вып. 10.
20. *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее переосмысление). М., 1998.
21. Чин избрания епископа [М.: Печатный двор, ок. 1630].

УДК 94(47).042

Ю.С. Стариков¹

Церковная деятельность митрополита Даниила Московского

История Русской Церкви; митрополит Даниил; Василий III.

В статье раскрываются вопросы, связанные с деятельностью митрополита Даниила в период его пребывания на московской кафедре (1522-1539 гг.) Приводится характеристика экономической, канонической и пастырской деятельности Даниила. На основе значительного круга источников в статье сделана попытка представить личность митрополита как талантливого администратора и управленца.

В своих знаменитых «Записках» имперский посол Сигизмунд Герберштейн отмечал весьма характерный факт церковной политики Василия III: «Некогда митрополиты [...] избирались на соборе всех архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов монастырей [...] Нынешний же государь, как говорят, обыкновенно призывает к себе определенных лиц и из их числа выбирает одного по своему усмотрению» [5, с. 124-125]. Очевидно, именно так 27 февраля 1522 г. был возведен на митрополичью кафедру игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Даниил Рязанец.

Архипастырское служение Даниила протекало в тесной связи с внутривластным курсом Василия III. Долгое время поддерживавший нестяжателей, в 1520-е гг. Василий последовательно отдаляет от себя сначала прп. Максима Грека, позже – Вассиана Патрикеева. В этих условиях новоизбранный митрополит охотно берет на себя выдвинуть обвинения и подготовить судебное разбирательство против новоявленных «вольнодумцев». Более того, митрополит оказывает князю

¹ Стариков Юрий Сергеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп.; georgy.starikov@yandex.ru.

весьма ценные услуги в поимке мятежного князя Василия Шемячича и разводе с бездетной княгиней Соломонией Сабуровой. Благодарность Василия III проявилась в виде значительных земельных пожалований и расширении церковного иммунитета. Это позволило Даниилу значительно укрепить материальное благосостояние Церкви.

О смене вектора великокняжеской политики в отношении церковного землевладения свидетельствует сохранившаяся документация митрополичьей кафедры. Так, грамотой от 25 сентября 1522 г. Василий III освободил крестьян митрополичьего села Голенищево от выполнения городских строительных работ и предоставил Даниилу право суда над ними «опричь душегубства» [2, с. 47]. В 1523 г., отправляясь в поход на Казань, великий князь составил дополнение к своей духовной грамоте, где обещал создать Новодевичий монастырь и подарить ему «из своих сел дворцовых село или два», пашню площадью «в одном поле тысяча четвертей, а в дву поле по тому; да на строение тому манастырю три тысячи рублей денег» [21, с. 416-417]. Другой грамотой от 5 июня 1526 г. князь освободил крестьян сел Голенищево и Селятина от несения ямской повинности [2, с. 26]. В сентябре 1526 г. аналогичные привилегии Василий III пожаловал на митрополичье село Быково «з деревнями» в Суздальском уезде [2, с. 26-27] и ряд владений в Костромском уезде [2, с. 235]. Грамотой от 15 сентября 1527 г. князь пожаловал митрополиту двор, половину варницы и пустошь Одноушево у села Соли Галицкой [2, с. 239]. В 1525 г. Василий III способствовал передаче села Ярославского во владение митрополичьей кафедры [9, с. 34]. В апреле 1526 г. князь подтвердил жалованную грамоту от 15 февраля 1512 г., согласно которой Воскресенский Череповецкий монастырь ежегодно должен был получать средства из Белозерских таможенных доходов [2, с. 246], а также подтвердил судебные привилегии митрополичьим селам и монастырям в Московском уезде, которые были даны еще Иваном III митрополиту Симону в марте 1504 г. [1, с. 110-112]. В 1525 г. по просьбе Даниила Василий III защитил сбор церковной десятины в Торопце от посягательств своего наместника князя М.И. Кубенского [3, с. 186]. Значительно большее число жалованных грамот митрополит получил от князя Юрия Ивановича Дмитровского [2, с. 87-89].

Даниилу удалось накопить значительные средства для приобретения новых земель. Об этом свидетельствуют купчие грамоты, составленные от имени митрополичьего боярина Русина Федорова Фомина [2, с. 70-113]. Всего в первой половине XVI в. владения митрополита находились более чем в 15 уездах [7, с. 54-59]. При этом основным источником поступления новых средств была сдача митрополичьих

земель в оброк в Переяславском, Владимирском и Вологодском уездах [2, с. 114-270]. От имени митрополита выдавались ссуды, в счет погашения которых кафедра взимала земельные владения [1, с. 726-727].

Митрополит деятельно заботился о росте благосостояния монастырей. В 1526 г. он выдал жалованную грамоту прп. Даниилу Переяславскому, освободив от уплаты митрополичьих податей приписанный к его обители храм во имя свт. Николая Чудотворца [14, с. 69]. В 1533 и 1540 гг. митрополит дал жалованные грамоты в монастырь прп. Саввы Сторожевского о невзимании податей с храмов, находящихся в монастырских вотчинах [4, с. 430]. Отдельными жалованными грамотами Даниил предоставил налоговые и несудимые привилегии Покровскому на Богоне монастырю и митрополичьему Антониеву монастырю в Переяславском уезде, а также подтверждал грамоты своих предшественников, выданные Сновидскому монастырю Владимирского уезда [2, с. 126-173]. Предметом особой заботы митрополита оставался Иосифо-Волоколамский монастырь. В родную обитель Даниил жертвовал значительные денежные суммы, на которые были приобретены новые села, церковная утварь и украшения [14, с. 70].

Широко развернулось и строительство новых монастырей. Всего в 1521 – 1539 гг. в России было основано около 40 обителей [12, с. 370-372]. Митрополит активно поддерживал храмовое строительство в монастырях. В 1531 г. он благословил прп. Корнилия Комельского на строительство храма в Сурской пустыни, а прп. Стефана Озерского – на постройку храма и создание обители. В мае 1537 г. по благословию Даниила началось строительство собора в Димитриевском Прилуцком в честь Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня мужском монастыре [19, с. 16-17].

Порядок монастырской жизни при Данииле основывался на повсеместном введении общежительного устава. Ярким примером тому служит активная деятельность свт. Макария по введению общежития в монастырях Новгородской епархии в 1520 – 1530-е гг. [13, с. 42-45]. В это же время появляются новые общежительные уставы, авторами которых стали прп. Корнилий Комельский и прп. Герасим Болдинский [12, с. 244-246].

В годы своего предстоятельства митрополит Даниил совершил значительное количество епископских хиротоний. 4 марта 1526 г. после 17-летнего перерыва Даниил поставил архиепископа на Новгородскую кафедру. Им стал будущий митрополит, а к тому времени архимандрит Можайского Лужецкого монастыря Макарий. Всего за 16 лет пребывания на кафедре Даниил совершил по меньшей мере 8 извест-

ных нам епископских хиротоний, и тем самым в большинстве своем обновил состав епископата Русской Церкви.

Митрополит Даниил освящал новые храмы и другие сооружения. В июле 1525 г. он участвовал в освящении собора в честь Смоленской иконы Божией Матери Новодевичьего монастыря, который был основан годом ранее в память присоединения Смоленска [21, с. 416-417]. 3 сентября 1533 г. Даниил в сослужении иерархов и в присутствии великокняжеской семьи и членов Боярской думы освятил церковь Вознесения Господня в селе Коломенском – новой резиденции Василия III. Весной 1535 г. митрополит освятил место строительства каменного Китай-города в Москве, а 16 мая того же года с собором архиереев обошел крестным ходом линию строительства новых стен и башен.

Источники свидетельствуют и о других пастырских заботах Даниила. В 1533 г. во время морового поветрия в Пскове великий князь и митрополит прислали в город святую воду. Средство оказалось действенным: «и оттоле нача Божие милосердие быти во Пскове, помале и поветрие преста». 11 февраля 1535 г., исполняя повеление Елены Глинской, Даниил в сослужении епископа Рязанского Ионы, епископа Крутицкого Досифея и архимандрита Ионы совершил торжественное переложение мощей св. митрополита Московского Алексия в новую серебряную раку [16, с. 65-92].

В годы пребывания Даниила на митрополичьей кафедре были совершены канонизации: прп. Макария Калязинского 9 октября 1523 г. и прп. Пафнутия Боровского в 1531 г. По мнению Б.М. Клосса, к этому же периоду времени относятся точные данные об установлении церковного праздника Сретения Владимирской иконы Божией Матери 23 июня [11, с. 125].

При Данииле велась активная миссионерская деятельность среди нерусских народов России. Так, к этому времени относится начало успешной проповеди христианства среди «лопарей» (саамов) [6, с. 734].

4 декабря 1533 г. скончался великий князь Василий III. Вскоре были значительно ограничены экономические права Церкви. В 1534 г. с жителей Москвы и Новгорода были собраны средства на строительство городских укреплений. Налог был возложен и на духовенство в лице митрополита в Москве и архиепископа Макария в Новгороде [17, с. 292-293]. В 1535 г. было подтверждено распоряжение, запрещающее монастырям приобретать, брать в заклад или как вклад по душам земли служилых людей без разрешения правительства [15, с. 102]. В том же году с новгородского архиепископа были взяты деньги

на выкуп русских пленных у крымских татар [26, с. 574]. В 1536 г. значительные земельные владения были конфискованы у новгородских храмов и монастырей [20, с. 45-46]. Некоторые исследователи предполагают, что все эти меры отражали сознательную политику правительства Елены Глинской по ограничению монастырского иммунитета [10, с. 303].

Лишившись прочной политической поддержки после смерти Василия, Даниил утратил какое-либо влияние на ход государственной политики. В 1534 г. ему оставалось лишь молча наблюдать за тем, как заключают в тюрьму его давнего друга и благодетеля кафедры князя Юрия Ивановича Дмитровского [16, с. 77-78]. Но и это был не предел: после смерти Елены Глинской 3 апреля 1538 г. положение Даниила стало отчаянным. Его судьба оказалась в руках боярских группировок, которые видели в нем «защитника нового монархического начала русской жизни, столь противного их интересам» [8, с. 246]. 2 февраля 1539 г. Даниил был лишен митрополичьей кафедры и сослан в Волоколамский монастырь. Там он прожил еще 8 лет и скончался 22 мая 1547 г.

1. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / Изданы Археографической комиссией; под ред. Н.В. Калачева. СПб., 1857. Т. 1: 1334-1598.
2. Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951. Ч. 1.
3. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства [1425-1705] / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1838.
4. Антонов А.В. Вотчинный архив Саввина Сторожевского монастыря конца XIV – начала XVII в. // Русский дипломатарий / Ред. А.В. Антонов. М., 2003. Сб. 9.
5. *Герберштейн С.* Московия / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; коммент. З. Ножниковой. М., 2007.
6. *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М., 1900-1917. Т. 2. Период второй, московский. Первая половина тома.
7. *Горчаков М.* О земельных владениях митрополитов, патриархов и Св. Синода (988-1738 гг.) СПб., 1871.
8. *Жмакин В.И.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
9. *Иванов П.* Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846.
10. *Капитанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М., 1967.
11. *Клосс Б.М.* Избранные труды. М., 2001. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв.
12. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240-1589). Ч.1.
13. *Макарий (Веретенников), архим.* Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси. М., 2002.

14. *Макарий (Веретенников), архим., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Даниил // Православная Энциклопедия. М., 2007. Т. 14.*
15. *Павлов А.С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Ч. 1: Попытки к обращению в государственную собственность поземельных владений Русской Церкви в XVI веке (1503-1580 гг.).*
16. ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1.
17. ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.
18. ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. III.
19. *Савваитов П.И. Описание вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1902.*
20. *Смирнов И.И. Очерки политической истории русского государства 30-50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958.*
21. *Собрание государственных грамот и договоров. СПб., 1813. Т. 1.*

УДК 94(470)«1150/15»

Г.Г. Донской¹

Приготовление погребальных принадлежностей в жизни человека средневековой Руси

Похороны; гроб; саван; святость; рассказ о преставлении.

В данной статье рассказывается о том, как в средневековой Руси осуществлялась подготовка к погребению человека. Делается вывод, что каждый человек должен был заранее позаботиться о своих погребальных принадлежностях.

Память о грядущем переходе души в «иной мир» понуждала людей средневековой Руси задуматься о посмертной участи земного тела.

С.В. Сазонов, изучив значительное число источников, заключил, что в большинстве случаев, зафиксированных письменными источниками, разрыв между смертью и погребением составлял одни сутки. Отступления от этой практики также встречаются в источниках, но не отражают какой-либо устойчивой закономерности [9, с. 54]. Вывод исследователя заставляет предположить, что человек средневековой Руси должен был позаботиться о похоронных принадлежностях и устройства места захоронения сам в течение своей жизни. Посмотрим, есть ли подтверждение этому в источниках?

В житии Тихона Луховского содержится интересный эпизод. После преставления святого «не имуще ученицы его в чемь погresti телеса его и много горце плачуще над теломъ преподобнаго неведущаго»

¹ Донской Глеб Генрихович, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (РФ, Москва), к.и.н.; Gotleb@bk.ru.

ще, что сотворити о немъ, беша бо и сами нищих нищеиши и нагии риз покрова»². В силу действительно нищенского положения преподобного и его братии не нашлось ткани для савана, в который можно было бы обернуть тело новопреставленного. Но дальнейшее повествование показывает чудесное обретение необходимых принадлежностей: «Божиим промысломъ вскоре уведа о семъ епископъ Суздальский и въ скорѣ посла свитку на skutание телесе его и гробъ гвоздиемъ железнымъ убить они ж то со благодарениемъ приимше и погребоша преподобного со многими слезами»³. Нас в данном отрывке текста интересует то, что преподобного Тихона не удалось предать земле на следующий день после преставления, поскольку для передачи вести о горестном положении братии в Суздаль, а также для приготовления похоронных принадлежностей и их доставки в монастырь, несомненно, потребовалось больше времени, чем один день. Человек средневековой Руси должен был подумать заранее о том, как не поставить близких ему людей в ситуацию аналогичную описанной выше.

Рассказ о преставлении Пафнутия Боровского иллюстрирует вышеприведенный тезис. Автор этого произведения является непосредственным участником действия у смертного одра своего великого учителя, поэтому приводит уникальные подробности. Пафнутий Боровский, находясь на смертном одре, дает ученику следующие распоряжения: «идеже еси Клима гуменника положил, с темъ мя погребите. А гроба не купи дубова. На ту шесть денег колочей купи, да раздели нищимъ. А мене лубкомъ оберти да, под страну подкопавъ, положи» [8, с. 232]. Смирение Пафнутия Боровского, как пишет автор рассказа о его преставлении, отражается во всех указаниях о собственном погребении. Данный отрывок текста показывает, что забота о погребении касается, в первую очередь, самого умирающего человека.

В нескольких житиях присутствует мотив приготовления святым себе гроба и могилы задолго до преставления. Например, житие Нила Столобенского сообщает, что святой «за многое время прежде преставления своего в часовне ископа землю и устрои место в поставления гроба своего в немъ же хотя почити от трудовъ своихъ и гробъ истеса своима рукама и в землю постави и прихождаше по вся дни ко гробу тому и плакаше над нимъ умиленно зело глаголя в себе сеи покой мои и сие жилище мое» [3, л. 51]. Похожее повествование содержится в житии Зосимы Соловецкого, с тем только отличием, что святой хранил сделанный собственными руками гроб рядом со своей

² РГБ. Ф. 299. № 227. Л. 82 об.

³ Там же. Л. 83.

кельей [2, с. 39]. Данный сюжет служит иллюстрацией того, как святой хранит «память смертную» в течение своего монашеского подвига и готовится к переходу в иной мир. Житие Дионисия Глушицкого сообщает о том, что святой «ископа себе гробъ прежде своего преставления за 7 лет образъ смотряше отсюду своего прехожения поминаше на всяк день яко вселитися тамо» [1, с. 119]. Изображение агиографами приготовлений гроба задолго до преставления святого, скорее всего, имеет целью показать очередной духовный подвиг. В то же время данная ситуация отражает также и реальную практику в средневековой Руси, когда подготовка гроба была одной из забот самого человека, готовящегося к переходу в «иной мир».

Интересную ситуацию мы видим в «Повести о посаднике Щиле». Герой повествования строит на неправомерно заработанные деньги храм и просит новгородского владыку освятить его. Но архиепископ Иоанн приказывает посаднику: «Повелеваю ти ити в дом свой, и повеле у здания своего в стене устроити гроб, и повеж вся своя тайны отцу своему духовному, и вздев срачицу и савань и вся яже суть подобна на погребение мертвым, и лязи в создании своем во гробе оном» [6, с. 171]. Эта история имеет назидательный смысл, но также, вероятно, что здесь отражена практика подготовки похоронных приготовлений человеком заранее. В Повести о Петре и Февронии Муромских говорится, что герои повествования «совет сътворише, да будут положена оба въ едином гробе, и повелеша учредити себе въ едином камени два гроба, едину токмо преграду имуще между собою» [5, с. 506]. Заботе о посмертной участи земного тела придается романтический ореол, и данный эпизод становится частью чуда, завершающего земную жизнь Петра и Февронии.

Повесть о преставлении Феодосия Новгородского являет оригинальное решение эпизода с приготовлением гроба: «Преже бо преставления своего архиепископ Феодосий за много время, познав свое от мира отхождение, повеле сотворити себе гроб и вся надгробная уготовити и свеща, яже на одре вжигают, и повеле жив во гроб положить ся, бе бо зело немощен телом, паче ногами» [7, с. 6].

Люди хранили у себя одежду, приготовленную специально для погребения. Подтверждение можно найти в житийном рассказе о преставлении Стефана Комельского, где говорится, что святой «повеле себе внести ризы своя погребателная, бе бо у него на то уготованы старья и ветхия, иже ношаше» [4, с. 18]. Далее преподобный сам одевается в приготовленную для погребения одежду и ложится на постель в готовности отдать душу Господу [4, с. 18]. В данном эпизоде представлен распространенный агиографический топос связанный с

убогостью одежды святого, который характерен для древнерусских житий как преподобных, так и юродивых [10, с. 480]. Агиографы через описания нищенского внешнего вида святых подчеркивают отсутствие у них гордыни и земного богатства. Акцент на ветхости погребальной одежды Стефана Комельского, вероятно, можно считать косвенным свидетельством того, что в обычных жизненных условиях средневековой Руси многие хранили именно новую одежду для своего погребения, тогда как святой со смирением готов предать бессмертную душу Господу, оставив на земле тленное тело, облаченное в убогое одеяние.

Таким образом, приготовление необходимых для погребения принадлежностей для человека средневековой Руси было обыденным делом. Позаботиться следовало о могиле, гробе, погребальной одежде, и, как сказано в повести о преставлении Феодосия Новгородского, даже о свечах, которые возжигаются у тела новопреставленного. Но все эти приготовления имели, вероятно, рекомендательный характер и не имели четкой регламентации, поэтому можно было просто хранить для данных целей определенную сумму денег. Во всяком случае, человек не должен был гнушаться подобными вопросами в течение своей жизни.

1. Житие Дионисия Глушицкого // Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. СПб., 2003.
2. Житие Зосимы и Савватия Соловецких // *Минеева С.В.* Рукописная традиция жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI – XVII вв.). Тексты. М., 2001. Т. II.
3. Житие Нила Столобенского: рукописный список Государственного архива Тверской области. Тверь, 2004.
4. Житие преп. Стефана Комельского // Памятники древней письменности. СПб., 1892. Т. 85.
5. Повесть о Петре и Февронии Муромских // БЛДР. СПб., 2000. Т. 9.
6. Повесть о посаднике Щиле // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1.
7. Повесть о преставлении старца Феодосия // *Кунчевич Г.З.* Феодосий архиепископ Новгородский (1491 – 1563) (Его «Житие»). СПб., 1898.
8. Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // БЛДР. СПб., 1999. Т. 7.
9. Сазонов С.В. Время похорон // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 1994 г. Ростов, 1995.
10. *Руди Т.Р.* О топике житий юродивых // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58.

Радость в жизни русских князей и дружины (X–XIV в.)

Князь; дружина; летописи; былины; радость.

«Радость» – одно из знаковых явлений повседневной жизни русских князей и дружины (X–XIV в.) – рассмотрено на материале летописей и былин. Сопоставительный анализ показал, что и летописи, и былины фиксируют в качестве источников княжеской радости семью, военные победы, дружину. Особо как источник радости в летописях фигурирует вера, а в былинах – пиры. Различия в данных источников связаны с двойственностью мировосприятия русской знати: светские радости меркли в часы молитвы, а набожность оказывалась неуместной во время пиров.

Различные явления повседневной жизни древнерусской знати уже неоднократно привлекали внимание исследователей [9]. Однако эмоциональный мир людей Древней Руси почти не изучен. Данная публикация посвящена одному из частных аспектов духовной жизни русских людей того времени. В ней проанализирован вопрос о том, чему радовались русские князья и дружина. Чтобы получить конкретный набор жизненных ситуаций, которые в Древней Руси связывались именно с радостью, мы целенаправленно не включали в анализ смежные понятия – «веселье» и др., которые, как показывают исследования, имеют иную семантику, чем лексема «радость» [7; 11].

Вопрос о содержании понятия «дружина» в настоящее время является предметом научной дискуссии [2; 10]. П.С. Стефанович, анализируя летописное словоупотребление лексемы «дружина», отметил, что «оно было крайне общим и расплывчатым и обозначало просто вообще всех людей, связанных с князем и пребывающих в его окружении в тот или иной момент, хотя преимущественно употреблялось для описания военных предприятий и указывало на людей, занятых военным делом.» [10, с. 449]. Не смотря на расплывчатость летописного словоупотребления, оно позволяет очертить объект для историко-антропологического исследования – светскую привилегированную (в разной степени) группу людей, которая составляла окружение князя и вместе с князем выступала носителем государственного начала. Князи и дружина имели свою систему культурных ценностей,

¹ Алпатов Сергей Викторович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.филол.н.; alpserg19@yandex.ru.
Шамин Степан Михайлович, ИРИ РАН (РФ, Москва), к.и.н.; shaminy@yandex.ru.

которая отличалась как от фольклорной культуры крестьянского мира и городских низов, так и от церковной культуры духовенства.

Наибольший объем информации по интересующей нас теме содержится в летописях и былинах. Каждый из указанных источников имеет свою специфику. Летописцами, как правило, были представители духовенства. Вследствие этого летописные источники позволяют взглянуть на данную сторону повседневной жизни преимущественно через призму религиозной культуры, для которой мирские радости, смех, веселье и тем более развлечения были хоть и не чужеродными, но греховными. Существенное влияние на упоминания о радости оказывали индивидуальный стиль летописца, а также особенности княжеской власти в конкретном регионе. К примеру, в новгородском летописании мы крайне редко встречаем сообщения о том, что князья радуются. Основная часть этих редких упоминаний о княжьей радости позаимствована из южного летописания. Анализируя летопись, мы не знаем, радовался ли князь на самом деле, или же летописец считал, что князь должен радоваться в этот момент жизни. Уверенность у нас появляется лишь при упоминании загробной радости, наличие которой можно с уверенностью отнести к разряду предположений летописца, а не фиксации происходящего. В случаях, когда радость выражена цитатой из книжного памятника, мы опять же не можем знать, действительно ли князь цитировал текст, или же цитата вложена в его уста летописцем. С уверенностью разделить в летописных записях повседневную реальность Древней Руси и мир книжных представлений того времени невозможно.

Былины² дают психологически более детализированное изображение радости, чем летописи. Однако произведения устного героического эпоса, несущие значительный объем информации о дружинной культуре средневековой Руси [6], создают и свои сложности источниковедческого плана. Былинные сюжеты Киевского цикла лишены жесткой хронологической привязки: коллизии, обязанные своим происхождением эпохе формирования древнерусской государственности, благополучно доживают в устной фольклорной традиции до начала XX столетия, претерпевая различные формально-стилевые и содержательные преобразования [1]. Таким образом, реконструируя на основе былин эмоциональный мир и поведенческие модели дружинной среды, мы с необходимостью учитываем вероятные наслоения

² Массив исследования составили собрания былин П.Н. Рыбникова, А.Ф. Гильфердинга, А.В. Маркова, Н.Е. Ончукова, А.Д. Григорьева, а также сборник Кириши Данилова, представляющие севернорусскую эпическую традицию XVIII – нач. XX вв.

культуры Московской Руси, а также факторы идеализации средневекового княжеского быта в крестьянской традиции позднего Средневековья и Нового времени.

Ниже мы остановимся на конкретных примерах радости, отраженной в источниках. При анализе материала привлекались лишь те случаи, когда упоминание о радости в той или иной степени персонафицировано. Сообщения о том, что радовались все жители города, лишенные указания на конкретный социальный слой «радующихся», мы опускаем.

Летописи свидетельствуют о том, что одним из важных источников радости для князей была вера. Первые русские князья радовались распространению христианства по Русской земле. Начиная с середины XI в. радостными в летописях называются события, свидетельствующие о том, что христианство не только распространяется на Руси, но и пускает здесь глубокие корни. В былинах радость, связанная с религиозной жизнью князей или их дружинников, эксплицитно не упоминается, несмотря на наличие сходных ситуаций: чудесно спасшийся Садко возводит церковь в честь Миколы Можайского [8].

Еще одним источником радости были для князей их семьи и дети. Ярослав Владимирович радовался кротости своего сына Всеволода [5, стб. 216]. Галицкий князь Даниил Романович, наоборот, радовался мужеству и доблести сына Льва, проявленными им на войне с ятвягами (1255 г.) [4, стб. 828]. Особую радость приносила князьям встреча с близкими людьми, избежавшими смертельной опасности. Радость от встречи с близкими людьми, избежавшими смертельной опасности присуща и былинной традиции.

Среди членов семьи, дарящих князю радость, в летописях практически не упоминаются женщины. Тем более ярким является случай, когда в 1264 г. брянский князь Роман Михайлович (Старый) радовался свадьбе своей любимой младшей дочери Ольги и князя Владимира, сына Василька Романовича. Радость была столь велика, что Роман забыл о боли от полученных перед этим в битве ран [4, стб. 862]. В былинах свадьба как источник радости отмечается регулярно.

Чаще всего в летописях в качестве источника князей радости фигурируют дипломатия и война. В отличие от предыдущих жизненных ситуаций, в этой группе сообщений радость не всегда можно определить прилагательным «чистая». В некоторых случаях с точки зрения современного человека для описания ситуации скорее подошло бы слово «злорадство». Описания же радости от победы над врагом часто сопровождаются упоминаниями о поголовном истреблении побежденных, сожженных селениях и других жестокостях войны.

Радостные события могли произойти на любом этапе развития событий – от подготовки войны до победы или заключения мира. Ключ к пониманию радости от гибели врагов в рамках христианской системы ценностей дают слова из псалма царя Давида «Се день, иже створи Господь, възрадуемся и възвеселимся во нь» [Пс. 117. 24], которые летописец вкладывает в уста Владимира Всеволодовича Мономаха после описания крупной победы над половцами (1103) и расчленения на куски половецкого князя Белдюзя [5, стб. 279]. В данном псалме также говорится о том, что иноверные иноплеменники окружили царя Давида, а он противился им именем Господним [Пс. 117. 10, 11]. Радость от истребления врагов, как правило, связана в летописи с избиением иноверных – половцев, поляков, венгров и др., победу над которыми православным дал сам Господь. Для былин ситуация, когда герой радуется, победив врага, также типична.

Отдельным, упоминаемым в летописях источником радости, были для князей победы их дружин. Предводителя, радующегося своей дружине, встречаем и в новгородских былинах. Так новгородский богатырь Василий Буслаев набирает себе дружину: наливает испытуемым чару в полтора ведра и охаживает по голове дубиной «во 12 пуд». «Тридцать молодцов без единаго» прошли искусы: «Василей сын Буслаевич Тем молодцам стал радошен и веселешонек» [3, с. 49].

В летописях зафиксированы также случаи, когда радовалась дружина. Все отмеченные случаи радости, так или иначе, связаны с делами князей. В былинах служба богатырей князю тоже отмечается, как один из источников радости.

Таким образом, былинная радость в значительной мере совпадает с летописной. Однако при сравнении ситуация радости, которые дают былины и летописи, фиксируются и важные расхождения. Стереотипная ситуация для богатырской радости – совместное застолье перед лицом властителя. В летописях ситуация пира в княжеско-дружинной среде также упоминается довольно часто, однако она последовательно характеризуется словом «веселье», а не «радость». Второе, упомянутое выше, различие между источниками – отсутствие в былинах упоминаний о радости, связанных с религиозной жизнью, столь частых в летописании. В качестве третьего отличия можно упомянуть тот факт, что летописный материал явно дает гендерное искажение. В нем жены и дочери крайне редко становятся причиной для княжьей радости. В былинах же женщины фигурируют в контексте понятия «радость» гораздо чаще.

Таким образом, источники рисуют нам следующую систему ценностей, являющихся источником радости для древнерусской зна-

ти: семья, военные победы, дружина (князь – для дружинников). Было в жизни князей и место для радостей, связанных с религией и развлечением на пирах. Однако эти радости конфликтовали между собой. В часы молитвы, в контексте обращения к Богу, светские радости меркли, а во время веселых пиров излишняя религиозность оказывалась чуждой для воина.

1. *Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
2. *Горский А.А.* Древнерусская дружина. М., 1989.
3. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подг. изд. А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов. М., 1977.
4. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.
5. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.
6. *Мрочек-Дроздовский П.Н.* О древнерусской дружине по былинам. М., 1897.
7. *Пеньковский А.Б.* Радость и удовольствие в представлении русского языка / *Пеньковский А.Б.* Очерки по русской семантике. М., 2004.
8. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 т. М., 1861. Т. 1.
9. *Романов Б.А.* Люди и нравы древней Руси: (Историко-бытовые очерки XI—XIII вв.). М.; Л., 1966.
10. *Стефанович П.С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.
11. *Толстой Н.И., Толстая С.М.* «Веселый» / *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

УДК 94(47).027

А.В. Лаушкин¹

Выбор дней для княжичьих постригов в Древней Руси

Древняя Русь; язычество и христианство; постриги княжичей; церковный календарь; календарная приуроченность событий.

Автор поддерживает мнение о христианском характере древнерусских княжичьих постригов и приводит в пользу этого новые аргументы, связанные с календарной приуроченностью данных церемоний.

Древнейшие памятники русского историописания, сохранившиеся в летописях Лаврентьевской (и близких ей), Ипатьевской и Новгородской I, содержат сообщения о семи случаях проведения «постригов» («пострѣгов») — торжественного обряда, совершавшегося над княжичами в возрасте двух-трех лет (или около того). Речь идет о постригах сыновей Всеволода Большое Гнездо Юрия [20, стб. 409; 22,

¹ Лаушкин Алексей Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; laushkin@newmail.ru.

с. 157; 23, с. 120], Ярослава [20, стб. 411; 21, стб. 674; 22, с. 158; 23, с. 120], Владимира [23, с. 121] и Святослава [23, с. 122] (1190-е гг.), его внуков Василька и Всеволода [20, стб. 437] (1212 г., в один день), праправнука Дмитрия [20, стб. 486] (1301 г.), а также сына Михаила Черниговского Ростислава [18, с. 69, 276] (1230 г.).

В известиях о постригах Юрия, Ярослава и Святослава Всеволодычей упоминается еще один ритуал, совершенный следом за постригами, — посадение мальчика на коня. Комментируя этот ритуал с конем, В.Л. Комарович указал на его «внецерковный характер», из чего сделал вывод, что и «посвятительный характер самых постригов — острижения первых волос — не мог не предполагать нецерковного же, языческого, адресата для приношения». Таким «адресатом» Комарович считал языческого бога Рода. По мнению ученого, языческую природу постригов косвенно подтверждает и сохранившееся от XVI в. обличение тех, которые «волшебствуют и с робят первые волосы стригут», а также известный по этнографическим данным и «уцелевший по "украинам" двоеверный обряд» пострижин [10, с. 89-90].

Понятно, что практиковавшееся у многих народов пострижение волос в знак перехода человека в новую возрастную или социальную категорию, включая пострижение мальчиков на определенном этапе их взросления, имеет архаические корни [8, с. 152]. У славян подобный обычай с мальчиками был, видимо, распространен с древнейшей поры [16, с. 202-203] и в различных формах местами дожил до XX в. [7, с. 177-201]. Однако внешнее сходство данных рудиментов язычества с отмеченными летописью постригами княжичей отнюдь не доказывает и религиозного тождества этих обрядов, на чем настаивал В.Л. Комарович. Перед нами та самая ситуация, в которой М. Блок настоятельно призывал опасаться «демона истоков» [5, с. 19-23], а Л.А. Беляев — «ложного узнавания» [3, с. 32], ибо за знакомой архаичной формой может скрываться новое содержание. Рассуждая об этом, Беляев справедливо подчеркивает, что «применение метода выявления рудиментов не всегда оправданно, поскольку пренебрегает возможностью усвоения некоторых внешних элементов дохристианской культуры путем семантической подмены: известно, что именно этим путем складывался предметный мир христианского богослужения, христианского обряда». Те элементы ритуала, которые в начале представляются исследователю проявлением живого язычества, при более внимательном рассмотрении могут оказаться «наделенными христианской семантикой» [3, с. 30-32]. Есть все основания полагать, что именно так обстоит дело и с летописными постригами.

Еще в позапрошлом веке литургисты А.А. Дмитриевский и К.Т. Никольский указали на бытование в средневековой Руси особого церковного чина первого пострижения волос «отрочате», пришедшего к нам уже в готовом виде. Ученые предположили, что именно этот обряд и имели в виду летописцы, рассказывая о постригах княжичей [9, с. 261, 313-316; 17, с. 342-354]. Генетически (по составу молитв) данный чин был как-то связан с церковным обрядом пострижения волос после таинства крещения [1, с. 426, 438-441], но не был тождественен ему². В русских требниках XVI–XVII вв. он читался почти в том же виде, что и в древнем Синайском глаголическом евхологии XI в. [26, s. 12-15], что говорит об устойчивости данной богослужебной традиции. По мнению Никольского, соотносить постриги княжичей с этим чином необходимо потому, что упоминаемое летописцами действие имело церковный характер — проводилось в храме и при участии епископа [17, с. 345-346]. Действительно, постриги маленького Ростислава Михайловича в Новгороде состоялись «у святѣи Софии, и уя влас архиепископъ Спиридон», а постриги сыновей Всеволода Большое Гнездо происходили в присутствии Иоанна, епископа Ростовского. Важно, что эти подробности проведения постригов на Руси полностью соответствуют тому, как аналогичный обряд описан в восходящем к X в. [25, с. 523-524] славянском житии Вячеслава Чешского — в «Убьенье святого Вячеслава» (Востоковской легенде). Там главного героя и других княжичей также постригает епископ (Нотарий) в церкви (святой Марии в Праге), поставив их после литургии «на степени пред олтарем» [24, с. 36, 56]. При этом заслуживает внимания одна примечательная деталь. В памятнике цитируется фрагмент молитвы, произнесенной епископом, и она, как установил Й. Вайс, происходит из того самого чина «на пострижение власомъ отрочате», который читается в Синайском евхологии [27, s. 51-56] (и позднейших русских требниках).

К сказанному не будет лишним добавить, что в Синайском евхологии за интересующим нас чином следуют две молитвы «на пострижение власомъ и брадѣ» [26, s. 15-16]. В греческих евхологиях того же столетия они (в несколько ином виде) помещались отдельно и, таким образом, соответствовали еще одному возрастному обряду с растительностью на голове, имевшему место в практике византийской

² Ср., напр., в новгородском Требнике РНБ. Сол. 1085/1194 (1505 г.), в одном месте предписывающем крестообразно постригать «власы» сразу же по завершению таинств крещения и миропомазания (при облачении новокрещеного), а в другом — совершать «М(о)л(и)твы на пострижение власомъ отрочате, впервые от рожения его» [1, с. 49 (третьей паг.); 19, с. 116-117].

Церкви [2, с. 30, 46-47, 374]³. Имел ли этот последний обычай какое-то влияние на постриги княжичей на Руси, мы можем лишь догадываться⁴. Но тут важнее другое. Если вспомнить, что сходные манипуляции с волосами проводились (помимо упомянутых случаев) еще и при посвящении во чтеца [17, с. 342, 347-348], а также при принятии монашества, то становится ясно, что ритуальное пострижение волос, несмотря на свое дохристианское происхождение, в начале II тыс. н.э. уже имело глубокие корни в церковной жизни и несло в себе очевидную христианскую семантику.

О христианском характере княжичьих постригов на Руси говорит и календарная приуроченность этих церемоний. Из семи зафиксированных летописцами случаев совершения постригов шесть имеют точные датировки — указание на день и месяц события. Учитывая, что русские князья и епископы внимательно относились к выбору дней для важнейших мероприятий политической и церковной жизни и обычно делали такой выбор с оглядкой на церковный календарь [6; 11; 14, с. 131-134], сохранившиеся точные даты могут рассматриваться в качестве дополнительных маркеров семантического поля интересующего нас обряда.

Первое сообщение о постригах — Юрия Всеволодыча — сохранилось в Лаврентьевской (*ЛЛ*), Радзивилловской (*РЛ*), Московско-Академической (*МАЛ*) летописях и Летописце Переяславля Суздальского (*ЛПС*) под 6700 г. Оно датировано 28 июля; *ЛЛ* верно уточняет, что в тот день праздновалась память мч. Евстафия Анкирского. По Н.Г. Бережкову, статья *ЛЛ* за 6700 г. является ультрамартовской [4, с. 84], из чего следует, что событие пришлось на воскресенье (28 июля 1191 г.) — еженедельное воспоминание о Пасхе Христовой.

Те же летописи под 6702 г. и Ипатьевская летопись (*ИЛ*) под 6700 г. рассказывают о постригах Ярослава Всеволодыча. В *ЛЛ* сказа-

³ Двум молитвам из Синайского евхология «на пострижение власомъ и брадѣ» в т.н. Евхологии Константинополя соответствует одна молитва, текстуально близкая к ним обоим (до слов «*πᾶσι τοῖς παρὰ σοῦ θεοῦ χάρισμα<σ> κατακόσμησον*» включительно в ней дословно читается первая половина первой молитвы, далее следуют отдельные обороты из заключительной части второй).

⁴ В русском Требнике ОР ГИМ Син. 675 (371) рубежа XIV-XV вв. имеется молитва, напоминающая разбиравшуюся в предыдущем примечании молитву из Евхология Константинополя на пострижение волос и бороды, но не тождественная ей (Л. 40 об-41). В частности, ни в заглавии («М(о)л(и)тва в постриженье главы»), ни в тексте нет упоминания о пострижении бороды, но при этом есть такой примечательный оборот, касающийся постригаемого: «главное свое пострижение *начинает* творити рабъ Твои». Не исключено, что в данной редакции молитва могла использоваться как раз в обряде постригов.

но, что произошли они «м(е)с(я)ца април(я) въ 27 день на памят(ь) с(вя)таг(о) Семеона, сродника Г(о)с(под)ня»; *РЛ*, *МАЛ* и *ЛПС* называют только месяц и число; *ИЛ* — только память святого. По Бережкову, статья *ЛЛ* за 6702 г. — ультрамартовская, а статья *ИЛ* за 6700 г. в части суздальских известий хронологически соответствует той же статье *ЛЛ* за 6702 г. [4, с. 85, 206]. Принимая этот вывод, получаем день торжества — вторник (27 апреля 1193 г.).

ЛПС под 6704 г. сообщает о постригах Владимира Всеволодыча, устроенных 26 октября. Начало погодной статьи сходно с соответствующей статьей *ЛЛ*, которую Бережков считает ультрамартовской [4, с. 85]. Если дополнительные чтения в статье *ЛПС* действительно относятся к тому же году, то церемония должна была состояться в четверг (26 октября 1195 г.). Однако в данном случае важнее указать на другой, гораздо более значимый, хронологический аспект события. 26 октября отмечалась память вмч. Димитрия Солунского [15, с. 185-186], который был небесным покровителем и Всеволода Большое Гнездо, и самого маленького Владимира Всеволодыча [13, с. 498-499, 505-506], носивших в крещении имя Дмитрий. Таким образом, постриги были приурочены к двойным именинам — отца и сына.

Под 6706 г. *ЛПС* отмечает постриги Святослава Всеволодыча, проведенные 9 ноября. Если воспользоваться той же логикой соотнесения с аналогичной по номеру статьей *ЛЛ* и учесть мнение Бережкова о ее ультрамартовском характере [4, с. 86], получаем, что обряд с волосами вновь пришелся на воскресенье (9 ноября 1197 г.). Здесь интересно указать и на то, что накануне, 8 ноября, отмечался Михайлов день, именовавшийся в месяцесловах Собором архангела Михаила и прочих небесных сил бесплотных, и еще родственный ему праздник — Собор архангела Гавриила [15, с. 196-197]. И первая, и вторая память предполагала чествование в числе других архангела Гавриила, именем которого был наречен в крещении Святослав Всеволодыч [13, с. 606]. Хотя в данном случае постриги не были назначены на самый день именин постригаемого, они непосредственно следовали за этим днем. Трудно отделаться от мысли, что два торжественных события в жизни княжича были соединены намеренно. Известно, что канун и в символическом, и в богослужебном отношении был в церковной практике Руси тесно связан с днем праздника, воспринимался как его преддверие [12, с. 117].

ЛЛ под 6720 г. сообщает о постригах сыновей ростовского князя Константина Всеволодыча — Василько и Всеволода. Церемония произошла в Ростове 23 мая «на памят(ь) святаго Михаила еп(и)с(ко)па». По Бережкову, рассматриваемая статья — мартовская [4, с.

103], а это значит, что упомянутое число пришлось на среду (23 мая 1212 г.), постный день. Выбор столь неудобного для праздника дня (и к тому же — в самом начале Петровского поста) можно объяснить тем, что кроме св. Михаила Синадского 23 мая отмечалась память самого почитаемого на Руси ростовского угодника — свт. Леонтия [15, с. 106-107, 346]. Постриги, таким образом, были соединены с одним из главных церковных торжеств Ростова.

Последний датированный случай постригов встречаем под 6810 г. в *ЛЛ*. 8 ноября, «на памят(ь) архистратига Михаила», обряд был совершен над Дмитрием, сыном князя Михаила Ярославича Тверского. Бережков считает статью ультрамартовской [4, с. 119-120, 123]. Это ведет к заключению, что праздник был вновь назначен на постную среду (8 ноября 1301 г.). Однако и в этом случае выбор вполне объясним: 8 ноября — это Михайлов день, именины Михаила Тверского [13, с. 580].

Как видим, из шести рассмотренных церемоний пять были приурочены к особо торжественным дням церковного календаря — именинам княжича и/или его отца, памяти местного святого или воскресенью. Без сомнения, это указывает на включенность постригов в ткань христианской жизни — как церковно-общественной, так и семейной.

1. *Алмазов А.И.* История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1885.
2. *Арранц М.* Избранные сочинения по литургике. Рим; М., 2003. Т. 3: Евхологий Константинополя в начале XI века и Песенное последование по требнику митрополита Киприана.
3. *Беляев Л.А.* Проблема христианского и языческого в погребальном обряде средневековой Москвы: семантические элементы надгробий XIII–XIV вв. // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., 1997.
4. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
5. *Блок М.* Апология истории или Ремесло историка. М., 1986.
6. *Борисов Н.С.* К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4.
7. *Гаврилюк Н.К.* Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981.
8. *Геннеп А., ван.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
9. *Дмитриевский А.А.* Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Казань, 1884. Ч. 1.
10. *Комарович В.Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16.
11. *Лаушкин А.В.* К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время // ТОДРЛ. Т. 63. (В печати.)

12. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Время жить и время умирать: Текстология древнейших русских летописей или княжеская семейная традиция? // Факты и знаки. М., 2008. Вып. 1.
13. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006.
14. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Кирилло-мефодиевский след в поставлении на митрополию Климента Смолятича (1147 г.) // *Miscellanea Slavica*: Сборник статей к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008.
15. Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
16. Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000.
17. Никольский К.Т. О службах Русской Церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885.
18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
19. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. Казань, 1898. Ч. 3.
20. ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.
21. ПСРЛ. М., 1962. Т. 2.
22. ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38.
23. ПСРЛ. М., 1995. Т. 41.
24. Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., коммент. и перевод А.И.Рогова. М., 1970.
25. Турилов А.А. Житие Вячеслава Чешского // БЛДР. СПб., 1999. Т. 2.
26. Geitler L. *Euchologium glagolski spomenik manastira Sinai brda*. Zagreb, 1882.
27. Vajs J. *Postřiziny sv. Václava* // *Casopis katolického duchovenstva*. 70 (95). Praha, 1929.

УДК 94(47).042/.043

Л.П. Горюшкина¹

О выборе дней княжеских и царских свадеб в первой половине – середине XVI в.

Княжеские и царские свадьбы; летописи; церковный календарь; памятные даты; XVI в.

В работе рассматриваются принципы выбора дней для княжеских и царских свадеб, влияние на него церковного календаря, а также предпочтений правителей Московского государства.

Интерес к древнерусскому свадебному церемониалу (в первую очередь княжескому и царскому) возник еще в середине XIX в. Од-

¹ Горюшкина Людмила Павловна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп.; alae@mail.ru.

нако несмотря на богатую традицию изучения бытовой стороны свадеб, вопросом о времени их проведения практически не задавались. И.П. Сахаров заметил, что свадьбы всегда приходились в Великоденский или Рождественский мясоед [20, с. 5-6]. А.А. Дмитриевский указал на возможность совершения обручения и венчания в разные дни [5, с. 386]. Разобрав свадебные чины «Домостроя», М.Г. Рабинович отметил, что в памятнике не говорится о предпочтительных сроках свадьбы, хотя детально расписывается ритуал [16, с. 14]. О.А. Князькина, рассмотрев церемониал русских царских свадеб XVI-XVII вв., заметила, что торжества начинались всегда в воскресенье или четверг [8, с. 107]. М.В. Кричевцев вскользь затронул вопросы о разнесенности во времени обручения и венчания, а также существования периодов в году, когда по каноническим правилам последнее запрещено [10, с. 36, 48].

В данной работе мы попробуем заполнить существующий пробел и рассмотреть, какими принципами руководствовались при выборе дня княжеских (а также царских) свадеб в первой половине – середине XVI в. Нас будет интересовать: насколько долго шла подготовка к свадебным торжествам; какой сезон оказывался наиболее предпочтительным; учитывались ли день недели, а также церковные праздники.

Для интересующего нас периода в летописях сохранились точные датировки тринадцати браков: двенадцати свадеб потомков Ивана III и свадьбы бывшего казанского царя Ядигера-Симеона. Впрочем, следует отметить, что интерес летописцев к этому типу событий не был постоянен. Свадьбы Василия III, Евдокии Ивановны, Ивана Грозного (с Анастасией) и Юрия Васильевича вызывали живейший интерес составителей как официальных, так и неофициальных летописей. В то же время о ряде других свадеб мы знаем только из официального летописания, довольно сухого. Для восьми случаев сохранились также свадебные дела и разряды, обладающие, впрочем, разной степенью полноты и точности. В целом же свадьбы разных лиц описываются названными источниками с разной степенью детализации: если об одних мы можем подробно рассказать с момента, когда было решено женить конкретное лицо, до последнего дня торжеств, то для других сохранилась только дата.

Прежде, чем приступить непосредственно к анализу точных дат, следует обратиться к вопросу о месте венчания в свадебном обряде. Последний состоял из ряда ритуалов (государева приговора, собственно свадебных торжеств («веселья»), а также обручения и венчания), которые могли существенно отстоять друг от друга во времени [5, с.

389], но имели определенную юридическую и каноническую силу. Таким образом, в качестве датировки свадьбы потенциально могли выступать разные даты. На основе архиерейских посланий дореволюционные исследователи делали вывод, что венчание совершалось в первый день свадьбы днем после обедни [20, с. 15, 18; 9, с. 141; 5, с. 381; 4, с. 293]². В летописях известия о бракосочетаниях передаются предельно общими фразами, не позволяющими однозначно утверждать, что «жениться» значило «венчаться»³.

Из четырех вариантов свадебных чинов, приводимых в «Домострое», два кратких описывают только один день свадьбы, причем в первом случае в этот день предполагается венчание, а во втором – обручение [6, с. 73-74]⁴. В двух более развернутых и то, и другое предполагается совершать в первый день [6, с. 77-79, 84]. Также представляют дело и имеющиеся в нашем распоряжении свадебные чины реальных лиц. Для свадьбы Василия III с Еленой Глинской говорится о венчании в первый день [7, с. 8-10]. Для свадеб Андрея Старицкого, Юрия Васильевича, Владимира Андреевича (первый брак) и царя Симеона речь идет уже об обручении и венчании [7, с. 23-24, 41-42, 50-51, 64-65]. Таким образом, очевидно обручение и венчание совершались в первый день свадьбы, который и находил отражение в источниках.

При обращении к конкретным датам, первое, что хотелось бы выяснить: насколько долго шла подготовка к свадебным торжествам и, соответственно, насколько широки были возможности в выборе конкретного дня. Для пяти свадеб сохранилась информация, позволяющая частично ответить на этот вопрос. Так, вопрос о женитьбе Ивана IV начал обсуждаться 13 декабря 1546 г., а окончательное решение было принято 17 декабря [13, с. 450; 14, с. 28]. Заметим, что на тот момент будущая великая княгиня еще не была определена: подготовка к смотру невест началась, видимо, с 20-х чисел декабря и продолжалась где-то до середины января 1547 г. [11, с.117-120 (№№ 4-7, 9-11); 14, с. 28]. Сама свадьба состоялась в четверг 3 февраля 1547 г. [13, с. 151-152]. Решение женить своего младшего брата Иван IV принял 18 сентября [7, с. 36]⁵, началась подготовка к смотру невест, который со-

² Мнение о совершении венчания наоборот вечером первого дня принадлежит А. Алмазову [2, с. 69].

³ Единственный случай, когда фраза может читаться именно так, содержится в Постниковском летописце [14, с. 29].

⁴ Здесь и далее составители чинов (в составе «Домостроя» и вне его) считают первым днем свадьбы тот, что заканчивается брачной ночью.

⁵ Разрядная книга ошибочно указывает на этот день как на день свадьбы [19, с. 337].

стоялся, видимо, возле Дмитриева дни (26 октября) [11, с. 123], а сама свадьба была назначена на 3 ноября 1547 г. [13, с. 154]. Решение женить Владимира Старицкого было принято, очевидно, в сентябре 1549 г., тогда же последовал и приказ о смотре невест, но исполнение задуманного было отсрочено в связи с казанским походом [7, с. 46]⁶. В итоге свадьба состоялась только в середине мая, причем выбор невесты, вероятно, проходил непосредственно перед свадьбой [13, с. 160; 7, с. 46]⁷. Что касается второго брака князя Владимира Андреевича, то при путанице чисел в свадебных делах, думается, сам порядок передан верно [19, с. 484-485; 7, с. 80]. Очевидно, на подготовку свадьбы ушло около месяца: решение о свадьбе было принято в конце марта, а само торжество состоялось в конце апреля. Впрочем, мы не знаем, когда и как проходил выбор невесты. Наконец, 5 октября 1553 г. Иван IV пожаловал пленного царя Симеона, решив выдать за него М.А. Кутузову. Свадьба планировалась на 2 или 5 ноября [7, с. 57; 19, с. 456], но состоялась в итоге 5 ноября [13, с. 235]. Как мы видим, подготовка свадебной церемонии длилась обычно месяц – полтора, причем в этот срок мог входить и выбор невесты. В последнем случае любопытно, что смотр невест проходил непосредственно перед свадьбой, но приблизительный день торжества определялся еще при публичном объявлении о намерении женить конкретное лицо.

Переходя непосредственно к рассмотрению того, какие дни выбирались для свадебных торжеств, начать следует с вопроса о сезоне года. В современной практике существует запрет совершать венчание в период всех четырех многодневных постов, а также в течение Святков, Масленицы (и предшествующего ей воскресения) и Светлой седмицы (Пасхальной). Встает вопрос: существовали ли эти запреты в XVI в. и насколько строго соблюдались. На Руси к XVI в. был известен запрет совершать брак Великим постом, на Масленицу и на Святки [21, с. 40 (№IV), 54 (№VIII), 117 (№XIX), 133(№XX), 242 (№XLVIII), 185 (№XXXVIIIг); 12, с. 89-93]. Впрочем, обращение к датам совершения браков показывает, что вполне последовательно исключалось время всех четырех многодневных постов, а также примыкающих к ним

⁶ В Древней российской вивлиофике (ДРВ) само решение датировано 1 сентября, однако на фоне прочих нестыковок с точными датами в этом разряде есть сомнения в верности конкретной даты. Разрядные книги ошибочно указывают на сентябрь 1549 г. как на время совершения самой свадьбы [18, с. 367; 17, с. 14].

⁷ Точные даты смотра невест и свадьбы в ДРВ указаны неверно, однако если мы признаем верным само указание на смотр невест уже после казанского похода, то приходится он должен был очевидно на апрель: Иван IV вернулся из похода в Москву 23 марта.

сплошных праздничных седмиц. Из 13 браков пять пришлось на зимний мясоед (время между Святками и Масленицей)⁸, три – на недели между Пасхой и Троицей, три – на время перед Рождественским постом и два – после Успенского поста, но ни разу – в разгар лета (между Петровским и Успенским постами). Надо полагать, что такое предпочтение связано с ритмом жизни государя, неперемного участника свадебной церемонии такого ранга. Следует отметить и то, что торжества ни разу не примыкают «вплотную» к запрещенному периоду. Самый короткий срок, отделяющий свадьбу как от начала, так и от конца такового, составляет неделю. Обычно же он продолжительнее (как правило, в пределах трех недель). Заметим, что в пяти случаях, когда свадьбы совершались в зимний мясоед, выбранный день приходился примерно посередине допустимого срока.

Следующий сюжет, на который стоит обратить внимание, – это выбор дня недели для совершения таинства⁹. Из рассмотренных нами случаев семь были приурочены к воскресеньям и шесть – к четвергам. Почти равное соотношение между ними заставляет задаться вопросом: существовала ли какая-нибудь зависимость в их выборе.

В рамках нашего периода в поле зрения летописцев оказалась судьба троих детей Ивана III: Василия III, Андрея Старицкого и Евдокии Ивановны. Из четырех свадеб в этом поколении только одна – Василия III и Соломонии – состоялась в четверг. Еще был жив Иван III, поэтому, вероятно, на выбор дня повлияла его воля: свадьба самого Ивана III с Софьей Палеолог (а Василий III был сыном от этого брака) также состоялась в четверг [3, с. 317].

После смерти Василия III число четверговых и воскресных браков выравнивается, однако к четвергам оказываются приурочены две свадьбы Ивана IV, свадьба его брата Юрия, а ранее – его опекуна В.В. Шуйского. Любопытно, что при совмещении двух свадеб свадьба Ивана IV состоялась в четверг, а его двоюродного племянника И.Ф. Мстиславского – в воскресенье, а не наоборот. Т.е. к четвергу оказываются приурочены более «статусные» торжества.

Заметим, что современные канонические правила не допускают совершения венчаний в четверг, поэтому регулярный выбор этого дня допускает предположение, что существовала отличная от современной каноническая норма. Сохранившиеся памятники регламентируют преимущественно время многодневных постов. Вне их главные уси-

⁸ Очевидно, вполне типичное время для свадеб вообще: псковский летописец называет этот срок «о свадебницах» [15, с. 103].

⁹ Заметим: летописец к ним гораздо внимательнее, чем к конкретным числам, и реже допускает погрешности.

лия священноначалия, видимо, были направлены на то, чтобы побудить сохранять чистоту в дни причастия, а равно – дни посещения церковных служб (суббота, воскресенье и большие праздники) [1, с. 145 (№№1, 2), 148 (№3), 151 (№№4, 5), 153 (№6), 160-161 (№9), 161-162 (№10), 164 (№12), 166(№13), 167 (№14), 178 (№26), 184-185 (№31)]. Практика четче регламентировать пост в будние дни только намечалась, поэтому жесткого правила для венчаний в будни, видимо, еще не существовало.

Последнее, на чем хотелось бы остановиться, – это соотнесение дня свадьбы с календарем непереходящих церковных праздников. Напомним, что выбор конкретного дня осложнялся ограничениями в выборе сезона года и дня недели. Тем не менее: для свадьбы Василия III с Соломонией было выбрано 4 сентября, канун памяти пророка Захарии и праведной Елисаветы – родителей Иоанна Предтечи; для свадьбы Андрея Старицкого и Евфросинии – Сретение, Ивана IV и Анастасии – следующая за Сретением память праведного Симеона Богоприимца и пророчицы Анны. Свадьба Василия III с Еленой Глинской состоялась в канун памяти ап. Тимофея, а равно – дня рождения Ивана III [3, с. 642]. Князя Юрия Васильевича Иван IV женил на его именины. Свадьба бывшего казанского царя Симеона с М.А. Кутузовой была назначена Иваном IV на канун памяти преп. Варлаама Хутынского. Выбранный день возможно был памятен как день тезоименитства Василия III (Варлаам – его монашеское имя, сам Василий III при жизни очевидно почитал этого святого). В любом случае память этого святого была важна царю – придел в его честь возведен в соборе Покрова на Рву. Год спустя Иван IV выдавал замуж свою двоюродную племянницу М.В. Шуйскую. Ее свадьба с И.Д. Бельским была назначена на Собор Архангела Михаила. Особенное почитание Архангела Иваном также известно. Кроме того, в 1552 г. в этот день в Москве состоялись торжества, посвященные взятию Казани – вряд ли они были забыты ко времени свадьбы. Ранее свадьбу другого своего двоюродного племянника, И.Ф. Мстиславского, Иван IV приказал назначить на третий день собственной свадьбы (6 февраля 1547 г.). Как мы видим, в целом можно говорить о внимательном выборе конкретного дня для свадьбы, причем при выборе календарных совпадений могли играть роль несколько мотивов. Помимо вполне ожидаемого желания «привязать» свадьбу к памяти святых, ассоциирующихся с чадородием, важным оказывалось и совпадение с датами, актуальными для истории конкретной семьи. В то же время при Иване IV становится заметен и определенный политический момент в выборе дня. Отметим здесь и то, что современного запрета венчать в дни

крупных церковных праздников, видимо, еще не было – свадьба Андрея Старицкого состоялась в Сретение. Впрочем, для княжеских свадеб этот случай скорее уникальный: хотя несколько венчаний состоялось вблизи Рождества Богородицы, Сретения и т.д., повторения этого случая не было. Думается, определенную роль здесь играл и выбор дня недели – если «говорящая» дата приходилась на «неудобный» день, то свадьбу все же играли с учетом дней недели.

Таким образом, говоря о выборе конкретного дня для свадьбы, следует отметить следующее. Приблизительный день для заключения брака определялся за месяц-полтора до самого события, но в силу ряда причин (в том числе выбора невесты непосредственно перед браком), мог, вероятно, несколько корректироваться. Поскольку свадебная церемония включала венчание, заметное влияние оказывал церковный календарь: браки не совершались в дни многодневных постов и примыкающих к ним праздничных седмиц. Однако сама каноническая норма очевидно отличалась от современной, что делало допустимым совершение венчания в четверг и, возможно, в дни крупных церковных праздников. В то же время актуальными оказывались памятные даты, связанные с историей конкретного семейства, а в правление Ивана IV определенную роль начинают играть и политические мотивы. Обе эти линии находят выражение в первую очередь в приуроченности свадьбы к дням памяти определенных святых.

1. Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной Церкви. Опыт внешней истории. М., 1995. Т. III. Приложения. (репринт Одесса, 1894).
2. Алмазов А. Сообщения западных иностранцев XVI-XVII вв. о совершении таинств в русской Церкви. (Церковно-археологический очерк). Казань, 1900.
3. Борисов Н.С. Иван III. М., 2006.
4. Георгиевский Г.П. Древнерусские свадьбы // Георгиевский Г.П. Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. СПб., 1899.
5. Дмитриевский А.А. Богослужение в русской церкви в XVI веке. Ч. 1. Казань, 1884.
6. Домострой. Изд. 3-е. М., 2007.
7. Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. XIII. М., 1790.
8. Князькина О.А. Царская свадьба: взгляд через столетия // Наука и жизнь. 1999. № 8.
9. Костомаров Н.И. Домашние обряды. Родины и крестины, брак, новоселье, смерть, погребение (Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях (Очерк)) // Костомаров Н.И. Русские нравы. М., 1995.
10. Кричевцев М.В. Церковный брак в православной России XVI-XVIII веков. Новосибирск, 2006.
11. Назаров В.Д. Свадебные дела XVI века // Вопросы истории. 1976. № 10.

12. Павлов А. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права (= Ученые записки Императорского Московского Университета. Отдел юридический. Вып. 5). М., 1887.
13. ПСРЛ. Т. 13. М., 2000.
14. ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.
15. Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1.
16. Рабинович М.Г. Свадьба в русском городе в XVI в // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978.
17. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
18. Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1977. Т.1. Ч. II.
19. Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1978. Т.1. Ч. III.
20. Сахаров И.П. Русские народные свадьбы // Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 6.
21. Смирнов С.С. Древнерусский духовник. М., 1914.

УДК 94(47).043

А.Л. Грязнов¹

Сомнительные сделки на родовые вотчины князей Ухтомских во второй половине XVI в.

Землевладение; XVI в.; вотчина; родовое княжеское землевладение; собственность.

Рассматривается вопрос о достоверности информации, излагаемой во владельческой документации на ряд родовых вотчин князей Ухтомских, выявляются несколько сомнительных сделок с этими вотчинами.

История земельных владений неотделима от владельческой документации, собственно второе служит важнейшим элементом юридического закрепления первого. Общим местом большинства трудов по истории землевладения Средневековой Руси является признание того, что усложнение формуляра актов связано с развитием земельных отношений, увеличением числа сделок с недвижимостью.

Недвижимость – это актив с высокой стоимостью и, следовательно, высоким интересом к различного рода махинациям, в первую очередь выражающийся в том или ином виде фальсификаций. В этом плане на себя обращают внимание сделки князей Ухтомских с сщ. Ескиным, сщ. Никитиным и с. Семеновским.

Сделка купли-продажи подразумевает, что продавец реализует свое право распоряжаться и отчуждать объект сделки. Тем не менее, покупатель практически всегда находится в зоне риска, причем, как в XVI в., так и сейчас. Если в XV в. защита интересов покупателя

¹ Грязнов Анатолий Леонидович; rubicon@vologda.ru.

подробно не обговаривалась [2, №2, 8, 10, 15, 16, 18, 19, 20, 23-25 и др.] и вероятно такой защитой выступали сравнительная редкость сделок с недвижимостью и информированность соседей о владельческой истории вотчины (собственно с этим связан институт послушества), то для XVI в. стандартной практикой являлась фиксация обязательств продавца компенсировать покупателю убытки, причиненные из-за нечистоты сделки. В частности, продавец гарантировал, что вотчина «не продана, ни променена, ни в кабалах, ни в записях меновных не заложена, ни в рядных грамотах не отдана, ни какими крепостями ни у кого ни чем не укреплена». Следовательно, если впоследствии выяснялось, что вотчиной уже владеет кто-то другой или есть дополнительные обременения, то продавец должен был возратить полученные деньги или компенсировать причиненный ущерб. С другой стороны, подписывая купчую, продавец свидетельствовал, что расчет по сделке завершен, и он к покупателю претензий не имеет.

Из этих посылов вытекает несколько следствий:

Добросовестный приобретатель не может приобретать один и тот же объект недвижимости у двух разных продавцов.

Продавец/закладчик вотчины обладает правом ею распоряжаться.

Правом распоряжения на одну и ту же недвижимость не могут обладать два и более лица (если это не родственники-совладельцы).

Если совершаются две сделки на одну вотчину, то одна из них (скорее всего более ранняя) должна признаваться неправомерной и расторгаться, а документация возвращаться продавцу или уничтожаться.

Продавец, заключая договор, заинтересован получать выплату, иначе он задаром лишается собственности, а при возникновении спорной ситуации будет вынужден возвращать покупателю собственные деньги, т.е. приобретать свою же вотчину.

Кроме того, цена должна отражать некую рыночную цену, связанную с доходностью актива, его ликвидностью, потенциалом и уязвимостью. Это в свою очередь значит, что схожие по размерам и расположению объекты недвижимости должны обладать примерно равной ценностью, а значит и стоимостью.

Сведение в таблицу информации о суммах сделок на родовые вотчины Ухтомских показывает, что отсутствует формальная зависимость цены вотчины от важнейшего критерия ее ценности – количества селений в ней.

№	Дата сделки	Тип сделки	Вотчинный комплекс	Сел/ Селец	Деревень	Починков	Пустошей	Кол-во поселений	Цена	Средняя стоимость одного поселения
1	1556/ 57 г.	Продажа	Купчая на с. Карповское	1	14	3		18	350	19,44
2	Ранее 1551 г.	Заклад	Закладная на 7 деревень		7			7	100	14,29
3	1551/ 52 г.	Заклад	Закладная на с. Ескино	1	2	1		4	200	50,00
4	1559 г.	Заклад	Закладная на с. Ескино	1	9	1		11	300	27,27
5	1559 г.	Продажа	Купчая на с. Ескино	1	9	1		11	300	27,27
5	1559 г.	Продажа	Купчая на с. Ескино	1	9	1		11	150	13,64
6	1549/ 50 г.	Заклад	Закладная на дд. Грибова, Климовское, Волково		3			3	10	3,33
7	Ранее 1558 г.	Заклад	Закладная на сц. Никитино	1	9			10	132	13,20
8	1558/ 59 г.	Продажа	Купчая на сц. Никитино	1	19	1		21	600	28,57
9	Ранее 1559/ 60 г.	Заклад	Закладная на четыре деревни		4			4	30	7,50
10	1560/ 61 г.	Продажа	Купчая на четыре деревни		3	1		4	100	25,00
11	1538/ 39 г.	Продажа	Купчая на восемь деревень		8			8	140	17,50
12	1545/ 46 г.	Продажа	Купчая на восемь деревень		8			8	140	17,50
13	1560/ 61 г.	Заклад	Закладная на д. Бисерково с дд.		3			3	30	10,00
14	1562/ 63 г.	Заклад	Закладная на с. Семеновское	1	5			6	120	20,00
15	1562/ 63 г.	Заклад	Закладная на две деревни		2			2	60	30,00
16	1563/ 64 г.	Заклад	Закладная на с. Семеновское	1	11	2		14	290	20,71
17	1566 г.	Продажа	Купчая на с. Семеновское	1	10	2	1	14	500	35,71
18		Заклад	Закладная кн. Федора Холуева на с. Борисо-	1	4	5	1	11	100	9,09

			глебское							
19	1557 г.		Мировая кн. Д.Д. Ухтомского с Корнильево-Комельским монастырем	1	4	1	1	7	100	14,29
20	1557 г.		Мировая кн. Д.Д. Ухтомского с Корнильево-Комельским монастырем			4		4	40	10,00
21	1569/ 70 г.	Продажа	Купчая Д.А. Кемского на с. Борисо-глебское	1	1,3			2,25	60	26,67
22	1569/ 70 г.	Заклад	Закладная на земли с. Борисо-глебского		1,1			1,12	20	17,86

Настораживает существенный разброс цен – от 3,3 до 50 руб. за одно поселение. Причем, например, в закладной на с. Семеновское вотчина оценивается в 290 руб., а в купчей – 500 руб., хотя состав вотчины в обеих сделках одинаков. Или же с. Карповское было продано в 1557 г. за 350 руб. (село и 17 деревень), а расположенная по соседству вотчина с. Ескина в два раза меньшего размера (сц. и 10 деревень) в 1559 г. почти за такую же сумму – 300 руб. Налицо какие-то финансовые махинации.

Попробуем выяснить, оправданы ли наши подозрения. В 1551 г. владелец села Ескина кн. Григорий Угримов-Ухтомский заложил семь деревень своей родовой вотчины кн. Василию Федоровичу Рыбину-Пронскому². Ему ж через несколько месяцев в заклад попала и оставшая часть вотчины (село и три деревни)³. В 1553/54 г. Григорий Угримов подписал очищальную и обязался выехать из вотчины до 1 октября 1554 г., а в 1558/59 г. «з боярского доклада» сделка из разряда заклада перешла в разряд купли: «за свои долг» «яз, князь Григореи, той своей вотчины ступился князю Ваське Пронскому»⁴. Причем записи сходного содержания были оставлены не только на очищальной, но и на обеих закладных. Общая сумма двух сделок составила 300

² ОР РНБ. ОЛДП. 0.62. Л. 20 об-21.

³ ОР РНБ. ОЛДП. 0.62. Л. 18 об-20.

⁴ ОР РНБ. ОСРК. Q.IV.1136. Л. 243-246.

руб. Казалось бы, кн. Василий Пронский должен стать полноправным хозяином вотчины, ведь сделка согласно январскому указу 1558 г. должна была быть зафиксирована в специальных вотчинных книгах [4, № 29, с. 50], но в этом же году за те же 300 руб. Пронский закладывает сроком на один год уже весь комплекс сц. Ескина в Кирилло-Белозерский монастырь и в качестве оснований владения вотчиной ссылается на закладные кн. Григория Ухтомского [3, с. 263]. Однако если верить документам, в том же году, еще до истечения срока заклада сц. Ескино было куплено монастырем у Григория Ухтомского⁵ который позднее указал межи новой монастырской вотчины, причем послухом в этой грамоте выступал кн. Василий Пронский⁶. Это выглядит несколько странно, ведь на руках у кирилловских старцев на момент оформления купчей наверняка были закладные Григория на Ескино в которых значилось, что «з боярского доклада» он «той своею вотчины ступился князю Ваське Пронскому». Одинаковая оценка вотчины в 300 руб. во всех трех сделках свидетельствует, что при составлении купчей явно учитывалась номинальная цена вотчины, прописанная в закладных, т.е. старцы были в курсе предыдущих сделок.

Вместе с тем, 300 руб. не были реальной суммой, которая была выплачена при заключении сделки. Во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря записано, что Василию Пронскому было выплачено 150 руб. (10 из которых вновь вернулись в монастырь в виде вклада) [1, с. 65]. Получается, что, скорее всего, и Григорий Ухтомский заложил Василию Пронскому сц. Ескино не за 300 руб., а за 150 руб.

Таким образом, если верить документам, в течение одного года монастырь дважды приобрел одну и ту же вотчину (купил и получил в заклад), а Григорий Ухтомский умудрился в течении пары месяцев сступить ею Василию Пронскому и продать монастырю. Причем документы, фиксирующие все эти операции, хранились в казне Кириллова монастыря. Получается, что в любой момент монастырские власти могли предъявить или Пронскому или Ухтомскому соответствующие крепости для очищения владельческих прав и получить с них 300 руб., причем стоимость вотчины по документам была завышена в два раза, поскольку реально была оценена в 150 руб.

Другой пример махинаций – операции с землями сц. Никитина.

⁵ РГАДА. Ф. 281. № 9689.

⁶ ОР РНБ. СПб ДА. А1/17. Л. 147-148; ОР РНБ. ОСРК. Q.IV.1136. Л. 239-240.

В 1549/50 г. кн. Федор Петрович Ухтомский заложил четыре деревни, находившиеся поблизости от сц. Никитина, «чем меня отец мой пожаловал князь Петр Александрович» [3, с. 262-263]. Следовательно, уже в это время князю Федору была выделена особая вотчина, которой он распоряжался самостоятельно. Однако через несколько лет эти деревни вместе с сельцом Никитиным и еще пятью деревнями были заложены князем Петром и другим его сыном Иваном кн. П.И. Дееву⁷. Вотчина была оценена в 132 руб. Впоследствии эту закладную выкупили старцы Кириллова монастыря, а в 1558/59 г. оформили купчую на никитинский комплекс (к деревням, упомянутым в закладной, прибавилось еще 11) оценив его в шестьсот рублей, причем закладная в купчей не упоминается, как будто бы ее и не было, а монастырь выплатил деньги сполна именно по купчей. Снова видим манипуляции с оценкой земельного владения. Половина вотчины, вместе с сельцом оценена в 132 руб. Еще четыре деревни стоили 30 руб. (одна из них – д. Бисерково была продана немного позднее, вместе с с. Семеновским). Итого – 14 поселений стоили 162 руб., а если исключить из их числа две деревни, не вошедшие в число отчуждаемых по купчей 1558/59 г., то 12 деревень стоили порядка 150 руб., тогда как остальные девять формально оказываются оценены в 450 руб., т.е. в три раза дороже. Не менее интересно и то, что в числе деревень, проданных вместе с Никитиным, оказались три, находящиеся в это время в закладе. Их выкуп произошел в 7068 г., т.е. между 1 сентября 1559 г. и 31 августа 1560 г., а значит, на год позже продажи, произведенной в 7067 г. (1558/59 г.)⁸, а слова купчей: «А та у него вотчина селцо Никитино з деревнями инде не продана, ни променена, ни в кабалах, ни в записях меновных не заложена, ни в рядных грамотах не отдана, ни какими крепостми ни у кого ни чем не укрепена»⁹ были лукавством.

Практически идентичную ситуацию видим и при продаже с. Семеновского. Одна из деревень (Гаврино) фигурирует в двух закладных, составленных в один год. Причем в первом случае кн. Петр Александрович вместе с детьми заложил село и деревни Дмитрию и Данилу Ухтомским, а во втором случае его сын Иван¹⁰ заложил

⁷ ОР РНБ. ОСРК. Q.IV.1136. Л. 201 об-203.

⁸ Из этих четырех деревень вместе с сц. Никитиным были проданы три, д. Бисеркова вместе с двумя другими деревнями была вновь заложена уже через год.

⁹ РГАДА. Ф. 281. № 9690.

¹⁰ В закладной на село он «По сей кабале яз, князь Иван, деньги занял и вотчину заложил и руку приложил» [3, с. 265].

две деревни в Кириллов монастырь. Цена на с. Семеновское тоже существенно колеблется. В 1564 г. вотчина была заложена в Кирилло-Белозерский монастырь за 290 руб., а в 1566 г. продана уже за 500 руб. Причем, если в случае с сц. Ескиным можно полагать, что кн. Григорий Иванович все же получил какую-то сумму (видимо от Василия Пронского) и смог приобрести новую вотчину, то при продаже Семеновского кн. Петр Александрович, видимо, оказался в большомкладе. Оказывается, расчеты по сделке так и не были завершены и 109 руб. оставались «на хранении» в казне Кириллова монастыря. С этим, очевидно, было и связано то, что кн. Петр долгое время не выезжал из вотчины.

Еще одним примером сомнительной сделки можно считать вклад в Кириллов монастырь кн. Д.А. Кемского. В 1569/70 г. он приобрел с. Борисоглебское с полутора деревнями у братьев Данила и Ивана Ухтомских¹¹ и получил в заклад у их двоюродного брата Юрия полторы деревни этого же вотчинного комплекса¹² (последняя треть вотчины осталась у Ухтомских). А уже через год Кемский передал в монастырь уже всю вотчину целиком, как будто-то владел второй третью¹³.

Итак, налицо несколько фактов, не укладывающихся в понятие добросовестной сделки. Видим, что владельцы вотчины вполне могли закладывать ее одновременно двум разным лицам или же продавать уже заложенную вотчину. В этом случае в невыгодном положении оказывается покупатель/заимодавец. Другой вариант – когда по документам в 1,5-2 раза завышается стоимость вотчины¹⁴. Тут уже налицо действия в интересах покупателя (в нашем случае – монастыря), поскольку, таким образом, пресекалась экономическая целесообразность выкупа вотчины, как бывшим владельцем, так и его родственниками. Данная стратегия не являлась какой-то особенной практикой именно Кирилло-Белозерского монастыря и даже не исключительно монастырской практикой. Как видим и светские лица во взаимоотно-

¹¹ ОР РНБ. СПб ДА. АИ/17. Л. 144-144 об.

¹² ОР РНБ. СПб ДА. АИ/17. Л. 144 об-145 об.

¹³ ОР РНБ. СПб ДА. АИ/17. Л. 145 об-146.

¹⁴ Практика увеличения «по документам» суммы заклада прослеживается и в других случаях. Например, старец Спасо-Прилуцкого монастыря Иосиф Коптяев в своей духовной (1608 г.) прямо заявляет: «да взяти мне... по кабале... прямых рубль денег, а кабала писана вдвое в двою рублех...» [3, с. 458]. Княгиня Мария Дябринская заняла деньги у собственного сына, на треть увеличив сумму долга: «Да тое ж еси вотчины заложила у сына своего, у князь Никиты, три деревни... въ дватцати в трех рублех, а приписи в тои кабале семь рублевъ...» [5, с. 246].

шениях с контрагентами вполне могли смошенничать. Данные факты в первую очередь, свидетельствуют, что известная формула об отсутствии обременения вотчины вызвана именно регулярной практикой в сфере оборота недвижимости. Другой вывод – более пристально и с большей долей критичности относится к сохранившимся источникам, в виду того, что за кажущейся обычной сделкой может скрываться целый комплекс обстоятельств и помочь разобраться в этом нам может сопоставление таких формальных признаков, как цена и размер вотчины.

1. *Алексеев А.И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3-4.
2. АСЭИ. Т. I.
3. АЮ.
4. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986.
5. *Каиштанов С.М.* Белозерско-пошехонские князья и другие вкладчики Павлова Обнорского монастыря // История и культура Ростовской земли 2005. Ростов, 2006.

УДК 94(47).043

А.С. Усачев¹

О возможном источнике информации о Западной Европе у представителей русской церковной элиты XVI в. (штрих к биографии дьяка М.Ф. Карачарова)²

Русско-европейские культурные связи; М.Ф. Карачаров; Пафнутьево-Боровский монастырь; история Церкви; дьяки; XVI в.; Средневековая Русь; история России.

Рассматривается вопрос об источниках устных сведений о западноевропейских странах в монастырской среде. Высказывается предположение о том, что проникновение соответствующей информации в обители в XVI в. могло быть связано с принятием пострига русскими дипломатами, такими как дьяк М.Ф. Карачаров, удалившийся в Пафнутьево-Боровский монастырь в 1526 г.

Совпадение во времени двух общеизвестных фактов – активизации контактов России с европейскими странами в конце XV – середине XVI в. и кристаллизации в этот период идеи об особом месте в

¹ Усачев Андрей Сергеевич, Российский государственный гуманитарный университет (РФ, Москва), д.и.н.; asuusa1@mail.ru.

² Исследование выполнено при содействии гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (проект № МД-209.2012.6).

мировой истории Московского царства – неизбежно ставит исследователя перед вопросом: как к контактам с «латинами» (а позднее и лютеранами) единственного православного государства относились представители церковной элиты? Поиски ответа на этот вопрос побуждают рассмотреть круг источников их сведений о современной им Европе. Откуда они черпали соответствующую информацию?

В работах Н.А. Казаковой, М.А. Алпатова и других исследователей уже немало было сделано для установления их «книжных» источников. Однако, очевидно, что ими круг источников не исчерпывался. Можно предполагать, что определенную роль в информировании церковной элиты могли сыграть личные контакты лиц, имевших большой «зарубежный опыт», с иноками крупнейших русских обителей этого времени. Именно из их стен выходили высшие иерархи Церкви. Весьма заметное место среди них в это время занимал Пафнутьево-Боровский монастырь, тесно связанный с Иосифо-Волоколамским.

В ходе поиска лиц, которые могли служить информаторами иноков боровской обители, мы обратили внимание на ряд записей на Псалтыри 1507 г. из собрания Кирилло-Белозерского монастыря. Как следует из полууставной выходной записи, выполненной писцом рукописи, она «написана быша рукою многогрешнаго Домента Михайлова в граде Москве на Посаде в лето 7015 месяца марта в 13 день... замышлением и повелением господина нашего Митрофана Федоровича Карачарова» (см.: ОР РНБ. Ф. 351 (Собрание Кирилло-Белозерского монастыря). № 1/258. Л. 497).

Заказчик рукописи – дипломат, дьяк М.Ф. Карачаров – в 1499–1504 гг. вместе с Д.И. Ралевым возглавлял посольство в итальянские земли. Известия источников об этом персонаже прерываются мартом 1520 г. (в этом году он судил в Серенске) – о его последующей судьбе до недавнего времени не были ничего известно (краткие сведения о М.Ф. Карачарове и его потомках представлены в работах о дьяках Н.П. Лихачева, С.Б. Веселовского и А.А. Зимина). Три записи на Псалтыри 1507 г. на Л. 498 об. (выполнены тремя полууставными почерками отличным от почерка писца рукописи и выходной записи) позволяют уточнить некоторые факты биографии этого лица.

Судя по содержанию записей на рукописи, в течение какого-то времени после ее написания она бытовала у ее заказчика – у Митрофана Карачарова. Первая запись сообщает о кончине 2 июля 1518 г. «рабы Божьей Акилины», которая, вероятно, являлась родственницей Митрофана (возможно, женой или дочерью). Две другие записи, выполненные различными почерками в разное время, имеют самое непосредственное отношение к биографии дьяка. Одна сообщает о его

постриге 14 октября 1526 г. в Пафнутьево-Боровском монастыре (Митрофан при постриге принял имя Марк). Последняя запись повествует о кончине «Марка Карачарова» 28 апреля. Год в записи о смерти не указан – очевидно, что это было связано с необходимостью фиксации дня памяти инока; год здесь уже особой роли не играл (судя по дате и содержанию предыдущей записи, можно лишь полагать, что это произошло не ранее 1527 г.). Вероятнее всего, книга в течение какого-то времени хранилась в стенах боровской обители; позднее она фиксируется уже в рукописном собрании Кирилло-Белозерского монастыря (владельческих записей рукопись не содержит).

Хотя потомки Митрофана, судя по их вкладам, были связаны с Троицей, в принятии пострига самим Митрофаном именно в Пафнутьевом монастыре нет ничего удивительного – Карачаровы, служившие удельному верейскому князю Михаилу Андреевичу, были тесно связаны с этим регионом. Так, отец Митрофана – Федор – в 60–70-е гг. XV в. служил тиуном в Белозерье князю Михаилу Андреевичу Верейскому. На территории его удела и находился Пафнутьев (после смерти Михаила удел, согласно его духовной, отошел великому князю Ивану III со всеми служилыми людьми). Федор и Митрофан Карачаровы владели землями на территории верейского удела – духовная Михаила Андреевича (не позднее 1486 г.) фиксирует ряд их земельных владений в Ярославецком (Малоярославском) уезде, находящемся в непосредственной близости от Боровска.

Вряд ли постриг Митрофана в 1526 г. был связан с опалой, постигшей некоторых противников развода Василия III. Известно, что один из сыновей Митрофана – Иван Чудин – в этом году принимал участие в организации бракосочетания великого князя с Еленой Глинской; очевидно, что это было бы невозможно в случае опалы его отца. Скорее всего, постриг Митрофана обуславливался достижением им вполне преклонного по меркам средневековья возраста: не позднее 1486 г. он уже выступал как вполне самостоятельный землевладелец, который к этому времени уже сообща с отцом владел их общей «куплей» – селом Абакумовским «на Можайском рубеже», которую позднее у них забрал Михаил Андреевич, компенсировав это владение рядом других; к 1526-му году Митрофан уже, по меньшей мере, 40 лет упоминался в источниках.

Как видим, Митрофан сохранил связи с боровской обителью, которые, по всей видимости, были установлены еще в удельный период. В ней он принял постриг. В течение какого-то времени он проживал в этом монастыре, так или иначе общаясь с его иноками. Ввиду отсутствия соответствующих прямых показаний источников настаивать

вать на том, что с фигурой Митрофана Карачарова может быть связано проникновение в боровскую обитель каких-либо сведений о европейских странах, не приходится. Для нас важно зафиксировать другое: в монастыре, с которым были связаны весьма заметные деятели Русской церкви XVI в. (в первую очередь ее самый известный пострижник – новгородский архиепископ (позднее – митрополит) Макарий), в течение какого-то более или менее продолжительного времени проживал дипломат, располагавший немалым багажом знаний о Западной Европе.

Учитывая то, что численность русских посольств насчитывала десятки служилых людей, часть из которых, как показывает материал вкладных книг и монастырских синодиков, принимала постриг в крупнейших обителях, можно думать, что Митрофан Карачаров был далеко не единственным возможным источником устных сведений о странах Европы в монастырской среде. Возможно, проникновение и бытование этих сведений сыграло свою роль (вероятно, немалую) в подготовке представителей русской церковной элиты к заимствованиям из Европы в области культуры, архитектуры и искусства. Последние, как показывает «дело И.М. Висковатого», в XVI в. не только принимались, но и энергично отстаивались иерархами Русской церкви.

УДК 94(47).041

Т.А. Матасова¹

**Древнерусский перевод Первой книги «Географии»
Помпония Мелы: исторический контекст, перспективы
издания и изучения**

Помпоний Мела; древнерусский перевод; рукопись; публикация; Великие географические открытия; Италия.

В статье впервые специально рассматривается неизданный памятник древнерусской переводной литературы – древнерусский перевод части одного из римских географических трактатов, датируемый рубежом XV-XVI вв. Обосновывается необходимость его скорейшего издания, которую автор намеревается осуществить.

В фонде 181 (РО МГАМИД) собрания РГАДА под № 514 числится сборник смешанного содержания, датируемый рубежом XV-

¹ Матасова Татьяна Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; tamatt2009@gmail.com.

XVI вв. (не позднее первой четверти XVI в.) [4]. На лл. 10 об. – 40 об. содержится интереснейший текст – древнерусский перевод части самого раннего известного древнеримского географического трактата «Cosmografia, sive De situ orbis», написанного в I в. н.э. Помпонием Мелой из Тингентеры. Текст представляет собой описание известной автору ойкумены. Переведена лишь Первая книга этого сочинения. Она начинается с изложения структуры трактата, затем следует краткое описание Азии, Европы и Африки. Затем следует пространное описание Средиземноморья, в том числе Ближнего Востока, Северной Африки и Причерноморья. Порой приводятся некоторые примечательные места описываемых земель («мольбища» языческих богов, чудесные озера на островах, горячие источники, пирамиды), а также нравы и обычаи народов. В связи с этим пересказаны отдельные эпизоды из античных преданий. В целом повествование Помпония Мелы яркое и красочное, полное необычных фактов.

Несмотря на длительную традицию изучения античных мотивов в письменной культуре средневековой Руси, рассматриваемый перевод никогда не был объектом специального изучения. Впервые на него обратил внимание А.И. Соболевский. Скорее всего, он принимал участие в составлении Описи 181 фонда и ему принадлежит описание этого сборника², где отмечено, что «доселе перевод сей не известен ученым славянофилам»³. Предположительно, его почерком сделаны и маргиналии в самой рукописи, где он отметил деление Первой книги на главы, опущенное в древнерусском переводе. Позже сведения об этом источнике войдут в две работы исследователя [9, с. 21; 10, с. 52-53]. Этот текст также вскользь упомянут в путеводителях по архиву [6, с. 48; 8, с. 133] и в Словаре книжников и книжности Древней Руси [2, с. 493]. В рамках работы по составлению сводного каталога рукописей XVI в., хранящихся в РГАДА, Л.В. Мошковой при участии А.А. Турилова было составлено археографическое описание сборника, содержащего текст [4]. В настоящем докладе предпринята попытка систематизировать мои первые наблюдения над этим памятником, а также наметить контуры его дальнейшего исследования.

Появление подобного текста в русской книжности конца XV – начала XVI в. было закономерным явлением. Знакомство русских интеллектуалов со многими идеями европейского Возрождения не вызывает сомнений. Многие вопросы, волновавшие гуманистов, вста-

² Существует пока лишь рукописный вариант Описи Ф. 181; описание № 514 содержится в части 6 Описи, на лл. 36-37 об.

³ Опись РО МГАМИД. Ч. 6. Л. 37.

вали и перед русскими людьми. Среди них выделяется вопрос о мироустройстве, подразумевающий сбор достоверных сведений об окружающем пространстве. С этим было сопряжено пристальное внимание к известным территориям, а также поиск новых земель. Важным источником сведений о расположении морей, земель и расселении народов были для итальянских гуманистов открытые ими античные географические трактаты. «География» Помпония Мелы была одним из самых авторитетных и популярных текстов: во второй половине XV в. она была издана в 1471 г. в Милане и семь раз в Венеции. К концу XV в. относятся издания, осуществленные в Валенсии и Саламанке. За первую половину XVI столетия «География» была издана пять раз в Италии, восемь раз в Париже, один раз в Базеле. Среди издателей – видные гуманисты и новаторы печатного дела: Панфило Кастальди, Эрхард Ратдольт, Симеон Бевилаква, Иероним Вадрианус, Жиль де Гурмон и др. Венецианское издание 1498 г. сопровождается посвящением папе Александру VI, составленным гуманистом Ермолаем Барбаро.

В Московской Руси той поры интересовались географией, в т.ч. новейшими открытиями европейцев. Большую роль в ознакомлении с Новым Светом сыграли сочинения Максима Грека [11, с. 42-43] и деятельность Дмитрия Герасомова [3]. Тем не менее, важной особенностью географических представлений русских в сравнении с европейцами было то, что многие земли Старого Света были также практически неведомы русским. И речь идет не о далеком Китае или загадочной Аравии, но и о Ближнем Востоке, Северной Африке, Южной Европе. Это были земли, неоднократно упомянутые в Священном Писании и в ряде оригинальных и переводных текстов. Однако сколько-нибудь развернутого представления о природе тех мест у русских не было. Немногих, кто оказывался там, интересовали в первую очередь святыни. Исключение составляет собственно Святая Земля. По наблюдениям Е.К. Пиотровской, «топография святых мест Палестины и Синая была хорошо знакома» русским интеллектуалам [7, с. 190].

В Московии осознавали этот «пробел», и русские книжники стремились его восполнить. В середине XV столетия в Московской Руси появляется вторая редакция Летописца Еллинского и Римского, в котором повествуется о древней истории Средиземноморья. Книжники стремились собрать как можно больше информации о местах, связанных с христианской традицией и с историей Европы, контакты с которой становились все более интенсивными. Интерес русских к географии был не только прагматическим, как у итальянских купцов и авантюристов или познавательным, как у гуманистов. У русских он

был и традиционным, связанным со стремлением к более глубокому пониманию сюжетов, связанных с христианской культурой.

В переведенной Первой книге «Географии» Помпония Мелы речь идет о многих землях, известных по упомянутым выше памятникам: о Египте⁴, Сирии⁵, а также об отдельных городах: о Карфагене⁶, Трое⁷, Милете и др.

Конечно, для русских Мела не был единственным новым источником географических знаний об этих краях. Гораздо более популярной была «Христианская топография» Косьмы Индикоплова, самый ранний полный список которой датирован 1495 г.⁸, но известной не позднее XII в. Причина большей популярности сочинения Косьмы очевидна: его концепция базировалась на близких русским интеллектуалам конца XV основаниях.

Тем не менее, приверженность христианским воззрениям автора перевода Помпония Мелы не вызывает сомнений. Об этом может свидетельствовать способ передачи сведений о языческих святилищах. Книжник именует их «позорищами»⁹ или «мольбищами»¹⁰. Мела едва ли был для автора перевода большим авторитетом в области географии: удивительные сведения из трактата были лишь диковинной информацией к размышлению. Этим может объясняться наличие единственного раннего списка. Нельзя, впрочем, исключить, что не было других списков рассматриваемого времени. В рукописи есть пометы более поздним почерком XVI в.¹¹, что свидетельствует о том, что перевод как минимум читали.

Итальянские гуманисты, переиздававшие произведение Мелы снова и снова, напротив, видели в этом произведении источник истинного знания. Большинство просмотренных мной экземпляров инкунабул и изданий начала XVI в. изобилует пространными маргиналиями. Кроме того, несмотря на то, что итальянские издания Помпония были выполнены с учетом последних достижений тогдашнего печатного дела, эти книги существенно отставали по внешнему виду от рукописных, но снабженных огромным числом цветных иллюстраций ранних списков перевода Косьмы Индикоплова.

⁴ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 24 об-28 об.

⁵ Там же. Л. 28 об.

⁶ Там же. Л. 21 – 21 об.

⁷ Там же. Л. 35, 36.

⁸ ОР ГИМ, Увар., 566; Изд.: [5, с. 22-86].

⁹ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 6. № 514. Л. 22 об., 33.

¹⁰ Там же. Л. 26 об.

¹¹ Там же. Л. 28, 31.

Осмысление сведений Помпония Мелы в XVI в. шло по традиционному пути поиска библейских аналогий. Напротив рассказа о том, что в Египте, когда рождается «воль чернъ з бѣлыми пестринами ѡзъикъ же оу него и хвостъ роꙗнымъ подобиемъ, иже оу них рѣдко ражаютса, и глѹть тако: «не от скотьска естѣства зачать, но ѿ бжтвеннаго огна»¹², рядом с последней фразой, присутствует помета «Псалом». Думается, что книжник имел в виду 103 псалом, посвященный хвалению силы Божьей. В псалме говорится, что Господь «творяй ... слуги своя пламень огненный» (Пс., 103:4), то есть Бог ставит себе на службу пылающий огонь, через огонь являет себя людям. Книжник, читавший рукопись, действительно будто соглашался с мнением египтян о божественной природе огня, от которого мог быть зачат бык, но вкладывал в это провиденциальный смысл. Далее в 103 псалме речь идет о милости и всемогуществе Бога. Эти ветхозаветные слова во многом схожи с известиями о Египте Помпония Мелы. Едва ли можно здесь говорить о развернутой рефлексии книжника-читателя, но очевидно, что он, знакомясь с новыми для него известиями римского географа, вспомнил данные, в достоверности которых не сомневался.

Перевод мог быть сделан с одного из итальянских изданий XV в. текста Помпония Мелы. Предпринимались попытки найти экземпляр, который мог использовать русский книжник, но поиски пока не увенчались успехом. Интересной перспективой для исследования является сопоставление текста рассматриваемого списка с текстами по этим изданиям, но эта работа не может быть закончена без привлечения филологов-классиков. Это тем более интересно, если учесть, что в древнерусском переводе при сличении его как с вариантами его текста по изданиям 1471, 1478 и 1482 г., так и с научным переводом на русский язык, осуществленным С.К. Аптом [1, с. 178-199], удалось выявить ряд пропусков.

С большой долей вероятности можно утверждать, что попадание латинского текста Помпония Мелы можно связать с интенсивными контактами с Миланом или, вероятнее даже, с Венецией, поскольку именно там неоднократно издавался текст «Географии». Необходимо искать ответ на вопрос, были ли издатели Помпония Мелы связаны каким-то образом с известным по источникам людьми, посредством которых осуществлялись итало-русские контакты.

С другой стороны, начатая сверка текста перевода с вариантами текста по изданиям конца XV в. дает основания предполагать, что

¹² Там же. Л. 27 об-28.

книжник мог работать и с рукописью. Эту гипотезу подтверждают особенности передачи в древнерусском тексте ряда названий народов и населенных пунктов. Например, город «Sida» передан как «Сикла»¹³, то есть в латинской рукописи «d» напоминала «cl». В изданиях все буквы очень четкие и ошибиться невозможно. Примеров такого рода множество.

Говоря об особенностях передачи текста, необходимо остановиться и на смысловых несоответствиях. Интересна ситуация с рассказом о древнеегипетском боге Аписе. По-латыни «apis» – пчела, и книжник явно не понял, что в данном случае «Апис» – это имя собственное. Поэтому в древнерусском переводе присутствует забавный пассаж: «Всѣ же родове Егѳпетьскыа чтаѳт пчелов акы бѣжтвеноу...»¹⁴

Предпринимались попытки найти латинскую рукопись, с которой был сделан перевод, но пока поиск не дал результатов.

Не менее интересен вопрос об авторе перевода. А.И. Соболевский отмечал, что «переводчик знал по-гречески, и собственные имена передаются им нередко не по латинскому, а по греческому произношению» [10, с. 53]. Есть основания полагать, что книжник был близок к кружку новгородского архиепископа Геннадия. Это был значимый центр «книжных» контактов с Западом. Именно в Новгороде велась работа по переводу ряда латинских текстов с участием католиков, владевших латынью и греческим, а также русских людей. Можно думать, что в переводе участвовал человек, владевший итальянским. Название города Керказора передано как «Чрътасор [Курсив мой. – Т.М.]»¹⁵. Во всех рассмотренных мной изданиях Помпония Мелы это название выглядит как «Certasor»: по-итальянски его следовало бы читать именно «Чертасор».

Есть и тенденция перевести названия: при упоминании города Триполиса книжник помечает, что «имя ж тому Троеградное место»¹⁶. Еще рельефнее эта особенность видна при упоминаниях города «Neapolis», переданного просто как «Новой город»¹⁷.

Эти особенности говорят о том, что переводчик был, скорее всего, русским человеком, знавшим греческий, латынь и итальянский. Это мог быть книжник Власий или Дмитрий Герасимов. Но еще А.И. Соболевский отмечал, что язык перевода «плохой церковнославянский» [10, с. 53], и явно несет следы ученичества. Его автор мог быть

¹³ Там же. Л. 31 об.

¹⁴ Там же. Л. 24 об.

¹⁵ Там же. Л. 25.

¹⁶ Там же. Л. 30 об.

¹⁷ Там же. Л. 21 об.

одним из подмастерьев в артели переводчиков владыки Геннадия, имя которого источники не сохранили. Возможно, в работе принимал участие кто-то из греков, участвовавших в посольствах в Италию в качестве переводчиков.

Итак, древнерусский перевод начала XVI в. Первой книги «Географии» Помпония Мелы – крайне любопытный памятник русской книжности. Он интересен как источник по широкому спектру проблем отечественной истории. Он заслуживает полноценного научного издания, в основу которого был бы положен рассматриваемый список XVI в., но были бы приведены разночтения по позднему списку XVII столетия, сохранившемуся в коллекции ГИМ¹⁸. Предполагаю осуществить такое издание в обозримом будущем.

1. Античная география / Ред. М.С. Боднарский. М., 1953.
2. Белоброва О.А. Космография // СККДР. Вторая половина XIV – XVI вв. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988. Вып.2. Ч.1.
3. Казакова Н.А., Катушкина Л.Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23.
4. Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Сост. Л.В. Мошкова и др. Вып.3. (В печати)
5. Космологические произведения в книжности Древней Руси / Подг. В.В. Мильков, С.М. Полянский. СПб., 2009. Ч. 2.
6. Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма / Сост. В.Н. Шумилов. М., 1954.
7. Пиотровская Е.К. «Христианская топография Косьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции. СПб., 2004.
8. Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. В четырех томах. Том 4 / Сост. Ю.М. Эскин. М., 1999.
9. Соболевский А.И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV-XVI вв. // Вестник археологии и истории. 1899. №11.
10. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903.
11. Сочинения Максима Грека. Казань, 1862. Т. 3.

¹⁸ ОР ГИМ. Чуд., 347, Л. 1 об-16.

Палеографический анализ грамот начала XVI в.: проблема отождествления почерков²

Палеографический анализ; отождествление почерков; грамоты; канцелярское письмо.

Статья посвящена отождествлению почерков, которыми переписана часть текста в писцовой книге Деревской пятины 1499-1500 гг. и написаны грамоты 1505-1512 гг., выданные от имени великих князей Ивана Васильевича и Василия Ивановича.

Палеографический анализ актового и делопроизводственного материала к настоящему времени в отечественной науке скорее исключение³, чем правило. Причины этого очевидны: изучение почерков, филигранологический и кодикологический анализ является непрременной (если не сказать, рутинной) задачей специалиста, работающего с рукописной книгой, в то время как исследователи делопроизводственного материала подобными навыками владеют в значительно меньшей степени⁴. Это вполне объяснимо, так как в последнем случае основное внимание направлено на извлечение содержащейся в источнике информации, которая и является предметом анализа, а не на внешнюю форму. Более того, полный палеографический и филигранологический анализ источника не может являться самоцелью: он требует слишком много времени и сил⁵ и оправдан только тогда, когда с его помощью можно получить новую, принципиально иную информацию⁶.

¹ Мошкова Людмила Владимировна, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва); lvmoshkova@gmail.com.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 13-01-00063.

³ См., например [5, с. 41-126]. Однако, критически оценивая методику глубокого уважаемого С.М. Каштанова и полученные с ее помощью результаты, не могу не признать, что именно под влиянием его работ отношение к палеографическому и филигранологическому аспектам исследования актового материала постепенно меняется.

⁴ По мнению А.А. Турилова (которое автор вполне разделяет), «палеография не наука, а знаточество». То есть данное умение формируется в процессе профессиональной деятельности на протяжении многих лет, ему нельзя научить (но можно научиться), и каждый исследователь овладевает им самостоятельно.

⁵ Хорошо известно, что редкий человек может с полной отдачей выполнять кропотливую и рутинную работу, не видя в ней большого смысла.

⁶ Выскажу достаточно крамольную мысль: я не вижу особой необходимости устанавливать точное количество почерков в книге до тех пор, пока опреде-

Предметом рассмотрения в настоящих тезисах являются 5 грамот начала XVI в., хранящиеся в РГАДА⁷. Они привлекли внимание автора во время выявления среди актового материала XV – первой трети XVI в. неподлинных грамот⁸. И главной причиной этого послужило изучение почерков, которыми переписана писцовая книга Деревской пятины 1499-1500 гг. (далее – ПКДП)⁹ Долгая работа с книгой, содержащей более 1500 листов, привела к тому, что почерки работавших над ней запечатлелись в памяти, и их узнавание (на уровне похож – не похож) происходило автоматически. Однако необходимость подтвердить или опровергнуть появившуюся гипотезу привела к осознанию ряда проблем, от решения которых будет зависеть точность сделанных выводов.

Во-первых, потенциальная возможность обнаружить грамоты, написанные почерками, которые встречаются в ПКДП, **заранее** представлялась автору весьма вероятной¹⁰: над созданием сохранившегося экземпляра работали люди из канцелярии великого князя, которая в это время не могла быть слишком многочисленной по составу.

Во-вторых, ПКДП и выявленные акты написаны с некоторой разницей во времени (от 5 до 12 лет). Помимо этого книга и грамота – разные по форме и, вероятно, условиям написания источники. Следовательно, абсолютного тождества почерков ожидать не следует.

В-третьих, часть почерков, которыми переписана ПКДП, в той или иной степени вариативны, т.е. изменялись на протяжении одного памятника [см.: 1, с. 234-236; 4]. Вероятно, часть этих изменений появилась под влиянием графики копируемого «оригинала» (второго списка ПКДП, который готовился одновременно), но затем могла быть «усвоена» подьячим. Поэтому можно ожидать, что с течением времени число подобных заимствований в почерке одного человека увеличивалось.

Ограниченный размер тезисов¹¹ заставляет остановиться только на двух примерах.

ление их числа не поможет лучше понять историю ее создания и особенности состава. Именно поэтому полный палеографический писцовой книги Деревской пятины был оправдан: с его помощью решались совершенно иные задачи [см.: 3].

⁷ РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Оп. 3. № 599, 751-753, 755.

⁸ О цели и методике данной работы см.: [2].

⁹ РГАДА, Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Новгород, № 1. Ч. 1-2.

¹⁰ То есть это был ожидаемый результат, и этот факт нельзя сбрасывать со счетов, поскольку он мог повлиять на сделанные выводы.

¹¹ А также то, что каждый пример необходимо сопровождать минимум двумя иллюстрациями.

9-м почерком¹² в сохранившемся списке ПКДП переписаны: л.190 (строки 13-21), 415-460 об., 463-559, 577 (строки 15-17), 607 (строки 13-15) в I части и л.87-88 об., 710-745 во II части. Почерк¹³ четкий, графичный, «засечный»¹⁴ (полагаю, что он принадлежал человеку, учившемуся книжному письму), стабильный (в отношении размера и плотности), что, однако, не отрицает изменения начерков отдельных букв на протяжении переписанного текста¹⁵.

Полагаю, что этим же почерком спустя примерно 12 лет переписана жалованная грамота великого князя Василия Ивановича Троице-Сергиеву монастырю¹⁶, которая датируется 3 февраля 1512 г. Но здесь перед нами более беглый (торопливый) вариант письма. Надежность отождествления автор оценивает на уровне 90 % (см. илл. 1-2).

18-м почерком в ПКДП написано очень немного: ч. II, л. 639-639 об., 642-642 об. Совершенно очевидно, что этот двойной лист заменили уже после написания тетради: поскольку большую часть текста занимают итоги, с уверенностью можно говорить, что содержащийся на них текст редактировался (или исправлялся)¹⁷.

¹² Почерки в ПКДП нумеровались по мере их выявления в книге.

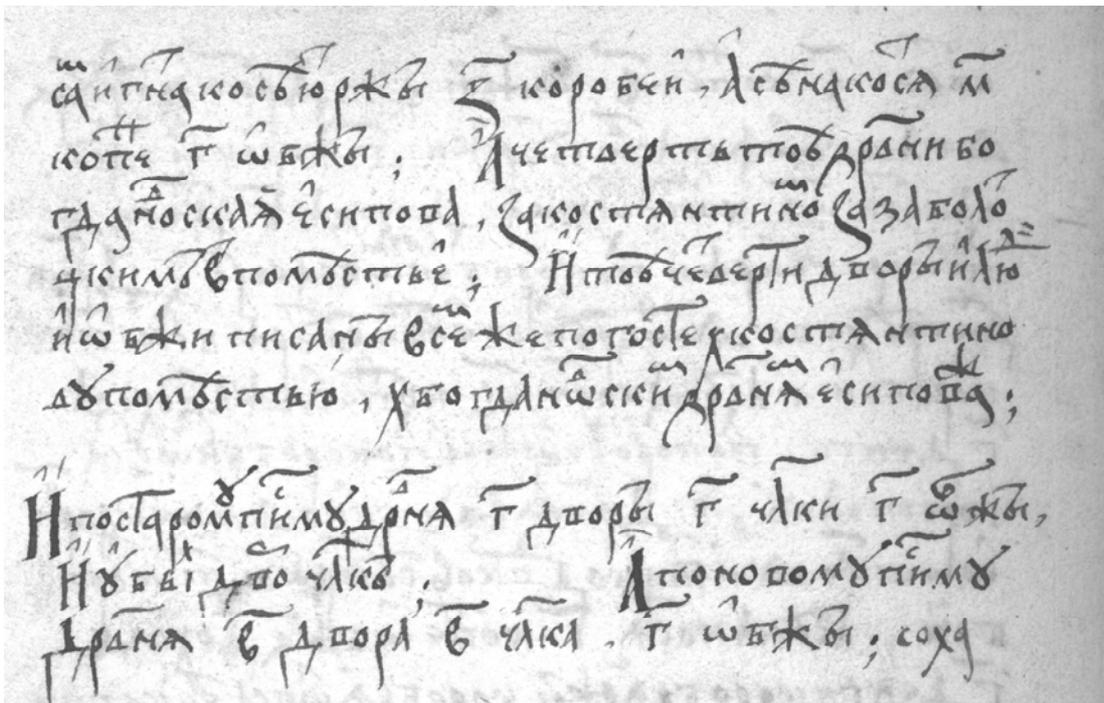
¹³ Автор искренне считает, что словесное описание графики практически бесполезно для читателя, так как по нему нельзя составить адекватное представление о том или ином почерке. Подтверждением сделанных выводов могут служить только две помещенные рядом фотографии. Поэтому помещенная ниже характеристика преследует иную цель: показать, что анализируемый почерк был подвержен изменениям даже на пространстве одного памятника (т.е. в достаточно непродолжительное время).

¹⁴ Засечка – тонкая волосяная линия (штрих), ограничивающая вертикальные (реже – горизонтальные) части букв.

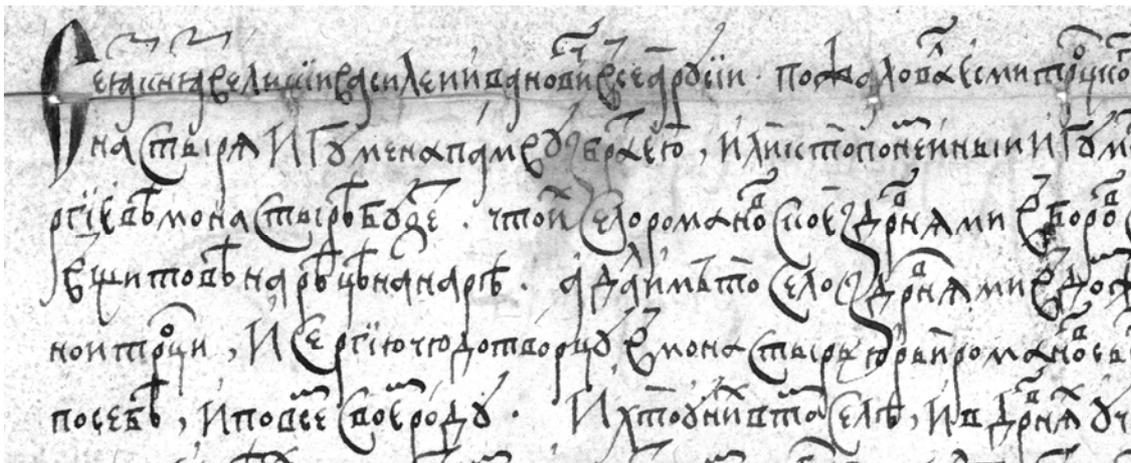
¹⁵ В начале работы относится к оформлению страницы практически как в книге: редко оставляет чистые строки между блоками текста, не выделяет рубрик и разделов декоративным письмом (только инициалом) и мачту «Д» в слове «деревня». Но затем овладевает «структурой» текста: начинает последовательнее оставлять чистые строки между блоками, украшает начала разделов и рубрик. Наиболее показательные изменения (помимо отношения к оформлению страницы): появление «В» калачиком в слове «деревня», употребление «экономного» написания «В» (= во дворе) в треугольнике, появление широкого «Е».

¹⁶ РГАДА, Ф. 281. Оп. 3. № 599 (Боровский уезд, 1).

¹⁷ Необходимо специально отметить, что при редактировании и исправлении текста в ПКДП заменялись только **двойные** листы. Не отмечено ни одного случая замены одинарного листа с подклейкой на фальц, оставшийся от вырезанного ему парного.

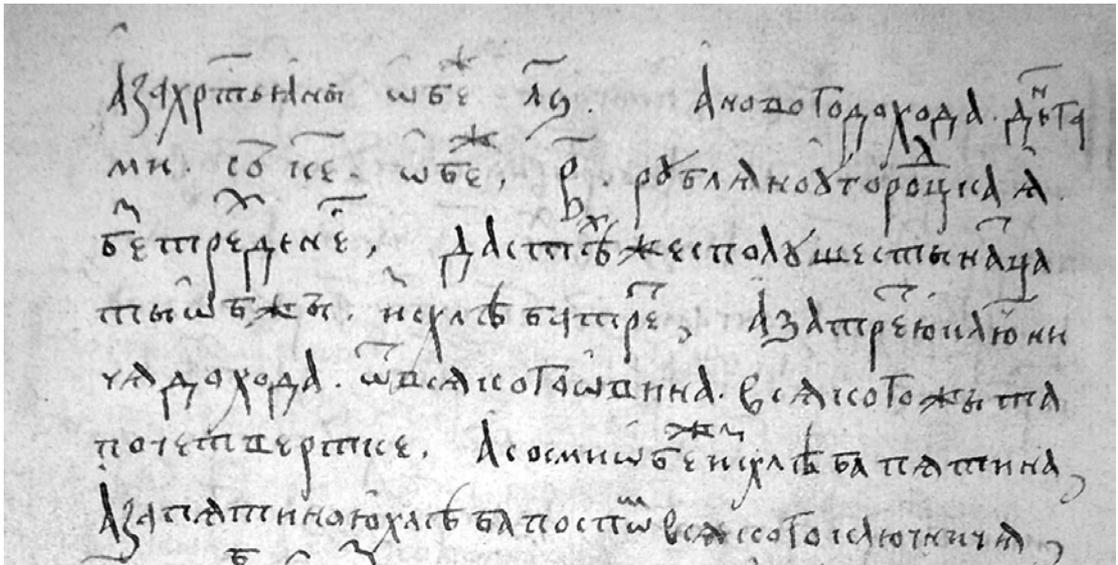
Ил. 1. РГАДА. Ф. 137. Новгород, № 1. Ч. I. Л. 483 об

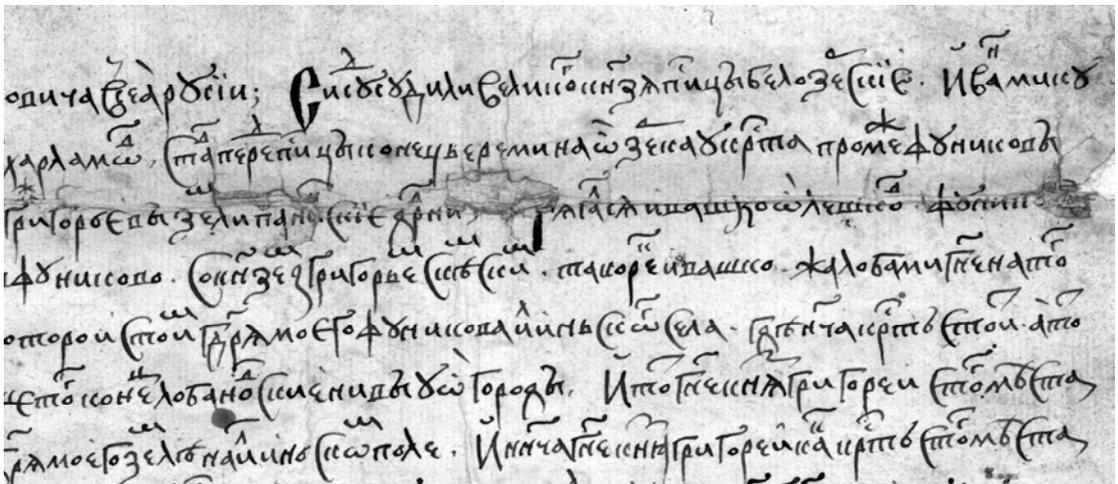
Ил. 2. РГАДА. Ф. 281, оп. 3, № 599. Л. 1.

Вероятно, этим же почерком написана правая грамота, выданная от имени великого князя Василия Ивановича 14 апреля 1511 г.¹⁸ Конечно, 4 страницы – небольшой материал для сравнения, но и в писцовой и в грамоте присутствуют весьма характерные начерки, в своей совокупности не находящие аналогий среди других почерков ПКДП. Хотя в грамоте (как и в предыдущем примере) почерк явно более беглый. Надежность отождествления автор оценивает на уровне 70-75 % (см. илл. 3-4).

¹⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 3. № 755 (Белозерский уезд, 54).

Ил. 3. РГАДА. Ф. 137. Новгород, № 1. Ч. II. Л. 639 об.

Ил. 4. РГАДА. Ф. 281, оп. 3, № 755. Л. 1.

Эволюция почерков как исследовательская проблема, к сожалению, не поставлена в отечественной палеографии [4], хотя с решением подобных вопросов сталкиваются разные специалисты. В пределах одного памятника она вполне решаема, и выводы могут быть достаточно убедительны. В том случае, если источники разделены некоторым временным периодом и отличаются по форме (в данном случае книга и акт), полученные выводы не могут быть столь очевидны, поскольку деловое письмо по определению вариативнее книжного устава и полуустава. Вероятно, в данном случае необходимо выработать особую методику, при применении которой подтвердить результат сможет и другой исследователь¹⁹.

¹⁹ Хорошо известно, что в естественных науках именно возможность получения аналогичных выводов другим ученым считается одним из критериев их валидности.

1. *Мошкова Л.В.* «Белые пятна» русской палеографии // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной научной конференции в честь 75-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27-28 февраля 2013 г. М., 2013.
2. *Мошкова Л.В.* Неподлинные грамоты XV – первой трети XVI в.: перспективы анализа // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. Ч. II. М., 2013.
3. *Мошкова Л.В.* Палеографический и кодикологический анализ писцовой книги Деревской пятины конца XV века: проблемы и подходы // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI-XX веков». К столетию со дня рождения П.А. Колесникова. М., 2008.
4. *Мошкова Л.В.* Эволюция почерка как исследовательская проблема (на примере писцовой книги Деревской пятины конца XV в.) // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона. Материалы Международной научной конференции. Москва, 14-16 мая 2008 г. М., 2008.
5. Россия и греческий мир в XVI веке / Отв. ред. С.М. Каштанов. Подгот. к публ. С.М. Каштанова, Л.В. Столяровой, Б.Л. Фонкича. М., 2004. Т. 1.

УДК930 (23)

С.И. Хазанова¹

Апокрифы о Моисее в древнерусской письменности

Апокрифы; Моисей; древнерусская литература; пророк; архангел; язык; Палея; Исход.

В статье рассматривается «Житие пророка Моисея» с точки зрения его происхождения и источников. Приводится обзор этого сочинения в разных типах Палеи и предпринята попытка определить отношение «Жития Моисея» к талмудической литературе.

Среди сказаний о ветхозаветных лицах в древнерусской письменности встречаются и рассказы о Моисее. Этот цикл не очень обширен, но мало изучен в литературе.

Рассказы о пророке Моисее обычно помещались в Палеях. Они начинаются, как правило, со сна фараона: «В един убо от дней виде фараон царь сон: сидящу ему на столе царства своего в Египте, възде очи свои, и виде пред ему старца, а в руке его скалвы; и въкладе в едину скалву вся старци египетскаа и вся вельможа его, а в другу

¹ Хазанова Софья Игоревна, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), к.и.н.; hazanovasi@mail.ru.

скалву въкладе вся агнци» [16, с. 39]. Толкователь снов волхв Валаам объяснил фараону, что ребенок, родившийся в Израиле, погубит все египетское царство, и посоветовал фараону убить еврейских детей. Со сна фараона начинается сказание о Моисее и в Креховской Палее [25, с. 225-263], в «Исходе Моисееве», опубликованном Н.С. Тихонравовым [22, с. 233-234], Палее Толковой 1477 г. [15, с. 189 об.], Палее Хронографической XV в.², Палее Хронографической XVI в.³, Житии святого великого и чудного пророка Моисея [6, с. 164-165 (4 сентября)]. Почти во всех памятниках, кроме Великих Миней Четых, рассказы о Моисее названы «Житие святого великого пророка Моисея – сказание бытия его».

Но в ряде других Палей повествование о Моисее начинается с того, что фараон, видя, как евреи умножаются в Израили, приказал топить еврейских младенцев [19, с. 194]⁴.

К памятникам, начинающимся со сна фараона, принадлежит и опубликованное М.В. Рождественской «Житие пророка Моисея» [7, с. 120-149]. Исследовательница опубликовала его по открытому А.А. Туриловым Барсовскому списку начала XV в. из собрания ГИМ.

В «Житии пророка Моисея» содержится эпизод, когда еврейские женщины, спасаясь от слуг фараона, выходили рожать детей в поле, и им помогали ангелы: «...И вложуху в обе руце имъ два камени. Да из единого ссаху масло, а из другаго мед. И выидяху египтяне на поле имать их, и велением божиим отверзися земля, приимашет я. Они ж седяху по плугы и по рала своя и не можаху обрести их, яко Богъ хранит я» [22, с. 234].

Почти во всех Палеях помещен рассказ о том, как ребенок Моисей снял корону с головы фараона и возложил на себя. Волхв Валаам посоветовал фараону убить Моисея, усмотрев в этом дурной знак. Архангел Гавриил спас будущего пророка, предложив испытать его горящим углем и драгоценным камнем. В Исторической Палее вместо угля фигурирует горящая свеча: «...И рече к царю: «Да принесут камень многоценен и свещю горящую. Да аще ся имет камень, ведомо есть, яко мудростию сотвори, и умертвим отроча. Аще ли восхитит свещю, охладимся его». И въсхити Моисей свещю, и вложи в оуста своя и приат конец языка своего, и опалися, и бысть свиблив» [12, с. 62-63]. Тот же рассказ читается в Палее Исторической⁵. Почти во всех сочи-

² ГИМ. Синод. собр. Ед. хр. 210. Л. 189 об.; Ед. хр. 211. Л. 208 об.

³ ГИМ. Чуд. собр. Ед. хр. 348/46. Л. 505.

⁴ ОР РГБ. Долговское собр. Ед. хр. 92. Л. 101; ОР РГБ. Волоколамское собр. Ед. хр. 549. Л. 169.

⁵ ГИМ. Синод. собр. Ед. хр. 638. Л. 252 об.-253.

нениях о Моисее говорится, что после убийства египтянина Моисей бежал от гнева фараона из страны. Здесь он пришел к царю Киканосу и стал после его смерти царем⁶ [15, с. 192-193; 16, с. 43; 22, с. 238-239; 7, с. 126, 128]. В «Исходе» Моисей женился на дочери жреца Рагуила мадамского Семфоре⁷ [22, с. 245; 12, с. 64-65]. Но в «Житии святого великого и чудного пророка Моисея» женитьба на Сесфоре изложена с дополнительными подробностями. Там сказано, что Рагуил заточил Моисея в темницу, пророк десять лет провел там, его спасла от голодной смерти дочь Рагуила, тайно кормившая его. Рагуил, сочтя спасение Моисея за чудо, освободил узника. После спасения Моисей женился на дочери своего тюремщика⁸ [6, стб. 171-172; 15, с. 194-195; 7, с. 130]. В Исторической Палее читается эпизод, отсутствующий в других. Речь идет о помощи Моисея фараону в войне с «ендеями». Моисею удалось добраться по суше к столице врага, уничтожив благодаря аистам кишаших на пути змей⁹ [12, с. 63-64]. В некоторых списках «Жития Моисея» сказано, что архангел Гавриил научил Моисея премудрости, когда он пас овец у своего тестя Рагуила: «В дни же ты бысть Моисей, ходя по пустыни с овцами тестя своего Рагуила, палица же божия в руку его. И начать премудрость любити и учил ся от ангела Гавриила о бытии всего мира, о первом человеци, иже суть были по тех, и о спасении, и о потопе, и о спасении их от потопа и о разделении язык [25, с. 232]. То же самое встречаем в Палее Хронографической XV¹⁰, Палее Хронографической XVI в.¹¹, Палее Краткой нач. XVI в.¹². Широко известны в сказаниях о Моисее следующие два эпизода. Это превращение горькой воды реки Меры в сладкую и прение архангела Михаила с дьяволом о теле Моисея. Они изложены во всех списках почти идентично, однако в некоторых Палеях спор архангела Михаила с дьяволом отсутствует. А в отдельных источниках сообщаются дополнительные сведения. Так, в «Исходе Моисея» сказано: «Тогда Михаил помолися к Богу и бысть гром и мълνια и абие ищезе дьявол. Михаил же погребе своима рукама» [22, с. 253]. В одном из списков Исторической Палеи названо имя дьявола, спорящего с архангелом Михаилом – Самоил [12, с. 110]. Как видно, расска-

⁶ ГИМ. Синод. собр. Ед. хр. 211. Л. 212-212 об; ГИМ. Чуд. собр. Ед. хр. 348/46. Лл. 187-188 об.

⁷ ГИМ. Синод. собр. Ед. хр. 638. Л. 253-254; ОР РГБ. собр. Ундольского. Ед. хр. 718. Л. 249; ОР РГБ. Долговское собр. Ед. хр. 92. Л. 102.

⁸ ГИМ. Синод. собр. Ед. хр. 211. Л. 213 об.

⁹ ГИМ. Синод. собр. Ед. хр. 638. Л. 253.

¹⁰ ГИМ. Синод. собр. Ед. хр. 211. Л. 215.

¹¹ ГИМ. Чуд. собр. Ед. хр. 348/46. Л. 190.

¹² ОР РГБ. Долговское собр. Ед. хр. 92. Л. 102 об.

зы о Моисее в разных типах Палей и в самостоятельном «Житии Моисея» в Великих Минеях Четвях немного расходятся друг с другом, хотя и совпадают в общих частях. Но пока неясно, как они соотносятся между собой, какая версия была самой ранней.

Сказания о Моисее рано появились в древнерусской письменности. В Изборнике 1073 г. в числе апокрифических книг назван «Завет Моисеев», «Завет Мусин» [8, л. 254]. Но «Завет Моисея» в славянской письменности неизвестен [27, с. 165]. В индексах ложных книг упоминается и «Исход Моисея», «криво складенный». Нам известен «Исход Моисея» в составе Палеи, но появиться как отдельное произведение он мог гораздо раньше, о чем говорят наблюдения А.И. Соболевского над лексикой памятника [21, с. 162-178; 27, с. 166].

То, что легенды о Моисее были известны в древнерусской книжности давно, свидетельствуют рассказы о Моисее в Повести временных лет. В ней волхвы предсказывают царю рождение у евреев ребенка, который погубит Египет. В Повести временных лет находим и эпизод с короной фараона, которую сбросил с головы владыки ребенок Моисей. Волхв посоветовал тогда фараону убить ребенка: «О царю, погуби отроча се. Аще ли не погубиши, имает почти весь Егупет» [9, с. 81-82]. Царь не послушал предсказателя. Испытания Моисея в летописи нет. Но в летописном рассказе читаем об услаждении вод Мерры [9, с. 83]. О смерти Моисея сказано следующее: «Но възведе и на гору Вомьску и показа ему землю обетованую. И оумре Моисей ту на горе» [9, с. 83]. Здесь отсутствует легенда о прении архангела Михаила с дьяволом о теле Моисея. Но в некоторых Палеях, например, Хронографической, тоже нет прения Михаила с дьяволом¹³. Как было сказано выше, еще неясны соотношения Полной и Краткой Палей, а также Палеи Исторической, отдельного «Жития Моисея». В.М. Истрин считал, что полные и краткие редакции Палеи восходят к одной древнейшей [10, с. 32]. Все Палеи сохранились в списках XV-XVI вв. Поэтому для определения более ранней редакции «Исхода» можно обратиться к оригиналам сказаний о Моисее.

И. Порфирьев заметил, что «в греческих индексах апокрифических книг и в разных памятниках древней церковной письменности упоминается несколько апокрифов с именем Моисея; но ни один из этих апокрифов до нас не сохранился» [18, с. 289]. Исследователь указал, что нам известны в настоящее время только поздние издания сочинений о Моисее – «De vita et morte Mosis libri tres», помещенное в

¹³ ГИМ. Синод. собр. Ед. хр. 211.

сборнике Гфререра «*Prophetae veteris pseudepigraphi*», и славянское сказание «Исход Моисеев».

Однако некоторые сохранившиеся эпизоды из греческих памятников сходны с аналогичными из славянских апокрифов. В частности, широко известен рассказ о прении архангела Михаила с дьяволом о теле Моисея. В книге «Вознесение Моисея» архангел Михаил силой Св. Духа запрещает дьяволу забрать тело пророка [30, р. 844]. О смерти Моисея сказано и у Кедрена [29, р. 93]. В парижском издании Кедрена читается отсутствующий в боннском эпизод о споре архангела Михаила с дьяволом [28]. От славянских рассказы о архангеле Михаиле отличаются тем, что там говорится о нападении сатаны из облака. Сюжет с облаком мог восходить прямо или опосредованно к «Восхождению» [28, р. 172]. У Кедрена встречается и упоминание о том, что архангел Гавриил научил Моисея происхождению мира, языку и другим вещам [30, с. 863]. Сведения о том, что Моисей научился премудрости от архангела Гавриила, перекликаются с чтениями некоторых славянских памятников [25, с. 232; 17, с. 94-95]. Легенды о Моисее можно найти и у Иосифа Флавия. Там сказано, что гонения на евреев в Египте начались после пророчества священнокнижника о рождении у иудеев отрока, который понизит господство египтян [23, с. 32]. Здесь есть эпизод и с короной фараона, но Моисея от смерти спас не архангел Гавриил, а Бог вложил в фараона мысль не убивать ребенка [23, с. 86-87]. У византийского хрониста Георгия Амартола читаем сведения о том, что архангел Михаил спорил с дьяволом о теле Моисея [11, с. 160]. А. Васильев писал, что легенда о смерти Моисея восходит к посланию Иуды, а остальные истории, связанные с Моисеем, встречаются в раввинских книгах [32, р. 228. XLVI].

Еще И. Порфирьев обратил внимание на близость «Исхода Моисея» к еврейской книге «Яшар». Согласно с ней изложены сон фараона, чудесное спасение еврейских детей ангелами, история царя Киканоса, заключение Моисея в темницу Иофором Мадиамским [18, с. 289-291]. Сказания о Моисее есть и в Агаде, в некоторых случаях они близки славянским. Повествование также начинается со сна фараона, волхв Валаам посоветовал фараону топить еврейских младенцев в воде [1, с. 49]. Во время родов еврейские женщины уходили в поля, рощи, Господь посылал им ангела-хранителя, который «поил детей молоком, питал их елеем и медом» [1, с. 50]. Здесь находится и рассказ о том, как ребенок Моисей снял корону с головы фараона, надел на себя, волхвы хотели убить его. Мадиамский жрец Иофор предложил испытать ребенка золотом и раскаленными углями [1, с. 51]. В восемнадцать лет после убийства египтянина Моисей бежал от мести

фараона в Эфиопию, а после сорока семи лет отправился в Мадиа, к языческому жрецу Иофору, принявшему иудаизм. Таким образом, в Агаде объясняется, чем Иофор вызвал недовольство своих соплеменников, почему пастухи покинули его и дочери Иофора вынуждены были сами пасти овец. Местные жители отгоняли стадо от колодца. Во время такого случая Моисей заступился за дочерей жреца [1, с. 52-53]. В Агаде находим также пояснение, почему Иофор отдал Моисею в жены свою дочь Сепфору: «Когда явился Моисей, увидел посох и прочел там начертанные на нем письмена. Он протянул руку и беспрепятственно взял его себе. Видя это, Иофор понял, что Моисею суждено освободить народ израильский, и дал ему в жены дочь свою Сепфору» [1, с. 94].

В последнее время в науке идет дискуссия о переводах непосредственно с древнееврейского языка в славянской письменности. Здесь возникает ряд вопросов: кто, где и когда переводил, насколько широко были распространены эти переводы. Израильский исследователь М. Таубе считает, что легенды о Моисее появились в славянской письменности не ранее XV в. [31, р. 84-119]. Их источником он считает различные еврейские легенды, но ученый не знает, каким путем эти рассказы перерабатывались на славянской почве [31, р. 107]. Н.А. Мещерский отнес «Исход Моисея» к переводам с древнееврейского, возникшим еще в Киевской Руси. Критерием исследователь назвал оставшиеся без перевода еврейские слова, например, слово «кадеш» (святая), наличие некоторых букв, отсутствующих в греческом алфавите: ш, г, д и др. [14, с. 331]. Вслед за Н.А. Мещерским и А.А. Алексеев признал наличие переводов с древнееврейского в памятниках славянской письменности [2, с. 34-39]. А.А. Алексеев «Исход Моисея» относил к переводам с древнееврейского [3, с. 10-12; 4, р. 47-75].

Пока неясно, где и когда еврейская и русская литературы могли контактировать. Но о возможности таких контактов писал еще Г.М. Барац [5]. Н.А. Мещерский указывал, что «знание еврейского языка русскими людьми того времени не должно казаться чем-то поразительным, если мы вспомним многочисленные указания летописей на присутствие в большом количестве евреев среди населения древнего Киева. Евреи эти, жившие на Руси до XII в., говорили, как убедительно доказал Я.Я. Гаркави, на славянском языке, и, таким образом, могли вступать в самое тесное бытовое и культурное общение с русскими» [13, с. 298]. А.А. Алексеев отмечает следующее: «Сегодня признано бесспорным фактом, что евреи в течение длительного времени своей этнической и культурной истории не имели собственного языка. После Вавилонского плена в VI в. до Р.Х. они приняли в упо-

требление арамейский язык, затем греческий, персидский и арабский, затем языки европейских народов, среди которых жили. Их владение славянскими языками не могло быть хуже, чем у окружающего славянского населения, поэтому было бы наивно искать неславянские акценты в созданных еврейскими книжниками текстах. Единственное, что выдает автора-еврея, это обширность познаний талмудической письменности» [2, с. 39]. А.А. Алексеев высказал также предположение, основанное на сходстве славянских текстов Есфири, Иосиппона, Исхода Моисея, Соломонова цикла и Зоровавеля: «Не вызывает сомнений, что их объединяет не только общий источник, но время и место перевода, возможно, даже личность переводчика» [2, с. 39]. Но все эти догадки остаются пока на уровне гипотез. Надо отметить, что некоторые исследователи весьма скептически относятся к предположениям о наличии непосредственных переводов с еврейских оригиналов в церковнославянской письменности [24, с. 212]. Для выявления переводов с еврейского требуется еще дальнейшее изучение, причем рассматривать надо каждый конкретный случай. Что касается сказаний о Моисее, то мы не можем утверждать, что он выполнен непосредственно с еврейского языка, никаких прямых доказательств этому нет. Отдельные элементы из раввинских книг могли проникнуть в славянские памятники опосредованно, через византийскую письменность. Вполне возможно, что рассказы о Моисее являлись переводами греческих апокрифов, сохранившихся в оригинале только во фрагментах.

Видимо, в славянской письменности легенды о Моисее появились где-то в XII-XIII вв., при этом одно и то же сочинение могло носить название и «Исход», и «Житие». У памятника могли быть разные редакции, которые отразились в разных типах Палей, прежде всего Хронографической и Исторической. В Великие Минеи Четьи могло быть помещено «Житие Моисея», взятое из Палеи.

В Прологе под 3 и 4 сентября читается память пророка Моисея. Там отсутствуют все апокрифические подробности жизни Моисея, сказано только, что тело Моисея было погребено архангелом Михаилом¹⁴. О погребении Моисея архангелом Михаилом читаем и в «Сказании о чудесах архистратига Михаила», помещаемого в Прологах под 8 ноября.

Легенды о Моисее нашли отражение в некоторых памятниках позднего периода. Там они обросли дополнительными подробнос-

¹⁴ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 163. Л. 7; Д. 160. Л. 6 об.; Д. 161. Л. 7 об.; Д. 162. Л. 8-8 об.; Д. 153. Л. 4; Д. 159. Л. 7 об-8.

тями. Например, в сочинении XVI в. «Хождение на Восток гостя Василия Позняка с товарищи» сказано, что утонувшие фараон и его воины превратились в рыб, «а в техъ рыб главы человеческии, а тулова у них неть, – токмо едина глава; а зубы и носъ человечьи, а где были уши, тут перье; а где потылица, тутъ сталь хвостъ; а не едятъ ихъ никто» [26, с. 60]. Здесь упоминается и о каменной темнице, в которой Моисей постился 40 дней [26, с. 64]. В «Сказании о переходе Чермного моря» из сборника начала XVII в. сказано также, что люди фараона превратились в рыб, а Моисей, когда море сомкнулось над ними, начертал на воде крест [20, с. 49-50].

Легенды о Моисее известны в древнерусской письменности давно, они встречаются уже в Повести временных лет. Туда они могли попасть из греческих хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Большинство сказаний о Моисее сохранилось в Палеях. Они напоминают еврейские предания из Агады и книги Яшар, но мы не можем утверждать, что их переводы сделаны непосредственно с еврейского. Скорее всего, они взяты из литературы-посредника – византийской. Там они сохранились только во фрагментах, а славянская письменность дает их полную версию. Нельзя сказать, что рассказы о Моисее были очень распространены среди древнерусских книжников, но в некоторых поздних сборниках встречаются переработанные легенды о Моисее.

1. Агада. М., 1993.
2. *Алексеев А.А.* К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода // Русская историческая филология. Петрозаводск, 2001.
3. *Алексеев А.А.* Переводы с еврейских оригиналов у восточных славян в эпоху средних веков // Славяне и их соседи. М., 1993.
4. *Алексеев А.А.* Русско-еврейские литературные связи до XV в. // *Jews and slavs.* Jerusalem; St.P., 1993. V. 1.
5. *Барац Г.М.* Собрание трудов по вопросам о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Париж, 1927. Т. 1. Отд. 2.
6. Великие Минеи Четьи. 1-15 сентября. СПб., 1868.
7. Житие пророка Моисея // БЛДР. СПб., 1999. Т. 3.
8. Изборник Святослава 1073 г. М., 1983.
9. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.
10. *Истрин В.М.* Исследования в области древнерусской литературы. СПб, 1906.
11. *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1.
12. Книга бытия небеси и земли // ЧОИДР. 1881. Кн.1.
13. *Мещерский Н.А.* К вопросу об исследовании переводной письменности киевского периода // *Мещерский Н.А.* Избранные статьи. СПб., 1995.
14. *Мещерский Н.А.* О синтаксисе древних славянорусских переводных произведений // *Мещерский Н.А.* Избранные статьи. СПб., 1995.

15. Палея Толковая 1477 г. СПб., 1892. Вып. 1.
16. Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3.
17. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.
18. *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872.
19. *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877.
20. *Саймон Франклин.* Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010.
21. *Соболевский А.И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб, 1910.
22. *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1.
23. *Флавий И.* Древности иудейские. СПб., 1818. Ч. 1.
24. *Франко И.* Апокрифи і легенди. Львов, 1896. Т. 1.
25. Хождение на Восток гостя Василия Позняка с товарищи // БЛДР. СПб., 2000. Т. 10.
26. *Яцимирский А.И.* Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Пг., 1921. Вып. 1.
27. *Aprocypha anecdota.* Cambridge, 1893. V. 2
28. *Cedrenus G.* Chronica. T.1. Paris, 1842.
29. *Fabricius J.A.* Codex pseudepigraphus Veteris Testamenti. Б/м., б/г.
30. *Taube M.* The Slavic life of Moses and its Hebrew sources // Jews and slavs. Jerusalem; St.P., 1993. Vol. 1.
31. *Vasiliev A.* Anecdota graecobyzantina. М., 1893.

УДК 930.24

Н.П. Иванова¹

Статистический анализ месяцесловных показаний как датирующих элементов в летописях (по материалам новгородских летописей)

Месяцеслов; календарь; летопись.

В статье приведен статистический анализ использования в летописях месяцесловных отсылок как датирующих элементов. Общеизвестно, что русские летописцы применяли месяцеслов как календарь для датирования исторических событий. Летописи дают пример практического применения месяцеслова.

¹ Иванова Наталья Петровна, Алтайский государственный университет (РФ, Барнаул), к.и.н.; ivanovanp@gmail.com.

Летописцы Древней Руси с самого начала избрали для себя месяцеслов или святцы в качестве одного из способов календарного датирования. Проставляя дату исторического события, они присоединяли к юлианскому числу ссылку на память святого или церковный праздник, приходившийся на этот день, взятую из месяцеслова. Вероятнее всего эту традицию они заимствовали из византийских источников.

Месяцесловы в древности имели разночтения между собой, т.е. в один и тот же день в разных церковных календарях могли поминаться разные святые. Поскольку летописцы пользовались такими месяцесловами как календарем - это приводило к тому, что в летописях мы встречаем разные датировки одних и тех же исторических событий.

Нами был проведен сравнительный анализ частоты использования месяцесловных отсылок в качестве датирующих элементов в следующих новгородских летописях: Новгородская первая летопись (далее - НПЛ) по двум спискам: Синодальному (далее – Син.) и Комиссионному (далее – Ком.); Софийская первая летопись старшего извода по списку М.А. Оболенского (далее - СПЛ); Новгородская четвертая летопись старшей и младшей редакции (далее – НЧЛ) [5; 6; 7].

Целью такого сравнения было: выяснение особенностей месяцесловов, которые могли использоваться летописцами для проставления дат; выявление частоты использования месяцесловных показаний в разных списках летописей для подтверждения текстологически выделенных слоев в летописях (принадлежащих одному автору или летописному центру).

Сопоставление списков летописей производилось относительно НПЛ. Было осуществлено сравнение всех известий, имеющих месяцесловные отсылки, НПЛ, вплоть до окончания Ком. - статья 6954 г. (здесь и далее годы от СМ – *Н.И.*). В тех случаях, когда из-за утраты листов или отсутствия сведений в Син. производить сравнительный анализ двух изводов НПЛ было невозможно, соотнесение производилось с аналогичными известиями других летописных памятников новгородского происхождения.

Все разночтения в летописях выявлялись относительно Син. или Ком. списков НПЛ. Однако, мы не учитывали разночтения в месяцесловных показаниях с современным православным календарем, поскольку это бы осложнило восприятие общей картины разночтений датировок в летописях, а также является самостоятельной задачей, которая в нашем случае не ставилась.

Самыми насыщенными по количеству месяцесловных отсылок оказались новгородские летописи. Мы сравнили их с летописями неновгородского происхождения. Наибольшее количество месяцесловных отсылок, встречающихся в одной летописной статье, составляет: для Син. 5 памятней (в статье 6701), для Ком. – 8 (в статье 6907), для СПЛ – 4 (в статьях 6855, 6888, 6896); для НЧЛ – 3 (в статье 6897).

В ходе исследования была выявлена неравномерность использования месяцесловных датировок в текстах летописей. Так, в Син. можно выделить 73 статьи, содержащие 105 памятней святым. Те же цифры для Ком. составляют соответственно 116 и 181. Как видно, эта величина более чем в 1,5 раза превышает показания Син., как и других новгородских летописей (СПЛ, НЧЛ). В СПЛ в 60 статьях содержится 87 месяцесловных отсылок. В НЧЛ 41 статья имеет 53 месяцесловные отсылки.

Средняя величина месяцесловных отсылок, приходящихся на одну статью для Син. составляет 1,46; для Ком. – 1,56. Для СПЛ и НЧЛ эти цифры составляют 1,45 и 1,29 соответственно. Как видно из приведенных показаний наибольшее число месяцесловных показаний содержится в Ком., как и наибольшее среднее значение.

Мы предприняли попытку более детально проанализировать частоту использования месяцесловных отсылок в НПЛ. Получилось следующее. Интенсивность использования месяцесловных обозначений разными писцами НПЛ не одинакова. Так, если принять разделение на почерки, предложенное А.А. Гиппиусом и Т.В. Гимоном [2; 3; 4, с. 4-5] для старшего и протографа младшего извода НПЛ, то средняя величина памятней, приходящихся на одну статью для каждого почерка разная. Для первого почерка Син. она равна 1,58; для второго почерка – 1,17. Для Ком. эти цифры составляют 1,47 и 1,62 соответственно.

Для каждого списка НПЛ можно выделить участки текста, отличающихся наибольшей концентрацией месяцесловных датировок. Для Син. это статьи 6687–6709 гг. и 6732–6740 гг. На этих хронологических отрезках на одну статью в среднем приходится по две-три памяти. Для Ком. такими временными интервалами стали 6700–6712 гг. и 6732–3741 гг. Несложно заметить, что эти периоды почти совпадают. Это значит, что наибольшая концентрация характерна не для Син. и не для Ком., а для их общего протографа.

Кроме того, прослеживается некоторая закономерность в распределении месяцесловных обозначений в НПЛ. Так, начиная с первых месяцесловных обозначений в статье 6504 г. и до 6635 г. в обоих изводах встречаются в основном месяцесловные отсылки, не привязанные к юлианской дате, («Преображение Господне», «на Успение

святыя Богородицы», «на 40 святых» и др.). Исключение составляет лишь статья 6577 г. (о победе князя Глеба «на Гзени»), в которой приведена чрезвычайно подробная дата (вплоть до указания часа), что может указывать на то, что либо эта запись делалась «по горячим следам», сразу же после описанных в ней событий, либо была взята из какого-то источника, уже содержащего столь полную датировку.

Все остальные сообщения, имеющие месяцесловное обозначение, ориентированы лишь на наиболее значительные праздники или на наиболее известных святых.

Начиная со статьи 6638 г. и до 6646 г. заметна тенденция к «уточнению» месяцесловных датировок юлианскими числами («генваря въ 1 день, на святого Василия»; «марта въ 9 день, на 40 святых»). Причем, статья 6644 г. с приведенными в ней разнообразными хронологическими элементами (индикт, юлианское число, святочное обозначение, число лунного календаря), может свидетельствовать о том, что ее составитель обладал обширными хронологическими познаниями.

С 6651 г. в Син. снова появляются «непривязанные» к юлианскому числу месяцесловные отсылки (Госпожин день, Рождество, Крещение). Начиная с 6666 г. месяцесловные обозначения вновь записываются вместе с юлианским числом. Причем появляются такие месяцесловные датировки, которые свидетельствуют о том, что в некоторых случаях составитель позволял себе вести относительный отсчет времени (канун Воздвижения, канун Петра и Павла).

В целом же можно отметить, хорошее знакомство составителя(ей) со святыми, поскольку памяти в большинстве случаев сопровождаются пояснениями (не просто святого Тарасия, а святого епископа Тарасия, или «святых безмездников Козмы и Дамиана»). Такие «поясняющие» памяти встречаются в Син. вплоть до 6707 г. Все они за редким исключением (на Рождество Богородицы, на Петров день) привязаны к юлианскому числу, но эти исключения являются известнейшими христианскими праздниками, и видимо, поэтому не сопровождаются юлианскими числами.

Для этого же временного отрезка Ком. характерно в некоторых случаях сокращение месяцесловного обозначения, оставление только лишь юлианского числа (6678, 6687, 6695, 6697, 6707 гг.). А.А. Гиппиус и Т.В. Гимон объясняют это тем, что «приближаясь к концу своей работы, первый писец младшего извода начинал интенсивно сокращать свой оригинал» [2, с. 42-45]. В то же время именно на этом хронологическом отрезке в Ком. наблюдается наиболее частое применение более чем одной памяти, упомянутой в одной годовой статье.

В интервале между 6709 и 6741 гг. для составителя Син. характерно использование сокращенных месяцесловных отсылок, такого типа, как «на святого Карпа и Павла», «на святого Митрофана» и другие, т.е. летописцем практически не упоминаются чины святости угодников (мученик, святитель и др.). В статьях 6723, 6724, 6725, 6728, 6731, 6737 гг. Син. нет месяцесловных обозначений, а в Ком. они есть.

Тот же период в Ком. представлен чрезвычайно подробными памятями святым, содержащими не только чины святости, но и некоторые географические и иные пояснения, причем в Ком. нельзя провести такую же границу как в Син. (6741). Такие «поясняющие» месяцесловные обозначения продолжают фактически до окончания списка. Повышенное количество памятей в одной годовой статье Ком. можно наблюдать в интервалах: 6848–6884, 6893–6907, 6924–6929 гг.

Наконец, как минимум восемь годовых статей сравниваемых летописей имеют разночтения в месяцесловных показаниях в разных списках летописей, это статьи: 6701, 6707, 6711, 6713, 6750, 6856, 6896, 6897 гг.

Причем именно в этих статьях в НПЛ встречаются следы месяцесловов, имеющих в своей основе Студийский Устав и еще более архаичный Устав (Константинопольский или Устав Великой Церкви).

Такой памятью из Студийского Устава был день поминовения святого Герасима (память 20 марта) в статье 6713 г. в Син., Академическом и Толстовском списках младшего извода НПЛ. Кроме того, в НПЛ встречаются и другие памяти, заимствованные из Студийского Устава: переходящее празднование Шестисот тридцати отцов IV Халкидонского Собора (статьи 6748 и 6815/16) и память преподобного Климента, творца канонов, память - 27 мая (6850). Однако эти памяти не имеют разночтений со списками других летописей. Все эти оригинальные месяцесловные отсылки вероятнее всего являются свидетельством особого состава церковных календарей, используемых новгородскими летописцами. В целом, обоих изводах НПЛ, на протяжении XIII-XIV в. прослеживается влияние Студийского Устава.

Памятью, заимствованной из Константинопольского Устава, является память преподобного Пахомия (7 мая) в статье 6896 г. Необходимо отметить, что Устав Великой Церкви был заменен на Руси Студийским еще в XII в. Столь позднее использование в летописи данных уже вышедшего из употребления месяцеслова, позволяет выдвинуть несколько гипотез по поводу того, почему летописцем использовался столь архаичный церковный календарь. Первое предположение - возможно, ссылка на память святого Пахомия уже имелась в протографе НПЛ, и оттуда перекочевала в Ком. Вторая версия - в

XIV в. в некоторых регионах в употреблении были еще подобного рода месяцесловы, восходящие к Константинопольскому Уставу, на вероятность такого рода, в свое время указывал В.В. Болотов [1, с. 196].

Подводя итоги, можно констатировать, что исследование месяцесловных отсылок в летописях дает богатый материал для уточнения датировок исторических событий, а также являться дополнительным критерием для выявления слоев в летописях (принадлежащих одному автору или летописному центру), которые на данный момент подтверждаются текстологически.

1. Болотов В.В. Следы древних месяцесловов поместных церквей // Христианские чтения. СПб., 1893. Вып. 1.
2. Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17).
3. Гиппиус А.А. Новые данные о пономаре Тимофее – новгородском книжнике середины XIII века // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению и распространению славянских культур. Вып. 25. М., 1992.
4. Гиппиус А.А. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи: Автореф. дисс... канд. филолог. наук. М., 1996.
5. ПСРЛ. М., 2000. Т. III.
6. ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1.
7. ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1.

УДК 339.1(470–25)

А.И. Раздорский¹

Конская торговля в Белгороде в XVII в. (по данным таможенных книг)

Экономическая история; конская торговля; таможенные книги; Белгород; юг России.

В статье на основе анализа статистических и фактологических данных, содержащихся в тринадцати белгородских таможенных книгах 1640–1670-х гг., рассмотрены объемы и обороты конской торговли в Белгороде, движение цен на лошадей, географический и социальный состав торговцев.

¹ Раздорский Алексей Игоревич, Российская национальная библиотека (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н.; razdor@nlr.ru.

Роль лошади в жизни человека Средневековья и раннего Нового времени трудно переоценить. Эти животные активно использовались в военном деле, в сельском хозяйстве, в транспорте. Они издавна являлись важным предметом торговли. Лошади покупались и продавались повсеместно, в торговые операции с ними были вовлечены лица всех социальных групп. Несмотря на очевидную важность для изучения хозяйственной жизни России прошлых веков, разработка истории конской торговли не получила в отечественной историографии сколько-нибудь существенного развития. Применительно к XVII в., находящемуся в центре нашего внимания, до недавнего времени имелось лишь несколько работ, в которых рассматривались (да и то мимоходом) рыночные операции с лошадьми [3, с. 65; 6, с. 205]. Здесь, по видимому, сказалось то обстоятельство, что конская торговля в силу своей специфики не являлась наиболее привлекательным и показательным объектом для изучения процессов складывания всероссийского рынка, развития сельского хозяйства и товарного производства.

Основными массовыми источниками по истории конской торговли XVII–XVIII вв. являются таможенные книги. Рыночные операции с лошадьми фиксировались либо в особых «таможенных книгах конской записки», либо в «лошадиных книгах», составлявших отдельные разделы общих таможенных книг. К сожалению, до наших дней дошло сравнительно немного подобных документов. В целом конские таможенные книги сохранились значительно хуже, чем общие. Так, например, по Вязьме, располагающей довольно многочисленным корпусом общих таможенных книг с 1649 по 1680 г., не сохранилось ни одной конской книги. И такой случай далеко не единственный.

В данной публикации рассматривается конская торговля в одном из наиболее значительных городов юга России — Белгороде. За XVII в. по этому городу выявлено 15 таможенных книг. В 14 из них имеются разделы, фиксирующие сбор таможенных пошлин с продавцов и покупателей лошадей². Настоящая статья продолжает серию

² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Денежный стол. Кн. 188. Л. 306 об–307, 314 об–315, 322–326, 330 об–331 об. (1646/47 г.); Кн. 104. Л. 236–272 об (1653/54 г.); Кн. 314. Л. 362–379 (1654/55 г.); Кн. 319. Л. 310–373 об (1657/58 г.); Кн. 342. Л. 229–254 (1658/59 г.); Кн. 329. Л. 285–325 (1660/61 г.); Кн. 97. Л. 55 об–61 об (1664/65 г.); Кн. 189. Л. 148–160 (1666/67 г.); Кн. 356. Л. 20–22 об (1669/70 г.); Кн. 346. Л. 13 об, 15, 16, 29 об, 31, 46 об, 107, 109 об–110, 112, 116, 127, 127 об, 128 об, 130 об, 131, 132, 132 об, 136, 138 об (1672/73 г.); Кн. 371. Л. 533 об–534 об, 536 об–537, 538 об–539 об, 540 об–542, 543 об, 544 об, 545 об, 546–546 об, 551 об, 552 об, 556, 577 об–578, 582, 625, 629, 638 об–639, 645–646, 649 об–651, 653–654, 656, 657 об, 658, 660 об, 663, 669 об, 678 об, 680 об–683 об (1677/78 г.); Белгородский стол. Кн. 29. Л. 31–32,

публикаций автора, посвященным русским конским рынкам XVII в. [4; 5, с. 241–257, 409–634].

Материалы трех белгородских таможенных книг (1653/54, 1660/61, 1666/67 гг.³) о конской торговле использовал в своем исследовании о рынке Центрального Черноземья Ю.А. Мизис [2, с. 513–520, 795–807]. Им были рассмотрены объемы и обороты торговли, географический и социальный состав торговцев, сезонные циклы в деятельности конского торгова, цены на лошадей. К сожалению, в статистических показателях и фактологических данных, приведенных исследователем, встречаются погрешности⁴.

Сведения об объемах и оборотах конской торговли в Белгороде в XVII в. представлены в прилагаемой ниже таблице. За год на местной конской площадке легально сбывалось от 5 до 166 лошадей. Для сравнения: в соседнем Курске ежегодные объемы продаж лошадей в 1619–1678 гг. составляли от 10 до 209 голов в год, т. е. масштабы конской торговли в этих городах можно считать в целом сопоставимыми друг с другом. Динамика интенсивности конской торговли в Белгороде в 1650–1660-е гг. отличается довольно существенными колебаниями. Так, в 1654/55 г. количество приведенных на продажу лошадей снизилось по сравнению с предыдущим годом в 2,7 раза,

33 (1651/52 г.); Ф. 214 (Сибирский приказ). Кн. 405. Л. 276–308 (1656/57 г.); ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. Кн. 9988. Л. 210–218 (1661/62 г.). — Указаны номера листов, на которых приведены записи о сборе пошлин с конской торговли. В таможенной книге 1641/42 г. присутствуют только обобщенные итоговые сводки о суммах таможенного сбора по месяцам. В таможенной книге 1646/47 г. записи о купле-продаже лошадей сгруппированы по месяцам, в книгах 1650–1660-х гг. образуют отдельные разделы, в книгах 1670-х гг. чередуются с поденными записями о поступлении сборов с оптовой и розничной товарной торговли и питейной прибыли. Книги за 1646/47 и 1651/52 гг. неполны. В первой сохранилось 20 записей о конской торговле за период с 24 декабря 1646 г. по 12 апреля 1647 г., во второй — 3 записи (за 28 июня, 8 июля и недатированная). Сведения таможенной книги 1651/52 г. в силу их отрывочности при анализе статистических данных не были использованы.

³ Книга 1660/61 г. ошибочно датирована Ю.А. Мизисом 1661/62 г., книга 1666/67 г. – 1668/69 г.

⁴ Так, оборот белгородского конского рынка в 1653/54 г. определен Ю.А. Мизисом в 216,5 руб. (на самом деле 185,5 руб.), количество явок лошадей покупателями и продавцами из числа местных жителей в том же году зафиксировано исследователем на уровне соответственно 35 и 14 (в то время как в действительности их насчитывается 30 и 17), среди участников белгородского конского торгова в 1660/61 г. Ю.А. Мизис упоминает жителя Венева, хотя веневцы не зарегистрированы ни в одной из белгородских таможенных книг, и т. д.

спустя два года возросло в 2,5 раза, на следующий год увеличилось еще в 1,8 раза, а еще через год упало в 2,8 раза. В 1650-е гг., вплоть до рубежа 1650–1660-х гг., белгородский конский рынок функционировал более интенсивно, чем в 1660–1670-е гг. В 1661/62 г. объемы продаж сократились относительно 1660/61 г. в 4,5 раза и позднее оставались примерно на том же уровне (за исключением 1669/70 г., когда жизнь на белгородской конской площадке почти замерла) вплоть до конца 1670-х гг., когда снова наметилось некоторое оживление.

Таблица 1. Объемы и обороты конской торговли в Белгороде в XVII в.

Год	Количество сделок	Общее число лошадей, приведенных на продажу	Количество проданных лошадей	Оборот (руб.)	Количество обменов	Число обмененных лошадей
1646/47 [a]	20	20 [b]	20	62,8 [c]	—	—
1653/54	91	102	80	185,5	11	22
1654/55	34	38	32	92,5	3	6
1656/57	90	93 [d]	89	269,2 [e]	2	4
1657/58	164	166	162	887	2	4
1658/59	56	59	53	226 [f]	3	6
1660/61	77	83	71	583,35 [g]	6	12
1661/62	17	18	16	313	1	2
1664/65	15	15	15	76,59	—	—
1666/67	26	30	24	128,55 [h]	3	6
1669/70	4	5	3	15,7	1	2
1672/73	20	21	19	77 [i]	1	2
1677/78	57	63	53	164,83	5	10

[a] С 24 декабря 1646 г. по 12 апреля 1647 г.; [b] В одной таможенной записи из-за дефекта текста отсутствуют сведения о количестве проданных лошадей. Предположительно, как и в подавляющем большинстве остальных случаев, продана была только одна лошадь; [c] По 19 явкам; [d] В т. ч. 1 жеребенок вместе с кобылой; [e] В т. ч. доплата при обмене 1 руб.; [f] В т. ч. доплата при обмене 1 руб.; [g] В т. ч. доплаты при обменах 13 руб.; [h] В т. ч. доплата при обменах 2,9 руб.; [i] В т. ч. доплата при обмене 4 руб.

Общая экономическая ситуация в стране, безусловно, влияла на конскую торговлю (например, резкое сокращение продаж лошадей в 1661/62 г. можно связать, в частности, с обострением финансового кризиса, вызванного галопирующим обесцениванием медных денег),

но в целом она жила по своим законам. Конъюнктура конского рынка, прежде всего в пограничных городах, во многом определялась спросом на лошадей со стороны военно-служилого населения.

На белгородском конском рынке, как и в других городах, на продажу приводились лошади трех основных категорий: кони, мерины и кобылы. Считается, что термин «конь» в источниках служил для обозначения исключительно боевых лошадей, предназначенных только для верховой езды [1, с. 88], в то время как мерины могли быть и верховыми, и тягловыми. В 13 белгородских таможенных книгах отмечено 84 коня, 455 мерин, 165 кобыл, а также 4 жеребца и 2 жеребенка (у 3 лошадей категория не указана). Количественное преобладание мерин (причем существенное) фиксируется и на других конских рынках, в частности, курском и московском.

Основной продажный контингент на белгородском рынке составляли лошади от 5 до 8 лет (293 из 713 лошадей, зарегистрированных в 13 таможенных книгах, или 41,1 %), а также старые лошади («летми сросшие»), возраст которых составлял 11 лет и больше⁵ (312, или 43,8 %). Лошади моложе 4 лет попадали на рынок исключительно редко (отмечено всего 11 таких случаев). Похожая картина наблюдается в Курске и Москве.

Стоимость лошадей в Белгороде в рассматриваемые годы (за исключением 1660–1662 гг., когда из-за образования лажа между серебряными и медными деньгами произошел повсеместный обвал цен практически на все товары) колебалась от 50 коп. до 18 руб. Преобладали недорогие лошади стоимостью от 1 до 5 руб. К этой ценовой категории относятся 75,8 % лошадей, зарегистрированных в белгородских таможенных книгах (за исключением книг 1660–1662 гг.). Более дорогие лошади, стоившие от 5 до 10 руб., приводились на рынок значительно реже (20,2 %). Лошади, цена которых была свыше 10 руб., встречались крайне редко (таковых зарегистрировано всего 14, или 2,6 %). Животных самой низкой ценовой категории (менее 1 руб.) отмечено только 8 (1,5 %). Дороже всего ценились кони. За все годы наблюдений (кроме 1660–1662 гг.) их средняя цена фиксируется на уровне 8,38 руб., в то время как мерин 3,56 руб., кобыл 3,37 руб., жеребцов 2,3 руб.⁶

⁵ В курских таможенных книгах под данное определение попадали лошади старше 10 лет, в московских — старше 12 лет.

⁶ Стоимость элитных лошадей, которых на белгородском конском рынке не отмечено совсем, составляла десятки рублей, а иногда доходила даже до сотни рублей. Так, 18 февраля 1634 г. боярин Д.М. Пожарский купил при распродаже казенных лошадей жеребца-аргамака за 100 руб. [4, с. 19].

Начиная с 1653/54 г. и вплоть до начала 1660-х гг. прослеживается устойчивая тенденция к удорожанию лошадей на белгородском конском рынке (то же самое происходило в это время и в Курске). В 1658/59 г. средние цены на них по сравнению с 1653/54 были выше почти вдвое. В начале 1660-х гг. рост цен принял стремительный характер: в 1660/61 г. по сравнению с 1658/59 г. цены выросли в среднем на 88,9 %, а в 1661/62 г. относительно 1660/61 г. уже на 143,6 %⁷. В середине — второй половине 1660-х гг. цены вернулись примерно к тому же уровню, какой был отмечен в 1657/58 г., т.е. оставались существенно выше уровня первой половины 1650-х гг. В 1670-е гг. наметилась тенденция к снижению стоимости лошадей. В 1677/78 г. цены на них в Белгороде упали по сравнению в 1669/70 г. в среднем на 40,5 %.

Таблица 2. Цены на лошадей в Белгороде в XVII в. (руб.)

Год	Min	Max	Mid
1646/47	1,5	7,5	3,31
1653/54	0,8	8,5	2,32
1654/55	0,5	12	2,89
1656/57	0,7	11	3,05 [a]
1657/58	1	18	5,48
1658/59	1	18	4,25
1660/61	2,5	31	8,03
1661/62	7	40	19,56
1664/65	1,2	10	5,11
1666/67	2,75	15	5,24
1669/70	2,5	7,2	5,23
1672/73	1,2	9	3,84
1677/78	0,7	11	3,11

[a] Без учета стоимости жеребенка, проданного с кобылой.

Среди продавцов и покупателей лошадей на белгородской конской площадке, помимо местных жителей, упоминаются представители 74 городов (с уездами) России: 30 польских (Белгород, Болховец, Валуйки, Верхососенск, Вольный, Воронеж, Добрый, Елец, Землянск, Карпов, Козлов, Коротояк, Короча, Курск, Лебедянь, Ливны, Новый Оскол, Обоянь, Ольшанск, Острогожск (Рыбный), Романов, Сокольск,

⁷ В Курске в 1660/61 г. лошади подорожали по сравнению с 1658/59 г. в среднем в два раза, а следующее двукратное повышение цен на них отмечено уже в следующем 1661/62 г.

Старый Оскол, Тамбов, Усерд, Усмась, Хотмыжск, Царев Борисов, Чернавск, Яблонов), 8 слободских (Ахтырка, Валки, Колонтаев, Олешня, Салтов, Сумы, Харьков, Чугуев), 11 украинских (Белев, Болхов, Дедилов, Ефремов, Карачев, Кромы, Мценск, Новосиль, Орел, Тула, Чернь), 4 северских (Брянск, Путивль, Рыльск, Севск с Комарицкой волостью), 5 рязанских (Данков, Зарайск, Михайлов, Переяславль-Рязанский, Ряжск), 1 заоцкого (Калуга), 8 замосковных (Кашин, Коломна, Москва, Переславль-Залесский, Суздаль, Тверь, Углич, Ярославль), 8 понизовых (Арзамас, Атемар, Казань, Карсун, Нижний Новгород, Пенза, Симбирск, Уржум), а также 10 малороссийских городов (Веприк, Гадяч, Грунь (Гринь), Зеньков, Камышня, Котельва, Кременчуг, Опошня, Переволочна)⁸. В таможенной книге 1646/47 г. трижды упомянуты «литвины» (т. е. подданные Речи Посполитой), но города, в которых они проживали, не названы. Среди участников конского торгова в Белгороде неоднократно упоминаются донские⁹ и днепровские («днепровые») казаки. Наиболее регулярно на белгородском конском рынке появлялись куряне (упоминаются в 12 таможенных книгах), ельчане, туляки и жители Болховца (в 11), козловцы (в 10). Интенсивность торговых операций иногородних была, как правило, невелика (1–2 явки в год). Редкие примеры иного рода составляют действия по купле-продаже лошадей козловцев в 1656/57, 1657/58 и 1660/61 гг. (соответственно, 24, 47 и 13 явок), жителей Усмани в 1657/58 (25), Болховца в 1653/54 г. (14), Яблонова в 1657/58 (13) и Тамбова в 1660/61 г. (13). Местные жители, многократно отмеченные во всех таможенных книгах, чаще покупали, чем продавали лошадей.

В конской торговле в Белгороде принимали участие представители различных социальных групп: посадские люди, служилые люди по отечеству и прибору (дети боярские, драгуны, казаки, копейщики, подьячие, пушкарки, рейтары, солдаты, стрельцы, станичные вожи и ездоки), ямщики, крестьяне, бобыли, черное и белое духовенство (монахи, попы, дьячки), слуги, гулящие люди. Из представителей групп, определяемых по этническому признаку, в источниках упоминаются литвины, татары, цыгане и черкасы. Доминирующее положение занимали служилые люди, что выглядит вполне естественно, учитывая

⁸ Населенный пункт под названием «Охемов», трижды упоминаемый в таможенной книге 1653/54 г., не идентифицирован.

⁹ Встречаются указания на принадлежность «донских казаков» к определенным городам (в т.ч. Белгороду, Данкову, Ельцу, Карпову, Козлову, Курску, Ливнам, Туле), например, «тулянин донской казак Артем Доброхотов», «курченин донской казак Семен Меркулов».

пограничное положение Белгорода и его роль главного военно-административного центра Белгородской черты. Служилые люди различных категорий зафиксированы в 13 таможенных книгах в качестве продавцов или покупателей лошадей в общей сложности 963 раза (71,9 % от общего количества явок). Для сравнения: посадские люди¹⁰, составляющие вторую по численности социальную группу среди участников конского торгова, отмечены только 83 раза (6,2 %). Третье место по данному показателю принадлежит черкасам (69 явок, или 5,1 %). Роль крестьян и бобылей в торговле лошадьми в Белгороде была крайне незначительной (13 явок, или 1 %). Они упоминаются реже, чем гулящие люди (28 явок, или 2,1 %) и почти столько же раз, сколько представители духовенства (12 явок, или 0,9 %). Незрелость крестьянской конской торговли была обусловлена спецификой Белгорода и его уезда, развитие которых в XVII в. было подчинено, прежде всего, задачам обороны южных границ Московского государства.

1. *Котков С.И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М., 1970.
2. *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006.
3. *Митяев К.Г.* Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII века // Исторические записки. 1942. Т. 13.
4. *Раздорский А.И.* Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М., 2011.
5. *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001.
6. *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л., 1951.

¹⁰ Включая «торговых людей».

Азовское таможенное и питейное управление в конце XVII – начале XVIII вв.

Таможенный голова; кабак; кружечный двор; целовальники; «питейные деньги»; подрядчики.

Статья посвящена проблеме таможенного и питейного управления в г. Азове в конце XVII – начале XVIII вв. Автором анализируются вопросы обустройства и комплектования таможенной избы и кружечного двора, ведения делопроизводства, раскрываются аспекты взаимодействия с подрядчиками.

В течение XVII-XVIII вв. г. Азов неоднократно переходил из рук в руки, оставаясь важным стратегическим объектом для России. Петровские преобразования начались со знаменитых азовских походов, закрепивших за страной право обладать городом. Азов был взят в 1696 г. и практически сразу же здесь была сооружена крепость, построены таможенная изба и кружечный двор, начались сборы государственных пошлин с местных жителей. В 1700 г. был заключен русско-турецкий договор, однако судьба Азова, а вместе с ним и Таганрога, не была еще решена окончательно в пользу России [5]. В 1712 г. после Прутского похода город вернули туркам. Российская империя смогла по праву назвать Азов своим только с 1774 г.

Обозначенный период с 1696 по 1712 гг. ознаменовался для азовских жителей появлением новых забот и обязанностей. Наряду со строительством зданий и флота, особому государственному контролю подверглись таможенные и кабацкие сборы. На протяжении XVII в. в России существовали внутренние таможи, деятельностью которых руководили выборные должностные лица или откупщики – таможенные головы. В ряде российских уездов они получали в довесок дополнительные обязанности по сбору «питейных пошлин», то есть следили за работой кружечных дворов [4].

Судя по всему в г. Азове сбор таможенных и «питейных» пошлин встретил известные сложности, связанные с многолетней вольностью города², наличием большого числа нерусского населения и людей «неблагонадежных», в разное время отправленных сюда в ссылку за уголовные и государственные преступления.

¹ Жиброва Татьяна Валерьевна, Воронежская государственная медицинская академия им. Н.Н. Бурденко (РФ, Воронеж), к.и.н.; tashazhibrova@rambler.ru.

² В 1637 г. донские и запорожские казаки захватили город и сделали его столицей Войска Донского.

В 1698 г. в Азове был получен указ из Москвы о строительстве новой таможенной избы и кружечного двора. Место под постройку выделялось специально вместо куреней и войсковой избы. Воеводе вменялось в обязанность следить, чтобы строили «как пристойно и лутчи». Одновременно приказано было организовать выбор таможенного головы, ларечного (основного помощника головы) и целовальников, «из азовских жителей добрых людей ис каких чинов пристойно»³. Судя по всему, Москва стремилась полностью контролировать не только весь процесс выбора. В обязанность азовской администрации входило подробно отписать, где будет осуществлена постройка таможенной избы и кружечного двора и других хозяйственных построек, их точное количество. Все выбранные должности с указанием имен и социального положения «за руками», то есть с поручными записями должны были также указываться в отписке в столицу⁴.

Тогда же в 1698 г. в Азов из Москвы были присланы медные «заорленные меры» (ведро, полведра, кружка, чарка). В приказную палату воеводе передали уложенную книгу «в переплете в досках», список с Новоторгового указа и другие необходимые для делопроизводства документы⁵.

Ситуация в Азове несколько отличалась от организации выбора в других городах России. Откупная система здесь, по всей видимости, не находила применения [1]. Взять таможенные и питейные доходы на откуп было дорого и небезопасно. Выбирать таможенных и кабацких служителей тоже было не из кого. Обычная формулировка всех выборных документов этого периода: «а выбирать людей добрых и прожиточных, кому меж собой верить мочно» здесь не работала, оставаясь простой формальностью. Так, при выборе 1698 г. местная администрация сообщила в Москву «к збору твоей великого государя денежной казне таможенных пошлин и питейной прибыли в головы и ларечные из сыльных которые в Азове написаны в посад а в целовальники из новоприведенных солдат велели... выбрать»⁶.

Приведение к крестоцелованию в Азове в 1698 г. состоялось в Соборной церкви 1 июля, вместо обычного 1 сентября в начале года, что говорит о срочной необходимости начать сбор таможенных и кабацких пошлин.

Документы сохранили нам имена и фамилии самых благонадежных из жителей Азова. Головой новой только что отстроенной

³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 1-2.

таможни и кружечного двора стал Степан Максимович Мартюшев. В ларечные были выбраны Герасим Васильевич Фомин и Иван Титович Хлепятин. Эти люди представляли собой в иерархии местной таможенной администрации ее верхушку, непосредственное руководство. «А они люди добрые и правдивые и пожиточные и с такое великого государя дело их станет»⁷.

Обязательным условием любого выбора была «порука» остальных жителей, в случае ненадлежащего выполнения обязанностей головы и ларечных штраф – «пеня» раскладывался на всех [3].

Главной проблемой азовского воеводы было найти для таможни и кружечного двора необходимое количество целовальников и подьячего. Как сообщал в Москву, «к тому государеву делу надобно целовальников ... добрых и знающих и пожиточных людей». Сам воевода испытывал затруднение, как поступить в этом случае и отправил в Москву отписку: «ис каких чинов и о том великий государь что укажешь»⁸.

Интересно, что грамотность непосредственно администрации местной таможенной избы не была обязательным условием. При анализе поручных записей видно, что новый голова С. Мартюшев был неграмотный. За него расписался ларечный И. Хлепятин⁹.

По сравнению с комплектованием других южнорусских таможен [3] азовская, по всей видимости, по мнению властей, должна была обслуживать либо большое количество населения, либо работа должностных лиц расценивалась как более опасная. Достаточно крупная воронежская таможенная изба, например, находилась в ведении одного таможенного головы с одним ларечным (и то не каждый год) и с несколькими целовальниками.

Целовальники на азовскую таможню были выбраны только в конце августа 1698 г. Воевода Алексей Петрович Прозоровский организовал процедуру выбора и велел подать ему документы в приказную палату.

Всего было составлено 5 документов выбора. Специальным указом из столицы сержанты, капралы и рядовые солдаты азовского гарнизона выбирали «промеж себя» «людей добрых и пожиточных и правдивых». Документы составлялись по полкам. Целовальниками в 1698 г. стали солдаты А. Кузнецов, И. Плехан (полк Владимира Жаворонкова); сержант К. Цемызгин и рядовой Р. Шмырев (полк Матвея Гамова); солдаты С. Казаков, Н. Ляпин (полк Александра Блудова);

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 28. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 5 об.

солдаты В. Семенов, И. Лукьянов (полк Михаила Аристова); солдаты Н. Тимофеев, С. Свешников (полк Дмитрия Воронцова).

В конце августа по неизвестной причине новым ларечным стал Иван Яковлевич Хлепятин вместо своего, по всей видимости, родственника Ивана Титовича¹⁰. О том, был ли найден человек на должность подьячего, по документам, к сожалению, ничего не известно.

В мае 1699 г. Азов посетил Петр I. За три года после взятия Азова здесь уже была сооружена, в основном, крепость и, на противоположном берегу Дона, – форт Петровский. Гарнизон крепости состоял из 10000 человек. У крепости стояло 9 русских линейных кораблей, не считая множества мелких судов. Азов был заселен значительным количеством русских людей [5]. Таможенный и кабацкий голова С. Мартюшев по-прежнему находился при исполнении своих обязанностей, неоднократно жалуясь в столицу на сложную ситуацию во вверенном ему городе.

Незаконная продажа вина в городе Азове была запрещена. По всей видимости, к этой проблеме помимо головы таможи и кружечного двора была подключена местная администрация. В 1697 г. Солдаты Преображенского полка по указу из Москвы получили приказ осмотреть уездные деревни и задержать незаконных торговцев¹¹.

Борьба с корчемным, то есть незаконным вином осложнялось большим количеством в Азове выходцев с вольного Дона. Так, как видно по отпискам в Москву, на рынке совершенно свободно можно было купить запрещенное к свободной продаже напитки [2].

В 1699 г. С. Мартюшев отчитывался в собранных пошлинах и ссылался на затруднения, связанные с тем, что «в Азове приезжают торговые люди а называются донские казаки и товаров своих не явят и в таможенные книги записывать не дают и пошлин не платят»¹².

Еще одной заботой государства, было обеспечить бесперебойную работу азовского кружечного двора. Своей винокурни, судя по всему, в городе не было. Вино здесь было привозное, в основном закупается у подрядчиков. Документы сохранили нам имена азовских подрядчиков. С 1698 г. в течение пяти лет вино на азовский кружечный двор поставляли кадашевец И. Степанов и крестьянин Ф. Брюхов. Размеры поставки 1698 г. были весьма внушительными: 5000 ведер вина и 10000 пудов соли были приняты по государственному указу азовским головой. Тара (бочки для вина «самого доброго хлебного пенного бес пригари и безо всякой охулки»), струги и рабочие предо-

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

¹² Там же. Д. 41. Л. 2.

ставлялись подрядчиками¹³. Деньги за свои услуги они получали заранее в Москве. Голове оставалось только отписать в столицу о своевременной доставке и качестве вина, записав его в приходные книги.

Осуществлялись закупки питейной продукции также в донских городках. В сложную поездку в ноябре 1698/99 г. отправился сам голова С. Мартюшев и ларечный И. Хлепятин, вооруженные «для вспоможения» государственным указом. Войсковой атаман Фрол Минаев разрешил им покупку меда, хмеля и солода по выгодным ценам. Азовские таможенные служители заметили, что «вина в Черкасском продажного многое число, а продавцы того вина им голове и ларешному продать не посмели»¹⁴. Однако С. Мартюшеву удалось договориться с одним казаком Иваном Дружининым о подряде на вино «тайным обычаем»¹⁵.

Таможенные и кружечного двора служители обязаны были наряду с приходными книгами вести и расходные, куда записывались все факты выдачи денег или вина на самые разнообразные нужды. Так, например, в марте 1706 г. на погребение и поминовение умершего подьячего Петра Псковитинова было выдано четверть ведра простого вина¹⁶. Нередкими были случаи выплаты жалования азовским служилым людям из таможенных и питейных доходов¹⁷.

Судя по всему, таможенное и питейное управление в г. Азове не должно было в глазах властей хоть сколько-нибудь отличаться от других русских уездов. В 1699 г. таможенным служителям еще раз сообщалось, что все жители и гости г. Азова обязаны соблюдать правила внутреннего таможенного обложения, платить питейные пошлины, «а буде в Азове учнут иноземцы других государств приезжать и тех иноземцев не впускать в город и объявлять в Азове в приказной палате»¹⁸.

Азов был передан туркам в январе 1712 г. Сбор таможенных и питейных пошлин был приостановлен вплоть до 1774 г., когда город был снова возвращен Российской империи.

1. *Андрющенко О.В.* Азовская таможенная книга 1698-1699 гг. как исторический источник // Страницы российской истории: сб. научн. ст. Воронеж, 2005.

¹³ Там же. Д. 28. Л. 13-14.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 34. Л. 1а.

¹⁷ Там же. Л. 3-6.

¹⁸ ГАВО Ф. И-5. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.

2. *Волков М.Я.* Очерки истории промыслов России второй половины XVII – первой половины XVIII вв. Винокуренное производство. М., 1979.
3. *Захаров В.Н.* Таможенное управление в России в XVII в. // Государственные учреждения России XVI – XVII вв.: сб. науч. тр. М., 1991.
4. *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006.
5. Местное самоуправление Азова: история и современность. 140 лет (1870-2010). Азов, 2010.

УДК 94(47).05; 94(47).06

Н.А. Гефке¹

Поставка поваренной соли в Кузнецкий уезд в 1720-е гг.

Соляная монополия; поставка соли; Западная Сибирь; Кузнецкий уезд; служилые люди.

В статье раскрывается тема снабжения солью Кузнецкого уезда – одного из пограничных районов юга Западной Сибири. Организация поездок за солью была обязанностью местной администрации и осуществлялась при помощи служилых людей.

Кузнецкий уезд долгое время оставался самой южной окраиной Российского государства в Западной Сибири [6, с. 269]. Поставка сюда товаров первой необходимости была стратегически важной задачей – для сохранения уверенных позиций государственные власти должны были своевременно снабжать пограничные территории всем необходимым, в том числе и поваренной солью.

В исторической литературе мы неоднократно встречали описание поездок из Тобольска за солью на Ямышевское озеро [1, с. 159-160; 4; 5, с. 23; 9, с. 17-18]. Но сведения о последующем пути этого продукта в отдаленные города в основном ограничивались перечислением точек назначения [2; 3, с. 101-103]. О поставке соли в Кузнецк в XVII в. упоминал только И.П. Каменецкий [7, с. 25].

В то же время в фондах Главной соляной конторы (Ф. 353) и Кузнецкой воеводской канцелярии (Ф. 517) РГАДА хранится большое количество делопроизводственных источников, повествующих о подготовке и проведении поездок за солью в Тобольск в 1720-е гг.²

¹ Гефке Наталья Алексеевна, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), асп.; gefkna@yandex.ru.

² По истории соляного дела в других городов Западной Сибири в фондах РГАДА нам пока не удалось найти таких источников, за исключением нескольких копий документов в Портфелях Г.Ф. Миллера по Туринску за 1722 г., и в фонде Верхотурской воеводской канцелярии за 1727-1728 г.

Перевозка в Кузнецк тяжелых грузов из сибирской столицы осуществлялась по рекам: Иртышу, Оби и Томи. Общая длина пути составляла почти полторы тысячи верст³. Длилось такое путешествие порядка 16 месяцев, и проводилось в три этапа.

Подготовительный этап. В начале или середине апреля служилые люди получали указ из Кузнецкой воеводской канцелярии, по которому должны были решить, кто из них войдет в состав отряда, направлявшегося в Тобольск за солью⁴.

К отбору исполнителей подходили серьезно – на них возлагалась материальная ответственность за сохранность ценного товара, а в случае причинения какой-либо «траты» казне, выборщики обязывались возмещать убытки наравне с посыльными⁵. Составленный реестр с именами конных и пеших казаков, а также их руководителей (сыновей боярских, сотников или пятидесятников) направлялся на одобрение к воеводе⁶.

25 человек было достаточно для сопровождения одного дощаника, в который входило до 1600 пудов соли. Постоянный рост населения в уезде потребовал во второй половине десятилетия увеличить объем привозимой соли до 3000 пудов, для чего нужно было выделять два дощаника и 40 человек (см. Таблицу №1).

Отдельное вознаграждение участникам отряда не предусматривалось⁷. Принято считать, что поездки за солью входили в круг должностных обязанностей служилых людей [8, с. 88, 91, 92]. Но администрация понимала, что в длительной посылке денежные средства были необходимы, поэтому искала пути выдачи годового жалования раньше обычного срока⁸.

Во главе отряда ставили одного человека, с 1726 г. – двух. Самым большим доверием пользовался сын боярский Афанасий Бутримов (Бутремов), который выбирался за десять лет четыре раза (см. Таблицу №1).

³ РГАДА. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1278. Л. 25.

⁴ Указы за 1726 и 1728 г. см.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 332; Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 140.

⁵ Поручительные записи 1724 и 1725 г. см.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 6. Л. 75-76 об.; Там же. Д. 10. Л. 70.

⁶ Доношения с реестрами за 1725, 1726 и 1729 г. см.: РГАДА. Ф. 517. Д. 10. Л. 56-57; Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 391-392 об.; Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 25-26.

⁷ В ведомости 1726 г. написано: «...соль присылатца в Кузнецку в гдrevых судах и ставитца кузнецкими служилыми людьми безденежно». См.: РГАДА. Оп. 517. Оп. 1. Д. 4. Л. 23 об.

⁸ Документы о выдаче жалования в 1722 и 1728 г. см.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 4. Л. 46-49; Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 271-272 об. Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 46-49.

Руководители получали от воеводы указ с подробной инструкцией⁹. Главной их обязанностью в пути было поддержание строгой дисциплины, «чтоб по городом и по уездом дорогою никакова дурна и азарничества не чинили»¹⁰. Непослушных они могли наказывать битьем батогами, «смотря по винам». Когда ситуация выходила из-под контроля, в помощь должна была приходиться администрация встреченных на пути городов.

В источниках есть сведения о дополнительных поручениях для руководителей отрядов, таких как доставка челобитных или перевозка беглых людей в Тобольск¹¹.

Второй этап. После окончательных сборов, предположительно, в конце мая посыльные выдвигались в дорогу. Шли они «воденным путем», нигде не задерживаясь. К июлю служилые люди благополучно добирался до Тобольска¹². По прибытии, они подавали «отписку о присылке в Кузнецкой продажной соли» в губернскую канцелярию¹³.

Сибирский губернатор подписывал указ о выдаче соли, а также дощаников для ее перевозки, с парусом и всеми необходимыми снастями¹⁴. После получения важного груза, отряд, не мешкая, отправлялся в обратный путь.

На возвращение домой им требовалось около четырех месяцев. Но в ноябре Обь покрывалась льдом, до этого времени нужно было подплыть как можно ближе к Кузнецку. Чаще всего они успевали добраться до Томска, но бывали случаи, когда за «малой водой» не доходили даже до Нарыма (см. Таблицу №1). Груз оставлялся под караулом двух-трех человек, а остальные служилые люди отправлялись в Кузнецк.

⁹ Указы с инструкциями за 1724, 1726, 1728 г. см.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 10. Л. 56-57; Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 138-139; Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 389-390.

¹⁰ Там же. Л. 389 об.

¹¹ Там же. Л. 57, 391-392 об.

¹² В источниках мы не встречали сведений о каких-либо проблемах или трудностях по дороге из Кузнецка в Тобольск. За исключением того, что в 1725 г. в Нарыме сбежало двое конвоируемых солдат. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 57.

¹³ В фонде Сибирской губернской канцелярии в Тобольске (Ф. 415) таких отписок мы не нашли, но упоминания о них есть в инструкциях главам отрядов за 1726 и 1728 г. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 389; Оп. 1. Д. 15. Л. 138-139.

¹⁴ Указ из Тобольской земской канторы за 1726 г. см.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 358.

Третий этап. Следующей весной, в конце апреля, соляной отряд собирался вновь и отправлялся за недозвезенной солью¹⁵. К середине июля он успевал вернуться в Кузнецк.

Во время сдачи целовальникам товар взвешивался: различия в выданном и привезенном количестве соли были всегда (См. Таблицу №1). Происходило это потому, что во время вынужденной задержки она хранилась в необорудованных помещениях, куда легко могла подойти «вешняя» или дождевая вода¹⁶.

На этот случай предусматривалась норма допустимой «утечки и усушки»: на год «на сто пуд по четыре пуда». Но когда потеря была особенно значительной, недоимка взималась «безо всякого послабления по указной цене» (см. Таблицу №1)¹⁷. Также с дозорных взималась стоимость дощаника, если его разламывало весенним ледоходом¹⁸.

Описанный нами порядок поставки соли сложился в XVII в. и просуществовал до 1737 г.¹⁹ [7, с. 24-25]. На него практически не оказали влияния «внешние» факторы, такие как установление государственной соляной монополии в 1705 г. и временное возобновление вольной торговли солью в 1728-1731 гг. Привоз соли был жизненной необходимостью, организовать его путем частных подрядов, как этого требовали перечисленные нами указы, не представлялось возможным.

Таблица №1. Поставка поваренной соли в Кузнецкий уезд в 1720-е гг.

Принятие указа о посылке	глава отряда	Кол-во чел-к	выдано		зимовка	дата доставки	Кол-во довезенной соли в пудах	«доимка» в рублях
			соли в пудах	дощаников				
1720 ²⁰	-	-	1600	-	Томск	1 апреля 1721	1559	не взята

¹⁵ В связи с тем, что служилые люди несли материальную ответственность, замена участников отряда производилась только с разрешения воеводы. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 357-358 об.

¹⁶ О подтоплении соли «вешней» водой в 1723 и 1728 г. см.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 12. Л. 117-118.; Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 212.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 19-19 об.

¹⁸ Такой случай описывается весной 1726 г.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 386-386 об.

¹⁹ В 1737 г. вышел указ о снабжении Кузнецка солью с Кулундинских озер. См.: РГАДА. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1278. Л. 25 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

1721 ²¹	Афанасий Бутримов	-	1200	-	Томск	1722	1161,6	не взята
1 мая 1722 ²²	Дмитрий Безсонов	-	1200	1	Нарым ²³	1724	1045	31
1723 ²⁴	Борис Ефремов	-	1200	1	Томск	1724	420,25	155,65
20 мая 1724 ²⁵	Илья Паренов	25	-	-	-	-	-	-
май 1725 ²⁶	Афанасий Бутримов ²⁷	25	700	1	Томск	июль 1726	644	11,76
6 мая 1726 ²⁸	Афанасий Бутримов, Иван Бызов	25	800	-	Томск	июль 1727	772,5	не взята
1727 ²⁹	Яков Мельников, Василий Паренов	-	2400	2	Томск	апрель 1728	30	-
						июль 1728	1298	-
не ранее 29 мая 1728 ³⁰	Афанасий Бутримов, Иван Кузьминых	40	3000	2	Нарым ³¹	июль 1729	2846,75	не взята

²¹ Там же. Л. 17-17 об.

²² В ведомости 1726 г. обозначено, что соль зимовала в Томске и до Кузнецка в 1723 г. довели только 950 пудов. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 4. Л. 18-18 об. Этому противоречит целый ряд более ранних документов. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 4. Л. 46-49; Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 32-35 об, 58-59.

²³ В документе значится: «И в 723 году из Нарыма не дошел до Кузнецка за малою водою. Дощик с парусом и снастями оставил в Кузнецком уезде в Мунгацком станца. А соль с Мунгату привезена в Кузнецк чрез степь коньми сего 724 году». См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 10. Л. 58-59.

²⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 4. Л. 19-19 об; Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 58-59; Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 117-118.

²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 56-64, 70.

²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 75-76 об; Оп. 2. Д. 12. Л. 335-335 об; Оп. 2. Д. 13. Л. 357-358 об, 361, 362, 365.

²⁷ Так как в 1726 г. Афанасий Бутремов снова был направлен в Тобольск, во главе довозившего отряда был поставлен его родной брат Михайло Бутремов. См.: РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 357-357 об.

²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 389-390, 391-392 об; Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 142-145 об; Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 141-141 об.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 114-117 об; Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 51-51 об, 189-189 об; 448.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 212, 244, 265, 266.

³¹ В документе значится: «в остяках выше Нарыму». См: РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 20. Л. 265.

май 1729 ³²	Григорий Буткеев	40	-	-	-	-	-	-
---------------------------	---------------------	----	---	---	---	---	---	---

1. *Александров В.А.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
2. *Вилков О.Н.* К вопросу об экономических связях Сибирского города с прилегающей округой в XVII в. // Известия Сибирского отделения Академии наук. Новосибирск, 1966.
3. *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990.
4. *Гефке Н.А.* Зарождение соляных промыслов на территории Западной Сибири (конец XVI – середина XVIII в.) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Материалы регион. Молодежной науч. конф. г. Новосибирск, 19-21 августа 2009 г. Новосибирск, 2009.
5. *Гончаров Ю.М.* Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул, 2006.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Ленинград, 1968.
7. *Каменецкий И.П.* Комментарий к челобитной кузнецких служилых людей // Русское население Сибири эпохи феодализма. Новосибирск, 2003.
8. *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988.
9. *Шерстова Л.И.* Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005.

УДК 94(47).06

А.И. Комиссаренко³³

Роль Вятского края в русской экспортной торговле через Архангельский порт в 30 – 40-е гг. XVIII в.

Хлебная торговля; Вятка; российско-нидерландские торговые связи

В статье на базе таможенных книг Вятского края исследуются объемы поставок сельскохозяйственных продуктов на внешний рынок в 30-х – 40-х гг. XVIII в.

Значение Архангельска как важного порта во внешней торговле России XVII – XVIII вв. неоднократно изучалась исследователями. В работах С.Ф. Огородникова [16], П.П. Мельгунова [15], И.М. Кулишера [14], Р.И. Козинцевой [9], С.М. Троицкого [22], Н.Н. Репина [18; 19; 20], А.В. Дёмкина [2], В.Н. Захарова [3; 4; 5], Б.Б. Кафенгауза [6],

³² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 20. Л. 25-26.

³³ Комиссаренко Аркадий Иванович, РАНХиГС (РФ, Москва), д.и.н.; arkadiy109@rambler.ru

Я.В. Велувенкампа [1] раскрыты масштабы коммерческих операций, состав купцов, прослежены связи с рынками Нидерландов, Великобритании, северной Германии (особенно Гамбурга и Любека), выявлен товарный ассортимент ввоза и вывоза. Однако вопрос о влиянии внутреннего российского рынка и его региональных секторов на функционирование Архангельского порта не получил в науке должного освещения.

В этом аспекте представляется важным проанализировать место сложившихся в процессе экономической специализации в различных районах России местных рынков, выступавших в едином народно – хозяйственном комплексе в качестве факторов, обеспечивавших коммерческую активность и стабильность портовых городов, в том числе и Архангельска. Следует при этом выделить Вятский край, который к началу XVIII в. являл собою крупный район, имевший широкоразвернутые контакты с многими регионами страны – Центром, Поморьем, Уралом, Западной Сибирью, Поволжьем [10; 12].

В основу сообщения положены материалы фондов РГАДА – Вятской провинциальной канцелярии, Хлыновской таможни, а также Сената за 30 – 50-е гг. XVIII в. Они представлены таможенными книгами – отпускными, досмотровыми, пропуска через Летский караул «хлебных припасов» записными таможенных караулов (Ошланского, Сунского, Кырчанского, Великорецкого и других). Источники позволяют установить оборот местных и привозных товаров на хлыновском городском рынке и волостных рынках, определить объемы товарных потоков по различным направлениям, выявить торговые операции вятских и иногородних купцов, посадских людей и крестьян, установить степень активности скупщиков. Полученные в результате статистической обработки количественные показатели, однако, не стоит абсолютизировать. Часть торговых сделок заключалась вне таможни и торговых караулов и не фиксировалась в таможенных документах. Еще И.Т. Посошков писал: «... многие покупают у себя на дому, а иные, покупают, отъехав, в деревнях » [17, с. 208; 7; 8]. Об этом же доносил в Камер–коллегию и Сенат в феврале 1745 г. вятский промышленник, владелец Верховятского Кирсинского завода Г.М. Вяземский: «...городовые купцы ... на сие весьма искусны..., а кои находятца города к порту Архангельскому ... сала ... заготовлены, топлёное чистое к продаже заморский отпуск, то весят по сороку пуд и более...на свои веса при домех»³⁴.

³⁴ РГАДА. Ф. Сената (№ 248). Оп. 3. Книги 75, 79, 81, 82, 84, 86, 87.

В сенатских делах по Архангелогородской губернии находятся ценные материалы о вятской торговле и, в частности, систематическом вывозе в Поморье сельскохозяйственных продуктов³⁵. Вместе с источниками из фондов Вятской провинциальной канцелярии и Хлы-новской таможни они дают развернутую картину об уровне связей региона с Архангельским портом³⁶.

Нами использованы также документы городского архива города Амстердама (Нидерланды) – одного из мировых центров мировой торговли с XVI в. Наибольший интерес представляют документы Дирекции Московской и Восточной торговли (1693 – 1823 гг., *Directie van de Moskovische en Oostersche Handel*) и состоявшей при ней Комиссии о хлебной торговле (*Commissie voor de Jzaanhandel*), среди них дела ее руководителей – Яна Тиммермана (1718 – 1748 гг.), Леонарда ван Хозена (1727 – 1746 гг.), Лодейвика Хофи (1746 – 1780 гг.) [11]. Ими контролировался торг с Россией и странам североморского и балтийского побережья – Нидерландами, Швецией, Польшей, Пруссией, Данией, Голштинией, северогерманскими торговыми – городами Гамбургом, Любеком, Данцигом. В коллекциях нотариальных и таможенных регистраций коммерческих сделок хранятся документы, отражающие торговые контакты голландских купцов с российским рынком (частично опубликованы нидерландским историком С. ван Браке-лем [24]). Немало среди них источников, освещающих деятельность указанной Дирекции по организации регулярных и безопасных связей с Русским Севером (например, ордера относительно конвоирования военными кораблями торговых судов, шедших к Архангельску в 1733-1765 гг.).

Из документов видно, что, несмотря на жесткие меры, предпринятые петровским правительством по переориентации внешнеторгового оборота из Архангельска к Петербургскому порту, роль гаваней северного побережья России оставалась достаточно значимой и для нее, и для Нидерландов. Это объясняется еще и тем, что при направлении судов из голландских портов, прежде всего из Амстердама, в Финский залив к российским портовым городам, судовладельцам и купцам приходилось выплачивать Дании при проходе из Северного в Балтийское море через пролив Зунд так называемую «зундскую» пошлину, северное же направление в обход Скандинавии оставалось свободным от таможенных барьеров. Именно по этому

³⁵ Там же. Ф. Сената (№ 248). Оп. 15. Кн. 89. Д. 24. Л. 753.

³⁶ Там же. Ф. Вятской провинциальной канцелярии (№ 425). Оп. 2. Д. 262. Л. 1-183; Ф. Хлыновской таможни (№ 834). Оп. 1. Дела 36, 125, 131, 139, 344, 349, 370, 373, 374. Общую структуру хлыновского городского рынка см.: [13].

пути в Россию шли более тоннажные западноевропейские суда, хотя по их количеству это направление уступало петербургскому [18, с. 65-68; 21; 23].

Первые сведения о хлыновском городском рынке относятся к 1735 г. Сохранилась книга покупок иногородними купцами товаров на «явленные деньги», фиксирующая место жительства купца, вид скупленного товара и его стоимость, пункты доставки. Общая стоимость приобретенных товаров составила по нашим подсчетам 12874 руб. 84 коп. Наиболее крупные операции принадлежали лальскому купцу И.Г. Бобровнику, скупившего у вятских продавцов за 1364 рубля около 10 тыс. аршин холста – «хрящу», чебоксарскому купцу И. Халтуруину, приобретшего 2338 кож на сумму 1052 руб. Эти сделки осуществили их агенты – приказчики, которые скупали товары у уездных крестьян мелкими партиями, регистрируя их ежемесячно в Хлыновской таможне. Закупленные таким образом товары предназначались для вывоза, прежде всего, к Архангельску и Холмогорам, а также Ярославлю, Верхотурью, «Сибирским городам», причем в Поморье приходилось до 16 % всего вывоза. По большей части он состоял из сельскохозяйственных продуктов – ржи, ячменя, семени льняного, муки, коровьего масла.

В 1736 г. общий товарооборот хлыновского городского торга составил 26066 руб. Более 33 % годового оборота пришлось на товары «уездной закупки». За 1737 г. в хлыновской таможне были зарегистрированы 116 сделок на городском рынке на общую сумму 21480 руб.³⁷ Анализ таможенных записей позволяет установить, что купцы, закупавшие у крестьян-скупщиков хлебные припасы и прочие сельскохозяйственные товары в уездах Вятской провинции – Хлыновском, Слободском, Орловском, Котельничском, Шестаковском, составляли большие обозы, направлявшиеся к Ношульской пристани, а оттуда по Северной Двине к Холмогорам и Архангельску. Это четко регистрировалось в таможенных книгах формулой – «отпущено до Архангельска». Среди скупщиков крестьянского хлеба были почти все видные хлыновские купцы – Антон, Василий и Фёдор Хохряковы, Илья и Михаил Глухих, Яков Машковцев, Иван Толмачёв, Яков Пушкарёв, Григорий Прозоров, Алексей Мамшев, Михаил Злыгостев. Всего в 1737 г. на хлыновском городском рынке по данным таможенных книг оказалось в продаже 2194 четверти семени льняного, 790 пудов муки ржаной, 789 четвертей овса, 2192 пуда муки овсяной, 19652 аршина сермяжного сукна, 57816 аршин холста –

³⁷ РГАДА. Ф. Хлыновской таможни (№ 834). Оп. 1 Д. 234. Л. 1-37.

«хряща», 4316 пудов сала говяжьего 1590 пудов хмеля. В 1741 г. к Ношульской пристани для отправки к Архангельскому порту из Вятской провинции было поставлено 26526 четвертей ржи, 9580 четвертей семени льняного, 572 куля муки ржаной и других продуктов земледелия и животноводства общей стоимостью в 60 тыс. руб., из которых 15715 руб. приходится на рожь, 15328 на семя льняное, 25050 на говяжье сало. Подобные поставки отмечены и в следующие годы³⁸. Так, в 1742 г. вывоз закупленных в станах и волостях Вятки и реализованных на хлыновском рынке выразился в денежном эквиваленте в 45291 руб. Из этой суммы для вывоза к Архангельску предназначались товары общей стоимостью в 42097 руб. 90 коп. (почти 90 %). Это стоимость 36107 четвертей муки ржаной, 2940 четвертей муки ячной, 6575 четвертей семени льняного, 2319 четвертей ржи, 20629 пудов сала говяжьего³⁹.

Немалая доля этой товарной массы приобреталась у крестьян на волостных рынках, контролировавшихся таможенными караулами (заставами, «надолбами»). Наиболее активным товарооборотом выделялся среди них Летский рынок, располагавшийся недалеко от Ношульской пристани на реке Лузе северодвинского водного пути. По данным за 1747 г. на летском торге преобладали крестьяне (237 человек) различных волостей Великоорецкого оброчного стана Хлыновского уезда. Наряду с ними, Летский таможенный караул зафиксировал и волостных торговцев из других мест Вятского края. Хлебной торговлей занимались и приезжие крестьяне из ряда волостей Филипповой слободки, а также и восточных уездов – Слободского (каринские татары из волостей по реке Чепце), Котельничского, Орловского. Подавляющее большинство торгующих черносошные крестьяне, но были и крестьяне из монастырских и архиерейских вотчин – Сунской, Вожгальской, Бобинской. Торговцы, объединяясь в группы, совместно представили на торг значительные объемы сельскохозяйственной продукции на сумму 1087 руб. 44 коп. В целом с середины 30–х до начала 50–х гг. XVIII в. Летский караул ежегодно регистрировал до 2 тыс. случаев провоза «хлебных припасов» к Ношульской пристани.

Суммируя учтенные в таможенных актах хлыновского городского и уездных рынков за указанный период данные о величине товарооборота, можно констатировать, что в среднем достигал 60 тыс. руб., из которых около 40 тыс. составляла стоимость сельскохо-

³⁸ Там же. Д. 320. Л. 1-60; Д. 340. Л. 1-308.

³⁹ Там же. Д. 344. Л. 1-26.

зяйственных продуктов (рожь, ячмень, мука, сало говяжье), а также изделий крестьянского ремесла (кожи, сукно сермяжное, холст «хрящ»). Ведущую роль в скупке и продаже этих товаров играли вятские купцы. Однако нельзя не видеть и активного втягивания в товарно-денежные отношения основного населения Вятки – крестьян, обеспечивавших в первую очередь низовое звено рыночной сети – уездную торговлю. Вывоз, прежде всего хлеба, в Поморье и, особенно к Архангельскому порту, через которых осуществлялись операции на европейские рынки, свидетельствует об интеграции Вятского края не только в растущий всероссийский товарооборот, но в международные рыночные отношения. На архангельский экспортный рынок, как считал С.М. Троицкий, «привоз хлеба с Вятки составлял ... примерно 37 % от всего привезенного хлеба» [22, с. 182-183]. Еще в 1725 г. Камер–коллегия сообщала в «мнении» правительству о роли Архангельска как рынка привозимых на него сельскохозяйственных продуктов: «В тот порт оной хлеб в привозе бывает только из одних некоторых городов и с Вятки, откуда в Санкт-Петербурх привозить за невозможность признаётся»⁴⁰ [22, с. 193]. Правда, после 1721 г. с окончанием Северной войны наблюдалось некоторое снижение иностранного вывоза через Архангельский порт, однако это особенно не сказалось на экспорте товаров, производимых на Русском Севере [6, с. 110-112]. К началу 40-х гг. он поднялся с 285 тысяч рублей в 1726 г. до 426 тысяч в 1741 г., а началу 50-х гг. он уже исчислялся в 800 – 900 тыс. руб. В отличие от английских купцов, которые весомую часть своих операций переместили из Архангельска в Петербург, голландские коммерсанты «продолжали держаться Архангельска и ... порт на Двине оставался важнейшим для голландских судов российским портом» [1, с. 217-218]. В 30-40-х гг. XVIII в. скупали и вывозили из России через Архангельск сельскохозяйственные товары голландские негоцианты Христиан Багман, Хендрик ван Йевер и Волкерт Йевер, Бёкман, Болтенхаген. Помимо них, с Архангельским портом давние связи имели и другие иностранные купцы, зафиксированные в источниках начала 50-х гг. XVIII в., такие как англичанин Генри (Андрей) Фрезер, гамбуржец Балсырем Прен, голландцы Рутгер ван Бринен, любекчанин Беренд Иоганн Родде [4; 1, с. 230-232].

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о широкомасштабных поставках сельскохозяйственных продуктов из Вятского края к Архангельскому порту, существенно повышая тем самым его потенциал как крупного коммерческого центра русской

⁴⁰ РГАДА. Госархив. Разряд XVI. Д. 32. Л. 4 об.

экспортной торговли, связанного с общеевропейским рынком XVIII столетия.

1. *Велувенкамп Я.В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550 – 1785. М., 2006.
2. *Дёмкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII веке. М., 1994. Вып. 1-2.
3. *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.
4. *Захаров В.Н.* Иностранцы купцы в Архангельске во второй половине XVIII века // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 360 – 379.
5. *Захаров В.Н.* Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII – первой четверти XVIII века // Исторические записки. М., 1985. № 112. С. 177 – 214.
6. *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958.
7. *Кизеветтер А.А.* Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник // Сборник статей в честь В.О. Ключевского. М., 1908.
8. *Кизеветтер А.А.* К истории внутренних таможен России // Сборник в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913.
9. *Козинцева Р.И.* Внешнеторговый оборот Архангельской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. Сборник статей. М., 1964.
10. *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой четверти XIX вв. (К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве). Вологда, 1976.
11. *Комиссаренко А.И.* Европейский Север в системе русско-нидерландских связей в XVII веке (обзор документов городского архива г. Амстердама) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995.
12. *Комиссаренко А.И.* Крестьянская торговля на Вятке в первой половине XVIII века // Труды Московского историко-архивного института. М., 1966. Т. 21.
13. *Комиссаренко А.И.* Хлыновский городской рынок в 30 – 40-х годах XVIII века // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966.
14. *Кулишер И.М.* Очерки истории русской торговли. Пг., 1923.
15. *Мельгунов П.П.* Очерки по истории русской торговли IX – XVIII веков. М., 1905
16. *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.
17. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
18. *Ретин Н.Н.* К вопросу о связи внутреннего и внешнего рынка во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (По материалам Архангельского порта) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1970. № 6.

19. *Репин Н.Н.* Русские и западноевропейские купцы в России XVII – XVIII вв. // Торговля, промышленность и город в России XVII – начале XIX века. М., 1987.
20. *Репин Н.Н.* Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII века // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. 2.
21. Русский Север и западная Европа. М., 1999
22. *Троицкий С.М.* Архангельский хлебный рынок в первой четверти XVIII века // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1957. Т. 9.
23. *Boschen P.* De Nederlands – Russische Handelsrealities in de 18 – e en 19 eeuw. Amsterdam, 1987.
24. *van Brakel.* Statistische en andere gegevensbreffende onzen handel en Scheepryaart op Rusland gedurende de 18 de eeuw // Bijdragen en Mededeingen van het Historisch Genootschap. XXXIV. 1913.

УДК 94(470)

Н.В. Козлова¹

Персонализированная среда обитания российского горожанина XVIII в.: источники и методика реконструкции²

Город; городское население; среда обитания; круг общения; массовые источники; крепостные акты.

На основе записных книг крепостных контор, материалов церковного и административно-полицейского учета населения предлагается методика реконструкции личностного круга общения городских жителей XVIII в.

Современной историографии присуще понимание социальной истории как системы социальных позиций, жизненных практик («стратегий поведения»), ценностных ориентаций и культурных моделей, проявлявшихся как в процессе общения людей разного социального статуса и уровня жизни, так и при взаимодействии их с властью. В своей совокупности эти проявления социальности формировали среду, что охватывала все сферы жизнедеятельности человека. Стремление понять историческое прошлое через анализ действий, поступков, мыслей и чувств отдельных лиц, присущее историографии наших

¹ Козлова Наталия Вадимовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н.; nvk@nm.ru.

² Статья подготовлена в рамках проекта «Семейно-правовые акты дворян Москвы XVIII в.» при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00011а).

дней, определило другую характерную особенность современных исторических исследований: они наполнились самыми обычными людьми, ставшими историческими персонажами. Реконструкция круга общения лиц разного социального положения важна для лучшего понимания природы разнообразных связей между людьми ушедших эпох, жизни российского социума в целом. Благодаря такой реконструкции появляется возможность представить конкретное лицо не изолированно, а в персонализированной среде обитания. Но чтобы реализовать такую возможность, необходимы источники, позволяющие сделать это.

В этой связи первостепенное значение приобретает введение в научный оборот ранее не известных материалов, и что особенно важно – раскрытие новых возможностей хорошо знакомых источников. В предлагаемом сообщении автор обратится к трем видам исторических материалов по Москве XVIII в. Все они давно и плодотворно используются для изучения различных проявлений социальной жизни в целом, но до сих пор практически не задействованы для реконструкции социальных связей и среды общения, личностного пространства людей знатных и никому не известных. Первый вид источников составляют обширные комплексы документов крепостных контор, включающие коллекции записных книг частноправовых актов и документы, возникавшие на разных стадиях их регистрации. В них фиксировались различные сделки, заключавшиеся лицами разной сословной принадлежности (купля-продажа недвижимости, кредитные операции, наем работников, отпуск на волю дворовых людей, семейные разделы, завещания, наследование, вступление в брак и пр.). Принимая во внимание, что от периода Средневековья и раннего Нового времени отечественные фамильные архивы немногочисленны и сохранились плохо, записные книги крепостных контор являются исключительным по ценности массовым историческим источником, восполняющим этот пробел.

Всего за 1701 – 1782 гг., по подсчетам Г.Д. Капустиной, в Московской крепостной конторе, документы которой хранятся в фонде Юстиц-коллегии РГАДА (№ 282), сохранилось 1935 записных книг [2, с. 228]. Это огромный массив документов, обращение к которым дает возможность с близкого расстояния увидеть некоторые перипетии жизни дворян-помещиков, чиновников, канцеляристов, священно и церковнослужителей, купцов, а также проживавших в Москве иностранцев, дворцовых служителей и крестьян. Значение выявляемых записей повышается, когда удастся обнаружить несколько однотипных документов, относящихся к представителям одной фамилии, семье, или

различные по видам записи, составленные одним лицом. На примере крепостных записей семейно-правовых документов автор попытается понять, из каких личных связей и контактов складывалась ближайшая персонализированная среда обитания московского жителя.

Окружение каждого человека было многолико. При всей индивидуальности частной жизни все же имелись некоторые общие сферы жизненного пространства, формировавшие это окружение. По наблюдению американской исследовательницы, изучавшей российский феномен «чести» в раннее Новое время, Н.Ш. Коллманн, «жители Московской Руси представляли себя принадлежащими одновременно к нескольким сообществам: к родовой группе, семье, системе патроната или договора, к деревне, городу и ступеньке на социальной лестнице [6, с. 109-110]. Ближайшая среда общения складывалась внутри семьи и рода в целом (родители, жена, дети, внуки, братья, сестры, дяди, племянники и т.д.) К этому кругу добавлялись связи по свойству, то есть установленные в результате брака (тесть, теща, свекор, свекровь, деверья, золовки и т.д.). И те и другие широко задействовались в различных жизненных ситуациях, особенно, когда речь шла о событиях, касающихся как семьи в целом, так и жизни отдельных ее членов. К таким наиглавнейшим событиям, имевшим как сакральный, так и земной смысл относилось заключение брака и составление завещания [3, с. 342-343; 4]. Как правило, среди лиц, приглашавшихся в качестве свидетелей при составлении сговорных и духовных, присутствовали кровные родственники и свояки³.

Выполнение распоряжений, даваемых на случай смерти, возлагалось на душеприкащиков. Их в своей духовной назначал сам завещатель из числа наиболее близких ему лиц. Среди них могли быть родственники, но нередко встречались и лица, не состоящие в отношениях родства и свойства, но пользующиеся доверием завещателя [3]. Иначе и быть не могло, так как душеприказчикам поручались не только хлопоты о погребении тела и поминании души, но и заботы сугубо делового свойства, связанные с хозяйством и имущественными отношениями, а порой и с опекой над малолетними сиротами.

Исключительную роль в жизни каждого православного человека играли духовные отцы. Именно им нередко вручалось и попечение о душе усопшего. Душеприказчиками назначались также и приятели. Это наименование отражало особый характер отношений, связывавших людей, взаимную душевную близость, существовавшую между

³ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 624. Л. 626-627.

ними. Примеров тому масса⁴. Из них видно, что между теми, кого называли приятелями, существовали весьма тесные как деловые, так и личные связи.

Природу таких связей не всегда удастся раскрыть полностью, поскольку, как правило, если это не отношения родства или свойства, то о них можно судить лишь по косвенным и к тому же беглым упоминаниям. В любом случае требуются дополнительные кропотливые изыскания относительно личных связей, служебной и хозяйственной деятельности интересующих лиц. Некоторые из этих связей очевидны. В частности, помимо родственников, свойственников и деловых партнеров, в качестве свидетелей приглашали сослуживцев по военной или гражданской службе, задействуя систему патронатно-клиентских отношений⁵.

Для установления круга лиц, особенно близких друг другу важен не только состав свидетелей, но и порядок рукоприкладств. Судя по некоторым записям он зависел не от чина, а от степени родственной, служебной или дружеской близости к лицам, упоминаемым в документах. Иначе трудно объяснить, почему подписи, например, стряпчего и дьяка могли оказаться впереди капитана и полковника⁶, к тому же князя, а посадский человек мог расписаться раньше стольника⁷.

Итак, имена душеприказчиков, свидетелей, скреплявших своими подписями каждую крепостную запись, поручителей, не говоря уже о тех, от имени кого составлялись акты и кто в них упоминался, позволяют установить лиц, которые разными отношениями были связаны друг с другом. Сплошной просмотр записей одного вида (духовных, сговорных, рядных, купчих, заемных, жилых, вотчинных, крестьянских и т.д.) с внесением всех упомянутых в них имен в соответствующие базы данных является необходимым, хотя и весьма трудоемким, этапом на пути решения этой задачи. Перекрестное использование информации сформированных баз раскроет характер отношений, существовавших между людьми разного статуса и положения на персональном уровне, что не только значительно продвинет изучение социальных процессов, но и откроет новые возможности в изучении биографии конкретных лиц.

⁴ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2586. Л. 1 об – 2 об; Д. 1974. Л. 1 об – 2 об; Оп. 1. Ч. 1. Д. 877. Л. 694 – 694 об.

⁵ Там же. Оп. 1. Ч. 1. Д. 943. Л. 635.

⁶ Там же. Д. 624. Л. 544 об – 545.

⁷ Там же. Д. 543. Л. 55 – 55 об.

Кратко обозначим еще два направления поиска путей реконструкции личностной среды обитания человека в обществе. Оба они прекрасно дополняют друг друга. Первое связано с организацией к концу 1730-х годов учета по церковным приходам, ставшим первичной церковно-административной единицей, совершения православным населением основных церковных таинств – исповеди и причастия. Результатом такого учета, возложенного на священников приходских церквей, стало появление исповедных росписей, которые велись по единой форме. Они представляли собой подворный именной перечень всего наличного православного населения прихода, в котором дворохозяева объединены по семи социальным категориям: «духовные», «военные», «приказные» («статские»), «разночинцы», «посадские», «дворовые» и «поселяне» (они же «крестьяне»). Ежегодно отсылаемые в духовные консистории приходские ведомости в Москве группировались по сорока́м, крупным церковно-административным единицам, а внутри них – по приходам и открывались реестром полученных росписей приходских церквей сорока Москвы за конкретный год. Если на территории прихода располагался монастырь или при церкви имелась богадельня, то содержащиеся в них богадельные люди, а также все бельцы (келейные и вкладчики) включались в именной перечень с указанием возраста, а при наличии семьи, ее состава, и нередко социальной принадлежности. В итоговой таблице помещались данные о числе дворов, численности мужского и женского населения приходов по социальным категориям с выделением в отдельную рубрику дворовых и при наличии – «раскольников».

Исключительную важность исповедные ведомости имеют для характеристики состава жильцов дворов приходского населения, поскольку содержат упоминание не только каждого члена семьи, родственников, но и прочих домочадцев (служителей, работников, дворовых, квартирантов и других лиц) с указанием возраста, родственного или иного отношения к главе двора. В итоге появляется возможность не только представить демографические параметры населения конкретного церковного прихода (численный, социальный, половозрастной, семейный состав), но и с близкого расстояния увидеть его в качестве общности, соединенной в повседневной практике религиозной жизни.

Именно в приходской церкви происходило соприкосновение людей самого разного социального и имущественного положения. Хотя знатнейшие дворяне по особому разрешению Синода по-прежнему имели собственные домовые церкви, но и они во время больших церковных и престольных праздников посещали приходской

храм. Являясь духовными детьми одного пастыря, участвуя в крестинах, венчаниях, отпеваниях, прихожане реально становились «братьями и сестрами во Христе». Дополнительные возможности для конкретизации этих наблюдений может дать анализ метрических книг по тем же приходам для выявления лиц, являвшихся восприемниками при крещении детей или посаженными отцами и матерями при венчаниях. Это позволит установить особый уровень связей между людьми разной социальной принадлежности, или, напротив, степень социокультурной устойчивости той или иной социальной общности⁸.

Документы церковной статистики учитывают приходское население, а следовательно, выявляют связи между людьми на уровне прихода в целом. Обращение же к материалам административно-полицейского учета московского населения позволяет установить местонахождение всех дворов в рамках прихода, локализовав их в пространстве конкретной улицы, переулка, тупика, по отношению к приходскому храму. Особую ценность представляют «Переписные книги города Москвы 1737-1745 гг. (Т. 1-8. М., 1881-1891), которые содержат также сведения о размерах земельных участков, имени и социальном положении владельца двора, взаимном расположении дворов по городским магистралям. Нередко в них присутствует указание на год и условия приобретения двора и земельных участков у прежних владельцев, что позволяет представить картину постепенного расширения дворового места за счет покупки соседних земельных участков, а также дополнить список лиц, некогда имевших дворы в том или ином месте Москвы⁹. Материалы переписи дворов в издании сгруппированы по существовавшим тогда 12-ти полицейским командам и входившим в их состав частям города, а внутри в последовательности движения переписчика сначала по одной стороне улицы с заходом в примыкавшие переулки и тупики, а потом в обратном направлении по другой стороне. В итоге сведения о расположении дворов одного прихода нередко перемежались материалами по дворам, относившимся к другим приходам. Для наших же целей это обстоятельство, побуждающее к сплошному просмотру всех записей не только отдельно взятой команды, но и всех прилегающих к ней полицейских частей других команд¹⁰, дает возможность в ином ракурсе представить персонализи-

⁸ Интересный опыт анализа социальных связей группы разночинцев Замоскворецкого сорока Москвы за 1741-1856 гг. представлен в работе Э.К. Виртшафтер. См.: [1, с. 89-101].

⁹ См., например: [7, с. 124, № 67].

¹⁰ Ориентироваться в материалах переписных книг помогают опубликованные к ним указатели. См.: [8].

рованное городское пространство, не замыкая его рамками церковного прихода. В реальной жизни оказывалось, что прихожане разных церквей являлись ближайшими соседями по улице и, принадлежа к одной полицейской части города, совместно участвовали в исполнении обязанностей по поддержанию городского хозяйства (мощение улиц, обеспечение противопожарных мер и др.).

При внесении данных в электронные программы Access или Excel (имя, статус, приход, улица, номер дома) устанавливается персонализированное городское пространство Москвы на уровне прихода, улицы, квартала, полицейской части. Полученные наблюдения в совокупности с биографическими разысканиями позволят не только лучше понять характер расселения московского люда, природу социальных связей городских жителей, но и получить новые данные по конкретным персоналиям.

1. *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Под ред. А.Б.Каменского. М., 2002.
2. *Капустина Г.Д.* Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (первая четверть XVIII в.) // Проблемы источниковедения. Т. VII. М., 1959.
3. *Козлова Н.В.* «На чьей опеке...должны быть воспитаны...» Опека и попечительство в среде московских купцов в XVIII веке // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003.
4. *Козлова Н.В.* «Пишу сию мою духовную...»: сакральный смысл частного правового акта XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 17-19 ноября 2011 г. М., 2011.
5. *Козлова Н.В.* Свадебные акты записных книг Московской крепостной конторы начала XVIII в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2-3 февраля 2012 г. М., 2012.
6. *Коллманн Нэнси Шилдс.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.
7. Переписные книги города Москвы 1737-1745 гг. Т. 5. М., 1881.
8. Указатели к изданным Московским городским управлением переписным и межевым книгам XVII и XVIII столетий. М., 1894.

Участие вяземского купечества в крещении новорожденных во второй половине XVIII в.²

Купечество; восприемничество; межличностные и межсословные связи.

Участие в крещении детей было одной из важнейших сторон повседневной жизни русского купечества в XVIII в. Люди, приглашавшиеся в качестве восприемников, не были случайными. Исследование этого явления раскрывает межличностные и межсословные связи купечества.

В России XVIII в. древняя традиция крещения новорожденных детей не была уже только обрядом, обязательным для христианских семей. В купеческой среде восприемничество стало такой стороной повседневной жизни, которая позволяла укрепить семейные связи, установить более прочные отношения с теми купеческими семьями, главы которых могли быть деловыми партнерами отцов крещаемых младенцев. Восприемничество в определенных случаях позволяло развить отношения и с представителями других сословий – дворянами, духовенством. Все эти возможности происходили, прежде всего, из сложившегося в России позитивного отношения к духовному родству и собственно к восприемникам – куму и куме. Об этом вполне красноречиво говорят русские пословицы: «Духовное родство пуще плотского», «Добрая кума прибавит ума», «Кума да кум наставят на ум» [4, с. 295]. Следует рассматривать приглашение восприемников родителями новорожденных как акт, исключая случайности. Крестный отец и крестная мать навсегда становились близкими приглашавшей их семьи. Нередко предполагалось и покровительство в будущем ребенку со стороны восприемников, особенно – крестных отцов.

В данной работе на примере вяземского купечества предполагается рассмотреть, как складывались межличностные и межсословные связи купцов, участвовавших в том или ином качестве в крещении новорожденных. Источниковой базой этого исследования стали материалы метрических книг 2-ой половины XVIII в. городских церквей Вязьмы. Эти книги хранятся в фонде Консistorии Государст-

¹ Беспалёнок Елена Дмитриевна, Смоленский государственный университет (РФ, Смоленск), к.и.н.; edb@mail333.com.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-01-00225 (а).

венного архива Смоленской области. В настоящее время материалы метрических книг привлекают все больше исследователей, изучающих генеалогию или демографические проблемы. Среди публикаций, посвященных этому источнику, обращает на себя внимание монография Д.Н. Антонова и И.А. Антоновой, содержащая всестороннюю источниковедческую характеристику метрических книг [1]. При огромном внимании, которое уделяется разными исследователями метрическим книгам, они все же практически не используются для изучения повседневной жизни купечества. Тем не менее, в одной из публикаций автора данной работы говорилось о богатейших возможностях этого источника именно в этом направлении [3]. В монографии автора по истории купеческого храмостроительства в Смоленске XVIII в. метрические книги смоленских приходов были одним из источников, раскрывающих разные стороны повседневной жизни смоленского купечества этого периода [2].

Большинство метрических книг, содержащих сведения о населении города Вязьмы XVIII в., начинается с 1765 г. и заканчивается началом XIX в. Отсутствие метрик 1-й половины XVIII в. в преобладающей части дел ограничивает возможности для наблюдения исследуемого явления в динамике. Информационная ценность вяземских книг снижается и из-за того, что в них имеются пропуски записей за отдельные годы, а текст местами выцвел и практически не читается. В отдельных записях пропущены сведения о восприемниках вообще, или отсутствует указание на их сословную принадлежность, или имеется только ее упоминание – без имени, например: «посадская жена». Иногда называются имена и отчества, а фамилии отсутствуют. Однако все эти недостатки не умаляют значения метрических книг как источника по истории повседневной жизни российского купечества.

Внимание в данной работе сосредоточено на исследовании межличностных и социальных (межсословных) связей провинциального купечества, проявляющихся через восприемничество. Для выполнения этой задачи была сделана выборка из рубрики «О рождающихся» метрических книг 6 городских церковных приходов Вязьмы: церковей Великаго отца Афанасия Александрийскаго, Николая Чудотворца, Живоначальной Троицы, Сошествия Святаго Духа, Святых апостолов Петра и Павла и Входаиерусалимской³. В частности были взяты данные за 1765 и 1776 гг. о крещении всех купеческих, а после 1775 г. – и мещанских, детей, без исключения. Рас-

³ Государственный архив Смоленской области. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 210, 215, 218, 221, 225, 296.

сма­три­вае­мые при­хо­ды рас­по­ла­га­лись в раз­ных рай­онах го­ро­да, где про­жи­ва­ло пре­иму­щес­вен­но тор­го­вое на­се­ле­ние. 1765 г. – са­мый ран­ний год прак­ти­че­ски во всех де­лах. Дан­ные 1776 г. от­ра­жа­ли по­ло­же­ние сразу по­сле гиль­дей­ской ре­фор­мы 1775 г. От­дель­но рас­сма­три­ва­лась верхуш­ка го­род­ско­го куп­че­ства, от­ме­чен­ная ак­тив­ным уча­стием в по­жерт­во­ва­нии средств на стро­итель­ство хра­мов. Это – куп­цы Ал­ту­ховы, Барыш­ни­ковы, Буб­но­вы, Вез­не­вы, Ко­расе­вы, Лелю­хины, Леля­но­вы, Лю­то­вы, Пенезе­вы, Юди­че­вы, Ча­мо­вы, Ко­лач­ни­ковы. Креще­ние де­тей этой груп­пы и уча­стие в вос­при­ем­ни­честве са­мих куп­цов-хра­мо­стро­и­те­лей ис­сле­до­ва­лось с 1765 г. по 90-е гг. XVIII в. вклю­чи­тель­но. Кро­ме ука­зан­ных выше, рас­сма­три­ва­лись дан­ные еще по 8 при­хо­дам: цер­кви Вос­кре­се­ния Хри­сто­ва, Воз­не­се­ния Гос­под­ня, Про­ро­ка Ильи, Пре­об­ра­же­ния и др.⁴

При сплошном изучении данных за 1765 г. (134 случая крещения), когда купцами считались практически все, кто занимался торговым предпринимательством – от отпуска товаров за рубеж до торговли пряниками вразнос, – оказалось, что в качестве восприемников для своих детей эти купцы приглашали преимущественно таких же, как и они сами – купцов. Среди крестных отцов было 106 купцов (79,1 %), а среди крестных матерей – 121 купеческих жен и дочерей (90,3 %). Такая значительная доля купечества среди восприемников объясняется как желанием укрепить деловые связи, так и родственными связями родителей с восприемниками. Заметно стремление купцов установить духовное родство со священниками, авторитет которых в купеческой среде рассматриваемого периода был довольно высоким. В крестные отцы было приглашено 13 священников (9,7 %). Известно пренебрежительное отношение купцов XVIII в. к крестьянам-«мужикам», но в 5 случаях (3,7 %) вяземские купцы пригласили в качестве крестных отцов крестьян. Это объясняется тем, что это были экономические крестьяне Подгородной слободки, ранее принадлежавшей Вяземскому Иоанно-Предтеченскому монастырю. Их предки были заметными торговыми крестьянами еще в XVII в.

Восприемники 4 новорожденных (3 %) были мелкими чиновниками – копиистами и канцеляристами, 3 восприемницы – женами этих чиновников. Единичными были случаи приглашения в качестве восприемников дворян, жен священников, посадских людей, отставных солдат, «разночинцев» и др.

По данным о крещении детей гильдейских купцов за 1776 г. (32 случая), большинство крестных отцов – 23 (71,9 %), как и родители,

⁴ Там же. Д. 211, 212, 216, 219, 220, 222, 223, 224.

принадлежали гильдейскому купечеству. По-прежнему, желаемыми крестными отцами были священники – 5 человек (15,6 %). 4 воспитанника были мещанами, возможно, их состояние было временным. Крестными матерями были 24 купчихи (75 %), 6 мещанок (18,75 %) и 2 жены мелких чиновников. Представители других сословий в качестве воспитанников не выявлены.

В 1776 г. среди крестных отцов мещанских детей (94 новорожденных) преобладали мещане – 71 человек (75,5 %). Доля гильдейских купцов составляла всего лишь 10,6 %, т.е. 10 человек, а священников – 5,3 % (5 человек). В единичных случаях в качестве воспитанников приглашались канцеляристы, однодворцы, отставные солдаты и «разночинцы». Аналогичную картину можно наблюдать и в приглашении крестных матерей.

Приведенная ниже таблица характеризует межсословные связи богатой верхушки вяземского купечества – купцов-храмостроителей. Рассматривается крещение 63-х детей, в том числе и одного подкидыша, взятого на воспитание в купеческий дом. Обращает на себя внимание более высокая, чем у всего купечества в целом, доля среди воспитанников священников – 19 %, а также дворян – 4,8 %. Отсутствовали среди воспитанников этой группы однодворцы, экономические крестьяне, отставные солдаты и «разночинцы». (См. таблицу 1).

Таблица 1. Крещение детей купцов-храмостроителей г. Вязьмы в 60-90-х гг. XVIII в.

Сословная принадлежность воспитанников при крещении детей купцов-храмостроителей	Крестные отцы		Крестные матери		Всего
	Число	Процент	Число	Процент	
Дворяне	3	4,8 %	1	1,6 %	3,2 %
Священники	12	19 %	1	1,6 %	10,3 %
Мелкие чиновники (канцеляристы и т.п.)	3	4,8 %	0	0 %	2,4 %
Купцы	44	69,8 %	44	69,8 %	69,8 %
Посадские люди и мещане	1	1,6 %	17	27 %	14,3 %
Итого	63	100 %	63	100 %	100 %

Показателен и сословный состав родителей младенцев, в крещении которых принимали участие сами купцы-храмостроители и члены их семей – жены, сыновья, дочери, братья, племянники и т.п. (См. таблицу 2).

Таблица 2. Участие купцов-храмостроителей в крещении новорожденных г. Вязьмы, 1765-1798 гг.

Социальное положение родителей крестников	Число случаев участия в крещении в качестве восприемников					
	Самих купцов-храмостроителей		Членов их семей		Социальное положение вторых восприемников	
Дворяне	3	2,5 %	3	0,9 %	18	4,1 %
Священники	8	6,8 %	40	12,6 %	26	6,0 %
Мелкие чиновники	6	5,1 %	14	4,4 %	6	1,4 %
Купцы	53	44,9 %	114	36 %	220	50,6 %
Мещане и посадские люди	16	13,6 %	52	16,4 %	81	18,6 %
Дворовые и работники купцов	9	7,6 %	54	17,1 %	1	0,2 %
Одnodворцы	0	0 %	1	0,3 %	0	0 %
Крестьяне	0	0 %	1	0,3 %	4	0,9 %
Солдаты	0	0 %	1	0,3 %	2	0,5 %
Родственники купцов-храмостроителей	23	19,5 %	37	11,7 %	77	17,7 %
Итого	118	100 %	317	100 %	435	100 %

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди крестников купцов-храмостроителей доля детей таких же купцов составляла 16,1 % (19 случаев из 118), среди крестников их жен и детей – 10,7 % (34 случая из 317), а доля купцов-храмостроителей среди вторых восприемников – крестных отцов и крестных матерей – составляла 19,8 % (86). Взаимное общение в этих случаях могло иметь как профессиональный, так и дружеский характер, причем можно предположить и наличие взаимного влияния в деле строительства храмов этими купцами. Выделяется и число приглашений в крестные

матери к детям священников купеческих жен этой группы – 40 случаев (12,6 %), что заставляет предположить и активную роль, по крайней мере – идейную, купеческих жен в деле храмостроительства.

Характерно, что купцы-храмостроители были основными восприемниками при крещении детей своих служителей, работников и дворовых. Из 49 рассмотренных случаев это наблюдалось в 29 (крестные отцы) и 42 (крестные матери), соответственно – 59,3 % и 85,7 %. Нередко в крестные отцы к детям работников приглашались священники – 11 случаев (22,4 %), даже дворяне, причем чаще – крестные матери – 3 (6,1 %). Все это может свидетельствовать об отношении богатых купцов к работникам и дворовым как к младшим членам своей семьи.

В целом можно сделать вывод о том, что основная масса купечества общалась преимущественно с равными себе. При этом можно наблюдать тяготение купцов к духовенству, авторитет которого как духовного наставника был высоким. Верхушка же купечества стремилась и к общению с дворянством, даже посредством крещения детей своих работников.

1. Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII-начала XX в. М., 2006.
2. Беспалёнок Е.Д. Купеческое храмостроительство в Смоленске XVIII века. Смоленск, 2010.
3. Беспалёнок Е.Д. Метрические книги как источник по истории купечества XVIII в. (по материалам Смоленской губернии) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.) / сост. А.И. Раздорский. Курск, 2009.
4. Пословицы русского народа // Домострой. М., 2007.

УДК 94(47).06

А.Ю. Прокофьева¹

Невенчаные браки в городской среде XVIII в. (на примере г. Москвы). Судьбы, мотивы, эмоции.

Городская семья XVIII в.; невенчаные браки; социальные нормы поведения; семейное законодательство.

В тезисах намечается возможность обращения исследовательского внимания к наименее изученному сюжету семейно-брачной проблематики – невенчаных

¹ Прокофьева Александра Юрьевна; РГАДА (РФ, Москва); chukchanka@yandex.ru.

браков в российской городской среде XVIII в. Вовлечение в научный оборот нового комплекса архивных источников – судебно-следственных материалов Москвы – позволяет не только проанализировать принципы правоприменительной практики, но и воссоздать судьбы реальных людей, услышать их голоса, понять мотивы их поведения.

Институт семьи являлся одним из базовых структурных элементов жизнедеятельности российского традиционного общества XVIII в. Определяющее значение заключения брачного союза обуславливалось важностью не только присущих ему психологических и социальных функций (рождение и социализация детей, взаимопомощь и взаимная поддержка супругов и т. д.), но и его особой экономической роли: накоплении имущества и его передачи вместе с фамильным именем по наследству. Чем крупнее, именитее и стабильнее была семья, тем сильнее ощущалось действие этой логики. Однако, если подобная брачная мотивация, в первую очередь, характеризовала дворянство, то в торгово-ремесленной среде абсолютная ценность брака была продиктована еще и необходимостью передачи потомкам профессионального опыта, навыков, семейного дела. Организация внутрисемейной профессиональной преемственности также могла лежать в основе брачного поведения духовенства и канцелярских служащих.

Освященный обрядом венчания брак признавался единственно законной и допустимой формой семейного сожителства мужчины и женщины. Любые иные, невенчанные, отношения, согласно статьям церковного и светского законодательства, автоматически попадали в категорию незаконных, блудных.

Тем не менее, создание семьи могло происходить и вне рамок официального брака. Чаще всего подобные отступления от законодательной и нравственной нормы поведения встречались в среде наименее устойчивых и стабильных социальных категорий городского населения. Как правило, подобные формы семейной организации труда были продиктованы вынужденной стратегией выживания и нередко приводили к конфронтации с законом.

Поскольку брачное пространство было единственной сферой, легализовавшей межполовые связи, любое нарушение его границ должно было повлечь за собой соответствующее наказание. Важно, что накладываемые на провинившихся санкции учитывали не просто факты любодеяния, но и их возможные последствия в виде появления незаконнорожденных детей. Выработанная еще при Петре I законодательная база решения данного типа вопросов основывалась на нескольких принципиальных моментах: 1) суровом наказании правонарушителей; 2) защите жизни младенцев; 3) попытке придания

блудным отношениям статуса законной семьи. Правовая норма охватывала все виды безбрачных отношений без их дифференциации на случайные кратковременные добрачные связи и длительные преднамеренно невенчаные отношения. Возраст провинившихся также не играл роли. Основная тяжесть ответственности ложилась на мужчину.

Отдельный интерес в данной ситуации вызывает положение женщины, претерпевшее в начале XVIII в. значительные изменения. Еще в XVII в. она безапелляционно признавалась виновницей содеянного и подлежала тому же, что и мужчина, телесному наказанию и монастырскому заключению². Однако уже в начале XVIII в. данная законодательная норма изменилась: образ женщины-блудницы дополнился образом женщины-матери, получившей определенные поправки и гарантии защиты. Известная активность Петра I в области демографической политики, нашедшая свое наиболее яркое выражение в организации системы приютов (1712, 1714, 1715 гг.)³ для незаконнорожденных детей, даже в этом вопросе в качестве приоритетной линии выделила не наказание женщины, а сохранение жизни будущего или уже появившегося на свет ребенка. Ответственность за это новой законодательной нормой была возложена на отца ребенка, обязанного его обеспечивать. Не освобождался он и от основного своего наказания. Впервые нововведение было четко прописано в 1716 г. в главе «О содомском грехе, о насилии и блуде» Воинского устава⁴. Тем не менее, на практике женщинам, участвовавшим в незаконных отношениях с мужчинами, неоднократно приходилось попадать в тюрьмы и подвергаться телесным наказаниям.

Наконец, венцом судебного процесса должно было стать венчание любовников. Процедура наказания виновных и последующее их венчание в сумме напоминали некий обряд очищения любовников, смысывавший печать греха и позора с их отношений. Создавая административными средствами новую, уже законную семью, государство и церковь стремились вписать ее в общество и восстановить таким образом нарушенный в нем социальный баланс. При этом желание самих фигурантов дела учитывалось не всегда.

Несмотря на то, что зафиксированная в Воинском и подтвержденная в 1720 г. в Морском уставах законодательная норма распространялась только на военные категории людей, отдельные ее положения применялись и в отношении представителей других социальных групп населения. Светские гражданские суды не раз обращались к

² ПСЗ. Т. III. № 1612, С. 418.

³ ПСЗ. Т. IV. № 2467, С. 779; Т. V. № 2856, С. 128, № 2953, С. 181.

⁴ ПСЗ. Т. VI. № 3485, С. 78.

практике военных судов, разбирая похожие ситуации. Тем не менее, закрепляя одни, суровые законодательные нормы слабо учитывали другие особенности жизни общества. Пытаясь уложить в прокрустово ложе брачного права судьбы конкретных людей, официальная власть ежедневно сталкивалась с сопротивлением повседневной реальности. Выстраивая свои личные жизни вопреки требованиям существующего закона, дворянам, купцам, ремесленникам, разночинцам, крестьянам нередко приходилось проигрывать.

В архивных фондах центральных учреждений РГАДА⁵ сохранились материалы московских судебных дел XVIII в., возбужденных в связи с выявлением невенчаных отношений. Особую ценность в таких документах, помимо информации о реализации правоприменительной практики, представляют сведения о судьбах самих участников судебных процессов. «По следам» сохранившихся источников нередко удастся не просто восстановить сухие биографические данные обвиняемых, но услышать их голос, эмоции, чувства, понять их позицию и причины поступков. Тот факт, что многие из этих социокультурных портретов принадлежат представителям средних и низших слоев общества (традиционному «молчаливому большинству»), делает их уникальными. Знакомство со многими историями безбрачных отношений позволило выявить отдельные заложенные в них закономерности, определить наиболее типические модели поведения. В частности, стало известно, что большинство судебных процессов инициировалось женщинами, позиционировавшими себя в качестве жертв мужского обмана. На страницах судебных материалов вновь и вновь рисуется одна и та же картина: поверив мужскому обещанию жениться, женщина соглашается на отношения без венца (далеко не платонического характера), берет на себя обязательства по обеспечению совместного быта, со временем рождает от своего сожителя детей, и наконец, разуверившись в его желании узаконить их отношения, подает на него в суд. Довольно типичным в этой ситуации является и поведение мужчин, как правило, отрицавших во время судебного следствия свои обещания жениться, а иногда и вовсе от него скрывавшихся. Интересно, что даже после этого жалобы женщин содержали просьбы не наказывать их обманщиков, а заставить их на них жениться. Последнее наглядно выдает всю трагичность ситуации. Вряд ли в основе такого рода отношений могли лежать взаимные чувства любви, долга и привязанности. Скорее всего, они изначально выстраивались с целью обеспечения хоть какой-то материальной стабиль-

⁵ Сыскной приказ (Ф. 372); Юстиц-коллегия (Ф. 282).

ности и гарантии выживания. Именно это и определяло согласие девушки или женщины на статус сожительницы в безбрачных отношениях. И даже опасность, что рано или поздно такая связь могла повлечь за собой определенные последствия, не играла в подобных историях почти никакой роли. Не удивительно, что личностные нравственные качества потенциального сожителя отходили для женщины на второй план. Результатом этого выбора зачастую становилась связь с человеком сомнительной моральной чистоплотности. Тем не менее, определенная экономическая выгода совместного проживания превращала со временем вынужденность отношений в элементарную повседневную привычку.

Безусловно, невенчаные отношения далеко не всегда означали тот расклад мужских и женских ролей, который был представлен выше. Среди множества похожих по своему содержанию историй встречаются и такие, герои которых сами добровольно шли в суд, винуясь в своей проступке и просили разрешения на венчание. Иногда было легче единожды принять наказание, чем ежедневно мучиться мыслью о незаконности своей личной жизни.

Тем не менее, это не значит, что отношения без венца были уделом исключительно малоимущих категорий населения. Подобные истории можно было встретить и в жизни вполне обеспеченных, влиятельных и известных людей. Однако привилегированное социальное положение, как правило, позволяло обходить закон в этих вопросах и решать их не общепринятым, а частным образом. В том числе отдельные безбрачные отношения легко обретали законную силу и не нуждались в дальнейшем их церковном освящении, благодаря покровительству главы государства.

Важной задачей изучения подобных сюжетов является не только обогащение и усложнение научной картины повседневности прошлого, но и отражение реально существовавшего баланса между доминировавшей нормой социального поведения и случаями ее нарушения. Безусловно, вопросы о частоте встречаемости в Москве XVIII в. историй незаконного сожительства не имеют точного, математически выверенного, ответа. Но этого и не требуется. Скорее всего, истина будет где-то посередине. Законодательно запрещенные связи вряд ли были для этого времени чем-то исключительным и из ряда вон выходящим. Исторические источники, будь то научные работы [1, с. 179], художественная литература [4; 2, с. 86, 174, 236] или донесения церковных иерархов [3, с. 160], на протяжении всего XVIII столетия пестрят сигналами о распространенности невенчаных браков.

В пользу определенной распространенности этого социального явления также косвенно свидетельствует отмеченная правовая активность женщин, инициировавших судебные разбирательства. При общем низком уровне грамотности они, тем не менее, прекрасно представляли, как можно было выгодным для себя образом использовать действовавшие законодательные нормы. Едва ли крестьянки, солдатские вдовы и дворянские сироты читали законы; скорее всего, они ориентировались на общеизвестный опыт и следовали примерам своих знакомых. Признание определенной распространенности на протяжении всего столетия в целом феномена невенчаных браков позволяет говорить о некотором уровне допустимости и терпимости к нему сословного общества. Совершенно очевидно, что в своем окружении такие истории не могли быть тщательно скрываемы. По-видимому, они были известны и в определенной степени прощаемы. Именно наличие в обществе определенного уровня терпимости к невенчаным бракам делало сосуществование «нормы» и «отклонения» от нее менее конфликтным и драматичным.

Однако, не смотря на участвовавшие во второй половине XVIII в. свидетельства о некотором ослаблении и «повреждении» нравов (не только в придворной среде), христианская норма целомудренного образа жизни до брака продолжала занимать доминирующее положение в обществе. Абсолютизация брачной формы сожителства была не искусственно выстроенным сверху конструктом, но естественной оптимальной моделью самосохранения и самовоспроизводства сословного общества. И чем влиятельнее и обеспеченнее было сообщество, тем внимательнее им контролировалось соответствующее поведения своих членов. Однако очевидно, что функционирование любой системы отношений немислимо без определенных «издержек» в виде отдельных случаев ее нарушения. Но говорить о сломе и смене тех или иных морально-нравственных ориентиров можно только тогда, когда единичные случаи нарушений обретают силу тенденции. В XVIII в., в период окончательного оформления сословного деления общества и только еще зарождающихся капиталистических отношений, причин для подобных коренных изменений не было.

1. *Болтин И.Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя Россия г. Леклерка, сочиненная генерал майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 2.
2. *Громов Г.И.* Любовь. Книжка золотая. СПб., 1798.
3. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб, 1878. Т. 2. Ч. 2.

4. Похождение Ивана Гостиного сына; О несчастных приключениях купеческой дочери Аннушки; Новгородских девушек святочной вечер съигранной в Москве свадебным // Похождение Ивана Гостиного сына, и другие повести и сказки. СПб., 1785. Ч. 1.

УДК 94(47).07

Н.А. Четырина¹

Духовные завещания жителей Сергиевского посада первой половины XIX в.

Духовное завещание; наследники; имущество; Сергиевский посад.

В фонде ратуши Сергиевского посада сохранились записи частно-правовых документов, среди которых 267 духовных, 37 отдельных, и 1 рядная-сговорная. В своих духовных завещатели разных сословий передавали движимое и недвижимое имущество, оговаривали причины лишения наследства, делали распоряжения благотворительного характера, определяли порядок погребения и поминовения и т.д.

Изучение семьи, семейно-имущественных и внутрисемейных отношений постоянно находятся в сфере внимания историков разных поколений. Одним из видов источников, привлекаемых к изучению этих проблем, являются духовные завещания. С.М. Каштанов отмечает, что «гражданское право относит завещания частных лиц к числу «односторонних сделок» ... контрагенты завещателя в документе по существу фигурируют. Правда отношение к ним завещателя выражено не в форме договора, а в форме распоряжения по их поводу» [4, с. 11]. Они «отражают в себе как родственные и семейные связи, так и экономические стратегии семей, и даже изредка эмоциональную сторону родственных отношений» [3, с. 31]. Настоящим прорывом стала публикация частно-правовых актов (в числе которых 197 завещаний) [1], осуществленная Н.В. Козловой и получившая высокую оценку отечественной и зарубежной научной общественности.

Мною были выявлены записи письменных распоряжений, имеющиеся в фонде ратуши Сергиевского посада ЦИАМ. Большая часть оригиналов утрачена, однако есть дословные воспроизведения подлинных текстов несохранившихся документов в аналогах маклерских книг². В том числе, Книги записи духовных завещаний и отдель-

¹ Четырина Наталья Аркадьевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; nchetyrina@yandex.ru.

² Дословное воспроизведение документов практиковалось не всегда. В начале XVIII в. в Крепостной конторе Москвы частно-правовые акты воспроизво-

ных актов сохранились за 1819, 1832-1847, 1849-1864, 1866 гг. и охватывают 34 года. Всего в них было зафиксировано 276 документов, в том числе 253 духовных завещания, 22 отдельных акта и 1 рядная-сговорная. Среди них большую часть составляют документы жителей посада. Кроме этого в ратуше велись Книги записи условий и контрактов, в которых были записаны еще 12 завещаний (за 1808-1822 гг.) и 15 отдельных актов (за 1793-1861 гг.). В «Деле о разделе капитала купца Тарбинского Д.С. между наследниками» (1811-1815 гг.)³ обнаружены еще записи 2 духовных завещания, засвидетельствованных в Дмитровском уездном суде. Итого в фонде ратуши Сергиевского посада сохранились записи 267 духовных, 37 отдельных, 1 рядная, всего 305 документов.

Среди авторов духовных 176 мужчин, 87 женщин, 3 супружеские пары и брат с двумя сестрами. В том числе в 16 случаях одни и те же люди по два раза писали завещания, отменяя предыдущие распоряжения; 4 завещателя оставили отдельные распоряжения относительно каждой из двух частей имущества; купец А.Е. Ерофеев написал три (два из них – за 1839 и 1852 гг. – опубликованы) [6], а купец И.И. Шапошников, мещане Ф.М. Толченев⁴ и И.Я. Ушатов по четыре завещания. По 8 завещаний сохранилось от Шапошниковых и Телицыных, по 7 – от Ерофеевых и Коптелиных, по 6 – от Мамаевых, Толченевых и Бурдуновых, по 5 – от Пролубщиковых, Рубцовых, по 4 – от Коньковых, Кириловых и Трегубовых. Хочется отметить, что в некоторых ситуациях духовные завещания дополнялись отдельными. Так, купец Андреян Федотов Бурдунов засвидетельствовал духовную в 1815 г., а в 1802, 1819, 1823 он же оформил отдельные со своими детьми⁵. Позднее его дети Сергей и Иван в 1841 и 1856 гг. (соответственно) оформили свои завещания⁶. Это дает возможность проследить изменения в завещаниях, сделанных одним и тем же ли-

дились с разной степенью полноты. Даже в тех случаях, когда запись передавалась «слово в слово», могли заменять местоимения от первого лица на третье, опускать вводные фразы сакрального характера [1, с. 12].

³ ЦИАМ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 403.

⁴ Федор Матвеев Толченев 1 раз числится мещанином Сергиевского посада и 3 раза – послушником Троице-Сергиевой лавры из мещан посада. Помимо Ф.М. Толченева среди завещателей есть мещанин Павел Васильев Толченев и мещанская вдова Аграфена Дмитриева Толченева, оба из числа жителей посада. Выяснить, в какой степени родства эти завещатели находятся или не находятся по отношению к дмитровским Толченевым вообще и к Ивану Алексеевичу Толченеву, в частности, пока не удалось.

⁵ ЦИАМ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 32. Л. 19 об; Д. 5. Л. 29 об-30; Д. 38. Л. 7 об-8; Д. 48. Л. 6 об-7.

⁶ Там же. Д. 160. Л. 6-7 об; Д. 321. Л. 11 об-14, 15 об-17.

цом в разное время, а также представителями одной семьи разных поколений, судьбу имущества в нескольких поколениях. Духовные купца А.Е. Ерофеева повествуют о драматических изменениях в составе его семьи и происшедших переменах в сознании завещателя. Купец Д.С. Тарбинский в начале XIX в. по двум документам завещал недвижимое имущество своим невесткам в обход родных сыновей. Позднее, в середине XIX в. часть этого имущества по раздельной получили его правнучки [5].

Сословный состав завещателей чрезвычайно пестрый. Самую крупную группу составляют мещане (147), следующие по численности группы – купцы (77), крестьяне (14), военные (13), канцеляристы (6), послушники (3), священники (2), чиновницы (2), по одному представителю иностранных подданных [7], преподавателей, штатных служителей, цеховых.

Информация, содержащаяся в духовных завещаниях, позволяет увидеть многообразие коллизий практики наследования. В числе получателей наследства жены и мужа, дети и внуки, зятя и снохи, родители, братья, сестры, племянники, двоюродные братья и другие родственники, воспитанники, а также люди, родство с которыми установить не удалось.

В некоторых случаях завещатели оговаривали причину лишения наследства. Чаще всего из числа наследников исключались выделенные сыновья и выданные в замужество дочери, «получившие все сполна». Но иногда бывали и другие причины. Купец М.А. Лаптев лишил в 1833 г. наследства сыновей «за непочтение, неповиновение и непослушание»; купеческая жена Ф.И. Мамаева в 1837 г. – сыновей за то, что «не приносят пользу в приобретении капитала»; крестьянин И.Н. Малютин в 1846 г. и мещанская вдова Д.А. Камаева в 1858 г. – своих сыновей «за непочтение»; вдова-чиновница из дворян М.Т. Пережогина в 1840 г. – отстранила свою мать без объяснения причин, а родную сестру «потому что она получила после нашего родителя полную часть наследства» и материально завещательнице не помогала⁷.

Но прописывались и диаметрально противоположные мотивы. Мещанская вдова А.И. Вишнякова в 1836 г. завещала имущество зятю «за его ко мне почтение и содержание, так равно за содержание и похоронение умершаго мужа моего»; московский мещанин Ф.В. Кондриков в 1842 г. – «любезнейшей супруге моей Анне Ивановой

⁷ ЦИАМ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 94. Л. 1-1 об; Д. 123. Л. 8 об-10 об; Д. 154. Л. 10 об-11 об; Д. 196. Л. 14-15; Д. 349. Л. 13-15.

Кондриковой в вечное ее владение и распоряжение в знак истинной моей благодарности за ее дружескую ко мне любовь и уважение»; купеческая вдова А.И. Пролубщикова в 1851 г. – дочери, «ибо она Варвара в случающихся со мною болезнях имеет особое ко мне попечение и обязывается по смерти моей и по предании грешного тела моего земле в жизнь свою делать по мне должное поминовение»; московская мещанская девка А.Ф. Козелкова в 1850 г. – племяннице родной «за услугу ея ко мне несколько лет, почтение и повиновение»; мещанин К.Г. Пролубщиков в 1855 г. – жене «по расположению ко мне и верности в супружестве»; крестьянская вдова А.И. Оконнишникова в 1857 г. – унтер-офицерше Н.А. Богатовой «за услужение мне при старости»; купеческого брата жена М.Д. Чугрина в 1858 г. – мужу 2-го брака «за его ко мне любовь и расположение»; московская цеховая девка А.В. Воронова в 1861 г. – отставному унтер-офицеру В.Н. Николаеву и его жене «за оказанные ими мне личные услуги, а также за особое ко мне внимание, расположение и преданность»; купеческий сын Т.А. Моисеев в 1862 г. – жене 2-го брака «за ее ко мне почтение и любовь»⁸.

Среди условий получения наследства были обязательства содержания завещателя, его жены, престарелых родителей, уплата долгов, воспитание малолетних детей, выделение приданого при выдаче в замужество дочерей. Приказания о погребении и поминовении прописывались не всегда, при этом чаще всего использовались лаконичные формулировки о соблюдении «христианской должности», «делать по мне должное поминовение».

Но в некоторых случаях завещатели оставляли конкретные распоряжения. Чиновница М.Т. Пережогина в 1840 г. завещала на погребение в Троице-Сергиевой лавре, панихиды и поминовение 2000 руб. ассигнациями, а также отцу духовному лаврскому иеромонаху Симеону две иконы в серебряных окладах и крест с мощами. Мещанская девка Н.П. Палагина в 1846 г. распорядилась отдать в Ильинскую церковь 28 руб. серебром. Уже упомянутый ранее московский мещанин Ф.В. Кондриков, переживший свою жену, в 1847 г. приказал вложить на поминовение в церкви Сергиевского посада Вознесенскую и Всех Святых (на кладбище) в каждую по билету сохранной казны в 30 руб. серебром. Купец А.А. Трегубов в 1855 г. завещал «взнести в цер-

⁸ Там же. Ф. 73. Оп. 2. Д. 111. Л. 10 об-11 об; Д. 165. Л. 7 об-10; Д. 221. Л. 8 об; Д. 243. Л. 14-15; Д. 306. Л. 17 об-18 об; Д. 338. Л. 11-13; Д. 349. Л. 3 об-5; Д. 350. Л. 1-3; Д. 376. Л. 7 об-10; Д. 405. Л. 1-3.

ковь на поминавание меня единовременно пятьдесят рублей серебром»⁹.

Более подробные повеления оставили трое. Купец П.Е. Рудаков в 1858 г. завещал «похоронить меня на Всесвятском кладбище приличным образом по христианскому обряду рядом с могилою 1-й моей жены, поставить мраморный камень; на шесть недель двенадцать сорокоустов, купить парчи на покров и потом из онаго сшить ризы в ту церковь, где будет отпевание тела, на кладбище для неугасимой лампы на могиле у креста вложить билет сохранный казны в 300 рублей серебром на вечное поминавание и на оном же кладбище для причета вложить билет сохранный казны из процентов в 100 рублей серебром, в Гевсиманский скит то же на вечное поминавание вложить билет сохранный казны из процентов на чтение псалтыря в 100 рублей серебром». Купец И.И. Шапошников в 1859 г. приказал: «По смерти моей похоронить меня по христиански и помянуть, разделить милостыни нищим и угостить их трапезою. В приличные дни поставить сорокоусты и неугасимую лампаду по распоряжению жены моей Ирины Алексеевой, дать вклады в церкви одежды на три престола парчевыя с приборами в Успенскую, кладбищенскую и в предел Живоносной источницы». Купец М.Г. Бочкин в 1866 г. велел «похоронить меня в приготовленном гробу со вкладом в Рождественскую церковь... и чинить должное поминавание... как приложено будет домашние росписание..., по возможности поставить памятник, дабы оставшее потомство не забыли пролить к Богу теплые молитвы»¹⁰.

На этом фоне выделяются действия купца А.Е. Ерофеева и купеческой вдовы Т.А. Трегубовой¹¹. Купец А.Е. Ерофеев в 1852 г., не имея прямых наследников мужского пола, завещал большую часть имущества на благотворительные цели – в церковь и на содержание богадельни Купеческая вдова Татьяна Андреева Трегубова в 1854 г. пожелала доставшиеся от покойного мужа Дмитрия Алексеевича Трегубова¹² «дом с землею, сколько оной значится на плане, состоящий в Сергиевском посаде, святые иконы, платье, белье, посуду медную, оловянную, каменную и хрустальную, мебель и все, что окажет-

⁹ Там же. Ф. 73. Оп. 2. Д. 154. Л. 10 об – 11 об; Д. 196. Л. 11-12 об; Д. 200. Л. 4 об – 6 об; Д. 306. Л. 15 об-17.

¹⁰ Там же. Д. 349. Л. 5 об-8; Д. 368. Л. 15 – 17 об; Оп. 1. Д. 398. Л. 5 – 8 об.

¹¹ Там же. Д. 263. Л. 8-13; Д. 293. Л. 14-15 об.

¹² Купец Д.А. Трегубов умер к 1847 г. и его завещание (пока не обнаруженное) вызвало спор между родственниками. По этой причине на завещание было наложено запрещение. Но одно из распоряжений – передача каменной лавки в пользу Вознесенской церкви – было выполнено уже в 1847 г. ЦИАМ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 204. Л. 37 об-38 об.

ся по кончине моей в доме, предоставляю в полное распоряжение княжне Елизавете Дмитриевне Цициановой за ее ко мне попечение и прошу по кончине моей жизни оное имение, как движимое, так и недвижимое продать, а вырученные деньги положить в известное ей призрение бедных». Княжна Е.Д. Цицианова по распоряжению митрополита Филарета (Дроздова) была смотрительницей Дома призрения при Лавре [2]. Чуть позднее, в 1855 г., купчиха Т.А. Трегубова «по слабости своего здоровья поступила в женскую богадельню»¹³. Это редчайший случай поступления в богоугодное заведение достаточно состоятельной женщины, наверняка имевшей родственников в посаде.

Информационный потенциал духовных завещаний жителей посада огромен. Данный материал является одним из первых подходов к их изучению.

1. Городская семья в XVIII в. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002.
2. *Зарицкая О.И.* Из забытого... (Пути атрибуционного поиска) // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2009. № 6-8.
3. *Зоколл Т., Кошелева О., Шлюмбом Ю.* Введение. Историческое изучение домохозяйства, семьи и родства // *Семья, дом и узы родства в истории.* СПб., 2004.
4. *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998.
5. *Четырина Н.А.* Практика защиты имущества в купеческой семье в конце XVIII – начале XIX в. (на примере завещаний Д.С. Тарбинского) // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции.* Москва, 17-19 ноября 2011 г. М., 2011.
6. *Четырина Н.А.* Загадки портретов купцов Ерофеевых // *Исторический журнал: научные исследования.* 2011. № 2.
7. *Четырина Н.А.* «Заведение приносит не прибыль, а значительный убыток». Судьба баварского подданного предпринимателя в Сергиевом посаде. Первая половина XIX в. // *Исторический архив.* 2012. № 6.

¹³ ЦИАМ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 307. Л. 10.

Устюжская «белка» в Петровскую эпоху²

Налоги; окладные единицы; переписи населения.

Проанализирована информация переписной книги Великого Устюга 1710 г. о старинных окладных единицах – «белках». Книга является результатом земского учета населения, практически неизвестна в научной литературе и хранится в районном архиве г. Великого Устюга Вологодской обл.

В докладе рассматриваются некоторые архаические элементы в системе налогообложения севернорусского города в начале XVIII в. Импульсом к размышлениям автора стало обнаружение в переписной книге населения Великого Устюга 1710 г.³ систематической информации о белочном окладе тяглых посадских дворов, ретроспективный характер которой заставил обратиться к более ранним источникам в контексте эволюции денежных и окладных единиц средневековой Руси.

Согласно Повести временных лет, дань в Древней Руси в осенне-зимний период собиралась «по беле с дыма», то есть по беличьей шкурке со славянского жилища типа полуземлянки с печью, отапливаемой по-черному [4, с. 57-71; 3, Т. 1, с. 43; Т. 2, с. 297]. В.Л. Янинным было установлено употребление бел в качестве денежных единиц на Руси со второй половины XIII в. [8, с. 168]. По Двинской уставной грамоте 1397 г. гости платили наместникам на Устюге «с воза по две белки» (в Вологде по одной). На рубеже XIV-XV вв. наряду с великокняжескими данщиками известны митрополичьи «бельщики» [2, № 6, 7]. В 1417 и 1425 гг. устюжане выплатили новгородцам контрибуцию пушниной – 50000 белок и 52 сороков соболей [7, с. 73]. В жалованной грамоте Ивана III жителям Перми Вычегодской 1485 г. отмечен денежный эквивалент пушной дани: за соболь 4 гривны [2, № 291а]. В первой четверти XVI в. С. Герберштейн писал о привозе из района Устюга белок, связанных в пучки по десять шкурок [3, Т. 1, с. 283, 285].

В источниках по Ростовской митрополии, под управлением которой находился Устюжско-Сольвычегодский край, белы как денеж-

¹ Черкасова Марина Сергеевна, Вологодский государственный педагогический университет (РФ, Вологда), д.и.н.; mscherkasova@mail.ru.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ – проект № 12-01-00117а «Подготовка издания «Переписные книги Великого Устюга первой четверти XVIII в.: Исследование и тексты».

³ ВЦА. Ф. 1 (Земская посадская изба). Оп. 1. Кн. 1.

ные единицы фигурируют со второй трети XVI в. В жалованной грамоте архиепископа Кирилла («Ростовского, Ярославского и Устюжского») причту Афанасьевской церкви в Сольвычегодске 1535 г. устанавливался оброк в архиерейскую казну на Рождество Христово «за дань и данные пошрины» пол-30 бел, десятильнику 5, доводчику 2 белы [1, № 177].

Такие же взимания фигурируют в сборной книге сына боярского ростовского митрополита Варлама II Г.В. Чубарова по городским и сельским приходам Устюжской десятины от января 1625 г. [5, стб. 888-916]. Собранная им «дань за корм десятильнику с его людьми» (первому по 5 бел, вторым – по 2 белы с прихода) в итогах книги суммарно выражена в белах (4775) и рублевом эквиваленте (71 руб.), что позволяет ориентировочно приравнять одну белу к 3-4 деньгам. По актам XV-XVII вв. широко известна пошлина писцам – писчее, или *писчая белка*, размер которой составлял 1-2 деньги. Такой же была стоимость и самой беличьей шкурки [3, Т. 1, с. 285].

Судя по сборным книгам поповских старост, размеры белочной дани как наиболее консервативного элемента обложения приходов от 1625 к 1682 г. не изменились. Кроме того, белы использовались в качестве окладных единиц⁴ [5, стб. 1011-1012]. Поповские старосты «розрубали» церковную дань на два сбора: в первый церковь с оклада в 10 бел платила 10 алт., а во второй – 15 алт. Увеличение же совокупного дохода архиерейской кафедры достигалось установлением новых взиманий (например, коммутации мелких прежних поборов в единообразные денежные платежи, «десятинничьего почестья», «за убылую Белозерскую десятину»).

Архаичность информации о белах, по которым велась разверстка налогов в приходах, и беличьей дани (деньгами) усиливается еще и тем, что даже в 1680-е годы последняя бралась с дворов-дымов. Так, деревни Царево-Константиновского прихода находились в собственности за именитым человеком Г.Д. Строгановым (10), Михайло-Архангельским монастырем (2) и Вознесенской церковью Устюга (1). Их 33 двора-дыма были учтены окладом в 30 бел, с которого взималось 25 алт. церковной дани [5, стб. 1133-1134].

Интересны фрагменты *окладных* и «розрубных книг» Устюга XVII в., показывающие бытование «белочного верстанья» и бел в сфере посадского налогообложения. Оно тоже осуществлялось «розрубными целовальниками» в рамках земского самоуправления на Устюге и в уезде [6]. В отношении разных видов налогов и оброков таких

⁴ ОР РНБ. Общество любителей древней письменности. Кн. 752.

«розрубов» на год могло быть два, четыре, а то и шесть. С посадского двора окладом в белку взимание налогов, по мирскому совету, распределялось на два побора в году: в первый «за московский и сибирский запас, ямщину и земские расходы» 4 руб., во второй – за дань и оброк 2 руб. 20 алт. [6, с. 135, 201-202, 204, 273, 274, 306]. С белок брались и ружные деньги на содержание церквей, и деньги «московским стрелцам на жалованье». Для облегчения выплаты налогов состоятельные посадские предоставляли нуждающимся ссуды также на «белку»: «в государев оброк» 23 алт. 2 ден., в ямские деньги 12 алт. [6, с. 185]. Посадские богачи в принадлежавших им деревнях в уезде с крестьян без мирского совету могли «дань облегчить белочною поклаткою» [6, с. 133].

Следовательно, включение сведений о белочном окладе *каждого* тяглого двора в переписную книгу Устюга 1710 г. не являлось новостью. Подчеркнем земское происхождение книги, имеющей скрепу составившего ее посадского старосты Ивана Оконнишникова. Этим перепись 1710 г. существенно отличается от писцовых книг 1623-1626 и 1676-1683 гг., оперирующих сохами. И если в их итогах суммарно указано количество сох и виды полагающихся с них налогов, то белочный оклад посадского двора переписная 1710 г. фиксирует одновременно с полным составом его жителей об. п., включая младенцев от нескольких недель и *даже дней*.

Итог «белочного числа» в переписной книге 1710 г. составил 271 целую и пол-три осьмины «белки» (271,187). На «белку» было положено по 7 руб. 2¼ коп. налогов. Конкретная же выплата со дворов разного благосостояния весьма отличалась, что отразила широкая вариативность белочного оклада. Ниже в табл.1 показано его возрастание от минимальных значений (пол-пол-осьмины белки: 1/32, или 0,031) к максимальным: пять-семь целых белок. Свыше сорока вариантов белочного оклада в виде разнообразных сочетаний его мелких долей свидетельствует о детальности «белочного верстания» в раскладке тягла земскими выборными. Почти половина посадских дворов (48 %) была зафиксирована на пол-осьмине (1/16, или 0,063) и пол-пол-осьмине (1/32, или 0,031) белки. Они должны были платить по 22- 44 коп., а всего 78 руб., что составляло не более 4,8 % от всей суммы выплат посада (см. табл.1). Именно эта группа, видимо, соответствовала определению «самых худших» и «молочих» дворов в писцовых книгах XVII в. Особенно многочисленны и разнообразны сочетания в группе наименее тяглоспособных дворов – до половины белки. Каких только комбинаций здесь не было: осьмина с полу-осьминой (1/8 + 1/16, или 0,188); пол-осьмины и пол-пол-осьмины

($1/16 + 1/32$, или 0,094); полторы, пол-три, полчетверты осьмины, полторы и пол-пол-осмины и т.д. По степени дробности это даже превосходит знакомые по писцовым книгам доли сошного или по внутривотчинным хозяйственным описаниям доли вытного оклада! Дворов с высокой платежеспособностью (от трех до семи белок) насчитывалось лишь 21 (что составляло 3 % от общего числа тяглых дворов). Они платили от 21 до 49 руб. каждый и несли основную тяжесть налогов устюжского посада (44,2 %).

Наименее платежеспособными были дворы, не положенные в белочный оклад, с которых взимались оброчные платежи – две гривны, т.е. 20 коп. (1 дв.), пять алтын (15 коп.) – 15 дв., одна гривна (19 дв.). Фиксированный алтынный платеж был установлен для некоторых «складников», живущих в отдельных избах в пределах посадских дворов. Например, хозяин двора должен платить с пол-осьмины белки, а его складник, размещенный в отдельной избе данного двора – 5 алт. или гривну⁵. Но иногда единый оклад и соответственно единый платеж прилагались к дворохозяину и его складнику⁶. Наличие складников во дворах повышало платежеспособность последних и было важным для посадской общины, в силу чего учитывалось при проведении переписи. Земское налогообложение старалось максимально улавливать все жилые строения внутри дворов и их жителей. Это уже был не тот абстрактный *двор*, который встречался в более раннем кадастре.

Белочный оклад зафиксирован и для промысловых заведений – винокурен, харчевен, кожевен⁷. «Белочное верстание» продолжалось в Устюге и с утверждением подушного налогообложения. Сошлемся на окладную книгу сбора подушных денег с посадских людей 1743 г., в которой дворы хотя и не указаны, но отмечена доля «белки» для каждого плательщика с соответствующим денежным взиманием⁸. Дальнейшее изучение проблемы автор видит в установлении тесноты связи (методами корреляционного анализа) между колебаниями белочного оклада и демографическим составом дворов, а также другими их экономическими характеристиками.

⁵ ВЦА. Ф. 1 (Земская посадская изба). Оп. 1. Кн. 1. Л. 92 об, 94 об.

⁶ Там же. Л. 97.

⁷ Там же. Л. 63.

⁸ ВЦА. Ф. 1 (Земская посадская изба). Оп. 1. Кн. 8.

Таблица 1. Налогообложение посадских дворов в Устюге по переписной книге 1710 г.

доля «белочного оклада»	количество дворов		размер платежей со двора (руб.)	сумма платежа с данной группы дворов	
	абс.	% от общего числа		абс. (руб.)	% от общей суммы
тяглые дворы					
0,031	151	27,1	0,22	33,22	2,0
0,063	102	18,3	0,44	44,88	2,8
0,094	13	2,3	0,66	8,58	0,5
0,125	49	8,7	0,87	42,63	2,6
0,156	6	1,0	1,09	6,54	0,4
0,166	2	0,3	1,16	2,32	0,1
0,187	25	4,4	1,31	2,62	0,1
0,188	3	0,5	1,32	3,96	0,2
0,218	1	0,1	1,53	1,53	0,09
0,25	33	5,9	1,75	57,75	3,6
0,281	2	0,3	1,97	3,94	0,2
0,291	3	0,5	2,04	6,12	0,3
0,312	4	0,7	2,19	8,76	0,5
0,375	16	2,8	2,63	42,8	2,6
0,437	5	0,8	3,06	15,3	1,0
0,5	19	3,4	3,51	66,69	4,2
0,562	1	0,1	3,94	3,94	0,2
0,625	22	3,9	4,38	96,36	6,0
0,812	1	0,1	5,7	5,7	0,3
0,875	7	1,2	6,14	42,98	2,7
1,0	8	1,4	7,02	56,16	3,5
1,02	3	0,5	7,16	21,48	1,3
1,125	2	0,3	7,89	15,78	1,0
1,25	5	0,8	8,77	43,85	2,7
1,375	1	0,1	9,03	9,3	0,5
1,5	8	1,4	10,53	84,24	5,3
2,0	7	1,2	14,2	98,14	6,1
2,25	1	0,1	15,79	15,79	1,0
2,5	1	0,1	17,55	17,55	1,1
2,75	1	0,1	19,03	19,3	1,2
3,0	1	0,1	21,06	21,6	1,3
3,25	1	0,1	22,81	22,81	1,4
3,5	2	0,3	24,57	49,14	3,1
3,75	1	0,1	26,32	26,32	1,6

4,0	5	0,8	28,08	140,04	8,8
4,25	1	0,1	29,83	29,83	1,8
5,0	3	0,5	35,1	105,03	6,6
5,5	1	0,1	38,61	38,61	2,4
6,0	2	0,3	42,12	84,24	5,3
6,5	2	0,3	45,63	91,26	5,7
7,0	2	0,3	49,14	98,28	6,2
оброчные дворы					
гривенные	19	-	0,1	1,9	43,6
двугривенные	1	-	0,2	0,2	4,5
пятиалтынные	15	-	0,15	2,25	51,7

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. II.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3.
3. *Герберштейн С.* Записки о Московии: в 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008.
4. *Каштанов С.М.* Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России Нового времени. М., 2003.
5. Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. XIV.
6. *Сенигов Г.П.* Памятники земской старины. Пг., 1918.
7. Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.
8. *Янин В.Л.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3.

УДК 94(47).062

М.В. Хацкевич¹

Сбор рекрут в конце 20-х гг. XVIII в. (на примере рекрутского набора 1729 г.)

Рекрутская повинность; рекрутские наборы; рекруты; русская армия XVIII в.

В статье приводится информация о проведении рекрутского набора в 1729 г. Рассматриваются сроки рекрутского набора, анализируется динамика набора в губерниях, дается оценка эффективности набора.

Система рекрутских наборов, на основе которых была создана регулярная армия, была одним из важнейших нововведений петровской эпохи. Для функционирования регулярной армии требовались

¹ Хацкевич Максим Валерьевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп.; mhackevich@gmail.com.

солдаты, готовые нести службу на постоянной основе. По этой причине большинство европейских армий во второй половине XVII – начале XVIII в. переходят к комплектованию войск наемниками или рекрутами.

Налаженная система комплектования войска стала не последним фактором, способствовавшим победе русского оружия над одной из сильнейших европейских армий начала XVIII в. – армией Швеции.

Тем не менее, этот важный сюжет остается почти не освещенным в научной литературе. Рекрутские наборы рассматривались либо в работах по истории военного дела [3; 4; 5; 7], либо изучались исключительно по законодательным источникам [8]. Интересовал исследователей также вопрос о влиянии рекрутской повинности на общину [1]. В современной историографии необходимо отметить ряд работ, в которых рекрутчина рассматривается на локальном материале или же посредством изучения судеб отдельных людей [9; 6]. Однако организация рекрутских наборов на общегосударственном уровне до сих пор почти не изучена.

Нами делается попытка рассмотреть механизм проведения рекрутских наборов в конце 20-х XVIII в. на примере рекрутского набора 1729 г.

Набор 1729 г., выбран для исследования по двум причинам.

Во-первых, набор 1729 г. проводился после завершения формирования подушной системы и некоторых ее корректировок при наследниках Петра [2, с. 259-288].

Во-вторых, 1729 г. это также рубеж мирного времени, отделявший Каспийский поход от начала войны с Турцией. Если наборы, проводившиеся в период Северной войны, имели мобилизационный характер, а в ходе первых наборов после введения подушной практика взимания рекрут в новых условиях только осваивалась, то набор 1729 г. подводит своеобразный итог развитию петровской системы комплектования армии.

1729 г., таким образом, является рубежом, разделяющим историю армии с момента введения подушной системы обложения и начало преобразований в армии при Анне Иоанновне. Рекрутский набор 1729 г. проводился по рекрутскому законодательству, которое в основе своей с окончанием правления Петра I осталось неизменным.

Все это дает основание считать рекрутский набор 1729 г. важным объектом исследования. Результаты исследования позволят судить об итогах развития рекрутской системы всей первой трети XVIII в.

Второе обстоятельство, определившее выбор рекрутского набора 1729 г., заключается в том, что данный набор лучше предшествующих отражен в источниках: материалы по нему отложились в отдельном деле сенатского фонда РГАДА², тогда как материалы по предшествовавшим наборам сильно фрагментированы.

Начало рекрутского набора 1729 г. было положено императорским указом от 13 мая³. В отношении времени окончания набора сказано только в указе, относящемся к началу 1730 г., когда набор 1729 г. еще продолжался. В соответствии с указом, рекруты должны были быть собраны и доставлены в полки «нынешним зимним путем»⁴, то есть до начала весны 1730 г.⁵ Формальная дата окончания набора определяется сложнее, потому как в указах не говорилось, что набор продолжается до конкретного числа или месяца. Подразумевалось, что набор завершается лишь после выполнения плана по поставке рекрут. Фактически же это означало, что рекрутский набор оканчивался, когда исчерпывались возможности собрать рекрут в рамках текущего рекрутского набора. Можно условно определить дату окончания набора по указу, в котором говорилось о необходимости проведения нового набора. Для набора 1729 г. таковой будет 20 октября 1730 г.⁶ Как можно убедиться, планируемый и реальный сроки завершения набора отличались весьма значительно. Это свидетельствует о сложности проведения набора, который правительство вынуждено было продлять.

Как можно видеть, сбор должен был быть проведен в достаточно ограниченный период. Поэтому проводившим набор ведомствам необходимо было получать информацию о проведении набора в каждой губернии на определенный момент времени. Располагая такими данными, правительство могло при неудовлетворительном сборе рекрут в какой-либо губернии или губерниях принять надлежащие меры. Поэтому правительство требовало от губерний отчета о ходе рекрутского набора. Ведомости с отражением первых результатов набора должны были быть отправлены в Сенат до конца 1729

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 445.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 445. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 63.

⁵ Здесь явно просматривается стремление, во-первых, успеть собрать рекрут до начала посевной, во-вторых, транспортировать рекрут до мест службы до весенней распутицы.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 447. Л. 8-9 об.

года⁷. В дальнейшем ведомости о сборе рекрут присылались достаточно регулярно, однако в Сенате сохранились лишь некоторые из них.

По первым доношениям из губерний можно понять, что сбор проходил очень медленно. В прамемории, датированной 2 декабря 1729 г., сообщается следующее: «...а по присланным в Военную коллегию репортам во всех губерниях по нынешнее число показано в зборе нового наряда только 27 человек. И ежели впредь так слабо збирать станут, то полки никогда в комплекте не будут...»⁸

Источники позволяют оценить собираемость рекрут в некоторых регионах на протяжении периода проведения рекрутского набора. Первые данные о результатах сбора появляются в конце декабря 1729 г. Из документа следует, что на начальном этапе наиболее эффективно рекруты собирались в Московской и Новгородской губерниях. Особенно высоки были результаты сбора в Переяславль-Залесской провинции (к декабрю здесь было выполнено фактически 40 % плана по поставке рекрут). Также высоки были результаты сбора в Новгородской и Архангельской провинциях. Стоит отметить отсутствие сведений по большинству провинций Московской и других губерний. Возможно это объясняется тем, что начало рекрутского набора в различных губерниях отличалось по времени.

В последующие месяцы набор шел динамично практически во всех регионах, за исключением Астраханской и Белгородской губернии, сведения о наборе в которых практически отсутствуют, что может быть связано с отсутствием документации по наборам в данных губерниях.

Наблюдается интенсивный сбор рекрут в центральных губерниях, что скорее всего объясняется близостью центральных ведомств и более высоким уровнем развития инфраструктуры административного аппарата.

В структуре рекрутского набора можно выделить два типа собираемых рекрут. Одни из них собирались в счет прошлых наборов – «доимочные». Другие – в счет текущего набора – рекруты «нового наряда», или «новоположенные». Количество доимочных прошлых наборов подсчитывались в первую очередь, после объявления Военной коллегией недокомплекта полков.

Документы свидетельствуют, насколько тщательно правительство подходило к вопросу сбора доимочных рекрут. О важности взыскания долгов по рекрутской повинности свидетельствует реестр

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 445. Л. 49.

⁸ Там же. Л. 49-49 об.

указов о наборе, отправленных на места. В отдельные губернии в период проведения рекрутского набора Камер-коллегией направлялось до 9 указов⁹. Более подробное ознакомление с ними подтверждает, что чаще всего отправлялись указы о сборе доимки, впоследствии же они неоднократно дублировались.

Очень важным был вопрос о размере доимки за прошлые годы. Здесь, как и в случае с зачетами, правительство напрямую сталкивалось с интересами податного населения. И потому вопрос о величине доимки старались решать тщательно, привлекая информацию из разных ведомств, а также из администрации на местах. Часто происходило так, что зафиксированные на местах сведения о проведенных наборах значительно расходились с аналогичными материалами из центральных учреждений.

Перед проведением рекрутского набора 1729 г. предполагалось собрать 15757 рекрут. К концу набора было собрано 13860 человек (88 %)¹⁰. Для сравнения: в 1724 году из предполагавшихся 20550 рекрут правительство сумело собрать только 13705 человек (67 %)¹¹. Учитывая непростые процессы, происходившие во власти в указанное время (борьба за престол между различными группировками, затем воцарение молодого Петра II), и как следствие, нестабильность в различных сферах деятельности государства, можно говорить об относительной эффективности проведенного рекрутского набора.

1. *Александров В.А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.
2. *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра. Введение подушной подати в России. Л., 1982.
3. *Баиов А.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1906. Т. 1.
4. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958.
5. *Епифанов П.П., Комаров А.А.* Военное дело, армия, флот //Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1987.
6. *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. М., 2010.
7. *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. СПб., 1891.
8. *Поливанов К.* Исторический очерк законов о рекрутской повинности. Б.м. Б.г.
9. *Хок С.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии / Пер. с англ. М., 1993.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 445. Л. 286.

¹⁰ Там же. Кн. 447. Л. 8-9 об.

¹¹ Подсчитано по: ПСЗ. Т. 7. № 4636, № 4845.

Проблема податных привилегий мастеровых людей на казенных металлургических заводах Урала в 20-40-е гг. XVIII в.

Россия XVIII в.; промышленное законодательство; мастеровые люди; история Урала.

В работе рассматривается реализация нормы об освобождении мастеровых людей от налогов на казенных заводах Урала в 20-40-е гг. XVIII в. Автор анализирует противоречие между нормой, ориентированной на динамичное развитие, и жесткой структурой налоговой системы.

С 1715 г. во внутренней политике Петра I все большее значение начинают приобретать элементы меркантилизма. Уже к 1725 г. можно говорить о формировании в России системы законодательства, направленной на активизацию промышленного развития страны. Изменения в политике затрагивали и проблемы повышения/улучшения социального статуса групп, связанных с заводским и мануфактурным производством. Например, для заводчиков и мануфактуристов недворян это было разрешение покупать крепостных к предприятиям, а также освобождение от некоторых служб и повинностей. Для рабочих заводов и мануфактур предполагались привилегии налогового характера. На металлургических заводах такая привилегия была зафиксирована 10 декабря 1719 г. в Берг-привилегии. По ее 10 пункту «мастеровые», т.е. квалифицированные рабочие, на заводах, «которые подлинно в дело произведутся», подлежали освобождению «от поборов денежных»².

В историографии наиболее полные сведения о применении данной нормы на металлургических заводах Урала были приведены в работе А.С. Черкасовой [2, с. 114-126]. Наши наблюдения в определенной степени позволяют их дополнить и скорректировать.

На казенных заводах Урала данная норма впервые была использована В.Н. Татищевым. В 1721 г. по его предписанию на Алапаевском заводе квалифицированные рабочие, постоянно занятые на

¹ Киселев Михаил Александрович, Институт истории и археологии УрО РАН (РФ, Екатеринбург), к.и.н.; strateg-mk@rambler.ru.

² ПСЗ. Т. 5. С. 761, № 3464.

заводском производстве, освобождались от налога, в то время как все остальные должны были его платить³.

Такой же подход был применен на казенных заводах Урала при введении подушной подати. Мастерские, постоянно занятые на заводском производстве, подлежали освобождению от положения в подушной оклад⁴. Это однозначно должно было распространяться на обладателей звания «мастер». Не все было ясно с рабочими более низкого звания уровня «подмастерьев» и «учеников»: кто-то из них освобождался, а кто-то должен был платить⁵. На казенных заводах однозначно решался вопрос о детях мужского пола у рабочих, включая и детей мастеров: все они в переписи фиксировались и включались в подушной оклад. В 1723 г. соответствующие списки рабочих, подлежавших освобождению от подушной, были направлены из Сибирского обер-берг-амта в переписную канцелярию. Уже после завершения переписи и составления окладных книг выяснилось, что по отправленным спискам «иные многие не выключены»⁶.

В итоге после введения подушной подати на казенных заводах Урала можно было наблюдать непростую ситуацию: одна часть мастеровых была освобождена от подушного, другая – нет. При этом сама форма обложения – однократное фиксирование в подушных книгах, которое должно было оставаться неизменным до проведения следующей ревизии, – была статичной и не учитывала профессионального роста. Это вело к ситуации, когда рабочий, еще не достигнув звания «мастера», мог быть положен в подушной, после чего стать «мастером» и, несмотря на норму Берг-привилегии, продолжать платить налоги.

Наличие такого положения можно проиллюстрировать данными переписи заводских рабочих 1735 г. На самом крупном казенном заводе Урала – Екатеринбургском – было зафиксировано 359 мужчин, положенных в подушной оклад, и 407 неположенных. Кроме того, было 38 мужчин, положенных в подушной, и 18 неположенных, которые были «написаны в другом ведомстве в разных местах». Из 407 неположенных 299 были детьми рабочих, т.е. почти 75 %. Они были не положены в подушной оклад не в силу их профессионального статуса, а в результате того, что родились или были зафиксированы после переписи 1722 г. Что касается пришлых, что все 28 рабочих, вне зависимости от должности, числились в подушном окладе. Из детей

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 213-213 об.

⁴ См., например: Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 14. Л. 111-111 об, 113 об, 115 об.

⁵ Там же. Л. 112-112 об.

⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 198. С. 506.

пришлых в окладе числилось 10 человек, все старше 12 лет. 18 неположенных были детьми до 15 лет.

Табл. 1. Профессиональный и податный статус рабочих Екатеринбургского завода в 1735 г.*

Мастера		Подмастерья		Работники		Ученики		Сторожа		Кузнецы	
Положены	Не положены	Положены	Не положены	Положены	Не положены	Положены	Не положены	Положены	Не положены	Положены	Не положены
45	17	53	14	68	20	87	29	17	1	17	2

*Составлено нами по: ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Ед.хр. 14. Л. 412-433.

Соотношение на заводе податного и профессионального статуса показывает Табл. 1, в которой нами были сгруппированы данные по 370 рабочим завода. Как видно из таблицы, на 1735 г. на Екатеринбургском заводе почти 75 % мастеров, 80 % подмастерьев, 78 % работников, 75 % учеников были плательщиками подушной подати, т.е. для не менее $\frac{3}{4}$ квалифицированных рабочих металлургических казенных заводов норма Берг-привилегии о податных льготах фактически не действовала.

Попытку разрешить противоречие предпринял В.Н. Татищев, который в 1734 г. был назначен управлять казенными заводами Урала. В октябре 1734 г. он прибыл в Екатеринбург. В его планы входило полное упорядочивание заводской жизни, включая создание нового штатного расписания казенных заводов, письменных инструкций должностных лиц и всеобъемлющего Горного и заводского устава. 21 октября 1734 г. на заседании Главного правления Сибирских и Казанских заводов (ГПСКЗ) было принято решение «во всех приписных к тамошним заводам слободах» сделать «имянные книги крестьяном мужеска полу», т.е. провести новую подушную перепись в населенных пунктах, приписанных к казенным заводам⁷. Это было одним из первых шагов по созданию новых окладных книг заводского ведомства, где должна была быть прописана вся сумма подушного оклада.

В рамках работы по составлению данных книг встал вопрос о мастеровых и их податных льготах. 25 мая 1735 г. на заседании ГПСКЗ было принято следующее решение: «Мастеровых людей при

⁷ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

всех заводах и 3 детми их положить в поголовной оклад по нынешним переписям, не обходя никого, ибо по горной привилегии и до сего дети их не уволены от платежа, а при переписи прежней оныи ис того окладу выключены неосмотрительно». ГПСКЗ определяло норму Берг-привилегии «неосмотрительной» и подлежащей исправлению. Однако окончательно дать санкцию на изменение правовой нормы, предписываемой действующим законодательным актом, могла только императрица. В связи с этим соответствующее донесение было отправлено в Кабинет министров.

Не дожидаясь ответа из столицы, на казенных заводах начали перепись мастеровых, как «действительно служащих», так и «отставных», а также их детей⁸. 22 ноября 1735 г. секретарь Ф. Кузнецов подал в ГПСКЗ докладные пункты о положении в подушной оклад некоторых социальных групп. Самый первый вопрос касался «мастеровых»: «И по оному определению [от 25 мая 1735 г. – *М.К.*] ныне в окладной книге их мастеровых людей показат ли?». Второй вопрос касался уже отставных «мастеровых»: «Отставных мастеровых людей, которые от мастерств отставлены за старостию и увечьями и другими болезнями, в оклад класть ли?». 29 ноября на пункты были наложены резолюции. По первому вопросу: «Которыя в окладах, тех не выключать, а кто не в окладах, тех не класть». По второму: «Кто положен, тем быть в окладе»⁹. Без санкции из столицы В.Н. Татищев все же не решался пойти на нарушение действующего законодательного акта. Как оказалось, не зря. 12 ноября из Кабинета министров был отправлен указ, где 3 пунктом значилось следующее: «О положении мастеров в поголовной платеж, которые на казенных заводах, рассмотреть, и кто из них при заводах потребны, тех оставить, а достальных, которые в мастерстве неискусны и мастерами назваться не могут, написать в подушной оклад» [3, с. 404]. Таким образом, в Кабинете приняли решение об освобождении «действительных мастеров» от подушной подати. Во многом такое решение можно объяснить подготовкой указа от 7 января 1736 г., по которому мастеровые должны были превратиться из профессиональной группы в сословную [1].

На Урале дело о «выключке» мастеровых продвигалось довольно медленно. К концу 1738 г. был подготовлен «экстракт о росписании мастеровых людей, которым быть и коим не быть в поголовном платеже», соответствующие данные из которого были отправлены

⁸ Там же. Л. 93.

⁹ Там же. Л. 187.

В.Н. Татищеву¹⁰. Таким образом, к концу 30-х годов XVIII в. на казенных заводах продолжало сохраняться status quo: кто был положен в подушной – продолжал платить, кто не был положен – не платил.

В итоге данная проблема была разрешена правительством Елизаветы Петровны. По 5 пункту инструкции переписчикам от 16 декабря 1743 г. предписывалось переписать мастеровых и работных людей как на казенных заводах и фабриках, так и на частных¹¹. Все мастеровые лишались своих податных привилегий.

В случае с податными привилегиями мастеровых людей произошло столкновение нормы о налоговой льготе, связанной с критерием профессионализма, т.е. с критерием динамичным, меняющимся, и налоговой системой, основанной на жестком единовременном фиксировании души м.п., которое не должно было меняться до проведения следующей ревизии. При рассмотрении этого конфликта правительство в итоге сделало выбор в пользу налоговой системы. Конечно, для преодоления отставания в промышленном развитии от ведущих европейских держав в первой четверти XVIII в. правительство было готово пойти на предоставление определенных привилегий. Однако когда внешне проблема такого отставания была снята, стал происходить постепенный переход от принципа бессословности промышленного законодательства Петра I («всем и каждому дозволяется») к сословности узаконений времени Екатерины II («чтоб благородного дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо и нерушимо»). Российское правительство, хотя и перенимало под влиянием европейского опыта новые приемы государственного управления, по своей социальной сути оставалось дворянским и не собиралось отменять факта сословного деления общества.

1. *Киселев М.А.* Проблема податных привилегий мастеровых в правительственной политике в России в первой половине XVIII в. // Платоновские чтения: материалы и доклады XV Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2009.
2. *Черкасова А.С.* Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985.
3. *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. М., 1785. Т. 3. Кн. 1.

¹⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 834. Л. 326 об-327.

¹¹ ПСЗ. Т. 11. С. 964, № 8836.

Влиятельные дворяне – злостные неплательщики подушной подати?²

Подушная подать; недоимки; дворянство; Россия первой половины XVIII в.

В данной работе подвергается сомнению устойчивое представление о том, что знатные и влиятельные дворяне использовали административные ресурсы для уклонения от уплаты прямого налога – подушной подати. В качестве источника используется давно введенный документ – «ведомость о знатных недоимщиках». Проведенный источниковедческий анализ демонстрирует, что влиятельное дворянство налоги платило, по каким причинам это отдельный вопрос.

Одним из ключевых положений современного представления о фискальной истории России XVIII в. является гипотеза о том, что крупные землевладельцы уклонялись от уплаты налогов, используя свои административные и финансовые возможности. Эта интерпретация хорошо вписывается в представление о России как о патерналистском государстве с глубокими «коррупционными» традициями.

Впервые это утверждение было в явной форме сформулировано и доказано на архивном материале С.М. Троицким. «Прежде всего, само правительство – кабинет-министры, сенаторы, президенты коллегий и канцелярий, а также придворные и верхи столичного дворянства оказались в роли злостных неплательщиков налогов» [3, с. 139].

В дальнейшем эта гипотеза, насколько нам известно, использовалась в качестве базового положения для более общих выводов, как в российской, так и в европейской историографии. Например, в одном из последних учебников по истории России, автор указывает, что одной из причин провала компании по сбору недоимок было нежелание крупных дворян уплачивать свои долги по подушной подати. При этом автор ссылается на работу С.М. Троицкого, что вполне логично [2, с. 64].

Вопрос о том, как платят дворяне, обладающие административной и финансовой властью, безусловно, важен, и в данной статье предлагается один из возможных вариантов ответа на него через

¹ Корчмина Елена Сергеевна, Центр гуманитарных исследований при РАНХиГС при Президенте РФ (РФ, Рязань); e.korchmina@gmail.com.

² Данная работа была проведена в период работы над Карамзинской стипендией 2012, поддержанной фондом Прохорова.

источниковедческий анализ документа, введенного С.М. Троицким. Поставленная источниковедческая задача состоит из двух взаимосвязанных вопросов:

1. Какая информация заложена в ведомости³, введенной в научный оборот С.М. Троицким?

2. Можно ли данный источник использовать как убедительное доказательство того, что именно знатные дворяне не хотели платить подушную подать?

В работе С.М. Троицкого источниковедческий анализ документа не приведен.

Время создания документа относится к кампании по борьбе с недоимками конца 1730-х гг. – начала 1740-х гг. В 1737 г. в Сенат был послан запрос о составлении ведомости об имеющейся недоимке по подушной подати на 1737 г. Ведомость была составлена на основании данных, присланных из городов. «А потом от кабинета ЕИВ приказано подать о тех же доимках ведомость с показанием что числитца не по одним последним но и по прошлогодним ведомостям и не об одних знатных но на ком есть и доимка знатная»⁴. Фактически с разницей в год было составлено две ведомости.

В рассматриваемом документе обе ведомости сведены в одну таблицу, где в первой колонке «по прошлогодним ведомостям», приведены данные на 1737 г., а во второй «по нынешним ведомостям» на 1738 г. соответственно. Исходя из особенностей документооборота того периода и характера запросов Сената, можно говорить, что первая ведомость на 1737 г. содержала информацию о текущих долгах, т.е. неуплату по подушной подати на 1737 г. Ведомость за 1738 г. содержала информацию о всей недоимке, которая числилась на помещиках по 1738 г. включительно. С какого года собиралась информация во второй ведомости не указано, но по опыту работы с подобными документами в провинциальной канцелярии, можем предположить, что недоимка показывалась со времени ближайшей ревизии, т.е. с 1724 г.

С.М. Троицкий посчитал, что вторая ведомость более полная, хотя строго говоря, обе ведомости верные, просто отражают неуплату за разный период. Мы вслед за С.М. Троицким будем использовать цифры из второй колонки, т.е. кумулятивную недоимку за 14 лет.

Точное название документа было приведено С.М. Троицким: «Ведомость о имеющейся подушного збору доимке на знатных: и

³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1175. Л. 353 – 383. (Нумерация листов со времен С.М. Троицкого немного изменилась).

⁴ Там же. Л. 351.

других на ком есть знатная доимка». В самом названии указано, что речь идет не только о «знатных» дворянах, но и о тех, на ком есть «знатная», т.е. значительная, недоимка по уплате подушной подати. Этот момент на наш взгляд является ключевым, потому что в самой ведомости выделены разные группы неплательщиков, и категория «на знатных» выделена отдельно, в нее включена титулованная и старомосковская знать. И после указания недоимок по каждому из лиц в данной категории подведен промежуточный итог. Общая сумма недоимок на знатных на 1738 г. составляла 111001,12 руб.

Нет уверенности в том, что можно сумму 1192105,17 руб., которая числится в книге С.М. Троицкого, как категория «на прочих помещиках» понимать, как недоимки на знатных, потому что в самом документе эта цифра так не интерпретировалась, это была скорее недоимка за разными мелкими и средними помещиками. А эта цифра составляет около 70 % от общей суммы недоимки.

Требуется уточнения общая цифра недоимки. У С.М. Троицкого итоговая сумма недоимки равна 1971276 руб. При этом в самой ведомости на 1738 г. стоит 1637193,18 руб.⁵ Мы будем брать цифру из документа как точную.

И еще очень важный момент зафиксирован на полях ведомости: «по ведомости комиссариатской конторы ис показанной по 737 год доимки с начала 737 по ноябрь месяц нынешнего 738 года по репортам из городов взыскано 552052,28». «Затем имеет быть в доимке против старых ведомостей 1078060 рублей против новых 1084011,45 руб.»⁶ Это означает, что цифра в 1637193,18 руб. на момент составления ведомости, на 1738 г., была не верна, т.к. третью часть от общей суммы недоимки успели собрать за период, пока ведомости составлялись. Но эти изменения прописывались на полях, что отражало особенности документооборота того периода. Какой цифрой пользоваться (около 1,6 млн руб. или около 1 млн руб.) исследователь может решить сам в соответствии с теми задачами, которые поставлены в его исследовании. Но учитывать особенности формирования цифр в документе необходимо.

Что означают формулировки документа?

Так, С.М. Троицкий указывает, что «А.П. Волынский свою доимку не показал», контекст этой фразы придает некий злой умысел Волынскому, который «скрывал» размеры своих неплатежей.

⁵ Там же. Л. 382 об.

⁶ Там же.

В документе напротив фамилии «Волынский» на 1737 г. стоит сумма доимки в 9,1 руб., а на 1738 г. использована формулировка «доимка не показана». Что это может значить?

Анализ использования аналогичной формулировки на 1738 г., т.е. во второй колонке, в случаях, которые мы можем проверить (10 случаев по Переславль Рязанскому уезду) позволяет сделать следующий вывод. Эта фраза может и должна быть интерпретирована, на наш взгляд, как недоимка уплаченная. Например, в недоимщиках по первой ведомости числится генерал майор А.И. Ушаков по двум «городам»⁷. Недоимка составила 269,15, а во второй графе указано, что «доимка не значится». По окладным книгам Переславля Рязанского за этот период за ним по селу Дехтяному, которое состояло во владении Ушакова, числится 640 душ, и недоимка уплачена. Такая же ситуация с Шафировым, Нероновым, Позняковым и др.

Мы считаем, что фраза «доимка не показана», которая может быть расценена как укрывательство, означает, что все уплачено.

Таким образом, ведомость, введенная в научный оборот Троицким, является сложной по структуре и требует очень аккуратной работы. Итоговые цифры этой ведомости (около 1 млн. или 1,6 млн. рублей) демонстрируют общую задолженность всех помещичьих и дворцовых сел перед казной по подушной подати. Непоказанные недоимки можно расценивать, как уплаченные. Эта ведомость является текущей финансовой документацией, в которую вносились изменения, а все уточнения (в данном случае в 500 тыс. руб.) прописывались на полях, а не в итоговых цифрах. При этом данный документ позволяет понять, какова была собственно недоимка на знатных, т.к. они выделены в отдельную категорию.

Сами современники показали 111001,12 руб. на 1738 г., но они в нее не вписали сенаторов, которые шли отдельной группой, если их учесть, то цифра недоимок вырастет до 170741,5 руб. Собственно размер недоимки на знати составляет не более 10 % от общей суммы недоимки. Но основной вопрос: сколько налога было уплачено? Это принципиально важно для понимания «масштабов саботажа» знатных дворян. Используя данные по России, введенные Я.Е. Водарским, мы можем рассчитать, что 8 % крупных дворян, в руках которых находилось 54 % душ [1], производили только 10 % недоимок. Этот общий вывод по России подтверждается анализом по отдельным фамилиям, указанным в ведомости.

⁷ В ведомости значилась именно такая формулировка («города»), хотя их надо понимать как уезды.

Например, у стольника Бориса Неронова на 1737 г. размер недоимки по Переславль Рязанскому составил 179,2 руб. В с. Выжелес за ним было 512 душ, следовательно, размер подушного оклада составлял 358,4 руб. в год. Так как по нашим предположениям ведомость на 1738 г. составлялась за несколько лет (максимум 14), то следует умножить размер ежегодного оклада на 14 лет. Сумма уплаченных налогов в размере 5017 руб. Соответственно процент недоимки был менее 5 %.

По имениям Федора Аврамовича Лопухина в с. Карабугино, Песочня, и Михайловское (размер владений которого был 1080 душ по итогам первой ревизии) процент недоимки составил всего 1,5 %.

А по владениям князя А.М. Черкасского процент недоимки был менее 1 %. При этом, часть имений князя А.М. Черкасского находились в Переславль Рязанском уезде, и по ним за указанный период не было недоимок.

Таким образом, тщательный анализ ведомости «о знатных доимщиках» показывает, что данный документ скорее можно использовать в качестве доказательства, что знатное дворянство платило налоги. Процент недоимок на их имениях был незначителен. «Почему знатное дворянство платило налоги?», по крайней мере в период между 1 и 2 ревизиями, вопрос важный для понимания как экономических процессов в после петровской России, так и для формирования самосознания дворянского сословия.

1. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. Таблица 8. // http://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka/10 Электронный ресурс. Дата обращения. 10.04.2013.
2. *Курукин И.В.* История России XVIII в. М., 2010.
3. *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М, 1966.

Международно-правовые основы присоединения Сибири к России: постановка проблемы²

История международного права; Россия; Сибирь; Китай.

В работе ставится проблема использования Россией принципов и норм международного права при присоединении Сибири и установления отношений с монгольскими ханствами и Китайской империей в XVII веке.

Присоединение Сибири было невозможно без принятия российского подданства сибирскими «иноземцами» и установления особенностей их правового положения, урегулирования международных отношений с восточными соседями России – Китаем и монгольскими ханствами. Успешное решение этих правовых проблем до сего времени сохраняет свое значение, т.к. именно тогда был разрешен вопрос о территориальной целостности России как евразийской державы, заложены основы автономии сибирских народов. Присоединение Сибири к России привело к становлению региональной системы международного права, охватывающей ныне целый ряд стран Средней и Юго-Восточной Азии.

Однако вопрос о правовых основаниях присоединения Сибири в науке еще не поставлен, что объясняется, с одной стороны, дискуссией о сущности и времени происхождения международного права; с другой, особенностями развития сибиреведения. В XVII – середине XX вв. в европейской науке доминировала доктрина международного права «цивилизированных народов». Ее основоположник Г. Гроций считал, что в основе *jus gentium* (права народов) лежит естественное право, но оно встречается только у народов «одаренных правым и здравым умом», почему *jus gentium* – это право «не всех, но самых лучших из них». В соответствии с такими представлениями Г.Ф. Миллер сформулировал в XVIII в. теорию завоевания Сибири, которому сопротивлялись «дикие сибирские племена».

В XVII в. появилась теория английского ученого Р. Зеч об объективном происхождении международного права в глубокой древности. В XX в. научную несостоятельность деления народов на «циви-

¹ Акишин Михаил Олегович, Новосибирский государственный университет (РФ, Новосибирск), Новосибирский государственный аграрный университет (РФ, Новосибирск), д.и.н., к.ю.н.; Akishin-MO@yandex.ru.

² Исследование проведено при поддержке РГНФ. Грант № 12-01-00386а.

лизованные» и «дикие» обосновал выдающийся французский этнолог К. Леви-Строс. В XX – начале XXI вв. эти теории находят все больше сторонников. В частности, они создают научную аргументацию для обоснования основного принципа международного права, закрепленного в Уставе ООН 1945 г., – суверенного равенства наций.

В сибиреведении XX в. произошел отход от теории завоевания. Суть новой теории заключалась в признании естественного характера расселения русских земледельцев и промысловиков в Сибири. Акцент в этой теории делался на социальных, а не государственно-правовых закономерностях колонизации Сибири, но и по последней проблематике делались интересные наблюдения. С.В. Бахрушин доказал, что присоединение новых территорий и народов в Сибири оформлялось договором о подданстве – шертью. А.А. Преображенский провел исследование вклада российской дипломатии в присоединение Сибири. Труды Н.В. Устюгова, И.Я. Златкина, В.С. Мясникова, Н.Ф. Демидовой, А.П. Уманского, Ш.Б. Чимитдоржиева и др. были проведены исследования русско-китайских и русско-монгольских отношений. Накопленный в сибиреведении эмпирический материал позволяет поставить проблему о применении Русским государством принципов и норм международного права при присоединении Сибири.

«Единодержцем» и «самодержцем», т.е. независимым носителем верховной власти в Русском государстве, был «государь всея Руси». При присоединении Сибири московская дипломатия исходила из того, что представлять местные народы могли только их владельцы, обладавшие верховной и независимой властью. Но, во-первых, это не означало равенства этих владельцев по отношению к московскому самодержцу. Титул «царя» изначально применялся к ханам Сибирского юрта и государства Алтын-ханов. В последующем принцип суверенного равенства стал использоваться в отношениях с Джунгарским ханством и Китаем. Во-вторых, многие народы Сибири еще не достигли стадии государственности. В отношениях с ними использовалась фикция, позволявшая рассматривать представителей родо-племенной верхушки как суверенных правителей.

Народы Сибири и правители государств Азии также исходили во внешних сношениях из представления о суверенитете монарха, именуя московского государя либо «Белым царем», либо используя его титул. Сложно происходило становление русско-китайских отношений. В соответствии с конфуцианской доктриной китайская дипломатия навязывала Русскому государству неравноправные отношения, добиваясь признания московским государем верховенства правителя «Поднебесной». Только после конфликта в Приамурье принцип суве-

ренного равенства двух держав нашел выражение в полном титуловании их монархов в тексте Нерчинского договора 1689 г.

Московские самодержцы определяли основы политики своего государства и являлись высшим органом внешних сношений. Реализацию этих своих полномочий они осуществляли через систему центральных и местных государственных органов, а также дипломатических агентов за рубежом. В отношениях с неевропейскими народами Россия использовала принципы и нормы права внешних сношений, заимствованные из практики империи Чингис-хана и региональной системы наследников этой империи. Литературный татарский язык до начала XIX в. оставался вторым государственным языком России в ее внешних отношениях.

При присоединении Сибири на некоторые ее земли московские самодержцы заявили свои «вотчинные» права. Дело в том, что Югорская земля с XI в. входила в состав Великого Новгорода. После присоединения последнего к Москве, Иван III объявил свои права на эти территории и дважды отправлял туда свои рати в 1483 и 1499 гг. В его титулатуру была включена клаузула – «князь Югорский». Василий III с 1514 г. именовался уже правителем «Удорским, Обдорским и Кондинским».

После завершения формирования Посольского приказа ведение сибирскими делами было отнесено к его компетенции. В нем в 1555 – 1558 гг. проводились переговоры с послами сибирского хана Едигера, результатом которых стало формальное принятие подданства сибирскими татарами. В титул царя вошла формула «всея Сибирские земли и Северные страны повелитель». В условиях походов Ермака и московских воевод 1580 – 1590-х гг. в Посольском приказе былработан правовой механизм включения в состав России новых сибирских «землиц». После разгрома хана Кучума в 1598 г. в титул московских государей вошла формула «царь Сибирский».

В 1599 г. сибирские земли были переданы в ведение Приказа Казанского дворца, а с 1637 г. – Сибирского приказа. К функциям этих приказов относилось ведение внешних сношений на восточных рубежах. Широкими правомочиями в сфере внешних сношений обладали воеводы. Посольский приказ включался во внешнеполитическую деятельность на восточных рубежах России только при возникновении сложных проблем: урегулирования конфликтов с Джунгарским ханством и Китайской империей.

При приеме послов сибирских народов и монгольских ханов в Москве посольский обычай исполнялся в полном объеме, включая приемы послов государем «у стола». При проведении переговоров на

уровне сибирских служилых людей и элит народов Сибири соблюдался упрощенный дипломатический церемониал, включавший вопросы и ответы о «государевом здоровье», пир, обмен дарами и т.д. С изощренным дипломатическим церемониалом столкнулись русские послы в Китае. Право неприкосновенности послов неукоснительно соблюдало Русское государство и Китай. Знали о неприкосновенности послов и соблюдали эти нормы, как правило, народы Сибири и монгольские ханы.

Правовой механизм приведения в подданство народов Сибири был разработан в Посольском приказе и впервые урегулирован в наказах воеводам в 1590-х гг. В его основе была процедура шертования, заимствованная русской дипломатией в степном праве. Согласно наказу, воевода, узнав о «новой земле», должен был послать туда служилых людей с предложением принести шерть на подданство государю с условием уплаты ясака и верной службы. В случае, если местные владельцы приносили шерть, их приглашали в резиденцию воеводы, где последний в торжественной обстановке произносил им «жалованное слово» от имени московского государя. В «слове» закреплялись права автономии, традиционного природопользования, административной и судебной власти владельцев сибирских «иноземцев». Таким образом, шертование – это неравноправный международный договор, заключавшийся путем обмена юридическими актами. Гарантиями этого договора была сакральная клятва («шерть») и заложники («аманаты»).

Шертный договор мог быть заключен и в результате переговоров сибирских «князей» или их послов в Москве. В этом случае сибирские «князья», как правило, получали жалованные грамоты от государя, определявшие пределы их автономии. Наконец, известен случай, когда подданство монголоязычной группы табунутов было закреплено «договорными статьями» 1689 г., близкими по форме к договорам, использовавшимся Русским государством в отношениях с европейскими странами в XVII в.

Присоединение Сибири сопровождалось либо использованием военной силы, либо угрозой ее применения, что ставит проблему изучения законов и обычаев права войны. Прежде всего, необходимо отметить, что и в России, и в Европе XV – XVII вв. формируются нормы о том, что только монарх вправе «двигать войну», запрет на частные войны. Видимо, этим объясняется крайне неоднозначная реакция в Москве на поход дружины Ермака. В государевой грамоте от 16 ноября 1582 г. действия Строгановых и Ермака квалифицировались как «воровство и измена», вызвавшие международные ослож-

нения. В последующем при присоединении Сибири использовались государственные служилые люди, пережитки казачьей «вольницы» воспринимались крайне негативно.

Применение военной силы сопровождалось объявлением войны. Н.Г. Спафарий говорил об этом: «...воры начинают внезапно и без ведомости войны, а у великого государя такой обычай, что буде кто испорубежных государей неправдою поступает и причины такие дает, тогда прежде посылает посольство и объявляет неправды ево, и буде не престанет, скажет ему и войну». Служилые люди, отправляясь в «новую землю», обязаны были предупредить о применении вооруженной силы в случае отказа принести шерсть. Норма о необходимости объявления войны уважалась и народами Сибири: перед нападением они посылали стрелу противнику. Конфуцианская доктрина Китая исходила из антигуманности войны и рассматривала применение военной силы как наказание преступника. Эта юридическая конструкция гуманитарного вмешательства была применена императором Сюань Е при составлении ультиматумов России накануне вторжения в Приамурье.

Наконец, при анализе международно-правых норм, регулировавших применение вооруженных сил, следует остановиться на вопросе обращения с военнопленными и гражданским населением. В наказах воеводам и служилым людям предписывалось действовать в отношении сибирских «иноземцев» «ласкою, а не жесточью». Московский государь подчеркнуто уважительно относился к сибирской знати. В частности, все плененные «кучумовы царевичи» получили высокие чины при Государевом дворе.

При разрешении конфликтов в Сибири широко использовались переговоры и другие средства мирного разрешения споров. Так, в ряде случаев на затянувшийся русско-кыргызский конфликт влияли с начала Алтын-ханы, а затем ханы Джунгарии. Так, в 1616 г. Алтынхан в присутствии русских посланников пригрозил киргизскому князю: «только де впредь киргизские люди хотя одного русского человека убьют, и он их всех до одного велит вырубить». В 1680 г. в ставке джунгарского хана Галдана в «судейской юрте» происходил разбор претензий русских посланцев к князьям кыргызов. Выслушав обе стороны и указав неправоту той и другой, приближенные Галдана «заказывали накрепко» кыргизам, чтобы они с русскими жили мирно.

Присоединение Сибири создало предпосылки для развития международной торговли. С 1580-х гг. на высшем уровне обсуждались предложения английской короны о предоставлении ее купцам исключительного права на торговлю в северных портах России и

Сибири. Окончательно вопрос был решен в 1619 г., когда был запрещен Мангазейский морской ход, что заложило историко-правовую основу полной юрисдикции России над Северным морским путем.

В конце XVI в. московские власти приняли меры к тому, чтобы восстановить традиционные торговые связи Западной Сибири со Средней Азией. В 1595 и 1596 гг. воеводам было предписано пропускать бухарских и ногайских купцов в Тобольск и Тюмень, «береженье к ним и ласку держати великую» и предоставить им беспошлинный торг. Международно-правовой режим наибольшего благоприятствования сохранялся в отношении бухарцев на протяжении всего XVII в. и в последующем был распространен на ойратов. Проблема регулирования русско-китайской торговли была ключевой с момента становления отношений между двумя державами, ее правовая основа была урегулирована Нерчинским договором 1689 г.

Сторонники теории происхождения международного права в Европе в позднее Средневековье ссылаются на то, что именно тогда появился первый научный труд по международному праву – трактат Г. Гроция. Присоединение Сибири привело к появлению трудов ученого грека Н.Г. Спафария – статейного списка его посольства в Китай и литературного сочинения «Описание первой части вселенной, именуемой Азией». В них Спафарий со ссылками на *jus gentium* рассмотрел роль принципов суверенного равенства и сотрудничества, международно-правовые институты права внешних сношений, статуса территории и населения, законов и обычаев войны, правового регулирования международной торговли в становлении отношений России и Китая. Оригинальность воззрений Спафария заключается в том, что он отрицал деление народов на «цивилизованные» и «дикие».

УДК 94 (47)

Е.В. Камараули¹

**Эволюция материального обеспечения служилой
бюрократии в России во второй половине XVII –
XVIII вв.: к постановке проблемы (по материалам
южных уездов и Воронежской губернии)**

Служилая бюрократия; приказная работа; дворянство; поместное землевладение.

¹ Камараули Елена Владимировна, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), к.и.н.; kamarauli@bk.ru.

В статье изучены такие виды материального обеспечения служилой бюрократии (приказных людей XVII в. и дворянской бюрократии XVIII в.) как «кормление от дел», поместное и денежное жалованье.

В трудах современных исследователей [1, 4, 5] наблюдается устойчивый интерес к провинциальной истории, призыв учитывающий региональные особенности абсолютистского государства и его институтов. Юг России, находившийся в ведении Белгородского разряда, впоследствии территория Воронежской губернии, а в современное время Центральное Черноземье – край, всегда отличавшийся своеобразием исторического развития.

История российского абсолютизма немыслима без истории бюрократии, возникшей и развивавшейся параллельно с системой государственного управления, прошедшей путь от княжеских слуг через служилую и дворянскую бюрократию до деклассированного чиновничества XIX в. [2, с. 3]. По мере того, как изменялось социальное лицо бюрократии, от пестрой по своему происхождению приказной группы XVII в. до крупного слоя чиновников-дворян XVIII в., эволюционировало и ее материальное обеспечение.

Итак, служилая бюрократия XVII в. была представлена дьяками, подьячими и дьячками, работниками центральных и местных приказных учреждений. Их служба получила название «приказная работа», а сами они именовались «приказными людьми»². Приказная работа была неотъемлемой частью государевой службы, а дьяки и подьячие входили в состав служилого сословия, наряду с дворянами и детьми боярскими, несшими полковую и городскую службу.

Все изменилось в петровскую эпоху. Появилось представление о гражданской или «статской» службе [10, с. 45]. Трансформировалась система местных учреждений, была закреплена новая система чинов и чиновничества. На место вчерашних дьячков и подьячих «со справой», «с приписью» пришли штаты, укомплектованные копиистами, канцеляристами, архивариусами, регистраторами, секретарями и пр. Делопроизводство стало более регламентированным³. Что же происходило с материальным обеспечением провинциальных приказных людей и как оно изменялось на протяжении двух столетий?

² Другое значение словосочетания «приказный человек» – администратор, возглавляющий территорию города и уезда, синоним понятия «городовой воевода».

³ Генеральный регламент 1720 г., см.: [6, с. 108-135].

Входившие в состав служилого сословия дьяки и подьячие имели право на получение «жалованья»: денежного, поместного и натурального (хлебного)⁴. Поместный или денежный оклад складывался из двух частей. Во-первых, из «новичного» оклада, полученного при верстании и соответствовавшего разряду служилого человека. Во-вторых, из придач к этому окладу, представлявших собой персональные поощрения за службу.

Между лицами, несшими полковую и городовую службу, и лицами на приказной работе имелись различия, касавшиеся жалования. Основная служилая масса получала денежное жалованье только в период непосредственной службы, военных походов и выполнения поручений. Дьяки и подьячие центральных и местных учреждений получали жалованье ежегодно, но само верстание окладами в их отношении не было обязательной процедурой. Вопрос о жаловании решался Разрядным приказом строго индивидуально и до середины XVII столетия не был отражен в законодательстве.

С 1657 г. денежное жалованье подьячим устанавливалось согласно их профессиональным разрядам. Подьячие первой, второй и третьей статьи наделялись окладами 10, 7 и 5 руб. соответственно [9, № 212]. Источником выплат сделали местные неокладные денежные сборы, в частности, доходы от таможи и кабака, судебные и печатные пошлины и пр. Размер придачи к окладу колебался в пределах от 2 до 5 руб., в среднем денежное жалованье подьячих держалось в пределах от 5 до 12 руб.

Для того времени сумма подьяческого жалованья была приличной, обеспечивавшей безбедное существование. Готовый сруб большого дома стоил 8-10 руб., телега с упряжью и лошадью стоила 3-6 руб., минимальные траты на питание одного человека составляли 2-2,5 руб. в год [7, с. 487-488]. Учтем, что выплаты жалованья задерживались или не осуществлялись из-за отсутствия на местах денежных средств.

Поместный оклад провинциальных подьячих от 150 до 300 четвертей. Фактическое поместное землевладение в среднем пребывало в границах от 10 до 70 четвертей [3]. Выделение поместья («отказ» по терминологии XVII в.), происходило двумя путями. Во-первых, в

⁴ Применительно к изучаемой территории выплаты хлебного жалованья были редкостью, вплоть до единичных случаев. Так, подьячие Коротояка И. Шумовский и И. Никитин получали хлебное жалованье по 8 четвертей овса и ржи. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 1526. Л. 196; воронежский подьячий И. Савин получал хлебное жалованье по 6 четвертей овса и ржи из воронежских казенных житниц. См. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 и об.

индивидуальном порядке, когда подьячий сам подыскивал пустующие или выморочные земли и хлопотал о них в Разряде. Во-вторых, совместно с дворянами и детьми боярскими своего уезда на большом воеводском отказе, когда происходило размежевание «дикого поля» на десятки поместных владений. Как правило, подобные владения представляли собой пустоши и пустошки, однодворческие хозяйства.

Возьмем, к примеру, поместное землевладение подьячих орловской приказной избы братьев М., И., Г. и С. Насоновых. Трое из них были поверстаны окладами в размере 150 и 200 четвертей. На воеводском отказе 1689/1690 г. получили по 15 четвертей пашни из «порозжей песчаной дикой земли» в Орловском уезде, и места под усадьбы. Угодьями («сенными покосами», «рыбными ловлями» на речке Студенке, строительным и дровяным лесом) братья Насоновы пользовались сообща с помещиками соседнего Воронежского уезда. В 1697 г. трое поверстанных братьев получили еще по 40 четвертей пашенной земли, а единственный неверстанный С. Насонов – 20 четвертей из «дикой порозжей земли» в урочище между ручьями Тойды, Анны и Мосоловки. Все это были ненаселенные земли⁵.

Итак, в XVII столетии процент поверстанных поместными окладами подьячих был не велик, число владеющих фактическими землями незначительно, обладание крепостными в подьяческой среде встречалось крайне редко. В результате, подьячие неизменно пробавлялись «кормлением от дел», получая плату за ведение гражданских дел деньгами или натурой⁶. Нередко такое кормление становилось агрессивным и приобретало характер вымогательства.

С введением постоянной армии при Петре I служилая поместная система отмирает. Поместье и вотчина объединяются, возникает понятие «недвижимое имение»⁷. Прекращается раздача поместий за службу. Сумма жалованья низших канцелярских служащих, преемников подьячих и дьяков, возрастает, достигая в среднем 15-60 руб. Но покупательная способность рубля падает, сохраняются систематические невыплаты жалованья, затем происходит урезание или отмена денежного жалованья отдельным категориям чиновников, появляется система штрафов. В итоге общий уровень доходов канцелярских служащих снижаются по сравнению с допетровским временем [8].

⁵ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 135. Д. 49. Л. 3-4.

⁶ Так возникли поговорки, подобные этой: «Всяк подьячий любит калач горячий».

⁷ Указ о единонаследии 1714 г. см.: [9, с. 295-300].

Такая ситуация сохранялась до введения штатов государственных учреждений в 1763 г.⁸

Что касается поместного землевладения, то его социальное значение возросло. Обладание недвижимым имением и крепостными неразрывно связывалось с дворянским сословием, чьи привилегии постоянно расширялись, начиная с 30-х гг. XVIII в. С.М. Троицкий приводит убедительные доказательства, что продвижение по службе лиц недворянского происхождения, получение ими потомственного дворянства было крайне затруднено законодательством эпохи дворцовых переворотов [10, с. 133-140, 322-323]. Но речь идет о выслуженном по Табели о рангах, так сказать, не престижном дворянстве, представители которого попадали во 2-ю или 3-ю части губернских родословных книг, в зависимости от характера службы, военной или статской⁹.

Вынужденные доказывать свое благородное происхождение нетитулованные дворяне предпочитали быть вписанными в 6-ю часть родословной книги, куда вносились роды древнего дворянства. Российское благородное сословие вплотную занялось «генеалогией», изучая послужные списки предков, доказывая факты наделения поместьями и денежными окладами. В XVIII в. потомки наделенных за службу поместьями приказных людей продолжали трудиться в государственных учреждениях по гражданской линии. Зачастую они не только сохраняли родовые имения, но и приумножали их любыми способами, покупая новые земли или получая в приданое за женой, обзаводились крещеной собственностью.

Вот пример подобного прироста: усердский подьячий Ф. Александров по 1-й ревизии 1719 г. владел 2 купленными крепостными душами, его сыновья И. и А. Александровы по 2-й ревизии 1743 г. владели соответственно 25 и 11 душами. В 1781 г. А. Александров указал за собой 188 душ, в 1787 г. за ним значилось 586 душ¹⁰. Во время ревизий переписчики проверяли юридические права на владение крепостными, особенно у обезземеленных дворян.

Итак, в XVII в. главным источником доходов служилой бюрократии было кормление от дел, вспомогательную роль в силу нерегулярности играло денежное жалованье, поместье выполняло функцию подсобного хозяйства. Для чиновника-дворянина конца XVIII в. сам факт верстания его предков поместьями и денежными окладами служил доказательством древности его рода. Но хозяйственная ценность

⁸ ПСЗ. № 11989

⁹ Жалованная грамота дворянству 1785 г. См.: ПСЗ. № 16187.

¹⁰ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 123. Д. 129. Л. 8, 13, 14.

поместья для него, городского жителя занятого на службе круглый год, уменьшалась. Кормление от дел осталось в прошлом. Т.о., на первый план в материальном обеспечении бюрократии с конца XVIII столетия выходило денежное жалованье.

1. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.
2. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
3. *Камараули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII в. Воронеж, 2009.
4. *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII в.: (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
5. *Лантева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII в. М., 2010.
6. *Лебедев В.И.* Реформы Петра I: Сборник документов. М., 1937.
7. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
8. *Писарькова Л.Ф.* Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX вв. // Отечественные записки. 2004. № 2.
9. Российское законодательство X-XX вв. М., 1986. Т. 4.
10. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.

УДК 94 (481). 052

А.В. Перегудов¹

К вопросу о компетенции воронежского Государева разрядного шатра и документировании его деятельности

Военно-морской флот; Государев разрядный шатер; адмиралтеец.

В статье дается обзор сфер компетенций главного распорядительного органа воронежского кораблестроения в конце XVII в. сквозь призму анализа его делопроизводства.

В конце XVII столетия на юге России развернулось невиданное ранее по своим масштабам мероприятие по строительству отечественного военно-морского флота, центром которого стал Воронеж и прилегающие к нему уезды. Ключевым органом, отвечающим за сооружение флота, являлся Государев разрядный шатер (ГРШ), резиденция которого располагалась в Воронеже на специально построен-

¹ Перегудов Александр Викторович, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), к.и.н.; Peregudoff@mail.ru.

ном Адмиралтейском дворе. Руководителем данного учреждения являлся окольный Александр Петрович Протасьев, в декабре 1696 г. назначенный на должность адмиралтейца, хотя номинально главой Государева разрядного шатра был царь Петр I (о чем говорит и само название учреждения). За несколько лет, на протяжении которых существовал ГРШ – с 1697 по 1700 гг. – он превратился, помимо своего прямого предназначения, в главный административный, а также судебный орган Воронежского края.

В одном из фондов Государственного архива Воронежской области² сохранилось множество рукописных документов (переписка с разными должностными лицами, памяти, челобитные, отписки и пр.), на основании которых можно проанализировать делопроизводительную деятельность ГРШ. Характерно, что в документах приказного делопроизводства большинство реквизитов еще не выделено из текста, т.е. обращение, адресат, дата документа, обозначение автора и др. и собственно содержание документа составляли один сплошной текст. Как правило, документ начинался с обращения, даты или обозначения автора и адресата документа. Обширное место в указанном архивном фонде занимает переписка адмиралтейца А.П. Протасьева с воеводами Центрального Черноземья. Власть адмиралтейца была выше воеводской, и по этой причине руководители уездов должны были беспрекословно выполнять любое поручение А.П. Протасьева, являвшегося исполнителем воли и идей Петра I. Об этом свидетельствовал соответствующий царский указ. Воеводам и приказным людям тех городов, в которые будет писать адмиралтеец А.П. Протасьев или «в который город для чего кого пришлет», приказывалось по тем его отпискам «в том корабельном и иных морских судов деле ему быть послушным» [1, с. 501]. Переписка ГРШ и воевод носила следующий характер. Из ГРШ воеводам регулярно посылали указы, в которых их информировали о предстоящих задачах. Писались эти указы от имени царя, начинались с указания даты и адресата. Например, «Лета 7206 года сентября в 27 день по указу великого государя царя и великого князя... самодержца в Костенск Родиону Ивановичу Осанову». Указы состояли из двух частей: а) это изложение дела (проблемы), как правило, обозначенной в каком либо документе, поступившем в ГРШ, ответ на какую-либо отписку, челобитную; б) резолютивная часть, говорившая о том, что надо сделать по тому или иному вопросу, поставленному в присланном документе. В самом конце листа или на обороте стояла фамилия дьяка, его составившего. Например, «припись

² ГАВО. Ф. И-181. Государев разрядный шатер.

дьяка Осипа Иванова». Воеводы же, в свою очередь, присылали в ответ отписки, отчитываясь, таким образом, о проделанной работе. Начиналась отписка следующим образом: «Великого государя... самодержца окольникову Александру Петровичу Протасьеву с товарищи...». В случае, если у воевод возникали сложности и требовались дополнительные указания, отписка в своем завершении содержала вопрос: «и о том... окольников Александр Петрович Протасьев с товарищи что укажешь». Таким образом, отписки воевод, адресованные адмиралтейцу А.П. Протасьеву и представляющие собой ответ на указы из ГРШ – это практически всегда ответ на конкретный вопрос или ситуацию.

Первоочередной задачей, стоявшей перед теми, кто отвечал за строительство флота, было обеспечение кораблестроения работными людьми. Это была непосредственно обязанность воевод, уезды которых находились в эпицентре данного мероприятия. Данная задача вышла на первое место к осени 1697 г., когда были распределены основные обязанности и назначены конкретные исполнители по постройке флота, а также описаны и отведены под строение леса думным дворянином И.П. Савеловым и дьяком Н. Павловым. ГРШ координировал эту работу. Из столичного Разрядного приказа рассылались по уездам грамоты, в которых оговаривалось, кого именно, сколько и к какому сроку воевода обязан был прислать в Воронеж для кораблестроительных работ. Копия этой грамоты направлялась в ГРШ адмиралтейцу А.П. Протасьеву, данными которой и оперировали в дальнейшем при составлении указов его служащие. В том случае, если воевода затягивал с высылкой людей или же количество присланных людей не соответствовало указанному, в ГРШ составлялся указ, который направлялся воеводе. Таким образом, «разрядка» о высылке из уездов необходимого количества работных людей исходила из Москвы из Разрядного приказа, а в Воронеже ГРШ организовывал ее исполнение, ведя для этого активную переписку с воеводами. Так, воевода г. Костенска³ Р. Осанов в отписке, адресованной адмиралтейцу А.П. Протасьеву, сообщает о том, что 24 сентября 1697 г. им получен указ «великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца с Воронежа от тебя, окольникового Александра Петровича (Протасьева. – А. П.) за приписью дьяка Осипа Иванова», в котором ему приказывалось «вместо беглых

³ Ныне село Костёнки в Хохольском районе Воронежской области.

крестьян и бобылей, которые после переписных книг [7]186 году⁴ из-за кого бежали, собрать в прибавку к воронежским посошным людям, чего недослано из Костенска в указное число, к костенским к 16-ти человекам Костенского уезду с помещиков и вотчинников и с монастырских и церковных крестьян и бобылей работных людей 87 человек, для того что *те бобыли написаны в переписных книгах [7]186 году за ними и подать всякие числятца с них* (курсив мой. – А.П.)»⁵.

Указы ГРШ содержали требования обязательного сопровождения работных людей на всем пути их следования. По прибытии в Воронеж им устраивался смотр, на котором адмиралтеец либо дьяки ГРШ проверяли соответствие содержания именной росписи, полученной от воеводы, с реальным количеством работных людей.

Практически всегда после проведенного смотра прибывших из уездов работных людей, воеводам направлялся повторный указ, причиной которого была невысылка положенного количества людей. Тот же костенский воевода Родион Осанов в сентябре 1697 г. прислал «на Воронеж» вместо 87-ми человек всего лишь одного (!), «а 86-ти человек от тебя не прислано, и как к тебе сей великого государя указ придет, и ты б по прежнему и по сему ВГ указам, собрав <...> 86 человек <...> выслал тотчас»⁶. Такое печальное положение дел заставляло дьяков ГРШ, составлявших указы для воевод, проявлять особую твердость и даже прибегать к угрозам, требуя от них «... выслать работных людей тотчас безо всякого задержания, а буде ты тех людей своим нерадением и оплошью на Воронеж вскоре не вышлешь, и за то тебе быть от великого государя в опале и в разоренье безо всякого милосердия и пощады и доправлена на тебя будет пеня большая». В некоторых случаях указывалась даже сумма пени⁷. Подобного рода приписка в конце документа сопровождает указ практически к каждому воеводе. Тех, кого находили, высылали обратно на работы. Причем воевода обязан был сообщить адмиралтейцу, подав в ГРШ отписку, информацию о том, кого именно сыскали, к кому именно на работы отвели, и кто из подьячих «над работными людьми у досмотру будет».

⁴ Имеется в виду Переписная книга 1678 г., данными которой служащие ГРШ, видимо, по информации от своих столичных коллег, были прекрасно осведомлены и коими оперировали в своих указах к руководителям уездов.

⁵ ГАВО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Осенью 1697 г. землянскому воеводе Ф. Голенищеву-Кутузову угрожали пеней в размере 500 руб. в том случае, если он не разыщет подьячего землянской приказной избы С. Скулова, который скрывался от высылки в Воронеж «в своей деревне». См.: ГАВО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

В роли сопровождающих или провожатых могли одинаково выступать как подьячие местных приказных изб, так и подьячие ГРШ. Если в уезд за работными людьми направлялся подьячий ГРШ, ему давалась память. В этом случае память составлялась от имени царя и содержала указания о месте и цели поездки служащего. К примеру, «Лета 7206 (1697) года сентября в 28 день по указу великого государя... память подьячему Понкрату Шамаеву. Ехать ему в Землянск⁸ к воеводе к Феоктисту Голенищеву-Кутузову, а приехав, подать ему указ, каков послан с Воронежа великого государя из шатра, а подав, взять ему у него, Феоктиста, к корабельному и брегантирному делу и адмиралтецкого двора строению землянцев городской службы 400 человек с топоры и с лошадьми и с телеги и с запасы, а взяв тех людей, привезти ему с собою на Воронеж <...> и объявить их великого государя в шатре окольниковому Александру Петровичу Протасьеву с товарищи»⁹.

В ГРШ в большом количестве поступали челобитные по самым различным вопросам и адресованные либо царю, либо Протасьеву. Начинались они следующим образом: «Великому государю... челом бьет...», или же «Великого государя... самодержца... окольниковому Александру Петровичу с товарищи». При обращении к великому государю служилые люди писались холопами («бьет челом холоп твой»); посадские люди и крестьяне, их жены, вдовы и дети – сиротами; духовные лица – богомольцами. Изложение просьбы в челобитной заканчивалось традиционной формулой: «...вели государь...» или «царь-государь, смилуйся пожалуй...». Сама же челобитная завершалась заверительной надписью: «К сей челобитной Калининка Парамонов руку приложил».

Чаще всего челобитные, поступавшие в ГРШ, были связаны с кораблестроительными работами: разбирали споры подрядчиков с кумпанствами о неуплате жалованья со стороны последних или о невыполнении работ со стороны первых, случаи злоупотребления воевод при высылке «на Воронеж» местного населения, когда вместо трудоспособных высылали немощных и дряхлых стариков либо малолетних детей, а здоровых укрывали по той причине, что они дали воеводе взятку и т.д. и т.п.

К тому же, сосредоточение на сравнительно небольшом пространстве огромного по тому времени количества работных людей и солдат, неизбежно должно было приводить к росту преступности.

⁸ Ныне одноименное село в Семилукском районе Воронежской области.

⁹ ГАВО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

Однако в скором времени ГРШ призван был, помимо своего основного предназначения, разбирать жалобы по уголовным делам и судебным тяжбам на территории Черноземья. ГРШ действовал именем царя Петра I, чем не преминуло воспользоваться местное население, обращаясь в Шатер по делам, с кораблестроением никоим образом несвязанным. Например, в декабре 1697 г. воронежский посадский человек Крисанка Путин подал в ГРШ челобитную, в которой обвинял Никитку Сахарова и его жену Дарью в том, что они составили подложную купчую на двор, купленный ранее К. Путиным у Прасковьи Елисейевой за 50 руб., и выгнали его с этого двора, предварительно ограбив¹⁰.

Приступая к разбору челобитных, в стенах ГРШ проводили между истцами и обвиняемой стороной очные ставки, допросы, документально фиксируя при этом расспросные речи. В качестве итога рассмотрения поступавших от населения жалоб выносили решения (приговоры). Приговоры имели следующую форму: «Окольничей Александра Петрович Протасьев с товарищи, слушав сию челобитную, приказали...».

Случалось, что в ГРШ поступали уведомления, извещения о каких-либо событиях и фактах. Такие донесения фиксировались как явки и изветы. Подьячие выслушивали и записывали сказки – устные показания по различным вопросам. Они же оформляли «приводе» – делали запись о приводе в ГРШ какого-либо человека. Безусловно, что столь мелочный и кропотливый разбор каждой жалобы мешал основному делу – кораблестроению, отвлекая внимание служащих ГРШ от их главной обязанности.

Изучение разнообразной документации Государева разрядного шатра позволяет получить представление о компетенции этого учреждения. Проведенный анализ делопроизводственной документации ГРШ свидетельствует о том, что это был новый орган, созданный специально для решения новой задачи, но в соответствии с традициями приказной системы Русского государства XVI-XVII веков: в одном учреждении соединялась административная, финансовая, судебная и полицейская власть. Следствием этого стало многообразие делопроизводственных документов, среди которых наряду с организационно-распорядительными документами (указы, памяти) были информационные (отписки), а также документы, связанные с осуществлением судебной деятельности. Оформлялись документы в соответствии с присущими этой системе традициями оформления документов.

¹⁰ ГАВО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

1. *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. Приложения. СПб., 1864. Ч. 2.

УДК 94(47).06

С.В. Черников¹

Чины государева двора в составе правящей элиты 1725-1730 гг.²

Государев двор; генералитет; правящая элита.

В статье рассматривается роль представителей государева двора в процессе формирования элиты 1725-1730 гг. Автор приходит к выводу о преемственности механизмов обновления правящего слоя.

История правящей элиты России представляет значительный научный интерес. Основное внимание историков уделялось периоду до XVIII в., сравнительно меньшее – эпохе петровских реформ, а последующий этап развития правящего слоя до настоящего времени почти не изучен. Единственными специальными работами по этой теме остаются труды Б. Михан-Уотерс о «генералитете» 1730 г.

Данная статья посвящена роли представителей государева двора в формировании элиты 1725-1730 гг.³ По нашим подсчетам, в состав правящего слоя входило 284 человека, в том числе 89 иностранцев (31 %) и 195 русских (69 %). Из них в думных, высших дворцовых и

¹ Черников Сергей Васильевич, Липецкий государственный технический университет (РФ, Липецк), к.и.н.; zserg72@gmail.com.

² Работа выполнена при поддержке стипендиальной программы Германского исторического института в Москве (DHI Moskau).

³ В состав правящей элиты включены члены Верховного тайного совета, сенаторы, руководство центральных и губернских учреждений, лица, состоявшие на действительной службе в чинах 1-5 классов Табели о рангах. Основные источники: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 36, 38, 81, 101, 168; Ф. 20. Оп. 1. Кн. 20, 21, 61, 219; Ф. 199. Портф. 240. Д. 15-16; Ф. 248. Кн. 21, 33, 46, 380, 387, 391, 413, 421, 424, 428, 605, 606, 608, 689, 768, 985, 1088, 1155, 1353, 1933-1942, 1947, 1950-1952, 6416; Ф. 286. Оп. 1. Кн. 45, 49, 63, 75, 82, 106, 108, 117, 119, 122, 125, 133, 143, 167, 170, 181, 182, 208, 216, 222, 238, 239, 245, 260, 262, 310, 331, 418, 419, 421; Ф. 350. Оп. 3. Кн. 1; Ф. 210. Оп. 21. Кн. 1087; Оп. 22. Кн. 209; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Кн. 7134, 7339, 7386-7388, 7395; Ф. 490. Оп. 2. Кн. 6-8, 13, 20, 21, 33-35, 37, 38, 41, 42, 44, 45, 47, 50-53, 55, 56, 58.

московских чинах служило 119 лиц, т.е. 61 % русской части элиты (таблица 1)⁴.

Таблица 1. «Старые» чины в составе элиты 1725-1730 гг., лиц (%)

Чины	армейские	морские	статские	придворные	итого	смотр начала 1720-х гг.**
боярин	1 (1)	–	2 (4)	–	3 (3)	–
кравчий	–	–	–	1 (25)	1 (1)	–
окольничий	–	–	1 (2)	–	1 (1)	–
постельничий	–	–	1 (2)	–	1 (1)	–
комнатный стольник	17 (23)	2 (100)	12 (24)	1 (25)	26 (22)	34
царедворец*	1 (1)	–	–	–	1 (1)	–
стольник	31 (42)	–	20 (40)	1 (25)	50 (42)	1505
стряпчий	1 (1)	–	2 (4)	–	3 (3)	929
дворянин московский	–	–	–	–	–	626
дьяк	–	–	4 (8)	–	4 (3)	–
жилец	22 (30)	–	8 (16)	1 (25)	29 (24)	1998
всего в «старых» чинах	73 (100)	2 (100)	50 (100)	4 (100)	119 (100)	–
всего в элите 1725-1730 гг.**	110 (66)	14 (14)	68 (74)	25 (16)	195 (61)	–

* Чины от жильца до стольника включительно.

** В скобках доля лиц, носивших «старые» чины.

*** Общая численность по данным смотра начала 1720-х гг. (неполные сведения)⁵.

Как видим, власть отдавала явное предпочтение комнатным стольникам – одному из самых влиятельных придворных чинов [7, с. 65-78; 6, с. 326-327, 363, 412-417]. Узкая по составу группа дала 26 представителей правящего слоя 1725-1730 гг. (22 %). Больше всего в элите было стольников (50 человек, 42 %) и жильцов (29 человек, 24 %). Значительное число стольников не удивительно. Это был «массовый» и одновременно видный по генеалогическому составу

⁴ Трое из них не имели «генеральских» рангов (стольник Н.А. Кудрявцев, комнатный стольник П.Е. Лодыженский, жилец И.Я. Новосильцев).

⁵ См.: [6, с. 491; 3, с. 146]; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 4. Л. 176-176 об. В 1713 г. было 97 комнатных стольников, из них 55 находились «у дел», а 42 – «не у дел».

чин. Именно стольники во второй половине XVII в. являлись главным резервом пополнения Думы и поставляли из своей среды основную часть воевод, приказных судей и дипломатов [5, с. 236, 239; 6, с. 323-326, 357, 417-426]. Высокая численность жильцов была связана с их сравнительной молодостью [6, с. 254, 338, 340]. На начало периода (1725 г.) среди комнатных стольников было лишь 30 % лиц моложе 50 лет, среди стольников – 33 %, а среди жильцов – 53 %. Полное отсутствие дворян московских и незначительное число стряпчих также объясняется демографическими причинами. По традиции в дворянах московских служили люди зрелого возраста [6, с. 252, 430], а средний возраст троих стряпчих, вошедших в элиту 1725-1730 гг., был близок к преклонному и составлял 62 года.

Модели социального поведения представителей государева двора сильно отличались в зависимости от типа чина. Так, армейские (66 %) и статские чины (74 %) демонстрировали очень высокую преемственность «старой» и «новой» иерархий. Напротив, среди морских (14 %) и придворных чинов (16 %) этот показатель был низким.

В числе генералов 1725-1730 гг. служили боярин (1) кн. И.Ю. Трубецкой, комнатные стольники (17) гр. А.М. Апраксин, И.И. Бутурлин, кн. М.М. старший Голицын, И.М. Головин, кн. И.Г. Долгоруков(?)⁶, И.П. Измайлов, С.А. Колычев, кн. Б.И. Куракин, М.А. Матюшкин, С.Г. Нарышкин, А.И. Панин, кн. А.И. Репнин, С.А. Салтыков, кн. Ю.Ю. Трубецкой, В.П. Шереметев, кн. М.Ю. и О.И. Щербатовы, стольники (31) А. Астафьев, П.И. Бутурлин, И.Л. и П.Л. Воейковы, И.И. Дмитриев-Мамонов, кн. В.В. Долгоруков, В.Н. Зотов, Л.Г. Исупов, И.С. Караулов, В.Д. Корчмин, Г.С. Кропотов, П.И. Лачинов, М.И. Леонтьев, И.А. Менгден, И.П. Мерлин, И.В. Панин, А.К. Петров-Солово, П.Т. Савелов, У.А. Сенявин, Г.Г. Скорняков-Писарев, Л.Я. Соймонов, кн. И.В. Сонцов-Засекин, С.И. Сукин, А.И. Тараканов, В.Н. Татищев(?)⁷, И.М. Тургенев, С.Т. Хлопов, А.И. и Г.П. Чернышевы, кн. И.Г. Шаховской, кн. Г.Д. Юсупов, стряпчий (1) Д.И. Титов, жильцы (22) А.П. Арсеньев, Н.М. Вадбольский, С.Л. Вельяминов, кн. А.И. Волконский, И.М. Волынский, кн. В.М. Вяземский, И.М., М.Т. и С.Т. Грековы, И.М. Денисьев, А.Г. Загряжский, П.В. Измайлов, Ф.И. Козлов, И.И. Кропотов, В.Я. Левашов, И.М. Лихарев, кн. С.Ф. Мещерский, Г.Я. Наумов, В.И. Порошин, Ф.А. Шепелев, Н.М. Шипов, И.М. Шувалов, царедворец (1) Д.Ф. Еропкин (всего 73 человека).

⁶ Генерал-майорский «ранг».

⁷ Не ясно армейский или артиллерийский полковник.

В статских чинах служили бояре (2) гр. П.М. Апраксин, гр. И.А. Мусин-Пушкин, окольный (1) гр. А.А. Матвеев, постельничий (1) гр. Г.И. Головкин, комнатные стольники (12) гр. Ф.М. Апраксин, кн. Д.М. Голицын, кн. И.Г. Долгоруков, С.А. Колычев, кн. Б.И. Куракин, кн. В.Ю. Одоевский, И.С. Потемкин, кн. А.И. Репнин, Ю.А. Ржевский, кн. И.Ф. Ромодановский, гр. П.А. Толстой, кн. А.М. Черкасский, стольники (20) П.М. Бестужев-Рюмин, А.Ю. Бибииков, И.И. и П.И. Вельяминовы-Зерновы, кн. В.И. Гагарин, А.И. Дашков, кн. А.Г., В.Л. и М.В. Долгоруковы, Ю.С. Нелединский-Мелецкий, Б.И. Неронов, В.К. Павлов, А.Л. и И.Н. Плещеевы, А.Т., П.Т. и Т.Т. Савеловы, М.М. Самарин, М.А. Сухотин, В.Н. Татищев, стряпчие (2) Ф.Л. Вельяминов-Зернов, Г.Т. Ергольский, дьяки (4) М.П. Аврамов, Ф.С. Мануков, А.С. Маслов, И.Д. Позняков, жильцы (8) А.П. Арсеньев, И.В. Болтин, С.Л. Вельяминов, М.Ф. Воейков, А.К. Зыбин, И.И. Кропотков, А.А. Мякинин, В.Я. Новосильцев (всего 50 человек).

Состав армейских и статских чинов был близок по структуре: стольников здесь насчитывалось 42 % и 40 %, комнатных стольников – 23 % и 24 %, соответственно. Но есть и отличия. Предсказуемо, что все дьяки служили именно в статских чинах. Кроме того, статские чины обладали более высоким происхождением: удельный вес думных и старших дворцовых чинов среди статских был выше, чем в генералитете (8 % против 1 %), а доля представителей самого младшего и худородного чина – жильцов – вдвое ниже (16 % против 30 %). К тому же выводу можно прийти если сравнить долю представителей «думных фамилий» XVI-XVII вв.⁸ Среди статских чинов их было 55-70 %, а среди генералитета – лишь 43-51 %⁹.

Из высших морских чинов в составе государева двора служили только двое – комнатные стольники гр. Ф.М. Апраксин и И.М. Головин, а среди придворных четверо – кравчий В.Ф. Салтыков, комнатный стольник гр. А.М. Апраксин, стольник кн. А.Г. Долгоруков и жилец В.М. Арсеньев. Доля представителей «думных фамилий» также была относительно низкой: 29-44 % и 25-53 %, соответственно. Флагманами и капитан-командорами русские служили сравнительно редко (1/3 морского командования), а трудности при обучении национальных кадров вынуждали власть терпимо относиться к продвижению на флоте худородного дворянства. Низкие показатели по придворным чинам объясняются молодостью этого слоя, сложившегося в основном в период правления юного Петра II: старше 50 лет были лишь 19 %

⁸ Фамилии, представители которых до 1689 г. служили в любом из четырех думных чинов.

⁹ Доля от численности русских представителей.

придворных (армейские чины – 45 %, статские – 54 %, морские – 64 %).

В заключение обратимся к вопросу о преемственности правящих элит Московского государства (думных чинов XVI-XVII вв.) и императорской России 1725-1730 гг. («генералитета»). Из 284 лиц, входивших в правящий слой изучаемого периода, к традиционной элите (думным фамилиям) относилось 94 человека (33 %), остальные 190 (67 %) являлись новыми людьми, вошедшими в элиту лишь в XVIII в. Среди последних были как русские (главным образом, московские чины и их потомки) – 101 человек (36 %), так и иноземцы – 89 (31 %). Значительное обновление правящего слоя очевидно, и это не позволяет полностью согласиться с позицией Б. Михан-Уотерс [2, р. 161, 163]. На наш взгляд, преемственность правящего слоя Московского государства и Российской империи заключалась не в преобладании «старой элиты» в «генералитете» XVIII в., не в том, что «представительство высшей знати» здесь было «подавляющим по сравнению с другими нетрадиционными социальными группами» (А.Н. Медушевский) [4, с. 26] и не в «укреплении влияния старомосковских боярских семей» (Дж. Хоскинг) [1, р. 205]. Как видим, всего этого не наблюдалось. Главным показателем отсутствия разрыва между XVII и XVIII вв. стал эволюционный механизм обновления правящего слоя, уходящий корнями в царствование Алексея Михайловича. Во-первых, выходцы из думных фамилий остались ядром элиты петровского и послепетровского времени. Во-вторых, вхождение в состав элиты представителей московских дворян и иноземцев было следствием процессов, которые зримо оформились еще во второй половине XVII в. Так, вертикальная социальная мобильность позволяла городским дворянам активно пополнять нижние чины двора, а десяткам представителей высших московских чинов получать назначения в Думу. Армейская иноземная иерархия и привлечение иностранцев к военному командованию стали частью российской действительности в то же самое время. Петровские реформы позволили этим тенденциям найти логическое завершение, итогом чего стало обновление правящего слоя и его консолидация вокруг традиционной элиты московской эпохи.

1. *Hosking G.* Russia and Russians: A History. Cambridge, 2003.
2. *Meehan-Waters B.* Autocracy and aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, New Jersey, 1982.
3. *Захаров А.В.* Неизвестная подлинная копия боярского списка 1714 г. // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 23. История. Вып. 33.

4. *Медушевский А.Н.* Государственный строй России периода феодализма (XV-XIX вв.). М., 1989.
5. *Павлов А.П.* Государев двор в истории России XVII века // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2000. Bd. 56.
6. Правящая элита Московского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории. СПб., 2006.
7. *Седов П.В.* Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб., 2008.

УДК 94(47).04

М.А. Зинько¹

Формирование крупной княжеской вотчины во второй половине XVI – второй четверти XVII вв. (на примере князей Телятевских)

Крупная княжеская вотчина; мобилизация землевладения; князья Телятевские.

Статья посвящена мобилизации вотчинного землевладения князей Телятевских. Автором выявлен процесс создания и укрепления крупной вотчины в XVI–XVII вв. тремя поколениями княжеского рода.

В отечественной историографии высказывалось мнение, что «основной характерной чертой» княжеской вотчины в XVI в. являлось «медленное распадение» [19, с. 3]. Уточнить этот вывод позволяет изучение мобилизации крупного княжеского вотчинного землевладения на примере князей Телятевских – представителей первой линии младшей ветви рода князей Микулинских, принадлежавших к тверским Рюриковичам. В научной литературе упоминалось о вотчинах князей Телятевских [6, с. 412; 8, с. 10; 9, с. 180–181; 19, с. 51; 20, с. 167–168], однако специальное исследование формирования с локализацией их вотчинных комплексов осуществлены нами впервые.

Князья Телятевские утратили родовые вотчины на территории бывшего удельного Микулинского княжества, включенного в состав Русского государства в 1485 г., в начале XVI в. и в середине этого столетия вотчинной земли почти не имели². Однако не позднее 11 марта 1566 г.³ князь Андрей Петрович Телятевский, пользовавшийся доверием царя Ивана IV Васильевича [2, № 289, с. 354, ящик 223; 15, №

¹ Зинько Мария Алексеевна, Научное издательство «Большая Российская энциклопедия» (РФ, Москва), к.и.н.; mazinko@yandex.ru.

² Ср.: [18, с. 123, л. 93 об.; 3, отд. II, с. 29, л. 6]; ОР РГБ. Ф. 303/Л. Кн. 530. Москва. № 82. Л. 99–99 об.

³ Ср.: [7, № 103, с. 424]; РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Суздаль. Д. 52/11831. Л. 3, 7.

174, с. 474–475], получил от государя в качестве пожалования в вотчину в Стародубском уезде село (сельцо) Сарыево близ р. Тара, правого притока р. Клязьма⁴.

Вдова князя А.П. Телятевского, скончавшегося в 1568 г., княгиня Ксения не позднее 1571 г.⁵ обменяла Сарыево на села (сельца) Петрово Городище на р. Нерль⁶ и Колбацкое на р. Теза⁷ в Суздальском уезде. 15 июня 1576 г. за «150 рублей» [4, с. 83, л. 295 об.] княгиня Ксения получила от Троице-Сергиева монастыря село Никольское на р. Шоша⁸ в Тверском уезде. Впоследствии акт передачи села монастырем князьям Телятевским подтверждался⁹.

Из записи во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1673 г. можно заключить, будто переданные обители в 1575/76 г. княгиней К. Телятевской земельные владения в Дмитровском уезде принадлежали покойному князю А.П. Телятевскому, по душе которого, в частности, и делался вклад [4, с. 86, л. 305]. Однако текст данной грамоты опровергает это предположение: вклад княгиней Ксенией осуществлялся по душам своих родителей, а имя князя А.П. Телятевского упоминалось лишь в первой строке как обозначение, чьей вдовой являлась вкладчица¹⁰.

Деятельность княгини К. Телятевской по увеличению вотчинных владений продолжил ее младший сын князь Андрей Андреевич. В начале царствования Федора Ивановича он получил по «даче» Троице-Сергиева монастыря, подтвержденной царской грамотой, село (сельцо) Алабышево на р. Сходня Московского уезда [11, № 3, с. 59,

⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 47. Л. 54. Дача № 338; Там же. Ф. 1357. Оп. 2. Д. 4. Ряд III. Л. 5. Дача № 338; [13, т. VI, с. 146, № 3868]. Ныне центр Сарыевского сельского поселения Вязниковского района Владимирской области.

⁵ Ср.: РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Москве. № 32739. Л. 257 (первоначально в рукописи название села было написано верно как «Сараево», затем исправлено – на «Сарзево»); Там же. Ф. 281. Оп. 17. Суздаль. Д. 83/11862. Л. 1; Там же. Ф. 1209. Кн. 11317. Л. 863 об.–864; Л. 1077–1077 об.; Кн. 11319. Л. 604–608 об.

⁶ Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 69. Л. 57. Дача № 371; Там же. Ф. 1357. Оп. 2. Д. 4. Ряд II. Л. 3. Дача № 371; [13, т. VI, с. 199, № 5291]. Ныне село Петрово-Городище Петровского городского поселения Гаврилово-Посадского района Ивановской области.

⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 74. Л. 56. Дача № 415; Там же. Ф. 1357. Оп. 2. Д. 4. Ряд II. Л. 4; [13, № 176, № 6, б), стб. 720–722; 16, т. VI, с. 213, № 5698]. Ныне поселок Колбацкое Ивановского района Ивановской области.

⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1731. Л. 116 об. Дача № 1083; [17, V, л. 8, дача № 1083; 16, т. LXIII, с. 386, № 11575]. Ныне деревня Степурино сельского поселения Старицкого района Тверской области.

⁹ Ср.: ОР РГБ. Ф. 303/1. Кн. 628. Л. 242; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 467. Л. 100 об.; Там же. Кн. 875. Л. 156 об.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 303/1. Кн. 532. Дмитров. № 120. Л. 524 об–525.

№ 4, с. 148]¹¹. В 1588/89 г. Федор Иванович пожаловал князю А.А. Телятевскому в Тверском уезде село Ошурково на р. Жабня и $\frac{1}{3}$ г. Микулин на р. Шоша¹². По-видимому, тогда же князь А.А. Телятевский стал владельцем¹³ села Петровское на р. Мошница¹⁴ в этом же уезде.

Сразу же после смерти князя А.А. Телятевского в 1611 г. его вдова княгиня Мария Никитична, урожденная Годунова (троюродная сестра царя Бориса Федоровича Годунова) [10, с. 78. Л. 136/124], добилась закрепления за собой и своими детьми вотчинных земель покойного мужа, получив «государевы грамоты» [14, № 2, с. 49, л. 43].

В 1616/17 г. единственный сын князя А.А. Телятевского князь Федор Андреевич, сильно нуждавшийся в деньгах [1, № 12, с. 18, 19], продал село Петрово Городище Льву и Ивану Афанасьевым детям Плещеева¹⁵ – братьям своей невесты или жены Татьяны [10, с. 87–88, л. 152 об./140 об.]. В 1622/23 г.¹⁶ за так называемое Московское осадное сиденье 1618 г. царь Михаил Федорович пожаловал князю Федору Андреевичу в вотчину часть его поместья в Ростовском уезде¹⁷. В начале 1630-х гг. князь Федор Андреевич вернул в собственность село Петровское, ранее отданное в приданое за сестрой князю Ивану Андреевичу Голицыну¹⁸; в 1634/35 г. выкупил у государства оставшееся $\frac{2}{3}$ запустевшего Микулина¹⁹; вероятно не ранее второй половины 1630-х гг.²⁰, приобрел²¹ в вотчину село Дорожаево²² близ р. Шоша в Тверском уезде, примерно в 8 км на юго-восток от Ошурково.

¹¹ Ныне поселок городского поселения Андреевское Солнечногорского района Московской области.

¹² РГАДА. Ф. 1209. Кн. 875. Л. 51. Ныне село Микулино сельского поселения Микулинское Лотошинского муниципального района Московской области.

¹³ Ср.: РГАДА. Ф. 1209. Кн. 467. Л. 46; Кн. 872. Л. 61–65, 65–65 об.; Кн. 873. Л. 77 об–79; [1, № 12, с. 18].

¹⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1738. Л. 115 об. Дача № 922; [12, с. 231, л. 557 об.; 17, VII, л. 3, дача № 922; 16, т. LXIII, с. 18, № 491]. Ныне село Верхневолжского сельского поселения Калининского района Тверской области.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11317. Л. 863 об–864.

¹⁶ Там же. Кн. 10752. Л. 1239 об.

¹⁷ Там же. Л. 1232 об.–1240.

¹⁸ Там же. Кн. 5976. № 48. Л. 842–857 об.

¹⁹ Там же. Кн. 875. Л. 51–51 об.

²⁰ Н.Г. Головин, ссылаясь на писцовую книгу 1628–1630 гг., утверждал, что покупка имела место в 1637 г., однако таких данных в источнике нами не обнаружено [5, с. 67].

²¹ Ср.: РГАДА. Кн. 467. Л. 97; Там же. Кн. 875. Л. 403; ОР РГБ. Ф. 303/Л. Кн. 628. Л. 244 об., 245 об.

²² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1731. Л. 119 об., 120. Дача № 1111; [17, V, л. 9, дача № 1111; 16, т. LXIII, с. 160, № 5046]. Ныне село сельского поселения Дорожаевское Зубцовского района Тверской области.

Большинство земель, приобретаемых князьями Телятевскими, исторически было связано с вотчинным землевладением рода князей Микулинских. Села Никольское, Ошурково и Петровское и г. Микулин, являвшийся центром бывшего удельного Микулинского княжества, принадлежали четвероюродным дедам князя А.А. Телятевского – князьям Семену и Дмитрию Ивановичам Микулинским, село Алабышево находилось в вотчине князя Семена Федоровича Алабышева – четвероюродного брата прадеда князя А.А. Телятевского, князя Ивана Михайловича Телятевского, и мужа четвероюродной сестры деда, князя Петра Ивановича Микулинского, – княгини Анастасии Васильевны, урожденной княжны Микулинской²³.

Итак, исследование мобилизации вотчинных владений князей Телятевских позволяет заключить, что процесс создания этими князьями новых крупных комплексов вотчинных владений начался не позднее второй трети XVI в. и продолжался до середины 1630-х гг. В расширении крупной княжеской вотчины участвовало три поколения рода, заметную роль при этом играли жены князей Телятевских. Предпринимались ли князьями Телятевскими попытки вернуть свои бывшие вотчинные владения, неизвестно. Вместе с тем, князья Телятевские проявляли особое внимание к вотчинам, до перехода во владение царя и Троице-Сергиева монастыря принадлежавшим другим представителям рода князей Микулинских. Это, очевидно, свидетельствует о стремлении князей Телятевских подчеркнуть свою принадлежность к единому роду князей Микулинских. Способы создания вотчинных комплексов князей Телятевских были разнообразны: царское пожалование, обмен, покупка, получение во временное владение завещанных монастырю земель. Сделки князьями Телятевскими по обмену и покупке совершались с государством, по получению земли во временное владение – с его разрешения. Продажа носила вынужденный характер, покупателями выступали свойственники. Таким образом, во второй половине XVI – первой половине XVII вв. на примере князей Телятевских удалось изучить процесс создания и последующего укрепления крупной княжеской вотчины.

1. Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. М., 1913. Т. I.

²³ В 1555 г., после кончины князя С.Ф. Алабышева, Алабышево как «селцо Офонасьевское з деревнями» было передано царем Иваном IV Васильевичем в Троице-Сергиев монастырь по душе покойного в соответствии с его завещанием. Ср.: ОР РГБ. Ф. 303/1. Кн. 530. Москва. № 61. Л. 81–81 об.; Там же. Ф. 304/1. Кн. 821. Л. 46–46 об, 106 об; [4, с. 104, л. 373(а)].

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1.
3. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. М., 1861. Кн. 3.
4. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
5. [Головин Н.Г.] Микулинская летопись, составленная по древним актам от 1354 до 1678 года. М., 1854.
6. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.
7. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
8. Мятлев Н.В. Родословные заметки // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 1. Заметки. Вопросы и ответы.
9. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.
10. Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
11. Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. I.
12. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005.
13. Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. СПб., 1875. Т. 2.
14. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. М., 1911. Вып. 8.
15. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 174.
16. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. По сведениям 1859 года. СПб., 1863. Т. VI; СПб., 1862. Т. LXIII.
17. Топографический межевой атлас Тверской губернии, составленный в 1848 и 1849 годах чинами межевого корпуса и топографами военного ведомства под наблюдением Генерального штаба генерал-майора Менде. М., 1853.
18. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.
19. Шватченко А.О. Вотчинное землевладение в России в конце XVI века. М., 2008.
20. Шватченко А.О. Светские феодальные вотчины России первой трети XVII века. М., 1990.

Морские суда в хозяйстве усолій Соловецкого монастыря в середине XVII в. (по данным отводных книг усолій)

Соловецкий монастырь; монастырское хозяйство; усолье; отводная книга; лодья.

В статье рассматривается морское хозяйство двух усолій Соловецкого монастыря в 50-е гг. XVII в. На основе отводных книг усолій показано наличие в усольях собственных морских судов.

Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь, основанный в XV в. на Соловецких островах Белого моря, с середины XVI в. являлся духовным, политическим и экономическим центром Поморья. Его истории, изучению его хозяйственной деятельности посвящено множество исследований. Однако вопрос о развитии морского хозяйства монастыря (флот, промыслы, инфраструктура) до конца XVII в. остается пока малоизученным. А ведь Соловецкий монастырь – единственный действительно морской монастырь в России, в жизни которого море играло ключевую роль.

Хозяйство монастыря, в том числе и морское, особенно расцвело благодаря деятельности игумена Филиппа (Колычева) и достигло пика своего развития в середине XVII в. В указанный период Соловецкий монастырь был одним из основных производителей соли в Поморье. В конце 60-х гг. XVII в. он владел 54 варницами в более чем двадцати усольях [6, с. 107-135].

Из усолій возили соль на продажу на соляные рынки, из некоторых усолій в монастырь ходили суда с хлебом², из монастыря привозили зерно и денежные средства³. Нельзя сказать, что исследователи не обращали внимания на эти транспортные операции. А.А. Савич подробно описывает перевозку соли в лодьях⁴ до Холмогор, далее в речных судах (насадах и дощаниках) на вологодский рынок по сухоно-двинскому пути, рассматривает размеры дощаников, оплату носников и кормщиков, говорит о наличии рыболовных тоней в

¹ Богомазова Анастасия Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп.; anabogomazova@yandex.ru.

² РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 2. Ед. хр. 17, 17 об.

³ СПБНИИ РАН. Колл. 2. (Актовые книги). № 131. Л. 2 об.

⁴ Лодья – самое крупное поморское судно, использовавшееся в основном для грузо-пассажирских перевозок [8, с. 21].

усолях [6]. В статье В.В. Брызгалова рассматривается проблема транспортировки соли из поморских усолей в Холмогоры в середине XVII в. [1]. Однако вопросы о том, на каких судах перевозили грузы и поддерживали связь с монастырем, были ли в усолях свои суда или они пользовались судами, приходящими из монастыря, либо наемными судами, в полной мере еще не исследованы.

Ответ на эти вопросы может дать изучение отводных книг усолей, составлявшихся при передаче имущества усолья от одного приказного старца другому. Монастырские отводные (отписные, описные) книги северных монастырей в настоящее время активно изучаются [2; 3; 4, с. 243-249]. Изданы описи Соловецкого монастыря XVI в. [4].

В архиве Соловецкого монастыря за первую половину – середину XVII в. сохранились отводные книги Куйского, Летнорецкого, Виремского, Пильскогубского, Фирсовского, Чернорецкого, Лямецкого, Пурнемского, Лудского, Ненокотского, Шуерецкого, Пияльского, Кушрецкого, Унежемского, Ньюхотского, Колежемского, Владыченского усолей.

Для данного краткого очерка ограничимся периодом 50-х – начала 60-х гг. XVII в. – временем накануне Соловецкого восстания, и проанализируем данные по небольшому Владыченскому и крупному Ненокотскому соляным промыслам Соловецкого монастыря. Ненокотское усолье находилось в Двинском уезде, а Владыченское – в Каргопольском.

Формуляр отводной книги усолья в общем совпадает с формуляром монастырской отводной книги. В начале дается преамбула, где названы игумен, келарь и казначей монастыря, по благословению которых производится описание, а также старец, описывающий имущество усолья, приказной старец, от которого усолье отводится, и приказчик, которому оно отводится. Далее следует описание имущества усолья: икон, жилых и хозяйственных построек, хлебных запасов, варниц и цренов, варнишной снасти, посуды, дров, телег, одежды, кож, коней, конской снасти, мельничной снасти, продуктовых запасов, рыболовных снастей, судов, рыбных запасов, денежных кабал, оставшихся после прежних приказчиков. В конце в большинстве отводных книг дается общая сумма, на которую описано имущество, и указаны имена целовальников, присутствующих при описании.

Соляные угодья, принадлежащие Соловецкому монастырю во Владыченской волости, были в XVII в. совсем невелики (две варницы) [6, с. 132]. По Владыченскому усолью за 50-е – начало 60-х гг. XVII в. сохранились отводные книги 1652 г. (от покойного приказчика старца

Захарья новому приказчику старцу Векентью)⁵, 1655 г. (от старца Викентия старцу Серапиону)⁶, 1662 г. (от старца Афонасия старцу Манасию)⁷. Данные о количестве судов и снастей, полученные из отводных книг, удобнее представить в виде таблицы.

Владыченское усолье

год	суда	судовая снасть
1652	3 лодки ветхих	Шейма ⁸ и завоз ⁹ ветхие; парус малой
1655	На берегу 2 лодки ветхие	Две шеймы, завоз; парус малой
1662	3 карбаса ¹⁰ подержанные купли старца Елизара, 2 карбаса ветхих	Ветхие урывки шеемные плотовых приемных веревок; парус держаный

Таким образом, морское хозяйство Владыченского усолья не было богатым и разнообразным. Среди судов в 50-х – начале 60-х гг. XVII в. не отмечено ни одной лодьи, суда и судовые снасти в основном ветхие. Видимо, для перевозки соли, выработанной в этом небольшом усолье, крупные суда были не нужны, а путь в Вологду или Холмогоры представлял затруднения [6, с. 131]. Хлебные запасы из Владыченского усолья в монастырь могли отправлять на монастырской лодье. Так, в 7148 г. (1639/1640 г.) старец Капитон «послал в монастырь при келаре старце Исаие Любимце на монастырской лодье с лодейным кормщиком Любимом ржи 200 чети да толокна 9 чети», «Да в монастырь на монастырской лодье послал с кормщиком Григорьем Полоротом ржи 150 чети»¹¹.

В Неноксе Соловецкому монастырю принадлежали обширные соляные угодья (к концу 60-х гг. XVII в. – 2 2/3 црена¹²), находящиеся «в исключительно благоприятных условиях: хороший соляной рассол и удобство доставки к главному транзитному пути – Северной Двине»

⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Ед. хр. 530.

⁶ Там же. Ед. хр. 531.

⁷ Там же. Ед. хр. 532.

⁸ Шейма – канат.

⁹ Завоз – небольшой якорь, с помощью которого судно тянут вперед, назад или в сторону.

¹⁰ Карбас – среднее по размерам судно.

¹¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Ед. хр. 529. Л. 17, 17 об.

¹² Црен – огромный железный ящик, или сковорода, в котором вываривалась соль.

[6, с. 99, 116]. По мнению А.А. Савича, «Ненокоцкое усолье было одним из наиболее продуктивных в соловецкой вотчине» [6, с. 118]. По Ненокоцкому соляному промыслу за рассматриваемый период сохранились отводные книги 1651 г. (составленная при отводе усолья от приказного старца Варсонофия старцу Елисею)¹³, 1654 г. (от старца Елисея старцу Саватию Обрютину)¹⁴, 1655 г. (от старца Саватия Обрютина старцу Ионе)¹⁵, 1659 г. (от старца Ионы соборному старцу Селивестру)¹⁶, 1661 г. (от соборного старца Селивестра старцу Марку)¹⁷, 1664 г. (от старца Марка старцу Фотию)¹⁸. Указанные отводные книги дают следующие данные о количестве судов в усолье и судовом оснащении.

Ненокоцкое усолье

год	суда	судовая снасть
1651	Павозок соловозной ¹⁹ , судно весновское с нашвами ²⁰ , 2 карбаса все ветошь, карбас держаной, павозок соловозной старца Варсонофья покупки, да лодья со всею снастью.	170 скоб лодейных; лодейная снасть: «три якори да парус, да шеима новая, да шеима ж, 2 заво-за, бечевка 50 сажен, завозец кубасной ²¹ , да коргового ²² завозу 60 сажен, верховой снасти 2 дро-га ²³ , возжи, 15 ног ²⁴ конковая, да поводец... все ветошь»; «да старца Варсонофья покупки два дрога, возжи».
1654	Павозок соловозной, 2 карбаса ветхих, да карбас тонской.	Парус павозочной, «да з битой лодьи старца Стефана да корм-щика Тита Шанги парус да 2 дрога, да возжи», парусенко ветхой. «Да ему ж отведено

¹³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Ед. хр. 1521.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 1522.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 1523.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 1524.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 1525.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 1526.

¹⁹ Павозок (паузок) – 1. Речное, вроде баржи, плоскодонное, крытое судно для перевозки грузов; 2. Бот при лодье, а также всякое небольшое судно, употребляемое для разгрузки больших судов и для перевозки грузов и дров через реку, с одного берега на другой [5, с. 117-118].

²⁰ Нашвы – нашитые, высокие борта [7, стб. 641].

²¹ Кубас – поплавок, привязываемый бечевкой к якорю, для обозначения места, где поставлен якорь [5, с. 76].

²² Корга – каменная отмель.

²³ Дрог (дрок) – снасть для поднятия паруса или рея [5, с. 40].

²⁴ Нога – ванга.

		лодейные снасти, что прежде старцу Елисею была отведена бес цены 3 якоря, шеима, 2 завоза, возжи, бечева и верховая снасть».
1655	«Павозок, что соль возят да 3 карбасишка езжалые ветхие...А в том павозке старец Саватия соль возил 2 лета».	Бечева судовая малая, «имки старца Саватия шеима новая, а по ево старца Саватия скаске весу-де в ней 5 пуд ²⁵ , цена 5 рублей». «Да что был отведен старцу Саватью елисиевское парусишко ветхое в 3-х рублях, и то парусишко со-борной старец Деонисей взял в монастырь».
1659	«Павозок, что соль возят, другой павозок грудцыньской»; 2 карбаса; лодья на ходу с лодейной снастью, дощаник на ходу со всей дощаничною снастью.	Обломок голени якорной весом пуд с четвертью; 2 паруса павозных ветхих, да грудцынь-ской парус ветхой дощаничной; дрог новой запасной, а весом 2 пуда с четвертью; 2 круга лодейные железные; шеима лодейная в полдерж, а в ней 37 сажень. Лодейная снасть: со всем с парусом и з дрогами, и с ногами, и с переметными, на лодьи три якоря болшей, да средней, да меньшей метной; шеима новая старца Саватия, другая подержанная, три завоза да бечева, да вожжы, да на коргу завоз ветошь, да <i>карбас лодейной</i> да матка ²⁶ , да фонарь. Да снасти на лодьи: напарья болшая, молот, багаи, крюк запасной переметной, ноги, 18 гвоздей, 2 кольца лодейные запасные, ско-бель, спица, два клина конопатных железных, калита запасная. Дощаничная снасть: парус, дрога-ми, ноги переметные. «Да на дощанике 2 якоря, шеима подержана, другая ветошь, завоз да бечева, да кубасная, да завоз, да матка, да дощаничные снасти, напарья, скобель, молот, 10 гвоздей, да <i>карбас</i> , фонарь».
1661	Лодья на ходу со всею лодейною снастью;	Лодейная снасть. Новые лодейные снасти покупки соборного старца

²⁵ 1 пуд = 16, 38 кг.

²⁶ Матка – компас.

	дощаник на ходу же со всею дощаничною снастью; «2 павозни соляных, в чем соль возят к лодьям».	Селивестра: якорь железной, да шеима подержана, да завоз новой. Дощаничная снасть ²⁷ . А также: «2 паруса павозных соляных да парус грудцынской, все ветчано», дрог новой весом 2 пуда, сопец ²⁸ запасной лодейной необмасте-реной, якорец малой покупка старца Селивестра.
1664	Павозок розбитой, да от другого павозка стороны, лодья на ходу со всею лодейною снастью; «Марковы покупки карбас новой», «карбас новой же дощанишной»; дощаник «ветчан со всею дощанишной снастью».	Сопец лодейной, 2 весла, раина ²⁹ , 4 курицы павозных, 2 набоя ³⁰ павозных болших новых 6 сажен. Лодейная снасть. «Да у тое ж лодьи павозок новой покупки старца Марка... Да якорь лодейной ево же покупки весом 2 пуда». «Да ево же Марковы покупки завоз новой весом 9 пуд 30 гривенок», 2 тяги лодейных, 2 ноги лодейных, 5 шестов лодейных, ветхий лодейный парус; якорь судовой. Дощанишная снасть, «да павозок, в чем соль возят новой», «обрывок шеимы дощанишные... да ветоши полпаруса дощанишного».

Как видим, в Ненокотском устье на протяжении 50-х гг. XVII в. имелись лодья со всею снастью, карбасы, павозки, а в отводных книгах 1659 и 1661 г. описан также дощаник и его снаряжение (до этого монастырь нанимал дощаники)³¹. Причем оснащение судов описано подробно: паруса, якоря, шеймы, верховая снасть. В отводных книгах 1654 и 1655 гг. лодья не упоминается, в документе 1654 г. говорится о снастях с битой лодьи³², но в описи имущества устья 1659 г. снова значится такого рода судно.

Размеры данного типа судна в XVII в. точно не известны, ученые опираются на более поздние данные (XVIII в.) [8]. Зато в источниках находит отражение грузоподъемность лодей и дощаников. Как отмечал А.А. Савич, вес соли в лодьи трудно учесть, так как не совсем

²⁷ Лодейная и дощанишная снасти в книгах 1661 и 1664 гг. перечислены так же подробно, как и в описи 1659 г., но для экономии места мы опускаем эти описания.

²⁸ Сопец – руль

²⁹ Раина – рей.

³⁰ Набои – доски обшивки борта судна.

³¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Ед. хр. 1563. Л. 320, 324 об.

³² Там же. Ед. хр. 1522. Л. 706.

ясен термин «полный груз» для лодьи, которая заключала в себе 1 – 2 тысячи пудов соли [6, с. 136]. В.В. Брызгалов установил, что использовались лодьи малые (грузоподъемностью примерно 2100, 2300 пудов) и большие (2700 и 2800 п.), лодьи – корелки малые (1800, 1900 п.) и большие (2300, 2400 п.), дощаники малые (1200 п.) и большие (2300 п.) [1, с. 134]. На лодьи могли нагружать разное количество соли. Так, в июне 1652 г. из Неноксы в Курью³³ была отправлена лодья с 1360 пудами (22,277 т) соли³⁴, а в июне 1653 г. на одну из лодий, шедших в Курью, было нагружено 2510 пудов (41, 114 т) соли³⁵.

Таким образом, монастырские усолья в середине XVII в. могли иметь небольшой собственный флот, размеры которого зависели от потребностей конкретного усолья.

1. *Брызгалов В.В.* Транспортировка соли из поморских усольй в Холмогоры в середине XVII века // Труды XI съезда Русского Географического общества. Т. 7. СПб., 2000.
2. *Волынская А.В.* Структура и содержание описных книг северных монастырей в старорусский период. // Тезисы докладов XI Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI-XX вв.: проблемы изучения монастырей и монастырской культуры». Тихвин, 1999.
3. *Дмитриева З.В.* Монастырские описи строений и имущества XVI в. // Тезисы докладов XI Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI-XX вв.: проблемы изучения монастырей и монастырской культуры». Тихвин, 1999.
4. Описи Соловецкого монастыря XVI в.: Комментированное издание. СПб., 2003.
5. *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
6. *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV – XVII в. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в Древней Руси). Пермь, 1928.
7. *Самойлов К.И.* Морской словарь. М.; Л., 1939. Т. I.
8. *Филин П.А.* Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима». М., 2004.

³³ В Курье (возле Холмогор) находилась складочная база Соловецкого монастыря [7, с. 136].

³⁴ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Ед. хр. 1564. Л. 307.

³⁵ Там же. Ед. хр. 1564. Л. 303.

Землевладение Троице-Сергиева монастыря в Нижегородском и Балахнинском уездах в начале XVIII в.

Вотчина; земельное владение; Экономические примечания к Генеральному межеванию; Троице-Сергиев монастырь.

Статья посвящена изучению земельного владения Троице-Сергиева монастыря в Нижегородском крае в начале XVIII в., в том числе методами исторического картографирования монастырских вотчин с использованием материалов Генерального межевания.

Описные книги вотчин Троице-Сергиева монастыря 1701-1702 гг., выявленные и введенные в научный оборот автором, представляют собой рукопись в 1⁰ на 378 листах, из которых 306 относятся к владениям монастыря в Нижегородском и Балахнинском уездах². Наличие скреп по листам и рукоприкладств в конце отдельных законченных частей (описи села с деревнями, церкви) свидетельствует о том, что рукопись является подлинником. Принципы заверения документов идентичны тем, что были выявлены в аналогичных описных книгах других нижегородских монастырских вотчин [2]. На боковом поле листы подписаны писцом: владения Троице-Сергиева монастыря в Нижегородском уезде описывал стольник Петр Борисович Вельяминов, балахнинские – стольник Петр Артемьевич Волынский. Вместо крестьянских мирских старост рукоприкладства традиционно оставили сельские священники или земские дьячки; выявлены также подписи монастырских приказчиков в селах, отсутствующие в одновременных описях собственно нижегородских духовных корпораций.

Опись балахнинского с. Козино с деревнями датирована 18 декабря 1701 г. Помета на начальном листе свидетельствует, что она была подана в Монастырский приказ 18 марта 1702 г. Наиболее ранним документом, относящимся к Нижегородскому уезду, является описание троицких дворов в Нижнем Новгороде, преамбула которого содержит дату 27 февраля 1702 г. Монастырские села П.Б. Вельяминов начал описывать уже весной: в с. Копосово, расположенное в Стрелицком стане, он приехал 3 апреля, в с. Черное (в том же стане) – 9

¹ Соколова Наталья Викторовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; nsns@list.ru.

² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 6567.

апреля. Описные книги привез в Монастырский приказ 20 апреля крестьянин с. Черное Иван Иванов сын Обрамов. К описанию владений монастыря в Закудемском стане Нижегородского уезда приступили 8 июня (с. Варварское, приселки Выезное, Татинец и деревни). Опись с. Андрейкова с приселками Игумново, Ляписи и деревнями начали составлять 14 июня. Оба документа имеют однотипные пометы о подаче в Монастырский приказ 6 июля.

Структура описей вотчин Троице-Сергиева монастыря в Нижегородском уезде типична для книг П.Б. Вельяминова, что, вероятно, стало следствием выполнения предписаний наказной памяти из Монастырского приказа. Основная часть документа представляет собой подворные описания сел и деревень с перечнем мужского населения. Писцом были зафиксированы сказки мирских выборных о тягле, крестьянских и бобыльских повинностях в пользу монастыря, сборах и работах в пользу приказчиков, об оброчных статьях (новорожистная оброчная пашня, сенокосы, перевозки, мельницы и рыбные ловли). Балахнинские книги П.А. Волынского менее информативны, в частности, в них отсутствуют данные о крестьянских повинностях и оброчных статьях.

Балахнинские и нижегородские владения монастыря представлены в описи начала XVIII в. репрезентативно. Сопоставление номенклатуры ойконимов с переписными книгами 1670-х гг. выявило незначительное расширения ареала троицких владений при сохранении общего числа поселений в обоих уездах (11 и 50, соответственно). Однодворная д. Фофаниха, тянувшая к с. Копосово, запустела, однако в монастырской вотчине появилась д. Сумкина в Закудемском стане (45 дв.), обозначенная в описи 1701-1702 гг. как бывшее владение Александра Федорова сына Карандеева³. Анализ демографических сведений источника свидетельствует о выраженной тенденции к укрупнению поселений. Число дворов в вотчине выросло на 68,5 % (без учета вновь приобретенной деревни – 65,3 %). Как представляется, правомерен вывод об устойчивости системы расселения в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в Нижегородском и Балахнинском уездах, где в последней четверти XVII в., по-видимому, еще существовали ресурсы для внутренней колонизации.

Описные книги не содержат сведений о площади земельных владений духовных корпораций, однако некоторое представление о размерах их вотчин можно получить через соотнесение сел, приселков и деревень, зафиксированных в описи, с объектами, нашедшими отра-

³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 6567. Л. 91, 224-228 об.

жение в материалах Генерального межевания, – с последующим картографированием. Большинство поселений в вотчине Троице-Сергиева монастыря в Нижегородском и Балахнинском уездах обнаружено уже на уездных планах Генерального межевания. Привязка к местности ряда деревень, исчезнувших к моменту межевания (Лбова, Малиновка, Бусова), стала возможна благодаря изучению гидронимов и оронимов в «ареале соотнесения» идентифицированных ранее монастырских сел и деревень [4, с. 120].

В дополнение к «прямому» сопоставлению, т.е. поиску поселений из троицких описных книг 1701-1702 гг. в документах Генерального межевания, было проведено и «обратное» сопоставление, отправным пунктом которого явилось составление перечня объектов, которые были помечены межевщиками как относящиеся к ведомству Коллегии Экономии. «Обратное» сопоставление позволило привязать к местности некоторые принадлежавшие в начале XVIII в. Троице-Сергиеву монастырю пустоши, острова и отдельные сенокосы, точное местоположение которых текст источника определить не позволяет, а также те, что в силу своего местоположения изначально не попадали в «ареал соотнесения». Так, удалось обнаружить в Кратких Экономических примечаниях к Атласам [1, с. 74-81] бывшие деревни Троице-Сергиева монастыря – теперь уже пустоши, отмежеванные как самостоятельные объекты (Бабчинская, Кулаковская, Городищенская)⁴. Вблизи поволжских сел Козино и Копосово были выявлены четыре пустоши (Дмитровская, Баландина, Ситникова, Маржиха), которые не вошли в огромную дачу № 7, включавшую большинство бывших троицких поселений. В описи начала XVIII в. соответствий им не обнаружено, но в документах Генерального межевания о пустоши Дмитровской сказано, что она «села Козина крестьян».

Картографирование сел, приселков и деревень с привлечением материалов Генерального межевания позволяет достаточно точно очертить границы нижегородских владений Троице-Сергиева монастыря. Самый высокий результат соотнесения получен по вотчинам в Закудемском стане Нижегородского уезда, где локализованы на местности 32 деревни из 34 (94,1 %). В Стрелицком стане не идентифицированы по одной деревне – как в вотчине, вытянувшейся по левому берегу Оки, так и в поволжских владениях (91,1 и 85,7 %, соответственно). Не удалось отыскать три балахнинских деревни монастыря (72,8 %). В целом результат соотнесения можно считать очень хорошим: удалось корректно нанести на карту 54 поселения из

⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 833. Л. 40 об.

61 (88,5 %). При этом в Полевых записках Генерального межевания Балахнинского уезда названия четырех из пяти деревень междуречья Оки и Волги, которым не удалось найти однозначного соответствия и нанести на карту, фигурируют в качестве пустошей Коллегии Экономии, что свидетельствует в пользу гипотезы о монастырской принадлежности и этих земель вплоть до секуляризации⁵.

Картографирование продемонстрировало, что карта-схема № 3 в монографии М.С. Черкасовой, составленная на основе «списка поселений Троице-Сергиева монастыря в Центре России, отыскиваемых на современной карте» [3, с. 348-349], в нижегородской ее части содержит серьезные погрешности. Ошибочна локализация села Черное на р. Волге (а не на Оке, как следовало бы). Помещенное южнее Нижнего Новгорода с. Андреевское (в 1702 г. – Андрейково) в действительности располагается много восточнее, на р. Пужава (левый приток Сундовика). Наконец, на схеме отсутствуют известные по переписным книгам 1670-х гг. с. Варварское и четыре монастырских «приселка» (Выездное, Татинец, Игумново, Ляписи) в Закудемском стане Нижегородского уезда, хотя все эти населенные пункты продолжают существовать и сегодня.

Исследование показало, что владения духовной корпорации в Балахнинском уезде (с. Козино с дер.) располагались не просто в соседнем уезде, а на землях, расположенных «в межах» с нижегородскими ее землями (с. Копосово с дер.). Причем они были фактически окружены населенными пунктами, относящимися к Нижегородскому уезду. Подобные «инфильтраты» на границах уездов не являются чем-то исключительным, однако важным методическим следствием данного наблюдения является необходимость рассматривать данные троицкие вотчины, вытянувшиеся сплошной полосой по правобережью Волги, как «де-факто» единый хозяйственный комплекс. Включение в ходе Генерального межевания в ту же дачу № 7 и бывших вотчин монастыря на Оке (с. Черное с дер.) позволяет говорить о существовавших в волжско-окском междуречье вблизи Нижнего Новгорода значительных земельных владений Троице-Сергиева монастыря, в которых иновладельческие вкрапления практически отсутствовали.

Вотчины монастыря в Закудемском стане не представляли собой подобного единого комплекса земельных угодий, но также располагались довольно компактно. Можно условно выделить несколько «кустов» монастырских земель на правобережье Волги в бассейне правых притоков р. Кудьмы (Озерка, Шава и ее приток р. Цедень), впадающей

⁵ РГАДА. Ф. 1321. Оп. 1. Д. 1614.

в Волгу р. Алферовки и левых притоков р. Сундовика (Палец, Пужава). Картографирование показало, что понятие «приселок» не указывает на близость поселения к тому или иному монастырскому селу, а, скорее, говорит об их соподчиненности в структуре вотчинного управления. В ходе Генерального межевания в единую дачу оказались отмежеваны села Варварское, Андрейково и Игумново с 12 деревнями. Три самостоятельных дачи составили бывшие «приселки» Ляписи, Татинец, Выезное со «своими» деревнями. В отдельную дачу были выделены деревни Игрище и Рамешка, а также пустоши Кулаковская и Городищенская, мельницы, острова и сенокосы.

Все села, входившие в троицкую вотчину в Нижегородском и Балахнинском уездах в начале XVIII в., продолжали существовать к моменту Генерального межевания. Четыре населенных пункта, обозначенные в описи П.Б. Вельяминова как «приселки», превратились в села. С другой стороны, все поселения, ставшие к середине 1780-х гг. пустошами (как и еще три, местоположение которых удалось установить только по топонимам, т.е. тоже запустевшие), были в 1701-1702 гг. деревнями. Причем только в одном случае можно говорить о развитии ситуации, наметившейся ранее (д. Бабчина, в которой с 1670-х гг. число дворов сократилось на 16 единиц и составляло в 1702 г. всего 3 двора). Однако в целом система расселения в нижегородской вотчине Троице-Сергиева монастыря оставалась на протяжении XVIII в. преемственной.

Важным результатом примененного в исследовании метода «обратного» сопоставления и последующего картографирования стала идентификация вотчин ряда духовных корпораций, оказавшихся в границах «ареалов соотнесения» троицких сел или вблизи от них. Так, вотчина на Оке (с. Черное с дер.) располагалась «в межах» с землями Амвросиева Дудина монастыря (д. Желнино) и по соседству с землями Нижегородского Благовещенского (с. Гнилицы, д. Гавриловка) и Нижегородского Печерского (с. Селища, д. Сейма). Непосредственно граничили земли с. Андрейково с деревнями и владения Кирилло-Белозерского монастыря (с. Меленки, д. Медведкова), в пределах 30-километровой зоны находились печерские села Ягодное и Рубское с деревнями, с. Трофимово Суздальского Покровского монастыря. Если подтвердится гипотеза о существовании в близко расположенных вотчинах сходных условий хозяйствования, прежде всего, с точки зрения развития производительных сил, агротехники, рынка, то открываются возможности для корректного сравнительного анализа.

1. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.) М., 1965.
2. *Соколова Н.В.* Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII века: опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калининград, 2008.
3. *Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI-XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004.
4. *Черненко Д.А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII-XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда, 2008.

УДК 94(47).06

А.В. Богданова¹

К вопросу о том, крупным ли вотчинником был Соловецкий монастырь накануне секуляризации 1764 г.

Соловецкий монастырь; секуляризация; вотчины; крестьяне.

В работе были выявлены состав и местоположение вотчин, а также количество крестьян Соловецкого монастыря накануне секуляризации 1764 г. Сравнение с другими монастырями показало, что Соловецкий монастырь не входил в число крупнейших земельных вотчинников в середине XVIII в.

Секуляризация церковных имуществ 1764 г. сильно повлияла на жизнь православных монастырей. Однако для того, чтобы оценить величину этих изменений для определенного монастыря, необходимо знать конкретные особенности его хозяйственной и духовной жизни до и после проведения этой реформы.

Данная работа является составной частью нашего исследования о влиянии секуляризации 1764 г. на жизнь Соловецкого монастыря – одного из самых известных монастырей того времени. Статья посвящена оценке величины вотчинных владений и количества крестьян Соловецкого монастыря накануне секуляризации в сравнении с аналогичными цифрами для некоторых других монастырей, особенно северных. Подчеркнем, что вотчинное хозяйство Соловецкого монастыря было смешанным, аграрно-промышленным, и данная работа рассматривает лишь его аграрную составляющую, не затрагивая промышленную часть.

¹ Богданова Александра Владимировна, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (РФ, Москва), асп.;
bogdanova.alexandra@gmail.com.

В качестве источников для изучения вотчинного хозяйства монастырей накануне секуляризации были, в первую очередь, использованы «офицерские» описи, хранящиеся в фонде Коллегии Экономии Российского Государственного архива древних актов (РГАДА). Эти описи составлены в первой половине 60-х гг. для всех архиерейских домов и монастырей. Описи монастырей содержат как сведения о самом монастыре (географическое положение, церковные и хозяйственные постройки, состав монашествующих и проживающих при монастыре священников и отставных офицеров), так и о принадлежавших ему вотчинах (размеры угодий, количество крестьянских душ по второй ревизии, объемы монастырских работ, сборы с каждой вотчины и т.п.)². «Офицерское» описание Соловецкого монастыря проводилось в 1763-1766 гг.³ К сожалению, сохранилось оно не полностью, – в нем отсутствует описание монастырских вотчин Каргопольского и Устюжского уездов (однако в описи все же приведены общие данные о количестве душ и размерах угодий в этих вотчинах). Для сравнения с Соловецким монастырем были использованы данные «офицерских» описей двух других северных монастырей: Кирилло-Белозерского⁴ и Николо-Корельского⁵.

Кроме «офицерских» описей в работе было привлечено несколько сводных документов по монастырям Российской империи. В-первых, была изучена ведомость со сведениями о количестве крестьян всех русских монастырей по данным второй ревизии⁶. Эта ведомость хранится в фонде Сената РГАДА. В ней приведены поуездные данные о количестве крестьян разных монастырей, однако информация по конкретным вотчинам отсутствует. Для получения более подробных сведений по второй ревизии для соловецких вотчин мы использовали один из документов фонда Соловецкого монастыря РГАДА под названием «ведомость о монастырских вотчинах, числе душ в них и лежащих на них оброках и работах на монастырь»⁷. Эта ведомость была составлена накануне секуляризации, однако точный год ее написания не указан. Тем не менее, по некоторым сделанным в ведомости записям можно предположить, что она возникла в 1763 или 1764 гг.⁸ Нужно отметить, что количество крестьян Соловецкого мо-

² ПСЗ. Т.16. №11745.

³ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 573.

⁴ Там же. Д. 266. Ч. 1, 2, 3.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 345.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Кн. 3066. Л. 850-885.

⁷ Там же. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5528.

⁸ В ведомости указано, что одна из монастырских вотчин (Польское усольское

настыря по этим двум документам отличается: по данным Сената значится 5346 душ мужского пола, а по данным «ведомости о монастырских вотчинах» – 5430 душ⁹.

В качестве еще одного сводного документа была изучена ведомость о размерах пашенных угодий церковных вотчинников Европейской России 1731 г., где, в частности, приводится размер десятинной пашни для разных архиерейских домов и монастырей¹⁰. Этот документ также хранится в фонде Сената РГАДА.

Рассмотрим вначале местоположение и состав владений Соловецкого монастыря накануне секуляризации. По данным «офицерской» описи и «ведомости о монастырских вотчинах», монастырь владел вотчинами в 7-ми уездах страны: Двинском, Кольском, Каргопольском, Устюжском, Московском, Каширском и Бежецком¹¹. В таблице 1 перечислены вотчины Соловецкого монастыря с указанием количества душ мужского пола в них по второй¹² и третьей ревизиям.

Таблица 1. Вотчины Соловецкого монастыря в середине XVIII в.¹³

№	Вотчины	Количество душ мужского пола по данным 2-й ревизии (1744 г.)	Количество душ мужского пола по данным 3-й ревизии (1763 г.)
В Двинском уезде:			
1	Варзужская волость (деревни Варзуга, Оленица, На Петровской стороне, Кузоменя, Тетрино, Чапомская)	84	99

сельцо) состоит на оброке у крестьян (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5528. Л. 4 об-5), тогда как из других источников известно, что эта вотчина была отдана на оброк в 1763 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4574).

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Кн. 3066. Л. 870; Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5528. Л. 7 об. Данные этих документов совпадают по всем уездам, кроме двух: Каргопольского и Устюжского. В последних основную часть зависимого от монастыря крестьянского населения составляли половники, которые не считались в полной мере зависимыми крестьянами. Поэтому, вероятно, их учет был затруднен.

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 769. Ч. II.

¹¹ Там же. Ф. 280. Оп. 3. Д. 573. Л. 49-60 об.

¹² Данные по второй ревизии взяты из «ведомости о монастырских вотчинах».

¹³ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 573. Л. 61-63, 130-316 об; Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5528. Л. 1 об-8.

2	Умбская волость	40	35
3	д. Гридина Губа	31	24
4	д. Калгалакша	25	22
5	Кемский городок с 29-ю приписными деревнями (Летнерецкая, Подужемская, Умангозерская, Пилсозерская, Бульдывревская, Кизрецкая, Лагоева Варака, Маслозерская, Афонин Наволок, Ушков Наволок, Лежаев Наволок, Пебозеро, Поньгомская, Елманга, Клетное Озеро, Кумозеро, Шелопогье, Килгозеро, Вичана Танбала, Вингезеро, Кондозеро, Рогозерожская, Вонгозеро, Большое Озеро, Азла Река, Тунгозеро, Коккосалма, Лавогуба, Ланбаш Губа)	1070	1308
6	Шуерецкая волость	322	341
7	Сороцкая волость	130	145
8	Шиженская волость	85	79
9	Надвоицкая волость	92	95
10	Сумской острог 8-ю приписными деревнями (Лапино, Сумостров, Ендопожская, Каргозеро, Парандовская, Виремская, Сухоनावолоцкая, Выжский остров)	669	713
11	Колежемская волость	164	174
12	Нюхоцкая волость	333	399
13	Унежемская волость	75	87
14	Яренская волость	85	77
15	Ненокоцкое усолье	6	7
16	д. Красная Горка Кехоцкой волости	43	52
17	д. Волковская Курейской волости	19	17
18	Куйская волость	66	67
Всего в Двинском уезде:		3339	3741
В Кольском уезде:			
19	Село Кереть с 5-ю	324	382

	приписными деревнями (Новая, Тишкезерская, Порфеево, Ворьесаломская, Чернорецкое усолье)		
В Каргопольском уезде:			
20	Лямецкая волость	125	130
21	Пурнемская волость	158	210
22	Нижмозерская волость	134	173
23	Кушерецкая волость	243	329
24	Польское сельцо	20	22
25	Пиьяльское усолье	17	23
26	Пертемское сельцо с деревнями	90	86
27	Владыченское сельцо с деревнями	38	50
Всего в Каргопольском уезде:		825	1023
В Устюжском уезде:			
28	Пермогорская волость	49	76
29	Красноборское село с деревнями	259	267
30	Село Новинки с деревнями	147	160
Всего в Устюжском уезде:		455	503
В Бежецком уезде:			
31	Село Пузырево с 4-мя приписными деревнями (Матвейцево, Ноздрино, Карпово, Мяколово)	254	274
В Московском уезде:			
32	Сельцо Лукино	5	3
33	Деревня Фаустово	112	95
Всего в Московском уезде:		117	98
В Каширском уезде:			
34	Село Чернево	116	111
Итого во всех уездах:		5430	6132

Помимо указанных в таблице владений, монастырю принадлежал Соловецкий архипелаг, кроме того в ведении монастыря находились две пустыни – Муезерская (в Двинском уезде) и Марчугова (в Московском уезде), а также монастырские дворы в Москве, Архангельске, Вологде, Устюге Великом, Каргополе и Кольском остроге¹⁴.

¹⁴ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 573. Л. 49-60 об.

На рис. 1 и 2 приведены карты, на которых отмечены вотчины Соловецкого монастыря в северных и центральных уездах страны. Цифры на картах соответствуют нумерации вотчин, данной нами в таблице 1. Границы уездов нанесены в соответствии со схемами уездов России конца XVII – начала XVIII вв., составленными Я.Е. Водарским [1, приложение 11].

Анализируя расположение монастырских вотчин, условно можно выделить три географические области. К первой группе можно отнести вотчины, расположенные по Беломорскому побережью или вблизи него (вотчины № 1-23). Ко второй – вотчины, достаточно удаленные от Белого моря, но при этом находящиеся вдоль русел основных поморских рек – Северной Двины и Онеги (№ 24-30). И, наконец, в третью группу можно выделить вотчины, расположенные в центральных уездах страны (№ 31-33). Данные «офицерской» описи свидетельствуют о том, что указанные географические особенности расположения монастырских вотчин влияют на виды повинностей, выполняемых крестьянами этих вотчин в пользу монастыря. Однако эта тема требует отдельного исследования, которое мы собираемся предпринять в ближайшее время.

Вопрос о величине земельных владений Соловецкого монастыря накануне секуляризационной реформы представляет значительные трудности, т.к. в это время отсутствовала официальная статистика землевладения в России. В нашем распоряжении имеются данные «офицерской» описи, в которой указано, что по писцовым дачам за Соловецким монастырем имелось 3078 четвертей и 2,5 третника пашни (в одном поле)¹⁵, 13464,5 копен сенных покосов¹⁶, 5 верст выгонной земли, 321 десятина лесных угодий¹⁷.

Сравним эти значения с аналогичными значениями «офицерских» описей Кирилло-Белозерского и Николо-Корельского монастырей (таблица 2).

¹⁵ В эту величину вошли как пахотные земли («средние и худые»), так и поросшие перелогом и лесом.

¹⁶ В эту величину вошли как сенные покосы, с которых ставилось сено, так и «стоящие в пусте».

¹⁷ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 573. Л. 63 об-64.

Таблица 2. Размеры вотчинных угодий монастырей по данным «офицерских» описей¹⁸

Название монастыря	Количество пашни в одном поле (четверти)	Количество сенокосов (копны)	Количество лесных угодий (десятины)
Кирилло-Белозерский	30584,5	53028	8919
Соловецкий	3078 ⁵ / ₆	13464,5	321
Николо-Корельский	266,25	880	63

Видно, что Соловецкий монастырь значительно уступал по величине угодий Кирилло-Белозерскому монастырю: пашни у него было примерно в 10 раз меньше, сенокосов – в 4 раза, а лесных угодий – в 28 раз. В то же время Соловецкий монастырь сильно превосходил Николо-Корельский: в 11 раз по размеру пашни, в 15 раз по размеру сенокосов, и в 5 раз по размеру лесных угодий.

По данным Сенатской ведомости 1731 г. можно отдельно оценить величину десятинной пашни монастырей, т.е. пашни, обрабатываемой на них барщинным трудом крестьян¹⁹. За Соловецким монастырем по данным этой ведомости значилось 85 десятин пашни²⁰. В «офицерском» описании этих вотчин приводится значение в 100 десятин: 21 десятина в Бежецком уезде и 79 десятин в Каширском²¹. А.И. Комиссаренко, оценивая данные указанной выше сенатской ведомости, предложил распределить всех церковных вотчинников на четыре группы, в зависимости от размеров десятинной пашни: 1) до 100 дес. (364 монастыря), 2) от 101 до 500 дес. (73 монастыря), 3) от 501 до 1000 дес. (17 монастырей), 4) свыше 1000 дес. (6 монастырей) [3, с. 27-28]. По этой классификации Соловецкий монастырь попадал в первую группу монастырей с самым малым количеством десятинной пашни. Вероятно, это было связано с тем, что большинство вотчин Соловецкого монастыря находилось на севере, в малоплодородных землях.

¹⁸ Там же. Д. 266. Л. 352-352 об; Д. 573. Л. 63 об-64; Д. 345. Л. 11-11 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 769. Ч. II.

²⁰ Там же. Л. 743 об.

²¹ Там же. Л. 171-172 об, 185-193 об.

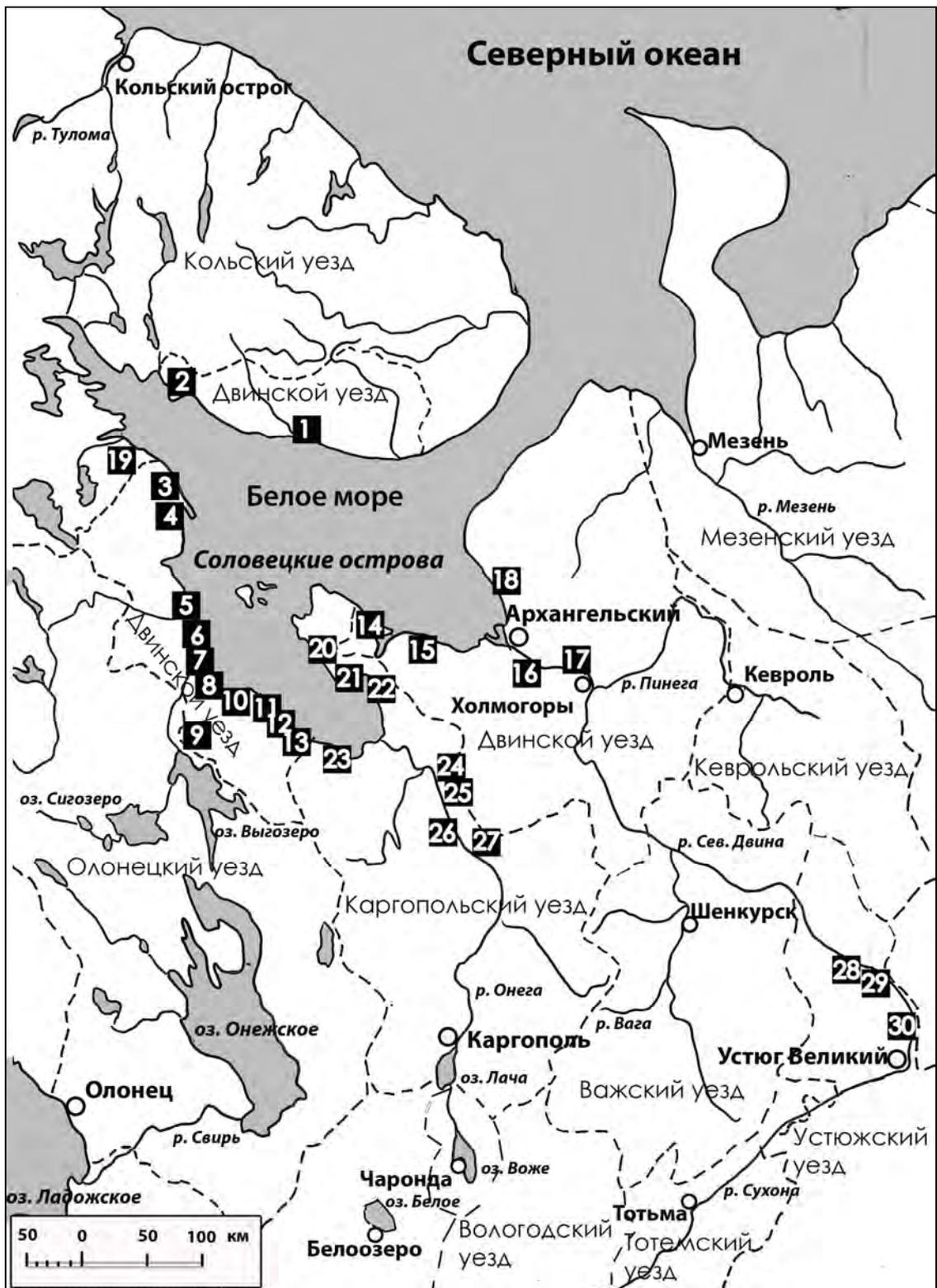

Рисунок 1. Вотчины Соловецкого монастыря в северных уездах

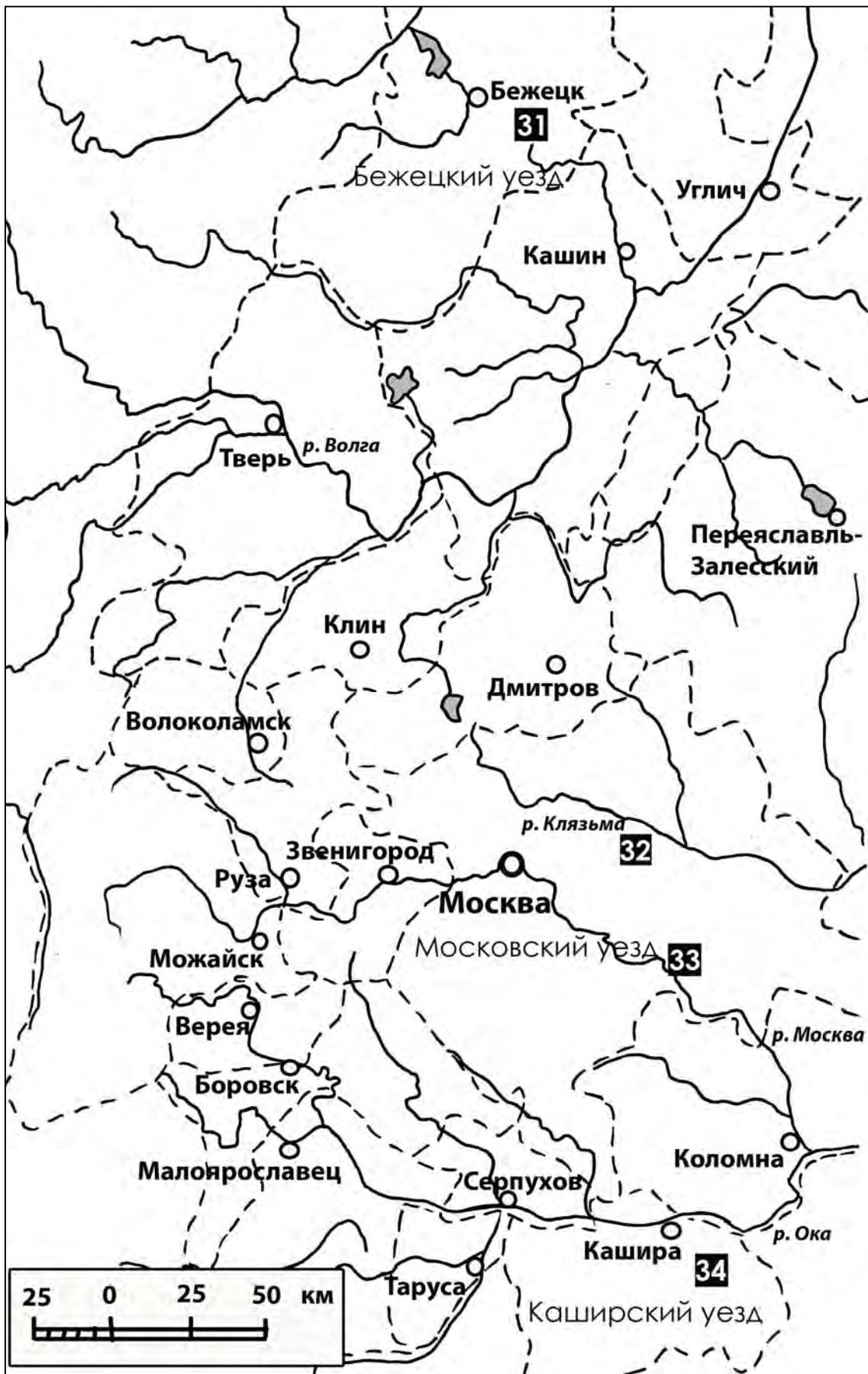

Рисунок 2. Вотчины Соловецкого монастыря в центральных уездах

Рассмотрим теперь вопрос о численности населения монастырских вотчин. По данным второй ревизии²² за Соловецким монастырем числилось 5430 душ мужского пола (в дальнейшем – душ), а по данным третьей – 6132 души. Видно, что за этот период население вотчин увеличилось примерно на 13 % (на 706 душ). Вероятно, это было связано с общим увеличением численности населения Российской империи в это время²³ [2, с. 55]. На диаграмме 1 представлено процентное распределение крестьян Соловецкого монастыря по разным уездам на основании данных третьей ревизии. Видно, что подавляющее большинство крестьян Соловецкого монастыря (61 %) проживало в Двинском уезде.

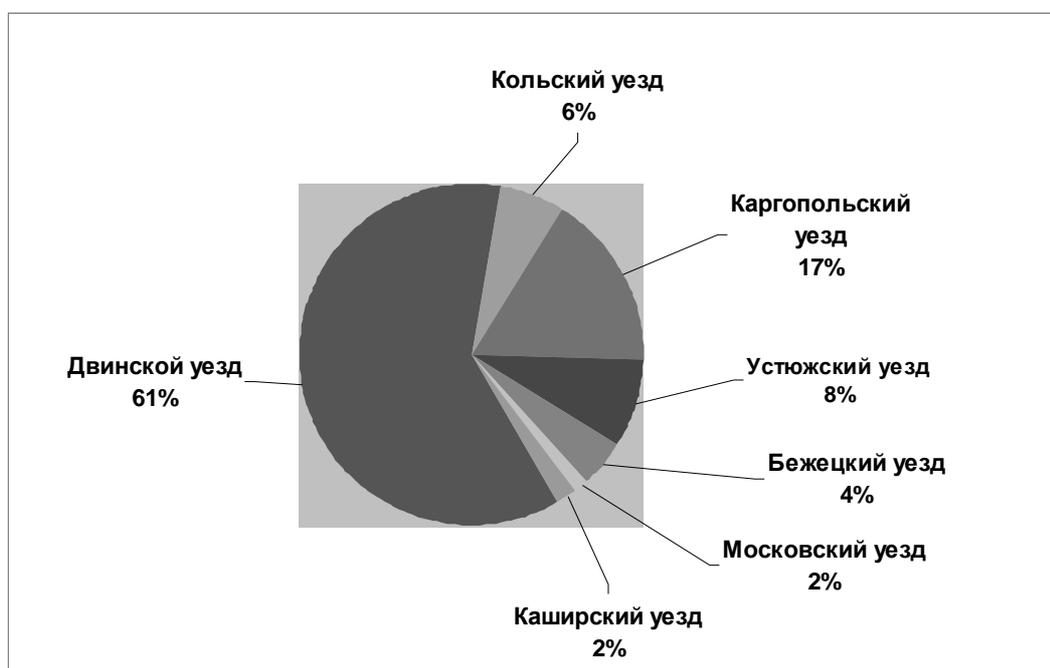

Диаграмма 1. Процентное распределение крестьян Соловецкого монастыря по разным уездам на основании данных третьей ревизии.

Сравним количество крестьян Соловецкого монастыря с другими монастырями. Воспользуемся ведомостью Сената. По ней за Соловецким монастырем числилось 5346 душ по данным второй ревизии²⁴. Анализируя количество крестьян других монастырей, видно, что Соловецкий монастырь занимал лишь 27-е место среди всех русских мужских и женских монастырей. К примеру, на первом месте была Троице-Сергиева Лавра (105009 душ), на втором – Александро-Нев-

²² По «ведомости о монастырских вотчинах».

²³ Население Российской империи в период между второй и третьей ревизиями увеличилось на 15,8 %.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Кн. 3066. Л. 870.

ский Троицкий монастырь (23149 душ), на третьем – Трифонов Успенский монастырь (22495 душ), на четвертом – Кирилло-Белозерский монастырь (22340 душ) и т.д. Однако на фоне своих соседей, таких же окраинных монастырей, у Соловецкого монастыря было довольно большое количество крестьян. Например, Антониево-Сийский монастырь владел 3244-мя душами, Николо-Корельский – 624-мя душами, а самый наш северный монастырь – Трифоно-Печенгский – всего лишь 38-ю душами²⁵.

Таким образом, данное исследование показывает, что Соловецкий монастырь, будучи одним из самых известных монастырей того времени, не входил, однако, в число крупнейших вотчинников XVIII в. ни по количеству земельных угодий, ни по количеству принадлежавших ему крестьян. Его хозяйство, будучи смешанным, было более ориентировано не на аграрную составляющую, а на промысловую деятельность, и, в первую очередь, на солеварение и рыбный промысел. Рассмотрение промысловой деятельности Соловецкого монастыря, изучение повинностей крестьян в зависимости от географических особенностей расположения его вотчин, а также оценка удельного веса доходов от вотчин в общих монастырских доходах накануне секуляризации относятся к направлениям наших дельнейших исследований.

1. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
2. *Кабузан В.М.* Население Российской империи в XVIII в. // Исследования по истории России XVI – XVIII вв. М., 2000.
3. *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.: очерки истории секуляризационной реформы 1764 г. М., 1990.

²⁵ Там же. Л. 850-885.

Борьба графа С.Гр. Строганова с «распутством» в Пермском нераздельном имении в середине XIX в.

С.Гр.Строганов; старообрядчество; вотчинное управление; Пермь.

«Правила о предупреждении и пресечении распутства» – уникальный образец вотчинного законодательства середины XIX в. Они были составлены и начали применяться с 1846 г. по распоряжению С.Гр. Строганова в его Пермском имении. Причиной появления «Правил» стали противоречия между традиционной культурой старообрядчества и господствующей идеологией. Проживавшие в Верхокамье старообрядцы поморского беспоповского согласия не признавали церковных браков, что привело к распространению внебрачных половых связей. Особенно остро эта проблема ощущалась в Сепычевской волости – историческом центре местного староверия. «Правила» предусматривали меры словесного внушения, денежного и телесного наказания, внеочередную отдачу в рекруты, депортацию в Сибирь. В статье рассмотрены наиболее типичные случаи из 30 эпизодов внебрачных связей 1847 г. по Сепычевской волости. Однако архивные разыскания убедили в малой эффективности бюрократического проекта.

Вступив в права владения Пермским нераздельным имением (ПНИ) и прибыв в его Главное правление в селе Ильинском на реке Обве, С.Гр. Строганов стал активно вникать в дела, много работал с хозяйственными документами, читал «мирские прошения» крестьян... Но наиболее ярким мероприятием графа следует признать его борьбу за искоренение «распутства» в ПНИ. Дело в том, что традиционная культура Поморского беспоповского старообрядчества не принимала церковного венчания браков, брачные отношения не всегда имели четкий характер и немало молодых мужчин затягивали с женитьбой. С другой стороны, в силу местной специфики (более высокая младенческая смертность мальчиков, превалирование среди беглых мужчин, рекрутские наборы и т.п.) женское население в Верхокамье всегда заметно превышало мужское. Поэтому С.Гр. Строганов отдал распоряжение «для опыта на один год» разработать «Правила о предупреждении и пресечении распутства», которые за его подписью были введены в действие 16 сентября 1846 г.². Документ не имеет аналогов

¹ Пушков Виктор Петрович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; pushkov@wwwcom.ru.

² См.: РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 2. Д. 4604. Л. 1–6. Далее сноски на листы этого дела приводятся в круглых скобках. Все дело на 12 листах имеет заголовок «Сведения о мерах борьбы с половой распущенностью среди населения Сепычевского ведомства».

и поражает своей проработанностью, множеством примечаний, сносками на Свод законов – словом, это высокий образец вотчинного законотворчества. Правила включают «Меры предупреждения» (Гл. I), «Меры исправительные или полицейские» (Гл. II) и Гл. III «Об удалении неисправимо развратных людей» (всего 25 параграфов).

Для предупреждения «распутства» всем домохозяевам запрещалось принимать к себе в дом под видом «постоялок» или «подворниц» женщин «неодобрительного поведения», нищенствовать при мельницах молодым вдовам и солдаткам, входить всем женщинам в «питейные дома для питья вина», а женщинам «развратного поведения появляться на торжках». Не допускался прием «в услужение» женщин без специального на то разрешения («увольнительных видов») от местных земских изб или заводской конторы, где по окончании срока работы (не более одного года) наниматели должны были записать свои отзывы о поведении женщин. Пособниками разврата признавались лица, допускавшие «сходбища», «игрища» и «помочи» с участием людей неодобрительного поведения, а также родители, которые рискуют «отпускать без надзора на помочи и вечеринки» своих «семьянок». Итак, практически все запреты были адресованы одному женскому полу.

Для наложения карательных мер необходимы были «доказательства развращения» в виде улик, собственного признания или «подтвержденных большим повальным обыском» критических отзывов соседей или родственников. В случае доказанности «вины» женщины в первый раз (в зависимости от степени ее «одиночества», возраста и образа жизни) подвергались «гласному разбору» со стороны местного приказчика и старосты, имевших право приговорить человека к аресту от 4 до 7 дней, телесному наказанию от 5 до 10 «ударов» или «черной работе» от 4 до 6 дней. За повторные проступки наказание выносят уже более высокие инстанции вотчинной администрации – окружные правления. Аналогичному наказанию подвергались также помогавшие «непотребству» и «нерадящие о сохранении нравственности». Распутным же мужчинам за первый проступок грозило от 10 до 15 «ударов» телесного наказания, денежный штраф от 0,5 до 1,0 руб. серебром, за повторный – от 20 до 50 «ударов» розгами, деньгами от 1 до 3 руб., а за третий – горной или заводской работой от 1 до 3 месяцев. Все экзекуции надлежало регистрировать в специальных «штрафных книгах» при земских избах и окружных правлениях.

Если же после трехкратного наказания женщина не отступала от «постыдного порока», то признавалась «неисправимо распутной» и на основании Свода законов передавалась в юрисдикцию Губернского

Правления. «Неисправимо же распутных» мужчин следовало вне очереди отдавать в рекруты, а не годных к строевой службе также передавать в Губернское Правление «для отсылки в Сибирь или арестантские роты», причем необходимые для провоза до Тобольска денежные расходы в 14 руб. 13 коп. следовало взыскивать с имущества ссылаемых лиц.

Вотчинная администрация приняла подготовленный проект «к сведению и наблюдению» и решила «составить особое дело», которое, в частности, по Сепычевскому «ведомству» (волости) Оханского уезда было завершено и в беловом варианте на тонкой дорогой бумаге в табличной форме передано на рассмотрение графу и имеет его собственноручные пометы. Этот уникальный документ с заголовком «Сведение о мерах, принимаемых к пресечению тайнаго или известнаго распутства по Сепычевскому ведомству, декабря 24 дня 1847 года» и скреплен подписью приказчика Гр. Заваргина. По всей видимости, местные «начальства» (приказчик, староста и выборные мирские лица) вполне были в теме, так как описали 30 эпизодов вечного грехопадения, разгруппировав виновных мужчин по семейному положению (женатые, вдовы, холостые) и экономическому благополучию (1-го, 2-го и 3-го «состояния») с указанием возраста провинившихся (от 22 до 66 лет). Левая констатирующая графа документа похожа на социологический опросник, поскольку регистрирует «Имена развратных крестьян, с кем именно имеют они прелюбодейную связь и где проживают их любовницы». Не менее интересна и вторая половина формуляра, гласящая: «Какия приняты меры к пресечению распутства, какую возымели силу, чем кончены или остались без действия» (Л. 7 об.). Проиллюстрируем ряд типичных примеров «сведения». Так, 52-летний женатый крестьянин «3-го состояния» Н.С. Петровых был «замечен в распутстве с солдаткой Лукерьей Петровых, в чем он сознался сам в земской, где при нем найдены пряники» (последний вещдок по местным понятиям почему-то считался неопровержимой уликой, в ходе уличного преследования пряники старались забросить за чужой забор). Учтя полное раскаяние Нифанта, никаких санкций к нему принимать не стали (Л. 9). Другой женатый крестьянин «2-го состояния» 36-летний С.В. Ознобишин «за публичное любезничество» с незамужней «девкой» Гл.К. Соловьевой был «оштрафован при земской розгами», а при повторном задержании пригрозили поступить с ним по всей силе «Правил» (Л. 7 об.). Естественно, менее болезненно улаживались любовные дела молодых холостых мужчин с незамужними женщинами («девками»), когда после ряда строгих увещаний местное начальство брало с них «подписки» с обязательством офици-

ально оформить имевшиеся отношения. Именно так поступили с тремя холостыми крестьянами «3-го состояния» Ег.Ив. Мошевым, Л.Пр. Романовым и К.В. Шатровым (им было от 40 до 50 лет). Двое последних «по увещанию дали обещание добровольно свенчатся в наступающее мясоястие», но «для наблюдения за исполнением обещаний» полученные от них «подписки» должны были «хранится при делах земской» (Л. 7 об.). В большинстве других случаев также старались не доводить дело до крайних мер, но «строжайше» приказывали «беззаконникам» «жениться или бросить распутство», что приносило свои плоды. Однако иногда любовные истории выглядели весьма драматично. Так, холостой 33-летний крестьянин «2-го состояния» К.Н. Мальцев со своей возлюбленной «солдаткой» М. Поносовой «и вообще с прочими крестьянами бежал в Сибирский край» (Л. 8 об.). (Приезд С.Гр. Строганова в ПНИ спровоцировал волну побегов).

Особенно строго осуждалась связь женатых мужчин с замужними женщинами, которые после неоднократных публичных порок приговаривались крестьянским миром («обществом») к внеочередной отдаче в рекруты, но им почему-то всегда удавалось «с прочими крестьянами» убежать в Сибирь. Под юрисдикцию «Правил» попадали даже пожилые люди, много лет жившие в гражданском браке со своей сожительницей и имевших общих детей (формально незаконнорожденных). Так, например, 66-летний крестьянин «1 состояния» И.И. Плешивых сожительствовал в своем доме с сестрой своей умершей жены Н.С. Селивановой, прижив с ней двух «уже возрастных» сыновей. И по меньшей мере нелепо звучат в его адрес слова приказчика, что он «по старости лет обещался бросить распутство, но однако же исполнения еще не видно» (Л. 7 об.).

В январе 1848 г. главноуправляющий именем Ф. Волегов требует «немедленно» «собрать и представить» аналогичные «сведения» от всех окружных правлений с разделением наказанных за распутство «по классам и званиям», обратив особое внимание на исполнение самых драконовских требований «Правил» относительно внеочередной отдачи в рекруты и сколько «неисправимо развратных» людей «отправлено в Сибирь на поселение». Вместе с тем, предлагалось подготовить «отзывы и мнения» местных вотчинных администраций «в какой степени удобоисполнимыми находят Правила и в каких статьях нужно сделать изменения по местным обстоятельствам» (Л. 11 об.). В исполнение этого распоряжения к концу апреля 1848 г. по всем округам и ведомствам в табличной форме с разблюдовкой по каждому параграфу всех трех глав «Правил» был сгруппирован весьма обширный материал, сопровождаемый резонными комментариями местных

«начальств». Эти таблицы имеют вполне научный вид и свидетельствуют о высокой статистической культуре строгановских приказчиков³. За недостатком места приведем лишь отзыв Сепычевского приказчика, который, не сомневаясь в пользе «Правил», просит продлить их апробацию еще на один год, отмечая местную специфику, что «в Сепычевском ведомстве распутство вкоренилось с издавна в высшей степени; кроме показанных здесь людей, судимых по распутству, уклоняются в этом пороке и другие в довольно числе». Поэтому для эффективной борьбы с негативными проявлениями традиционной культуры опытный приказчик рекомендует по отношению к нарушителям общественной морали применять «по местным обстоятельствам и степени виновности каждого более снисходительные меры», как-то: выговор, арест, принудительный труд при общественных работах в самом ведомстве, тоекратное телесное наказание и работа при Очерском заводе⁴.

Главное правление требовало результативной отчетности буквально по каждому параграфу «Правил», что видно из выговора Правления «полицейскому» с немедленным требованием (после многократных «безрезультатных напоминаний») об исполнении 6-го пункта «Правил», чтобы поступившие в услужение женщины имели «увольнительные виды» с мест своих «жительство», ибо практически никто из них не имел таких документов, но большинство «под видом отыскания мест службы шляются по селу, предаваясь разврату в домах браговаров и других жителей неодобрительного поведения». Посему приказывалось проживавших в Ильинском в услужении сторонних женщин «выслать в свои места» (Л. 12 об.).

Поскольку никаких документальных следов продолжения масштабного правового эксперимента графа С.Гр. Строганова нами не обнаружено, то его «Правила по предупреждению и пресечению...» продемонстрировали неэффективность борьбы с общественными пороками привычными для власти административно-бюрократическими методами, но превратились в ценный исторический источник по актуальной проблематике, который заслуживает более внимательного изучения.

³ См.: РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4685 – «Сведение о сужденных за распутство со времени издания Правил по сему предмету его сиятельством графом Сергием Григорьевичем».

⁴ Там же. Л. 15.

Природный фактор в жизни крестьян столичной губернии середине XIX в.

Северо-Запад; Санкт-Петербургская губерния; крестьянское хозяйство; лесные промыслы.

В статье рассмотрено влияние одного из природных факторов – леса – на хозяйственную жизнь земледельцев Санкт-Петербургской губернии в середине XIX столетия, когда произошло резкое сокращение наделного строевого леса в результате интенсивной вырубki деревьев крестьянами на продажу и установилась сырьевая зависимость крестьян, занимавшихся промыслами, от помещиков и лесопромышленников.

Любое крестьянское хозяйство всегда непосредственно зависело от природных условий, в которых оно находилось и функционировало. Эти условия определяли структуру и соотношение отраслей крестьянского хозяйства, его доходность, а также динамику и вектор развития. В природно-географическом отношении Петербургская губерния, входившая в северо-западный регион, располагала малопродуктивными преимущественно песчано-глинистыми почвами. Большие массивы леса и широкая сеть рек и озер, способствовали заболачиваемости земли [12, с. 260]. Особенно много болот находилось в Новолодожском, Шлиссельбургском, Гдовском и Лужском уездах губернии. Малое естественное плодородие почвы дополнялось суровым, неустойчивым климатом. Все это накладывало свой отпечаток на хозяйственную деятельность сельского населения. В столичной губернии на протяжении всей первой половины XIX столетия урожайность зерновых обеспечивала крестьянам только около половины годовой нормы потребления хлеба [14, с. 244]. Недостаток зерна приходилось восполнять его покупкой на рынке. В значительной степени средства для приобретения хлеба и уплаты податей крестьяне получали за счет своей промысловой деятельности, получившей широкое распространение в первой половине XIX столетия по всей территории губернии.

Как известно промыслы являлись составной частью деревенской экономики, а природная среда являлась фактором, способствовавшим

¹ Никулин Валерий Николаевич, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (РФ, Калининград), д.и.н.; nikuliny@mail.ru.

или, наоборот, сдерживавшим развитие крестьянских промыслов. В данной статье речь пойдет о взаимоотношении крестьян и леса, как составной и важнейшей части природной среды. Как известно, лес использовался сельским населением, прежде всего как топливо. Широко распространены в Петербургской губернии были заготовка и сплав дровяного и строевого леса, предназначенного для Петербурга, являвшегося крупнейшим в регионе потребителем леса и лесоматериалов. Лес являлся также сырьевой базой для многочисленных крестьянских промыслов по обработке дерева. «Природная среда, – отметила Э.Г. Истомина, – являлась не только объективным условием, но и реальным материальным фактором, способствовавшим развитию различных ремесел крестьянина» [1, с. 180-191; 2, с. 226]. Сразу заметим, что изменения природных факторов, нередко сопровождавшиеся сужением сырьевых ресурсов, имели и негативное влияние на промысловую деятельность крестьян. Так бондарям Бельской волости Гдовского уезда пришлось покупать и возить лес «за 25 верст от дома», потому что свой наделный лес был вырублен. В Новоладожском уезде крестьяне Доможировской волости перестали «шить рыбацьи лодки и соймы», потому что лес приходилось покупать у лесопромышленников по высокой цене. Собственный же лес им пришлось продать «для уплаты податей и недоимок» [13, с. 120, 124].

В дореформенный период заготовками дров и строевого леса для северной Пальмиры, Кронштадта и на экспорт занимались государственные крестьяне Новоладожского, Царскосельского и Лужского уездов Петербургской губернии. Они имели возможность заготавливать необходимое количество дров и бревен в казенных лесах под надзором лесного управления, а крепостные крестьяне – в частновладельческих лесах. И в пореформенные годы лесозаготовки оставались наиболее значительным из промыслов, распространенных в столичной губернии. В ходе реформы 1861 г. бывшие крепостные были наделены лесом, вошедший в их наделные земли. В 1866 г. бывшие государственные крестьяне получили лесные участки, переданные в полное распоряжение сельских обществ. Это привело к усиленной вырубке леса крестьянами, причем не столько для удовлетворения своих хозяйственных нужд, сколько с целью продажи. Пока лес имелся, его рубили без всяких ограничений. При заготовке леса на продажу в некоторых общинах устанавливались душевые нормы, поскольку вырученные деньги шли на уплату податей. Часто использовался «захватный» способ, когда крестьяне рубили лес, где вздумается и сколько пожелают. В результате отдельные сельские общества вскоре вырубали свои лесные наделы практически до последнего дерева.

Такое отношение к надельным лесам было вызвано как малой доходностью земледелия, так и стремлением крестьян использовать лесные вырубки в качестве выгонов для пастбы скота [3, с. 194-195]. В селениях Глажевской волости Новоладожского уезда лес был поделен между домохозяевами, как и пахотная земля. В селе Шалыгино была разделена по душам лучшая часть лесных угодий, а остальная осталась в общем пользовании и в ней крестьяне рубили лес столько, сколько могли [3, с. 85]. В селениях Тигодской волости крестьяне разделили лес по душам, и каждый домохозяин получил возможность использовать доставшийся ему лесной участок по собственному усмотрению.

В Гдовской, Ложголовской, Старопольской и Язвинской волостях Гдовского уезда надельные леса в значительной степени были истреблены из-за усиленной рубки деревьев для продажи. Только в некоторых селениях Гдовской волости крестьяне «свой лес *берегут* для будущего, а в настоящее время покупают топливо на стороне» [4, с. 158-166]. Весь строевой лес для хозяйственных нужд и в качестве сырья для промысловых занятий крестьяне покупали преимущественно у крупного петербургского лесопромышленника Ф.Г. Громова с 1840-х гг. активно развернувшего свою деятельность. Приобретали лес для своих нужд крестьяне и у лесопромышленников Зиновьева и Фомина.

По крестьянской реформе земледельцы Петербургского уезда получили в надел только небольшое количество дровяного леса, который был вырублен ими вскоре после реформы. В результате на месте леса появились заросли кустарника и выгоны для скота, поскольку крестьяне испытывали их недостаток [5, с. 210]. Лес на топливо крестьянам приходилось покупать у помещиков или лесопромышленников. Такая же ситуация сложилась в Шлиссельбургском уезде [8, с. 134]. Крестьянам приходилось покупать дрова в частновладельческих и казенных лесных дачах, платя от 80 коп. до 2 руб. 60 коп. за куб. сажень валежника [8, с. 134].

Крестьяне Ямбургского уезда находившиеся в составе надела леса использовали как для своих хозяйственных нужд, так и для продажи на сторону [6, с. 174]. В деревнях Лужского уезда крестьяне, получившие в надел лесные угодья, пользовались ими практически без контроля со стороны сельского общества, поскольку ограничения на рубку леса редко где соблюдались [7, с. 147].

В результате бесконтрольной вырубки надельного леса крестьяне оказались вынужденными покупать на стороне, в казенных и

частновладельческих дачах, дрова и лесоматериалы, необходимые для хозяйства и промыслов [10, с. 91].

Лес давал крестьянам материал для разнообразных промыслов, состоявших в механической обработке дерева – бондарного, экипажного, корзиночного и т.п. Широко были распространены промыслы, основанные на сухой перегонке дерева: смолокурение и производство дегтя.

Бондарный промысел был одним из наиболее распространенных, поскольку изделия бондарей были необходимы для каждого крестьянского хозяйства. Кроме того, бондарная тара нужна была для транспортировки продукции винокуренных и маслобойных заводов, засолки рыбы и перевозки смолы и дегтя [11, с. 508-509]. Необходимые в бондарном деле лесные материалы крестьяне, как правило, покупали в казенных, либо частновладельческих лесных дачах. Так, бондари Сосницкой волости Царскосельского уезда покупали необходимый материал в казенных лесах по 1 руб. 50 коп. за воз досок («по столичным ценам») [9, с. 243].

Экипажный промысел имел широкое распространение, так как в каждом крестьянском хозяйстве нужны были летние и зимние транспортные средства. При изготовлении колес в мастерских, где имелись наемные рабочие, складывалась специализация, когда один рабочий вытачивал ступу, второй строгал спицы, третий собирал колесо. Материал, необходимый для производства, приобретался на стороне. Готовые изделия реализовывались, как правило, на месте.

Смолокурение и сидка дегтя получили распространение по всей губернии. Смолу крестьяне извлекали, преимущественно из пней, оставшихся на месте вырубki соснового леса. Воз сосновых пней стоил от 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 50 коп. [7, с. 185]. Березовый деготь получали из бересты, что собирали в мае-июне с деревьев, находившихся в полном соку. Наметившийся упадок промысла в Лужском уезде определился двумя факторами: вырубкой сосновых лесов и организацией производства крупными предпринимателями, с которыми крестьяне не могли конкурировать.

В подстоличных волостях была широко распространена заготовка ивовой коры, преимущественно женщинами и подростками, для нужд кожевенных предприятий Санкт-Петербурга. В волостях Шлиссельбургского уезда этим промыслом занималось свыше 2600 человек, заготавливавших свыше 34 тыс. пуд. коры [8, с. 190]. При отсутствии своего леса заготавливали кору за плату в казенных лесах. За право драть кору в помещичьем лесу крестьяне расплачивались деньгами или отработками. Иногда зажиточные крестьяне-предприни-

матели нанимали для заготовки коры односельчан из бедноты в качестве рабочих. Заготовленную кору крестьяне сушили, толкли и в измельченном виде везли в Петербург на кожевенные заводы.

1. *Истомина Э.Г.* Мелкая промышленность Подмосковья во второй половине XIX – начале XX в.: (историко-географический аспект) // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997.
2. *Истомина Э.Г.* Традиционные сельские промыслы в России // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998.
3. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 8. Крестьянское хозяйство в Новоладожском уезде. Ч. 2. Очерк крестьянского хозяйства. СПб., 1896.
4. Материалы... Вып. 4. Крестьянское хозяйство в Гдовском уезде. СПб., 1886.
5. Материалы... Вып. 5. Крестьянское хозяйство в Санкт-Петербургском уезде. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1887.
6. Материалы... Вып. 3. Крестьянское хозяйство в Ямбургском уезде. СПб., 1885.
7. Материалы... Вып. 6. В 2 ч. Ч. 2. Крестьянское хозяйство в Лужском уезде. СПб., 1891.
8. Материалы... Вып. 2. Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде. СПб., 1882.
9. Материалы... Вып. 7. Крестьянское хозяйство в Царкосельском уезде. СПб., 1892.
10. *Пономарев Н.В.* Современное состояние государственного, общественного и частного лесного хозяйства в России. СПб., 1901.
11. Сельское и лесное хозяйство России. СПб., 1893.
12. *Слепнёв И.Н.* Воздействие природных факторов и рыночных отношений на пореформенное крестьянское хозяйство // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998.
13. Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1897 год. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1896-1897 сельскохозяйственном году. СПб., 1898.
14. История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994.

Влияние природно-географического фактора на форму эксплуатации помещичьих крестьян в дореформенной России (на материалах Верхнего Поволжья)

Крестьяне; помещики; барщина; оброк; Верхнее Поволжье.

Показано состояние помещичьего хозяйства и положение крестьян Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в первой половине XIX в. Прослежена взаимосвязь природно-географического фактора и способа эксплуатации крепостных крестьян. Выявлены местные особенности развития села.

Географическая среда играет важную роль в жизни общества. Сельское хозяйство является такой сферой производственной деятельности человека, в которой объект труда находится в большой зависимости от природных факторов. Среда обитания оказывает влияние не только на хозяйственную сферу, но и на социальное поведение, социальную и этническую психологию [7].

Россия с ее необъятными просторами, разнообразными природными условиями имела в своем аграрном развитии существенные региональные различия.

Цель данной работы – выяснить влияние природно-географических факторов на форму ведения помещичьего хозяйства в одном из регионов страны – Верхнем Поволжье. Регион состоял из трех губерний: Владимирской, Костромской и Ярославской. Несмотря на однотипность аграрного развития указанных губерний [5, с. 254-255], условия для ведения сельского хозяйства в отдельных местностях региона значительно отличались.

Дореформенная деревня Верхнего Поволжья была, главным образом, помещичьей деревней, а регион являлся одним из центров крепостнических отношений России. Высокий процент крепостных в населении Верхнего Поволжья во многом был вызван историческими причинами: ранним заселением территории, вхождением региона в состав «ядра» Московского государства во время «прикрепления» крестьян к земле.

Для помещика существовали два основных способа получения дохода от владения крепостной собственностью: оброк или барщина. В

¹ Александров Николай Михайлович, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (РФ, Ярославль), к.и.н.; dreem10@mail.ru.

ряде регионов страны существовала смешанная система эксплуатации крестьян. В этом случае одни и те же крестьяне отбывали феодальную повинность частично работой на барщине, частично – выплачивая оброк.

В таблице приведены данные Редакционных комиссий о степени распространения барщинной и оброчной форм эксплуатации помещичьих крестьян в губерниях Верхнего Поволжья накануне реформы 1861 г.

Соотношение форм эксплуатации помещичьих крестьян в Верхнем Поволжье в 50-е годы XIX в. [6, с. 61-63]

Губернии	Крестьяне	
	Барщинные (в %)	Оброчные (в %)
Владимирская	30,1	69,9
Костромская	12,4	87,6
Ярославская	12,6	87,4
Европейская Россия	71,5	28,5

Из данных таблицы видно, что в Верхнем Поволжье оброчная форма эксплуатации помещичьих крестьян была намного распространнее, чем барщинная. В то время как господствующей формой ведения помещичьего хозяйства в целом по России была барщина. По распространению оброчной формы эксплуатации помещичьих крестьян губернии Верхнего Поволжья были лидерами в стране. По этому показателю Костромская и Ярославская губернии занимали первое и второе место в России, а Владимирская – шестое [11].

Выбор того или иного способа эксплуатации крестьян в значительной мере определялся природно-климатическими и социально-экономическими условиями региона.

Дело в том, что барщина в нечерноземной полосе не могла принести такого же дохода помещикам, как в черноземных губерниях. Непогодородная почва делала маловыгодным ведение сельского хозяйства. Между тем, относительно высокая плотность сельского населения в регионе, наличие в Верхнем Поволжье и рядом с ним массы промышленных и торговых заведений обусловили хорошие возможности для развития различных промыслов.

На выбор помещиком способа ведения хозяйства влиял и уровень развития транспортных путей вблизи имения. Большое воздействие на состояние сельского хозяйства региона, особенно в Ярослав-

ской и Костромской губерниях, оказывала основная транспортная магистраль страны – река Волга. По воде в регион в большом количестве ввозилось относительно дешевое зерно с Нижнего Поволжья. В уездах, по которым протекала Волга, как правило, барщина была менее распространенным явлением, чем на территориях, отдаленных от этой водной артерии [1, с. 31-32].

В Костромской губернии наибольшее число барщинных крестьян и крепостных со смешанной формой эксплуатации было в Кологривском, Галичском, Буйском, Костромском, Юрьеvecком уездах, т.е. там, где земля была лучшего качества или ее было много [2, с. 127-129].

Во Владимирской губернии доля барщинных крестьян более чем в два раза превышала соответствующий показатель в Ярославской и Костромской губерниях. Это указывает на то, что во Владимирской губернии с ее более благоприятными для ведения сельского хозяйства природно-климатическими условиями и относительной удаленностью от зерновых потоков, идущих по Волге, барщина как способ ведения помещичьего хозяйства была более распространенным явлением, чем в двух других губерниях региона. На Владимирщине были целые уезды с преобладанием барщинного хозяйства над оброчным. Так, барщина преобладала в Юрьевском, Переяславском уездах (т.е. в районе наиболее плодородных земель, составлявшем знаменитое Ополье), а также в Меленковском и Владимирском уездах [6, с. 64].

В отличие от барщины, оброк являлся более гибким способом эксплуатации крестьян. Размер оброка зависел не столько от количества и качества земли, находящейся в пользовании у крестьян, сколько от их сторонних заработков. Местных помещиков привлекала возможность увеличивать оброк за счет доходов крестьян от неземледельческих занятий.

Известный исследователь костромской деревни Д.Н. Жбанков писал, что на севере губернии в Солигаличском и Чухломском уездах помещики, большинство которых были мелкие, до отмены крепостного права вели жизнь на «широкую ногу». Такой образ жизни не мог быть обеспечен за счет сельского хозяйства, потому что ни площадь большинства имений, ни качество почв в этом районе не позволяли получать высокие доходы от земли. Богатство помещиков здесь основывалось на оброке, получаемом с крестьян, занятых отхожими промыслами [4, с. 22-23].

Большинство помещиков Верхнего Поволжья отказывалось от барщины, так как считало земледелие невыгодным занятием «из-за скудости почвы и низких цен на хлеб, привозимый с Волги». В то же

время ряд землевладельцев считали необходимым держать в имении «небольшую запашку, чтобы можно было недоимщиков переводить на барщину и тем побуждать остальных к исправному взносу оброка» [10, с. 166]. Предпринимались попытки даже через печать доказать преимущества барщины над оброком [3]. Однако успеха они не имели, и с каждым годом число барщинных крестьян сокращалось. В последние годы дореформенного периода барщина в чистом виде существовала лишь в небольшом количестве помещичьих хозяйств Верхнего Поволжья. По данным Редакционных комиссий в конце 50-х годов XIX в., среди имений, насчитывающих свыше 100 душ мужского пола, во Владимирской губернии было чисто барщинных хозяйств всего 16, в Костромской и Ярославской еще меньше – 9 и 5 [9, с. 226-227]. Это при том, что в каждой из губерний имелось свыше полутысячи поместий, где было более сотни крепостных [8, с. 45].

Барщинное хозяйство не выдерживало конкуренции с оброчным и в связи с тем, что размер оброка, а, следовательно, и доходы, получаемые владельцами оброчных крестьян, в конце XVIII – середине XIX в. росли очень высокими темпами. Например, за этот период в трех уездах Костромской губернии: Ветлужском, Костромском и Нерехтском – оброк вырос в 2,8-3,8 раза [6, с. 290]. Никакое усиление эксплуатации крестьян на барщине не могло обеспечить такой рост доходности хозяйства.

Итак, форма феодальной эксплуатации крестьян, а, следовательно, и их положение во многом зависели от природно-географических условий конкретной местности, в которой располагалось имение. Главным фактором, обуславливающим выбор помещиком системы хозяйства, было качество почвы. В то же время существенное влияние на состояние сельского хозяйства оказывало наличие или отсутствие в данной местности крупных водных магистралей и другие природные факторы.

1. *Генкин Л.Б.* Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 г. // Ученые записки Ярославского государственного пединститута. Вып. XII (XXII). Ярославль, 1947.
2. *Горланов Л.Р.* Помещичьи крестьяне Костромской губернии накануне реформы 1861 г. // Из истории Костромского края: Сборник научных трудов Костромского государственного педагогического института имени Н.А. Некрасова и Ярославского государственного педагогического института имени К.Д. Ушинского. Вып. 33. Ярославль, 1972.
3. *Дмитриев С.* Опыт практических замечаний кинешемского землевладельца о сельском хозяйстве Костромской губернии. М., 1855. Ч. 4.

4. *Жбанков Д.Н.* Бабыя сторона // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 8. Кострома, 1891.
5. *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.
6. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
7. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
8. *Тройницкий А.* Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861.
9. *Федоров В.А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974.
10. *Шульц П.А.* Остзейский комитет в Петербурге 1857-58 гг. // Голос минувшего. 1915. № 2.
11. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. 16а.

УДК 477.4(18-19):338.3.002.2

Я.В. Бойко¹

Территориальное размещение и отраслевая структура занятости экономически активного населения Наднепрянской Украины (вторая половина XIX в.)

Рынок рабочей силы; трудовые ресурсы; размещение занятого населения; разделение труда; структура занятости.

В статье раскрывается территориальное размещение трудовых ресурсов, определяется удельный вес занятого населения Наднепрянской Украины, освещается отраслевое разделение труда сложившееся к концу XIX в.

Важное место в изучении экономической истории государства и его отдельных административно-территориальных единиц, с присутствием им природно-географическими характеристиками, занимает анализ воспроизводства и размещения трудовых ресурсов, сложившегося разделения труда, структуры занятости населения и характера его хозяйственной деятельности в рамках определенного способа производства.

Следует отметить, что степень разделения труда и структура занятости населения являются, во многом, концентрированным выражением и показателем уровня развития производительных сил и

¹ Бойко Ярослав Владимирович, Институт истории Южной Украины (Украина, Черкассы), к.и.н.; skif@uch.net.

экономики в целом, как в региональном, так и в общенациональном масштабах.

Невзирая на структуротворный характер и фундаментальные признаки присущие указанной научной проблеме, на ее значимость в деле обстоятельного изучения истории развития отечественного рынка и рыночных отношений, она пока не стала, за незначительным исключением [см. 1, с. 366–376; 2, с. 36–42], предметом специальных исследований ни в украинской, ни в зарубежной историографии. Такое отношение современной академической науки к ключевым вопросам истории развития пореформенного рынка, на наш взгляд, не содействует решению сегодняшних проблем и задач, связанных с созданием оптимальной модели современной, социально ориентированной рыночной экономики, которая бы учитывала национальную специфику и накопленный исторический опыт.

В настоящей работе ставится задача, осветить вкратце территориальное размещение трудовых ресурсов Наднепрянской Украины, раскрыть сложившееся отраслевое разделение труда и структуру занятости ее экономически активного населения на этапе перехода Российской империи от домонополистического к монополистическому капитализму.

За период с 1858 по 1897 год численность населения в девяти губерниях Наднепрянской Украины выросла с 13,0 млн чел. обою пола (мужчины составляли 46,7 %, женщины – 53,3 %) до 23,4 млн чел. (мужчины составляли 50,3 %, женщины – 49,7 %). Численность экономически активного (занятого) населения, за указанный период, выросла с 3,3 млн до 5,9 млн чел. об. п. или на 82,4 %. Удельный вес всего занятого населения Наднепрящины, в конце XIX в., составлял 25,4 % от общего числа ее жителей (мужчины составляли 20,9 %, женщины – 4,5 %), на иждивении которого пребывало 17,5 млн чел. – членов семей [3, с. 108–163, 272–329, 420–459]. В общей массе занятых, достигавшей 6 млн чел., мужчины составляли 82,5 %, женщины – 17,5 %. Из них в сельской местности проживало 76,7 % от всех занятых (мужчины составляли 65,2 %, женщины – 11,5 %), в городской – 23,3 % (17,3 % и 6,0 % соответственно). В региональном разрезе первое место, по численности занятых, занимало Правобережье (40,4 %), второе – Левобережье (30,3 %) и третье – Юг Украины (29,3 %). Удельный вес занятых мужчин, от общего количества занятых в регионе, составлял на Левобережье – 80,8 %, на Правобережье – 82,8 %, на Юге Украины – 83,8 %, занятых женщин, соответственно – 19,2 %, 17,2 % и 16,2 % [3, с. 108–163, 272–329, 420–459].

Среди всего занятого населения Левобережной Украины, превышавшего 1,8 млн чел., занятые в сельской местности составляли 79,7 % (мужчины – 66,5 %, женщины – 13,2 %), в городской – 20,3 % (14,3 % и 6,0 % соответственно). В общей массе занятого населения Правобережья, достигавшего 2,4 млн чел., занятые в сельской местности составляли 82,7 % (мужчины – 69,9 %, женщины – 12,8 %), в городской – 17,3 % (12,9 % и 4,4 % соответственно). Среди занятого населения Южной Украины, превышавшего 1,74 млн чел., занятые в сельской местности составляли 65,4 % (мужчины – 57,4 %, женщины – 8,0 %), в городской – 34,6 % (26,4 % и 8,2 % соответственно) [3, с. 108–163, 272–329, 420–459].

Рассматривая межгубернское размещение занятого населения, следует почеркнуть, что наибольшее его количество проживало в Киевской (15,9 %), Херсонской (13,6 %) и Подольской (12,6 %) губерниях, наименьшее – в Таврической (7,1 %) и Екатеринославской (8,6 %). Если говорить об удельном весе занятых (от всего населения губернии), то наибольшим он был в Херсонской (29,6 %), Таврической (29,3 %) и Киевской (26,5 %) губерниях, наименьшим – в Полтавской (23,3 %). Удельный вес занятых мужчин (от всех занятых в губернии), был в диапазоне от 78,7 % в Полтавской и до 85,7 % в Волынской губернии, занятых женщин – от 14,3 % в Волынской и до 19,9 % в Киевской губернии [3, с. 108–163, 272–329, 420–459].

Обработанные автором материалы переписи населения 1897 г. свидетельствуют о том, что более половины трудоспособного населения Наднепрящины в конце XIX в., как и в начале 60-х годов, попрежнему занималось земледелием (включая огородничество и садоводство) и составляло 3285,9 тыс. чел. обоего пола (55,3 %). Занятые частной службой, прислуга и поденщики, составляли вместе 667,0 тыс. чел. об. п. (11,2 %) и по численности занимали второе место после земледельцев. Животноводством было занято 44,3 тыс. чел. (0,8 %), переработкой продуктов животноводства – 20,7 тыс. (0,4 %). Производством продуктов питания из сырья животного и растительного происхождения занималось 69,7 тыс. чел. (1,2 %), обработкой волокнистых веществ (продуктов земледелия) – 43,4 тыс. чел. (0,7 %), пошивом одежды, обуви – 229,6 тыс. (3,9 %). Количество занятых ремонтными и строительными работами составляло 110,7 тыс. чел. (1,9 %), добычей руд и полезных ископаемых – 31,1 тыс. (0,5 %), обработкой металлов занималось – 103,3 тыс. (1,7 %), дерева – 78,2 тыс. (1,3 %), другими видами производства – 19,3 тыс. (0,3 %), рыболовлей и охотой – 9,5 тыс. чел. (0,2 %). Транспортные услуги предоставляли 111,9 тыс. чел. (1,9 %). Из них извозным промыслом

занималось 45,4 тыс. чел. (0,8 %), на железной дороге работало 50,7 тыс. чел. (0,9 %). Разными видами торговли, включая оптовую, занималось 305,5 тыс. чел. (5,1 %). Удельный вес торгующих сельскохозяйственной продукцией составлял 1,1 % (в том числе зерновыми – 0,6 %). Значительная часть занятых занималась продажей строительных материалов и топлива (0,3 %), тканей и одежды (0,3 %), шкур и мехов (0,14 %). Продажей алкогольных напитков было занято 14,8 тыс. чел. (0,3 %), в гостиницах и трактирах работало 19,6 тыс. (0,33 %) и т.д. [3, с. 108–163, 272–329, 420–459; 4, с. 18–35; 5, с. 82–88].

Как указывалось выше, основная масса населения Наднепрящины проживала в сельской местности. Численность занятых земледелием в сельском хозяйстве (включая огородничество и садоводство), превышала 3211,8 тыс. чел. обоего пола, что составляло 70,4 %, от общего числа занятых в уездах. Численность служащих, прислуги и поденщиков составляла в указанной местности 380,4 тыс. чел. (8,3 %). Животноводством было занято 42,9 тыс. чел. (0,9 %), переработкой сырья животного и растительного происхождения в продукты питания – 39,5 тыс. чел. (0,9 %), добычей руд и минералов – 28,8 тыс. чел. (0,6 %), выплавкой металлов – 1,7 тыс. (0,04 %), обработкой металлов – 57,9 тыс. (1,3 %), дерева – 43,5 тыс. (1,0 %), изготовлением одежды и обуви – 109,7 тыс. (2,4 %), строительными и ремонтными работами – 59,5 тыс. чел. (1,3 %). Другими видами производства занималось 10,1 тыс. чел. (0,2 %), предоставлением транспортных услуг – 4,8 тыс. (1,1 %), различными видами торговли – 13,0 тыс. чел. (2,9 %) и т.д. [3, с. 108–163, 272–329, 420–459; 4, с. 18–35; 5, с. 82–88].

В городской местности Наднепрящины численность жителей занятых земледелием (включая огородничество и садоводство), превышала 74,1 тыс. чел. об. п., что составляло 5,4 %, от общего количества занятых горожан. Численность частных служащих, прислуги и поденщиков в городах составляла 286,6 тыс. чел. (20,8 %). Животноводством было занято 1,4 тыс. чел. (0,1 %), переработкой сырья животного и растительного происхождения в продукты питания – 30,2 тыс. чел. (2,2 %). Добычей руд и минералов занималось 2,4 тыс. чел. (0,2 %), обработкой металлов – 45,4 тыс. (3,3 %), дерева – 34,6 тыс. (2,5 %), изготовлением одежды, обуви – 119,9 тыс. (8,7 %), строительными и ремонтными работами – 51,2 тыс. чел. (3,7 %). Другими видами производства занималось 9,1 тыс. чел. (0,7 %), предоставлением транспортных услуг – 56,5 тыс. (4,1 %), различными видами торговли – 156,1 тыс. чел. (11,3 %) и т. д. [3, с. 108–163, 272–329, 420–459; 420–435; 4, с. 18–35; 5, с. 82–88].

Анализ сложившегося отраслевого разделения труда и структуры занятости населения в Наднепрянской Украины, а также статистические данные, изложенные в этой и других работах автора, указывают на значительный рост численности занятого населения в пореформенный период, свидетельствуют о расширении рынка рабочей силы и росте его подвижности, об углублении разделения труда и появлении новых направлений хозяйственной деятельности. Наряду с указанным выше, активное внедрение в производство усовершенствованных орудий труда, машин и новых технологий в пореформенное время, придавало, в свою очередь, дополнительное ускорение развитию производительных сил Наднепрящины, а также способствовало росту ее валового внутреннего продукта.

Приведенные в статье данные могут быть использованы в качестве фундамента и исходной точки при изучении дальнейшего развития общественного разделения труда, производительных сил и общественного воспроизводства на указанной территории. С целью освещения последующих этапов развития производительных сил и системы разделения труда, наряду с прочими источниками, могут быть использованы материалы переписей населения Украины XX – начала XXI вв.

1. *Бойко Я.В.* Разделение труда и структура занятости населения в губерниях Центрального Черноземья в конце XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального развития России и Восточной Европы X–XXI вв. Москва; Брянск, 2012.
2. *Бойко Я.В.* Территориальное размещение и занятость экономически активного населения Наднепрянской Украины на переломе XIX–XX вв. // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. Черкаси, 2013.
3. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Табл. XX. Т. 1. СПб., 1905. Расчеты автора.
4. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897. СПб., 1905. Расчеты автора.
5. Численный состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 2. СПб, 1906. Расчеты автора.

Заселение городов и формирование уездов Центрального Черноземья в конце XVI – начале XVII в.²

Юг России; конец XVI – начало XVII в.; города, население.

В статье рассматривается население новых южных российских городов конца XVI – начала XVII в.

С середины 1580-х гг. «на Поле» – южной окраине страны – сооружались новые крепости: Воронеж, Ливны, Елец, Курск, Белгород, Оскол, Валуйки, Царев-Борисов. При решении задачи их заселения правительство отступало от последовательной линии на закрепощение крестьян, преодолевая сопротивление южных помещиков. О процессе формирования населения городов-крепостей «на Поле» позволяют судить документы о строительстве Ельца 1592-1593 гг. и документы о восстановлении после разорения Воронежа в 1594 г. [1; 8]³.

Руководство строительством и заселением Ельца осуществлял Посольский приказ во главе с дьяком Андреем Щелкаловым, руководившим внешнеполитическим ведомством России в 1570-1594 гг. По сохранившимся документам определить, кому принадлежало решение – лично царю или главе Посольского приказа дьяку А.Я. Щелкалову, сложно. Неясна роль в руководстве строительством новой крепости Бориса Годунова, который, как известно, в то время являлся фактическим правителем государства. В 1586 г. А.Я. Щелкалов – ближайший сподвижник Б.Ф. Годунова [9, с. 133]. С конца 1580-х гг. Б.Ф. Годунов захватил в свои руки все нити внешнеполитических сношений. Произошло умаление роли посольских дьяков. По предположению А.П. Павлова, между Годуновым и дьяком А.Я. Щелкаловым отношения охладились, что привело к отставке последнего в 1594 г. [7, с. 55]. Тем не менее, оперативные вопросы управления строительством и заселением новой крепости решались в Посольском приказе.

В 1591 г. был издан указ о наборе на службу в новую елецкую крепость стрельцов, казаков, пушкарей, верстании детей боярских. Казачьи и стрелецкие головы и сотники ездили по городам и уездам и

¹ Глазьев Владимир Николаевич, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), д.и.н.; bob60_12@mail.ru, vng@main.vsu.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0457.

³ РГАДА. Ф. 141. 1594 г. Д. 1. Ч. 2.

набирали ратных людей в новый город Елец. Новоприборным стрельцам обещали жалованье. Крепость должны были возводить сами елецкие служилые люди. Первые строители крепости – стрельцы и казаки – пришли на Елецкое городище «на Рождество Христово» 7100 г., то есть 25 декабря 1591 г. (По современному григорианскому календарю – 4 января 1592 г.). Основная часть служилых людей приходили зимой 1592 г.

Елец и его округу засеяли жители близлежащих южнорусских уездов: Орловского, Новосильского, Пронского, Алексинского, Тульского, Каширского, Соловского, Крапивинского, Епифанского, Болховского. По указу в елецкие стрельцы и казаки следовало набирать родственников крестьян и служилых людей: от отцов – детей, от братьев – братьев, от дядей – племянников. Главное условие записи в Елец – оставление на том месте, где жил ушедший, – на пашне или в службе – человека, не обязательно родственника. Если записавшийся в службу в Елец никого не оставил на своем прежнем месте, то его уход рассматривался как бегство. Беглые крестьяне и служилые люди подлежали возвращению в тягло или в службу.

Беглые крестьяне находились в составе гарнизона Воронежа в 1594 г. В грамоте на имя головы Б.Л. Хрущева, полученной в Воронеже 6 августа, приказывалось «бити батоги гораздо да ... посадити в тюрьму на неделю» воронежского казака Рудака Салманова за то, что он бил приказчиков сына боярского М. Кошелева, приехавших за беглыми крестьянами. Предписания Посольского приказа Б. Хрущев не выполнил, а отпустил из Воронежа в Москву⁴.

Как правило, крестьяне и служилые люди (их родственники) уходили в новый город Елец зимой или весной 1592 г. одни без семей. На прежнем месте они оставляли имущество, засеянные в земле рожь и овес. В документах упоминается «пожилое», которое платилось помещику, в одном из случаев оно составляло 40 алтын – т.е. 1 руб. 20 коп. [8, с. 23-25].

Осенью 1592 г. елецкие стрельцы и казаки приезжали на места, где они жили раньше, чтобы забрать с собой жен, детей, вещи и скот, сжать хлеб. Дети боярские не отдавали им имущества, а иногда пытались заставить елецких стрельцов и казаков жить у себя в поместьях. Прежние владельцы заковывали пришедших в железные цепи, «вымучивали» записи о том, что стрельцы и казаки не будут подавать имущественные иски, останутся жить за тем или иным сыном боярским.

⁴ РГАДА. Ф. 141. 1594 г. Д. 1. Ч. 2. Л. 35.

Чтобы добиться возвращения семей и имущества, стрельцы и казаки подавали челобитные в Посольский приказ. Прошения содержат подробные перечни скота и домашней птицы, одежды, посуды, продуктов. Они позволяют судить о хозяйстве южнорусских крестьян и служилых людей в конце XVI в. Из Москвы на места к воеводам, головам, губным старостам, городovým приказчикам посылались грамоты с указанием проверить законность ухода из поместья, «доправить» имущество челобитчиков с детей боярских, отпустить их с семьями в Елец. Но даже при наличии грамоты из Москвы дети боярские оказывали сопротивление – настолько важно для них было сохранить за собой рабочие руки и крестьянские «животы». Подобные противоречия возникали и в стрелецких и казачьих слободах городов, откуда родственники служилых людей уходили в Елец. Казачьи и стрелецкие головы и сотники не хотели отпускать желавших уйти в Елец.

Позиция правительства выражена в следующем высказывании: «Нам все города надобны – как Орел, так и Елец!». Когда елецкий голова И.Н. Мясной выдал несколько елецких казаков детям боярским в крестьяне, он получил выговор: «А ты дуруешь, что казаков выдаешь! Не велено казаков выдавать детям боярским. ... и ты б казаков берег и за них стоял и детям боярским не выдавал». Епифанский осадный голова Ф.А. Наумов получил порицание Посольского приказа за то, что заставил елецких казаков возводить крепостные стены в Епифани, между тем они уже строили Елец: «Ты то делаешь не гораздо – мы города новые устраиваем, а ты пустошишь!» [8, с. 30, 46, 72].

Видимо, приказы не всегда занимали единую позицию по поводу набора служилых людей в новую крепость. Елецкий стрелец Т. Логачев ранее жил в Орле в казачьей слободе с братом. Орловский казачий голова К. Лодыженский не отдал ему имущества и, более того, заставил написать обязательство жить в Орле в казачьей слободе. Т. Логачев обратился с челобитной в Посольский приказ, где издали грамоту к орловским воеводам с предписанием отпустить стрельца с имуществом в Елец. Но К. Лодыженский ранее получил указание Стрелецкого приказа – из Орла из казачьей слободы отпускать в Елец только третьего и четвертого брата, а двух оставлять. Между тем Т. Логачев был вторым братом в семье, поэтому голова не отпустил его в новую крепость [8, с. 148-149].

Наряду с набором «охочих» людей в Елец «сводили» ратных людей. В частности, 60 полковых казаков перевели в Елец из Ливен. На жительство в Елец переводили тульских пушкарей. 19 марта 1593 г. в Елец «для учения» елецких пушкарей и кузнецов посылались

три «добрых» тульских пушкаря и кузнец. Метод «сведения» ратных людей применялся и при заселении Воронежа. Так, из Рязска и Данкова в Воронеж были переведены казаки. Б. Хрущеву подчинялись служилые черкасы (украинцы), переведенные из Ливен. Власти практиковали переводы из одной группы служилых людей в другую. Летом 1594-го года 50 воронежских стрельцов перевели в казаки. Кроме того, воронежский воевода принял 21 человека в пушкари и затинщики.

Гарнизон Ельца пополняли донские казаки. К осени 1592 г. по царскому указу за рекой Сосной поселились 30 донских казаков с атаманами М.А. Шлыком и Р. Дробышевым (Клушиным). По указу число донских казаков в Ельце было увеличено до ста. Некоторые из записавшихся в Елец донских казаков ранее жили в Епифани [8, с. 36-37, 116, 124-126, 179, 40]. Голова Б. Хрущев принимал в воронежские казаки выходцев из тульских, рязанских, орловских мест, с «вольного» Дона и других степных рек, выдавал им жалование деньгами и хлебом, отводил землю.

Одновременно со строительством города в Ельце возникали церкви и монастыри. К декабрю 1592 г. в Вознесенском соборе служили два священника, дьякон, дьячок, пономарь, проскурница. В Успенской церкви, что на посаде, – два священника, дьячок, пономарь, проскурница. В елецком Троице-Сергиевом монастыре – игумен и монахи. В 1586 г. сооружался главный храм Воронежа – деревянный Благовещенский собор. В слободах служилых людей строились приходские церкви.

По указу в окрестностях Ельца следовало испоместить 200 детей боярских из числа неслужилых родственников. До 19 августа 1592 г. кн. А.Д. Звенигородский и И.Н. Мясной верстали 164 человека из разных городов. В присутствии окладчиков им определили поместные оклады и денежное жалованье. 31 августа 1592 г. елецкий воевода кн. А.Д. Звенигородский и И.Н. Мясной получили распоряжение – отделить землю детям боярским в соответствии с их окладами, чтобы на отведенных землях елецкие помещики могли строить дворы и распахивать землю. Отвод земель детям боярским в 1593-1594 гг. положил начало формированию Елецкого уезда [5, с. 32-74]. В бумагах 1594 г. не называются воронежские дети боярские. Очевидно, в отличие от Ельца, формирование воронежской корпорации детей боярских произошло позже.

Мною высказывалось предположение о том, что Воронежский уезд образовался в 1598-1605 гг. в связи с испомещением детей боярских в окрестностях Воронежа [2, с. 56, 307]. М.Ю. Зенченко оспорил

это мнение. Он обратил внимание на то обстоятельство, что помещики Воронежского уезда перечислены в Дозорной книге 1615 г. без упоминаний о дворах. М.Ю. Зенченко отмечает, что «собственных дворов нет не только у помещиков, но и у крестьян (хотя дозорщик различал наличие у помещиков крестьян – сравним «пашни паханные помещиковы и крестьянские» и «пашни паханные помещиковы»). Видимо, считает М.Ю. Зенченко, в 1615 г. еще вся помещичья запашка обрабатывалась наездом. По его словам, возникновение уезда надежно датируется 1615 г. [4, с. 177-179].

Представляется, что существуют основания отнести возникновение Воронежского уезда к более раннему времени. В период с 15 мая по 12 августа 1613 г. в Москве выдавались грамоты на поместья воронежским детям боярским, причем некоторые из поместий названы «старыми». Например, «Мая в 15 день: Запечатана грамота в Воронежской уезд в жеребей села Рамони по челобитью Нелюба Томашина: отказная на старое поместье. Пошлин полполтины. *Взято*» [3, с. 109].

В июне 1613 г. И.М. Заруцкий разорил воронежские деревни: Синдякину, Остапову, Сушиловку. Следовательно, дворы в этих населенных пунктах размещались. В 1612/13 г. был основан Борщев монастырь, поместье в с. Белый колодезь было получено владельцем по грамоте 1612/13 г. [6]. Следовательно, в 1613 г. поселения в Воронежском уезде уже существовали, а появились они, возможно, ранее.

Таким образом, при заселении окраинных южных крепостей российское правительство руководствовалось общегосударственными потребностями укрепления обороны южных границ России. Ему приходилось пренебрегать интересами детей боярских, терявших рабочие руки, мириться с сокращением численности жителей других южно-русских городов, откуда люди уходили в новые города.

1. *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967.
2. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.
3. *Документы Печатного приказа (1613-1615 гг.) /Сост. акад. С.Б. Веселовский.* М., 1994.
4. *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008.
5. *Ляпин Д.А.* Дворянство Елецкого уезда в конце XVI – XVII вв. Елец, 2008.
6. *Материалы для истории Воронежской и соседних губ. Т. 2. Воронежские писцовые книги.* Воронеж, 1891.

7. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
8. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1594 гг. / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.Н. Глазьев, Н.А. Тропин, А.В. Новосельцев. Елец, 2001.
9. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.

УДК 94 (4/9)

Д.А. Ляпин, Н.А. Жиров¹

Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – первой трети XVII вв.²

Ливенский уезд; Елецкий уезд; переписные книги; помещики.

Статья посвящена вопросам заселения южнорусского пограничья в конце XVI–XVII вв., на примере Ливенского и Елецкого уездов, занимавших правобережье Верхнего Дона. Авторы выделяют специфику размещения и численности населения уездов.

Ливенский и Елецкий уезды были образованы в конце XVI в. в рамках политики расширения и укрепления южных границ государства в районе Верхнего Дона. Уезды начинали формироваться сразу после распределения земель вокруг крепостей переселившимся сюда помещикам. Так Елец был построен в 1593 г., и уже в 1594 г. земли вокруг города были розданы переселенным сюда детям боярским³. Ливны появились в 1586 г., земли местные помещики могли получить уже в 1587-1588 гг.

На основе данных документов по Ельцу 1594 и 1604 гг.⁴ мы можем говорить о том, что в это десятилетие расселившиеся помещики образовали первые два стана по рекам, впадающим в правый берег Быстрой Сосны, самый крупный приток Дона. К этому времени по-

¹ Ляпин Денис Александрович, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (РФ, Елец), к.и.н.; denis-l@mail.ru.

Жиров Николай Анатольевич, к.и.н.; zhirov-nikolai@mail.ru.

² Статья подготовлена при поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг., проект № 14.В37.21.0953.

³ Отдельная книга земель елецким служилым людям 1594 г. См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-24.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-24; Ф. 210. Оп. 1. Дела десятиен. Д. 84. Л. 1-98.

явились и первые поселения в северной части уезда по реке Красивая Меча. Общая численность елецких помещиков на 1604 г. составила около 600 человек. Итак, заселение Елецкого уезда началось с расселения помещиков по берегам двух крупных притоков Дона, точнее по небольшим речкам, впадающим в них. Интересно, что уезд заселялся по принципу от крепости на север по руслам рек и балок.

Такая же ситуация была характерна и для Ливенского уезда.

Большое влияние на размещение населения и хозяйственно-экономическое развитие уездов, оказывало пролегание основных дорог крымских татар, использовавшихся для нападения на земли Русского государства. Так, две из них – Изюмский и Муравский шляхи проходили непосредственно через территорию Ливенского уезда.

В 1615 г. была проведена первая перепись Ливенского и Елецкого уездов, на основании этих данных, мы видим следующую картину заселения региона⁵ [3].

В 1615 г. оба уезда были разделены уже на четыре стана каждый. При подсчете численности населения, проживавшего в уездах, учитывался ряд обстоятельств. Во-первых, в источниках XVII в. учитывалось не фактическое население, а только владельцы поместий, без учета членов их семей, так как источники носили в основном фискальный характер и не ставили перед собой демографических задач. В таком случае, применительно к этому времени можно провести только примерные подсчеты гипотетического количества жителей, проживавшего в уездах.

Согласно принятой методике, когда двор соответствовал семье в 5-6 человек (владелец двора, жена и двое-трое его детей, а также родители мужа или жены) можно вычислить количество предполагаемого населения. Так как наши подсчеты в любом случае могут быть выполнены лишь приблизительно, и для большей достоверности мы будем пользоваться только округленными цифрами, то вполне приемлемо при вычислении населения отталкиваться от количества зарегистрированных дворов.

Начнем с Ливенского уезда. По нашим подсчетам население всего Ливенского уезда в 1615 г. (без учета г. Ливны) составляло примерно 5000-6000 человек. В основном это были помещики (дети боярские) – 3620-4345 человек или 72,4 % жителей уезда. Большая часть помещиков не имела на своих землях не крестьян, не бобылей и являлась однодворцами [2, с. 41-48]. На долю крестьянства приходилось всего 27,6 % населения уезда (также без учета г. Ливны).

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 131, 132.

Наиболее заселенным станом был Красный, который начинался от самого города и шел на север. Это был один из первых станов уезда. В Красном стане зарегистрировано 200 дворов детей боярских, 105 – крестьян, 15 – бобылей. На 24 населенных пункта в среднем приходилось по 13 дворов в каждом. Таким образом, в рассмотренном Красном стане в 200 помещичьих дворах количество населения могло находиться в пределах 1000-1200 человек, в 120 крестьянских и бобыльских – 600-720, а всего – 1600-1920 жителей.

Вторым по численности был Серболов стан, который располагался по течению реки Чернава и многочисленных притоков реки левобережья Быстрой Сосны. На момент переписи 1615 г. в стане было зарегистрировано 2 села, 20 деревень и 2 починка. Всего же в 311 дворах в стане зарегистрировано: 261 помещик, 8 вдов, 37 недорослей, 39 крестьян и 4 бобыля. По этим данным было рассчитано потенциально проживавшее население стана: 1305-1565 помещиков, 195-230 крестьян и 20-25 бобылей, а всего – 1520-1820 человек.

Затруцкий стан Ливенского уезда лежал за рекой Труды, по верхнему течению р. Быстрой Сосны. В нем находилось 30 населенных пунктов: 1 село, 3 сельца и 26 деревень, починков и слободок, в которых насчитывалось 280 дворов: 187 – помещичьих, 80 – крестьянских, 13 бобыльских. Всего в Затруцком стане проживало примерно 65-78 бобылей, 400-480 крестьян и 935-1120 помещиков. Общее количество жителей в округленных цифрах могло находиться в пределах от 1400 до 1680 человек.

Мокретский стан лежал на правом берегу р. Быстрой Сосны. Он был наименее заселенным из всех рассматриваемых станом из-за частых разорений его крымцами, вследствие пролегания по его территории двух татарских шляхов. В Мокретском стане находилось 1 село, 1 сельцо, 10 деревень и 2 починка. Всего зарегистрировано было 129 дворов. По нашим подсчетам, в стане проживало 380-460 помещиков, 235-280 крестьян и 30-35 бобылей, всего около 645-775 человек.

Данные Переписной книге 1615 г. по Ельцу, к сожалению, не содержат упоминания о крестьянах. Поэтому мы были вынуждены обращаться к более поздним данным 1622 г.⁶

Всего в Елецком уезде на момент переписи 1615 г. проживало от 4000 до 4750 детей боярских и около 1000 крестьян, т.е. всего около 6000 человек (без учета г. Ельца).

Самым крупным станом был Елецкий, начинавшийся от самого города Ельца и тянувшийся на север. Здесь насчитывалось 8 сел, 17

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятиен. Д. 87.

деревень, 11 починков в которых было зарегистрировано 221 двор детей боярских (вместе с недорослями), 22 дворов вдов помещиков, а всего в 36 населенных пунктах было зарегистрировано 1215-1460 помещиков.

Засосненский стан, расположенный на юге уезда за рекой Быстрой Сосной, насчитывал 29 населенных пунктов: 7 сел, 10 деревень, 12 починков. В рассматриваемом стане примерно проживало в 170 дворах – 850-1020 помещиков (в том числе вдовье население в двух дворах).

Бруслановский стан, тянувшийся на восток к реке Дон, имел в своем составе 7 сел, 22 деревни, 17 починков. Одной из основных форм населенных пунктов являлись починки – недавно образованные деревни с незначительным количеством жителей. Это указывает на процесс активного заселения стана, на начало бурного процесса хозяйственного освоения территории. В 207 дворах помещиков (с учетом недорослей и вдов) и казаков проживало от 1035 до 1240 человек.

В Воргольском стане, расположенном в большом лесу по реке Воргол, к западу от Ельца, насчитывалось всего 5 сел, 19 деревень и 1 починок. В них находилось 173 помещичьих дворов, и около 1038 человек.

Таким образом, всего на территории рассматриваемых уездов проживало около 12000 человек. Эта цифра указывает на явную малочисленность населения. При этом около 80 % проживало на левобережной части Быстрой Сосны, правого притока Дона. Подавляющее большинство населенных пунктов уездов располагалось в комфортных для хозяйственной деятельности местах – возле лесных массивов и при наличии водных ресурсов – рек и ручьев. Реже населенные пункты были удалены от лесов и водных объектов, но это удаленность была относительна, так как в среднем не превышала 1-2 км.

Степная правобережная часть Ливенского уезда была полностью заселена и освоена только в начале XIX в., а на протяжении всего XVIII в. населенные пункты появлялись только в местах с относительным удалением от источников воды и лесных территорий. На этом основании напрашивается только один вывод – население, первоначально заселяло только благоприятные территории, богатые лесом и значительными источниками воды.

Основным населением края являлись помещики (дети боярские), что тормозило экономическое развитие уездов и их освоение в целом, так как основной функцией представителей этого слоя общества было несение военной службы [1, с. 27]. Таким образом, занятие сельским хозяйством и другими видами экономической деятельности

среди помещиков было вынужденной мерой, так как количество крестьянства было незначительным.

Большой проблемой в рассмотренных уездах была малочисленность крестьян. Только в 1620-е годы начинается активное заселение региона крестьянами и помещиками (детьми боярскими)⁷. А.А. Новосельским было зарегистрировано незаконное бегство на Юг крестьян, которые являлись выходцами со средней Оки: Орловского, Калужского и других уездов. По подсчетам историка из 546 крестьянских семей – 27,3 % разместились в Елецком уезде, а 13 % – в Ливенском [4, с. 297-299].

В целом характер расселения в Елецком и Ливенском уездах соответствовал общему ходу этого процесса во всей оборонительной зоне Юга России, где азональный характер возникновения поселений (в зависимости от расположения оборонительных линий) сочетался с зональным (в зависимости от природных условий).

Как было отмечено вначале решающую роль на размещение населения, оказывала татарская опасность. В этой связи села и деревни уездов располагались на окраине крупных лесных массивов (в их пределах), в нескольких километрах от татарских сакм и шляхов. Например, к такой группе населенных пунктов можно отнести подавляющее большинство селений Ливенского уезда – 93, в которых находилось фактически 99 % населения, и 125 в Елецком с массовой долей проживавшего жителей – 85,7 %.

Это позволяло местному населению, в основном детям боярским, патрулировать маршруты передвижения татар, выполнять патрульную и сторожевую службы. Лес был не только источником топлива, но и позволял прятаться от татарских набегов. В населенных пунктах, относящихся к этой группе, проживали крестьяне, помещики и помещики-однодворцы.

Другая часть населенных пунктов Ливенского и Елецкого уездов, 2 и 11 соответственно, располагалась в отдалении от лесов, как правило, прямо на путях татарских сакм. Здесь проживали в основном помещики-однодворцы. Всего же в этих селениях находилось чуть более 1 % жителей Ливенского и 14,3 % Елецкого уездов. К середине XVII в. число поселений на татарских дорогах будет резко расти. В результате этого будут заселены северные пространства уездов, отдаленные от крупных лесов и крепостей.

1. *Лятин Д.А.* История Елецкого уезда в конце XVI-XVII веков. Тула, 2011.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 19. Д. 9, ч. 1-2.

2. *Ляпин Д.А.* Особенности формирования дворянства на Юге России в XVII в. // *Российское дворянство (XII – начало XX вв.): актуальные проблемы исследования: сб. мат. / Под ред. А.Ю. Дворниченко.* СПб., 2008.
3. *Мацук М.А.* Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/1616 году. Сыктывкар, 2001. Ч. I.
4. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948.

УДК 913(470.31)«15/17»

А.В. Дедук¹

К исторической географии Корницкого стана Соловского (Крапивенского) уезда

Корницкий стан; Корнике; Соловский уезд; межи.

В работе рассмотрена история и границы Корницкого стана Соловского (Крапивенского) уезда. На базе межевой документации XVII – XVIII вв. проведена реконструкция его границ.

Данная работа посвящена истории и границам Корницкого стана Соловского (Крапивенского) уезда XVI – XVIII вв. Ее задачи: определить основные вехи формирования и освоения территории Корницкого стана, попытаться определить его территорию.

Проблема локализации Корницкого стана напрямую связана с расположением города «Корнике». Он упоминается только один раз – в «Списке русских городов дальних и ближних» [12, с. 95]. И.П. Сахаров, Д.Г. Геденов, М.Н. Тихомиров и Р.В. Клянин соотносили город Корнике с городищем и группой селищ в устье р. Корнички (правый приток р. Шат) [4, с. 246; 8, с. 141–146; 11, с. 19; 12, с. 123]. В историографии не ставился вопрос о соотношении города Корники и Корницкого стана, не были определены хронологические рамки существования и границы данной административной единицы. Именно в восполнении данного пробела и в доказательстве или в опровержении локализации Корники автор видит задачи данной работы.

Стоит оговорить важный момент: по документам Генерального межевания неоднократно упоминается «Крапивенского уезда отделенный Корницкий стан»². Относительно к другим станам Крапивенского уезда данное выражение не употребляется. Следовательно, Корниц-

¹ Дедук Андрей Владимирович, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва); deduk@list.ru.

² См. например: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 537. Ч. 1. Ед. хр. 3 – 2 син, И – 3 син, И – 4 син, К – 6 син, С – 15 син.

кий стан являлся анклавом Соловского уезда и, вероятно, часть границ Соловского уезда должна совпадать с границами Корницкого стана.

Проанализируем некоторые упоминания топонима «Корник» и Корницкого стана в XVI – XVIII вв.

В мае 1566 г. Семену Григорьеву сыну Окулинину дается ввозная грамота на жеребей усадища Щедроватый Верх Корник в Соловском и Плавском уезде [1, № 299, с. 244–245]. В этом акте упомянуто писцовое описание Соловского уезда дьяка Ивана Федцова и подьячего Быка Михайлова 1562/63 гг.³

Писцовая книга 1571/72 гг. вотчины кн. Мстиславского содержит следующие свидетельства: «А крепость около Городенского посаду лес обошел большой засечной. С одну сторону от Городенского посаду мимо села Хорошего до Тульского уезда до Корник по смете в длину на пятнатцать верст...»⁴. Город Городенск – это современный Венев [7, с. 117–120]. Д. Хорошая в XVIII в. располагалась к югу от Венева, на левом берегу р. Веневки⁵.

Описания Корницкого стана дошли до нас во всех кадастрах Соловского – Крапивенского уездов XVII – XVIII вв.⁶

Выяснить территорию и границы Корницкого стана позволяют материалы Генерального межевания и межевых описаний XVII в. Можно предложить два алгоритма определения территории административно-территориальных единиц, ушедших в небытие из-за реформы Екатерины II, но существовавших в эпоху Генерального межевания: 1) повальный просмотр планов дач Генерального межевания по отдельному региону; 2) выявление планов Генерального межевания местничеств, уездов и станов, созданных до изменения границ и их соотнесение с межевыми книгами XVII в. В данной статье мы пойдем по второму пути, несмотря на все его эвристические трудности. Важным моментом является соотнесение уездной границы по Генеральному межеванию с данными межевых книг XVII в.

³ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Туле. № 321/37533. Л. 3, 14.

⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Венев. Ед. хр. 1. Л. 21 об – 22. Так же см. публикации данного документа [5, с. 320; 10, с. 1542].

⁵ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 6101. Землевладение № 15.

⁶ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 488. Л. 92 об – 103, 123 – 126, 129; Кн. 444. Л. 452 – 526 об; Кн. 493. Л. 790 – 810; Кн. 14244. Л. 240 – 303; Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 245 – 283 об; Оп. 2. Ед. хр. 1579. Л. 785 – 870; Ед. хр. 1581. Л. 273 – 359 об; Ед. хр. 1582. Л. 1 – 234; Ед. хр. 1585. Л. 777 – 966 об; Ед. хр. 1586. Л. 968 – 1059. Под кадастром автор, вслед за С.Б. Веселовским, понимает «описание с целью обложением налогом» [3, с. 30 – 33].

На топографической карте Крапивенского уезда 1777 г. никаких земель по р. Шат не показано, хотя южная и восточная граница уезда явно не совпадает с более поздней⁷.

На топографической карте Дедиловского уезда 1776 г. присутствует граница с Корницким станом Крапивенского уезда⁸. Она совпадает с границей по межевой книге 1674 г. Соловского и Дедиловского уездов: р. Пузатый Шатец – р. Шат – р. Гатня – р. Сухая Гатня – Пятой верх – верх Прудков – р. Липневая – Липневой отвершик – р. Касторня – р. Шат – Дубовый верх – Моклецкий отвершик – р. Моклец – Первый верх – р. Любоховка⁹.

Проблему с отсутствием земель по р. Шат на карте Крапивенского уезда можно решить благодаря двум топографическим картам Веневского уезда 1776 и 1777 гг. На карте 1776 г. по р. Дерницкий Шат (правый приток р. Шат) показана граница с Крапивенским уездом¹⁰. А на карте 1777 г. часть данной границы уже обозначена как граница с Дедиловским уездом¹¹. Таким образом, в 1776-1777 гг. часть территории Корницкого стана была передана из Крапивенского уезда в Дедиловский. Данная граница идентична юго-западной границе Веневского уезда XVI – XVII вв. по карте С.Б. Веселовского и с границей Соловского и Веневского уездов по межевой книге Веневского уезда 1662/63 – 1666/67 гг.¹²

Предполагаемую границу Тульского уезда и Корницкого стана Крапивенского уезда позволяет установить топографическая карта Тульского уезда 1777 г. На данной карте отмечена граница с Дедиловским уездом, в который вошел Корницкий стан. Благодаря карте Дедиловского уезда можно «выделить» границу с Крапивенским уездом. Межа проходит в юго-востоку от р. Сежи¹³. Однако, по плану Генерального межевания Корницкой засеки 1777 г. данное землевладение отмечено как бывшая территория Корницкого стана Крапивенского уезда, переданная в Тульский уезд¹⁴. Данное наблюдение подтверждает то, что с «русской» стороны засека проходила по верху Пузатец –

⁷ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 6141. Ср. напр.: Там же. Ед. хр. 6059.

⁸ Там же. Ед. хр. 6109.

⁹ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 121. Л. 75 – 84 об.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 6096. Данную карту ср. с более поздними картами Веневского уезда: Там же. Ед. хр. 6098.

¹¹ Там же. Ед. хр. 6095.

¹² Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Ед. хр. 321; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 53. Л. 669, 675.

¹³ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 6171. Ср.: Там же. Ед. хр. 6174, 6175.

¹⁴ Там же. Ф. 1354. Оп. 545. Ч. 1. Ед. хр. К – 51 Кр.

рубежу Соловского и Дедиловского уезда XVII в. Нами была проведена локализация Корницкой засеки по документам XVII – XVIII вв.¹⁵

Таким образом, Корницкая засека возникает к началу 70-х гг. XVI в. (дата составления писцовой книги вотчины Мстиславского). По картам Е.Н. Шепкиной и С.Б. Веселовского не один населенный пункт Тульского уезда XVI – XVII вв. не переходит за Корницкую засеку. В XVII – XVIII в. Корницкая засека относится к Корницкому стану Соловского (Крапивенского) уезда, граница с Тульским уездом проходит по русской стороне засеки.

Проблема возникает с восточным участком границы Корницкого стана. По логике, на левобережье р. Шат должна проходить граница с Епифанским уездом. Однако, «дореформенная» карта Епифанского уезда нами не была выявлена. На наш взгляд данную проблему может решить привлечение планов дач Генерального межевания.

На плане дачи Бобриковской волости Люторического стана Епифанского уезда 1770 г. показаны три межи с землевладениями Крапивенского уезда: село Ильинское, Моковец тож; сельцо Ивановское; сельцо Степановское¹⁶. Граница Бобриковской волости с Дедиловским и Крапивенским уездами идет по р. Любуховка, исключая ее нижнее течение – там на левом берегу р. Любуховки располагалась д. Степановка. Нами были просмотрены вышеозначенные планы дач Крапивенского уезда, и все они относятся к Корницкому стану¹⁷. Таким образом, граница Корницкого стана здесь может быть реконструирована по материалам Генерального межевания.

Межевая книга Епифанского уезда 1629/30 гг. содержит описание меже земли кн. Василия Григорьевича Ромодановского Епифанского уезда с диким полем Дедиловского уезда¹⁸. Межа идет «по речке по Любуховке до речки до Шату». Возможно, граница Соловского и Дедиловского уезда в данном случае поменялась или же Епифанскими писцами не была учтена незначительная межа с Соловским уездом. Стоит отметить, что граница Епифанского уезда к XVIII в. перешла р. Любуховку в ее нижнем течении в районе д. Степановской. Эта трансформация могла произойти при процессе формирования Бобриковской волости, или же изменение границы уезда произошло из-за типовой формулы «покамест соха, коса и топор ходят».

¹⁵ Там же. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 1783; Ф. 271. Оп. 3. Ед. хр. 1059; Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 416. Л. 248 об – 263 об; Ф. 1354. Оп. 545. Ч. 1. Ед. хр. К – 51 Кр.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 25823.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 539. Ч. 1. Ед. хр. С-8 кр.

¹⁷ Там же. Оп. 537. Ч. 1. Ед. хр. И-5 син, И-9 син, С-14 син.

¹⁸ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 140. Л. 332 об – 333 об.

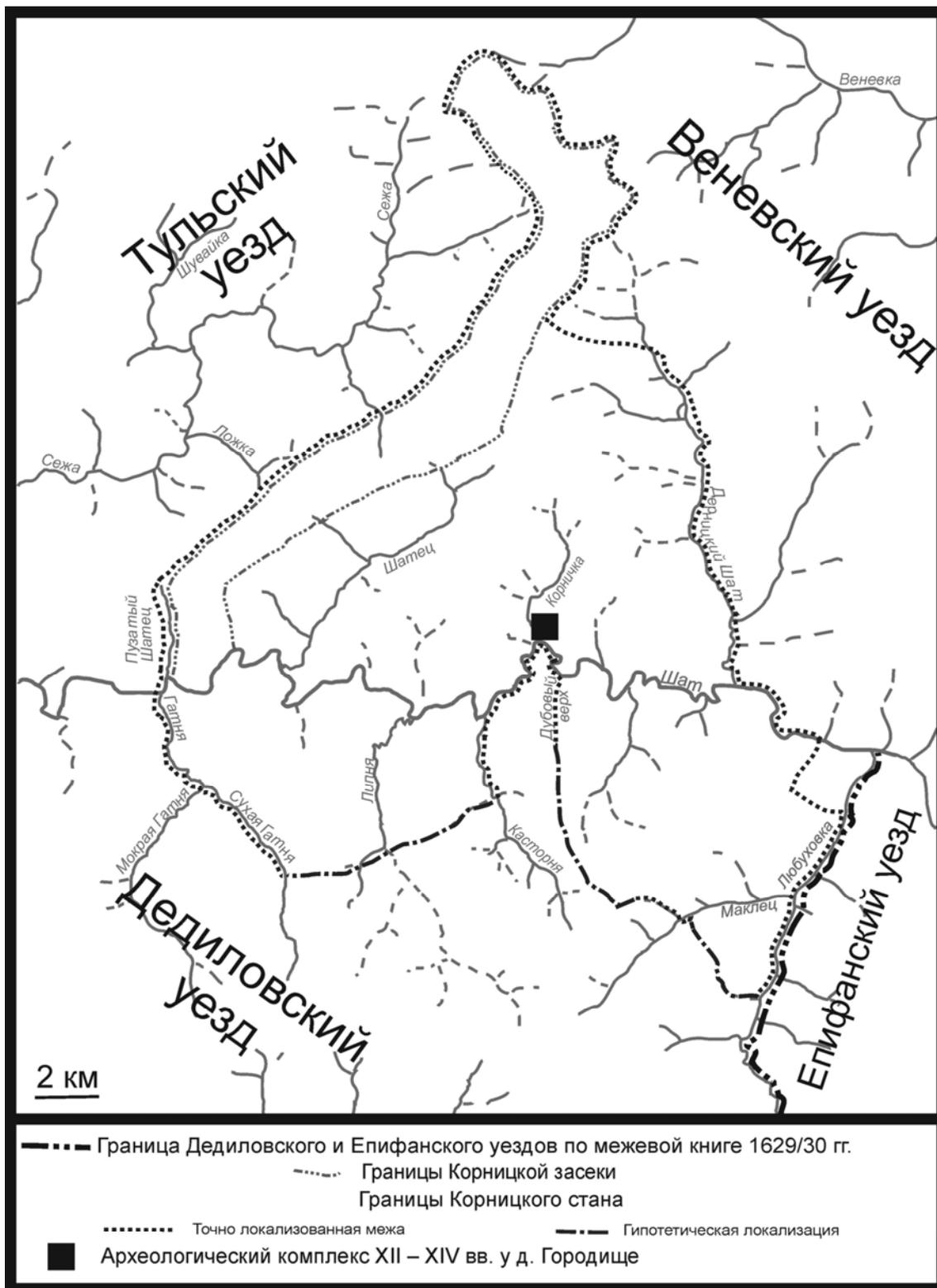

Рис. Корницкий стан в XVI - XVIII в. (сводная карта)

Род Ромодановских владел в XVII – начале XVIII в. смежными вотчинами в Соловском (Крапивенском) и в Епифанском уездах [9, с. 114–115]¹⁹. В начале XVIII в. ветвь рода Ромодановских, имеющая вот-

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 493. Л. 946 об – 949.; Кн. 14244. Л. 286 – 288; Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 104 об – 105.

чины в Крапивенском и в Епифанском уездах, прерывается [6, с. 52]. По материалам Генерального межевания их бывшие вотчины оказываются собственностью «ее императорского величества» – Бобриковской волостью. Создание этой административно-территориальной единицы и повлекло в XVIII в. изменение границы двух уездов.

Таким образом, межевая документация XVII – XVIII вв. позволяет установить границы Корницкого стана Соловского (Крапивенского) уезда. На востоке он ограничивается р. Дерницкий Шат и р. Любуховкой, на западе – Корницкой засекой, р. Пузатый Шатец и р. Гать, на юге – реками Касторней, Шатом, Дубовкой и Маклецом. Отметим, что исходя из карт С.Б. Веселовского, некоторые из этих границ (с Тульским и Веневским уездами) могут интерполироваться и на более раннюю эпоху – XVI в. (рис.)

Теперь рассмотрим историю региона по археологическим данным. Корницкий археологический комплекс состоит из городищ «Городки» (XII – XIV вв.) и «Старое Дворище» (XII – XIV и XVI – XVIII вв.) и их посада. Корницкий археологический комплекс начинает осваиваться на рубеже XII и XIII вв. В середине XIII в. значительная часть населения покидает данную территорию. Окончательно или практически полностью население покидает Корники и его округу в конце XIV в. Регион вновь начинает осваиваться только в середине XVI в. [2, Ч. 1. с. 62–63, 68, 71–73; Ч. 2. с. 36–40, 46; 8, с. 140–146].

Попробуем сделать некоторые выводы. Локализация древнерусского города Корники подтверждается локализацией Корницкого стана. В конце XIV в. рязанский город Корнике перестает существовать по данным археологии. Вероятно, по «купле» Василия Темного, его территория отошла к Москве в середине XV в. Преемственность названия города и стана может говорить о сохранении незначительной группы населения или же о промысловом использовании данной территории.

Территория Корницкого стана формируется после строительства засечной черты. Вероятно, размежевание Тульского и Соловского уезда было проведено по русской стороне Корницкой засеки в XVI в. Северо-восточная граница Корницкого стана по русской стороне Корницкой засеки сформировалась не ранее середины XVI в. после возведения засечной черты. Граница с Дедиловским уездом сформировалась не ранее выделения последнего из состава Тульского уезда. Граница с вотчиной Мстиславского (Веневский и Епифанский уезды) могла сформироваться как в XVI в., так и позднее. Таким образом, Корницкий стан развивался в границах заданных в XVI – первой половине XVII вв. вплоть до эпохи Екатерины II, претерпев лишь незначи-

тельные изменения в начале XVIII в. В 1777 г. Корницкий стан был ликвидирован и вошел в состав Дедиловского и Тульского уездов.

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. III. М., 2002.
2. Археологическая карта России: Тульская обл. Ч. 1. М., 1999; Ч. 2. М., 2002.
3. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. I.
4. *Геденов Д.Г.* О древностях в Веневском и ближайшем к нему уездах // Труды I археологического съезда. М., 1871.
5. Города России XVI в.: Мат-лы писцовых описаний. М., 2002
6. *Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2.
7. *Клянин Р.В.* Венев (историко-археологический очерк) // Тр. Музея истории города Москвы. М., 2000. Вып. 10.
8. *Клянин Р.В.* Корнике – город Рязанского княжества // Труды VI международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2.
9. Куликово поле: Документы по землевладению XVII в. Тула, 1999.
10. Писцовые книги XVI в. / Изд. Н.В. Калачова. Отд. II. СПб., 1877.
11. *Сахаров И.П.* Памятники Тульской губ. СПб., 1851.
12. *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979.

УДК 94(47).04

А.И. Папков¹

Православные выходцы из Речи Посполитой на южной окраине России в первой половине XVII в.²

Русская Церковь; Российское царство; Юг России; Днепро-Донская лесостепь; Крымское ханство; Речь Посполитая; церковь; монастырь.

В статье рассматривается ряд эпизодов, связанных с переездом в Россию с территории Речи Посполитой православных монахов и действия пограничных российских и польских властей, связанные с указанными событиями.

В настоящее время православие воспринимается как неременный атрибут русского традиционного существования, неотъемлемая часть русской духовной культуры. В силу указанного обстоятельства особую актуальность приобретают исследования истории Русской церкви. Изучение данного вопроса имеет давнюю традицию в отечественной историографии. Однако исследования по этой тематике в значительной степени испытали на себе влияние конъюнктуры. В до-

¹ Папков Андрей Игоревич, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (РФ, Белгород), к.и.н.; papkov@bsu.edu.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0457.

революционной России изучение истории Церкви во многом носило апологетический характер [12; 9; 16], или же это были работы, посвященные вопросам экономического положения духовенства [7]. Все указанные исследования базируются на изучении житийной литературы, летописей, различного рода митрополичьих и великокняжеских грамот (жалованных и уставных). Вместе с тем, в исторических трудах XIX в. была заложена традиция привлечения писцовых книг и актового материала для изучения истории Церкви XVI—XVII вв.

После 1917 г., когда атеизм утвердился в качестве компонента официальной государственной идеологии, неперенным признаком исторических сочинений церковной тематики стало отрицание возможности позитивного влияния религии и Церкви на общество, обличение всевозможных недостатков и показ ее консервативной роли. Однако можно заметить, что давление идеологического прессы практически не отражалось на работах, посвященных вопросам социально-экономической истории Церкви [14; 6; 5]. От недостатков упомянутых подходов избавлены работы ряда церковных историков, вышедших из среды русской эмиграции в XX в. [10; 15]. Однако они писались за рубежом в 40—50-е гг. XX в., поэтому их авторы могли использовать только опубликованные источники.

Современная отечественная историография представлена рядом работ, в том числе и по смежным проблемам. При этом по данной тематике опубликовано несколько учебных пособий, что свидетельствует об общественной значимости истории Церкви. Вместе с тем, нельзя утверждать, что излагаемые в пособиях вопросы, всегда в достаточной степени раскрыты в научной литературе [3; 8; 11].

Еще одной особенностью научных трудов церковно-исторической тематики является тезис о православии, с одной стороны, как основы единства тех, кто его исповедовал (что само по себе совершенно верно), а с другой стороны, как об одном из важнейших, а нередко и основном мотиве действий российского правительства, связанных с территориями Речи Посполитой, населенными православными. Думается, что приведенное утверждение необходимо проверить на конкретно-историческом материале. Это необходимо также с учетом того обстоятельства, что государственная и церковная политика в рассматриваемом направлении не всегда была последовательной на протяжении даже первой половины XVII в. Так, хорошо известно, что патриархом Филаретом проводилась очень строгая политика по отношению к выходцам с территории Речи Посполитой, включая и православных – «белорусцев». В итоге, по сведениям А.В. Карташева, в 1623–1624 гг., например, в российские подданные было принято всего

несколько десятков «белорусцев». Среди них были православные монахи, иеромонахи, игумены. При этом обливательное крещение не признавалось – все перекрещивались через троекратное погружение, а иногда и переосвящались лица, имевшие духовный сан [10, т. 2, с. 99].

Отписка торопецкого воеводы В. Ромодановского, полученная в столице 9 февраля 1628 г., показывает, насколько большое внимание правительство уделяло соблюдению чистоты православия в граничащем с Речью Посполитой регионе. Она содержала категорический запрет русским торговцам покупать в Киеве или порубежных городах Речи Посполитой книги «литовской печати и письма». Кроме того, не позволялось пропускать на территорию Российского царства торговцев из-за рубежа с аналогичным товаром. В качестве причины издания упомянутого распоряжения назывались два обстоятельства. Во-первых, достаточное количество богослужебных книг «московской печати». Во-вторых, обнаруженные в ходе проверки православной богослужебной литературы, происходившей из Речи Посполитой, проведенной по распоряжению патриарха Филарета, «многие ереси и супротивства древним учительным Евангелиям и иным святым отцем божественным книгам». В итоге, всем российским подданным под страхом великих «градских» и духовных наказаний было велено указанные книги сдать и впредь не покупать. Воеводе надлежало книги сжечь, а имена их владельцев записать [1, Т. I, с. 224; 4, с. 12-37].

Следует также помнить о сложности геополитической ситуации, характерной для приграничных территорий России и Речи Посполитой. Эти земли нередко не только становились ареной боевых действий, но и меняли свою государственную принадлежность, порой сохраняли спорный статус на десятилетия. При этом по приграничным территориям перемещались жители, которые переходили с территории соседнего государства. Часть переселенцев принимала российское подданство, часть – нет, однако, и те и другие могли уходить обратно. В качестве примера, характеризующего специфику порубежья, можно привести следующий эпизод. После передачи Новгорода-Северского Речи Посполитой (по условиям Деулинского перемирия 1618 г.) из упомянутого города в Севск был переведен Спасский монастырь и причт соборной церкви Пресвятой Богородицы (они находились в остроге), а также священники посадских церквей. Вероятно, перевод монастыря с территории Речи Посполитой имел смысл. Отписка торопецкого воеводы позволяет предполагать, что около десяти лет пребывания в составе католической Речи Посполитой привели православного черниговского архимандрита Кирилла к признанию унии [1, Т. I, с. 224]. Подобная ситуация осенью 1631 г. сло-

жила и в упоминавшемся Новгород-Северском Спасском монастыре [1, Т. I, с. 333-334]. Явление, весьма нежелательное. С другой стороны, на землях, отторгнутых от России, как и на других территориях Польши и Литвы, оставалось православное население, и лишать его идеологической опоры, олицетворявшейся православным духовенством и монашеством, было нецелесообразно. Как свидетельствуют цитированные выше источники, Спасский монастырь действовал в Новгород-Северском и после передачи этого города Речи Посполитой. Пока не ясно, осталась ли часть монахов в нем сразу после 1618 г. или монастырь был возобновлен стараниями окрестных православных жителей позднее.

Документы рассказывают о переезде в Россию православного духовенства из Речи Посполитой и о дифференцированном подходе российских властей к подобным переселенцам. Например, в сентябре 1632 г. [1, Т. I, с. 387], в Севск приехали монахи Новгород-Северского Спасского монастыря. Они просили разрешения на поселение в Севском Спасском монастыре, но при этом не смогли (или не захотели?) сообщить ничего о событиях за рубежом. В итоге, было решено отправить их обратно. Позднее отмечены случаи приема в Россию монахов с территории Речи Посполитой, так, старец Герман из Никольского монастыря, расположенного в Новгород-Северском уезде, прибыв на территорию Российского царства, сообщил «вести» и, по грамоте из Посольского приказа за приписью дьяка Алмаза Иванова, был поселен в Севском монастыре [1, Т. II, с. 308].

Одним из важнейших пунктов в России, куда в 30—40-е гг. прибывали выходцы из Речи Посполитой, был Путивль. 15 мая 1637 г. путивльский воевода Никифор Плещеев получил из Посольского приказа грамоту, содержащую инструкции о действиях в случае приезда к нему игумена или монахов Прилуцкого Густынского монастыря [2, с. 4-6]. Переселенцев надлежало оставить в Путивле, а подробное донесение отправить в Москву. 5 июля 1638 г. в Путивле появились иеромонах Прилуцкого Густынского монастыря Пафнутий, с ним еще 10 монахов и 11 монастырских служек. Они привезли с собой церковное имущество и пригнали скот (ок. 90 волов и коров, порядка 300 овец), а также, помимо церковной утвари – 11 возов с зерном, солью и другим имуществом. Черный поп Пафнутий сообщил, что его направил игумен Василий с поручением узнать, примут ли всю братию в Путивле. В случае положительного ответа Пафнутий должен был известить своего настоятеля, который с оставшимся имуществом и 70 монахами направится в Путивль. Воевода разместил прибывших в Путивльском Молченском монастыре. Судя по пометам, воеводская

отписка была получена в столице 15 июня 1638 г., после чего было решено принять в подданство игумена с насельниками упомянутого монастыря.

В дальнейшем, 14 июня 1638 г., в Путивле появились игумен и пять иеромонахов, четыре иеродиакона и 56 чел. братии, а также 11 семей монастырских крестьян. Однако, они были ограблены по дороге конотопским урядником Криштофом Сосновским. Прибывшие также рассказали о том, что узнав о переселении прилуцкий урядник направил в монастырь священников из г. Прилуки, войта и мещан, которые должны были уговорить братию не покидать монастырь. Затем сведения о запланированном выезде дошли до каморника кн. Вишневецкого, который направил своих людей для задержания игумена и монахов. Последние, в свою очередь, скрылись, бросив монастырское имущество.

Схожая ситуация сложилась в это же время с монахинями Ладинского женского монастыря Покрова Пресвятой Богородицы, находившегося в Прилуцком уезде. Оттуда в Путивль прибыли монастырский духовник Мефодий и игуменья Елизавета Летинская с 50 монахинями. Как и в предыдущем случае, в Путивль первоначально было направлено 40 сестер со всем монастырским движимым имуществом, а остальные оставались в монастыре. Этот обоз, состоявший из 20 возов, был разграблен тем же конотопским урядником К. Сосновским. После этого сама настоятельница, о. Мефодий и остальные монахини в мирском платье направились в Путивль без имущества. Монахини были размещены в Путивльском Духовом девичьем монастыре, также как и предшествующая группа выходцев из Речи Посполитой [2, с. 6-8]. По государеву указу было велено выдать им «корм» на месяц, а Приказ Большого Дворца получил поручение определить монастыри, в которых можно было разместить выходцев на постоянное жительство, поскольку обе группы просили российские власти позволить им проживать вместе и далее [2, с. 8-9]. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что, по словам воеводы Н. Плещеева, прибывшие не сообщили никаких «вестей». Легко заметить, что они компенсировали отсутствие информации заявлением о преследовании православия в Польше и Литве, в результате чего у них и возникло стремление переехать в православную Россию, чтобы «за тебя государя Бога молить вечно» [2, с. 7].

В это же время развернулась еще одна интрига, связанная с переходом в Российское государство монахов из Речи Посполитой. 8 июня 1638 г. в Путивль пришли 5 старцев Лубенского Преображенского Мгарского монастыря. В распросе воеводе Н. Плещееву они

сказали, что их на государево имя с монастырской скотиною направил игумен Каллистрат, который с остальными монахами собирается последовать вслед за ними. По дороге не них напали татары и угнали скот. Однако, 23 июня в Путивле получили послание от лубенского урядника Якуба Коляды и игумена Каллистрата, в котором указывалось, что вышеуказанных монахов увели с собой насильно черкасы, переселявшиеся в Российское государство, и выдвигалось требование их возврата [2, с. 15-16]. Как известно из других документов, нововыезжие лубенские монахи написали письмо своему бывшему игумену, в котором отказывались возвращаться, возвращать скот, который, к тому же, был утрачен [2, с. 11-12]. Более того, игумену Мгарского монастыря написали письмо упоминавшиеся ранее выходцы из Речи Посполитой о. Василий и о. Мефодий. В нем они обвиняли о. Каллистрата в лукавстве и приверженности к унии [2, с. 9-10]. Вероятно, завязавшаяся переписка вызвала дипломатический демарш Речи Посполитой, т.к. путивльскому воеводе пришлось объяснять в Посольском приказе, что упомянутые письма направлялись в соседнее государство не от него, и даже просить соответствующего подтверждения у светских и церковных властей Речи Посполитой [2, с. 12-13, 16].

В дальнейшем 77 монахов, приехавших в Путивль из Густынского и Мгарского монастырей, разместили в Белевском Преображенском монастыре, а затем перевели в Нижегородский уезд, в Амбросин Дудин монастырь [2, с. 17-18]. Монахини, переехавшие из Ладинского Покровского монастыря, первоначально были определены в Брянский Покровский женский монастырь, но для их расселения оказалось мало места и их перевели на жительство в Алатырский Никольский женский монастырь [2, с. 18-19].

Приведенные примеры позволяют говорить о переселении православных монахов из Речи Посполитой в Российское царство как о довольно заметном явлении 30-х гг. XVII в. Они вели переговоры, добиваясь приема их «на вечное житье» в Россию, стремились привезти с собой значительные материальные ценности, чему препятствовали власти Речи Посполитой, которые не всегда активно противостояли переселению собственно монахов. Для российских властей обустройство переселенцев, которые стремились сохранить право на дальнейшее компактное проживание, являлось довольно серьезной проблемой, но ее решение было найдено в их перемещении в районы, удаленные от польской границы. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что такой алгоритм полностью соответствовал аналогичным действиям, предпринимавшимся в отношении светских выходцев из Речи Посполитой.

1. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. СПб., 1890. Т. I.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1861. Т. III.
3. *Бакаев Ю.Н.* История государственно-церковных отношений в России Хабаровск, 1994.
4. *Булычев А.А.* История одной политической кампании XVII века. М., 2004.
5. *Вдовина Л.Н.* Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988.
6. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977.
7. *Горчаков М.И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода. СПб., 1871.
8. *Грядовой Д.И.* Православие. М., 1996.
9. *Знаменский П.В.* История русской церкви. М., 1996.
10. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. В 2-х т. М., 1991.
11. *Левченко И.В.* Русская православная церковь и государство. Иркутск, 1997.
12. *Макрий (Булгаков).* История русской церкви. В 8-ми т. М., 1996. Кн. VI.
13. *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI—XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.
14. *Сахаров А.Н.* Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966.
15. *Смолич И.К.* Русское монашество. М., 1997.
16. *Царевский А.А.* Значение православия в исторической судьбе России. Л., 1991.

УДК 94(47).047

Э.А. Дубман¹

Строительство Карсунской и Симбирской черт как составной части единой системы укреплений европейской лесостепи России

Белгородская черта; Симбирская черта; Карсунская черта; засека; валы и рвы; город; острог.

В статье рассмотрены особенности сооружения Карсунской и Симбирской черт как составной части единой системы оборонительных укреплений, созданной в середине 1630-х – 1650-х гг. на южных и юго-восточных рубежах Европейской России.

Строительство системы укрепленных линий на юге и юго-востоке Европейской России в середине 1630-х – 1650-х гг. позволило

¹ Дубман Эдуард Лейбович, Самарский государственный университет (РФ, Самара), д.и.н.; dubmane@mail.ru.

защитить пограничные уезды страны от нападений кочевников. Были созданы условия для заселения и включения в состав Московского государства новых лесостепных территорий. Крайний восточный фланг этой системы составляли Карсунская², Симбирская³ и Закамская линии, прикрывшие все пространство Предволжья – от Суры до Волги и Заволжья – от устья Б.Черемшана до впадения в Каму р. Ик.

Вся совокупность укреплений от границ с Речью Посполитой до Камы возводилась около двух десятилетий – с середины 1630-х до середины 1650-х гг. За это время правительство смогло выработать единый целостный подход к функциям этой системы, фортификационным особенностям и составу гарнизонов. Исследователи считают, что из отдельных возведенных в эти годы «черт», была создана практически единая оборонительная система [6, с. 85; 8, с. 4]. Например, Р.Г. Буканова писала о том, что Белгородская и Симбирская черты являлись «составными частями единого общероссийского оборонительного комплекса, протянувшегося от западных рубежей государства до р. Волги, географические контуры которого определились к концу 40-х – началу 50-х гг. XVII в.». К этому времени, по мнению историка, относится возникновение идеи о создании Закамской линии, явившейся продолжением создаваемой единой оборонительной системы [1, с. 44]. Несмотря на то, что ее отдельные участки – «черты» находились в ведении различных воевод и даже приказов, она являлась единым комплексом.

Западная (собственно Белгородская черта [6, с. 229]) и центральная (Тамбовская [13, с. 34-43]; Керенская, Верхнеломовская, Нижнеломовская, Инсарская, Потижская, Атемаро-Саранская по классификации В.И. Лебедева [10, с. 18]) части этой оборонительной системы строились постепенно, поэтапно. Сначала возводились отдельные города-крепости и остроги; рядом с ними сооружали локальные участки засек, а на открытых от леса местах рвы и валы. Позднее эти участки соединялись в единую непрерывную линию.

К возведению крайней восточной части (от Суры до Волги и затем в Заволжье – от Волги к Каме) правительство приступило позднее, во втором десятилетии этой строительной эпопеи, при Алексее Михайловиче. Именно, в это время вся система укреплений от границ с Польшей и до Камы получила свое окончательное завершение как непрерывная, единая система фортификационных сооружений по всей южной и юго-восточной европейской лесостепи. Крупнейший специа-

² В исторической литературе ее чаще называют Корсунской

³ В документах XVII в. именуется Синбирской.

лист по истории «засечного строительства» в России XVII в. В.П. Загоровский считал, что именно «С 1646 г. начинается второй период в строительстве Белгородской черты, продолжавшийся до 1653 г. Русское правительство активизирует свои действия на юге. Сравнительно быстро заполняются пробелы, еще существующие между отдельными укреплениями. Уже в 1646 – 1647 гг. в общем определяются географические контуры будущей черты» [6, с. 73].

Нам кажется, что вывод Загоровского не отражает всю сложность процессов, происходивших в выделяемом им «втором периоде». Во-первых, было решено соединить в единое целое не только те укрепления, которые в конечном итоге образовали Белгородскую черту (Разрядный приказ), но и лежащие далее к востоку и подведомственные приказу Большого Дворца (Тамбовская черта), а также оборонительные сооружения на территории Мордовии и бывшие в ведении приказа Казанского Дворца. Во-вторых, именно в это время правительство приняло решение продлить систему укреплений на восток за р. Суру как минимум до Волги, где до середины 1640-х гг. их не строили. И в-третьих, по всей линии было решено значительно усилить мощность основных фортификационных сооружений.

Об этом свидетельствует составленная в 1680/81 г. «Выписка в Разряд о построении новых городов и черты», содержащая краткий обзор истории строительства засечных линий в России в XVII в.: «И со 153 (1645 – Э.Д.) году ... царь и великий князь Алексей Михайлович ... указал, для покою христианскаго, черту строить по-прежнему указу отца своего ... и по черте устроить прибавочные города и населить большим многолюдством и земляной вал устроить больше прежнего, по размеру – в подошве в ширину 3-х сажен, в вышину 2 сажен с четвертью и 2 сажен в своде, и подле валу с полевую сторону выкопать рвы, в глубину 2 и полторы сажени, в ширину 2 сажен, на 2 в своде полусажени, также и надолбы большия и стоялые острожки частые и лесные завалы и иныя многие крепости, где какие доведется. ...» [3, с. 54-56].

Таким образом, в начале царствования Алексея Михайловича была проведена серьезная работа по анализу состояния уже построенных участков. Помимо, имевшего стратегический характер решения создать единую неразрывную засечную линию от границ с Польшей до, по крайней мере, Волги, были сделаны существенные поправки к прежнему проекту. Они вносили коррективы, как в отношении количества городов и острогов, их гарнизонов, так и по размерам самих полевых укреплений – валов, рвов, засек и т.д. Как и ранее, выполнение всех этих работ возлагалось на три центральных учреждения:

Разрядный приказ (Белгородская линия), приказ Большого Дворца (Тамбовская черта), приказ Казанского Дворца (все остальные участки к востоку). Очевидно, что такие решения, приведшие к резкому удорожанию строительных работ, не могли быть приняты без рассмотрения их «главой» правительства Б.И. Морозовым.

К этому времени был накоплен значительный опыт фортификационных работ и поэтому строительство всех элементов засечных черт в Мордовии, а также Карсунской, Симбирской и Закамской линий происходило фактически одновременно. Его темпы зависели только от наличия рабочей силы и материальных ресурсов. Мобилизация ратных и деловых людей, строительство линий на юго-востоке европейской России, формирование гарнизонов и организация военной службы находились в ведении приказа Казанского Дворца. К сожалению, приказной архив погиб в начале XVIII в. Судить о действиях руководства приказа при строительстве укреплений и формировании гарнизонов приходится только по отдельным фрагментарным материалам [8, с. 11, 17-18, 21-25; 5, с. 25]. Несомненно, что отдельные вопросы находились под контролем Разрядного приказа, как например, посылка ратных людей для охраны строительства из уездов, находившихся в его компетенции т.д.

Руководителем строительства, сформировавшим принципы организации работ при возведении системы линий, находившихся под управлением приказа Казанского Дворца (Керенской, Атемарской, Карсунской и Симбирской), становится стольник⁴ Б.М. Хитрово [16, с. 79]. В 1647 г. он получил чин окольного, а впоследствии становится крупным государственным деятелем, близким к царской семье и сыгравшим значительную роль при дворе [12; 16]. Его кратковременный период активной деятельности в Южном Средневожье, когда там шло интенсивное строительство укрепленных линий, можно рассматривать как специальное поручение правительства заложить в пограничном районе основы новой оборонительной системы. Среди историков сложилось устойчивое мнение, что Хитрово был доверенным лицом Б.И. Морозова [16, с. 79], в годы правления которого уделялось особое внимание возведению единой системы укрепленных линий. В связи с этим мы не совсем согласны с оценкой у В.П. Загорского роли Б.И. Морозова в развитии второго этапа возведения системы укрепленных линий [6, с. 75]. Нам кажется, что именно Моро-

⁴ Был комнатным стольником у Михаила Федоровича. А.И. Селезнева считает посылку Хитрово в Темников, началом его государственной деятельности.

зов более других осознавал необходимость создания единой мощной системы укреплений от границ с Польшей до Волги.

За 3 года, с 1646 до осени 1648, Б.М. Хитрово успел «побывать» воеводой во всех стратегических пунктах вновь создаваемой оборонительной системы: в ранее построенных Темникове и Атемаре, в заложенных им Карсуне и Симбирске и т.д.. Во всех «посылках» Хитрово, его важнейшей обязанностью являлось строительство укреплений. Практически ни на одном из этих «объектов», прежде всего, при возведении засечных черт, он не задерживался более полугода, оставляя продолжать организованные им крупномасштабные работы, своим «товарищам». По крайней мере, начиная с Атемара, Хитрово сопровождал дьяк Г. Кунаков, занявший впоследствии видное место в московском приказном аппарате [2, с. 277].

В отечественной историографии до настоящего времени не сложилось единого мнения о том, как следует идентифицировать систему линий, строившуюся в Среднем Поволжье под руководством Казанского дворца [17, с. 17; 15, с. 74-75; 9, с. 44-45; 10, с. 34-39; 4, с. 35; 11, с. 126]. Например, К.С. Носов считает, что «... Симбирская черта проходила от Белгородской черты до Волги и включала следующие крепости: Тамбов, Верхний и Нижний Ломов, Инсар, Саранск, Атемар, Сурск, Аргаш, Карсун, Уренск, Тагай, Юшанск и Симбирск» [14, с. 117].

На наш взгляд, такой подход не отражает историческую ситуацию второй половины XVII в. Законодательство, центральное и местное делопроизводство того времени, свидетельствуют, что каждый из участков линии, располагавшейся к востоку от Белгородской, рассматривался как самостоятельный. Обозначение «Симбирская черта» распространялось только на участок между реками Барышом и Волгой и, значительно реже (как правило, в более позднее время) включало в себя укрепления Карсунской черты между реками Сурой и Барышом.

1. *Буканова Р.Г.* Города и городское население Башкирии в XVI – XVII вв. Уфа, 1993.
2. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М., 1975.
3. *Голомбиевский А.* Выписка в Разряд о построении новых городов и Черты (7189 – 1681 г.) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1892. Вып. XXXIII.
4. *Гуркин В.А.* На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. М., 2005.
5. *Гуркин В.А.* Симбирская черта. М.; Ульяновск, 2000.
6. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
7. *Загоровский В.П.* Краткое историко-географическое и историко-демографическое описание Изюмской линии // Проблемы исторической демографии СССР. Сборник статей. Томск, 1982. Вып. 2.

8. *Зерцалов А.Н.* Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Симбирск, 1900.
9. *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. СПб., 1858.
10. *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006.
11. *Мальцева С.М.* Фортификационные особенности Симбирской засечной черты // Вестник СамГУ. 2006. № 10 / 1 (50).
12. *Матвеев А.М., Горчаков Д.А.* Строитель Симбирска, боярин Б.М. Хитрово. Симбирск, 1889.
13. *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII – XVIII веках. Учебное пособие. Тамбов, 1990.
14. *Носов К.С.* Военно-оборонительное строительство в России в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 3.
15. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). М., 1882.
16. *Селезнева А.И.* Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово // Вопросы истории. 1987. № 1.
17. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.

УДК 94(47).047

В.Д. Жуков¹

К вопросу о судьбе посольства Ивана Фустова и Ивана Ломакина в Крым в 1639 г.: «заемные кабалы» рядовых членов посольства и их оплата Московским государством

Выкуп пленных; заемные кабалы; Иван Фустов; Иван Ломакин; Крымское ханство.

Автор на основе количественных данных показывает, как Московское правительство оплачивало долги рядовых членов посольства И. Фустова и И. Ломакина. Дается представление о составе посольства и размерах займов.

Дипломатический конфликт, связанный с арестом в Крыму русского посольства во главе с посланником Иваном Фустовым и подьячим Иваном Ломакиным зимой 1639 г. – заметное событие в русской дипломатической истории XVII в. Он получил широкую международную огласку и привел к пересмотру отношений Москвы с Крымом

¹ Жуков Вячеслав Дмитриевич, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), асп.; zhvd@list.ru.

на Земском соборе 1639 г. [4, 5, 6, 7, 8] История этих событий была детально реконструирована А.А. Новосельским на основе статейного списка посольства² [6, с. 272–276].

После взятия Азова в июне 1637 г. отношения Московского государства с Крымом и Османской империей существенно осложнились. Московское государство было не готово к большой войне на южных рубежах, и хан Бегадыр Гирей воспользовался этим, потребовав увеличения поминков.

25 мая 1638 г. в Москву приехал гонец Тохтамыш и предъявил требование о двойных поминках по новой росписи или освобождении Азова. Посольские дьяки не согласились на уплату поминок по новой росписи и предложили прибавку к старой росписи. С Тохтамышем была достигнута договоренность, что Бегадыр Гирей примет поминки за два года, 1637 и 1638, по 11210 руб. и, сверх того, «для обновленья» 1300 руб., в итоге – 23720 руб. [6, с. 272]

Для вручения поминков 18 января 1639 г. в Крым прибыли посланники Иван Фустов и Иван Ломакин, вручившие их Бегадыр Гирею. Под нажимом хана посланники отдали царю все поминки сразу, хотя должны были разделить их между царем, калгой и нурадыном. «Мало того, уже после вручения поминок по указу царя “грабежом” были взяты “дачи” на нескольких ближних его людей из состава жалованья, предназначенного другим лицам», вследствие чего образовалась нехватка поминок. По прибытии к калге Ислам Гирею, посланники вновь столкнулись с требованием «поминков по новой росписи, включая и дачи на ближних людей, уже взятые царем». Отказавшись платить поминки по новой росписи, посланники и рядовые члены посольства были подвергнуты пыткам [6, с. 272–273].

Не выдержав пыток, Фустов и Ломакин были вынуждены брать займы у местных ростовщиков, чтобы уплатить требуемую сумму. Более того, посланников заставили выплатить еще 1900 золотых³, которые были ограблены у них накануне. Общая сумма вымученных у посланников займов равнялась 3083 руб., у толмачей – 105 руб., у кречетников, сокольников и ястребников – 744 руб., у арбачеев – 1427 руб., всего – 5389 руб. 3 апреля большинство посольских людей (58 чел. из 68) были отосланы в Москву [6, с. 274]. Привлеченный А.А. Новосельским материал не позволяет сказать, каким образом Фустову и Ломакину удалось выбраться из Крыма, однако известно, что их деятельность на государственной службе продолжалась. И. Фустов в

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1637 г. Стб. 13.

³ Московскими деньгами 1520 руб.

1645 г. был назначен воеводой в Венева [2, стб. 753], в 1647 г. был послан на постройку города Царева-Алексеева [3, стб. 60]. Как один из представителей посольства был направлен к польскому королю Яну Казимиру в 1649 г. [3, стб. 140]. В свою очередь, И. Ломакин продолжал службу в качестве дьяка в разных уездных городах и московских приказах [1, с. 299].

Вопрос о дальнейшей судьбе членов посольства и их долгов не затрагивался в литературе. Между тем в фонде 123 («Крымские дела») в РГАДА сохранились материалы расходных книг⁴, связанных с оплатой долгов рядовых членов посольства. Имеющиеся данные дают представление о составе посольства, размере вымученных у них сумм и организации их выплаты.

9 октября 1640 г. в Москву приехал крымский гонец Салтык и отдал в Посольский приказ 159 заемных кабал и две поручные записи, данные членам посольства другими пленниками, находившимися в Крыму. Большая часть их была дана членами посольства, однако среди них оказались и кабалы других пленных, которые, по-видимому, оказались в сходной ситуации. Состав давших кабалы отражен в следующей таблице.

Таблица 1. Состав кабал членов посольства и размер выплат по ним

Соц. группа	Всего	Процент от общего числа	Сумма денег, потраченных на каждую группу (в руб.)	Средний размер займа (в руб.)
Переводчик и толмачи	8	11,1	230	29
Станичник	1	1,4	62	62
Посадский человек	1	1,4	54	54
Кречетники	21	29,1	884	42
Арбачеи	35	48,6	1395	40
Вожи	7	9,7	282	47
Всего	72	100	2907	45,6

Очевидно, что состав упомянутых в расходной книге лиц в значительной степени совпадает с составом посольства. Сопоставление данных таблицы 1 с цифрами, приведенными А.А. Новосельским, убеждает нас в том, что Салтык привез основную часть кабал, данных

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22. Лл. 258-353; Ф. 123. Оп. 1. 1640 г. Стб. 7. Л. 34-69.

рядовыми членами посольства; очевидно, вопрос с долгами его руководителей был урегулирован особо. Общая цифра выплат – 2907 руб. (против 2276 руб. у Новосельского). Из 1427 руб., которые задолжали арбачеи, мы находим кабал на 1395 руб. (97,8 %) и т.д.

Соотношение количества кабал (159) и числа заемщиков (72 чел.) объясняется тем, что у каждого из них было по несколько займодателей, каждый из которых давал свою кабалу. Судя по всему, размер вымученных средств не зависел от социального статуса человека. Это был обслуживающий персонал посольства, жители южных окраин Московского государства, в массе не богатые, основным источником существования которых было собственное хозяйство. Выкуп в 30 – 60 руб. должен был разорить большинство из них.

Размеры займов показаны в таблице 2.

Таблица 2. Размеры займов

Размер займа	От 1 до 30 руб.	От 31 до 60 руб.	От 61 до 90 руб.	От 91 до 134 руб.
Число человек	28	33	9	2

Из таблицы видно, что займы большинства посольских людей не превышали 60 руб. Общая сумма займа зависела от количества займодателей, в большинстве случаев их было один или два, в ряде случаев до пяти.

Взяв на себя покрытие большей части этих кабал, государство привлекло средства из самых разных источников.

Таблица 3. Источники выплат

Источник погашения займа	Сколько человек
Приказ Большого прихода	53
Новгородская четверть	51
Полоняничные деньги С.М. Проестева	31
Из Большого прихода с последующей компенсацией за счет арбачейской службы	28
Государево жалование	67
Из Большого прихода с последующей компенсацией из личных денег	38

Выплаты производились из Большого прихода, откуда выплачивалось государево жалование за крымскую службу, которое частично и покрывало долг основной части полоняников, Новгородской четвер-

ти, а также из полоняничных денег С.М. Проестева («ис тех денег, которые присланы от околничего от Степана Матвеевича Проестева, что доправлено на полонениках»⁵). Часть выкупленных пленными должны были через определенное время вернуть потраченные средства. Арбачеи определенную сумму долга перед государством могли покрыть за счет своей службы.

Источник также содержит некоторые сведения о кредиторах.

Таблица 4. Кто были кредиторы

Национальность займодателя (если есть в источнике)	Число займодателей	Число кабал	Средний размер займа (в руб.)
Татары	37	141	40
Караимы	2	2	43
Греки	1	1	12

Как и следовало ожидать, большинство займодателей составили татары, равно как и количество данных ими займов. Однако наиболее крупные займы были связаны не с ними, а с караимскими купцами, традиционно тесно связанными с полоняничным торгом.

Таким образом, не смотря на то, что одним из основных рычагов давления крымских ханов, и Бегадыр Гирея в частности, было требование об увеличении поминков, московское правительство не только не пошло на уступки, но и сумело найти дипломатическое решение вопроса об освобождении посольства. Надо учитывать, что Крымское ханство это государство, с которым вообще крайне сложно договориться о чем-либо дипломатически. Тем самым, вызволение посланников и рядовых членов посольства стоит рассматривать как значительную дипломатическую победу Московского государства над Крымским ханством.

1. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
2. Дворцовые разряды. Т. 2. 1628–1645 гг. СПб., 1851.
3. Дворцовые разряды. Т. 3. 1645–1676 гг. СПб., 1852.
4. *Ламанский В.И.* Мнение Иосафа патриарха и всего освященного собора // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2.
5. *Новосельский А.А.* Земский собор 1639 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22. Л. 286 об-287.

6. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
7. *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI– XVII вв. М., 1978.
8. *Шумилов В.Н.* Дело Земского собора 1639 г. // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М., 1975.

УДК 94(47). 063

М.Р. Яфарова¹

Османские планы в первом Чигиринском походе 1677 г.²

Чигиринские походы; русско-турецкая война 1672-1681 гг.

На основании расспросных речей пленных османской армии рассматривается вопрос о турецкой армии в кампании 1677 г.

Чигиринские походы 1677-1678 гг. стали первым непосредственным столкновением русской армии и османских войск, открывшим эпоху русско-турецких войн [8; 9]. Несмотря на то, что общая событийная канва известна, события, развернувшиеся на Правобережной Украине в 1677-1678 гг., до сих пор остаются относительно слабоизученным эпизодом русской военной истории. В частности, до сих пор не вполне выяснены военные планы сторон в обеих кампаниях, а в силу этого остается зачастую непонятной и логика их действий. В настоящей статье рассматривается вопрос о планах османов в походе 1677 г.

В фонде Разрядного приказа в РГАДА сохранилось большое количество «расспросных речей» пленных и перебежчиков из турецко-татарской армии. Планы османов живо интересовали русское командование и поэтому были в центре внимания ведущих «расспрос», так что эти документы дают возможность реконструировать замысел турецких военачальников – так, как его представляли себе воины армии Ибрагим-паши. Важные сведения по интересующему нас вопросу имеются и в донесениях иностранных наблюдателей – польского посла в Стамбуле в 1677-1678 гг. Я. Гнинского и секретаря французского посольства в Стамбуле Ф. де ла Круа.

¹ Яфарова Мадина Рашидовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп.; mruf@bk.ru.

² Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 8256.

Как известно, основной целью похода для османов стал Чигирин, гетманская столица Правобережья. В выборе основного объекта нападения сыграло роль, бесспорно, стратегическое значение крепости. Она, будучи одной из крупнейших на Украине, контролировала обширную территорию Правобережья, открывавшую путь на Россию (а также ряд удобных переправ через Днепр) и Речь Посполитую. Исходя из этого, в случае похода на Киев или левый берег Днепра она не могла быть оставлена османами у себя в тылу. Кроме того, в течение ряда лет Чигирин выступал в качестве гетманской резиденции Богдана Хмельницкого, а впоследствии и других гетманов – Ивана Выговского, Юрия Хмельницкого и Петра Дорошенко, обладание им могло давать одному из претендентов на гетманскую булаву дополнительное влияние на украинскую старшину. Гетман И. Самойлович в своих донесениях царю подчеркивал важность, как Чигирина, так и Киева для казаков: «При ком Чигирин и Киев, при том и они, де, все должны в вечном подданстве и верности в тишине жити» [3, № 83. стб. 323].

Турки справедливо считали Чигирин мощной, хорошо укрепленной крепостью с большим количеством пушек и хлебных запасов. Однако, по их сведениям, гарнизон состоял только из 3 тыс. казаков и 1,5 тыс. ратных людей³. Ян Гнинский также отмечал, будучи в турецком лагере по пути в Стамбул, что турки считают, что «в Чигирине только немного Москвы, и то замок весь выгорел» [2, с. 7]. Опираясь на данные сведения, Ибрагим-паша планировал в три дня взять Чигирин, а затем Киев, который «хуже Чигирина и взять иво мочно вскоре»⁴ [7, с. 136]. Впрочем, допускалась и возможность более длительного сопротивления города. В этом случае «пойдет прежде Ибрагим-паша с турецкими воиски и хан крымской с ордами под Чигирин, а ис под Чигирина пойдут под Киев все вместе, а надвое войски свои не розделять, и когда Чигирин осадять накрепко, и турецкие люди под город в шанцы введены будут и промысл чинить учнут. И тогда, де, хан крымской хочет орды свои распустить в загоны под Черкасы и под иные малороссийские города, которые на той стороне Днепра, чтоб тамошних жителей за Днепр не упустить»⁵. Киев, по представлению турок, был укреплен плохо – его гарнизон насчитывал не больше 6 тыс. человек, хлебных запасов и пушек в нем было мало [7, с. 136]. В Крыму были сведения в мае 1677 г., что «в Киеве и в Чигирине ратные люди все пехота, а конницы нет» [3, № 34. стб. 149]. Ф. де ла Круа со-

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 847. Л. 35.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Там же. Л. 34.

общает, что Ибрагим-паша «был крайне удивлен, обнаружив значительные силы в Чигирине, о приходе которых он ничего не знал» [1, с. 186].

Османы рассчитывали на признание своей власти казацким населением. По словам пленных турок, «Юраська» обнадеживал их: «которого, де, времяни под Чигирин они придут и ему, де, чигиринские и всех малороссийских городов черкасы поддадутца, а с московскими, де, войски учинят они перемирие»⁶. Те же сведения приводят крымские татары: «Про Хмелницкого таков слух в Крыму, что просился у турецкого салтана из неволи на волю, обещая ему без войны, привратить Чигирин, Киев и Украину» [3, № 58, стб. 214]; «А Юраска, де, Хмелницкой Ибрагима пашу обнадеживает, что если они Чигирин возмут и его Юраска в нем посадят, тогда, де, и переясловская сторона со всеми городами тотчас ему поддадутца, и в то, де, время мочно турком и татаром на сей стороне Днепра в городех и зимоват, потому что города великие и людные»⁷ [3, № 51, стб. 205].

Рассчитывая быстро взять Чигирин, османы планировали закрепить достигнутый успех.

В распоряжении московского командования были сведения от пленного татарина, что после взятия крепости, при условии поддержки казаков турки «хотят остаться зимовать в Чигирине, при том, что крымскому хану и полякам зимовать на левой стороне Днепра»⁸. Он же сообщал, что «когда салтана турецкого войска и хана крымского орды пойдут войною под Киев и Киев возмут, и пойдут на ту сторону Днепра, и он [польский король – М.Я.], де, тогда и своим войскам иттить за Днепр велит, и будут они с татары вместе зимовать на переясловской стороне»⁹. Грек И. Сербенин, побывавший в Крыму для окупы русских полоняников, также сообщал, что у крымских татар намерение такое: «оставя гетманом Юраску Хмелницкого, пойдут под Киев. А переясловской, де, стороны жители з городами им поддадутца, и оне, де, будут зимоват в малороссийских городех»¹⁰.

Расположение Чигиринской крепости вблизи территории Запорожской Сечи, которая могла угрожать османской армии с тыла или совершать набеги на крымских татар, заставило турецкое командование в качестве приоритетной задачи рассматривать и подчинение Запорожья. Об этом предупреждал малороссийского гетмана еще

⁶ Там же. Д. 872. Л. 236.

⁷ Там же. Д. 847. Л. 35.

⁸ Там же. Л. 37.

⁹ Там же. Л. 29.

¹⁰ Там же. Л. 373-374.

осенью 1676 г. П. Дорошенко: «от турецкого салтана есть вымысл, чтоб как запорожцов на ханову и турецкую руку презывати, а преже, чтоб с запорожцы приходил к союзу» [3, № 224, стб. 848]. Таким образом, перед самым началом и во время Чигиринских походов непосредственных контактов с запорожцами стала искать и Османская империя, понимая, как отмечает К.А. Кочегаров, что позиция Сечи может повлиять на исход русско-турецкого конфликта [5, с. 4]. Для этого, с одной стороны, была налажена переписка Ю. Хмельницкого с кошевым атаманом И. Серко, в которой Хмельницкий склонял последнего поддержать его в борьбе за гетманство [3, с. 266-267; 6, с. 154-155]. Кроме того, казыкерменский бей – Хусейн Муравский, выступающий в качестве эmissара Порты по украинским делам, стал активно участвовать в заключение перемирия крымско-турецкой стороной с Запорожской Сечью [5, с. 4]. В случае враждебных действий со стороны запорожских казаков, османы предполагали перед осадой Чигирина двинуть свои войска на Запорожье. Пленный татарин сообщал, что Ю. Хмельницкий через посланцев сообщал кошевому, что «ест ли он з запорожцами к нему не придет, то подлинно все силы бусурманские обратятца на них в Запороги. И для того, де, Серко с Крымом и с турскими городками помирился. А у турков, де, подлинно было намерение, что итить преже на Запороги»¹¹.

Рассматривало ли турецкое командование в качестве одной из целей переход на левый берег Днепра? С одной стороны, известно, что еще в 1668-1669 гг. «экспансионистские планы османских политиков распространялись и на Левобережную Украину» [9, с. 92]; в султанской грамоте конца 1660-х гг., обращенной к правобережному гетману, Дорошенко называется гетманом «тое и сее стороны Днепра над казаками». Дальнейшие события показали, что Османская империя не отказывалась от своих планов подчинения всей Украины. Так, в 1672 г. после успешной войны с Речью Посполитой османские власти заявляли о своих правах на Заднепровье, в турецком лагере обсуждались планы похода на Левобережную Украину и даже возможность прорыва русской южной оборонительной линии [8, с. 110; 7, с. 112-113]. С другой, крымский выходец, говоря о турецких планах, совершенно однозначно сообщает, что в 1677 г. такого похода не планировалось: «А на сю, де, сторону Днепра вскоре не пойдут, потому ведают, что у Днепра будут царского величества войска»¹². Это может объясняться как тем, что такая цель могла быть поставлена

¹¹ Там же. Л. 431.

¹² Там же. Л. 34.

уже в 1677 г. лишь при исключительно благоприятном для османов развитии событий, так и разногласиями между союзниками. Турецкое командование видело свою главную цель в закреплении за Турцией территорий, входивших в состав гетманства П. Дорошенко после заключения Бучачского ми-ра, и не видело оснований для вовлечения в войну Речи Посполитой. Напротив, татары, заинтересованные, прежде всего, в пленных желали бы перенести военные действия на густонаселенное Левобережье.

Османская империя, по-видимому, после успешных военных действий против Речи Посполитой в 1676 г. не рассчитывала на серьезное сопротивление со стороны русских войск. Кроме того, османские власти действовали под впечатлением событий 1674 г., когда с приближением османской армии русско-украинские войска ушли за Днепр. В этой связи, очевидно, что турецкое командование не предполагало появления русской армии на Правобережье. По словам пленного татарина, турки полагали, что московские войска «покинуть хотят» Чигирин и перейти «на сю сторону Днепра», более того, даже появления ратных людей «за Днепр на выручку Чигирину и Киеву турки и татаровя отнюдь не чают, и говорят так: Москва, де, учнут у Днепра стоять, а мы, де, учнем к Киеву приступать; а из-за Днепра, де, ничего они нам не сделают»¹³. Ян Гнинский также сообщает, что, находясь среди османских войск, не слышал о враждебности с Москвой, «видимо, потому, что они [русские – М.Я.] хотят наперед договариваться» [2, с. 7]. Очевидно, такие представления были распространены в османской армии. Испытывали недостаток информации и крымские татары, к примеру, в мае 1677 г., взятые в плен крымцы говорили, что «про рати царского величества, что на Украину вышли, в Крыму у них было не слышно» [3, № 34, стб. 149]. Позже, когда реальное положение дел начало проясняться, это привело к значительному падению морального духа османов. Так, турецкий пленный сообщил, что «многие, де, янычане, идучи от Дуная к Чигирину, с дороги сбежали, для того что ведомость у них была, что город Чигирин крепок, и дачею его не здадут, и отпор, де, из него станут чинить жестокой, не так как было в Полше» [3, № 89, стб. 369].

Таким образом, есть основания утверждать, что в 1677 г. османское правительство представляло себе ситуацию, сложившуюся на Правобережье, весьма неточно. По убеждению османов, ни в Чигирине, ни вообще на Правобережье не было и не ожидалось появления крупных контингентов русских войск. Свидетельства показывают, что

¹³ Там же. Л. 36.

османы не ожидали большой войны, при этом им следовало только осадить Чигирин, а в города Поднепровья уже можно было направить татар. Неверная оценка реального положения дел сыграла решающую роль в провале турецких замыслов.

1. *De la Croix F.* Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie. Paris, 1689.
2. *Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego wojewody chelmińskiego do Turcyi w latach 1677 – 1678 /* Wyd. F. Pulaski. Warszawa, 1907.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее - АЮЗР). Т.13. 1677-1678. СПб., 1884.
4. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Источники малороссийской истории. Ч. 1. М., 1858.
5. *Кочегаров К.А.* Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // Славяноведение. 2011. № 2.
6. *Попов А.Н.* Турецкая война в царствование Феодора Алексеевича // Русский вестник. №3. М., 1857.
7. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI-XVII вв. // Ученые записки МГУ. Вып. 94. М., 1946. Т. 2.
8. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672-1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001.
9. *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001.

УДК 94(47).05

Т.Т. Мустафазаде¹

**Хозяйственная деятельность русских властей во
временно присоединенных в 1722-1735 гг.
прикаспийских провинциях**

Персидский поход Петра I; российско-азербайджанские отношения; прикаспийские провинции.

Доклад посвящен изучению экономической политики России во временно присоединенных в 1722-1735 гг. прикаспийских провинциях Азербайджана. Показано, что русские власти в основном сохранили прежнее территориальное управление, социально-экономические отношения в прикаспийских провинциях. Русское правительство приступило к укреплению существующих кре-

¹ Мустафазаде Тофиг Тейюб оглы, Институт истории им. А.А. Бакиханова НАНА, Азербайджанское Историческое Общество (Азербайджан, Баку), д.и.н.; tofig2014@rambler.ru.

постей и строительству новых, создавались казенные хозяйства. Благодаря относительной стабилизации положения в регионе, частичному упорядочению сборов, налогов и податей с населения, а также другим мероприятиям наблюдалось некоторое оживление экономики в прикаспийских провинциях.

Как известно, в 1722 г. Петр I предпринял военный поход с целью присоединения части владений находившейся тогда на грани гибели Сефевидской державы. Захватив в конце августа г. Дербент, царь, по ряду причин, в первую очередь – из-за резкой реакции османского двора с основной частью армии вернулся в Россию, оставив в Дербенте гарнизон.

Возвращение Петра вовсе не означало его отказа от плана дальнейших завоеваний в прикаспийском регионе. Просто он изменил тактику и продолжал осуществление своего плана путем отправки малочисленных морских экспедиций. В декабре 1722 г. русская эскадра подошла к порту Энзели в Гиляне и заняла его, как и близлежащие земли. А в конце июля 1723 г. эскадра в главе с генералом Матюшкиным подошла к Баку, и этот город был также захвачен. В течение последующих лет постепенно была занята узкая прибрежная зона, включая Гилян.

Границы российских завоеваний проходили в Азербайджане на расстоянии 18 часов верховой езды от моря, т.е. в 100 верстах западнее Дербента, и в Гиляне примерно в 124 верстах к юго-востоку от г. Решта. В Ширване ширина присоединенной к России приморской полосы составляла от 50 до 100 верст.

Русские власти сохранили прежнее территориальное управление в прикаспийских провинциях, лишь передав верховную военно-политическую власть в них русским офицерам. После занятия Баку верховное управление прикаспийскими провинциями было поручено генерал-лейтенанту М.А. Матюшкину. В отсутствие Матюшкина его заменял генерал-майор Г.С. Кропотов. Комендантами отдельных гарнизонов были: в Баку – бригадир И.Ф. Барятинский, в Дербенте – полковник А.Т. Юнгер, в Куринской крепости с 11 октября по 9 декабря 1726 г. – генерал-поручик фон Штоффер. После его смерти на это место был назначен бригадир Шипов, а после смерти последнего 12 сентября 1727 г. – полковник Киселёв. Матюшкина на посту верховного главнокомандующего в Прикаспии сменил генерал-аншеф (с 1728 г. генерал-фельдмаршал) В.В. Долгорукий.

В связи с возвращением в 1728 г. В.В. Долгорукого в Москву командование войсками в Гиляне и Астаре было поручено генерал-аншефу В.Я. Левашову. Управление провинциями, начиная от крепос-

ти Святого Креста до реки Куры, включая Сальянскую провинцию, а также Муганскую, Шахаванскую и Мазаригскую степь, было возложено на генерал-лейтенанта А.И. Румянцева. В 1730 г. в связи с отзывом Румянцева в Москву верховное командование всеми войсками от Гиляна до р. Терек было поручено В.Я. Левашову. Командующим войсками в Гиляне стал Е.И. Фомицын, а в Ширване генерал-майор Томас Венедигиер.

При русском владычестве в прикаспийских провинциях административное деление на махалы и нахийе было сохранено. Управление ими находилось в руках азербайджанских феодалов, принявших российское подданство, лишь иногда эти должности занимали русские офицеры, как, например, было в Шабранском махале. Махалы иногда делились на нахийе, состоявшие из нескольких деревень и возглавляемые юзбаши (сотником). Во главе деревни стоял староста – «кетхуда» или «певха».

Поступавшим на российскую службу назначалось определенное жалованье, что было прогрессом в сравнении с сефевидским периодом, когда служилые феодалы вместе жалованья получали право взимания части собранных доходов, что открывало путь к злоупотреблениям.

За владетельными азербайджанскими феодалами были сохранены многие их прежние права и привилегии. Например, кубинский хан сохранял за собой подтверждение права маафства подданных. Должности владетельных азербайджанских феодалов оставались наследственными, как и при сефевидских правителях, причем малолетним наследникам назначали опекунов.

По мере завоевания прикаспийских провинций русское правительство приступило к укреплению существующих крепостей и строительству новых, увеличению в них воинских контингентов. Согласно плану Петра I, предполагалось силами местных жителей за десять лет построить в Дербенте каменные стены и гавань. Крепости и укрепления были построены также в Астаре, Ленкорани, Мюшкуре и других местах.

Первоначально Петр I хотел сделать основным опорным пунктом российских войск в Прикаспии Баку, однако узнав, что окрестности города бедны кормом и дровами, изменил свое решение. В октябре 1726 г. было начато строительство новой крепости в устье р. Куры, и в следующем году крепость в основном была готова. Однако из-за нездорового климата и высокой смертности среди солдат в 1728 г. русское правительство снова обратило свое внимание на Баку.

Следует отметить, что на момент присоединения прикаспийских провинций к России их экономика была в упадке, как в результате общего экономического кризиса Сефевидской державы, так и вследствие серии восстаний и политических неурядиц в конце 1710-х – начале 1720-х гг.

Стремясь превратить прикаспийские провинции в сырьевую базу России, Петр уделял большое внимание экономическому освоению новоприобретенных территорий и строил в их отношении широкие планы. Так, будучи в Дербенте, он был восхищен местными виноградными посадками и, желая улучшить здесь виноделие, приказал выписать опытного мастера из Венгрии. Царем собственноручно были написаны пункты, в которых поручалось собрать сведения об ископаемых, в первую очередь о меди, а также о выращиваемых цитрусовых и других фруктах. Он дал также указание «сборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привести».

Особое внимание уделялось добыче нефти на Апшероне. Русская казна контролировала эксплуатацию нефтяных колодцев в Баку, однако, чтобы склонить местных жителей к сотрудничеству с русскими властями, им сдавали в аренду более мелкие колодцы. Продажа бакинской нефти стала доходной статьей, значительно пополнявшей царскую казну.

Поступления в казну были бы еще больше, если бы не нестабильность политической обстановки. Поэтому русское правительство дало указание генералу Матюшкину не только обеспечить безопасность Бакинских нефтяных колодцев, но и восстановить доходы с них.

Русские предприниматели надеялись заполучить в прикаспийских провинциях дешевое сырье не только для шелкоткацких, но и для шерстяных мануфактур. Направленный с этой целью из России мастер суконной фабрики Григорий Шамыкин нашел шерсть, годную для изготовления сукна, в 3–4, а местами в 8–10 раз дешевле, чем в Москве.

Рассматривая прикаспийские провинции как важный источник пополнения казны, царские власти старались собирать не только всю сумму ежегодных доходов, но даже недоимки за предшествующие годы.

Стремясь повысить доходы с новых земель, русские власти старались организовать там и казенные хозяйства. Например, в окрестностях Баку были разбиты казенные сады. По указанию Петра I была создана шафрановая плантация по европейскому образцу. Самое большое казенное хозяйство в прикаспийских провинциях было организовано в Дербенте, где выращивались инжир, яблоки, груши, тут,

слива, гранат и в большом количестве виноград. Здесь производилось также вино, называемое «чихир», т.е. «чахыр». Чтобы наладить создание виноградных плантаций и расширить производство вина, из Венгрии специально был приглашен известный винодел – майор Туркерь. В указанном хозяйстве Дербента большое внимание уделялось и выращиванию шафрана.

Феодальные налоги и повинности, существовавшие при Сефевидах, были сохранены и российскими. Доходы, получаемые русской казной с расположенных в окрестностях Дербента деревень, слагались из таких податей, как «малджахат» (земельная рента), «джутбаши» (плата за плуг), «чопбаши» (за пользование летними и зимними пастбищами). Некоторые деревни поставляли лишь ручных соколов.

Доходы казны в Сальянской провинции состояли из малджахата, а также налога с продажи соли, пошлины с ввозимых товаров, платы за откуп мелких лодок, подушных податей и податей с кочевий.

В Баку доходы поступали от продажи нефти, пошлинных и полавочных сборов с купцов, налогов с продажи соли, селитряных заводов, податей, взимаемых с жителей окрестных деревень.

В Мюшкуре, Ниязабаде и других местах, отданных в управление команде бригадира Соймонова, доходы русской казны состояли из малджахата, поступлений с откупа марены, мельниц, конфискованных садов, рыбной ловли, платы за использование кишлаков (зимних пастбищ) с кочевников, пошлины с приезжающих купцов, красильщиков парчи, с продажи хлопчатобумажных изделий, с производства шелка, табака («тютюнбаши»), хлеба, с торговли овощами и фруктами, а также из мелких сборов: «кутакбаши» (за плуг), «барама» (с попон), «джутбаши» (за пару рабочих волов), «белбаши» (за лопату), «хирбаши» (от слова хырман – место очистки зерна).

Жители Кубинского ханства не вносили налогов в русскую казну.

Во время нахождения в составе Российской империи в прикаспийских провинциях существовали и неокладные сборы: за выдачу паспортов, за выезд в Россию для торговли, штрафные за неуплату налогов, описные, т.е. конфискационные.

Часто сбор налогов и пошлин отдавался на откуп отдельным лицам.

Петр I намеревался использовать прикаспийские провинции также для транзитной торговли с Индией. С этой целью в ноябре 1723 г. вице-адмирал Вильстер был отправлен в качестве посланника к великому моголу.

Через прикаспийские провинции русское правительство старалось наладить широкую торговлю с Грузией и ближневосточными странами и в этих целях организовать торговое судоходство на Куре и Араксе.

По указу Петра I в 1723 г. была организована акционерная компания для торговли с прикаспийскими странами, которая просуществовала до 1762 г.

Русское правительство отменило ряд ранее существовавших в отношении прикаспийских провинций ограничений. В сентябре 1723 г. Сенат издал указ, которым вновь разрешался ввоз товаров в Астрахань для купцов всех восточных стран с уплатой обычных пошлин. Согласно указам Сената от 17 и 21 декабря 1723 г., а также от 17 апреля 1727 г., дербентские купцы, ставшие подданными России, должны были платить пошлины в том же размере, что и русские купцы, – т.е. в два раза меньше, чем раньше.

Указом Сената от августа 1724 г. разрешалось вывозить в новоприобретенные прикаспийские провинции хлеб, мясо, вино и другие продукты.

Местным купцам при торговле с Россией предоставлялось право пользоваться русскими торговыми судами, однако жители прикаспийских провинций могли иметь суда на Каспийском море только с разрешения российских властей.

Русские власти стремились развивать в прикаспийских провинциях и некоторые ремесла, в частности шелкомотальное. В.Я. Левашову было поручено принять меры к увеличению числа шелкообрабатывающих заводов.

Благодаря относительной стабилизации положения, частичному упорядочению налогов и податей, а также другим упоминавшимся мероприятиям, в прикаспийских провинциях, присоединенных к России, наблюдалось некоторое оживление экономики.

**Старое и новое в организации военной службы
донских казаков во время русско-турецкой войны
1735-1739 гг.**

Войско Донское; Нерегулярная армия; Русско-турецкая война 1735-1739 гг.; Б.Х. Миних; П.П. Ласси; С. Ефремов; И. Фролов; А. Краснощеков.

Статья посвящена сбору Войска Донского для крымского похода 1738 г. Исследуются организация набора и службы казаков. Особенное внимание уделено вмешательству командования регулярной армии в дела казачества и противодействию донской старшины этому.

В истории донского казачества первая половина XVIII в. занимает особое место. В этот период, особенно после поражения булавинского восстания, внутреннее социальное устройство «казачьего общества» начало заметно меняться, хотя окончательная интеграция казачества в социальную структуру произойдет позже, в эпоху Екатерины II. Изменения в организации военной службы стали важной частью этого процесса.

Как известно, на протяжении XVII в. как казаки, так и московское правительство понимали под «службой» Войска Донского самостоятельные действия казаков против соседей, прежде всего Крыма и Турции; эта самостоятельность не всегда соответствовала видам правительства и периодически приводила к конфликтам [4, с. 269-338]. В последних десятилетиях XVII в. положение дел начинает меняться. В 1671 г., после выдачи Степана Разина, Войско впервые присягнуло московскому государю [3, с. 81-82], в 1687-1689 гг. казаки участвовали в Крымских походах В.В. Голицына, а в 1695-1696 гг. сыграли важную роль во взятии Азова Петром I [2, с. 311].

С этого времени границы России смещаются к югу, правительственные войска появляются на южных окраинах казачьих территорий, и те, оставаясь небезопасными, постепенно перестают быть пограничными. Теперь военная служба донских казаков разделяется на две части: охрана собственных земель и походы против неприятельских держав в составе российской армии. Вторая из них предполагала значительно большее, чем раньше, взаимодействие с военной

¹ Юссон Александр, Университет Париж-И, Пантеон-Сорбонна (Франция, Париж), асп.; feodal.msu@gmail.com; bretzel-bordelik@yandex.com.

администрацией, что влекло за собой постепенное превращение казачьих отрядов в иррегулярные части российской армии.

Особое место в истории этой трансформации занимает русско-турецкая война 1735-1739 гг. Масштаб военных действий, развернувшихся в Причерноморье, был беспрецедентным, в походах Б.Х. Миниха на Крым участвовало более 80 тыс. солдат регулярной армии [1]; весьма велико было и участие Войска Донского. Тяжелая и малоуспешная кампания 1737 г. потребовала от правительства мобилизации всех наличных сил и ресурсов. Весной 1738 г., в преддверии нового похода на Крым, правительство вновь собирало войска.

Обычно при необходимости участия в военном походе донские казаки получали из Сената, а также нередко из Военной коллегии, императорскую грамоту. 9 февраля 1738 г. пришла грамота из Сената о наряде трех команд донских казаков «в команду» генерал-фельдмаршалов П.П. Ласси и Б.Х. Миниха. Сенат и Военная коллегия потребовали отправить «доброконных» и «доброоруженных» казаков «к господину генералу фельдмаршалу и ковалеру графу фон Миниху четыре тысячи с походным атаманом Иваном Фроловым, да в команду господину генералу фельдмаршалу и ковалеру фон Лессию конных шесть тысяч с походным атаманом, что ныне вновь пожалован брегадиром, Краснощокowym, да пеших же казаков к посажению на суда до трех тысяч человек»².

Прежде всего, нужно обратить внимание на то, что отправление 13 000 человек в поход представляло значительную сложность для Войска Донского. Согласно исследованию А.П. Пронштейна, численность служилых казаков в Донском войске в 1735 г. составляла 15 724 человек: «В 1725 г. на Дону насчитывалось 14 266 служилых казаков, в 1734 г. 16 805, в 1735 г. – 15 724» [5, с. 71]. И. Фролов, глава влиятельнейшей на Дону семьи и походный атаман одной из «партий», в своей отписке обращал внимание властей на то, что после выполнения требований правительства осталось бы лишь 1656 человек для охранения донских станиц. По его убеждению, этого может оказаться недостаточно для защиты от возможных набегов крымских и кубанских татар, а также калмыков Дондук-Омбо.

В литературе считается, что казаки должны были нести службу с собственным оружием. Интересно, что в данном случае правительство готово было частично взять на себя их вооружение: «Понеже нам доносено коим образом у донских казаков у многих ружье не

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Ед. хр. 467, 1738 г. Л. 828 об.

находится и достать неоткуда того ради повелели мы несколько тысяч старого однако ж еще годного ружья прямо к Вам отправить». Однако о наличии казенного арсенала следовало объявить уже после первого смотра, так как если заранее «о раздаче того ружья объявлено будет, то и всякой про себя что ружья не имеет объявлять станет»³.

Начало постоянного взаимодействия между казачьими войсками и регулярной армией является одной из самых важных перемен в положении Войска Донского. В ведении выборных казачьих властей теперь оставались только вопросы защиты собственно донской территории, да и то под контролем командования: следовало «из остаточных за тем отправлением во обе экспедиции войска Донского казаков... по расположению генерала фельдмаршала и ковалера фон Лессия от Лугани вниз по Донцу до Дону и до Азова и до Царицынской линии форпосты и патрули учредить и в том бы поступать... по своему благоизобретению»⁴.

Из отписки атамана Фролова правительствующему сенату ясно, что офицеры регулярной армии теперь активно вмешиваются в военные дела казачества. В качестве командира одной из отправляемых на войну «команд» была «ассигнован» офицер регулярной армии – недавно пожалованный в бригадиры И.М. Краснощеков [6, с. 411-412]. Несмотря на то, что он происходил из казаков и в прошлом неоднократно занимал войсковые должности, последние его службы были связаны с его быстрой карьерой в Петербурге. Во главе другой команды должен был встать донской атаман – И. Фролов, – но и он был не избран казаками, а назначен распоряжением Петербурга⁵. Это, конечно, было важным новшеством – ранее походные атаманы избирались казаками самостоятельно.

Решительное ограничение самостоятельности Войска вызвало, однако, скрытое противодействие. Согласно указу, И.М. Краснощеков должен был прибыть к устью Аксая в 25 апреля, однако задержался в пути, и атаман С. Ефремов начал действовать самостоятельно. Прежде всего, он отправил старшин и доверенных казаков во все казачьи станицы, чтобы передать императорский указ и переписать всех подлежащих отправке казаков. Затем «со всех рек ведомства Донского войска с Дону, с Донца, с Хопра, с Медведицы, и с Бузулуку, конных и пеших казаков» призвали «к смотру против Черкасского за Аксай, не оставляя в станицах никого, всех без изъятия»⁶.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Ед. хр. 467, 1737 г. Л. 334 об.

⁴ Там же. 1738 г. Л. 828 об-829.

⁵ Там же. Л. 828 об.

⁶ Там же. Л. 830-831.

В течение апреля 3000 пеших казаков отправились в Азов на судах, причем самостоятельно избрали походного атамана, Афанасья Петрова, без согласования с фельдмаршалом Ласси. «И из таковых пеших и оружейные казаки сколь скоро с станиц прибыли, оные того же времени по пересмотре для посажения на суда в команду господину вице адмиралу Бредалю в Азов малыми суднами с походным походным атаманом Афанасьем Петровым и с надлежащим числом старшин апреля с 11 числа не продолжая нималого времени отправлял и в том отправлении того же апреля по 19 число было две тысячи шестьсот человек и от упоминаемого числа все достальные четыреста человек пеших казаков мною же всеподданнейшим действительно отправлены в Азов сего мая 2-ого числа»⁷. Интересно, что в отписке подчеркивается наличие в отряде «надлежащего числа старшин» – видимо, по мысли ее составителя, это должно было обеспечить управляемость и боевой дух войска.

Теперь было необходимо подготовить конные отряды. Сначала были собрано «доброконных и доброоруженных четыре тысячи человек тех, кои и прошедшей компании были под Очаковым, добавляя в ту команду вместо худоконных, бесконных, умерших и побитых, больных и престарелых из прочих доброконных казаков»⁸; они были снабжены, «ведая далее расстояние похода к главной той армии в команду к господину генералу фельдмаршалу и кавалеру графу фон Миниху... на проход провиантом, тако же порохом и свинцом и походными четырьмя пушками с прочими к тому принадлежности», и 21 апреля отправились «с походным атаманом Иваном Василевым сыном Фроловым, и с надлежащим числом старшин»⁹.

К моменту, когда Краснощеков появился на Дону, войска «в команду... господина генерала фельдмаршала и кавалера фон Лессия... двуконных и доброоруженных казаков» тоже были собраны и «провиантом заготовлялись при устье реки Аксяя»¹⁰. Однако атаман не собирался передавать бригадире командование. Ссылаясь на его опоздание и аккуратно уведомляя командование о своих действиях, 25 апреля он отправил и вторую конную партию: «я всеподданнейший ожидал сюды приезда с Санкт Питербурха означенного брегадира Краснощокова апреля даже до 25 числа, которому по силе Вашего императорского величества указу определено быть над упоминаемыми конными казаками шеститысячным числом под главною

⁷ Там же. Л. 830 об.

⁸ Там же. Л. 830-831.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

командою одного господина генерала фельдмаршала и ковалера фон Лессия [...] а как оной брегадир Краснощокков до означенного 25 числа сюды не прибыл, а хотя же мне всеподданнейшему известно, что оной брегадир Краснощокков с Санкт Питербурха выехал, и в близости в пути уже в ведомстве Донского войска по станицам следует, однако же я всеподданнейший по своей всеподданнической верной должности не мог упущать удобнейшого нынешнего ко отправлению время»¹¹. Отправленными отрядами командовали донские старшины; атаман назначил «Войска Донского из старшин наказным походным атаманом Петра Еркашару, полковниками Екима Машлыкина, Андрея Албакова, Агея Иевлева, [...], чтобы довести им в скорости оных казаков в славнею команду одного господина генерала фельдмаршала и ковалера фон Лессия»¹². С атаманом Еркашарой ушли 4822 из назначенных к «команду» бригадира 6000 казаков, и запоздавший офицер, которого С. Ефремов торжественно встретил при устье Аксая 26 апреля, теперь должен был возглавить лишь «достолное число здешних черкасских и протчих станиц доброконных же и доброоруженных казаков всего девецот девятнадцать, в том числе и юртовых наших калмык сто человек»¹³.

Тем не менее, распоряжение правительства было выполнено, и атаман мог отчитаться: «А сего мая 18 дня присланною в Сенат от войска Донского отпискою показано: тех казаков наряжено и отправлено и достальных ко отправлению с брегадиром Краснощокковым оставлено: в команду генерал-фельдмаршала графа фон Миниха конных 4000, в команду генерал-фельдмаршала фон Лессия пеших 3000 против указу сполна, да конных казаков и юртовых их калмык 5740 человек и того 12740. И против указу в команду генерал-фельдмаршала фон Лессия конных не наряжено и не отправлено 260 человек»¹⁴.

Итак, попытка правительства поставить сбор и отправку казачьих войск под контроль армейского командования столкнулась со скрытым, но достаточно решительным противодействием донской старшины. Верхушка донского общества, опираясь на поддержку основной массы казачества, была готова достаточно решительно отстаивать свое право на руководство внутренними делами Войска и, отчасти, его военной службой.

¹¹ Там же. Л. 831.

¹² Там же. Л. 831 об.

¹³ Там же. Л. 831 об.

¹⁴ Там же. Л. 834.

1. *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736-1739 гг. СПб., 1906. Т. 1-2.
2. *Богословский М.М.* Петр Великий: Материалы для биографии. Т. 1. М., 2005.
3. *Венков А.В., Агафонов А.И., Мининков Н.А.* История донского казачества: учебник для студентов высших учебных заведений. Ростов-на-Дону, 2008.
4. *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637-1667). СПб., 2009.
5. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.
6. Русский биографический словарь. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903.

УДК 930.2

Т.А. Круглова¹

К вопросу о социальных функциях «Записки о непорядках в Малороссии» (1750-е гг.)

«Записка о непорядках в Малороссии»; источниковедческий анализ; социальные функции исторического источника; Малая Россия (Левобережная Украина); административная реформа 1764 г.

В статье приведены основные точки зрения ученых на социальные функции широко известного исторического документа – «Записки о непорядках в Малороссии».

Отдельными аспектами административной реформы, проведенной императрицей Екатериной II на Левобережной Украине в 1764 г., историки интересуются с начала XIX в. Однако до сих пор цельного исследования, посвященного реформе, не существует. Одна из главных причин такого положения дел – состояние источников по данной проблеме: число их невелико, а видовая принадлежность весьма разнолика [5, с.146–157]. При этом некоторые из них оказались в документальной системе необоснованно [7, с. 315–328], поэтому состав материалов по истории административной реформы 1764 г. на Левобережной Украине сегодня требует ревизии.

В доказательстве причастности к реформе 1764 г. нуждается и анонимная недатированная «Записка о непорядках в Малой России» (далее «Записка»). Она известна в науке по трем опубликованным нетождественным спискам [3, с. 169–196; 2, с. 350–381; 1, с. 29–54]. Своим критическим настроем «Записка» привлекла внимание историков сра-

¹ Круглова Татьяна Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; istochmsu@list.ru.

зу после издания первого списка. Но ни тогда, ни впоследствии она не подвергалась всестороннему источниковедческому анализу, отчего о «Записке» накопилось много поверхностных, противоречивых, необоснованных высказываний. Разногласия мнений характерна и при определении социальных функций «Записки», т.е. цели ее составления.

К числу недоказанных относится господствующее в историографии мнение о «Записке» как документе, обеспечившим идеологическую и содержательную разработку реформы центрального управления Левобережной Украиной в 1764 г. Такое утверждение появилось, впрочем, не сразу. В течение двух десятков лет после первой публикации «Записки» историки (П.А. Кулиш, М.А. Максимович, Н.И. Костомаров, Н.А. Ригельман, А.А. Васильчиков и др.) не связывали документ с реформой 1764 г. и не обсуждали вопрос о его влиянии на сферу государственного управления. Считалось, что возникновение «Записки» было вызвано личной инициативой Г.Н. Теплова – руководителя канцелярией малороссийского гетмана К.Г. Разумовского. Как полагали историки, Г.Н. Теплов работал над «Запиской» в 1750-х гг. и предназначал ее для императрицы Елизаветы Петровны, однако у адресата его сочинение никакого отклика не вызвало.

Новый взгляд на происхождение, назначение и использование «Записки» предложил в 1876 г. С.М. Соловьев. Он впервые поместил источник в контекст подготовки административной реформы 1764 г. [8, с. 340–345]. Описывая реакцию императрицы Екатерины II на события, развернувшиеся на Левобережной Украине в конце 1763 г. вокруг обсуждения малороссийской старшиной вопроса о введении наследственного гетманства, историк назвал самодержицу не только адресатом «Записки», но и инициатором ее составления. Он заявил, что по распоряжению императрицы документ был написан в начале 1764 г. Г.Н. Тепловым, ставшим к тому времени одним из ее статс-секретарей. Самодержица якобы нуждалась в компетентном мнении бывшего руководителя гетманской канцелярии о положении дел на Левобережной Украине, чтобы принять окончательное решение о реформировании центрального звена в местном управлении. В «Записке» были заложены, как полагал С.М. Соловьев, идеи об отставке действующего гетмана К.Г. Разумовского и упразднении гетманского правления как института власти, реализованные вскоре как государственные задачи.

Быстро вытеснив мнение о более чем скромном месте «Записки» в российской политике, гипотеза С.М. Соловьева утвердилась в научной среде. Она доминирует в отечественной и зарубежной исто-

риографии и сегодня [6, с. 17–28]. Взгляд на «Записку» как важный инструмент реформы управления на Левобережной Украине разделяется и теми современными исследователями (Z.E. Kohut, I. de Madariaga, W.L. Daniel, А.Б. Каменский и др.), которые смещают датировку документа к середине 1763 г., но внятно не объясняют, с какой целью именно в это время документ появился.

Приведем еще одно – особое – мнение о происхождении и месте «Записки» в российской истории, высказанное в середине 1990-х годов. Оно принадлежит С.В. Шлейтере, которая в исследовании «Философские взгляды Г.Н. Теплова» обратилась к «Записке» для изучения взглядов ее автора в области социальной философии. В своих построениях С.В. Шлейтере исходила из оценок, данных «Записке» в исторической и публицистической литературе еще до появления доминирующей в современной историографии гипотезы С.М. Соловьева. Это просматривается в частности в том, что в ее работе соловьевская версия о происхождении источника вообще не упомянута. Правда, у С.В. Шлейтере есть несовпадения во мнениях и с предшественниками авторитетного историка. Так, например, если первые исследователи прямо называли адресатом «Записки» императрицу Елизавету Петровну, то у С.В. Шлейтере вообще неясно, для кого она была написана: для императрицы Елизаветы Петровны или, как впоследствии утверждали историки, для императрицы Екатерины Алексеевны. Отказываясь рассматривать вопрос об адресате, которому «Записка», как принято считать в историографии, должна была помочь решить некоторые политические и административные вопросы, исследовательница, похоже, считает, что «Записка» – это статья, предназначенная для широкого круга читателей. Отказавшись от гипотезы о «Записке» как факторе государственной политики в отношении Левобережной Украины, С.В. Шлейтере заявила, что «Записка» стала заметным событием в развитии общественно-политической мысли России. Исследовательница констатировала: «Свои взгляды на устройство общества Г.Н.Теплов изложил в своей статье “О непорядках, которые происходят от злоупотреблений прав и обыкновений, грамотеями (*sic!* – Т.К.) подтвержденных Малороссии”. <...> Статья эта вызвала широкий резонанс и много откликов среди современников Г.Н.Теплова. Причем отзывы о позиции автора были совершенно противоположными: от полного принятия его позиции, до полного отрицания. Его статья, посвященная проблемам Малороссии, затрагивала интересы многих. Вероятно, поэтому она и была так бурно встречена» [9, с. 17–18].

Однако утверждение о широком обсуждении современниками «социальных вопросов», затронутых автором в «Записке», бездоказательно и, более того, ошибочно. Оно ошибочно хотя бы по тому, что упомянутая дискуссия имела место в 1857 г., спустя почти столетие после написания документа. Поскольку С.В. Шлейтере пользовалась только списком *Кулиша*, она не знала, что в заголовке другого списка – списка *Василенко* – «Записка» названа секретной («Секретнейшие примечания нынешнего состояния Малороссии»). Историки соглашались с такой характеристикой «Записки», хотя «секретнейшей» она была определена не самим автором, а одним из позднейших копиистов [1, с. 22; 6, с. 7–9, 17–19], который отчетливо понимал, что в тот исторический момент, когда «Записка» создавалась, содержание переписываемого документа не могло подлежать разглашению. В защиту мнения копииста о «закрытости» содержания «Записки» для широкого круга читателей добавим то, что никаких следов внимания к ней именно современников не обнаружено.

Включение «Записки» в круг источников по философской проблематике демонстрирует возрастающий интерес к документу со стороны не только историков, но и специалистов других отраслей научного знания. Однако новейшее философское исследование показало и иное – в науке сегодня, как и прежде, выдвигаются не обремененные вескими доказательствами гипотезы о происхождении «Записки» и ее месте в историческом процессе. В связи с наблюдаемой ситуацией доскональный источниковедческий анализ «Записки» становится насущной необходимостью. Он должен помочь оценить прежние гипотезы о назначении источника и предотвратить появление различного рода догадок в будущем.

Для решения ряда источниковедческих вопросов, связанных с «Запиской», в настоящее время сложились благоприятные условия. Назовем некоторые из них. Во-первых, уже после построения С.М. Соловьевым гипотезы были обнаружены и опубликованы варианты текста «Записки» (список *Воронцовский* и список *Василенко*), и они позволяют реконструировать некоторые этапы ее составления. Во-вторых, на рубеже XIX–XX вв. в качестве научной дисциплины оформилось историческое источниковедение, которое классифицирует исторические источники, выявляет наиболее общие характеристики самостоятельных групп исторических источников, разрабатывает методы их изучения. В рамках источниковедения возможно, например, правильно соотносить «Записку» с определенным видом письменных исторических источников и выявить ее общие и специфические черты как конкретного представителя определенного круга

материалов, имеющих общие социальные функции. В-третьих, историческая наука продвинулась вперед в восстановлении событийной канвы XVIII столетия. В ходе источниковедческого анализа, т.е. при определении даты, авторства, места происхождения и т.д., такого непростого по содержанию и форме источника, как «Записка», а также для проверки выдвинутых гипотез о ее назначении весьма полезны сведения о ранее неизвестных фактах или нюансах, характеризующих ряд давно известных событий. В-четвертых, в XX в., особенно в конце его второй половины, наблюдается интенсивное междисциплинарное изучение текста как социального явления во всех его внутренних и внешних связях. «В конце XX в. в системе филологического знания активизировалась одна из самых сильных связей текста – его связь с коммуникативной деятельностью Homo Loquens (человека, владеющего языком. – Т.К.) как двуединства Говорящий-Слушающий», – констатируют филологи [4, с. 4]. Результаты многочисленных исследований текста (устного и письменного) как атрибута коммуникации интегрируются в теории текста. Некоторые положения этой новой области научного знания могут послужить методологическими ориентирами при раскрытии социальных функций «Записки» как посредника в коммуникативной системе «автор – текст – адресат».

1. *Василенко М. Г.Н.* Теплов і його «Записка о беспорядках в Малороссии» // Записки Українського товариства в Києві. Київ, 1911. Вип. 9.
2. Записка о Малой России // Архив князя Воронцова. М., 1882. Т. 25.
3. Записка члена Малороссийской коллегии Григория Николаевича Теплова, составленная в царствование императрицы Елисаветы Петровны: «О беспорядках, которые происходят от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии» // Записки о Южной Руси / Издал П. Кулиш. СПб., 1857. Т. 2.
4. *Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М. и др.* Теория текста. М., 2010.
5. *Круглова Т.А.* Источники по истории подготовки административной реформы на Левобережной Украине в 1764 г. // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Теорія, методика, практика: Міжвуз. зб. наук. праць. Дніпропетровськ, 2009.
6. *Круглова Т.А.* О времени составления «Записки о беспорядках в Малороссии»: в царствование Елизаветы Петровны или Екатерины II? // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 2011. № 4.
7. *Круглова Т.А.* Содержание словосочетания «гетманское дело» в записках императрицы Екатерины II (1762–1764 гг.) // Особенности российского исторического процесса. Сборник статей памяти академика Л.В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009.
8. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен до наших дней. М., 1965. Кн. XIII. Т. 26.

УДК 94(47).073

Ю.Н. Смирнов¹

Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения²

Россия в XIX в.; Николай I; административное деление; Самарская губерния; колонизация; хлебная торговля.

Административные перемены на юго-востоке Европейской России, включая изменения губернских границ в середине XIX в., носили объективный характер. Они были, прежде всего, обусловлены ходом заселения и освоения новых земель.

Административно-территориальное деление России, как и система местного управления, созданные в ходе реформ Екатерины II после восстания 1773-1775 гг., оказались наделенными исторической прочностью. Созданные тогда органы власти в самоуправлении с некоторыми изменениями просуществовали до 1917 г. Границы же большинства уездов и губерний пережили падение Российской империи на десятилетие. Одна из немногих существенных их передвижек произошла в Поволжье и Приуралье в результате создания Самарской губернии в 1851 г. В нее вошли земли по левому берегу Волги, которые с 1780-х гг. находились в составе разных административно-территориальных образований. Ставропольский, Сызранский и Самарский уезды составляли юго-восточную окраину Симбирской губернии. Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды находились на западе Оренбургской губернии. В 1835 г. на востоке Саратовской губернии были образованы новые Николаевский и Новоузенский уезды³.

Обустройство заволжских территорий на уездном уровне лишь внешне казалось унифицированным по общероссийскому образцу. Значительная часть жителей оставались вне ведения гражданских властей, подчиняясь военному начальству в Оренбурге: казаки, став-

¹ Смирнов Юрий Николаевич, Самарский государственный университет (РФ, Самара), д.и.н.; smirnov195503@yandex.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 "«Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)".

³ НА РГО. Раз. 36. Д. 9. Л. 87 об-88.

ропольские крещеные калмыки, башкиры. Однако доля военно-служилых сословий в населении края и его хозяйственной жизни постоянно снижалась из-за непрерывного притока переселенцев-крестьян.

Изучение процесса колонизации российских пространств имеет давнюю историю, на чем здесь нет возможности остановиться. Отметим лишь как факт, что большинство историков придерживается традиционного для отечественной науки признания закономерности и положительных результатов этой колонизации. Например, такой взгляд отражен в самых известных современных оригинальных концепциях истории развития России, выдвинутых Л.В. Миловым [3, с. 4-5, 565-566] и Б.Н. Мироновым [4, с. 59].

В настоящей статье ставится задача показать, что процессы заселения и освоения влияли не только на демографические, хозяйственные, инфраструктурные перемены в жизни юго-восточных территорий Европейской России. Они же во многом определяли серьезные административные преобразования.

Сохранился солидный массив неопубликованных источников по теме. Они находятся в Научном архиве Русского Географического общества (НА РГО), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО).

Эти источники долгое время оставались вне внимания историков региона, опиравшихся на свидетельства рядовых и мало осведомленных современников, до которых доходил лишь «смутный слух о переименовании Самары из уездного города в губернский» [5, с. 196]. Складывалось впечатление, что решение о создании новой губернии было случайным и субъективным. На самом же деле к исходу первой половины XIX в. сложился комплекс объективных причин, приведших к ее созданию. К ним относится: 1) стремление властей одновременно поддержать и удержать под своим контролем переселенческое движение, 2) окончательная утрата краем военно-пограничного значения и ликвидация здесь служилого населения, 3) трудность управления обширными губерниями при резком росте числа их жителей, 4) возросший экономический потенциал Самары как торгово-промышленного центра большой территории.

Государственное участие в заселении Юго-востока Европейской России усилилось вследствие реформы казенной деревни, предпринятой по инициативе П.Д. Киселева. В ней важное место отводилось переселенческой политике, для целей которой предназначались, преж-

де всего, заволжские земли Оренбургской и Саратовской губерний⁴. Схожие мероприятия проводило здесь в отношении удельных крестьян Министерство императорского двора. Приток переселенцев обеспечивался также помещиками, выводившими сюда своих крепостных.

Вместе с тем правительство в 1840-х гг. прибегло к выводу отдельных групп населения за пределы данного региона. По Положению об Оренбургском казачьем войске, утвержденному 12 декабря 1840 г., его земли при крепостях прежней Самарской линии передавались Министерству государственных имуществ⁵. С них по указу 8 марта 1841 г. началось выселение казаков на восток на новую пограничную линию⁶.

В 1842 г. Ставропольское Калмыцкое войско, подчиненное Военному министерству, было упразднено, а его территория перешла под контроль Министерства госимуществ. Заселение этих земель велось по особым правилам [6].

К издавна обитавшим здесь башкирам выселение не применялось. Однако самовольно занятые ими земли по Узеням и другим южным степным рекам изымались в казну для наделения государственных крестьян и помещиков⁷.

Ликвидация и сокращение иррегулярных войск на заволжских территориях привели к освобождению значительного числа сельскохозяйственных угодий, в том числе в Симбирской губернии, считавшейся с 1801 г. малоземельной и не подлежащей массовому заселению⁸. Теперь в ее Самарском и Ставропольском уездах образовался резерв, обеспечивший новых переселенцев.

Одновременно пропал смысл держать под контролем военных властей Оренбургской губернии ее западные уезды, лишившиеся служилого населения. Да и в целом быстрый рост населения и хозяйственной активности делали все более ощутимыми трудности управления чересчур обширными территориями, о чем сообщал сенатор А.Н. Пещуров, совершивший в 1842 г. ревизию этой губернии. По его докладу 10 августа 1843 г. Николай I приказал начать изучение вопроса о пересмотре границ юго-восточных губерний. В результате такого изучения 2 мая 1850 г. последовало повеление приступить к учреждению Самарской губернии⁹.

⁴ РГИА. Ф. 381 Оп. 2. Д. 523. Л. 63.

⁵ ОР РНБ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2477. Л. 3, 8 об.

⁶ Там же. Ф. 571. Оп. 1. Д. 13. Л. 18 об.

⁷ Там же. Ф. 608. Оп. 2. Д. 136. Т. 1. Л. 243-321 об.

⁸ ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 186. Л. 79 об.

⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 44.

Ее предполагалось устроить из вышеперечисленных 7 заволжских уездов Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерний. Эти уезды рассматривались как многоземельные, и, следовательно, вся губерния рассматривалась как территория массового заселения. Саратовская и Симбирская же губернии, оставшиеся без луговых сторон, из числа многоземельных окончательно выключались. Сокращался объем обязанностей их органов управления за счет упразднения функций по организации переселений. Это позволяло сократить расходы правобережных губерний, а освободившимися суммами компенсировать затраты на содержание новых самарских губернских учреждений.

Освоение заволжских территорий было одной из важнейших задач при принятии решения о создании новой губернии. 10 августа 1850 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский сообщил управляющему Министерством госимуществ Н.М. Гамалее, что, ознакомившись именно с мнением его ведомства, Николай I окончательно «повелеть соизволил приступить ныне же к образованию Самарской губернии и привести эту меру в действие, если возможно, с 1 января будущего 1851 года»¹⁰.

Важным обстоятельством, ускорившим создание губернии за Волгой, был быстрый рост Самары и подъем ее экономического значения, что обуславливалось, прежде всего, развитием товарного производства зерна в крае и хлебной торговли. Переломным стал 1833 год, отмеченный высоким урожаем при одновременном подъеме цен на хлеб, особенно на твердую экспортную пшеницу – «белотурку»¹¹. После него началась, по словам современников, «настоящая белотурочная лихорадка»¹². В 1835 г. был поднят, а в 1840 г. решен вопрос об изменении плана Самары. На плане, утвержденном в 1804 г., «не существовало еще хлебной пристани, и хлебных амбаров на плане назначено не было». К 1840-м гг. число зерноскладов достигло нескольких сот, и ежегодные закупки хлеба, вывозимого из Самары, простирались до 3-5 млн пудов¹³.

В 1835 г. император утвердил новые правила сбора в Самаре городских доходов и расходов, а также новые штаты самарской городской администрации, полиции и органов самоуправления¹⁴. Это было опять-таки следствием развития хлебной торговли.

¹⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 73.

¹¹ НА РГО. Раз. 34. Д. 22. С. 11.

¹² Там же. Раз. 34. Д. 6. Л. 36 об.

¹³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 63. Л. 3 об, 5 об, 29, 29 об.

¹⁴ Там же. Ф. 1287. Оп. 5. Д. 1018.

Однако уже в 1841 г. срочно понадобилось и было получено высочайшее позволение на изменение этих штатов из-за большого притока людей в город. Официально постоянное население в Самаре за 1830-е гг. выросло в полтора раза, превысив 13 тыс. чел., а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей¹⁵. Однако реальная численность была на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. чел. Даже зимой в Самаре реально проживало не менее 25 тыс. обитателей¹⁶.

Через Самарскую пристань в середине XIX в. проходило в стоимостном выражении две трети грузооборота всех пристаней по луговому берегу Волги ниже устья Камы¹⁷. Ранг административного центра Заволжья только закреплял реальное положение Самары в крае.

Сроки, назначенные Николаем I для подготовки к открытию губернских учреждений, были выдержаны. 6 декабря 1850 г. он подписал указ об образовании Самарской губернии. Предусмотренная в нем дата 1 января 1851 г. объявлялась днем начала существования новой губернии. Не стал помехой даже страшный пожар 1850 года. В городе с трудом, но нашлись уцелевшие здания, пригодные для найма под размещение присутственных мест.

С открытием губернии в повестку дня встали вопросы унификации органов местной власти и самоуправления, перешедших из разных губерний, по единому образцу, каким становились учреждения Самары [1]. Одновременно велась проверка на соответствие их самих общероссийскому законодательству. При этом насущные потребности могли оказаться важнее даже правовых норм. Так, интересы хлебной торговли в новой губернии привели к упразднению паспортного контроля за пришлыми и фактической отмене сыска беглых [7].

Повышение административного статуса города и территории стимулировало как дальнейшее развитие хозяйства и инфраструктуры края, так и способствовало подъему здесь общественной жизни, образования, культуры [2]. Завершилось превращение лесостепного и степного Заволжья из Дикого поля, каким оно было еще в начале 1730-х гг., в одну из коренных российских губерний. За этими превращениями стояли, прежде всего, уже полученные результаты колонизационного процесса на юго-восточных землях России, а также стремление к освоению все новых земель.

¹⁵ НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 87.

¹⁶ РГИА. Ф. 1152. Оп. 3. 1841 г. Д. 87.

¹⁷ НА РГО. Раз. 34. Д. 6. Л. 93.

1. *Артамонова Л.М.* Городское самоуправление уездной Самары в первой половине XIX в. // Самарский земский сборник. Самара, 1995.
2. *Артамонова Л.М.* Получение Самарой губернского статуса и расширение культурного пространства провинциального города // Городская культура и город в культуре. Ч. 1. Самара, 2012.
3. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
4. *Миронов Б.Н.* Историческая социология России. СПб., 2009.
5. Самарская летопись. Самара, 1993. Кн. 1.
6. *Смирнов Ю.Н.* Заселение государственными крестьянами казачьих и калмыцких земель Самарского Заволжья в первой половине XIX в. // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск, 2004.
7. *Смирнов Ю.Н.* «Юрьев день» губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х годов // Центр и периферия. 2012. №1.

УДК 94(47).066

С.Л. Перечицкая¹⁸

Опорные пункты российской колонизации в конце XVIII в.

Колонизация; юг Российской империи; казенные крестьяне; Волго-Донская переволока; Азовское побережье.

В статье обоснована значимость Волго-Донской переволоки и Азовского побережья как стратегических пунктов военной и гражданской колонизации на юге Российской империи в правление Екатерины II. Определена социальная база переселенцев на указанные земли – казенные крестьяне – согласно правительственным планам освоения южных территорий.

На всем протяжении XVIII в. Россия добивалась закрепления своих позиций в Северном Причерноморье. Важнейшие стратегические пункты жизненно важного для страны продвижения к Черному морю были определены еще в 1695–1696 гг. в Азовских походах Петра I – это Волго-Донская переволока с крепостью Царицын и крепость Азов с прилегающим морским побережьем. Утверждение России на указанных землях давало право полного контроля над Переволокой – месте наибольшего сближения Волги и Дона, над всем течением Нижнего Дона, его устьем и Азовским побережьем а, следовательно, удобной и оперативной доставкой грузов по водной системе река-море.

¹⁸ Перечицкая Светлана Леонидовна, Волгоградская государственная академия повышения квалификации и переподготовки работников образования (РФ, Волгоград); psl38@bk.ru.

В первой трети века был предпринят ряд мер по обустройству Царицынской сторожевой линии, прикрывавшей Переволоку от нападений калмыков и ногайцев и просуществовавшей до 1777 г., строились планы соединения двух рек каналом с целью увеличения пропускной способности судов в междуречье, создавалось Волжское казачье войско. В результате при Анне Иоанновне на Переволоке рядом с Царицыным в 1734 г. появилась Дубовка, определенная указом как главное селение волжских казаков. Проведенные мероприятия на десятилетия обеспечили охрану самой сторожевой линии и казенных грузов, переправляемых в Северное Причерноморье и Земли донских казаков.

Победа в русско-турецкой войне (1768–1774) позволила Российской империи утвердиться на новых рубежах от Моздока до Азова и оставить Царицынскую линию в 1777 г., ставшую внутренней частью страны¹⁹. Перевод волжского казачества с Царицынской на Моздокскую линию и заселение на освободившихся в округе Дубовки землях великороссийских экономических крестьян в 1776–1778 г. положили начало регулируемой правительством военной и гражданской колонизации края. Еще в 1776 г. правительство запланировало перевести 2 тыс. душ малоземельных экономических крестьян из центральных губерний России на земли бывшего Волжского войска. При непосредственном контроле Коллегии Экономии и общем контроле Сената на указанных землях в 1778–1779 гг. оказалось 1854 души экономических крестьян [3].

Организация миграционных потоков входила в комплекс государственных задач, стоявших на тот момент перед правителем южных земель Г.А. Потемкиным: укрепление рубежей, стабилизация внутриполитической ситуации на территориях, не так давно охваченных крестьянскими волнениями, создание социальной опоры власти на огромных и малозаселенных степных просторах, удаленных от центра, закрепление России в Северном Причерноморье и степном Предкавказье, заселение края и его хозяйственное освоение.

Первоначально переселения разных категорий государственных крестьян теснейшим образом были связаны с потребностями содержания Астраханского почтового тракта (Москва – Кизляр) и проводились на наиболее значимых направлениях от прежних пограничных крепостей к вновь возводимым²⁰. Уже в начале 1778 г. Военная колле-

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 70. Д. 6183. Л. 181, 182 об, 192 об.

²⁰ Указ Сената 17.10.1776 О переселении малоземельных экономических крестьян по Астраханской дороге на земли, бывшие во владении волжских казаков. См.: ПСЗ. Т. 20. С. 435, № 14521.

гия поставила перед Главной провиантской канцелярией вопрос о государственном содержании «почтовой гоньбы казачьей команды» (в том числе Царицынской дистанции) на новой линии от Моздока до Азова [1, с. 153; 3, с. 272-273].

Основной социальной базой гражданской колонизации на важнейших стратегических местах юга империи, какими в конце XVIII в. являлись Волго-Донская переволока и Азовское побережье, последнее было оставлено в ведении центральной власти после Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева [2, с. 70], стало экономическое (казенное) крестьянство. Выбор правительства был обусловлен в первую очередь требованиями, предъявляемыми к новопоселенцам – законопослушность, управляемость, лояльность к власти, большая степень свободы по сравнению с крепостными крестьянами. Правительство делало ставку на казенных людей не случайно, оно добивалось изменения социально-психологического климата на Нижней Волге и в Приазовье. Переселенцы изначально не должны были нести ростков социального взрыва. Сыграли свою роль и климатические условия – для российского помещика низкая плодородность земель степной зоны была малопривлекательна.

В начале 1780-х гг. вопрос гражданской колонизации Волго-Донской переволоки и Азовского побережья вновь встал перед правительством. На это указывает следующий документ РГАДА «Дело по предложению Генерал-поручика и Воронежского Наместничества Правителя об осмотре для поселения на пустопорожней земле Воронежского наместничества Бобровской округи поверенных экономических крестьян Захару Жукову и Фоме Шавкову»²¹. В документе нашло отражение непосредственное исполнение именного императорского указа от 25 июня 1781 г., по которому предписывалось укрепить наиболее важные стратегические земли юга империи, переведя до 24 тыс. душ российских экономических крестьян на основе принципа добровольности в Новороссийскую и Азовскую губернии, от 20 до 25 тыс. душ по разным источникам на Переволоку²². Показательно, что центральная власть подняла вопрос о массовом переводе гражданского населения между русско-турецкими войнами 1768–1774 и 1787–1791 гг.

Анализ документа позволил установить характер взаимоотношений, складывавшийся между правительственными структурами и экономическим крестьянством в ходе исполнения именного импера-

²¹ РГАДА. Ф. 600. Оп. 1. Д. 116.

²² Государственный архив Волгоградской области. Ф. 331. Оп. 1. Д. 192. Л. 22, 29, 30.

торского указа в отношении переселения экономических крестьян в Царицынскую округу.

Процесс контролировали губернаторы или наместники как отправляемой, так и принимаемой стороны, на месте руководство осуществлял отъезжий эконом Государственной Коллегии Экономии. Для осмотра предлагаемых земель от экономических крестьян Центральной России прибывали поверенные. Как правило, они представляли экономические вотчины всего уезда.

Выбор свой поверенные сообщали чиновнику до отъезда, обуславливая его так: «А более нигде впредь быть не желают», «никаких других мест на оных волгских казачьих землях к поселению не избрали», высказывали сомнение – будут ли желающие крестьяне к переселению. По возвращении на родину поверенные на общем сходе докладывали крестьянскому обществу об увиденном, предоставляя право односельчанам принимать решение о переезде самостоятельно²³.

Изученные архивные материалы не содержат информации о дальнейших событиях, связанных с переселением экономических крестьян в 1780-е гг., однако позволяют отметить – при переводе крестьян не использовались методы принуждения и насилия. При переселении было важно соблюдение паритета интересов всех сторон ради исключения ситуаций будущих социальных взрывов, память о которых у правительства была еще очень сильна.

История заселения экономическими крестьянами земель бывшего Волжского войска в конце XVIII в. отличалась от стихийной народной колонизации донских земель в XVI–XVII вв. и Нижней Волги в XVIII в. В первом случае это было организованное переселение законопослушных граждан, во втором акт протеста, бегство.

Бежавшие на Волгу в XVIII в., как явствует из документов Царицынской нижней расправы, большей частью были владельческими, помещичьими крестьянами. Они выпадали из социальной структуры, становились маргинальными, асоциальными элементами, на время потерянными для общества и для себя, в бегах многие из них скрывались под чужими именами.

Экономические крестьяне при переселении оставались встроенными в общественную структуру и сохраняли чувство сопричастности с происходящими в государстве событиями. В местах нового проживания сообщество экономических крестьян показало себя достаточно

²³ РГАДА. Ф. 600. Оп. 1. Д. 116.

организованным, в каждом селении имелся староста, в волости – волостное экономическое правление, большую роль играл сход.

Проведенный анализ документов показал, что в крепостном государстве с его ограничением в передвижении и в выборе занятий значительной части крестьянства при решении жизненно важных вопросов страны, правительство шло навстречу пожеланиям такой категории крестьян, как экономические (казенные), и учитывало их интересы и право добровольного выбора места жительства в предлагаемых условиях.

Таким образом, Волго-Донская переволока и Азовское побережье, имевшие в силу своего географического положения важное стратегическое значение, самым теснейшим образом оказались вовлечены в проводимую правительством политику военного и гражданского освоения вновь присоединенных в конце XVIII в. земель. Уже в начале 1780-х гг. до завершения войны с Турцией указанные земли были определены для расселения гражданского населения на юге империи.

1. Белоусов С.С. Государственная политика заселения Царицынского и Кизлярского трактов во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 2011. № 3.
2. Дон и степное Предкавказье XVIII – первая половина XIX в.: Заселение и хозяйство / Отв. ред. А.П. Пронштейн. Ростов н / Д, 1977.
3. Курьшев, А.В. Волжское казачье войско (1730–1804 гг.): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2007.

УДК 930; 281.93

В.И. Иванов¹

Особенности формирования и состав духовенства Черноморского казачьего войска в конце XVIII в.

Духовенство; черноморские казаки; православная церковь.

Земли, присоединенные к России в конце XVIII в., подвергались интенсивному не только военно-политическому, экономическому, но и церковно-религиозному освоению. На Кубани, территория которой была пожалована Черноморскому казачьему войску, за нескольких лет была создана достаточно многочисленная и своеобразная группа духовенства.

¹ Иванов Владимир Иванович, Южный филиал Российского института культурологии Министерства культуры РФ (РФ, Краснодар), д.и.н.; ivanovst@mail.ru.

Войско черноморских казаков начало формироваться по инициативе князя Г.А. Потемкина в 1787 г. Основу его составили бывшие запорожцы. Первоначально оно называлось войско «верных» Черноморских казаков, в отличие от запорожцев, ушедших в Турцию и образовавших там Задунайскую Сечь. Черноморские казаки принимали участие в основных операциях русско-турецкой войны 1787-1791 гг. В первые годы своего существования они имели только одного попа, получавшего 100 руб в год [1, с.161; 5, с. 38]². Жалованная грамота императрицы Екатерины II от 30 июня 1792 г. передавала им в вечное владение «остров Фанагорию со всею землею», т.е. Таманский полуостров с территорией, лежащей на правом берегу р. Кубани от ее устья до Усть-Лабинского редута. По росписи, которая была дана им вместе с грамотой, на государевом жалованье должны были состоять в войске – один протопоп, один поп, дьякон и причетники. Войсковой протоиерей, по размеру жалованья (200 руб. в год), стоял пятым в войсковой иерархии после кошевого атамана, войскового судьи, писаря и есаула, которые получали от 1000 до 500 руб. Попу полагалось 100 руб в год, дьякону – 80 руб., а всем вместе причетникам – 120 руб. Следует сказать для сравнения, что куренным атаманам назначалось по 40 руб. [7, с. 26]

По давно устоявшемуся мнению, высказанному еще крупнейшим дореволюционным исследователем Ф.А. Щербиной, черноморцы переселились на Кубань без духовенства, а иеромонах Антоний, служивший при походной церкви в течении войны с турками, отказался из-за старости и плохого состояния здоровья переселяться [8, с. 271]. Однако известно, что монах Антоний (Донашевский), рукоположенный в священники к «храму святой Живоначальной Троицы в войско Верных Черноморских казаков» 24 февраля 1790 г. [1, с. 169-171], получил 5 августа 1793 г. подписанный атаманом З. Чепегой уже на Кубани «в Карасунском куте» аттестат о своей службе в войске, а 7 августа – «пашпорт» на проезд в разные российские монастыри³. Нет оснований думать, что эти документы он получил заочно, оставаясь в Приднестровье.

Источники свидетельствуют о том, что кроме попа при войсковой походной Свято-Троицкой церкви, которая находилась в Коше (главной квартире, ставке), священник (обычно из монахов) находился и при гребной флотилии. 2 июня 1792 г. иеромонах Феопемпт обратился к архиепископу Екатеринославскому Амвросию с просьбой ос-

² За сентябрьскую треть 1789 г. назначено 33 руб 33 $\frac{1}{4}$ коп. У И.В. Сапожникова ошибочно указано 105 руб.

³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 208. Л. 27. Здесь его фамилия пишется «Данишевский».

вободить его от службы в этом войске «по старости и слабости его здоровья» и отправить на прежнее место в Поляно-Воронский монастырь.⁴ По прошению войскового иеромонаха Антония на его место 16 июня 1792 г. был назначен иеромонах Герасим⁵. Скорее всего, именно он первым из духовных лиц прибыл на Кубань с гребной флотилией, а 12 сентября 1792 г. отслужил на Тамане благодарственный молебен «пры часовне» по поводу получения двух «милостивых грамот», росписи о жалованье и хлеба с солью, присланных императрицею⁶. В письме от 10 октября 1792 г., адресованном премьер-майору С. Белому, сообщается о присылке на Тамань корпусного иеромонаха – отца Феодосия, который должен был обслуживать не только батальон регулярных войск, но и казаков⁷.

24 февраля 1793 г. полковой старшина Павел Демешко, еще находясь за Бугом, был рукоположен митрополитом Кириллом в священники и отправлял, по словам войскового судьи А.А. Головатого, «свою должность с усердием» [3, с. 217]⁸. По рапорту войскового судьи от 21 июля 1793 г. из междуречья Буга и Днестра на Кубань («в остров Фанагорию») под его командованием отправилось 7062 чел. (из них 1087 служащих и 5975 чел. членов семей), включая состоящих на службе в войске одного попа, одного дьякона и двух «церковников» (очевидно, дьячков или пономарей), с семьями общая численность войскового духовенства составила 12 человек [1, с. 655].

Кошевой атаман З.А. Чепега будучи уже на Кубани 4 ноября 1793 г. сообщал епископу Феодосийскому Иову, что при походной церкви у них служил «выпрошенный из города Черкаска» священник Петр Степанов (очевидно, после увольнения иеромонаха Антония). После возвращения Степанова домой им прислали иеромонаха Варнаву, который 3 ноября скончался и никаких других священников у них в это время не осталось [1, с. 694]. Ф.А. Щербина сообщает о том, что в 1793 г. по просьбе войскового судьи А.А. Головатого Феодосийский епископ Иов прислал в войско иеромонаха Исаяю, а 8 октября некий иерей Солоневский вместе с письмом атаману З.А. Чепеге прислал священника, выразив надежду, что он «не окажется отвратителен» [8, с.271]. В последнем случае речь шла, вероятно, именно о

⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.189. Л.4. Письмо было получено в войске согласно помете уже 8 июня.

⁵ Там же. Л. 6. Сообщение было получено в Коше 25 июня 1792 г.

⁶ Там же. Д. 190. Л. 60.

⁷ Там же. Л. 106.

⁸ Письмо А. Головатого атаману З. Чепеге датируется 14 марта 1793 г. В это время войсковой судья находился еще в Слободзее [6, с. 32].

священнике Петре Степанове. Иеромонах Исайя мог быть прислан до него, а Варнава – после его отъезда.

Еще в сентябре 1793 г. по приказу кошевого атамана З. Чепеги казаки в разных селениях начали выбирать из своей среды кандидатов для поставления в священники⁹. В скором времени семь человек для посвящения шестерых во священники, и седьмого – в диаконы были отправлены в Крым к епископу Феодосийскому и Мариупольскому Иову. Однако самостоятельно решить проблему недостатка священнослужителей в войске архиерей побоялся, сначала необходимо было получить разрешение Синода. Текст прошения в Синод с просьбой предоставить Феодосийскому епископу право разрешать строительство церквей и рукополагать священнослужителей, был им уже составлен и войсковому правительству предлагалось только подписать его, а кроме того епископ обещал содействие своего приятеля в решении этого вопроса в Синоде. В своем письме от 4 ноября 1793 г. епископ Иов советовал З. Чепеге пока нет синодского указа скрытно, не называя имен, прислать к нему двух «честных человек, знающих церковный устав» для рукоположения одного в священники, а другого в диаконы, чтобы потом под видом своих штатных служителей он мог отправить их якобы временно, в силу острой нужды на Кубань [4, с. 157, 29]¹⁰. Этот план, судя по всему, был реализован, так как в начале декабря из штата феодосийского архиерейского дома епископ Иов отправил в распоряжение Черноморского войскового правительства священника Василия Дьячевского и диакона Филиппа Стояновского [4, с. 158].

Через месяц, 12 января следующего 1794 г. Синод издал указ о причислении Черноморского войска к Феодосийской епархии, так как кафедра ее была ближайшей (менее ста верст) от земель казаков. Указ требовал неукоснительного соблюдения правил отбора кандидатов в духовное звание и их обеспечения, в частности непременно строить или выделять «выгодные дома» для священников новых церквей. На каждую церковь должно было приходиться не менее 100 дворов, считая по четыре души мужского пола на двор, с обязательным выделением земли на саму церковь и не менее 33 десятин на содержание притча [4, с. 27-32].

Осенью того же 1794 г. войсковое правительство послало в Крым двух новых кандидатов – указных дьячков Ивана Андреевского и Кондрата Белаго для рукоположения во священники, однако ука-

⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 253. Л. 1-8.

¹⁰ Там же. Л. 3-8.

занные лица также были признаны консисторией плохо подготовленными к несению священнической должности, кроме того совсем слабо разбиравшимися в уставе церковных служб. Предлагалось сначала провести их обучение, результаты которого должен был засвидетельствовать войсковой протоиерей Роман Порохня (назначен 2 марта 1794 г.) [4, с. 33], оформить выбор их прихожанами и представление войсковых властей. Впредь посылать кандидатов на священно-церковнослужительские звания должны были только через войскового протоиерея [4, с. 162]¹¹.

Если в начале 1796 г. на землях Черноморского войска было четыре храма: соборная Троицкая церковь в Екатеринодаре, Преображенская на р. Ея, Архангело-Михаиловская в Копыле и первая каменная Покровская в Тамани, то к концу года действовало уже семь (прибавились Воздвиженская в селении Березанском, Рождества Богородицы в Кисляковском и Никольская в Роговском) [2, с. 11]. В рапорте войскового правительства от 1 июня 1797 г. говорится о наличии в войске всего 4 попов и 2 дьяконов [1, с. 768-769], хотя по данным метрических книг за 1796 г. на войсковой земле служили один протоиерей, семь священников, один дьякон и один пономарь [2, с. 76, 88, 93, 98, 115].

Через два года, к началу 1799 г. в Черномории действовали уже 25 церквей. Строительство девяти из них еще не было завершено, но только в одной из них Сретения Господня в селении Ивонивском отсутствовал священник с причетниками. В двух в куренных селениях – Уманском и Каневском, несмотря на указы духовной консистории храмы заложены не были из-за отсутствия материалов. Кроме войскового протоиерея Романа Порохни, в области Черноморского казачьего войска служили в это время 25 священников. Один из них Максим Зубыцкий¹² был прислан преосвященным из Феодосии и временно исполнял обязанности, отрешенного от должности джерилиевского священника Михаила Барвенского, находившегося под следствием. Среди войскового духовенства был один дьякон при войсковой походной Свято-Троицкой церкви в Екатеринодаре (Сергей Савич). Его предшественник Филипп Стояновский к этому времени стал священником. Церковнослужители – пономари (15 чел.), дьячки (16 чел.) и псаломщики (4 чел.), были в основном исполняющими должность уволенными, а иногда и не уволенными, казаками. Только трое причетников уже прошли обряд хиротесии и были приписаны к ду-

¹¹ В 1799 г. эти церкви значились приходскими в селениях Джерилиевском и Щербиновском [4, с. 171].

¹² Скорее всего фамилия должна читаться – Дубыцкий.

ховному званию (стихарные пономари при екатеринодарской Троицкой церкви Петр Письменный и Прокопий Крамаренко, роговской Николаевской церкви – Николай Перетятко). Ктиторы церквей, так называли церковных старост, избирались прихожанами без согласования и утверждения со стороны войскового протоиерея [4, с. 171-174].

Таковым был состав духовенства и церковных служителей Черноморского казачьего войска к концу XVIII в., всего через семь лет после переселения на Кубань. Приведенные выше факты дают право говорить о том, что практически все священники первого поколения кубанского духовенства вышли из среды черноморских казаков.

1. *Дмитренко И.И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. 3. Войско верных черноморских казаков: 1787-1795 гг. СПб., 1896.
2. Древнейшие метрические книги Кубани. Краснодар, 2010.
3. Кубанский сборник. Екатеринодар, 1905. Т. 11.
4. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов. Краснодар, 2001.
5. *Сапожников И.В.* Священники Черноморского казачьего войска кубанского периода // Культурная жизнь Юга России (Краснодар). 2002. №1.
6. *Фролов Б.Е.* Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань // *Historia Caucasica: Региональный исторический сборник научных статей.* Вып. 4. Краснодар, 2005.
7. Хрестоматия по истории Кубани. Документы и материалы. Краснодар, 1975.
8. *Щербина Ф.А.* Происхождение казачьего выборного духовенства в Черномории // На Кавказе. 1910. №7-8.

УДК 94(47)«14/17»(930.2)

Л.Г. Степанова¹

Реконструкция освоенности земельных угодий на основании данных Генерального межевания и писцовых книг

Пашня; материалы Генерального межевания; писцовые книги; ГИС; модельный подход; модель освоенность земли.

В статье проводится анализ принципов реконструкции освоенности земельных угодий на основании ретроспективного подхода. В качестве основы подобного

¹ Степанова Лилия Геннадьевна, Академия маркетинга и социально-информационных технологий (РФ, Краснодар), к.и.н.; liliya_stepanova@list.ru.

подхода берется пашня, сведения о которой по-разному отражены в материалах Генерального межевания и писцовых книгах.

Пашня, которая обрабатывается крестьянами, является объективным показателем освоенности земельных угодий. Долгое время под пашней подразумевалась вспаханная когда-либо земля, которая могла использоваться в различных системах земледелия: классическом трехполье, двухполье, перелог, подсеке. По мнению Л.В. Милова, становление классической трехпольной системы земледелия в XIV-XV вв. протекало достаточно сложно и в российской историографии ее темпы преувеличены [3, с. 23-24]. С точки зрения исследователя, в XVI-XVII вв. паровое трехполье не только соседствовало с двухпольем и перелогом, но и, соединяясь с этими архаическими системами, образовывало комбинированные системы земледелия, для которых было свойственно периодическое забрасывание, а затем и введение в севооборот ранее распаханной земли [3, с. 24].

Такой механизм использования пашни помогал бороться с проблемой истощения плодородия почвы. Несомненно, решить эту проблему помогало и расширение производственных площадей за счет вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых земельных угодий. Несмотря на наблюдавшийся консерватизм и приверженность русского крестьянина к старым, «дедовским» способам обработки земли, с течением веков совершенствовались сельскохозяйственные орудия труда, медленно менялись традиционные приемы земледелия, технологии. Подобный «прогресс агротехники и агрикультуры делал возможным на том или ином этапе развития вовлечение в производство земель, совсем еще недавно полностью не пригодных для этого» [3, с. 35]. С одной стороны, это приводило к увеличению площади распаханых земель, но, с другой стороны, без должных вложений земля быстро выпахивалась и выводилась из севооборота. Этот характерный постоянный процесс, связанный с регулярным забрасыванием старых, выпаханых земель и освоения новых, был с точки зрения Л.В. Милова, широко распространен в XVIII столетии в пределах исторического ядра Русского государства [3, с. 35].

Однако земли, периодически запускаемые и выводимые из севооборота, по своему статусу продолжали числиться пашней. А резервы новых земель на территории исторического ядра государства к этому времени практически были исчерпаны. Проведенное Л.В. Миловым исследование «Экономических примечаний к Генеральному межеванию» свидетельствует о том, что даже в XVIII в. трехпольная система земледелия не была классической, поскольку пашня постоянно обнов-

лялась за счет имеющегося резерва пустующих земель в виде внеочередных паров, росчистей, залежей, перелогов [4, с. 169-175]. О том, что пашня в материалах Генерального межевания могла включать и перелог, Л.В. Милов писал и в своей работе «О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в.» [5].

При реконструкции освоенности земель на основании данных Генерального межевания и писцовых книг встает вопрос, насколько ретроспективный подход, основанный на использовании данных предыдущих столетий, оказывается правомерным для восстановления картины разработанных крестьянами земель в более ранние века. Несомненно, каждый вид источника имеет свои особенности в описании освоенной земли. В частности Материалы Генерального межевания позволяют современным исследователям проследить хозяйственное освоение конкретного региона, получить разностороннюю информацию о воздействии человека на природную среду. Содержащие в них сведения о земельных и лесных угодьях позволяют определить их степень включенности в хозяйственный оборот [1, с. 111, 114].

В то же время писцовые книги не содержат сведения, точно описывающие земельные угодья. В данном источнике границы часто определялись по известной формуле «куда топор и соха и коса ходила». Выбирая место для нового поселения, крестьяне исходили из характера местности, учитывали наличие удобных сельскохозяйственных угодий, в том числе пашни и сенокосов, рыбных и охотничьих угодий. Эта исторически сложившаяся система крестьянского землепользования при определенном пределе вместимости территории являлась основой для устойчивости границ земельных угодий.

По мнению Л.В. Милова, исторически сложившаяся система крестьянского землепользования имела большое значение для методов проведения Генерального межевания [4, с. 21]. Современные исследования, основанные на подробном изучении исторических ландшафтов, позволяют подтвердить эту точку зрения. Так, с точки зрения С.З. Чернова, реликтовую систему землеустройства XIV-XVI вв., связанную с существовавшей в то время рассредоточенной системой расселения малодворными деревнями, зафиксировали уездные планы Генерального межевания, изображающие земельные «дачи» лишенные селений (пустоши) [13, с. 61]. По сведениям Д.А. Хитрова в писцовых и межевых материалах в районах старого расселения, где прослеживается относительная устойчивость старых границ между владениями, наблюдается сопоставимость ряда данных об угодьях [11, с. 101]. Как полагает А.А. Фролов, в материалах Генерального межевания исторически сложившуюся систему землевладения фиксировала

служащая их границей межа, конфигурация которой нередко совпадала с межевыми описаниями XV-XVII вв. [6, с. 363].

Исследования показывают, что земельный участок, разработанный людьми и ставший пашней, несмотря на превращение в пустошь, через какое-то время мог вернуться в свое первоначальное состояние. Пашенная земля по сравнению с целиной на протяжении столетий всегда имела большую сельскохозяйственную ценность, поскольку требовала меньших вложений в себя тяжелого крестьянского труда, чем при разработке новых участков [14, с. 30-31]. Поэтому на протяжении столетий деревня как селение могла пройти несколько стадий развития. Сначала она зарождалась в виде починка, где земля только начинала разрабатываться. Затем она могла обрести крепкую земледельческую базу, а потом превратиться в пустошь, сохраняя некогда разработанную пашню, но потеряв все жилые и хозяйственные постройки. С точки зрения оценки наличия потенциальных земельных ресурсов пустошь имела большое значение в качестве резерва пашни, которую всегда можно было ввести в сельскохозяйственный оборот.

Локализовать пашенные угодья на карте конкретной местности позволяют уездные планы последней четверти XVIII в., зафиксировавшие результаты межевания. Поскольку карты этого времени еще далеки от совершенства и имеют неточности, связанные как с субъективным фактором, зависящим от опыта и знаний землемеров, так и с объективными факторами, связанными с полуинструментальными методами измерения земельных угодий, а также с тем, что в разные годы они могли выполнять различные функции. В частности, из года в год могла меняться площадь пашни, перелога, сенокосов, но потенциал этих земельных угодий в силу особенностей ландшафта на территориях старого освоения оставался неизменным.

В материалах Генерального межевания мы встречаем как отдельно обмежеванные пустоши, так и большие дачи, включавшие в себя несколько поселений и пустошей и обведенные одной межей. Проведенный Д.А. Черненко анализ данных Генерального межевания показывает, что в отличие от сведений писцовых книг многие пустоши в них оказываются в составе крупных размежеванных владений и просто не упоминаются [12, с. 76-79]. Поскольку пустошь – незаселенная на данный момент людьми ранее разработанная пашня, она может быть заброшенной, невозделываемой, поросшей кустарником, травами, даже лесом, а может пахаться наездом, нерегулярно. В любом случае пашня на ней находится в деградации, но ее потенциал возможно восстановить.

Несмотря на то, что данные о границах разработанных участков земли в источниках могут быть в силу целого ряда причин приближенными, тем не менее, они позволяют нам решить конкретную историческую задачу. В данном случае речь идет, несомненно, только о «контурном» приближении к историческим реальностям, поскольку отсутствует точное соответствие между картой и реальной житейской действительностью [2, с. 17-19]. Но благодаря ретроспективному подходу в условиях отсутствия других сведений при использовании метода пространственного моделирования возможно выяснить, как закладывались основы землепользования, каким образом шло освоение новых земель, расселение населения и дальнейшее хозяйственное освоение территории [10].

В материалах Генерального межевания устоявшиеся комплексы земельных угодий фиксировались землемерами по факту освоенности земли. Используемый при межевании ландшафтно-хозяйственный подход при описании земельных угодий, картографические данные помогает выявить формы оптимального землепользования, сложившиеся в регионах старого заселения в предыдущие века. Подобная методика применена при работе с данными писцовых книг первой половины XVI в. и материалами Генерального межевания XVIII в. [9]. В качестве основы для построения модели взят ГИС Деревской пятины Новгородской земли, разработанный А.А. Фроловым и Н.В. Пиотух. [7; 8]. Данные ГИС, новгородских писцовых книг первой половины XVI вв., сопоставленные с материалами Генерального межевания XVIII в., позволяют ответить на вопрос, были ли перенаселены изучаемые территории в первой половине XVI в., имелись ли здесь резервы для вовлечения в оборот новой пашни, а также оценить пространственную динамику использования земель. Это, в свою очередь, позволяет определить сущность и направленность многих процессов на Северо-Западе России, выявить закономерности в историческом развитии данной территории.

1. *Канищев В.В.* Источниковая база историко-геоэкологических исследований российского аграрного социума конца XVIII – начала XX вв. на локальном уровне // IV Международная конференция «Глобальные и региональные проблемы исторической географии». Санкт-Петербург, 2011.
2. *Канищев В.В., Кончаков Р.Б. Костовска С.К.* Пространственное моделирование экологических процессов в истории // FRACTAL SIMULATION, 2011, № 1.
3. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

4. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
5. *Милов Л.В.* О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961. Рига, 1963.
6. *Фролов А.А.* Дополнительные возможности использования материалов Генерального межевания для изучения исторических ландшафтов русского Средневековья // Сельская Русь в IX-XVI веках. Москва, 2008.
7. *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). Т.2. Атлас и справочные материалы. М.; СПб., 2008.
8. *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). Т.3. Уездные планы последней четверти XVIII века. М.; СПб., 2008.
9. *Степанова Л.Г.* Картографический метод и модельный подход при работе с писцовыми книгами XV-XVI вв. и материалами Генерального межевания XVIII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X-XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012.
10. *Степанова Л.Г.* Опыт создания модели освоенности земельных угодий на основании данных писцовых книг конца XV-XVI вв. и материалов Генерального межевания XVIII в. // Научный диалог, 2013. № 1 (13) «История. Социология. Этнография».
11. *Хитров Д.А.* К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII-XVIII вв. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2004. № 1.
12. *Черненко Д.А.* Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII-XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда, 2009.
13. *Чернов С.З.* Рекомендуемые формы исторических карт земельных дач средневековой России XIII-XVII вв. (по материалам древнего Радонежа) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X-XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012.
14. *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне в России: Поморье в XVII в. М., 1997.

А.А. Фролов, О.Н. Трапезникова¹

**Возможности проверки гипотезы Л.В. Милова о
системе одабривания земли в обежном окладе
новгородской пашни конца XV в.²**

Аграрная история средневековой Руси; поземельное обложение; древнейшие писцовые описания.

Статья излагает возможные способы проверки гипотезы, высказанной Л.В. Миловым относительно особенностей обежного поземельного обложения в Новгородской земле.

Вопрос об основах домосковского (до 1478 г.) поземельного налогообложения в Новгородских землях – давнишний вопрос отечественной историографии. Возможности традиционного решения вопроса по существу давно исчерпаны. Во многих исследованиях изучены фрагментарные свидетельства ранних источников, предпринят статистический анализ сведений древнейших новгородских писцовых книг, предложены различные интерпретации происхождения базовой единицы новгородского поземельного налогообложения – «обжи».

Современное состояние проблемы определяется исследованиями Л.В. Милова. В совместной статье с Н.А. Горской в журнале «История СССР» [1] было предложено оригинальное объяснение обежного счета, воспроизведенное позднее в монографии Л.В. Милова [3, с. 21-24]. В отличие от своих предшественников, которые обжу трактовали как меру площади, как оснащенность крестьянского хозяйства скотом и т.п., Милов считал, что обжа – это форма архаичной системы «одабривания» земли. К этому выводу исследователь пришел в результате анализа статистики новгородских писцовых книг рубежа XV–XVI вв. Он показал, что тяжесть налогообложения крестьянского двора обратно пропорциональна норме высева ржи, приходящейся на одну обжу. Милов высказал предположение, что на соотношение размера запашки и обежного оклада решающее влияние оказывало качество земли. Чем хуже было качество обрабатываемой земли, тем большую площадь приходилось распахать и засеять крестьянину (в новгородских писцовых книгах не идет речь о площади пашни, а

¹ Фролов Алексей Анатольевич, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), к.и.н.; nrkfrolov@rambler.ru.

Трапезникова Ольга Николаевна, Институт геоэкологии РАН (РФ, Москва), к.геогр.н.; ontolga@gmail.com.

² Работа написана при поддержке РГНФ, проект №13-01-00122.

только о количестве высеваемой ржи, измеряемом в «коробьях»), чтобы собрать урожай, достаточный хотя бы для выживания. Соответственно, в одну обжу могло быть оценено хозяйство, где высеивался как большим (на худой земле большей площади), так и маленьким (на доброй земле меньшей площади). В этом отношении, по мнению Милова, новгородский земельный кадастр был принципиально схож с системой одабривания «сошного письма», введенной в России в середине XVI в.

Большинство специалистов по аграрной истории России согласны в том, что применительно к XV в. речь может идти только о естественном плодородии почв, поскольку приемы интенсивной агротехники (в первую очередь, унавоживание пашни) получили распространение позднее. Такая интерпретация данных писцовых книг имеет далеко идущие последствия для социально-экономической истории России. В то время как авторы фундаментального четырехтомного исследования «Аграрная история Северо-Запада России», изданного в 1970-е гг., рассматривали дворы с относительно большой запашкой как наиболее зажиточные (отсюда вывод о значительной имущественной дифференциации новгородского крестьянства как предпосылке сложения капиталистических отношений в деревне), Милов, отталкиваясь от своей гипотезы об обже, писал о чрезвычайно слабой степени расслоения крестьянства, существовании его основной массы на грани выживания в постоянной борьбе за урожай.

Парадоксально, но гипотеза авторитетного историка, высказанная в 1982 г., больше двадцати лет не была востребована в науке. Она не была подвергнута апробации, исследователи не пытались каким-то образом ее проверить, развить или хотя бы учесть. Только в 2004 г. году вышла монография Л.Г. Степановой [5], исследовательская часть которой базируется на гипотезе Л.В. Милова. Впрочем, работа Степановой не вышла за рамки статистического анализа сгруппированных особым образом данных. Ее можно характеризовать как дальнейшее развитие гипотезы Милова, но никак не проверку этой гипотезы. Между тем, вопрос о принципах обжежного налогообложения слишком важен для различного рода исследовательских тем (древнейшая история русского земельного кадастра, история писцового делопроизводства, аграрная история, генезис капиталистических отношений в деревне и т.д.), чтобы гипотеза Л.В. Милова могла быть принята без проверки. В то же время, она слишком изящна и интересна, чтобы от нее можно было с легкостью отказаться. Безусловно, необходима серьезная проверка гипотезы, требующая применения новых подходов.

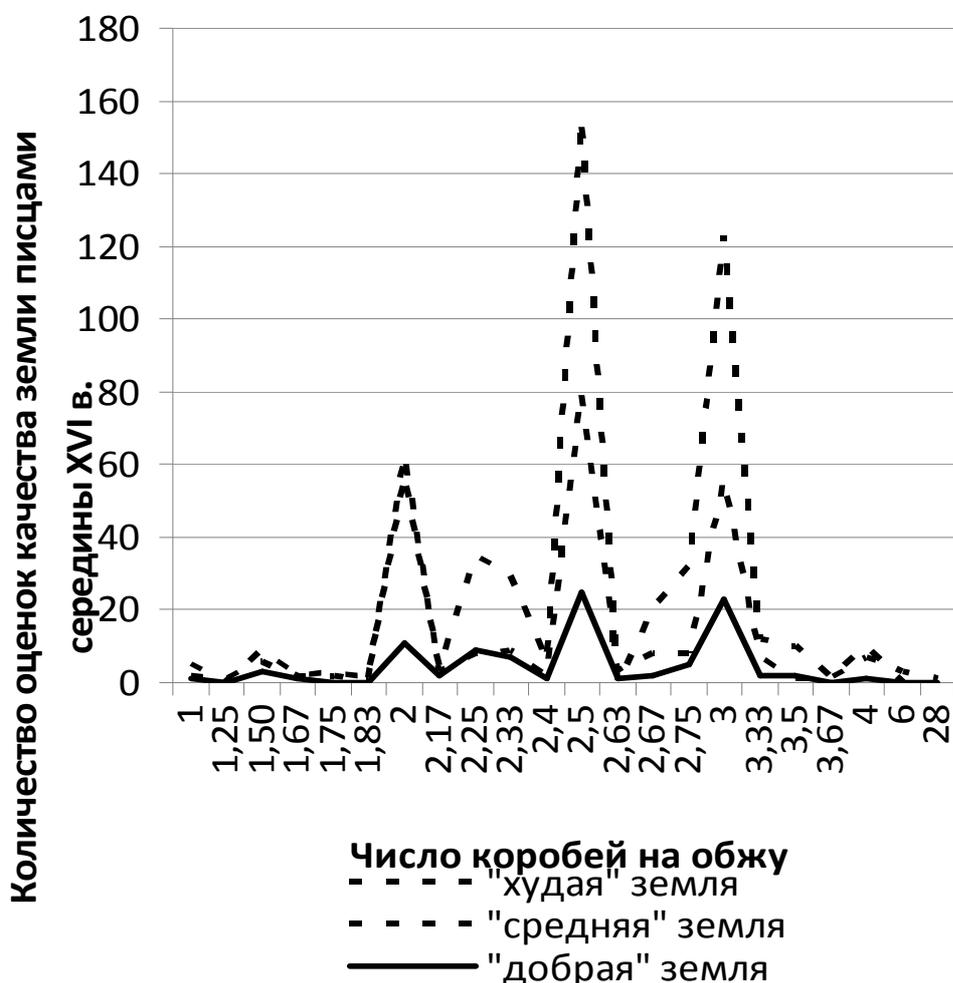
Один из путей – сопоставление данных о количестве коробей высева на обжу в конкретных селениях с древнейшей писцовой оценкой качества почвы в тех же селениях из писцовых книг сер. XVI в. Нами проделана такая работа на материалах описаний Деревской пятины. Около 900 наблюдении писцов сер. XVI в. были сопоставлены с размером высева на обжу в соответствующих селениях кон. XV в. Результат оказался неожиданным (диаграмма). Качество почвы по оценке сер. XVI в. никаким образом не коррелирует с размером высева на обжу конца XV в. Гораздо более выражено тяготение размеров высева на обжу к натуральным цифрам или простым дробям (1/2). Это свидетельствует, конечно, об оценочном характере данных, помещенных в книге кон. XV в. Но единственное, о чем можно уже говорить определенно на основании этих предварительных результатов, – это то, что никакой связи между предполагаемой обежной системой «одабривания» пашни и приемами оценки качества земли в середине XVI в. не было. Если система одабривания земли в обежном счете действительно существовала, то она имела какие-то иные основания, нежели система «сошного письма» середины XVI в.

Приведенные предварительные наблюдения делают особенно актуальной проверку гипотезы Л.В. Милова. Как нам представляется, она может быть выполнена только одним способом. Нужно установить, насколько тесно размеры высева на обжу по данным писцовых книг рубежа XV–XVI вв. коррелируют с естественным плодородием почв при тех же крестьянских хозяйствах. Конечно, определенное значение имеет и общее представление о географии норм высева на карте почв различного качества. Однако, решающее значение должно иметь историко-географическое исследование, где конкретные хозяйственные показатели конкретных исторических поселений будут сопоставлены с данными о естественном плодородии почвы в соответствующей местности.

Зная с достаточной точностью местоположение древних поселений, мы можем локализовать и древние пахотные угодья, которые располагаются в непосредственной округе и приурочены к определенным морфологическим единицам ландшафта, обладающим наиболее высоким плодородием почв, благоприятными микроклиматическими условиями и доступностью для обработки на основе соответствующих агротехнологий. Для определения расположения древней пашни предлагается использовать метод детального ландшафтного картографирования. На первом этапе на базе аэро- и космических снимков и тематических карт (геологической, лесохозяйственной и др.) по методике, подробно разработанной в ландшафтоведении, должна быть

составлена карта восстановленного ландшафта (профиль) с выделением наиболее пригодных для распашки земель. Характеристика восстановленных ландшафтов включает данные по рельефу, микроклимату, почвам, в т.ч. оценку режима увлажнения и трофности (по методу Л.Г. Раменского) [4].

Количество коробей высева на обжу в селениях , сгруппированных по качеству почвы (по описанию середины XVI века Деревской пятины)

При изучении почв следует разделять природные и агрогенные процессы почвообразования. Зная закономерности развития почвы, можно по ее современному состоянию дать ее оценку в предыдущие эпохи. Почвы обладают тем, что образно называется "память почв": они способны фиксировать коротко- или долгопериодические воз-

действия факторов почвообразования в виде конкретных почвенных свойств или самого генетического облика данной почвы [2; 6].

По данным коллектива авторов под руководством Д.И. Люри, гомеостазис почв после прекращения распашки происходит в течение 300 лет. Однако восстановление основных параметров почвы происходит гораздо скорее, не более 120–140 лет. За это время трофность почв падает по сравнению с пахотной стадией в 1,5–2 раза, а увлажненность растет, особенно на легких почвах. Таким образом, постагрогенные почвы восстанавливаются преимущественно в направлении исходных природных свойств. Такое идеальное восстановление к исходному варианту может нарушаться особенностями агротехники в период пахоты, а именно степенью удобрения почвы, типами и регулярностью севооборотов, глубиной механических обработок, влиянием тяжелой техники, интенсивностью антропогенных эрозии и заболачивания и т.п.

Для правильной оценки исходного плодородия исторических агроэкосистем необходимо отбирать участки согласно следующим критериям:

- нахождение в залежной форме в течение времени, достаточного для восстановления исходного почвенного покрова (не менее 100 лет);

- примерно одновременное начало постаграрного восстановления сравниваемых участков, обязательно до появления интенсивных агротехнологий, таких как химизация (активное внесение минеральных удобрений), механизация (использование тяжелой техники с принципиально иным по сравнению с конной тягой воздействием на почву) и мелиорация (осушительно-оросительные и др. мероприятия).

Изложенный подход к проблеме позволяет предложить следующий алгоритм проверки гипотезы Л.В. Милова. 1. Выявление среди земель, описанных в новгородских писцовых книгах рубежа XV–XVI вв., таких микрорегионов, в которых местоположение всех или почти всех поселений достаточно точно локализуется. Работа только в таких микрорегионах дает уверенность, что обследуемые почвы характеризуют естественное плодородие почв ближайшей округи именно тех писцовых деревень, по которым в писцовых книгах имеются конкретные данные о высевах; 2. Выявление в пределах избранных микрорегионов участков, которые соотносятся с пахотными угодьями описанных в писцовых книгах деревень, но которые, при этом, не подвергались распашке последнее столетие – с привлечением картографических источников разного времени: планов дач Генерального межевания конца XVIII в., карты генерала А.И. Менде середины XIX в.,

крупномасштабных карт XX в.; 3. Предварительное камеральное крупномасштабное ландшафтное картирование выделенных ключевых участков по материалам топографических и тематических карт на основе данных дистанционного зондирования с использованием ГИС-технологий; 4. Проведение полевых работ с заверкой результатов дешифрирования, созданием ландшафтных профилей (карт), оценкой местообитаний по Л.Г. Раменскому и отбором почвенных проб на ключевых участках бывшей пашни и фоновых урочищах-аналогах; 5. Проведение по традиционным методикам серии анализов физико-химических свойств почв; 6. Составление результирующих карт восстановленных ландшафтов (исторических агроландшафтов) с характеристиками продуктивности земель, включая неблагоприятные процессы (заболачивание, эрозия почв и др.); 7. Исследование корреляции сведений писцовых книг о хозяйственных показателях исторических поселений с результатами почвенно-ландшафтных исследований.

1. Горская Н.А., Милов Л.В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2.
2. Люри Д.И., Горячкин В.С., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г. Динамика сельскохозяйственных земель в XX веке и постаграрное восстановление растительности и почв. М., 2010.
3. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
4. Раменский Л.Г., Цаценкин И.А., Чижиков О.Н., Антипов Н.А. Экологическая оценка кормовых угодий по растительному покрову. М., 1956.
5. Степанова Л.Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004.
6. Таргульян В.О., Горячкин С.В. (Ред.). Память почв: Почва как память биосферно-геосферно-антропосферных взаимодействий. 2008.

УДК 94(47).046

П.В. Чеченков¹

Нижегородский служилый «город» в 20-х гг. XVII в.: обеспеченность землей и рабочими руками²

Московское государство; дворяне и дети боярские; военно-служилые корпорации; служилый «город»; землевладение; Нижний Новгород.

¹ Чеченков Павел Валерьевич, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (РФ, Нижний Новгород), к.и.н.; chechenkoff@yandex.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 12-01-00206.

Работа посвящена изучению соотношения оклада и землевладения у различных страт нижегородской уездной дворянской корпорации и степени населенности владений на основе разборной десятни 1622 г.

Десятни – являются основным источником изучения уездных корпораций дворян и детей боярских (служилых «городов») Московского государства XVII в. Одна из них – сообщество служилых людей «по отечеству» Нижнего Новгорода, сыгравшее заметную роль в Казанских войнах и в Смутное время. Из дошедших до нас нижегородских десятен (1607, 1616, 1618, 1622 гг.) наиболее информативной является разборная десятня 1622 г.³ Информация этого документа была использована Т.А. Лаптевой в новейшей монографии по данной проблематике. Автор обратила внимание на «конность, людность и оружность», указав сколько человек могло выехать на службу с тем или иным снаряжением, размер владений и количество крестьян и бобылей у представителей различных городских чинов [1, с. 115–119, 326–328]. Однако все это данные, лежащие на поверхности. Представляется, что работа с источником может быть продолжена.

Начнем с того, что указывая численность различных групп внутри корпорации, исследовательница использовала сведения В.Н. Сторожева. В результате неточности из работы конца XIX в. перекочевали в монографию нового тысячелетия, претендующую на новизну подходов и полноту охвата темы. К ним добавились новые и, в итоге, например, данные о числе новиков оказались совершенно искажены⁴.

Для оценки обеспеченности служилых людей землей имеет смысл не только указать встречающиеся размеры владений по чинам, число беспоместных и отдельные примеры наполнения окладов, но просчитать соотношение оклада и «дачи» во всех возможных случаях. Из материалов для такого сравнения выпадают все лица, записанные в десятне без оклада.

С целью проверки объективности и уточнения показаний десятни было проведено сопоставление с данными составленной в то же время писцовой книги⁵. Сравнительный анализ показал, что в тех случаях, когда были обнаружены соответствующие данные, полное совпадение показаний не достигает и 25 %. Расхождение наблюдается в обе стороны, но в большинстве случаев, оно не велико и для выяснения общих тенденций не принципиально. Поэтому были использо-

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 12.

⁴ Ср.: [4].

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 292, 293. Общую характеристику служилого землевладения Нижегородского уезда по данному источнику см.: [3].

ваны, прежде всего, данные нашего основного источника – десятни. Лишь в тех случаях, когда самого человека не было во время разбора, а окладчики ничего не знали состояния его владения, заимствовались сведения писцовой книги. Таких случаев всего четыре: выборный дворянин П.А. Глядков не момент проведения смотра был судьей в Казани, дворовый сын боярский Т.Г. Борисов от разбора бежал и найти его не смогли, городской сын боярский Г.К. Доможиров не служил «с тех мест, как царь Василий был под Тулою», новик А.И. Булгаков «на Москве живет» (писцовая подтверждает, что он уже носил чин жильца). В одном случае восполнить сведения не удалось: о новике Е.И. Скорятине окладчики ничего не слышали и заявили, что такого у них в «городе» нет. Писцовая книга его также не упоминает. Поэтому материал для сравнения сократился на одного человека.

Большой проблемой явился учет родственного совладение. Поскольку главным назначением поместья было обеспечение службы, и затраты на военное снаряжение не могут быть приравнены к простому прокормлению, то размер владения был разделен поровну между служащими на момент составления десятни⁶. В результате база для сопоставления составила 344 человека. Итоги соотношения оклада и землевладения представлены в приложении.

Эти данные демонстрируют следующее. Обеспечение земельными владениями, хотя обычно и не соответствует окладам, что хорошо известно, тем не менее, не хаотично, а отражает внутреннюю структуру служилого «города». Почти во всех группах, кроме «выбора» и иноземцев, есть дети боярские не имеющие собственных поместий, но, с другой стороны, имеются землевладельцы, поместья и вотчины которых приближаются к окладу или его превышают. Однако превышение характерно не для верхушки корпорации, а для ее низших страт, где оклады минимальны. Средний размер владения, составляя 325 четвертей у «выбора», стабильно снижается по мере уменьшения оклада и достигает своего минимума в 44 с половиной четверти у детей боярских, переведенных на облегченную форму службы – городскую. Интересно, что процент наполнения оклада по группам не остается стабильным, а также постепенно снижается. И если выборные дворяне в среднем имели половину от оклада, то зачисленные в городскую службу, а также новики с наименьшими окладами довольствовались третью. Определенное превосходство «выбора» над остальными группами наблюдается, но в целом различия среднего показателя наполняемости окладов по группам не велики. У

⁶ Подробнее см.: [2, с. 196-197].

иноземцев размер поместной и вотчиной земли, процент наполняемости окладов находятся на уровне среднего сына боярского городского.

Не столько размером владения определялось благосостояние служилого человека, сколько наличием на земле крестьянского населения. Десятня 1622 г. приводит сведения о наличии у каждого члена дворянской корпорации крестьян и бобылей. Простой их подсчет по чиновным группам землевладельцев, безусловно, имеет смысл. Но вполне очевидно, что чем выше чин и оклад, тем больше владение и потенциально больше рабочих рук. Поэтому интересно определить населенность поместий и вотчин путем соотнесения количества крестьян и бобылей с размером владения (в четвертях). При подсчете число их на одного владельца в совместных поместьях условно устанавливалось по вышеозначенным принципам. В немногочисленных случаях отсутствия данных, использовались сведения писцовой книги, где указаны крестьянские и бобыльские дворы. При этом количество крестьян и бобылей было принято равным числу соответствующих дворов. Результаты данной операции также представлены в приложении.

Здесь мы наблюдаем схожие тенденции. Во всех группах, кроме двух высших чинов, есть владения совсем без населения. Наиболее обеспеченные рабочими руками поместья и вотчины встречаются не у верхушки «города», а среди городских и новиков со средними окладами. Однако средние показатели свидетельствуют, что в наилучшем положении находились выборные и дворовые (почти 1 чел. на 10 четв.), а в наихудшем городские с низшими окладами (0,2) и совсем в плачевном – переведенные в городскую службу (0,07). Общая картина не столь стройная, как в случае с соотношением оклада и «дачи», но это объяснимо. Населенность зависела не только от государства, которое наделяло землей, но и от многих других факторов.

Беспоместным был 31 человек и подавляющее большинство из них – новики. Причем как беспоместные были учтены и новики, служащие с поместий своих отцов (6 чел.). С этой стороны корпорация выглядит вполне благополучно. Гораздо хуже обстояло дело с наличием у ее членов возможности использовать крестьянский труд. Треть из них была ее лишена: почти все записанные в городскую службу, половина новиков, значительная часть городских.

Новики, обеспечивавшиеся за счет отцовских поместий, почти все могли явиться на службу на коне или мерине с саадаком и саблей или пищалью. Лишенным родительской поддержки и поместий новикам на службу было явиться не с чем, хотя почти все они признаны

«добрыми», «средними» и «обычными» воинами. Переведенный в городовую службу беспоместный Ивашко Степанов вынужден был пойти в ярыги в Астрахань. Из четырех городских детей боярских один по своим качествам признан «худым», двое лишились поместий за «воровство», лишь С.И. Княжегорский (стрелецкий сотник, участник Земского собора 1613 г.) на службе будет на коне с саадаком и саблей потому что «сподобляет его мать да братья».

Не только беспоместные не могли явиться на службу. Из безоружных 99 человек лишь 22 не имели поместий. Еще у 46 оно «худо» или «пусто». Такие поместья в большинстве случаев меньше 100 четвертей, а в среднем 50, как правило, запустели, разорены или заросли лесом. В «пустых» нет населения. 22 из этих помещиков и службою своею «худы» (больны, увечны, стары). Поэтому 20 человек переведено в ближнюю и городовую службу. У 13 владение не признано «худым» (хотя его размеры такие же мизерные, крестьян и бобылей почти ни у кого нет), но «худы» они сами (6 записаны в ближнюю и городовую службу). Кроме того, среди не готовых к службе один увечен, четверем служить не с чего т.к. поместье меньше 50 четвертей или с него служит брат. У остальных причины невозможности собраться на службу не ясны.

Однако не все владельцы «худых» поместий не могли выехать на службу. 70 таких детей боярских были способны вооружиться, но их поместья в среднем на 30 четвертей больше и населеннее, чем у безконных и безоружных.

На противоположном полюсе благосостояния корпорации находились вотчинники. Их было 20 человек: 5 выборных, 7 дворовых, 2 городских, 4 новика, 2 иноземца. Четверо представляют влиятельную фамилию Приклонских, трое – столь же заметный род Жедринских. Все вотчины нижегородцев были выслуженными, пожалованными из их же поместий (за исключением А.Д. Жедринского), в основном за участие в поволжской экспедиции боярина Ф.И. Шереметева и действия против тушенцев (1606 – 1610 гг.). Положение вотчинников отличалось наибольшей устойчивостью. Среди них мы находим трех крупнейших землевладельцев: А.Д. Жедринского, Б.М. Приклонского, А.П. Суровцева. Наполнение оклада у вотчинников в среднем 53,4 %, а населенность – 0,9 чел. на 10 четвертей. Это лучшие показатели «города». В действительности они еще выше. Почти все вотчинники во время разбора представили искаженные сведения о размере владений по сравнению с писцовой книгой. Они скрыли от 14 до 41 четверти, и окладчики подтвердили их показания, что неудивительно,

т.к. комиссия окладчиков находилась под контролем наиболее состоятельных членов корпорации.

Таким образом, в Нижнем Новгороде чиновно-окладная иерархия проявлялась и в наполняемости окладов, и в обеспеченности помещиков и вотчинников рабочими руками. Несмотря на небольшие размеры и выслуженный характер вотчин, их владельцы находились в наилучшем положении. Нижегородские иноземцы в большинстве занимали позиции на уровне городских детей боярских средней руки. Заметной проблемой, мешавшей исполнению служебных обязанностей, было отсутствие или малое число крестьян и бобылей на поместных землях.

1. *Лантева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.
2. *Чеченков П.В.* Землевладение нижегородской служилой корпорации после Смуты: размер и соответствие окладу // Петербургские исследования. СПб., 2012. Вып. 3.
3. *Чеченков П.В., Черненко Д.А.* Персональный состав служилых людей Нижегородского уезда по материалам писцового описания 1620-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. М.; Брянск, 2012.
4. *Чеченков П.В.* Численность и фамильный состав нижегородской служилой корпорации конца XVI – середины XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2011.

Приложение.

Обеспеченность земель и рабочими руками в нижегородском служилом «городе» по десятне 1622 г.

Чин, раздел десяти, оклад (в четвертях) и число представителей	Владения (в четвертях)	Среднее владение (в четвертях)	Наполняемость оклада (в %)	Средняя наполняемость оклада (в %)	Беспоместные	Крестьян и бобылей на 10 четвертей владения	В среднем крестьян и бобылей	Без крестьян
Выбор 400 - 800 (13)	50 – 606	325	10 – 95,5	51,5	0	0,3 – 1,2	0,8	0
Дворовые 300 – 800 (15)	58,75 – 472	278	19,6 – 73,3	50	0	0,2 – 1,2	0,7	0

Городовые 400 – 900 (28)	0 – 391	216	0 – 87	47	1 (3,6 %)	0 – 1	0,5	1 (3,6 %)
Городовые 250 – 350 (68)	0 – 266	119,6	0 – 98,4	41,5	2 (3 %)	0 – 1,8	0,4	10 (15 %)
Городовые 100 – 200 (35)	0 – 184	60,3	0 – 116	43,5	1 (3 %)	0 – 1,6	0,3	14 (40 %)
Новики 250 – 450 (31)	0 – 437	126,2	0 – 125	40	4 (13 %)	0 – 1,9	0,5	9 (29 %)
Новики 100 – 200 (101)	0 – 283	61,6	0 – 141,5	36,6	22 (22 %)	0 – 1,2	0,2	53 (52,5 %)
Городовая служба 100 – 200 (17)	0 – 140	44,6	0 – 93,3	36	1 (6 %)	0 – 1,2	0,07	16 (94 %)
Иноземцы, литва 150 – 550 (16)	20 – 262	103,2	10 – 131	46,7	0	0 – 1,1	0,5	2 (12,5 %)
Иноземцы, немцы 200 – 500 (20)	22 – 250	109,5	6,3 – 73,3	36	0	0 – 1,5	0,6	2 (10 %)
ВСЕГО 344	0 – 606	115,5	0 – 141,5	39,5	31 (9 %)	0 – 1,9	0,4	107 (31 %)

УДК 930:338.431

А.Н. Апонасенко¹

**Шведские кадастровые планы Ингерманландии XVII в.
как источник по социально-экономической истории
невских земель**

Ингерманландия; Швеция; межевание; землевладение; кадастровые планы

Проводится источниковедческий анализ шведских кадастровых планов XVII в., оговариваются возможности сопоставления их данных с данными Генерального межевания конца XVIII в. о социально-экономическом развитии региона.

¹ Апонасенко Анна Николаевна, Государственный Эрмитаж (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н.; aponasenko_anna@mail.ru.

Ижорская земля (Ингерманландия) была завоевана шведами в 1610-1612 гг. и по Столбовскому мирному договору 1617 г. официально перешла во владение Шведского государства. Под властью шведской короны невские земли Новгорода Великого находились без малого 100 лет. Этот период значительно изменил национальный состав населения, а также экономические связи и систему хозяйствования в крае. Сложившиеся в XVII в. социально-экономические условия оказали, в свою очередь, глубокое влияние на дальнейшее развитие будущей столичной губернии Российской империи.

После заключения Столбовского мирного договора, Ижорская земля, в целом, сохранила свое прежнее административное деление (на уезды (лѣны) и погосты), продолжали существовать все те же деревни, сохранялась русская система сельского управления – старосты, русская система земельных мер и налогообложения – по обжам [1, с. 185-182; 2, с. 234-255; 9, с. 120]. Согласно последним исследованиям, в крае сохранялась даже русская денежная система. Шведские далеры использовались для обслуживания феодальной верхушки, а «русская проволочная копейка была приоритетным платежным средством в глазах местного населения» [6, с. 174].

В первые же годы после заключения мира шведские власти предприняли раздачу земель в Ингерманландии шведским, немецким и прибалтийским землевладельцам. С целью упорядочения этого процесса, уже в 1618 г. началась шведская регистрация земельных владений в Ижорской земле. С 1630-х гг. земельные переписи в разных формах проводились здесь каждый год. Как отмечал И.П. Шаскольский, «ни одна русская область не имеет таких поразительных возможностей для детального изучения процесса социально-экономического развития в XVII в. Здесь можно год за годом исследовать развитие всех отраслей сельского хозяйства, социальных отношений, феодальной эксплуатации крестьянства, демографические процессы, географию населения (расселение, национальный состав и его изменения, рост и упадок отдельных населенных пунктов). Имеются сведения почти за каждый год для каждой деревни, за многие годы – для каждого крестьянского двора, для каждой крестьянской семьи» [9, с. 120].

Небольшая часть этих материалов была опубликована Археографической комиссией в 1859-1862 гг. под названием «Писцовые книги Ижорской земли» [7]. В издание вошла лишь часть поземельных книг, охватывающие не всю территорию Ингерманландии и лишь небольшой период времени – за 1618-1623 гг. Оставшиеся неопубликованными материалы хранятся в архивах Швеции и Финляндии.

Некое картографическое подобие таких поземельных книг появилось только в 1680-х гг. Необходимо заметить, что уже в 1640-х гг. в Швеции стал формироваться небольшой штаб землемеров, составивших так называемые геометрические карты, то есть карты столь большого масштаба, что на них были отмечены границы между приходами, деревнями и частными владениями [10, с. 18]. С 1670-х гг. началось массовое составление такого рода карт, что было связано с начавшейся земельной ревизией в Ингерманландии и редукцией ранее розданных здесь земель.

Шведские подданные, получившие земельные наделы в Ингерманландии, пытались обойти закон о службе в конном войске, из-за чего казна несла большие потери. В июне 1675 г. король издал предписание провести ревизию [10, с. 23]. Последняя предусматривала проведение комплекса мероприятий, включавших межевание, топографическую съемку местности, сбор информации о владельцах и размерах землевладений. В результате более чем десятилетней работы (ревизия продолжалась до 1688 г.) шведскими землемерами были составлены крупномасштабные карты земельных кадастровых съемок, подшитые в атласы, согласно административно-территориальному делению.

По сведениям шведской исследовательницы У.Эренсверд «Ингерманландские материалы» состояли из карт и документов 1746 хуторов и деревень [11, с. 138]. В 1825 г. эти материалы были переданы России и долгое время хранились в Военно-топографическом депо. Большая часть этих документов в настоящий момент хранится в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве в составе фонда Военно-ученого архива (ВУА), один атлас сохранился в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук (БАН) в Санкт-Петербурге.

К сожалению, атласы, хранящиеся в Москве, сейчас оказались недоступными для исследователей, поэтому ниже речь пойдет лишь об одном атласе шведских кадастровых съемок – происходящем из фондов БАН². Атлас представляет собой подборку из 31 карты погостов Нотебургского лёна: Дудергофский, Спасский и Ингрский погосты. Карты отличаются высокой точностью, на них скрупулезно отмечались не только населенные пункты с точным обозначением границ земельных угодий вокруг них, но и пустоши, дороги, административные границы, даже питейные заведения на перекрестках до-

² РО БАН. Оп. 1, доп. часть. Д. 27.

рог. По точности эти материалы можно сравнить лишь с планами Генерального межевания России конца XVIII в.

В отличие от материалов российского Генерального межевания, шведские кадастровые планы содержат экспликации, в которых под названием селения поименно перечислялись все землевладельцы, проживавшие в нем, с указанием количества принадлежащей им земли. Эти сведения роднят их с так называемыми «Писцовыми книгами» Ижорской земли, содержащими подобную поименную информацию о землевладельцах. Можно предположить, что книги использовались землемерами для составления и уточнения сведений кадастровых планов.

Материалы атласа земельных кадастровых съемок Ингерманландии из фондов БАН в последние десятилетия активно использовались в исследованиях по истории архитектуры, градостроительства, топонимике и др. [3, с. 35-43; 8, с. 129-138; 5] Исполненные шведскими землемерами кадастровые планы, являются кроме того, ценнейшим источником по аграрной истории России. Они позволяют определить систему расселения, степень «распаханности» (освоения) земель региона, его инфраструктуру и даже, отчасти, национальный состав населения (исходя из происхождения имен землевладельцев).

Необходимо заметить, что атласы стали источником для составления более поздних русских карт Приневья, а также реконструктивных карт Ингерманландии XVII в. В 1827 г., после передачи кадастровых планов из Швеции в Россию, в Военно-топографическом депо на их основе была составлена карта Ингерманландии на 1676 г. (карта Бергенгейма) [4]. Сопоставление этой карты с материалами атласа из фондов БАН показывает их почти полную схожесть в отображении селений XVII в. Кроме того, карта Бергенгейма отображает систему поселений шведского времени для районов, кадастровые планы которых не вошли в атлас БАН. Например, на карте представлен Лисино погост, относившийся к малонаселенным пограничным территориям. Селения этого погоста, кроме двух крупнейших, не отмечались на известных нам общих шведских картах Ингерманландии, а на карте Бергенгейма здесь насчитывается около 50 селений. Источником для их локализации, таким образом, могли быть только кадастровые планы, или близкие к ним источники.

Таким образом, поскольку в настоящее время доступны для исследователей не все атласы кадастровых съемок, для реконструкции системы сельских поселений погостов, отсутствующих в атласе БАН, можно использовать данные карты Бергенгейма 1827 г.

Изучение информации шведских кадастровых планов XVII в. дает уникальную возможность получения данных о системе сельских поселений и землевладении сопоставимых с информацией Генерального межевания конца XVIII в. Сопоставление сведений этих двух источников позволит сделать выводы о социально-экономическом развитии региона в XVII-XVIII вв.

1. *Беспятых Ю.Н., Шаскольский И.П.* Ижорская земля в XVII в. // Аграрная история Северо-запада России XVII в.: население, землевладение, землепользование. Л., 1989.
2. *Гадзяцкий С.С.* Шведские писцовые книги Ижорской земли 1618-1623 гг. // Исторические записки. 1946. Т.19.
3. *Горбатенко С.* Шведская мыза и графская резиденция Карлберг-Царская Славянка // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998.
4. Карта бывших губерний Иван-города, Яма, Капорья и Нэтеборга. Составленная по масштабу 1/210 000 1827-го года. Под присмотром Генерал-майора Шуберта Генерального штаба штабс-капитаном Бергенгеймом 1-м. Из материалов найденных в шведских архивах. Показывающая разделение и состояние онаго края в 1676 году. СПб., 1827.
5. Кепсу Сауло. Петербург до Петербурга: история устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.
6. *Мельникова А.С.* Денежное обращение Ижорской земли и Корельского уезда после 1617 г. // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002.
7. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. Отдел 1. СПб., 1859; Т. 1. Отдел 2. СПб., 1862.
8. *Семенов С.* Система поселений шведского времени и планировка Санкт-Петербурга при Петре I // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998.
9. *Шаскольский И.П.* Материалы по истории Ижорской земли и Корельского уезда XVII в. в Государственном архиве Финляндии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11.
10. *Эренсверд У.* Шведское картографирование Ингерманландии // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998.
11. *Эренсверд У.* В поисках шведских/русских карт и планов с 1959 года // Санкт-Петербург и Ингерманландия в архивах Швеции. Швеция в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 2005.

Д.А. Черненко, М.Я. Борисов, А.А. Яскунова¹
**Сопоставительный анализ и электронное
картографирование данных массовых источников XVII
– XIX вв. по истории Вологодского края²**

Историческая география; аграрная история; Вологда.

Работа посвящена возможностям применения методов статистического анализа и компьютерного картографирования источников XVII – XIX вв. по истории сельского расселения в Вологодском крае.

В 1970 г. в рамках большой работы по изданию материалов по истории сельских населенных пунктов Вологодской, Архангельской областей и Коми АССР Я.Е. Водарским был опубликован материал о сельских поселениях Вологодского у. по переписи 1678 г. В результате огромной проделанной работы им был опубликован перечень всех сельских поселений (более 4,9 тыс.) по каждой волости с указанием типа поселения (деревня, сельцо и т.п.) и правового статуса владения (поместье, вотчина, духовная вотчина), к которому оно относилось. Ценность этой публикации огромного сплошного массива данных переписи 1678 г. неоспорима. В этой же публикации была предпринята первая попытка сопоставления массива топонимики конца XVII в. с более поздними материалами, в частности, Списками населенных мест Вологодской губернии 1859 г. и картой 1871 г. На тот момент Я.Е. Водарским в этих источниках второй половины XIX в. было найдено всего около 21 % поселений из переписи 1678 г. Сам автор подчеркивал предварительный характер результатов сопоставления.

Появление современных технологий обработки подобного рода источников открыло перед исследователями новые возможности. В рамках проводимого нами исследования предполагается осуществить сплошное картографирование сельских поселений Вологодского края по Спискам населенных мест второй половины XIX – начала XX в. и

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, Вологодский государственный педагогический университет (РФ, Вологда), к.и.н.; dmitcher@yandex.ru.

Борисов Михаил Янович, Вологодский государственный педагогический университет (РФ, Вологда), к.б.н.; myaborisov@mail.ru.

Яскунова Анна Александровна, Вологодский государственный педагогический университет (РФ, Вологда); anna-mikshina@rambler.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 12-11-35001.

представить возможности ретроспективного картографирования более ранней картины расселения. Исследование выполняется в три этапа:

1. Создание баз данных на основе Списков населенных мест;
2. Создание электронной карты сельского расселения в Вологодском крае во второй половине XIX – начале XX в. с помощью ГИС-технологий;
3. Создание баз данных на основе материалов земельных описаний XVII – XVIII вв. с последующим послойным картографированием.

На данный момент были созданы базы данных по 11 уездам: Вытегорскому Олонецкой губернии (770 сельских поселений), Устюженскому (1316 сельских поселений), Белозерскому (1287 сельских поселений), Кирилловскому (1534 сельских поселения) и Череповецкому (1459 сельских поселений) уездам Новгородской губернии, Вельскому (568 сельских поселений), Вологодскому (1803 сельских поселения), Кадниковскому (1756 сельских поселений), Грязовецкому (1000 сельских поселений), Тотемскому (1219 сельских поселений), Устюжскому (1774 сельских поселения) и Никольскому (1743 сельских поселения) уездам Вологодской губернии. Важно подчеркнуть, что проанализированные нами Списки населенных мест хронологически отстоят друг от друга довольно существенно: по Вологодской губернии они были составлены в 1850-е гг., а по Олонецкой – в начале XX в. Тем не менее, сравнительный анализ показал их полную сопоставимость: формуляр таблицы со временем расширялся, но все важнейшие показатели фиксировались на протяжении всего периода составления Списков. Таким образом, впервые в электронный формат была переведена вся информация Списков населенных мест суммарным количеством более 16 тыс. сельских поселений.

Списки населенных мест содержат важную информацию не только о населении и топонимике, но также и об административно-территориальном делении и социально-экономической инфраструктуре региона. На основе материалов описаний 4 уездов Новгородской губернии становится ясно, что в конце XIX – начале XX в. уезд делился на 2-4 стана, 4-6 земских участков, 20-25 волостей. На низшем уровне административного деления территория уезда делилась на 400-500 мельчайших самоуправляемых сельских обществ, до 80 % которых состояли из 1-2 поселений. Эти данные хорошо коррелируют с крайне низкими показателями плотности административно-полицейских учреждений в регионе: подавляющая часть сельских поселений находилась от них на расстоянии в несколько десятков верст.

Таблица 1. Группировка сельских поселений по расстоянию от становой квартиры (верст).

от становой квартиры	Белозерский		Кирилловский		Устюженский		Череповецкий	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
до 10	153	12,1	132	8,7	212	16,4	330	26,1
от 11 до 50	687	54,4	814	53,9	833	64,3	911	72,1
от 51 до 100	377	29,8	287	19,0	246	19,0	20	1,6
от 101 до 200	47	3,7	278	18,4	5	0,4	3	0,2
всего	1264	100	1511	100	1296	100	1264	100

Таблица 2. Группировка сельских поселений по расстоянию от квартиры земского начальника (верст).

от квартиры земского начальника	Белозерский		Кирилловский		Устюженский		Череповецкий	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
до 10	240	19,0	167	11,1	240	18,5	340	23,8
от 11 до 50	780	61,7	1010	66,8	776	59,9	1030	72,2
от 51 до 100	240	19,0	334	22,1	258	19,9	56	3,9
от 101 до 200	4	0,3	-	-	22	1,7	-	-
всего	1264	100	1511	100	1296	100	1426	100

Интересны также сведения Списков о плотности сети школ всех типов (земских, церковно-приходских, министерских), которые показывают, что для 85-90 % сельского населения школа находилась на расстоянии не более 5 верст.

Таблица 3. Расстояние сельских поселений до школ (верст).

Расстояние от школы	Белозерский		Кирилловский		Устюженский		Череповецкий	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
от 0 до 1	205	16,2	311	20,6	232	17,9	333	23,3
от 1 до 5	927	73,3	1141	75,5	879	67,8	1038	72,8
от 6 до 10	112	8,9	51	3,4	155	12	52	3,6
от 11 до 25	20	1,6	8	0,5	30	2,3	3	0,2
всего	1264	100	1511	100	1296	100	1426	100

Следующим этапом исследования стало создание геоинформационной системы на основе полученного массива данных. Формирование информационной базы данных происходило с использованием базового лицензионного программного продукта MapInfo, предназначенного для хранения, обработки и визуализации географически привязанной информации. Картографической основой для выполнения работ служат электронные векторные слои размещения населенных пунктов Вологодской области, оцифрованных с топографических

карт масштаба 1:200 000 (в 1 см 2 км) общегеографического регионального атласа Вологодской области (2001). Размещение и топонимика населенных пунктов соответствует системе расселения населения региона 1960-х гг. Кроме того, в ряде случаев использовалась карта Вологодской области 1949 г. масштаба 1:500000 (в 1 см 5 км), которая, как показали результаты сравнительного анализа, гораздо лучше сохранила массив досоветской сельской топонимики. Геинформационная привязка осуществлялась по сети населенных пунктов. Размещение и топонимика населенных пунктов векторных слоев электронной карты соответствует современной системе расселения населения региона.

База данных представляет собой атрибутивную таблицу, встроенную в программный продукт MapInfo, с расширением «tab» в которую на данный момент полностью послойно переведена следующая информация:

1. Тип сельского поселения (село, сельцо, деревня, слобода, поселок, погост и т.п.);
2. Название сельского поселения;
3. Сопутствующий гидроним (название реки, озера, ручья);
4. Дорога, при которой расположено поселение;
5. Номер стана (обычно 2 – 4 в уезде);
6. Название волости (только для уездов Новгородской губернии);
7. Количество дворов;
8. Количество душ мужского пола;
9. Количество душ женского пола;
10. Расстояние до уездного центра;
11. Расстояние до квартиры станового пристава;
12. Ярмарка;
13. Торжок;
14. Школа;
15. Промышленное предприятие;
16. Церковь;
17. Часовня;
18. Монастырь;
19. Мельница.

На данном этапе исследования можно определить долю локализованных поселений второй половины XIX – начала XX в. на картах середины – второй половины XX в. примерно в 60 %. Созданные слои ГИС уже на данном этапе реализации проекта позволяют анализировать такие параметры развития региона, как характер сельского рас-

селения (типы и величина поселений, степень освоения водоразделов и т.п.); размещение и плотность населения на уровне региона – уезда – волости; плотность сети торговых и промышленных заведений; плотность церковно-монастырской сети; развитие школьной сети; движение административных границ.

Созданная ГИС и базы данных позволяют проводить сопоставление с более ранними описаниями региона, например, с писцовыми и переписными книгами XVII в. и материалами Генерального межевания. Приведем пример такого сопоставления материалов по Тотемскому уезду. По писцовому описанию 1623-1625 гг. здесь абсолютно преобладал характерный для всего Европейского Севера России прибрежно-речной тип заселения, а малодворная (1-5 дворов) деревня являлась преобладающим типом сельского поселения. Наличие десятков починков и займищ свидетельствует о том, что заселение территории края продолжалось. Специфика местной структуры расселения была в том, что к началу XVII в. здесь отсутствовал такой тип поселения, как село. В XVII – XVIII вв. сеть поселений (с учетом преобразования старых пустошей в деревни) меняется ориентировочно максимум на 20-30 %, в то время как население этой территории выросло в 2,5 – 3 раза. Следовательно, этот период рост населения происходил в рамках уже сложившейся структуры расселения, которая слабо развивалась «вширь». В первую очередь это объясняется трудностями в освоении водоразделов.

Список населенных мест 1859 г. фиксирует серьезные изменения в структуре сельского расселения. Так, появились десятки сел, возникших здесь в XVIII – XIX вв. в связи с административными потребностями государства (село всегда выступает как центр волости). Практически исчезла малодворная деревня, средний ее размер вырос в 3-4 раза (13 дворов). При этом около 60 % сельских поселений середины XIX в. восходили ко временам писцового описания. Сопоставление с учетно-статистическими и картографическими материалами второй половины XX в. показало, что около 50 % всех поселений этой эпохи существовали здесь с начала XVII в. Высокая преемственность структуры сельского расселения расширяет возможности ретроспективного картографирования территории Вологодского края с помощью ГИС-технологий.

Переписная книга г. Коломны 1678 г.: форма, особенности, результаты

Переписные книги; Коломна; перепись 1678-1679 гг.

В статье рассматриваются особенности переписной книги 1678 г. по г. Коломне

Известно, что валовая перепись 1678 г. осуществлялась по указу царя Федора Алексеевича и по общему наказу для переписи податных дворов уездов и городов. Государев указ и писцовый наказ были составлены одновременно 9 марта 1677 г. и выдавались переписчикам непосредственно из Поместного приказа перед их отправкой на места.

В нашем распоряжении находится переписная книга г. Коломны 1678 г., выполненная переписчиками Максимом Исаевичем Сунбуловым и подьячим Максимом Устиновым (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Поместный приказ. Кн. 9275. Лл. 28-80. Подлинник со скрепой по листам книги переписчиков. В дальнейшем все сноски даются лишь на листы источника). Из преамбулы книги выясняется, что переписчики, получив документы: указ, наказ и государеву грамоту о проведении переписи, прибыли в Коломну в декабре 1677 г. Свою работу они начали с описания дворов города в январе 1678 г. В преамбуле же было написано, что им «велено на Коломне и в Коломенском уезде... переписать дворы посадских людей и у помещиков и у вотчинников переписать людей по именам с отцы и с прозвищи».

Поскольку единой (однообразной) формы записей наказ не предусматривал, то переписчики могли допускать в этом отношении некоторые вольности в зависимости от их опыта и их понятия о цели работы.

Общего порядка проведения переписи они придерживались в двух случаях:

1. Они должны были, выполняя основную задачу, учитывать социальные категории податного посадского населения.

2. Они должны были учитывать только мужское население с желательным указанием возраста несовершеннолетних детей мужского пола (далее «м.п.»).

¹ Булгаков Михаил Борисович, д.и.н.; feodal.msu@gmail.com.

В структуре и последовательности своих записей коломенские переписчики следовали принципу социальной группировки дворов посадского податного (черного), т.е. тяглого населения. Форма записи коломничан у них представлена следующим образом: сначала дается перечень черных посадских дворов, а затем перечень различных категорий беломестных (т.е. нетяглых) дворов населения.

1. Перечень (описание) тяглых дворов (на посаде) – лл. 30-48. Всего описано 253 двора, а людей м.п. в них 764 человека.

2. Перечень тяглых дворов в городе (но не осадные дворы) – лл. 48-48 об. Всего описано 9 дворов (м.п. – 11 чел.).

3. Перечень «вдовьих и бестяглых дворов людей, которые на посаде живут и за скудостью с них тягле нет» – лл. 49-53. Всего описан 61 двор (112 чел.). Отметим, что эти дворы для переписчиков «расписали земской староста Евтифейко Михайлов с товарищи» (т.е. с земскими целовальниками).

4. Перечень дворов пришлых («прихожих») людей, которые поселились во дворах умерших или сбежавших «с Коломны» посадских людей – лл. 53-62 об. Всего таких дворов описано 29, людей в них 74 человека м.п.

5. Перечень бездворных «прихожих» людей, которые живут в чужих дворах «в соседстве», у вдов, у посадских людей в зятях, женившихся на «посадских девках» – их дочерях – лл. 63-64. Всего описано 7 дворов (м.п. 8 человек), т.к. один человек был с братом.

6. Перечень дворов посадских людей, которые «в прошлых годах вышли к Москве и в иные города и села собою» (т.е. своевольно) – лл. 64-66 об. Всего сошедших из Коломны насчитывалось 47 дворовладельцев, у них 59 человек м.п.

7. Перечень посадских людей, которые «взяты в службу в даточные, окромя наемных старинных людей, в три збора» – лл. 66-67 об. Здесь приведен перечень не дворовладельцев, а людей, взятых на военную службу по выкладкам из приказа Сбора даточных людей для каждого города, когда брали у дворовладельцев детей, племянников, зятьев и т.д. Всего даточных людей было взято на службу 25 человек.

Шестая и седьмая рубрики записей сделаны переписчиками для определения убыли мужского податного населения перед переписью 1678 г. Всего эта убыль составила по двум указанным рубрикам 84 мужские души. Такое внимание к убыли тяглого населения у переписчиков других городов не наблюдалось, что было одной из особенностей коломенской переписи 1678 г.

8. Запись о подсчете «тяглых и безтяглых и пришлых» людей на Коломне на посаде и в городе (по рубрикам 1-4). Таких жилых посадских дворов переписчики насчитали 352, а людей м.п. в них 970 человек. Также указано, что «бездворных людей» было 9 человек, но расписаны только 8 «бездворных пришлых людей». В эту же восьмую рубрику описания переписчики включили итоги предшествующей переписи 1646 г., по которой зафиксировано 555 тяглых дворов, а также ретроспективные итоги о взятых на посад в тягло беломестцах по Соборному Уложению 1649 г., которых оказалось 134 двора. В сводном итоге показано на Коломне 689 дворов посадских тяглых людей. Однако после «морowego поветрия» 1653 г. (эпидемия чумы), когда вымерло 258 дворов, да с Коломны сошли 52 двора, да «в даточные» взято 26 чел. (по нашему подсчету 25 чел.), т.е. всего убыло 336 дворов (при этом один «даточный» считался за один двор), в городе насчитывалось 353 двора. Переписчики зафиксировали 352 двора, т.к. один двор тяглеца Антона Нашивкина оказался пустым: «Антошка умре, а дети ево Васька да Федька сошли и живут на Москве» – л. 54. Все эти статистические данные приведены на лл. 57-69.

После этой рубрики шли описания некоторых категорий беломестного населения.

9. Перечень дворов «записных» (казенных) кирпичников – лл. 69-70 об. Всего 25 дворов, людей в них 65 человек (подсчет переписчиков).

10. Перечень (описание) осадных дворянских и монастырских дворов внутри города, т.е. за крепостными стенами – лл. 70-79 об. Всего 49 осадных дворов. (Подсчет автора).

11. Перечень дворов на посаде привилегированного купечества (гостей, именитых людей, членов гостиной сотни) – лл. 79-80 об. Всего 5 дворов. (Подсчет автора).

Последние три рубрики, где описывались дворы беломестцев, были не обязательными для переписи, так же как и дворы служилых и приказных людей (стрельцов, пушкарей, подьячих, приставов) и дворы духовенства. Коломенские переписчики просто включили их в описание выборочно и даже не подсчитали количество осадных дворов и дворов элитного купечества, что не входило в их прямые задачи.

Тяглые же дворы расписаны и подсчитаны очень подробно по категориям населения (рубрики 1-4). При этом отметим, что «вдовьи и безтяглые» дворы отличались от полноценных дворов тяглецов, но также были податными, только они были обложены облегченным податным оброком за «их скудность». В первой половине XVII в. такие

дворы назывались бобыльными и они выплачивали бобыльскую подать (оброк) в 2-3 раза меньшую, чем тяглецы. «Скудные» люди занимались различными промыслами и владели на коломенском торгу оброчными лавками, полками и др. заведениями. Кроме того, эти «скудные» люди по сведениям других коломенских источников в 70-90-х гг. XVII в. привлекались для выполнения государственных и мирских служб в качестве целовальников, окладчиков и сборщиков оброков, к чему допускались только податные (черные) люди.

К тому же пришлые люди, проживающие в тяглых дворах умерших посадских людей, как отмечали переписчики, «живут на посадской земле в тягле».

Еще одной особенностью коломенской переписи 1678 г. являлось то, что описания ее очень систематизированы, продуманы, что не скажешь о переписях других городов, где наблюдается хаотичное описание посадских дворов разных категорий населения, когда тяглые дворы переписаны вперемешку с беломестными дворами. Очень интересны подробности переписчиков о пришлых людях на Коломну (откуда они пришли, какие у них промыслы и сколько лет живут они на Коломне), что не отмечалось переписчиками других городов.

Таким образом, коломенские переписчики – составители переписной книги 1678 г. показали пример хорошей систематизированной профессиональной работы.

УДК 94 (47)

А.Н. Макарова¹

**«Как место здешнее самое приморское и не
хлебородное»: дворцовые крестьяне между
возможностями и налогами (на примере Важского
уезда Архангелогородской губернии)**

Дворцовые крестьяне; платежи и повинности; природные ресурсы; крестьянские наказания.

На примере одного из северорусских уездов – Важского уезда Архангелогородской губернии рассматриваются возможности и интересы дворцовых крестьян в сфере государственного налогообложения преимущественно на основе такого источника как крестьянские наказания.

¹ Макарова Александра Николаевна, Европейский университет в Санкт-Петербурге (РФ, Санкт-Петербург), асп.; makar.alexa@yandex.ru.

На рубеже XVII-XVIII вв. в Московии начались управленческие преобразования, направленные на наиболее максимальное и эффективное получение доходов, что было связано, в первую очередь, с созданием регулярной армии и флота. Однако, с точки зрения населения, основную массу которого составляли крестьяне, их возможности были несоизмеримы с возложенными на них государственными платежами и повинностями. Тем не менее, крестьяне продолжали платить налоги, а государство в случае их неуплаты продолжало существовать.

Иначе говоря, я попытаюсь рассмотреть возможности и средства крестьян и государства в сфере налогообложения, в каких случаях им удавалось договориться и обойти острые углы, а в каких случаях – нет. Во-вторых, насколько и как видение проблем этими двумя акторами затрагивало их интересы, и кто или что привлекался для их обоснования или разрешения.

Данные вопросы рассматриваются применительно к одной из четырех категорий российского крестьянства – дворцовым крестьянам. Традиционно под дворцовыми крестьянами понимаются крестьяне, населявшие дворцовые земли, которые принадлежали лично царю и членам царской фамилии. В отечественной историографии сложилось две точки зрения на природу данной категории крестьян.

В частности, два крупных исследователя истории дворцового крестьянства В.И. Семевский и Е.И. Индова представили разные его интерпретации. Представитель «юридической школы» XIX – начала XX вв. В.И. Семевский считал, что дворцовые крестьяне являлись лишь прикрепленными к земле (или полузависимыми), оставаясь при этом лично свободными. Аналогичной точки зрения придерживалась аграрная группа во главе с А.Л. Шапиро (Сектор древней истории Ленинградского отделения института истории)². Историки этой группы (А.И. Копанев, О.Б. Кох, Л.В. Данилова, Ю.С. Васильев и др.) придерживались мнения о промежуточном положении дворцового крестьянства по своему социально-экономическому статусу «между черными волостями и светскими вотчинами» [6]. П.А. Колесников утверждал, «что немало было и таких факторов, которые сближали дворцовых крестьян с чернососными, особенно в Поморье» [3, с. 28]. Исследовательница Е.И. Индова, наоборот, считала их крепостными крестьянами, проживающими в обычной феодальной вотчине, только крупной по размерам, где феодалом выступал государь [2, с. 315].

² С 1971 по 1989 гг. было выпущено 4 тома коллективного труда «Аграрная история северо-запада России» (с XV до XVII в.).

Более того, Л.В. Милов писал, что «дворцовое хозяйство не столько обслуживало царя и его окружение, сколько было возрождением в новых условиях и в новых формах элементов реликтовой «служебной организации» общегосударственного уровня», или так называемый «феномен мобилизационной экономики» [4, с. 542-543]. В итоге проблема природы дворцового крестьянства не была решена однозначно и сводилась, так или иначе, к вопросу о властных отношениях и о собственности, будь то крестьяне и царь, крестьяне и помещик, крестьяне и архимандрит.

В центре внимания находятся дворцовые земли Важского уезда Архангелогородской губернии в силу их исторически сложившихся особенностей. Важская земля, расположенная на всем протяжении крупного левого притока Северной Двины, входила в состав Новгородской республики. После подчинения Великого Новгорода Москве в 1478 г., Важские волости также оказались под властью московских князей. При Иване Грозном были зачислены в опричные земли, в годы Смуты поочередно находились во владении Б.Ф. Годунова, Д.И. Шуйского и И.М. Заруцкого и только в начале XVII в. окончательно перешли в разряд дворцовых [1, с. 61-62, 73]. В результате рождающееся Московское государство контролировало одну из самых в экономическом отношении развитых областей Русского Севера в XVII в., связанную с Северо-Двинским речным торговым путем. Таким образом, характерной особенностью Важских волостей как земель Русского Севера является относительная слабость здесь помещичьего землевладения и преобладание черносошного крестьянства, но при этом ощутимо было и присутствие церковно-монастырских владений.

Целостную картину, а точнее целостный взгляд крестьян на положение дел в уезде дают крестьянские наказы в екатерининскую Уложенную комиссию, которые давно привлекли к себе внимание исследователей и были опубликованы в сборнике Императорского Русского исторического общества. Основной круг вопросов, отраженный в наказах, касается «нужд и недостатков» землепользования, налогообложения, исполнения повинностей и организации управления уездом. Все они, так или иначе, касаются возможностей крестьян платить налоги и не оставаться «в скудости». Здесь можно выделить несколько обстоятельств, от которых зависит возможность крестьян выполнять свои обязательства: 1) успешное извлечение прибыли от использования природных ресурсов; 2) эффективная и рациональная, по мнению крестьян, организация налогообложения и управления; 3) справедливое налогообложение и организация управления уездом в

сравнении с соседними уездами и проживающими на них крестьянами.

Во-первых, крестьянские наказы Важского уезда показывают, что основным источником доходов, которые шли на уплату государственных платежей, являлись добыча смолы и выращивание хлеба. Крестьяне писали: «на тот платеж податей денги получаем от многотрудных своих работ, от смоляного курения и от хлебопашества» [5, с. 57], и далее – «если оное вовсе пресечется, то уже крестьянству на подати денег достать не откуда» [5, с. 53]. С другой стороны, если обратиться к таким источникам, как, например, таможенные книги и приходо-расходные книги Питейного двора, то хлеб и смола окажутся далеко не единственными источниками крестьянских доходов. Однако о «скотских товарах» (мясо, сало, кожи)³, «мягкой рухляди и птице» крестьяне упоминают в наказах только в отношении невозможности продать эти товары по выгодной цене приезжим, не здешним купцам [5, с. 62]. Дополнительным доходом для части крестьян также являются поставки ингредиентов (хмель, солод, анис) на Питейный двор для приготовления различного «пития» (вино, водка, пиво) или получение платы за работу на этом дворе⁴.

Во-вторых, крестьяне пытаются представить себя одновременно в наиболее выгодном свете – «хотя же по состоявшимся указам земледельцам попечение и труды свои к размножению хлебопашества, елико силы их есть, приложить не леностно и повелено, однако по своей возможности, в силу тех указов, труды к хлебопашеству прилагаем, и имеющиеся у нас во владении дворцовые земли засеваются все без остатка, и в пуге тех земель не находится, а вновь из лесных угодий в наших дачах, за неспособностью и за порослями лиственничного малорослого леса, пашни производить и по близости жилищ своих, под запрещением в порубку того леса, не возможно, а к тому ж от многих деревень пашенные и сенокосные земли от Ваги реки водою смыло и песком засыпало» [5, с. 56]. Крестьяне, опираясь на государственные указы, давали понять, что они исправно выполняют распоряжения государства. Таким образом, государство одновременно выступает гарантом их прав и защитником и в тоже время ограничителем их прав, с которыми они в целом готовы мириться, за исключением прямых нарушений в лице местной администрации. Крестьянство презентует себя как исправного, согласно закону выполняющего свои обяза-

³ ГААО. Ф. 1547. Важская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 23, 28.

⁴ ГААО. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 21.

тельства. Более того, если бы не некоторые несправедливые притеснения, то они готовы бы и дальше так же служить государству.

И, в-третьих, крестьяне писали, что с «государственных черносошных крестьян берется точию по рублю по семидесяти по одной копейке с половиной с души, и тако против оных черносошных лишнего имеет быть с нас, кроме брачных, по двадцати по пяти копеек с души» [5, с. 54-55]. Дворцовые крестьяне сравнивали также свое положение с положением и экономических крестьян: «в наших же местах прежде бывшие монастырские, а ныне экономические крестьяне, как пашнею, так и сенными покосами и прочими угодыми весма против нас излишнее преимущество имеют в самых наилучших местах с довольным излишеством, и к тому захватя к своим дачам, сверх жалованных грамот и писцовых дач, из дворцовых земель немалое число, довольствуются, а нас, дворцовых крестьян, от того лишают напрасно» [5, с. 73].

Таким образом, здесь важно понять, кто и насколько хорошо владеет информацией и использует имеющиеся возможности и как их представляет. Дворцовые крестьяне, уже потому, что они являются дворцовыми, не могут не иметь прибыльных земель, однако они пытаются показать, насколько трудно им удастся заплатить налоги и самим не остаться после их уплаты «в скудости». И, конечно, соседство более успешных и несправедливо находящихся в лучшем положении черносошных и экономических крестьян не может не привлечь к себе внимание дворцовых. Однако чтобы ответить на вопрос об экономической состоятельности дворцовых крестьян и их платежеспособности, необходимо привлечь делопроизводственную документацию, а также различные судебные дела, жалобы, челобитные и крестьянские сделки.

1. *Васильев Ю.С.* Важский уезд // Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1978.
2. *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964.
3. *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX вв. Вологда, 1976.
4. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.
5. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1907. Т. 132 (11).
6. *Шатино А.Л.* Заключение // Аграрная история северо-запада России в XVII в. Л., 1989.

Н.Ю. Болотина, А.И. Комиссаренко,
А.Ю. Кононова¹

**Сведения о пахотных землях карельских дворцовых
крестьян в писцовых книгах карельских дворцовых
вотчин во второй половине XVII в.²**

Карельские дворцовые вотчины Бежецкого Верха; вторая половина XVII в.; писцовые описания; пахотные земли; средняя величина крестьянского надела.

Писцовые книги карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верха 1665 и 1698 гг. включают данные о пахотных землях, находившихся в пользовании каждой карельской деревни, что обеспечивает возможность исчисления средней величины земельного надела карельских дворцовых крестьян. Документы показывают, что карельские дворцовые крестьяне были намного лучше обеспечены землей, чем крестьяне других категорий.

Изучение истории домениальной (дворцовой) собственности как одной из важнейших разновидностей феодальной собственности в России во второй половине XVII в. является актуальной проблемой историографии. К числу крупнейших дворцовых владений второй половины XVII в. относились карельские дворцовые вотчины Бежецкого Верха (включающего часть территории Бежецкого, Новоторжского, Ярославского и Угличского уездов). Они возникли в результате массового переселения карел в пределы Русского государства после русско-шведской войны 1656-1658 гг. Это явление обстоятельно рассмотрено в работах Ю.В. Готье, А.С. Жербина, Р.Б. Мюллер, И.А. Черняковой, Н.В. Середы, А.Н. Головкина, Карелиной, З.В. Дмитриевой [3, 5, 7, 11, 9, 2, 6, 4].

Особенностью писцовых описаний карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верха, проведенных в 1665, 1669-1670, 1678 и 1698 гг. являлась фиксация сведений о земельных угодьях, в том числе пахот-

¹ Болотина Наталья Юрьевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, Москва), к.и.н.; bolotina30@rambler.ru.

Комиссаренко Аркадий Иванович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, Москва), д.и.н.; arkadiy109@rambler.ru.

Кононова Антонина Юрьевна, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва); akononova56@rambler.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ.

ных землях, находившихся в пользовании каждой карельской деревни. Это обеспечивает возможность исчисления средней величины земельного надела крестьянского двора для каждой деревни. Формуляр названных описаний аналогичен формуляру переписи архиепископских вотчин, проведенной стольником В.И. Кошелевым в 1702-1703 гг., подробно рассмотренной в работе Е.Н. Баклановой (Швейковской) [1, с. 52-66]. К писцовым описаниям карельских дворцовых вотчин 60-90-х гг. XVII в. вполне относится оценка, данная Е.Н. Швейковской переписной книге В.И. Кошелева как историческому источнику: «Размеры надела каждого крестьянского двора в переписи отсутствуют. Однако возможно высчитать его среднюю величину для каждой деревни. Средняя цифра, вычисленная на деревню, будет более точной, чем встречающиеся в литературе средние, выведенные по всей вотчине или тем более по уезду в целом» [1, с. 54]. К сожалению, подлинники писцовых книг карельских дворцовых вотчин погибли во время пожара 1737 г. Вместе с тем несколько книг сохранились в копиях. К их числу относятся «Отписная книга вотчинных карельских деревень стольников князей П.С. и Б.С. Прозоровских в Кейсемской волости Бежецкого уезда» Ф.М. Аксакова 1665 г, «Дозорные и переписные книги карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верха» Д.Г. Тютчева 1669-1670 гг. и «Писцовая книга Кейсемской волости Угличского уезда» А. Елякова 1698 г³.

«Отписная книга вотчинных карельских деревень стольников князей П.С. и Б.С. Прозоровских в Кейсемской волости Бежецкого уезда» была составлена Ф.М. Аксаковым в 1665 г. – в период формирования карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верха. Этот процесс начался после русско-шведской войны 1656-1658 гг. Ряд карельских поселений был основан в это время на государевых пустошах с помощью дьяческой администрации [3, с. 190-195]. Вместе с тем в 1661-1662 гг. дьяком Ф.М. Аксаковым было отписано «на государя» 1135 дворов карельских крестьян, поселившихся на владельческих землях как после русско-шведской войны 1656-58 гг., так и до нее⁴. При этом сложилась ситуация, когда «государевы кореляне» проживали во владениях помещиков и вотчинников: «до указу великого

³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 2-32, 353-385 об, 33-152. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 347-423 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 191, 234.

государя» Ф.М. Аксаков велел им «жить за великим государем на тех землях, на которых они ныне живут, покамест им для селидьбы земли будут обысканы»⁵. Это своеобразное положение было зафиксировано в указе, который зачитывался стольником Ф.М. Аксаковым владельцам или их приказчикам после отписи их карельских дворов: «Чтоб они тех корелян не разоряли и из-за себя вон не выбивали»⁶.

В последующие годы правительством царя Алексея Михайловича проводится целый ряд мероприятий по обеспечению «государевых корелян» землей. В 1664-1665 г. вышел указ царя Алексея Михайловича о неотдаче в вотчину или поместье «порозжих» земель, смежных с дворцовыми владениями Бежецкого Верха⁷. Писцовым описанием О.Н. Лихарева и Ф. Космынина 1668 г. почти за каждой деревней была закреплена пустошь «в подмогу»⁸. Указами царя Алексея Михайловича 1684-85 гг. «порозжие и обводные земли», смежные с дворцовыми и окружавшие их в радиусе 5-6 верст отписывались «корелянам под селидьбу и подмогу»⁹. Параллельно с этим идет отпись «на государя» владельческих земель, на которых были расположены дворцовые карельские деревни. В мае 1665 г. по наказу из Приказа Тайных дел на государя были отписаны вотчинные земли князей Прозоровских в Верховском стане Бежецкого уезда, на которых проживали «государевы кореляне», в связи с чем Ф.М. Аксаковым была составлена вышеназванная отписная книга.

Вотчины князей Прозоровских в результате их отписи «на государя» и стали теми «обысканными» «для селидьбы» «государевых записных кореляней» землями. Как следует из отписки, предшествующей книге, стольник Ф.М. Аксаков и подьячий М. Оловянников прежде всего отписали владения Прозоровских, которые не были за ними официально закреплены («в дачах не объявились»)¹⁰. Князьям Прозоровским не было велено также «до государева указа» владеть и теми землями, которые за ними «объявились в дачах» на основании того, что «живут в тех деревнях великого государя записные кореля-

⁵ Там же. Л. 151-151 об.

⁶ Там же.

⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 453-453 об.

⁸ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11461.

⁹ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 459 об - 460.

¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 353.

не»¹¹. Во всех последующих писцовых описаниях земли, составлявшие до 1665 г. вотчину Прозоровских, значатся как государевы.

«Отписная книга вотчинных карельских деревень князей П.С. и Б.С. Прозоровских в Кейсемской волости Бежецкого уезда» была составлена Ф.М. Аксаковым и подьячим М. Оловянниковым в мае 1665 г. по наказу из Приказа Тайных дел. Она содержит описание шестнадцати бывших вотчинных деревень князей Прозоровских близ села Кейсмы и включает сведения о размерах пашенных угодий, которые нанимали карельские крестьяне у владельцев¹². Так, например, крестьяне деревни Чухарево нанимали 5 десятин пашни паханой «в поле, а в дву по тому ж», то есть 15 десятин в трех полях¹³. Деревня состояла из шести дворов, то есть на двор приходилось по 0,8 десятины в поле и 2,4 десятины в трех полях. То же можно сказать о четырех крестьянских дворах, составляющих деревню Веснино, где было всего 3,5 десятины наемной пахотной земли в трех полях¹⁴. То есть обеспеченность пахотной землей была минимальной [7, с. 46]. Можно предположить, что «на государя» были отписаны все поместья и вотчины, зафиксированные в «Записной книге государевых «корелян» Бежецкого Верха» стольника Ф.М. Аксакова 1661-1662 гг. Правда, из-за отсутствия источников затруднительно определить в какие именно годы и как был проведен этот процесс. В связи с этим заслуживает внимания сообщение писцов дворянина московского Д.Г. Тютчева и подьячего В. Второво, составивших по наказу из Приказа Большого дворца в 1669-1670 гг. «Дозорные и переписные книги Карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верха»¹⁵.

Писцы так и не смогли решить поставленную перед ними задачу описания земель карельских крестьян. В обоснование этого писцами был приведен следующий довод: «А поселились они на лесах и хлеб пашут на наемных на помещиковых и на вотчинниковых, и на монастырских землях. А у них еще в полях леса не высечены и пашня не роспахана, а сенные угодья не большие, и те не роскошены и заросли

¹¹ Там же. Л. 368.

¹² Там же. Л. 353-369 об.

¹³ Там же. Л. 353 об.

¹⁴ Там же. Л. 354 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 33-152. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 347-423 об.

лесам»¹⁶. Эти данные свидетельствуют, что и в конце 60-х гг. XVII в. «государевы кореляне» по-прежнему сеяли хлеб из найма на тех поместных и вотчинных землях, где они поселились.

Когда в 1697/98 г. по наказу из Приказа Большого двора путным ключником А.Ф. Еляковым и подьячим П. Болтуновым проводилось новое описание «великого государя дворцовых карельских» деревень, «на помещиковых и вотчинниковых землях» были расположены только 3 поселения «государевых корелян»: село Остолопово, деревни Данилково и Сопелово¹⁷. Они находились на поместных землях бежецких детей боярских Бирилевых. В книге Елякова по этому поводу отмечено: «А они, кореляне, как вышли из-за рубежа из-за свитского короля и поселились на вышеписанных землях, и всякие великого государя, денежные и хлебные доходы с вышеписанного дворового числа платили с миром вряд без недобору тое Кесемской волости с кореляны, а помещиком Григорью да Давыду Бирилевым никаких оброков не плачивали и теми землями они, Григорей да Давыд Бирилевы не влаживали, как они, кореляне, на тех землях поселились. Да в нынешнем в 206-м году они, Григорей да Давыд, во время писма крепостей на те земли не положили»¹⁸. Как видно, А.Ф. Еляков, подобно Ф.М. Аксакову, в своей писцовой книге «обосновывает» право отписи на государя поместных земель Бирилевых. Остальные деревни Кейсемской волости, зафиксированные в книге А.Ф. Елякова, находились на государевых землях¹⁹. Таким образом к 1697/98 г. отпись владельческих земель, на которых проживали «государевы кореляне», была практически завершена.

В каждой из них А.Ф. Еляков должен был описать, измерить и отмежевать «дворы, церковную и крестьянскую пашню, и сенные покосы, и всякие уголья, великого государя порозжие всякие земли и пустоши». Описание пахотных земель в книге А.Ф. Елякова включает сведения о пашне паханой, принадлежавшей той или иной деревне и обобщенные данные о переложных и «заросших лесом» пахотных землях («перелогом и лесом поросло»). Этим они отличаются от многих других материалов кадастра XVII – начала XVIII в., в частности, от описания стольника В.И. Кошелева 1702-1703 гг., проанализи-

¹⁶ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 34.

¹⁷ Там же. Л. 3 об - 6.

¹⁸ Там же. Л. 6-6 об.

¹⁹ Там же.

рованного Е.П. Швейковской (Баклановой) [3, с. 52, 54-56]. В писцовой книге В.И. Кошелева каждая категория пашни: паханая, находящаяся под перелогом и «заросшая лесом» описаны отдельно.

Зафиксированные в книге А. Елякова 1697/98 г. сведения о размерах пахотной земли «государевых корелян» заслуживают особого внимания. В нижеследующей таблице показаны сведения книги, относящиеся к пяти деревням Кейсемской волости, зафиксированным подряд. Как видно, в распоряжении деревни Борихино (11 дворов) было 24 десятины пашни паханой, «а в дву по тому ж», то есть всего 72 десятины. Жителям деревни «в подмогу» была дана пустошь, включавшая еще 10 десятины пашни паханой. В среднем на тяглый двор деревни Борихино приходилось» 7,5 десятины пашни паханой. Среднее количество пашни паханой, обеспечивавшей тяглый двор деревни Тарачево было также 7,5, деревню Коровкино – 13,6 десятины Среднее количество надельной пашни паханой в деревнях Крюково и Миньево составляло 5,4 и 5,5 десятины. По мнению Е.Н. Швейковской, проанализировавшей огромный уникальный материал по Вологодскому уезду и обобщившей данные других авторов, наиболее типичными для северных районов были размеры пашни 2-4-6 десятины в трех полях [1, с. 56]. Аналогичные показатели были выведены и И.А. Черняковой [11, с. 138-143]. При выведении средних показателей надельной пахотной земли Е.Н. Швейковская обосновано учитывала пашню паханую и перелог вместе, исходя из того, что «перелог уже в большей или меньшей степени распахивались» [1, с. 56]. Как видно, средние размеры только пашни паханой, приходившейся на тяглый двор в названных карельских дворцовых деревнях Кейсемской волости, превышали или достигали высшего показателя среднего количества надельной пахотной земли, бывшей у монастырских и архиепископских крестьян Вологодского у. во второй половине XVII – начале XVIII в.

Нижеприведенная таблица свидетельствует, что в распоряжении названных деревень находилось также значительное количество переложных и «поросших лесом» пахотных земель.

Названия деревень	Борихино	Коровкино	Тарачево	Крюково	Миньево
Число дворов	11	3	8	5	9
Пашни	24	12	20	9	12

паханные в поле					
Пашни паханные в 3-х	72	36	60	27	36
Пашни паханные подможных пустошей	10	5			15
Всего	82	41	20	27	51
В среднем на двор	7,5	13,6	7,5	5,4	5,6
Перелог	6	10	8		3
Перелог подможных пустошей	20	6	40	50	55
Всего	26	16	48	50	58
В среднем на двор	2,7	5,3	6	5	6,4
Пахотные земли в среднем на двор	10,2	18,9	14,5	10,4	11,9

Как видно, карельские дворцовые крестьяне были намного лучше обеспечены землей, чем крестьяне других категорий.

1. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976.
2. *Головкин А.Н.* История Тверской Карелии. Тверь, 1999.
3. *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937.
4. *Дмитриева З.В.* «Карельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Вып. V. Вологда, 2003.
5. *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.
6. *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. Петрозаводск, 1998.
7. История крестьянства России с древнейших времен. М., 1993. Т.3.
8. *Мюллер Р.Б.* Очерки по истории Карелии в XVI – XVII вв. Петрозаводск, 1947.
9. *Серета Н.В.* Тверской край в период становления российского самодержавия (конец XV – XVII вв.) Тверь, 1991.
10. *Чернякова И.А.* К вопросу о судьбах «карельских выходцев». Петрозаводск, 1989.
11. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998.

**Купчие акты города Козьмодемьянска в материалах
Генерального межевания земель Казанской губернии
конца XVIII в.**

Материалы Генерального межевания; купчие акты; Козьмодемьянск.

Впервые анализируются частно-правовые акты, выявленные автором в материалах Генерального межевания земель Казанской губернии, относящиеся к истории одного из старинных средневожских городов Козьмодемьянска XVII–XVIII вв.

Изучение социально-экономической истории российских городов базируется на самых разнообразных источниках, в том числе частноправовых актах [1, с. 5]. Вместе с тем, степень их сохранности применительно к городам Среднего Поволжья оставляет желать лучшего. В определенной мере этот пробел могут выполнить материалы Генерального межевания земель, в частности, информационно насыщенные «спорные дела», выявленные нами в фонде Казанской межевой конторы конца XVIII в. по городу Козьмодемьянску². Обнаруженные среди них купчие акты, подвергнутые в свое время археографической обработке и публикации, требуют однако специального анализа относительно социального состава участников торговых сделок на жилые дворы, земельную и другую недвижимость в этом городе в XVII – XVIII вв. [3].

Несколько слов о самом Козьмодемьянске (осн. в 1583) – старинном русском уездном городе Казанской губернии. По данным Генерального межевания Козьмодемьянск располагался на правом берегу Волги на удобном пересечении сухопутных дорог. Исстари к нему были приписаны пригородные селения: «по тяглу» – посадские люди с. Троицкое Подгородное тож, д. Данилиха и д. Мумариха; «по службе» – обрусевшие служилые новокрещены («одиндворцы») с. Владимирское Басурманово тож. Население города, представленное различными социальными прослойками (дворянство, духовенство, чиновничество, военные, купцы, посадские люди, мещане, ямщики и пр.), в 1795 г. насчитывало 3230 чел. обоого пола (746 дворов); соответственно в 3 пригородных селениях проживали купцы и мещане

¹ Иванов Ананий Герасимович, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н.; anani@marsu.ru.

² РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1290 и др.

численностью в 535 чел. (235 дворов), а в однодворческом селе – 175 чел. (22 двора). В городской экономике смешанного типа (торговля, промышленность, сельское хозяйство и др.) ведущие позиции занимал аграрный сектор. Жителям города принадлежало немногим более 9 тыс. дес. земли. Из них площадь городской «селитбенной» земли (дворы, усадьбы, огороды, сады и пр.) составляла 128 дес.; соответственно городской выгонной земли – 1937 дес. Купцам, мещанам и разночинцам принадлежали 314 дес. пашни, 570 дес. сенокосов, 1353 дес. леса. Владения ямщиков были наибольшими и составляли 82,4 % от общей земли. Пригородные купцы и мещане владели 1426 дес. земли, в том числе пашни занимали 1048 дес., сенокосы – 96 дес., леса – 58 дес. Однодворцам с Владимирского принадлежало 1033 дес. земли, в том числе под пашни приходилось 629 дес., сенокосы – 147 дес., леса – 220 дес.³.

Вышесказанные обстоятельства в известной степени отразились и на содержании купчих актов, подтверждающих права их владельцев на земельные участки и другую недвижимость в пределах «селитбенной» городской земли, изначально закрепленной «по жалованным грамотам и писцовым дачам»⁴.

Хронологически сохранившиеся в копиях тексты 73 купчих актов в составе «спорного» дела о «селитбенной» земле Козьмодемьянска охватывают 1666 – 1794 гг. По 1 купчому акту сохранились тексты за 1666, 1682, 1688, 1692, 1698, 1703, 1711, 1720, 1724, 1730, 1731, 1733, 1739, 1742, 1743, 1744, 1745, 1752, 1756, 1758, 1760, 1763, 1764, 1769, 1770, 1778, 1784, 1786, 1788, 1790, 1794 гг.; соответственно по 2 купчих акта за 1715, 1717, 1728, 1729, 1734, 1759, 1775 гг.; по 3 купчих акта за 1700, 1761, 1765 гг.; по 4 купчих акта за 1747, 1750, 1757, 1792 гг. Из общего числа 5 (6,8 %) купчих актов приходится на последнюю треть XVII в.; на первую половину XVIII в. – 29 (39,8 %); на вторую половину XVIII в. – 39 (53,4 %)⁵.

Социальный состав участников торговых сделок включал представителей почти всех сословных прослоек городского населения (см. табл. 1). Основная масса продавцов и покупателей приходилась на посадских людей и ямщиков. По численности и удельному весу эти прослойки значительно отличались от других. По данным 1795 г. численность посадских людей (купцы, цеховые ремесленники, мещане) Подгорной и Загородной слобод Козьмодемьянска составляла

³ РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1295. Л. 4–9; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 407. Л. 1–5, 13 об – 14.

⁴ РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1290. Л. 59–60.

⁵ Там же. Л. 65–140 об.

1114 чел. (34,5 %) обоего пола, а ямщиков – 1782 чел. или 55,2 % от общей численности горожан⁶. Козьмодемьянские ямщики отличались заметной социальной мобильностью. Часть из них записалась в посадских людей, активно занималась торгово-промысловой деятельностью, уходила на отхожие промыслы (в основном кузнецами), иногда в бега, меняла свой социальный статус [2, с. 32-41].

Участие других прослоек горожан в торговых сделках согласно купчим актам был более чем скромным. На фоне остальных выделялись лишь военные (стрельцы, солдаты, рейтары, драгуны, их жены, дочери, вдовы). Купля-продажа совершалась как между лицами, принадлежащими к одной социальной прослойке, так и между представителями различных сословных групп в лице посадских людей, купцов, ремесленников, мещан, ямщиков, гражданских и воинских чинов, дворян, чиновников, канцеляристов, крестьян, бобылей, кречетных помытчиков (птицеловов, поставлявших ловчих птиц для соколиной охоты на царский двор) и других городских жителей.

При этом торговые сделки между лицами, принадлежавшими к одной и той же сословной прослойке были зафиксированы лишь в 17 (23,3 %) купчих актах. Так, 17 мая 1700 г. козьмодемьянский посадский человек Н.И. Алямасов за 3 руб. 2 гривны купил у вдовы посадского человека М.И. Межениной «двор с хоромным строением и с вороты» длиною 7 сажень с аршином, шириною 4 сажени 2 аршина, «а на том дворе хором: изба, против избы клеть, промеж избы и клетки сени» с деревянным забором «городьбою и с вороты»; 26 октября 1724 г. козьмодемьянский ямщик Б.М. Калашников купил по купчей у переведенного из Козьмодемьянска «в Санкт-Петербург Тоснинской ям» ямщика Г.Н. Бородулина в «Ямской слободе двор свой с хоромным строением и усадьбою за 13,5 руб.; 1 сентября 1747 г. посадский человек Д.Н. Белоруков продал по купчей за 3 руб. «в приходе Тихвинской церкви двор свой с хоромным строением и огородом» родному своему брату Р.Н. Белорукову; 19 мая 1765 г. посадской человек Ф.А. Заикин приобрел за 20 руб. двор с хоромным строением у Анны Федоровой, жены посадского человека И.Л. Батыгина; 6 июня 1779 г. мещанин П.И. Ремезов купил у дочери мещанина А.С. Болотниковой за 15 руб. «в приходе Вознесения Господня» жилые хозяйственные строения с садом и огородом⁷.

В остальных 56 (76,7 %) купчих актах участниками купли-продажи выступали представители различных социальных групп. В част-

⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 407. Л. 1–2.

⁷ РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1290. Л. 66–66 об, 80–80 об, 99–99 об, 127–127 об, 135–135 об.

ности, 5 июня 1698 г. козьмодемьянский стрелец Ф.К. Пеншиков продал посадскому человеку З.К. Шмакову «двор свой с хоромы и с ворота и с огородом и з городьбою» за 5 руб. 10 алтын; 14 февраля 1703 г. ямщик Н.П. Кликунов купил дворовое и огородное место у бобыля Г.Я. Свешникова за 2 руб.; 1 июня 1734 г. козьмодемьянский солдат В.Л. Галкин приобрел у «азовского переведенца» (бывшего козьмодемьянского посадского человека мобилизованного в числе прочих в 1704 г. в Азов и обратно вернувшегося после сдачи его туркам в 1711 г.) И.М. Лазарева двор с хоромными строениями и огородом за 17 руб.; 30 сентября 1747 г. местный священник Яков Иванов в связи его переводом в Новокрещенское село Оринино Козьмодемьянского уезда продал за 4 руб. цеховому ремесленнику И.Д. Смирнову «в вечное владение в Кузьмодемьянску в приходе Вознесения Христова огородное место с яблонными деревьями»; 20 марта 1761 г. посадский человек К.В. Агафонов купил у ямщицкой вдовы А.Я. Бубновой за 14 руб. 50 коп «двор свой с хоромным строением и с огородом»; 25 апреля 1779 г. козьмодемьянской инвалидной команды капитан И.П. Орлов купил у мещанина А.М. Крохина дворовое и огородное место за 6 руб.; 11 марта 1792 г. ямщицкая вдова У.И. Шихина продала купцу Г.А. Замятнину за 100 руб. двор с хоромным строением и огородом⁸.

В этническом отношении участники торговых сделок были представлены русскими, за исключением одной купчей от 4 октября 1757 г., по которой марийский «новокрещен» Семен Федоров из с. Троицкого Малый Сундырь Козьмодемьянского уезда продал за 27 руб. в городе «в приходе Вознесения Господня двор свой с хоромным строением и с огородом» ямщику Н.И. Калинину⁹. Заключенные купчие козьмодемьянских «ясачных» крестьян с другими горожанами, не являлись свидетельством того, что в Козьмодемьянске проживали марийские и чувашские крестьяне. Немногочисленная прослойка «ясашных» крестьян была представлена изменившими свой социальный статус русским посадскими людьми и разночинцами, стремившимися таким образом уменьшить тяжелое бремя городских и отъезжих казенных служб¹⁰.

⁸ РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1290. Л. 72–72 об, 73, 87–87 об, 100–100 об, 122–122 об, 134–134 об, 142–142 об.

⁹ Там же. Л. 112–112 об.

¹⁰ Там же. Л. 88–88 об, 90–90 об, 130–130 об.

Таблица 1. Социальный состав участников торговых сделок в купчих актах 1666–1794 гг.

Социальный состав	Продавцы		Покупатели	
	Купчие акты	Удельный вес	Купчие акты	Удельный вес
	(единиц)	(в %)	(единиц)	(в %)
Дворяне	5	6,8	1	1,4
Приказные люди	2	2,8	3	4,1
Военные	9	12,3	7	9,5
Духовенство	1	1,4	–	–
Посадские люди	23	31,4	34	46,6
Ямщики	21	28,7	16	21,8
Крестьяне	4	5,5	3	4,1
Бобыли	1	1,4	2	2,8
Птичьи помытчики	–	–	1	1,4
Азовские переведенцы	1	1,4	–	–
Положенные на ландмилицию	4	5,5	4	5,5
Городские жители	2	2,8	2	2,8
Итого	73	100	73	100

Купчие акты зафиксировали и такой аспект, как активизация в купле-продаже жилых и хозяйственных строений (жилая изба, амбар, клеть, сарай, баня, огород, сад), земельных участков, порозжих земель женщин. Как продавцы они (жены посадских людей, ямщиков, солдат; вдовы стрельцов, рейтар, драгунов, посадских людей, ямщиков, подпоручика, подьячего, содержащего ландмилицию и других жителей; дочери посадских людей, губернского секретаря, отставного солдата, мещанина) зафиксированы в 23 (31,5 %) купчих актах. За ними признавалось право распоряжения покупным и имущественным наследством. Их участие в торговых сделках во многом обуславливалось насущными жизненными потребностями и нехваткой денежных средств. В качестве покупателей женщины отмечены лишь в 5 (6,8 %) купчих

актах (вдовы трех посадских людей, ямщика и «козьмодемьянского жителя»)¹¹.

Купчие, как частно-правовые акты, закрепляли право владения купленным. Основными объектами купли-продажи выступили дворы с хоромными строениями и огородами, дворовые и огородные места (см. табл. 2). На их долю приходилось три четверти купчих актов стоимостью в 702 руб. 16 коп. Остальные торговые сделки по дворовому, огородному, гуменному, порозжему пустовому месту были незначительны. Особняком выделяются два купчих акта. По одному из них 15 июня 1730 г. дочь губернского секретаря Д.Л. Богданова продала козьмодемьянскому посадскому человеку Т.К. Ермолаеву 2 двора «с каменной полаткою» в городе и поместною землею в пригородном селе Владимирском за 110 руб. Во втором случае, оставшие военные дворяне поручик П.И. Сергеев со своим братом прапорщиком И.И. Сергеевым уступили «навечно» 18 января 1790 г. козьмодемьянскому купцу П.Я. Черепанову (из бывших экономических крестьян) отцовский каменный дом с садом за 1000 руб.¹². Средняя стоимость 1 двора «со всяким хоромным строением» (деревянная изба, клеть, амбар, баня, погреб и пр.) и огородом колебалась от 14 до 30 руб.; соответственно 1 дворового и огородного места от 7 руб. до 27 руб. Их цена зависела от состояния жилых и хозяйственных строений («новое», «ветхое», породы древесины), размеров земельных участков и других факторов.

Таблица 2. Купчие акты на недвижимость и земельные участки

Объекты купи-продажи	Купчие акты		Стоимость	
	количество	%	в руб. коп.	%
Двор с хоромным строением и огородом	42	57,4	598-66	29,5
Дворовое и огородное место	14	19,2	103-50	5,3
Дворовое место	9	12,3	67-50	3,3
Огородное место	4	5,5	111-00	5,4
Гуменное место	1	1,4	3-00	0,1
Порозжее пустовое место	1	1,4	32-00	1,6
Два двора с каменной палаткою и поместного	1	1,4	110-00	5,4

¹¹ РГАДА. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 1290. Л. 81–81 об, 92–92 об, 106–106 об, 108–108 об.

¹² Там же. Л. 85–86, 140–140 об.

землею				
Каменный дом с садом	1	1,4	1000-00	49,4
Итого	73	100	2025-66	

Примечательным в этом отношении представляется содержание приводимой здесь купчей: «Лета 1756-го мая в 1 день кузмодемьянской ямщик Петр Семенов сын Санин в роде своем не последней, дал сию купчую в Кузмодемьянску у крепостных дел козмодемьянскому посацкому человеку Егору Иванову сыну Замошникову в том, что продал я, Санин, ему, Замошникову, впрок бесповоротно и без выкупу в вечное владение двор свой, имеющейся в городе Кузмодемьянску с хоромным строением и з дворовым местом и с огородом; на котором дворе строения: изба жилая сосновая с сенми, напротив избы клеть с чуланом и с подклетью, анбар о трех жильях, баня, погреб с напогребьем, пешня в земле.

А смежен тот мой двор и огород з дворами ж и с огородами козмодемьянских обывателей, а именно, двор с одну сторону з двором же отставного боцманмана Ивана Третьякова, в ту ж сторону двор с огородом же ямщика Ивана Петрова сына Санина, з другую сторону ямщика ж Алексея Васильева сына Плотникова да позади огорода ямщика Алексея Федорова сына Малгина. А мерою в том моем дворе и в огороде с улицы во дворе ширины тринадцать сажень, длины в одной стороне от межи Ивана Третьякова до межи Ивана Санина десять сажень с полуаршином, ширины в той же стороне семь сажень, в другой дворовой стороне с огородом длины семнатцеть сажень с полуаршином, ширины в заднем конце семь сажень с четвертью аршина.

А взял я, Санин, у нево, Замошникова, за тот двор с местом, строением и огородом денег трицеть рублей. И впредь мне, Санину, жене моей, и детям, и наследникам моим в тот проданной мною двор и дворовое место, тако ж и строение и огород не вступатца, и о возвращении не бить челом»¹³.

В целом, купчие акты содержат ценную информацию о хозяйственной и повседневной жизни населения одного из поволжских городов, дают возможность показать некоторую специфику его развития в XVII–XVIII вв.

1. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная часть и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002.

¹³ РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1290. Л. 110–110 об.

2. *Иванов А.Г.* Козьмодемьянск в XVII–XVIII вв. // Козьмодемьянск 1583–2008 гг. / Под общей ред. Л.А. Гаранина. Йошкар-Ола, 2008.
3. *Купчие акты горожан Козьмодемьянска XVII–XVIII веков* / Сост., предисловие и комментарии А.Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2007

УДК 94(47)+94(470.57)

А.И. Акманов¹

Первый опыт организации массовых земельных измерений Оренбургской губернии в конце XVIII в.: кадровое и материальное обеспечение Генерального межевания²

Генеральное межевание; Оренбургская губерния; землемеры; канцеляристы; инструкции.

Статья посвящена характеристике некоторых аспектов начального этапа Генерального межевания земли в Оренбургской губернии. Архивные материалы показывают большой объем организационных мероприятий межевых учреждений для обеспечения земельных измерений.

Для разработки аграрной истории России важное методологическое значение имеют труды академика Л.В.Милова [1, 2]. Он обратил внимание на необходимость разностороннего подхода в изучении исторического прошлого и учета различных факторов. В частности, им был использован обширный массив источников Генерального межевания земель Российской империи, которое было реализовано во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Данное мероприятие стало крупнейшим мероприятием государства по урегулированию земельных отношений в стране. Таким образом, власти попытались осуществить всеобщий учет земельного фонда страны, урегулировать земельные конфликты между различными группами населения и обеспечить стабильные поступления налоговых платежей от использования земельных угодий. Академик Л.В.Милов обратил внимание на продуманность и последовательность действий властей по организации этого мероприятия. Эти материалы позволяют показать характер и особенности хозяйственной деятельности, социальную

¹ Акманов Айтурек Ирекович, Башкирский государственный университет (РФ, Уфа), д.и.н.; aaitugan@rambler.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ («Аграрный вопрос на Южном Урале во второй половине XVI – начале XX вв.»), проект № 13-01-00152.

и этническую структуру различных регионов Европейской России данного периода. В этой связи заслуживает внимания порядок организации деятельности межевых учреждений в Оренбургской губернии, которая территориально охватывала значительные земельные пространства с многонациональным населением.

Для практического осуществления Генерального межевания на территории края весной 1798 г. Нижегородская межевая контора переехала в г. Уфу – один из уездных городов Оренбургской губернии. Выбор уездного города для местонахождения Конторы объясняется тем, что Уфа являлась географическим центром края, что было весьма удобно для руководства процессом межевания. Вскоре после переезда данное учреждение было переименовано в Оренбургскую межевую контору. В качестве ее постоянной резиденции были предоставлены здания губернского правления и казенной палаты³. Межевые работы в губернии должны были возглавить три члена присутствия и прокурор. Весной 1798 г. к исполнению своих обязанностей приступили второй член присутствия титулярный советник И.Жилин и прокурор титулярный советник А.М. Блажиевский. Первый и третий члены присутствия коллежский советник М.Мамышев и титулярный советник А.Протопопов приехали в Уфу только к концу 1798 г. из-за задержки на месте прежней службы⁴. Первый член присутствия М.Мамышев начал свою карьеру армейским офицером, а с 70-х гг. XVIII в. работал в Московской Межевой Канцелярии, исполняя обязанности директора Чертежной мастерской. Вторым членом присутствия титулярный советник И.Жилин имел опыт как канцелярский служащий в различных государственных учреждениях. Обширными познаниями в области межевого производства обладал и третий член присутствия А.Протопопов, ранее работавший в Межевой Канцелярии. Функции надзора за соблюдением законности при проведении полевых измерений и разборе споров были возложены на прокурора титулярного советника А.Блажиевского, прослужившего прежде несколько лет на военной и гражданской службе. Важная роль отводилась секретарям конторы С.Бронникову, В.Мальгину, И.Кадомскому и Г.Дмитриеву, которым вменялось курирование делопроизводства по 2-3 уездам межуемой губернии. Послужной список показывает, что они имели большой опыт канцелярской работы в межевых учреждениях⁵.

³ РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Д. 9268. Л. 1; Ф. 1324. Оп. 7. Д. 167. Л. 143.

⁴ Там же. Ф. 1324. Д. 478. Л. 8-13 об; Д. 484. Л. 3-8.

⁵ Там же. Д. 478. Л. 9-11, Д. 484. Л. 3-6, Д. 167. Л. 117, Д. 478. Л. 13 об-16 об.

При проведении практических измерений основными фигурами являлись землемеры. Весной 1798 г. в Оренбургской конторе их насчитывалось 22 человека. Большинство из них ранее работали в Нижегородской губернии. Из послужных списков чиновников за 1798 г. можно узнать, что значительное количество землемеров было из числа отставных военнослужащих. Это коллежский асессор А.А. Курочкин, титулярные советники Н.Ф. Палибин, В.П. Головачев, А.К. Фок, губернские секретари И.П. Добровольский, И.И. Шмидт, А.М. Залесский, И.Д. Лаптев, А.И. Казимирский, провинциальный секретарь Д.М. Ястребов, городовые секретари Т.А. Ермаков, И.Г. Ярцев. В то же время часть землемеров с самого начала своей деятельности работала по линии межевого ведомства, проходя всю чиновничью иерархию от второклассного ученика или копииста до должности землемера. К ним относятся титулярный советник Л.Я. Костылев, губернские секретари П.Т. Нилов, П.Е. Жуков, провинциальные секретари А.И. Канаков, В.Ф. Глумилин, С.Хрулев, городовые секретари И.Г. Резанов, В.П. Мартис, И.Е. Щетнев, Ф.С. Громовский. В конторе было еще четыре вакантных места землемера, а их заполнили за счет отличившихся прежде землемерных помощников – коллежских регистраторов В.Лисицына, И.Фомичева, И.Попова, Ф.Семенова⁶.

Землемеры должны были возглавить 27 межевых команд, в состав которых предполагалось включить по одному землемеру, помощнику землемера, ученику первого и второго класса. К весне 1798 г. в Уфу явилось из Нижнего Новгорода 42 землемерных помощника, 14 учеников первого класса, 13 учеников второго класса. Большинство из них имели опыт работы по специальности в тех губерниях, где данная контора ранее проводила измерения земли (Ярославской, Костромской, Нижегородской)⁷. Для обработки документации межевых команд (планов и межевых книг отдельных дач, полевых журналов землемеров) в штате конторы должны были находиться 20 канцелярских служащих, которые и явились на новое место работы весной 1798 г. Одновременно в Уфу прибыло свыше 100 солдат из местной пехотной дивизии для работы в составе землемерных команд и охраны Чертежной мастерской Оренбургской межевой конторы. Тогда же чиновники конторы приобрели канцелярские товары для ведения делопроизводства: большое количество бумаги, красок, чернил, воска, бечевок. Землемерам были розданы межевые

⁶ Там же. Д. 484. Л. 22 об-31.

⁷ Там же. Д. 484. Л. 34-49.

инструкции и инструменты (деревянная сажень, астролябия, десяти-саженная железная цепь)⁸.

Правительство требовало от межевых учреждений соблюдения казенных интересов. Еще до приезда в Оренбургскую губернию руководство конторы просило от местной казенной палаты подробные сведения о «...числе душ по последней ревизии, также о градской заселенной и незаселенной земле, угодьях прежних служб служилых людей и их селениях, а от губернского землемера с карт и описания копий». В этом же распоряжении подчеркивается, чтобы была представлена «...о состоящих здесь казне принадлежащих засек, пустопо-розжих, выморочных, отписных и тому подобных отдаваемых в оброк разным людям землях именная ведомость с показанием в ней между каких дач или урочищ те земли и в каком состоят...».

Особое внимание землемеров было обращено и на межевание башкирских земель, так как башкиры являлись вотчинниками (собственниками) угодий. Это право было официально закреплено в виде жалованных грамот царя Ивана IV башкирским волостям при их добровольном вхождении в состав Русского государства и затем неоднократно подтверждалось правительством в XVII – XVIII вв.

Кроме того, в связи с проводившимся коштным межеванием в 80-90 гг. XVIII в., Оренбургская контора могла получить интересные ее сведения и от Межевой Канцелярии Последняя ведала осуществлением данного мероприятия. Специальное коштное межевание проводилось землемерами из Межевой Канцелярии за счет средств тех землевладельцев, которые хотели обособить свои угодья отдельной дачей и независимо от работ Генерального межевания⁹.

К началу лета 1798 г. подготовительная работа завершилась, и руководство конторы 14 июня приняло решение об отправке 17 землемерных команд для полевых измерений. В три уезда (Верхоуральский, Стерлитамакский, Челябинский) было направлено по одной, а в остальные семь уездов (Оренбургский, Бузулукский, Бугульминский, Мензелинский, Бирский, Уфимский, Троицкий) – по две землемерные команды¹⁰. Далеко не все землемеры были привлечены к производству полевых измерений. Оставшиеся пять (коллежский ассессор А.А. Курочкин, титулярные советники Л.Я. Костылев и Н.Ф. Палибин, городской секретарь Т.А. Ермаков, провинциальный секретарь С. Хрулев) должны были работать в Чертежной мастерской. Им «...надлежало быть при конторе до окончания сочинения порученных им гене-

⁸ Там же. Л. 8-12 об. Д. 167. Л. 74-78, 217-218.

⁹ Там же. Ф. 1324. Оп. 7. Д. 167. Л. 67-68, 305-305 об.

¹⁰ Там же. Л. 300-306.

ральных планов, атласов, карт Костромской, Ярославской, Нижегородской губерний с их принадлежностями и для свидетельствования оных». На них возложили и другую работу: «...по присылаемым от командированных землемеров в Оренбургскую губернию специальным планам с книгами, по которым делать сочинение генеральных планов, атласов, карт с принадлежностями...» К оставшимся в конторе чиновникам было прикреплено 14 землемерных помощников, а для ведения повседневной документации конторы, переписки с различными учреждениями привлекли 32 канцелярских служащих и 26 землемерных учеников.

Специфика многонационального региона обусловила потребность в переводчиках. Руководство конторы информировало об этом вышестоящие инстанции уже с первых лет работы. Однако только в 1802 г. два переводчика с башкирского языка были включены в штат конторы. Ими стали губернские секретари В.А. Куровской и О.П. Алкин¹¹. Перед отправкой межевых команд в полевую работу весь персонал Оренбургской конторы получил жалованье. Самые крупные оклады были у членов присутствия и прокурора. Так, третий член титулярный советник И.Жилин имел годовое жалованье в 375 руб., а прокурор титулярный советник А.Блажиевский – 360 руб. Оклады канцелярских служащих – секретарей, регистраторов, подканцеляристов, копиистов составляли 60-130 руб. в год. Землемерам первого класса был установлен годовой оклад в 350 руб., а второго класса – 250 руб. Кроме этого, они обеспечивались пищевым рационом стоимостью 3 руб. 60 коп. в месяц. Землемерные помощники в зависимости от чина получали годовое жалованье 60, 100 и 200 руб., а ученики – по 40 и 60 руб. На содержание персонала Оренбургской конторы (148 человек) за первые четыре месяца 1798 г. из казны было выделено 5617 руб.¹²

Таким образом, проведение Генерального межевания в Оренбургской губернии означало использование различных специалистов. Часть из них имела опыт работы в качестве межевщиков, а другие чиновники являлись выходцами из различных государственных учреждений. Большое значение придавалось межевыми учреждениями проблеме необходимости соблюдения интересов казны и сохранения земельных владений башкир. Ввиду предстоящего большого объема сложной работы обращалось внимание на своевременное финансовое обеспечение специалистов, Поэтому формировавшийся

¹¹ Там же. Л. 300; Д. 484. Л. 8 об-49; Ф. 1294. Оп. 2. Д. 9667. Л. 1-1 об, 4-5 об, 9-13 об, 15-15 об, 17, 18.

¹² Там же. Ф. 1324. Оп. 7. Д. 167. Л. 270-275.

персонал конторы заблаговременно обеспечивался достаточно высоким жалованьем. Все это позволило осуществить успешное начало масштабного мероприятия, которым стало Генеральное межевание.

1. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
2. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

УДК 94(47).06; 94(47).061

Д.А. Хитров¹

Электронные карты административно-территориального деления России накануне и после губернской реформы 1775 г.: о методике составления²

Административно-территориальное деление; губернская реформа 1775 г.; электронные карты.

В статье рассматриваются источники и методы создания электронных карт административно-территориального деления России второй половины XVIII в.

Как известно, в России довольно рано появляются массовые источники и своеобразная общенациональная статистика. Сильное централизованное государство, сложившееся к концу XV в., создало и весьма централизованную систему сбора налогов. Ее функционирование требовало детального учета налогооблагаемой базы; кроме того, существовала и традиция изучения страны с целями, которые мы сегодня определили бы как научные. Древнейшие хозяйственные описания территории страны восходят еще к концу XV в., первое полностью сохранившееся описание всей территории страны – к 20-м годам XVII в., а подворные переписи, позволяющие с большой достоверностью определить численность населения – к концу этого столетия. Для XVIII в. мы имеем уже вполне точные цифры подсчета населения в материалах ревизий и, кроме того, великолепные по детальности и достоверности описания хозяйственной жизни страны, такие как материалы Генерального межевания.

¹ Хитров Дмитрий Алексеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; dkh@bk.ru.

² Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 8256.

Среди множества сложностей, встающих перед исследователями этих материалов, важное место занимает проблема несопоставимости административно-территориальных единиц разного времени, к которым, естественно, привязаны те или иные статистические данные. Она вполне преодолима: современные методы работы с историческими картами, основанные на их совмещении с современными посредством ГИС (т.н. «привязка»), позволяют сопоставлять разновременные территориальные единицы и, при необходимости, пересчитывать относящиеся к ним статистические данные [6; 3]. С этим связана растущая заинтересованность исследователей в подобных картах.

В принципе, желательно, чтобы постепенно такая работа привела к созданию детальных карт административно-территориального деления, связанных с каждым из используемых в науке комплексом массовых источников, отражающих ситуацию на момент проведения конкретного описания. Это, конечно, дело достаточно отдаленного будущего. Однако следует отметить, что базовое звено всей системы, уезды, были довольно стабильны (хотя, разумеется, частные изменения их границ время от времени происходили, особенно во вновь осваиваемых районах), и радикальная перестройка уездной сети произошла лишь единожды – в ходе серии преобразований, начатых губернской реформой 1775 г. и растянувшейся на следующую четверть века.

Таким образом, на сегодняшний день весьма актуальной задачей является получение электронных карт уездного деления на два момента – накануне и сразу после губернской реформы 1775 г. «Дореформенная» карта может затем, с необходимыми уточнениями, служить основой для реконструкции уездных границ более раннего времени; «пореформенная», также с обязательными коррективами – использоваться для сопоставления с данными XIX в. Кроме того, их сопоставление между собой может дать богатейший материал для понимания того, как была проведена губернская реформа, в какой мере она была сопряжена с разрушением существовавших территориальных связей и т.п.

Возможны два подхода к разработке таких карт. Первый состоит в том, чтобы реконструкция основывалась на списках населенных пунктов каждого из уездов, извлеченных из ревизских или межевых материалов. Так, применительно к материалам конца XVII – первой половины XVIII в., действовали Я.Е. Водарский и В.М. Кабузан, результаты гигантской работы которых по построению карт на момент подворной переписи 1678 г. и второй ревизии 1744 г., к сожалению,

так и остались неопубликованными. Плюсы такого подхода очевидны – состав поселений каждого уезда, в теории, должен строго соответствовать его расположению на карте. Очевидны, однако, и минусы – во-первых, не всегда удается точно соотнести названное в источнике поселение с определенной точкой на карте, а во-вторых, границы уездов очерчиваются вокруг составляющих его поселений и, следовательно, незаселенные пограничные территории, которые бывают довольно обширными (особенно на Севере) разграничиваются лишь условно.

Второй предполагает использование карт того времени; нами использован именно он.

Итоги реформы обобщены в атласе 1792 г., т.н. Атласе Вильбрехта³. Проблема, однако, состоит в том, что карты этого времени довольно далеки от современного уровня [2; 9], и их привязка не всегда дает результат ожидаемого качества [3]. Результаты инструментальных съемок Генерального межевания, уже довольно многочисленных к тому времени, были обобщены и использованы при его составлении лишь отчасти, так что детальность и точность картографического отображения заметно убывает по мере удаления от больших дорог и важнейших речных артерий [7]. К сожалению, это означает, что значительная часть уездных границ – а они, естественно, часто были привязаны к таким естественным препятствиям, как крупные лесные массивы или болота, – изображена весьма примерно.

Представляется, что в данном случае можно воспользоваться более поздними, но зато и более точными картами. В первую очередь внимание должен привлечь атлас, созданный в Генеральном штабе в 1820-х гг. – т.н. Атлас Пядышева⁴. Опыт «привязки» его карт показывает, что их точность существенно выше, чем у атласов XVIII в., границы уездов показаны детальнее, а искажения в основном связаны с погрешностями в определении долготы, естественными для дотелеграфной эры.

Как известно, уездная сеть, созданная к концу екатерининского царствования, была заметно трансформирована в павловское время – стремясь сократить расходы на государственный аппарат, правительство ликвидировало множество уездов, передав их земли соседним; в первые годы правления Александра I большинство павловских преобразований были отменены. Таким образом, хотя адми-

³ Атлас Российской империи, состоящий из 46 карт, изданный в граде Святого Петра, 1792 года. СПб., 1792

⁴ Географический атлас Российской империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского, расположенный по губерниям... СПб., 1821.

нистративное деление первой четверти XIX в. не полностью совпадает с екатерининским, отличия связаны не с уточнением границ, а со слиянием или разделением уездов, перераспределением между ними целых волостей, т.е. касались достаточно больших территорий. Едва ли названное перераспределение касалось отдельных порубежных поселений; еще менее вероятным представляется передел земель между отдельными порубежными селами, тем более что существующие исследования показывают, что такие межи были исключительно консервативны и нередко восходят к глубокой древности [8].

Таким образом, для реконструкции уездного деления 1792 г. мы применили следующий алгоритм: сначала была создана карта административного деления 1820-х гг. на основе «Атласа Пядышева», затем она была сопоставлена с картами Атласа 1792 г., и в тех случаях, когда очертания границ в целом совпадали (это так в подавляющем большинстве случаев), граница 1792 г. была отождествлена с границей 1820-х.

Сложнее дело обстоит с картой «дореформенного» деления. В основу ее реконструкции была положена большая серия печатных карт, подготовленных Географическим департаментом АН⁵. К сожалению, их комплект не составляет целого атласа, и в нем имеется масса пробелов. Так, из провинций Московской губернии есть только карта столичной, нет Нижегородской губернии, на карте Азовской отсутствуют границы многих уездов. Эти пробелы могут быть заполнены только с привлечением карт первой половины XVIII в., а также схем, созданных на основе исследовательских карт Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана [1; 5].

Кроме того, сопоставление дореформенной и пореформенной карт убеждает в том, что ломка уездных границ далеко не везде была

⁵ Географическая карта Московской провинции, сочиненная с генеральных уездных межевых планов попечением Межевой канцелярии членом коллежского советника Зенбулатова и инженер майором и над чертежною директором Горихвостовым 1774 года. М., 1774. Генеральная карта Смоленской губернии, на уезды разделенная. Сочинял Академии Наук Адъюнкт Я.Ф. Шмидт. СПб., 1773. Генеральная карта Астраханской губернии. Сочинял И. Трескотт. Б.г.; *Marra guberniae Orenburgensis. Comp. I. Trescott. Petropolis, 1772*; Генеральная карта географическая, представляющая Архангелогородскую губернию, на свои провинции разделенную. Сочинял Академии Наук Адъюнкт Я.Ф. Шмидт. СПб., 1773; Генеральная карта Псковской провинции, разделенной на пять провинций. Сочинял Я.Ф. Шмит. Б.г.; Генеральная карта Казанской губернии, сочиненная по новейшим известиям в 1779 году Федором Черным. СПб., 1779; Генеральная карта Азовской губернии с ея уездами, сочинения И. Исленьевым, 1872 году. СПб., 1872.

столь решительной, как принято считать. Как правило, разработчики реформы стремились сохранить существующие территориальные связи, и часто случается, что уездные границы по «старому» и «новому» делению совпадают на достаточно большом протяжении. Представляется, что в этом случае будет также корректно отождествить их с теми, что известны нам по Атласу Пядышева.

Таким образом, карта «дореформенного» административного деления в ее нынешнем виде представляет собой свод данных, полученных из довольно разных по детальности и достоверности источников. Тем не менее, как представляется, она «в первом приближении» передает очертания уездов, провинций и губерний и может уточняться по мере дальнейшей разработки массовых источников того времени.

1. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. Приложение.
2. *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук в XVIII веке. М.; Л., 1946.
3. *Голубинский А.А., Пахунов С.Н., Хитров Д.А., Черненко Д.А.* Историк, ГИС и русские карты XVIII века // Преподавание истории в школе. 2012. № 8.
4. *Кабузан В.М.* Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720-1770 гг. // Историческая география России XVIII в. М., 1981.
5. Национальный атлас России. Т.4. История. Культура. М., 2011.
6. *Пиотух Н.В.* О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII века и материалами Генерального межевания второй половины XVIII века // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции АИК / Ред. Л.И. Бородкин и В.С. Тяжелникова. М., 1996.
7. *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989.
8. *Степанова Л.Г.* Материалы Генерального межевания XVIII века как источник по истории крестьянского землепользования в России предшествующих столетий // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти акад. РАН Л.В.Милова. Москва, 17-19 ноября 2011 г. М., 2011.
9. *Фель С.Е.* Картография России XVIII века. М., 1960.

Судьба землемера. Степан Хрулев²

Генеральное межевание; законодательство; карты; планы; атласы; Экономические примечания; Степан Хрулев.

Датировка планов городов, уездных и губернских карт и атласов Генерального межевания представляет большие сложности; для решения этой проблемы привлекаются данные о подписавших эти документы землемерах, в связи с чем рассматривается жизненный путь произошедшего из солдатских детей Степана Хрулева, ставшего в конце жизни 3-м членом Вятской межевой конторы.

В ходе работы над созданием планов дач Генерального межевания начиная со второй половины XVIII в. создавались и разнообразные виды планов городов. Насчитывая по меньшей мере 9 видов, они представляют собой ценнейший источник по истории городского хозяйства Европейской части России второй половины XVIII – середины XIX вв. Но из-за формирования тематического фонда (РГАДА Ф. 1356 «Губернские, уездные, городские карты, планы, атласы») значительная часть планов городов (десятки по каждой губернии) оказались лишенными должного описания. Помимо исследования характерной для каждого времени планировки городов, источником для изучения которых и должны служить эти планы, датировка и описания планов городов стала возможной только с помощью изучения биографий людей, оставивших свои подписи на планах. В историографии, посвященной межеванию, вопросам подбора межевых кадров пока не уделялось подобающего внимания, тем не менее, как представляется, это один из краеугольных вопросов, начиная с которого нужно подходить к изучению его истории [1; 2; 6; 5; 4; 3]. В фондах Межевой канцелярии сохранились делопроизводственные документы, посвященные продвижению по службе каждого участника межевого процесса³.

¹ Голубинский Алексей Алексеевич, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), к.и.н.; alex.golubinsky@gmail.com.

² Выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00316 «Города Российской империи на планах Генерального межевания: Исследование и публикация источников».

³ Описание каждого человека проводилось по следующим параметрам: имя человека и имя руководителя землемерной партии, «из каких чинов и сколько от роду лет», «которого году, месяца и числа в службу вступили, где именно чинами происходили и нынешних настоящих чинах состоят», «не были ли кто

Ранее представлялось, что высокие чины межевого ведомства являлись выходцами из военных, как правило, артиллеристов, во всяком случае, людьми дворянского происхождения. Для значительного большинства руководителей межевания это так, однако это правило не является абсолютным. На планах городов Нижегородской губернии среди пяти подписавших план руководителей Межевой конторы имеется подпись и Степана Хрулева. Он заверил также планы городов и таблицы Генерального межевания по Костромской, Нижегородской, Оренбургской и Ярославской губерниям⁴.

Карьера Степана Савватеева сына Хрулева в межевом ведомстве началась в 1770 г. в возрасте 17 лет. Он происходил из солдатских детей⁵. Параллельно (с 1774 г.) он был определен в московскую гарнизонную школу, где получил знания об арифметике, геометрии, тригонометрии, фортификации и землемерии⁶. Такой набор дисциплин представлялся известной редкостью среди поступивших в межевое ведомство; для некоторых, особенно для молодых детей дворянского происхождения, набор изучаемых предметов ограничивался арифметикой, причем деление простых чисел указывалось как изучаемое в данный момент искусство. В то же время были и такие, для которых указывалось и знание «частью архитектуры», «межевая практика», «черчение планов». Важнейшей частью аттестата, определявшей во многом продвижение по службе, была характеристика добропорядочности аттестуемого, выдаваемая землемером. Несмотря на свою краткость, она не была полностью формализована⁷.

С самого начала молодому человеку был назначен оклад в 40 руб. в год (жалованье получилось тремя частями, вычитались суммы на госпиталь и на съестные припасы). Это был самый низший оклад из тех, которые были возможны для человека, принимавшего в ходе межевания ответственные решения, т.е. непосредственно участвовавшего в землеописании. Если сравнить этот оклад со всеми другими, то

в каковых подозрениях и не состояли ли под следствием», «чему обучали и ныне обучаются», «кто каким образом исправляет свою должность и производства достоин или зачем не аттестуется».

⁴ См. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 505 – 529; 795 – 850; 926, 927; 2072 – 2125; Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 2833 – 2960; 1799 – 1912 и многое другое.

⁵ Это поле также включало в себя и другие характеристики, например, «из малороссиян» (РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Ед. хр. 15. Л. 141).

⁶ Там же. Л. 138.

⁷ Например, «ко исправлением должности при меже от беспокойств воздержался и поведением изрядного и к производству в подканцеляристы достоин» (Там же. Л. 141) или «по должности рачителен и добропорядочен и с производением чина достойным аттестуется» (Там же. Л. 138).

это был далеко не самый низший предел – для сторожей в межевом ведомстве годовой оклад составлял в отдельных случаях около 3 руб. в год. Если говорить о верхнем пределе, то возглавлявший Межевую контору чиновник получал порядка 600 руб. в год.

Сохранившиеся формулярные списки свидетельствуют (сохранилось более 1400 записей о приглашенных в межевое ведомство), что более двух третей младшего землемерного состава (ученики, канцеляристы, копиисты) происходили из солдатских детей. Правительством на самом высоком уровне предпринимались все меры, чтобы заполнить острый дефицит в даже относительно грамотных кадрах, привлекая на вакантные места землемеров людей всех достоинств, кроме помещичьих крестьян⁸. Формирование корпуса землемеров происходило в начале межевания (1767 г.) из «способных» канцелярских служащих, которые «грамоте, писать, арифметике и черчению планов обучены»⁹. Срочная необходимость в кадрах была такова, что предполагалось объявить о привлечении на работу людей «свободного» состояния через газеты с указанием будущего оклада для способных канцеляристов в 60 руб. в год, суммой по тем временам немалой, а также выпускников гарнизонных школ. Таким образом, землемером мог стать и невоенный человек. Военные небольших званий становились на более ответственные посты, иногда до помощника землемера. Также среди начинавших межевую карьеру был существенный процент детей священнослужителей и молодых людей из горожан. Несмотря на огромное большинство солдатских детей, жизненный путь их складывался существенно иначе, чем, например, дворянских. Если для дворян дорога к получению должности помощника землемера (оклад 100 руб. в год) была открыта спустя год-два после начала службы¹⁰, то для солдатского сына «социальный лифт» «застревал» на уровне землемерного ученика первого или второго класса (60 и 40 руб. соответственно) лет на 5-7. Сравнение это корректно главным образом для солдатских и дворянских детей, поскольку подьяческие дети и дети священнослужителей, как правило, шли по канцелярской линии (копеист-подканцелярист-канцелярист...).

⁸ О смягчении правил приема свидетельствует законодательство межевания: ПСЗ. Т. XVIII. № 13090. С. 493; № 13093. С. 498; № 13245. С. 824–825; Т. XX. № 14592. С. 505.

⁹ Более подробно об этом см.: ПСЗ. Т. XVIII. № 12868. С. 81.

¹⁰ Средний срок произведения в землемерные помощники был определен межевым законодательством – это «двухлетняя практика» (ПСЗ. Т. XVIII. № 13093. С. 500).

Степан Хрулев практически сразу после поступления в межевое ведомство зарекомендовал себя с лучшей стороны. При составлении формуляра было отмечено, что он «должность свою исправляет с рачением, поведения доброго и с производением достоин». Руководитель его межевой партии землемер Бестужев ежегодно подавал прошения о производстве Хрулева, характеризуя его самым лучшим образом: «... добропорядочно арифметике, геометрии и часть фортификации обучен, в практике знающ и окружную межею при мне ходил исправно во многих дачах, на план наносит и оные копирует и иллюминирует порядочно, ситуацию снимает верно... был дважды представлен к повышению и увеличению оклада»¹¹, т.е. отмечалось, что Хрулев совершал осмотр внутренней ситуации дач, что формально должен был делать помощник землемера (его в партии землемера Бестужева не было). Хрулев был рекомендован к производству в следующий чин вместе с молодым дворянином первоклассным учеником Иваном Сергеевым, характеристика которого была намного скромнее. Тем не менее, эта рекомендация осталась без внимания. При рассмотрении дела одним из самых главных аргументов было то, что «...в партии его учеником из дворян Иван Сергеев и из солдатских детей Степан Хрулев». Сергеев был определен помощником к другому землемеру, а «об ученике Хрулеве когда будет командировка землемерам для межевания Тульской и Калужской провинций». В черновых вариантах решений Межевой канцелярии готовилось повышение Степана Хрулева на оклад 60 руб., но и этот вариант не прошел.

В марте 1775 г. Бестужев опять подал доношение на производство Хрулева в помощники, в этот раз не указывая его социальное положение. В апреле он получил оклад 60 руб., но остался тем же второклассным учеником, и только спустя некоторое время стал первоклассным¹². Замечено, что чем выше продвигался Степан Савватеевич по служебной лестнице, тем меньше упоминалось его социальное положение. Быть может, это было связано с тем, что с течением времени в условиях недостатка кадров все большее значение приобретали его профессиональные качества, а не происхождение.

Но рост по-прежнему был очень медленный. В 1776 г. он получил чин каптенармуса¹³ и ему «велено быть помощником», однако по более позднему документу видно, что этого не случилось – он был

¹¹ РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Ед. хр. 1798. Л. 2.

¹² РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Ед. хр. 2164. Л. 1–3.

¹³ РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Ед. хр. 15. Л. 152.

переведен в другую межевую партию тем же первоклассным учеником и лишь спустя некоторое время стал помощником¹⁴.

Ближайшее начальство не переставало хвалить Степана Хрулева, и в 1781 г. последовало следующее назначение – на этот раз уже на должность землемера с окладом 200 руб. в год. При выдвижении его кандидатуры сословная часть его характеристики уже не упоминалась – его фамилия упоминалась в документе наравне с военными¹⁵. Но при этом полностью занять должность землемера не удалось – он стал «в должности землемера помощником», как видно по документу уже нижегородской Межевой конторы, которая была создана из костромской¹⁶. Удалось это сделать ему только в 1787 г.¹⁷ В том же году он стал прапорщиком.

С 1790 г. Степан Хрулев стал исполняющим должность директора Нижегородской чертежной¹⁸. Таким образом, становится ясной нижняя граница датировки огромного количества итоговых материалов Генерального межевания, в которых он подписался – в конце 80-х и на протяжении всех 90-х гг. в чертежной Нижегородской межевой конторы была проделана огромная работа по созданию Генеральных планов уездов и губерний, подготовке планов городов и Экономических примечаний с табелями.

В 1792 г. Степан Савватеевич Хрулев стал подпорутчиком, а в 1797 г. провинциальным секретарем, по тогдашней практике передельвания военных чинов на штатские¹⁹. С 1798 г., когда была образована Оренбургская Межевая контора, он стал правящим должность директора ее чертежной и продолжил отвечать за сочинение генеральных уездных и губернских планов²⁰. 31 декабря 1797 г. он получил чин титулярного советника.

В 1804 г. он «за отменные труды воздаянием» полноправно занял директорскую должность²¹. При представлении особо отмечено, что при его непосредственном участии и руководстве была завершена работа по трем губерниям: Ярославской, Костромской и Нижегородской, через его руки прошло более 40000 планов. Им же были сочинены на эти три губернии генеральные уездные и городские

¹⁴ РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Ед. хр. 3031. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 4996. Л. 1-2.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 7648. Л. 1.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 15250. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 4 об–5.

¹⁹ См. более подробно: ПСЗ. Т. XXIII. № 17338. С. 705.

²⁰ РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Ед. хр. 15219. Л. 1–3.

²¹ Там же. Ед. хр. 15250. Л. 1 об–2.

планы и атласы в 234 частях со всеми геодезическими журналами, полными и краткими примечаниями и алфавитами дач и владельцев. Отмечается, что на Ярославскую и Костромскую губернии губернские карты были отосланы в 1800 г. За 6 лет работы в Оренбургской межевой конторе им было освидетельствовано 1099 планов, 443 скопировано и освидетельствовано. Объяснение задержкам в награждении землемера найдено в том, что губернские таблицы, а также Экономические примечания и генеральные планы уездов имели недостатки, главным образом из области оформления²².

При этом отмечено, что Хрулев никогда не был в отпуске, что, судя по более ранним документам, не совсем верно. Вполне возможно, что происхождение Степана Хрулева имело своеобразное отражение и в том, что ему удалось лишь два раза за всю жизнь побывать в отпуске, причем второй раз за несколько месяцев до смерти²³.

В 1806 г. титулярный советник, директор чертежной Оренбургской конторы Хрулев был награжден чином коллежского ассесора²⁴, при этом при обсуждении награждения указывалось, что он представлялся к награде троекратно²⁵.

1809 г. стал вершиной карьеры Степана Савватеевича – он стал третьим членом Оренбургской Межевой конторы²⁶, т.е. одним из тех немногих, кем определялись все земельные отношения в губернии. В 1810 г. он занял тот же пост в Вятской Межевой конторе, что было его последним местом службы. Только вследствие серьезной болезни Степан Хрулев в марте 1810 был вынужден попросить об отпуске²⁷, выйти из которого ему было уже не суждено. Он заявил о невозможности продолжения службы²⁸, и было начато делопроизводство о присвоении ему очередного чина, но оно не было завершено из-за смерти землемера 24 ноября 1810 г.²⁹

Естественно, что пример Степана Хрулева не может быть распространен на все землемерное сообщество, однако представление о землемере-лентяе и пьянице, дебошире и неплательщике, бытовавшее в конце XVIII – XIX вв., было справедливо далеко не для всех; плодами работ межевщиков были созданные в 90-е гг. XVIII в. разнооб-

²² Там же. Л. 6 об–8.

²³ РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Ед. хр. 9939 (старая нумерация, информация сохранилась лишь в виде отметки в описи) и 16094.

²⁴ Там же. Ед. хр. 10320.

²⁵ Там же. Ед. хр. 15250. Л. 1. См. также. Ф. 1294. Оп. 2. Ед. хр. 15331. Л. 2–5.

²⁶ Там же. Ед. хр. 15793.

²⁷ Там же. Ед. хр. 16094. Л. 1–35.

²⁸ Там же. Л. 27 об–28.

²⁹ Там же. Ед. хр. 16174. Л. 4.

разные картографические, текстовые источники по истории почти всей европейской части России.

1. *Герман И.Е.* История русского межевания. М., 1846.
2. *Кавелин С.П.* Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. М., 1914.
3. *Кусов В.С.* Измерение земли. М., 2009.
4. *Кусов В.С.* Памятники отечественной картографии. М., 2003.
5. *Милов Л.В.* Исследование об Экономических примечаниях к Генеральному межеванию. М., 1965.
6. *Рудин С.Д.* Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет. Пг., 1915.

УДК 94(47).066

С.Н. Пахунов¹

К вопросу о демографических последствиях эпидемии чумы в России в 1771-72 гг.²

Историческая демография; население; смертность; эпидемия чумы в XVIII в.

В статье рассматриваются некоторые последствия эпидемии чумы в России в 1771-72 гг., отразившиеся на половозрастной структуре населения страны, указываются возрастные группы жертв эпидемии обоих полов.

Эпидемии смертельных заболеваний, пересекающие континенты и уносящие с собой миллионы жизней, известны человечеству с древнейших времен, но ни одно заболевание не вызывало такого ужаса в людском сознании, как чума. Чума, появившаяся в Европе в XIV в., не обошла стороной Русь, и с тех пор неоднократно возникала вновь век за веком, оказывая колоссальное влияние на развитие общества. Чаще всего чума, приходившая в Россию из других стран – из Западной Европы или Турции и других южных стран – свирепствовала в пограничных городах, но не доходила до Москвы и центральных областей страны [3, с. 55]. Однако центру России не всегда удавалось избежать эпидемий, и тогда последствия для густонаселенных районов были самыми тяжелыми.

Одной из самых сокрушительных по своим последствиям эпидемией на территории Российского государства была «морская»

¹ Пахунов Сергей Николаевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп.; rvlife8@gmail.com.

² Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 8256.

язва», как называли чуму современники, поразившая Москву и другие области страны в 1771-1772 гг. О ней до нас дошли многочисленные свидетельства очевидцев и документы, что предоставляет для ее исследования достаточно обширный фундамент. Сложно сказать, была ли эта эпидемия чумы самой масштабной в истории России, поскольку масштабы потерь от предыдущей крупной эпидемии в центре страны, свирепствовавшей в 1654-1675 гг., можно оценить только предположительно [3, с. 59] и еще сложнее говорить о смертности во время средневековых эпидемий чумы в России. Но то, что эпидемия 1771-1772 гг. стала самой крупной в России в XVIII в., не вызывает сомнений.

В связи с чумным бунтом, ознаменовавшим отчаянное положение жителей города, отечественная историография рассматривала эпидемию 1771-1772 гг. преимущественно в контексте внутренней политики, либо как весьма существенный, но все же эпизод в развитии эпидемиологии. При этом исследователи в большинстве своем концентрируют внимание на смертности от чумы, которая оценивается по-разному: от 20 % до 34,2 % [2, с. 19] и даже до 64 % [3, с. 59] населения при 50-70 тыс. смертей. Такой значительный разброс оценок обусловлен тем, что исследователи не располагают точными данными о количестве населения, проживавшего в городе до эпидемии. Кроме того, в период «мора» множество жителей стремились покинуть охваченные эпидемией города и поселения, спасаясь от эпидемии, и, конечно же, разнося «моровую язву» в благополучные в этом вопросе районы, из-за чего чума не могла не появиться в других областях Центра и Юга России, несмотря на принимаемые властями карантинные меры.

Изучение демографических последствий эпидемии в литературе на сегодняшний день сводится к приблизительной оценке количества жертв. Исследования указывают также на экономические последствия чумы, в частности, на упадок московской промышленности по прошествии «мора» [1, с. 292].

Между тем источники позволяют оценить последствия чумы с точки зрения ее влияния на половозрастную структуру населения. В первую очередь речь идет о первичных материалах ревизий, которые давно исследуются как великолепный источник демографической информации [4; 5; 6; 8]. Особенную ценность представляют ревизские данные о смертности, которые активно изучаются в демографической науке [8].

В районах страны, пострадавших от эпидемии, правительство столкнулось с необходимостью определить потери среди населения в

результате эпидемии, чтобы скорректировать раскладку рекрутской и подушной повинностей. 30 октября 1772 г. были изданы два указа, первый из которых, названный «О сборе рекрут с тех селений, где заразительная болезнь была, не с положенного по ревизии, но с наличного числа душ»³, гласит:

«По причине бывшей в Москве заразительной болезни, повелели Мы, при последнем пред сим рекрутском наборе, со всей Московской Провинции тех рекрут вперед по указу не взыскивать, почему оные и числятся еще в недоимке, которую Всемилостивейше повелеваем уничтожить, а при нынешнем со 150 душ наборе собрать с тех селений, где та заразительная болезнь была, не с положенного по последней ревизии, но с наличного числа душ».

«О собрании из всех селений, где была заразительная болезнь, сказок о наличных людях»⁴ – второй указ, который предусматривал процедуру определения наличного числа душ. Согласно этому указу, местной администрации предписывалось подавать сказки по формуляру проведенной ранее – III ревизии: «Всемилостивейше повелеваем: во всех селениях, где была заразительная в прошлом году болезнь, подать, как скоро возможно, сказки о наличных на основании, как при последней ревизии таковыя сказки по всему Государству подаваны были, и по собрании оных сказок, изтребовать немедленно в Сенат перечневые ведомости». Таким образом, сбор сведений должен был быть организован по ревизскому принципу, с той лишь разницей, что перепись должна была охватить только часть территории государства.

В ф. 350 РГАДА «Ландартские книги и ревизские сказки» наряду с материалами I, II и III ревизий отложились и документы переписи 1773 г. Стоит отметить, что сохранились лишь небольшие фрагменты этой «послечумной» переписи, среди которых выделяется крупный документальный комплекс, связанный с переписью крестьянского населения Дмитровского у.⁵

Первичные документы ревизии 1773 г. по Дмитровскому у. содержат уникальный материал, который позволяет раскрыть влияние чумы на половозрастную структуру сельского населения, составляв-

³ ПСЗ. Т. 19. № 13.898.

⁴ ПСЗ. Т. 19. № 13.899.

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. №867-868. Кроме того, в ф. 350, имеются материалы по селениям других уездов, в которых ревизия населения хронологически была проведена после эпидемии чумы. К сожалению, эти материалы не охватывают значительных территорий, а ревизия в этих районах была проведена не одновременно, и в силу этого данные документы не могут быть приобщены к исследованию последствий эпидемии.

шего самую значительную часть жителей России того времени. Перепись 1773 г. затрагивала не все поселения Дмитровского уезда, а только те из них, в которых отмечались случаи заболевания чумой, как и говорилось в приведенном выше указе.

Перепись должна была зафиксировать убыль населения, однако по ее материалам не всегда возможно однозначно определить, умер ли человек от эпидемии, или же по естественным причинам. Различные переписчики по-разному отмечали факт смерти человека. Например, из предложения «умер в несчастное время в 1771 году» нельзя сделать однозначного вывода, о том, была ли смерть следствием чумы. Однозначным свидетельством в этом случае является смерть других членов семьи, которая позволит причислить наблюдаемый эпизод к последствиям эпидемии. Напротив, формулировка «умер заразительною болезнью» четко указывает на смерть от чумы. С небольшими отличиями указанные слова переписчиков наблюдаются во всей переписи, что придает источнику определенную специфику и ставит вопрос о необходимости коррекции данных.

Чтобы выявить демографические изменения, данные по ревизии 1773 г. в этом исследовании сопоставляются с аналогичными данными ревизии, начавшейся в 1762 г., материалы которой содержатся в этом же ф. 350⁶. Путем сплошного простора указанных дел было обнаружено, что в документах от 1762 г. и 1773 г. выделяются 22 поселений, которые представляется возможным сопоставить.

Всего в делах № 867 и № 868 сохранились данные по 103 селениям, исходя из этого, доля выборки составляет 21,4 % – то есть каждый пятый случай, имеющийся в источнике 1773 г., включен в исследование. По отношению к материалам «послечумной» ревизии выборка носит случайный характер, однако сама по себе она является сплошной – поскольку охватывает все селения из указанных материалов по обоим ревизиям, по которым представляется возможным провести сравнение.

В выборке случайным образом оказались представлены как маленькие деревни, численность населения которых составляет всего несколько десятков человек, так и крупные села с населением около трех сотен крестьян. Всего в этих поселениях, расположенных преимущественно в Берендеевском, Каменском, Повельском и Вышегородском станах, на момент переписи проживало, по приблизительным оценкам, около 2,5 тыс. человек обоего пола.

⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. №862-866.

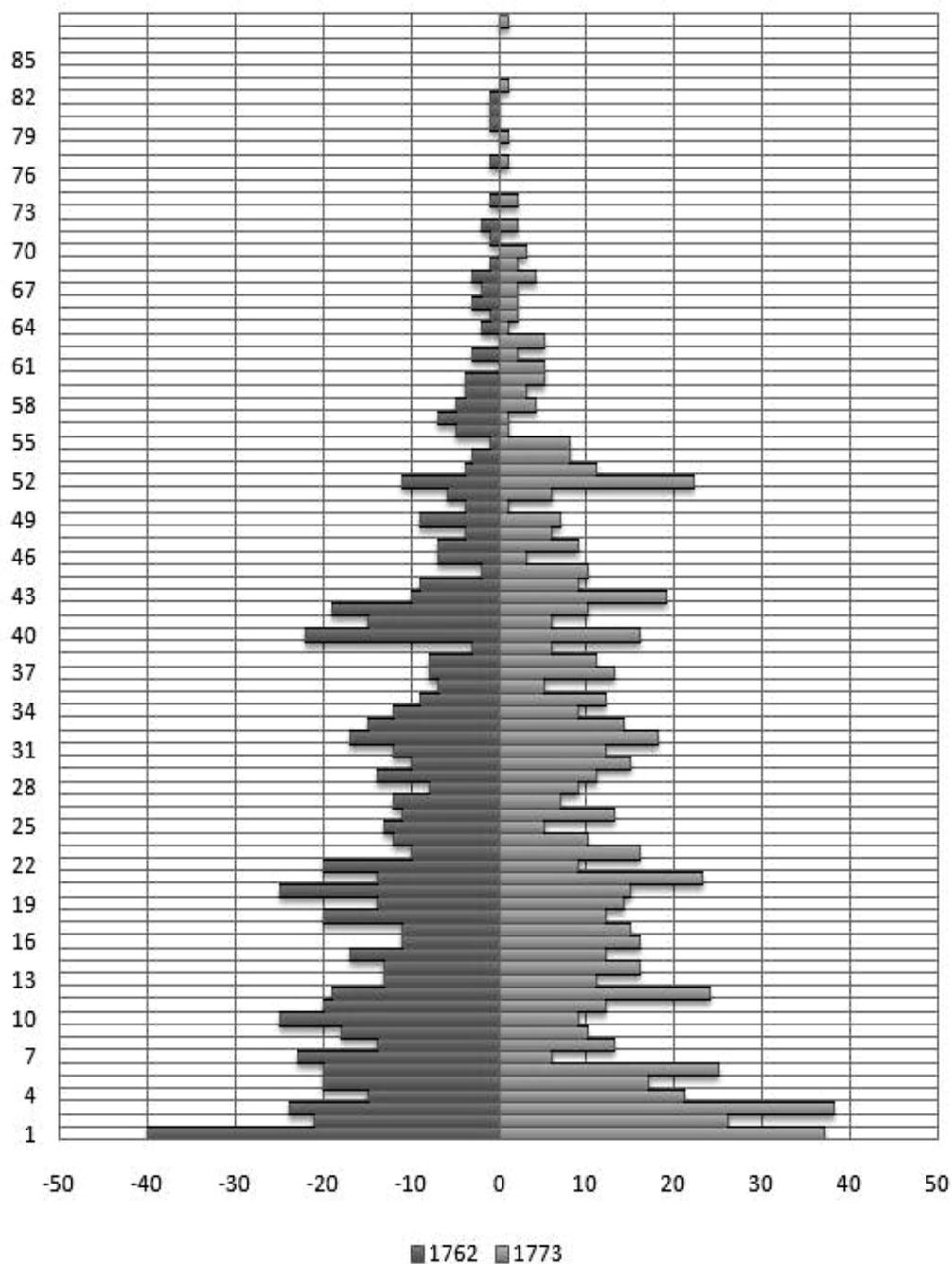
Полученные данные позволяют рассчитать ряд важных характеристик: количество семей во дворе, половозрастной состав: общий, двора и семьи, смертность различных возрастных групп населения, специфику в отношении мужской и женской его части и т.д. Еще современники отмечали определенные особенности эпидемии. Так, низкая смертность представителей социальной верхушки [1, с. 290] находит вполне очевидное объяснение в условиях жизни этой группы населения, доступности для нее средств, способных предохранить от смертельного заболевания, и возможности от него оградиться, переждать где-либо.

В.М. Нечаев приводит наблюдение, сделанное главным доктором госпиталя на Введенских горах Афонасием Шафонским из «Описания моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г.», вышедшего в 1775 г. Докторами было замечено, что «младенцы, молодые люди, сырого сложения и женщины скорее заражаются, нежели старого и сухого сложения мужчины» [7, с. 14], правда, объяснялось это тем, что «у первых тело мягче и поры более открыты». Эти наблюдения, конечно же, основываются только на личном опыте врачей, и на тот момент времени по этому вопросу не было произведено каких-либо подсчетов, однако материалы ревизии 1773 г. раскрывают возможности для научного поиска в указанном направлении.

Ниже представлены результаты подсчетов по 12 из 22 выбранных селений Дмитровского у., данные по которым были обработаны. Исходя из них, можно построить демографические пирамиды, характеризующие половозрастную структуру населения в самом общем виде. Диаграмма распределения по возрасту для мужской части населения в 1762 и 1773 году с погодной разбивкой приведена далее.

На обеих сторонах диаграммы явно прослеживаются пики с шагом в 10 лет, которые указывают на особенности ревизского учета, поскольку возраст многих записываемых крестьян указывался приблизительно и с округлением. Это является традиционным явлением для демографического учета неграмотного населения, часто неспособного точно определить собственный возраст. Очевидно, что форма диаграммы для 1762 года, близка к классической «пирамиде» со своими скачками и провалами, вызванными теми или иными явлениями.

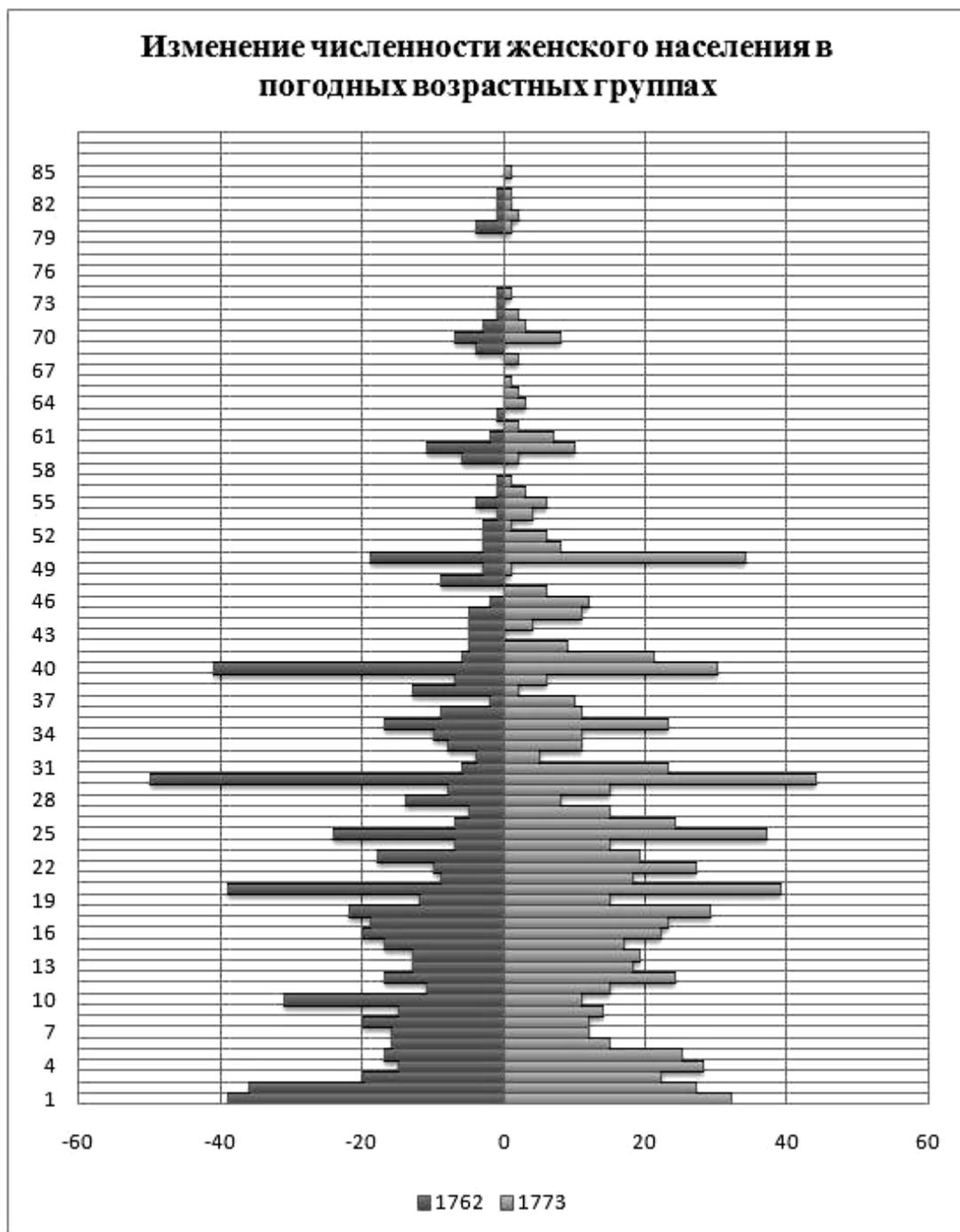
Изменение численности мужского населения в погодных возрастных группах

В то же время на диаграмме 1773 года резко выделяется провал, который образовался среди подростков в возрастных группах приблизительно от 4 до 12 лет, который, предположительно, может быть обусловлен влиянием эпидемии. При этом данные указывают, что эпидемия не затронула детей, родившихся непосредственно перед ней или в ее время. Стоит отметить, что в целом за указанные годы общая

численность мужского населения в 12 поселениях Дмитровского у. сократилась на 1 % – с 776 человек до 768 человек.

Аналогичная диаграмма для женской части населения имеет следующий вид:

Здесь еще более ярко выражено ревизское округление возрастов лиц женского пола на отметках в 10, 20, 30, 40, 50 и 60 лет. Сильнее заметен провал в подростковой группе от 5 до 12 лет, при этом традиционный пик учтенных в 10-летнем возрасте отсутствует. Общая численность населения женского пола за указанные годы в рассмат-

риваемых поселениях увеличилась на 16 % – с 769 человек до 949 человек.

Как можно было заметить, сохранившиеся данные ревизии 1773 года в сопоставлении со II ревизией указывают на то, что демографическая структура крестьянского населения Дмитровского уезда испытала на себе очень сильное отрицательное влияние определенного фактора, предположительно – от эпидемии чумы. Наибольшие потери понесла возрастная группа от 5 до 12 лет. Дальнейшая научная разработка данной темы позволит уточнить половозрастной состав жертв эпидемии и выявить факторы, которые могли обусловить ее распространение.

1. Балакина Т.И. Москва и ее население во время чумной эпидемии (1770-1772 гг.) // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV-XVIII веков. Тверь, 1999.
2. Балакина Т.И. Москва и ее население во время чумной эпидемии (1770-1772 гг.). М., 1989.
3. Васильев К.Г. История эпидемий в России. М., 1960.
4. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. М., 1975.
5. Кабузан В.М. Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII – первой половины XIX века (1719-1858 гг.) М., 1959.
6. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963.
7. Нечаев В.В. Чума 1771 года в Москве. М., 1911.
8. Троицкая И.А. Ревизии населения России как источник демографической информации (методологические проблемы). М., 1995.

УДК 930.24. 006.95

В.В. Канищев¹

Русский народный календарь и реальные погоды на Юге Центральной России в XVII-XX вв.²

История климата; народный календарь; Юг Центральной России.

В статье предпринята попытка сопоставить повседневные проявления погоды, отразившиеся в описательных источниках и инструментальных измерениях погоды отдельных отрезков XVII-XX вв. в разных частях Центра России, с

¹ Канищев Валерий Владимирович, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (РФ, Тамбов), д.и.н.; valcan@mail.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0953 и РФФИ, проект № НК12-06-00195/13.

Русским народным календарем, определить особенности этих проявлений в Окско-Донском междуречье.

Одним из направлений развития взглядов Л.В. Милова на роль климатического фактора в истории российского аграрного социума может стать изучение влияния на жизнь общества погодных явлений отдельных дней, сезонов, лет (термин погоды мы используем для обозначения длительных проявлений нескольких месяцев или целого года). Мы учитываем, что на людей действует не климат, а его отдельные ежедневные, а зачастую и ежечасные проявления, на обществе в целом больше сказываются те самые погоды.

Поскольку инструментальные измерения погоды в Центральной России начались не ранее XIX в., историкам приходится ориентироваться на косвенные данные о погоде предшествующих столетий. Литература по истории климата в России в большей мере ориентирована на изучение аномальных явлений. Но очевидно, что на людей и общество заметно влияет любая погода.

Важным подходом к изучению истории повседневных проявлений погоды может послужить их сопоставление с Русским народным календарем, закрепившим многовековые эмпирические наблюдения русского народа о связи погоды с конкретными днями, последующими сезонными и годовыми погодами (своего рода историко-климатический маркер).

Мы исходим из того, что народный календарь формировался в определенной части Восточной Европы и в определенный период истории. Историкам предстоит выяснить, на какой части огромной территории Европейской части России приметы народного календаря соответствовали реальным проявлениям погоды и на каких временных отрезках истории этот календарь оставался адекватным.

Наиболее подходящими источниками информации о погоде, дающими возможность сопоставлять реальную погоду с «красными датами» народного календаря, являются поденные записи. Авторы таких записей, как правило, не ставили перед собой задачу фиксировать явления погоды каждого дня, главным образом, обращали внимание на необычные и экстремальные явления. Но, учитывая редкость таких источников, приходится считаться с тем, что имеем.

Мы располагаем ограниченным кругом такого рода источников о состоянии погоды на Юге Центральной России (территория между Окой и Доном) в XVII-XVIII в. Применительно к XVII в. приходится сравнивать подробные подневные записи старого московского Центра России с отрывочными сведениями о погоде в более южном между-

речье Оки и Дона. Для середины – второй половины XVII в. существует такой уникальный источник, как дневальные записи приказа Тайных дел 1650-1670-х гг. [1]. Проведенный на данный момент анализ источника за 1657 и 1660 гг. показал высокую степень связи московской погоды с приметами народного календаря. В оба эти года во многом совпали приметы, связанные с 1 марта (новичком), которые предвещали дождливое лето (в летние месяцы в Москве было более 30 дней с дождями); теплым оказался день 17 марта (Алексей Теплый); день 27 марта (Матрены-настовницы, последний наст) стал началом устойчивого весеннего тепла и оседания снега; в день Сидора-огуречника (14 мая), как и гласили приметы, был последний холодный ветер; к Аграфене-купальщице (23 июня) после долгих теплых дней вода должна была прогреться в достаточной для купания мере; Ильин день (20 июля), как и положено, проявился теплом и дождями и т.д.

В качестве источника конца XVII в. мы проанализировали «Письма и бумаги Петра Великого». В это время Петр I часто бывал в южных районах Европейской России, в частности, в Воронеже. Так, 23 марта 1696 г. царь писал из Воронежа: «После великого дождя был великий мороз так крепкий, что вновь реки стали, за которым морозом дней с пять не работали; а ныне как три дня стало тепло» [5, с. 56]. Это значит, что день Алексея Теплого (17 марта) в том году на Юге Центральной России не совпал с народными приметами. 29 марта Петр сообщал, что «здесь после оногдашнего великого морозу паки великое водополье стало» [5, с. 59]. В начале апреля он отметил, что 7 апреля «по утру ост-винт великую стужу, снег и бурю принес» [5, с. 76]. Последние два факта говорят о том, что проявившееся под Благовещенье (25 марта) тепло оказалась неустойчивым, не началось «дружной» весны, а сроки половодья скакали (началось задолго до Антипы-половода, приходившегося на 11 апреля; затем под самый этот день выпал новый снег, который в условиях «стужи» вряд ли мог растаять быстро). По народным приметам, отсутствие полой воды на Антипу предвещало плохое, в смысле прохладное лето. Но на юге Европейской России в 1696 г., судя по некоторым данным, было жарко [5, с. 76]. Явная несообразность воронежской погоды и народного календаря проявилась и в начале марта 1700 г., когда вопреки примете о теплом новичке (1 марта) 2-го Петр в письме из Воронежа Ф.А. Головину сообщал: «Морозы зело великия, так что и работать нельзя» [5, с. 339].

В Москве того же времени погоды заметно отличались. В 1696 г., когда на юге Европейской России была жара, А.А. Виниус сообщал Петру о непогожем времени и стуже в Москве 2 июня [5, с.

76]. По народному календарю теплая погода должна была наступить в конце мая. О стуже в Москве 16 июля Виниус писал царю и в 1695 г. В Азове в это же время Петр отмечал «жары великие» и «ветры непрестанные» [5, с. 44]. 3 сентября 1697 г. Виниус поведал Петру о «великих дожах и грязях», хотя на Семена (1 сентября) обычно начиналось сухое и теплое «бабье лето» [5, с. 201]. Все эти факты соответствуют предположению известного климатолога В.В. Клименко о том, что последнее десятилетие XVII в. было самым холодным в Северной Европе [6]. Пожалуй, самым ярким подтверждением это гипотезы служит факт из письма юного царя матери о том, что в 1689 г. Переяславское озеро (не намного севернее Москвы) вскрылось только 20 апреля. По народному календарю Тит-ледолом приходился на 1 апреля [5, с. 11].

На юге Центральной России, судя по воронежским погодам некоторых из 1690-х лет, весенние месяцы также явно не отличались теплом, хотя здесь очевидны резкие перепады тепла и холода.

Для периода конца XVIII в. мы изучили дневниковые записки А.Т. Болотова, отразившие погодные реалии г. Богородица Тульской губернии, находившегося, хотя южнее Москвы, но все-таки еще не на Окско-Донской низменности [2]. В записках зафиксированы существенные совпадения погодных явлений данной местности с народным календарем. Так, масленица пришлась на 2 марта, и «во всю масляницу стояла наипрекраснейшая, ясная погода: не было ни слишком холодно, ни слишком тепло» [2, с. 83]. Это совпало с народной приметой о теплом 1 марта (новичке). Абсолютно совпал с народным календарем день 17 марта (Алексей-с-гор-потоки), когда «вдруг и наискоропостижнейшим образом сделалось тепло, переменилась погода: прилетел теплый ветер; снег размяк и тотчас, и с такою скоропостижностью, стал везде претворяться в воду, что к вечеру уже потекла с гор вода» [2, с. 114]. Можно считать совпадением с народным календарем и погоду на Благовещение. А.Т. Болотов 23 марта писал о чудном начале весны в сей год, когда часто выпадавший снег быстро таял. Мемуарист восклицал: «Не будет после засуха» [2, с. 124]. В дальнейшем тексте дневников упоминаний о засухе нет.

Наблюдения А.Т. Болотова можно сравнить с материалами периода наместничества в Тамбове Г.Р. Державина конца 1780-х гг. Прямых наблюдений за погодой он не вел, и мы можем воспользоваться косвенными данными. Противоречила народным приметам «нехорошая» погода в Тамбове 1786 г., когда в июле шли «великие дожди» [4, с. 47]. Интересны свидетельства о том, что после прохладного и дождливого лета и такой же первой половины осени того года

внезапно ударили морозы, а к середине ноября потеплело, и до 14-го шли дожди [4, с. 157]. С реальной погодой явно не совпали такие праздники, как Семенов день – начало «бабьего лета», Матрена зимняя (9 ноября), когда зима твердо встает на ноги и т.д.

Поздняя весна 1787 г. в Тамбове «проскочила» все мартовские народные праздники. Вице-губернатор Ушаков 26 марта (сразу после Благовещенья) сообщал Державину о невозможности копать ямы для кирпичных печей «по причине мерзлой земли» [4, с. 78]. С другой стороны, уже в августе 1787 г. было холодно. Тамбовские и липецкие строители в середине месяца говорили о невозможности работы из утренних и вечерних заморозков, от которых «глина стала очень холодна» [4, с. 85]. Эти и другие проявления погоды в Тамбовской губернии конца XVIII – начала XIX в. дают основания предполагать, что «малый ледниковый период» в Восточной Европе тогда еще не закончился.

Погоду на Юге Центральной России можно изучать по дневникам помещика Лебединского уезда А.И. Штейна с элементами инструментальных измерений [3]. Анализ записей за 1840-1850-е гг. показал, что погодные явления лета и зимы в регионе обычно совпадали с народным календарем. Весной и осенью таких совпадений было значительно меньше. Весной совпадения начинались обычно во второй половине апреля (особенно Егорий весенний, 23 апреля). Но нередко первый сев на Юге Центральной России начинался раньше соответствующего времени народных примет. Осенью почти ежегодно в Тамбовской губернии совпадал с народным календарем Семенов день как начало «бабьего лета».

Особый интерес представляют замечания самого Штейна о совпадении реальной погоды и народных примет. В 1848 г. на Воздвижение (14 сентября) подул северный ветер, что совпало с народной приметой о конце «бабьего лета»; в 1852 г. 19 апреля прошли «снег и вьюга, какие редко бывают среди зимы» и не совпала примета о том, что «езда на санях должна кончиться или за неделю до Благовещенья, или через неделю спустя него»; в 1856 г. первая половина ноября была обыкновенной и поговорка «введенье ломает леденье» сбылась, а в 1853 г., в холодном ноябре, пословица не сбылась. Самое интересное наблюдение И.А. Штейн сделал в феврале 1854 г. Рассуждая о непонятности перемен погоды, он писал: «Но вот истинный казус: по народным преданиям первые дни первой недели великого поста непременно сопровождаются снегом и наблюдения мои подтверждают эту примету. Разность в первых неделях бывает целый месяц...».

Первые результаты анализа ежедневных погодных измерений по Тамбову (данные о температуре весенних месяцев 1958-1995 гг.) говорят об их сходстве с наблюдениями Штейна в плане несоответствия реальных погодных проявлений с мартовскими праздниками народного календаря и совпадении с народными приметами по апрелю³. Заметное отличие наблюдений середины XIX в. и второй половины XX в. на данной стадии нашего анализа проявилось в более раннем (с конца марта) совпадении народного календаря и современной погоды.

Итогом наших исследований в их нынешнем состоянии стала гипотеза о том, что народному календарю наиболее соответствовала погода Москвы, которая была центром формирования русского народа. Имеющиеся данные о погоде на территории между Окой и Доном говорят о ее заметном отличии от московской и, самое существенное, большей разбалансированности относительно народных примет.

1. Белокуров С.А. Дневальные записи Приказа Тайных дел 7165-7183 гг. М., 1908.
2. Болотов А.Т. Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1990.
3. Записки Лебединского общества сельского хозяйства за 1852 год. Ч.1. М., 1853. и др.
4. Мещеряков Ю.В. Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности (1786-1788). Тамбов, 2006.
5. Письма и бумаги Петра Великого. Т.1. СПб, 1887. Т. 1.
6. Слепцов А.М., Клименко В.В. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // История и современность. М., 2005. № 1.

³ http://www.atlas-yakutia.ru/weather/climate_russia-I.html.

«Травники» и «помясы». К вопросу о деятельности Аптекарского приказа (1629-1645 гг.)

Аптекарский приказ; история медицины; XVII в.; травники; помясы; лекарственные растения.

В статье сделана попытка исследовать вопрос об использовании труда «помясов» (служащих дворцовых приказов) в качестве «травников» (сборщиков лекарственных растений) в первой половине XVII в., а также выявить особенности употребления терминов «травник» и «помяс», рассматриваются проблемы взаимодействия Аптекарского приказа с дворцовым ведомством в процессе организации снабжения приказа растительным сырьем, необходимым для производства лекарств.

Важный пласт истории взаимодействия человека и природной среды в российском обществе XVII в. может быть выявлен при обращении к истории медицины, в частности – практики сбора и использования лекарственных растений.

Государственным учреждением, ведавшим, помимо прочего, организацией сбора растительного сырья для производства лекарств в своих «лабораториях», был Аптекарский приказ – медицинское ведомство XVII в. Делопроизводственная документация² этого приказа содержит в себе достаточно многочисленные сведения по этой теме.

Сбором «трав и кореньев» для Аптекарского приказа занимались «травники». В некоторых документах они также именуются «помясами». Иногда эти два слова употреблялись вместе, рядом: «помясы травники».

Слово «травник» является производным от слова «трава». Исследовательница медицинской терминологии в документах Аптекарского приказа О.Г. Олехнович полагает, что «значение этого слова как термина еще можно считать неопределенным, поскольку не произошла окончательная дифференциация значений слов *лист* и *трава*. *Трава* большей частью объединяет эти понятия» [курсив автора – К.Х.] [5, с. 3]. Также термин «травник» применялся для обозначения справочника лекарственных растений.

¹ Худин Кирилл Станиславович, Российский Государственный Гуманитарный Университет (РФ, Москва), асп.; khudin1988@yandex.ru.

² РГАДА. Ф. 143. Аптекарский приказ; Ф. 396. Архив Оружейной Палаты; Ф. 141. Приказные дела старых лет; Ф. 159. Приказные дела новой разборки.

Менее понятно значение термина «помяс». Так именовали того, «кто месит тесто или смешивает продукты при приготовлении пищи», а также человека, который «собирает лекарственные травы и путем смешивания делает из них лекарства; провизор (?)» [7, с. 45]. Однако последнее определение вызывает сомнения. По всей вероятности, возникали они и у авторов словаря (и потому оно сопровождается вопросительным знаком). Составители в этой части определения отсылают к тем же документам Аптекарского приказа, что несколько не проясняет значения термина в связи со сбором трав. И.И. Срезневский в своем словаре также предположительно объясняет значение этого слова как «мясник (?)» [4, с. 1176], что, вероятно, еще дальше от истины.

Употребление этих терминов в тексте рядом может, на наш взгляд, свидетельствовать о том, что имеет место уточнение.

Источниками, позволяющими уточнить некоторые детали деятельности «травников» и «помясов», а также содержание и соотношение этих терминов, в данной работе стали памяти 1630-х –1640-х гг. из Аптекарского приказа в приказ Большого Дворца о присылке травников (помясов) и о выдаче им жалования (поденного корма) и памяти в Конюшенный приказ с требованием выдать лошадей каждому травнику.

Впервые упоминание о сборе растительного сырья встречается в документах Аптекарского приказа в памяти в Приказ Большого дворца 10 марта 1630 г., где велено было «собрати с московских сел в масло попилемово пол осмины шишок осокорных» [1, с. 4]. Однако в документе не указано, кто должен осуществлять сбор.

3 апреля того же года памятью в приказ Большого дворца требовалось «давати обтекарскому приказу травником ... корм по Государеву указу Апреля с 1-го и вперед до Государева указу» [1, с. 4-5]. Четверо травников, упомянутых в документе, – Иван Федоров «с товарищи» были «посланы ... в лес для трав и коренья и цветов». Спустя 5 дней, 8 апреля, Аптекарский приказ требует у Конюшенного выдать четырем травникам «по лошаде на все лето» [1, с. 5]. Обратим внимание на то, что в обоих источниках отмечается их принадлежность к Аптекарскому приказу, возможно, поручение было дано служителям именно этого приказа.

7 апреля следующего 1631 г. была послана «память в болшой дворец велено дать в оптекарской приказ четырех ч(е)л(о)в(е)к травников»³. 26 апреля вновь «Послана память в болшой дворец велено давать травником Устину Семенову с товарищи четырем ч(е)л(о)в(е)-

³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 50.

ком корм по указу»⁴. Необходимо отметить, что в этих документах речь идет о присылке травников из Приказа Большого дворца. Можно предположить, что свои травники, упоминавшиеся выше, по какой-либо причине в тот момент отсутствовали.

В апреле 1632 г. в источнике впервые появляется термин «помяс» (впоследствии это слово неизменно присутствует в данном контексте), который соседствует со словом «травник»⁵. В памяти в Конюшенный приказ о выдаче лошадей впервые названы поименно все четыре травника: Митка Иванов, Ивашка Ларионов, Семка Иванов и Степашка Фомин⁶. Указана и цель их поездки – «посланы оне в лес для земляных орешков»⁷. Вероятно, можно говорить и о том, что складывается некая бюрократическая традиция – в источниках имеет место ссылка на прошлый опыт: «против прошлого ... года»⁸ и «против преждево»⁹.

В апреле 1633 г., кроме упоминавшихся ранее И. Федорова (1630) и С. Фомина (1632), мы встречаем имена и других травников-помясов: Ивашки Павлова, Илюшки Матвеева¹⁰. Документ плохо сохранился, и та часть листа, где может идти речь о служебной принадлежности травников, утрачена.¹¹ Судя по размеру утраченного фрагмента, там вряд ли могли уместиться слова «обтекарского приказу», как в памятях 1630 г. Слово «помяс» в этом контексте, видимо, еще не закрепилось в бюрократическом обороте, в черновике оно написано над строкой и другим почерком, нежели весь документ.

Посылались травники также в лес за земляными орешками, но, насколько можно судить, не на все лето, как раньше, а «на три дни ... апреля с 1 дня»¹² и «апреля с 1 числа и вперед и до государева ука-

⁴ Там же. Д. 51.

⁵ Там же. Д. 71.

⁶ Там же. Д. 72.

⁷ Под «земляными орешками» понимались корни «некоторых [лекарственных] растений, напоминающих по форме небольшие орехи» [6, с. 67].

⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 71.

⁹ Там же. Д. 71а.

¹⁰ Там же. Д. 103.

¹¹ Там же. Д. 103. («По Гдрву Црву и великого князя Мих[аила] Федоровича всеа Ру[сии] указу] князю Олексею Мих[аиловичу] Лвову да дь[ком] Гарасим[у] Мартемьянову да] Максиму Чиркову [велети им да(ва)ти] травником помясом Ивашку Федорову, Стенке Ф[о]мину, Ивашку Павлову, Илюшке Матвееву корм»)»

¹² Там же. Д. 102.

зу»¹³. Формулировка «на лето до государева указу», в одном из документов зачеркнута¹⁴.

Сведений о травниках-помясах за 1634–1642 гг. обнаружить не удалось, т.к. документы в фонде Аптекарского приказа за указанный период не отложились.

За 1643 г. сохранился только один документ по интересующей нас теме – память в приказ Большого дворца, датированная, как и все предыдущие документы, апрелем, о присылке «в Аптекарский приказ к боярину к Федору Ивановичю Шереметеву четырех человек помясов», которых следовало «по государеву указу посылать ... в поле для трав и коренья»¹⁵.

В апреле 1645 г. Приказу Большого дворца поручается прислать в Аптекарский приказ «четыре помясов». Здесь впервые упоминается место их службы: «Кормового дворца помясы Федька Устинов да Куземка Степанов» и «Илюшка Матвеев [и] Омелька Иванов» – помясы Хлебного дворца. Они были посланы «в поле для трав и коренья», «для трав и травных цветов» [1, с. 101].

15 мая 1645 г. послана память в приказ Большого дворца о выдаче травникам «поденного корма» «по прежнему государеву указу апреля з 21 числа». В этот документ сначала были вписаны имена всех четырех вышеназванных травников, но затем «Куземка Степанов» и «Омелька Иванов» зачеркнуты, а над строкой вписано «дву ч(е)л(о)в(е)ком»¹⁶. Из черновой памяти в то же ведомство, датированной уже 9 июня, мы узнаем, что жалование выдается другим травникам – «Митке Елисееву, Фомке Т[и]мофееву, которые присланы [в аптекарской приказ]»¹⁷ на перемену», вместо К. Степанова и О. Иванова, которые, по-видимому, так и не приступили к своим обязанностям.¹⁸ Жалование новым травникам надлежало выдать с 20 мая. Но уже в июле того же года Аптекарский приказ потребовал прислать из приказа Большого Дворца «на перемену травникам Федки Устинова, Митьки Елисеева, Фомки Тимофеева трех человек помясов *добрых* (курсив мой – К.Х.)» [3, с. 577–578]. Причиной тому было то, что они «не радели, пили и гуляли, трав и коренья привозили помалу». Вместо них были посланы двое «травников помяса Кормового Дворца Мишка [...] Захарко Павлов, Хлебного дворца Бориско Лукьянов».

¹³ Там же. Д. 103.

¹⁴ Там же. Д. 104.

¹⁵ Там же. Д. 139б.

¹⁶ Там же. Д. 187.

¹⁷ Вписано над строкой.

¹⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 194.

Следует отметить, что «травники», равно как и «помясы», не значатся ни в одной обнаруженной росписи чинов Аптекарского приказа [1, с. 12-13, 61; 2, с. 129-131; 3, с. 578]. Более того, если должность «помяса» действительно существовала в системе дворцовых приказов, то слово «травник» обозначало лишь функцию, которую могли выполнять люди различной профессиональной принадлежности и разного социального статуса: крестьяне, посадские люди, сторожа и др. Все они, так или иначе, в различное время принимали участие в сборе растительного сырья для Аптекарского приказа.

1. Матерьялы для истории медицины в России / Под. ред. Н.Е. Мамонова. Вып. 1. СПб., 1881.
2. Матерьялы для истории медицины в России / Под. ред. Н.Е. Мамонова. Вып. 2. СПб., 1883.
3. Матерьялы для истории медицины в России / Под. ред. Н.Е. Мамонова. Вып. 3. СПб., 1884.
4. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 2.
5. *Олехнович О.Г.* Медицинская терминология в «Делах Аптекарского Приказа, XVII в.». Автореф...дисс. ... канд. филологических наук. Екатеринбург, 2000.
6. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1987. Вып. 13.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1991. Вып. 17.

УДК 94 (47)

Ю.А. Мизис, П.К. Напольникова¹

Бортные ухожья как форма заселения и освоения южнорусского пограничья в XVI – XVII вв.²

Мед; ухожья; оброк; заселение юга России; лес.

В статье рассматривается история формирования бортных ухожьев на юге России и их влияния на заселение пограничных территорий, особенности ведения там бортного промысла.

В российской историографии закрепилось положение о колонизации окраин в XVI – XVII вв. методами государственного регу-

¹ Мизис Юрий Александрович, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (РФ, Тамбов), д.и.н.; goshist@tsu.tmb.ru.

Напольникова Полина Константиновна, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (РФ, Тамбов); nappolina78@yandex.ru.

² Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашения 14.В37.21.0953 и В 37.21.0009.

лирования в виде создания системы сторожевой и станичной служб и строительства города и создания сельских населенных пунктов [2; 3; 4]. В то же время явно недостаточно обращалось внимание на такую форму освоения новых территорий как бортный, рыбный и пушной промыслы, которые несли в себе как элементы правительственной, так и вольной колонизации.

Заселение юга России в XVI – XVII вв. шло в несколько этапов. Сначала к концу XVI в. была освоена полоса лесостепи по линии Шацк, Ряжск, Данков, Курск, Воронеж, Белгород [4]. Население этих южных уездов получило право не только на получение земельных наделов для пашни и сенокосов, которые находились вблизи населенных пунктов, но и на бортные ухажья, расположенных за 100-150 км от селений. Эти территории Россия считала своей собственностью и выделяла их от царского имени в оброк любому желающему. Ежегодно владелец должен был подтверждать право на собственность и выплачивать оброк, чаще всего натуральный, за право эксплуатации ухажая в Приказ Большого дворца. Регулярно посещая свои бортные владения, местные крестьяне и служилые люди осваивали их, считая своей собственностью.

В последующем, когда начался второй этап освоения южно-русского поля после строительства в 1635 г. г. Козлова и создания сплошной линии укреплений от Ахтырки до Волги, на эти земли пришли русские переселенцы, создавая здесь новые населенные пункты, распахивая пашню и сенные покосы. Линия бортных владений полностью переместилась в районы рек Битюг, Хопер, Матыра, Ворона и их притоки.

С начала нового этапа освоения южнорусских степей с 1696 г. после взятия русской армией Азова вся огромная территория между речья низовьев Волги и Дона стала быстро осваиваться переселенцами, которые в местах бывших ухажав стали создавать новые населенные пункты, заниматься традиционными видами сельскохозяйственной деятельности. С учетом незначительного количества лесных массивов в этом регионе бортное пчеловодство как массовое явление было свернуто и начался переход на пасечный промысел.

Бортный промысел был издревле широко развит у многих оседлых народов, в том числе у русских и мордвы. Слабая заселенность севера и центра Русского государства, наличие больших лесных массивов создавали благоприятные условия для развития бортничества. Бортничество, занимавшее важное место среди промыслов в раннее средневековье, не потеряло своего значения и в XVI – XVII вв. Мед оставался одним из необходимых продуктов – единственным сладким

сахаристым веществом для питания и важнейшим сырьем для производства алкогольных и прохладительных напитков. Кислый мед являлся одним из важнейших видов алкогольной продукции, использовался в государевых питейных заведениях для продажи населению [1]. Воск широко применялся как осветительный материал, при изготовлении сургуча, некоторых видов смол, использовался для вощения нитей для придания им прочности, для покрытия ружей и других металлических предметов для предохранения от ржавчины, в медицинской практике.

Мед и воск служили важнейшими предметами внутреннего обмена и одними из основных статей экспорта. Можно сказать, что это была нефть Московского государства того периода. «Мед и воск, находимые везде в лесах... в таком изобилии, что русские, кроме того, что потребляют сами первые на варку напитка медового, а второй на восковые свечи... излишек огромными частями продают в другие земли», – отмечал Адам Олеарий в 1639 г. [8]. По словам Флетчера, мед в значительном количестве шел из мордвы и Кадома, близ земли черемис, а так же из муромских и рязанских земель [9]. Территории с развитым бортничеством представляли исключительную ценность и большой интерес как для государства в целом, так и для крупных феодалов, в частности.

Бортный ухажай был формой экономического освоения мало-заселенной или совсем не заселенной территории. Особенность бортного промысла требовала достаточно большие размеры владений, входивших в состав бортного ухажая. Кроме добычи меда диких пчел в таких угодьях давали разрешения на ловлю рыбы и охоты на диких зверей. Здесь же строились временные строения для проживания бортников во время промысла.

Крупнейшим владельцем бортных угодий в XVII в. на юге Русского государства была Верхоценская волость Шацкого уезда. Находившаяся ранее во владении темниковских татар, с 1622 г. Верхоценская волость становится вотчиной матери царя Михаила Федоровича, великой старицы иноки Марфы Иоанновны. На обширной территории Верхоценской волости от верховьев реки Цны до ее устья, заселенной как русскими, так и местной мордвой, располагалось более 700 бортных владений. Бортным ухажаем назывался участок леса с большим или меньшим количеством бортей – деревьев с одной или несколькими пчелиным семьями. В одном бортном ухажее могли находиться борти, принадлежавшие бортикам разных сел и деревень. На бортных деревьях, а также на деревьях, предназначенных для бортей, делались топором зарубки – натёсы, свидетельст-

вующие о том, что борти принадлежат определенному владельцу. Границы самих же бортных угодий определялись географическими объектами – речками, возвышенностями, конкретными рощами и др.

Наряду с бортным промыслом население юга России уже в XVII в. переходило на разведение пчел в ульях. Об этом говорят многие документы. Так во время следствия по поводу восстания в г. Козлове воеводе Р.Ф. Боборыкину было предъявлено обвинение по поводу присвоения 300 ульев конфискованных у местных служилых людей [6, с. 250-251]. Однако почти до конца XVII столетия бортные ужожаи являлись основным способом добычи меда в крае.

В хозяйственном ведении каждого населенного пункта Верхоценской волости находилось более десятка бортных угодий. Причем, территориально от самого села или деревни бортные ужожаи могли находиться на расстоянии сотен километров. Так, крестьяне сельца Сыровели и деревни Шаморги ходили в Тамбовской ужожей на реке на Цне³ – это порядка 150-160 км, бортники деревни Пенков ходили в бортной хаперской ужожей «от устья реки Тумалы на низ по Хопру по обе стороны...»⁴ – 250-260 км, к деревне Борки относился «бортной аржанской и понбинской ужожей на реке на Вороне»⁵ [9] – на расстоянии 180-190 км. Такие большие расстояния от населенных пунктов до владений объясняются, в первую очередь, характером самого промысла. На достаточно большой территории в 50-60 км² бортного ужожья могло находиться только 10-12 бортных деревьев с пчелиными семьями.

Поиск пригодных для создания бортей деревьев, а так же сочетания ряда географических факторов – наличие естественного водоема недалеко от бортных деревьев, участков леса и степи, богатых медоносами – уводили бортников далеко от дома. Бортное ужожье – довольно сложное хозяйство. Оно включало борти, в которых жили пчелы, и борти без пчел, деревья-холостцы, пригодные для бортей, но еще не выделанные бортниками. Таких могучих толстых деревьев было в то время «несчетно», но они держались на примете и в любое время могли стать бортным деревом.

Приход в Верхоценскую волость русского населения с северных территорий, мордовского населения других уездов, появление новых русских и мордовских сел, а так же естественный прирост населения – все это заставляло искать и осваивать новые пространства. Как видно

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6034. Копии с Шацкой писцовой книги Федора Чеботова 131 года. Л. 234.

⁴ Там же. Л. 239.

⁵ Там же. Л. 243.

из описаний бортных ужожаев Верхоценской волости, располагались и географически идентифицировались они по рекам. Так, например, «Сельца Сыровели и деревни Шаморгиной и деревни Турсопки поп и крестьяне ходят в бортные ужожья в Шаморской и Осеннинской, в Томниковской, в Илюсовской, Мельтисева, Ажасевской на реке на Цне по обе стороны реки Цны, да на речке на Керемсе по обе стороны и по верхней Керемсе, да на речке на Сарыевой по обе стороны, да на речке на Кравце по обе ж стороны да на речке на Островке по обе ж стороны, да в залеской ужожей на речке на Ньюбева по обе стороны, да на речке на Ките по обе ж стороны и с дубравы и с липягами в Каргедимской ужожей...»⁶.

Возможно, именно по рекам добирались бортники до отдаленных ужожаев, и по рекам шло освоение новых территорий. Эта непосредственная связь с речной системой способствовала развитию и подсобных промыслов – рыбной ловли и охоты на речных зверьков – бобров и выдр. Об этом свидетельствует и упоминание в документах о взимании водяного оброка с ужожаев – «... да с рилгужа калининского ужожья, в том турманском бортном ужожье на реке на Выше рыбная тоня,... да с реки с Выши и с Кашмата платят водяной оброк»⁷. Кроме того, помимо водяного оброка, с угодьев взимались «куничные деньги», что указывает и на охотничье-промысловую функцию ужожаев.

Владельцами бортных угодий выступали не только дворцовые крестьяне, но и монастыри. Так в 1640 г. встал вопрос об обмене бортного Хоперского ужожая на р. Вороне при впадении ее в Хопер от игумена Троицкого Цнинского монастыря Нифонта крестьянам с. Керша Верхоценской волости⁸. В этом же году Мамонтова пустынь на Цне получила часть Вяжельского ужожая по р. Вороне⁹. Их старцам крестьянин Клемен Спиридонов завещал половину своей рыбной ловли. Длительная эксплуатация бортных угодий приводила к возможности передачи их по наследству своим родственникам или продаже другому владельцу. В 1645 г. крестьянин Покровской слободы г. Тамбова Михаил Сухосеря продал государеву вотчину Кершинский и Хмелинский ужожаи на р. Цне крестьянам села Кулеватово и д. Ордашевы за два 2 руб.¹⁰ Сюда же входили ястребиные гнезда, лосиные и козьи стойла, бобровые, кабаньи, лисьи и куничные охотничьи угодья. По приезду писцов для переписывания вотчин надо было переписать

⁶ Там же. Л. 234.

⁷ Там же. Л. 236.

⁸ Там же. Ф. 281. Д. 12123. Л. 1-2; Д. 12124. Л. 1; Д. 12126.

⁹ Там же. Д. 12127. Л. 1-2.

¹⁰ Там же. Д. 12131. Л. 1.

право их владения на новых хозяев. Группа крестьян с. Кулеватово численностью 30 человек произвели полюбовный раздел своего бортного владения Кулеватовского, Ордашевского и Челнавского ухажаяв, что еще раз подтверждает широкие права на собственность ухажая местного населения¹¹.

Таким образом, бортные владения представляли собой сложные промысловые хозяйства, составлявшие важнейшую экономическую основу юга Русского государства в XVII в. Развитие бортничества, освоение новых бортных ухажаяв на пограничных с Полем территориях, явилось, так же, одним из путей «мирной колонизации» и способствовало продвижению южных границ Московского государства. Они подготовили почву для быстрого освоения этих районов русскими переселенцами.

1. *Витвицкий Н.М.* Практическое пчеловодство. Часть 5 и последняя, заключающая в себе дополнения к четырем предидущим частям, равно необходимым как для пасечников, так и для бортников, извлеченных из сорокапятилетнего опыта и наблюдений, с объяснением новоизобретенной борти и приемовъ при ея употреблении. СПб., 1861.
2. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
3. *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.
4. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства. Воронеж, 1991.
5. *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. 484 - 485.
6. *Мизис Ю.А.* Воевода Московского государства. Р.Ф. Боборыкин на государственной службе. Тамбов, 2012.
7. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
8. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 2003.
9. *Флэтчер Д.* О государстве русском. М., 2002.

¹¹ Там же. Д. 2132. Л. 1.

**Природная среда как фактор общественного и
экономического развития Кубани и Черноморья в
конце XVIII – XIX вв.**

Природная среда; общество; экономика; Кубанская область; Черноморская губерния.

В статье рассматривается влияние природной среды на общество и экономику Кубанской области и Черноморской губернии в конце XVIII – XIX вв.

Географическое положение, климат, ресурсы того или иного региона являются важнейшими факторами, определяющими экономику, уклад жизни, культурные и психологические особенности людей в нем проживающих. Проблема изучения взаимозависимости природных условий определенной географической зоны и социально-экономических особенностей развития конкретной местности всегда была и остается в поле зрения исследователей. По словам С.М. Соловьева, «природа страны», является одним из основных условий, которые «имеют особенное влияние на жизнь народа» [5, с. 5]. Большой вклад в изучение таких зависимостей внес известный российский историк-аграрник Л.В. Милов. В своих работах он большое внимание уделял особенностям русской истории, обусловленным географическим фактором.

Зависимость социально-экономического статуса местности от природных условий особенно ярко прослеживается при изучении граничащих областей, резко различающихся по климатическим и географическим условиям. В нашей работе рассматривается влияние природной среды на жизнь населения двух соседних регионов – Кубанской области и Черноморской губернии, которые в настоящее время объединены в Краснодарский край. Как заметил известный историк Ф.А. Щербина, автор «Истории Кубанского казачьего войска»: «При-

¹ Бершадская Ольга Владиславовна, Краснодарский филиал Финансового университета при правительстве Российской Федерации (РФ, Краснодар), к.и.н.; berscholl@mail.ru.

Сидоренко Таисия Николаевна; Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации (РФ, Краснодар), к.и.н.; taisianik@yandex.ru.

рода всюду и всегда налагала яркий отпечаток на деяния людей, а на Кавказе, с его мощною горною обстановкою и бесконечным варьированием естественно-исторических особенностей, влияние ея на человеческую жизнь и взаимоотношения было тем ярче и определеннее» [8, с. 2]. Обусловленность хозяйственной и общественной жизни природными условиями Кубани и Черноморья привлекала внимание специалистов еще во второй половине XIX в.

Природная среда Кубанской области благоприятствовала развитию хлебопашества, так как степное пространство позволяло создать обширные сельскохозяйственные угодья; плодородная почва, богатая знаменитым черноземом, давала высокие урожаи зерновых культур, подсолнечника, овощей.

По природно-климатическим условиям Черноморское побережье значительно отличается от Кубани. Характерной особенностью данной местности является сложный горный рельеф, только в прибрежной зоне наблюдается относительно ровная поверхность. Почвы в регионе состоят в основном, из глины и песка и богаты известью. Они пригодны для садоводства и виноградарства, но затрудняют выращивание зерновых культур.

В общественном и экономическом отношении рассматриваемые территории развивались по-разному. Значительные различия стали складываться в процессе колонизации. Так, существовала разница в характере сельского расселения Кубанской области и Черноморья, обусловленная, прежде всего, географическим фактором. В Кубанской области, где располагались огромные массивы плодородной земли при ограниченном доступе к водным источникам, подавляющее большинство населения проживало в крупных станицах, насчитывающих более десяти тысяч жителей.

Емкость заселения большей части территории Черноморской губернии определяли бассейны горных рек, которые местами образовали широкие долины, местами – узкие «щели». Половина сельских жителей губернии (51 %) проживала в населенных пунктах, насчитывающих менее 100 человек. Остальные 49 % сельского населения были сосредоточены в 18 крупных станицах и селениях с числом жителей от 500 и более [6, с. 20]. Такие населенные пункты располагались в окрестностях Геленджика, Новороссийска и Анапы, где пологая прибрежная территория простирается вширь на несколько километров.

В конце XVIII – первой половине XIX вв. на Кубани, несмотря на плодородные черноземные почвы, хлебопашество велось примитивными методами и играло подсобную роль в казачьем хозяйстве.

Ведущей отраслью экономики являлось скотоводство. В 1860-х гг. на Кубань устремились переселенцы из русских и украинских губерний. Большинство из них были крестьяне, привлеченные рассказами о чудесной плодородной земле. В течение пореформенного пятидесятилетия в Кубанскую область переселилось около 1 млн крестьян. По абсолютному числу неместных уроженцев Кубанская область занимала третье место среди губерний страны [1, с. 185]. Основной миграционный поток был направлен в сельскую местность. В кубанских станицах и селах оседали преимущественно украинцы и русские, которые занимались хлебопашеством и разведением скота. «Иногородние» несли с собой вековые традиции земледельческой культуры, что оказало положительное влияние на экономику области. Стала распространяться паровая система земледелия с многопольными севооборотами, применением удобрений и поливкой полей. Половину площади сельскохозяйственных угодий занимала пшеница, на втором месте был ячмень. Третье место в структуре посевов занимал подсолнечник, который завезли на Кубань в 1870 – 1880-х гг. переселенцы из Воронежской, Саратовской и других губерний [1, с. 194].

К концу XIX в. на Кубани значительно изменился сословный состав населения. Численность «иногородних» превысила численность казаков. При этом большая часть земельного фонда области принадлежала казачеству. Составляя в 1897 г. 41 % населения, казаки имели до 70 % земли [1, с. 186]. Пришлого население вынуждено было арендовать земельные участки. Распространенным явлением в кубанских станицах стала сословная рознь между казаками и «иногородними».

К концу XIX в. Кубанская область имела четко выраженную аграрную специфику, что в значительной мере объясняется природно-климатическими особенностями территории и своеобразием хозяйственной деятельности населения. В области насчитывалось 5 городов, которые с трудом «тянули» на город, являясь, по сути, большими станицами. Областной центр Екатеринодар имел полусельский вид, множество его жителей занимались сельским хозяйством и находились под значительным влиянием станичной культуры. В крупных станицах успешно функционировала инфраструктура в виде мастерских, малых предприятий, обслуживающих нужды хлеборобов, поэтому станичники редко ездили в город. Межотраслевое разделение труда среди сельского населения Кубани было выражено в довольно слабой степени.

На Черноморье, в отличие от Кубани, русские и украинские переселенцы с трудом адаптировались к жизни в горной местности. Сложный рельеф и тяжелая глинистая почва затрудняют полеводство, которое являлось традиционной отраслью хозяйства для выходцев из России и Украины. Уровень жизни в русских и украинских селах губернии был очень низким. С конца XIX в. на территорию Черноморья из Трапезундского вилайета Османской империи переселяются армяне и греки. Трапезундский вилайет имеет природные условия, схожие с Черноморским побережьем Кавказа. Поэтому армяне и греки быстро приспособились к привычным для них условиям существования и, будучи потомственными табаководами, занялись выращиванием табака. Черноморье складывалось как многонациональная территория. Численно преобладали украинцы, русские, армяне и греки [7, с. 30-32]. Процесса ассимиляции и смешения национальных культур практически не наблюдалось. Этому препятствовал сложный рельеф – наличие поперечных горных хребтов, затрудняющих установление контактов между жителями поселений.

К началу XX в. в Черноморской губернии сложилась своеобразная отраслевая структура сельскохозяйственного производства. На ее формирование оказали влияние как природно-климатические условия, так и общий уровень агрокультуры населения. Основными отраслями являлись садоводство, виноградарство, табаководство и производство зерновых [2, с. 128]. Природно-климатические условия повлияли на разницу в распределении культур в прибрежной полосе и горной местности. Хозяйства, расположенные в прибрежной полосе в окрестностях Новороссийска, специализировались на производстве табака, садовых фруктов, винограда и пшеницы. В структуре посевов крестьянских хозяйств, расположенных в горной местности, доминировала кукуруза [2, с. 132].

Поток переселенцев в Черноморский округ (губернию) шел на протяжении всех последних десятилетий рассматриваемого периода. По данным переписи населения 1897 г. Черноморская губерния занимала второе место по количеству неместных уроженцев (74 %) [1, с. 185]. В отличие от Кубани, где большинство выходцев из губерний центральной России и Украины оседали в сельской местности, на Черноморье более половины их состава разместились в городах. По нашему мнению, это объясняется тем, что русские и украинские переселенцы, не имея навыков ведения сельского хозяйства в условиях горной местности, предпочитали стать горожанами. В 1897 г., в трех городских поселениях Черноморской губернии (Новороссийск, Туапсе, Сочи) проживало 34 % всего населения, что в 3 раза выше показателя

телей Кубанской области и в 2,6 раза общероссийских показателей [6, с. 175]. Город оказывал значительное влияние на деревню. Крестьяне, имея низкие доходы от земледелия, подрабатывали на цементных заводах Новороссийска, строительстве Черноморской железной дороги и Краснополянского шоссе, оказывали транспортные услуги. Межотраслевое разделение труда в Черноморской губернии было более выражено, чем в соседней Кубани.

Различия между двумя регионами – степной Кубанью и Черноморским побережьем, объединенными в одну административно-территориальную единицу, сохраняются по сей день. Эти различия, обусловленные природной средой, прослеживаются в экономике, составе населения, культуре, ментальности.

1. История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. Краснодар, 2011. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 года
2. *Козлов Л.Е.* Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии /Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Книжка XXV, выпуск 7-й. Тифлис, 1906.
3. *Ленский Н.А.* Колонизация Черноморского побережья // Население и хозяйство Кубано-Черноморской области: стат. сборник за 1922-1923 гг. /Под ред. проф. В.И. Смирнского. Краснодар, 1924.
4. *Ратушняк В.Н.* История Кубани в датах, событиях, фактах. Краснодар, 2003.
5. *Соловьев С.М.* Труды по истории России. М., 2003.
6. *Соловьева В.В.* Население Черноморской губернии (округа) в конце XIX – первой четверти XX вв. Дисс. ...канд. ист. наук. М., 2003.
7. *Тверитинов И.А.* Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000.
8. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска: История края. Т 1. Екатеринбург, 1910. /репринтная копия/.

УДК 94(47).066

Л.М. Артамонова¹

Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И.А. Второва (1791-1793 гг.)

Россия в конце XVIII в.; история Поволжья; провинциальная культура; интеллектуальная история, источниковедение.

¹ Артамонова Людмила Михайловна, Самарская государственная академия культуры и искусств (РФ, Самара), д.и.н.; artamonovoi@mail.ru.

Уникальный источник личного происхождения расширяет представления о влиянии школьной реформы Екатерины II на интеллектуальное развитие молодых представителей русского провинциального общества.

И.А. Второва (1772-1844), чиновника, служившего в Самаре, Симбирске, Ставрополе (ныне – Тольятти), считают первым писателем – уроженцем Самарского Поволжья [5, с. 130-131]. Его обычно вспоминают в связи с литературными опытами и контактами, оставленными для потомков мемуарами и библиотекой, обходя вниманием дневники. Между тем дневниковые записи, которые были сделаны молодым Второвым в начале 1790-х гг., являются ценным свидетельством о благотворном влиянии идей «века Просвещения» и успехов народного образования на интеллектуальный подъем русской провинции в правление Екатерины II.

Формирование русской интеллигенции в конце XVIII в., а тем более внутренний мир ее представителей, особенно в провинции, остаются малоизученными вопросами. Представляется возможным связать освещение этих вопросов со школьной реформой Екатерины II. На складывании провинциальной интеллигенции создание народных училищ сказывалось в виде: 1) появления профессионального учительства – важной составляющей этого социального слоя, 2) создания условий для выявления и воспитания будущих работников творческих и интеллектуальных профессий, 3) культурно-просветительского воздействия на местных жителей, особенно на молодежь, вне школьных стен.

Воздействие школы на общество конца XVIII в. за пределами классных комнат выявляется с трудом. Оно почти не отразилось в официальных документах, поскольку не являлось предметом училищной отчетности и контроля со стороны властей. В этих условиях особое значение приобретают источники личного происхождения. Те из них, что дошли от XVIII столетия рисуют, прежде всего, мир столичной культурной и художественной элиты. Однако провинциальная Россия не была безучастной к новым веяниям, только источники оставила более редкие и менее известные. К их числу относятся дневники и записки И.А. Второва.

Подлинники и копии этих источников находятся в Российском государственном архиве литературы и искусства² и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки³. Хотя дневники Второва полу-

² РГАЛИ. Ф. 93. Второвы И.А. и Н.И. Оп. 1. Д. 17, 18.

³ ОР РНБ. Ф. 163. Второвы И.А. и Н.И. и Синакевич О.В. Оп. 1. Д. 5, 7.

чили некоторую известность в журнальном пересказе [3] или в опубликованных отрывках [4, с. 173-183], но эти издания далеко уступают по информативности текстам, отложившимся в архивохранилищах. Документы делопроизводства, позволяющие уточнить биографии Второва и его современников, имеются в Российском государственном историческом архиве⁴.

Второв в начале своей записной книжки отметил: «Я не помню того времени в жизни моей, когда я не умел грамоте, потому что учили меня еще во младенчестве»⁵. Это было в порядке вещей в чиновной и дворянской среде [2, с. 14], но редко для кого грамота становилась столь ранним источником существования, как для Второва. Рано потеряв отца, восьмилетний мальчик становится кормильцем семьи, состоявшей из матери и двух сестер. В официальном формулярном списке записано, что «Иван Алексеев сын Второв, из приказно-служительских детей, ... вступил Симбирского наместничества в Самарской уездной суд копиистом» в 1781 г.⁶

Малопривлекательный и недоходный труд мелкого чиновника, который заменил мальчику детство и юность, был тяжек, но особенно Второва угнетало то, что из-за раннего поступления на службу он остался без знаний и образования: «Осми лет от роду определили меня в службу и заставили отправлять ее настоящим образом, следовательно я не имел ни случая, ни способов учиться наукам и языкам»⁷. И в дальнейшем Второв «в местах, отдаленных от столиц и просвещенных людей, преодолевал большие затруднения к образованию себя, имея всю силу пылкой страсти к наукам и просвещению, пользовался книгами, какие только можно было достать»⁸.

С ранних лет находясь на чиновной службе и не имея возможности получить систематического образования, к которому он стремился, молодой человек также долгое время не встречал в провинциальной среде людей, которые могли направить его на правильный путь познания и разделить его стремления. Он признавался, что «искал знакомства с людьми учеными, но по несчастью их не было в том кругу, который составлял мое сообщество»⁹.

⁴ РГИА. Ф. 1349. Формулярные списки чинов гражданского ведомства. Оп. 4. Д. 80.

⁵ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 80. Л. 26 об-27.

⁷ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

⁸ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

⁹ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

Счастливым временем приобретения наставников и единомышленников, переломным в умственном и духовном развитии для Второва стал период с июня 1791 по июль 1793 гг., когда он был переведен из уездной Самары в Симбирское губернское правление регистратором к прокурорским делам¹⁰. Тогда Второв впервые встретил людей, ответивших на его тягу к просвещению. Ими стали преподаватели главного народного училища. В свою очередь, для них Второв являлся редким, а потому дорогим представителем провинциального общества, искренне уважающим и высоко оценивающим учительский труд.

Народные училища, т.е. государственные общеобразовательные школы, начали возникать в российской провинции с 1786 г., став не только необходимым элементом образовательной системы, но и катализатором литературно-художественной и научно-популяризаторской жизни в русской провинции, центром притяжения ее интеллектуальных и творческих сил. На страницах дневника Второва за 1792-1793 гг. нарисована картина постепенного рождения из контактов молодых учителей и чиновников того общественного слоя, который в XIX в. назовут провинциальной интеллигенцией.

Говоря о результатах образовательной реформы конца XVIII в., необходимо иметь в виду не только тысячи детей, обученных в школах. Следует помнить о появлении при них первых в губернских и уездных городах библиотек, о начальных опытах художественного и научно-просветительского воспитания в виде кабинетов рисования, архитектуры и естествознания [1].

Народные училища создавали привлекательный образ светских наук и учебных предметов. Они притягивали к себе молодежь, оставшуюся без систематического образования, но стремившуюся к знаниям. Пример такого благотворного влияния новых школ на жителей провинции как раз являют записи Второва.

Самым дорогим для Второва было общение с людьми, за которыми стояла живая интеллектуальная традиция, казавшаяся недоступной в условиях провинциальной жизни. В Петербургской учительской семинарии, откуда вышли его новые знакомые, преподавали выдающиеся русские ученые, действовали превосходные научные кабинеты и библиотека, издавался первый в России студенческий журнал «Растущий виноград».

Центром притяжения для Второва стало главное народное училище, его классы, комнаты учителей, библиотека: «11 октября. По-

¹⁰ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 80. Л. 26 об-27.

недельник. После обеда был в училище, отдал книги и взял другие. Рассуждали здесь с четырехклассными учителями г. Цветковым и Тихонравовым о некоторых вещах до учености и прочего относящихся». Встречи повторяются часто: «13. Среда. Ввечеру был у учителя г. Тихонравова, разговорами и прочим его и г. Цветкова был одолжен». В четверг 14 октября Второв приглашен на день рождения учителя Веревкина, где «с несравненную приятностию препроводил» время, «будучи доволен компаниею, а особенно хозяином». В воскресенье 17 октября он идет в театр на оперу «Збитенщик». Учitando, что и квартиры учителей, и помещение театра находятся непосредственно в доме главного народного училища, то Второв появляется в этом здании почти ежедневно. Он отмечает также посещения школьных занятий и экзаменов, рисовального класса и минералогического кабинета: «После обеда зашел в училище, смотрел рисование учеников, а оттоль по выходе вместе с учителем г. Цветковым был у него – разговорами с ним о науках... был весьма доволен». Еще интереснее оказался экзамен в 3-м классе: «Видел разные камни и руды, асбест и проч. ископаемое царство. И слушал с удовольствием испытание о географии и истории, всемирной и естественной»¹¹.

Радость могло принести даже знакомство с учебником, полученным из школьной библиотеки: «Поутру весьма рано вставши, с приятностию препроводил утро за чтением грамматики». Не меньшее удовольствие доставил полученный от приятеля-учителя журнал «Детское чтение». Упоминаются в дневнике также занятия Второва с Веревкиным логикой и французским языком. Молодой чиновник теперь дома изучал не только русскую грамматику, но и французскую¹².

Увлечения Второва разделяли некоторые знакомые из чиновной среды: «Был у Степана Иванова, потом с ним вместе у меня, а после обеда он, зашедши ко мне, взял меня к себе и просидели у него также до ночи. Здесь рассматривал я его сочинения, удивляясь его дарованию. По склонности к стихам, он весьма успел; и очень изрядно их писал. Взявши из таковых его бумаг несколько для рассмотрения, возвратился на квартиру». На следующий день Второв и Иванов «были в училище, где взяли по одной книге для чтения»¹³.

Интересы приятелей вызывали неоднозначную реакцию у окружающих чиновников. Некоторые поднимали их на смех: «Дехтев, коротко еще мне знакомый, или лучше друг, ежели стоил сего названия, насмехался при многих посторонних, как мы со Степаном Ивановым

¹¹ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л. 12; ОР РНБ. Ф. 163. Д. 5. Л. 12, 20, 41, 42.

¹² РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л. 35-36; ОР РНБ. Ф. 163. Д. 5. Л. 21, 24.

¹³ РГАЛИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 18. Л. 6-7.

сочиняем книги и желаем напечатать». Другие, присоединившись к компании молодых любителей наук и словесности, вместе с ними «веселились чтением»¹⁴.

Дружба и общение с учителями главного народного училища не прошли бесследно. Второв, возвратившись из Симбирска, воспринимался уже не просто как рядовой чиновник, а выделявшийся своей образованностью молодой человек. Знакомства с ним как интересным собеседником теперь не чурались даже те, кто стоял гораздо выше него по социальному статусу, в т.ч. помещики Симбирского и Самарского уездов: Дурасовы, Наумовы, Мельгуновы, Пашковы, Тургеневы, в т.ч. И.П. Тургенев – друг Н.И. Новикова и директор Московского университета. Второву довелось встретиться со многими знаменитыми русскими писателями конца XVIII – первой половины XIX вв. (И.И. Дмитриевым, Н.М. Карамзиным, А.С. Пушкиным и др.), оставить об этих встречах интересные воспоминания. Произведения самого Второва были опубликованы в столичных литературных журналах [6, с. 108-109].

Преобразования XVIII в. в области просвещения не только сыграли важную роль в подготовке кадров для хозяйственных, административных, военных потребностей страны. Они пробудили новые моральные и культурные запросы русского общества, стремление к удовлетворению которых не меньше материальных потребностей способствовало развитию России. Влияние школьного строительства на формирование провинциальной интеллигенции сказалось не только непосредственно в учебном процессе и при подготовке учителей, но и в культурно-просветительском воздействии на местное общество и особенно молодежь, даже не обучавшуюся в народных училищах, о чем свидетельствует дневник Второва.

1. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. Самара, 2001.
2. *Артамонова Л.М.* «Учили меня еще во младенчестве»: принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // *Родина*. 2010. №11.
3. *Де-Пуле М.Ф.* Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // *Русский вестник*. 1875. № 5-9.
4. *Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников.* Самара, 1992.
5. *Селиванов К.А.* Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1953.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 5. Л. 7, 8.

6. *Смирнов Ю.Н., Артамонова Л.М.* Самара в последней четверти XVIII – первой половине XIX веков // *История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы.* Кн. 1. Самара, 2011.

УДК 930.221 (47+57)

Р.П. Биланчук¹

«История города Шенкурска» – памятник провинциальной историографии конца XVIII в.

Модернизационный процесс конца XVIII в.; топографические и исторические описания; провинциальная историография XVIII в.

На основе анализа неизвестного ранее памятника автором рассматривается процесс зарождения на одной из локальных территорий Европейского Севера новой формы историописания. Появление в русской провинции подобных городских «историй» стало знаковым культурным явлением «переходной» эпохи.

В отличие от крупных городов и монастырей Европейского Севера древние административные и культурные центры Важского края (Шенкурск (Вага), Вельский и Верховажский посады) в период Средневековья и раннего Нового времени, по-видимому, не имели собственных традиций летописания. Историческая культура и самосознание обывателей опирались на обширный фонд устной традиции, подкрепленный немногочисленными памятниками местной агиографии.

Общая культурная ситуация меняется в 60 – 80-е гг. XVIII в., когда вслед за очередным витком административных реформ, учреждением новых провинций, губерний и городов в далекие северные земли все активнее начинают проникать культурные элементы российского Просвещения. Одной из примечательных особенностей культурной жизни северных земель второй половины XVIII – начала XIX века является интенсивное развитие городского (посадского) «исторического краеведения» и становление новых форм провинциальной историографии.

Данная статья посвящена источниковедческому обзору «Истории города Шенкурска» – памятнику местной историографии, близкому по форме и содержанию к летописным произведениям. К настоящему времени известно о существовании небольшого комплекса текс-

¹ Биланчук Роман Павлович, Институт социально-экономического развития территорий РАН (РФ, г. Вологда); roman-bilanchuk@yandex.ru.

тов подобного рода, условно называемых нами «важскими летописцами». Рожденные в городской (посадской) среде (Вельск, Шенкурск, Верховажье), они были выполнены в «летописной» (вернее – псевдо-летописной) манере.

Помимо «Истории города Шенкурска» к местным «летописцам» можно отнести еще три локальных текста: «Летописец города Вельска», «Древний и новый летописец. Летопись Верховажского посада» и «Исторические черты о городе Вельске». Первый из них, представляющий краткую историческую справку о Вельском посаде и запись событий за 1781–1842 гг., был начат сразу после получения протопопом Вельского Троицкого собора Стефаном Левицким текста «определения» преосв. Вениамина, епископа Архангелогородского и Холмогорского, о составлении и ежегодном ведении местных летописей. Второй и третий «летописцы» носят авторский характер и принадлежат перу известного собирателя важских древностей М.Н. Мясникова.

Очевидно, что появление этих произведений в указанный период не было случайным и стало, в известной мере, знаковым культурным явлением своего времени. «Важские летописцы» имеют мало общего не только с образцами классического летописания русского средневековья, но и с теми позднелетописными произведениями, которые создавались в конце XVI – начале XVIII века в городах, монастырях и при некоторых приходских церквях Европейского Севера. Условно эти произведения можно отнести к типу составлявшихся в XVIII – XIX вв. городских (посадских) летописей [4, с. 70–79], с которыми их роднит погодная манера изложения и фиксации разного рода «достопамятностей» и «случаев» из местной жизни. Этот традиционный прием, характерный для местных летописей и «историй», возобновленный во второй половине XVIII в., оказался не только удачным, но и вполне посильным для представителей узкого круга образованного провинциального общества, создававших и читавших данные тексты.

Рукопись «История началу и происхождению города Шенкурска» или «История Архангельского наместничества о городе Шенкурске» содержится в сборнике последней четверти XVIII – начала XIX в., хранящемся в собрании письменных источников и рукописных книг Вельского районного краеведческого музея (ВКМ, № 1609, в лист, на 87 лл.).

Помимо «Истории города Шенкурска» (Л. 1 – 15 об.) сборник содержит копии планов топографических описаний наместничеств и городов 1778 и 1781 гг., разработанных императорской Академией

наук, ответы на «запросы» по топографическим и историческим описаниям г. Шенкурска и округа, а также иные документы подобного рода.

Обращение к документам копийно-рукописного конвоя, среди которых находится рукопись «Истории» города Шенкурска, снимает большинство вопросов, связанных с причинами появления этого памятника. Известно, что в 60 – 80-е годы XVIII века по инициативе ряда правительственных и научно-образовательных учреждений (Императорская академия наук, Сухопутный кадетский корпус) неоднократно проводилось анкетирование наместничеств и губерний Российской империи в ходе которого особое внимание уделялось изучению повседневной жизни (хозяйство, торговля, промыслы и пр.) губернских и уездных городов [1, с. 124–126; 2; 3, с. 39–89; 4, с. 55–66]. В середине 80 – начале 90-х гг. XVIII в. анкетирование северных губерний, провинций, городов и уездов ведется максимально широко и предметно и приобретает характер полноценных «топографических и исторических описаний». Итоговые результаты этого процесса по материалам Архангельской губернии известны по нескольким рукописям². Подборка документов по Шенкурску, датированных 1785 г., дает общее представление о ходе и результатах этой работы на местах. В 1785 г. Шенкурский магистрат параллельно ведет работу над составлением «Исторических достопамятностей» своего города и «Историей» о его «начале и происхождении».

Таким образом, городская «История» возникла не из ревности и любопытства к «давностям» родного города сотрудников городского магистрата, а была прямо инициирована властями Олонецкого и Архангельского наместничеств. Работы по составлению топографических описаний Шенкурска, проводившиеся по специальным анкетам и «запросам» в 70 – 80-е гг. XVIII в., стали тем «исследовательским фоном», в котором и были открыты новые перспективы изучения местной истории.

Обратимся к структуре и содержанию памятника. В тексте «Истории» можно выделить три относительно самостоятельные части. В первой (самой краткой) части даются общие сведения по топо-

² Рукопись, содержащая развернутое описание Архангельской губернии, находится в фонде Воронцова архива СПбИИ РАН (№ 497, конец 80 – начало 90-х гг. XVIII в., 150 л. Более раннее (краткое) описание, составленное в 1784–1785 гг., читается в рукописи РГВИА (№ 18331). «Топографическое и историческое описание губернского города Архангельска с уездом, городов Холмогор, Шенкурска, Мезени, Пинеги, Онеги и Колы» 80 – 90-х гг. XVIII в. хранится также в ОР РНБ (ОЛДП, Ф. 365).

графии и именованию города (Шенкурский острог; Вага), высказываются посильные соображения по древнейшей истории города в целом. Указывается, в частности, что первоначально город был поставлен на «*Чюдском городище*», а затем, с переменой русла р. Ваги, был оставлен и выстроен на новом месте. Даются общие сведения по древнейшим храмам города и Троицкому монастырю. «Новгородское» прошлое Шенкурска представлено упоминанием северных владений новгородских бояр (боярщины «*Федоровская*», «*Ивановская*», «*Исаковская*», «*Володимеровская*») – старинных управителей этой области. Условной хронологической границей, завершающей древнейшую историю города, является казацкое разорение («*украинские и запорожские казаки и разной збор*») 1617 г.

Содержательная сторона первой части, несмотря на известное старание автора-составителя (или составителей) соблюсти хронологическую последовательность и объективность, в историко-культурном плане представляет весьма показательный образец созидания локального «исторического мифа», основой которого является традиционный комплекс представлений об «изначальных временах», истоках местной истории («чудское» и «новгородское» прошлое, христианизация, строительство первых храмов и проч.). Устная историческая традиция здесь причудливо переплетается с данными кадастровых описаний и иных источников, не столько подкрепляя, сколько противореча им.

С 1617 г. обозначается новый период городской истории, ознаменованный началом правления московских воевод «*из приказу Большого московского двorca*», присланных «*для управления*» здешних «*народов*».

Новейшая история (переходящая непосредственно в современность) маленького северного посада, с 1728 г. официально называвшегося городом Вагой, берет отсчет с 1780 г. Именно в этом году был обнародован «*высочайший*» екатерининский указ об открытии Вологодского наместничества, «*открыт*» город Шенкурск и ему дан герб, произошли памятные торжества и «*балатировки*» городских и сельских заседателей в органы местного самоуправления. Пройдет еще год и Шенкурск обзаведется собственным городским планом, вновь учрежденным магистратом, а в следующем – 1782 г. – переживет еще одну, четвертую по счету, ревизию...

Август 1784 г. принесет указ о переходе города под юрисдикцию самостоятельного Архангельского наместничества, а затем последуют и неизбежные хлопоты по административному обустройству уездного городка. Новый «*обряд канцелярского порядка*», введенный

для всех «*присутственных мест*» Шенкурска, обнародование монарших «*прав и вольностей*» для городов и их обитателей, потребуют от создателей «Истории города Шенкурска» немало усилий для подробного описания круговерти торжеств, комиссий, проверок, процедур избрания на «*присутственные*» должности и проч. Динамика городских изменений ускоряет течение внутреннего «социального времени» источника и одновременно заметно уплотняет частоту, последовательность и объем информации: погодное изложение событий сначала переходит в помесячное, а затем и подневное.

Завершает текст этой своеобразной шенкурской летописной истории пространное сообщение от 4 января 1787 г. с описанием процедуры приведения к присяге «*выбранных из граждан и поселян города Шенкурска во все звания по учреждениям занимаемые*». Городские обыватели и представители уездного крестьянства, наконец, становятся свидетелями официального завершения длительной избирательной кампании и вместе с «народными избранниками» (городничим, градскими головами, бургомистрами и ратманами, старостами и судьями словесного суда, заседателями нижней расправы и земского суда) благоговейно внимают литургическому служению соборного протопресвитера Иоанна Розова, завершающемуся благовестом и «*многолетием*» Ее императорскому величеству.

Подведем предварительный итог. Шенкурская «история», облеченная в летописную (псевдолетописную) форму имеет вполне понятную среду происхождения и не может рассматриваться вне связи с материалами провинциальных топографических описаний. Подобного рода «истории» в 80-е гг. XVIII в., по-видимому, создавались во всех вновь учрежденных городах Европейского Севера, но на сегодняшний день информация о данных памятниках не систематизирована и носит фрагментарный характер. Вместе с тем, практика ведения городских «летописцев», их содержание и направленность представляет несомненный интерес для изучения провинциальной исторической культуры «переходной» (от средневековья к Новому времени) эпохи.

1. Водарский Я.Э. Об издании топографических описаний наместничеств Севера конца XVIII в. // Археография и источниковедение Европейского Севера РСФСР. Вологда, 1989.
2. Дитмар А.Б. Над старинными рукописями («Топографические описания» Ярославского края конца XVIII в.). Ярославль, 1972.
3. Рубинштейн Н.Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. – памятники географического и экономического изучения России // Вопросы географии. Сб. 31. История географических знаний и историческая география СССР. М., 1953.

4. *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998.

УДК 94(47)+94(470.57)

И.Г. Акманов¹

Жизнь и деятельность башкирского батыра Алдара Исянгильдина²

Тархан; башкирский народ; Россия; крепость; Восток; казахский жуз; восстание; правительство; генерал.

Статья посвящена башкирскому батырю Алдару, предводителю восстания 1704-1711 гг., который одновременно показал себя патриотом России, участвуя в войнах России и присоединении к ней Младшего жуза казахов.

Алдар батыр происходил из тарханов Бурзянской волости Ногайской дороги, был сыном Исянгильде тархана, родился примерно 70-х гг. XVII в., погиб 16 мая 1740 г. в Мензелинске. Жизнь свою он посвятил служению интересам своего народа и Российского государства.

Многие сражения средневековья начинались с единоборства богатырей сторон. Успех своего богатыря вдохновлял воинов на победу. Одному из сражений под Азовской крепостью в 1696 г. предшествовал подобный поединок. Отстаивать честь русской армии царь Петр I поручил молодому башкиру Алдару. Официальный документ так характеризует этот его подвиг: «В Азовском походе ранен тремя ранами и выезжал на поединок и убил выезжего напротив себя черкашенина, тако ж и поймал собою языка одного крымчанина и объявил блаженныя и вечнодостоинныя памяти Его Императорского величества Петра Великому и за ту ево послугу убитого на бою брата Давлетбая тело для отвозу во свояси отдано ему Алдару и даны ему с прогонами подводы» [2, с. 26-28].

Очередную услугу Алдар Исянгильдин оказал царской России в начале 30-х гг. XVIII в. Одной из важных целей внешней политики России в первой трети XVIII в. являлось налаживание прямой торговли с Индией и другими дальними странами Востока. Неоднократные

¹ Акманов Ирек Гайсеевич, Башкирский государственный университет (РФ, Уфа), д.и.н.; akmanov_ig@mail.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ («Аграрный вопрос на Южном Урале во второй половине XVI – начале XX вв.»), проект № 13-01-00152.

попытки Петра I пробиться в эти страны через Каспийское море и Западную Сибирь не увенчались успехом.

Но политическая обстановка конца 20 – начала 30-х гг. XVIII в. как бы подсказала правительству новый путь решения старой проблемы – через Казахстан и Среднюю Азию.

Башкиры, казахи, каракалпаки систематически общались друг с другом, советовались по многим вопросам. Представители башкирской феодальной верхушки были известны казахам и каракалпакам. Особенно большим авторитетом у них пользовался Алдар Исянгильдин.

Когда в середине 20-х гг. XVIII в. разгромленные джунгарами казахи Младшего жуза были прижаты к южным башкирским владениям, то после этого их хан Абулхаир вынужден был обратиться к царской России с просьбой о подданстве. Состояние источников не позволяет определенно выяснить, что предшествовало к принятию ханом этого судьбоносного решения, кто мог ему давать подобные советы. П.И. Рычков, чиновник Оренбургской экспедиции, присутствовал при встречах ее командиров с казахскими ханами, т.е. был в курсе политики России на юго-восточной окраине. Впоследствии, будучи первым историком Оренбургской экспедиции, Рычков утверждал, что Алдар привел Абулхаир-хана в российское подданство: «Означенный Алдар, как выше упомянуто, в 1707 году главным бунтовщиком был, но получал в том тогда прощение, жил в Башкирии, не выежая никуда до тех пор, пока он не нашел случай киргис-кайсацкого Абулхаир-хана в российское подданство привести (подчеркнуто нами – И.А.), от которого взяв посланцев, в 1730 году в Уфу приехал, и с ними у двора Ея Императорского Величества был, а потом с Тевкелевым, будучи в Киргисской орде, служил» [4, с. 6-7, 111, 134].

Эти знатные дела Алдара в пользу царской России одновременно служили и прославлению башкирского народа, способствовали повышению авторитета башкирского лидера в глазах царских властей.

Но, когда надо было отстаивать интересы своего народа, Алдар, не колеблясь, вставал на их защиту, не останавливаясь вплоть до организации массовых восстаний.

Восстания начала XVIII в. вошли в историю как наиболее крупные и результативные движения башкирского народа. Они достаточно полно описаны в исторической литературе. Здесь необходимо только отметить, что главным организатором и предводителем этих восстаний, которые охватили огромную территорию от р. Тобол до Волги, Камы и г. Казани, был Алдар Исянгильдин. Царские войска оказались

не в состоянии разгромить повстанцев. Правительство Петра I вынуждено было удовлетворить основные требования восставшего народа – о прекращении изъятия его земель, роста налогов, христианизации. Все участники борьбы, в т.ч. предводители, получили полное прощение [1, с. 243-244].

Новое наступление царского правительства на права башкирского народа началось в середине 30-х гг. XVIII в., в условиях организации Оренбургской экспедиции. Башкиры ответили на эту политику восстаниями 1735-1736, 1737-1738, 1739-1740 гг. Однако в это время соотношение сил в крае изменилось в пользу царских властей, которые «огнем и мечом» подавили выступления народа. В этих восстаниях Алдар Исянгильдин не участвовал ввиду преклонного возраста. Но он не мог остаться безучастным к злодеяниям царских карателей. Например, массовое недовольство башкир вызвало требование властей об уплате каждым повстанцем в казну в виде штрафа годной для кавалерии лошади. Без этого даже пришедшие с повинной повстанцы не могли получить прощение. Но в условиях массового разорения в ходе боевых операций и карательных экспедиций выполнить это требования было очень трудно. Алдар Исянгильдин пытался освободить повстанцев от этой обязанности, неоднократно обращался к представителям царской администрации. Однако начальники Оренбургской комиссии генерал-лейтенант В.А. Урусов и Башкирской комиссии генерал-майор Л.Я. Соймонов не шли ни на какие уступки. Тогда он стал просить у последних, чтоб они разрешили ему съездить в столицу с челобитной по этому вопросу.

Такое поведение Алдара не понравилось этим генералам. Они стали обвинять его в сочувствии к повстанцам, что он мешает им успокоить край, что он выступает с восставшими заодно. Начальники опасались, как бы Алдар не раскрыл перед правительством их чрезмерные жестокости в крае и решили с ним расправиться. Они пригласили Алдара «яко знатного и верного старшину» приехать к ним для переговоров «...о некоторых делах, касающихся до башкирского усмирения и удовольствия». Алдар, хотя не исключал возможности своего ареста генералами, тем не менее в начале марта 1740 г. поехал к генералу Урусову в Самару. Его опасения оправдались. Вместо переговоров Алдар и несколько знатных башкир, приехавшие с ним в Самару, были арестованы Урусовым и отправлены в Мензелинск, к Соймонову якобы для следствия. Последний после нескольких допросов с применением жестоких пыток 16 мая 1740 г. казнил Алдара и его товарищей, обвинив их в соучастии в восстании [3, № 183, 187. с. 6-7, 111, 134]. Так прервалась жизнь Алдара Исянгильдина, одного из са-

мых выдающихся деятелей башкирской истории конца XVII – первой половины XVIII вв.

Башкирский народ не забыл знаменитого сына. О нем как о защитнике интересов народа и вождя восстаний сложены песни. Жители юго-восточных районов и всего Башкортостана помнят его. В исторических исследованиях и романах показывается его жизнь и роль в национально-освободительной борьбе башкир в XVII-XVIII вв.

1. *Акманов И.Г.* Башкирские восстания XVII – начала XVIII в. Уфа, 1993.
2. *Вельяминов-Зернов В.В.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864.
3. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1.
4. *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001.

УДК 930.23

Т.В. Кайгородова, С.В. Цыб¹

Забытый эпизод развития исторической науки в Московском университете

Московский университет; профессор Н.А. Бекетов; учебник по исторической хронологии.

Научные труды академика Л.В. Милова стали заметным явлением отечественной историографии, укрепляя славу Московского университета как одного из главных центров российской исторической науки. Хотим отметить один почти забытый эпизод, связанный не только с историей старейшего университета нашей страны, но и с проблемой установления авторства, входившей в сферу широких научных интересов Л.В. Милова.

6 августа 1809 г. появился указ Александра I «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и сенатские сановники»². Среди прочих наук испытуемые соискатели чиновничьих званий должны были показать свою осведомленность в таких предметах, как отечественная история и хронология. Если первый из них давно уже преподавался с университетских кафедр, то придание вто-

¹ Кайгородова Татьяна Владимировна, Алтайский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, Барнаул), к.и.н.; ktv@sibags.ab.ru.

Цыб Сергей Васильевич, Алтайский государственный университет (РФ, Барнаул), д.и.н.; kaei@hist.asu.ru.

² ПСЗ. Т. XXX. С. 1054-1057.

рому статуса государственного экзамена требовало организовать его изучение.

Реализовано это требование было не сразу, лишь в 1815 г. Первым преподавателем хронологии в Московском университете стал Николай Андреевич Бекетов. Он родился в 1790 г., в возрасте девятнадцати лет стал кандидатом, а в 1811 г. – доктором словесных наук и философии. Через четыре года Н.А. Бекетов был избран экстраординарным, а вскоре и ординарным университетским профессором истории, географии и статистики и, одновременно с этим, стал читать здесь хронологическую дисциплину историкам, филологам и правоведам.

К сожалению, не известны никакие материалы, которые могли бы восстановить содержание бекетовского курса. До нас дошло только упоминание о том, что Н.А. Бекетов перевел и собирался издать в качестве учебника для университетских слушателей «хронологию по Гегевишу» [1, с. 90]. Это сообщение отчасти подтвердил один из учеников первого хронолога-преподавателя М.С. Гастев, который, кстати, наследовал преподавание хронологии в Московском университете после смерти учителя: он писал о том, что «Гегайвиш переведен на русский язык» [2, с. 6], ничего, однако, не говоря об издании перевода. Речь шла о книге копенгагенского профессора, члена Датского королевского научного Общества Д.-Х. Хегевиша «Введение в историческую хронологию», изданную в 1811 г. в Голштинии И.-Ф. Хаммерихом [5]. Эта книга имеется в наших центральных библиотеках, что, несомненно, указывает на возможность знакомства с ней Н.А. Бекетова, но ни в одном библиотечном каталоге Москвы и Санкт-Петербурга или в библиографических справочниках не числится издание ее перевода.

В 1994 г. во время работы в библиотеке РАН одному из авторов этого сообщения С.В. Цыбу удалось случайно обнаружить в конволюте с другим изданием не учтенный в каталогах типографский текст на 148-и страницах, первая из которых содержала заглавие «Введение в историческую хронологию» (Отдел редкой книги, инвентарный номер по каталогу 90-х гг. прошлого века 26333д; этот номер относится к книге, которая открывает конволют [3]). Судя по рукописным пометкам на обложке и некоторых страницах, этот экземпляр поступил в библиотеку из личного собрания академика А.А. Куника, который во второй половине XIX в. заведовал Отделом иностранной литературы этой библиотеки и, кроме того, интересовался научно-хронологическими проблемами. Постраничное сравнение анонимной книги с

текстом альтонского издания сочинения Д.-Х. Хегевиша показало, что это и есть «исчезнувший» перевод Н.А. Бекетова.

Перевод качественно передавал оригинальный немецкий текст, что и не удивительно. Судя по всему, Н.А. Бекетов обладал незаурядным знанием иностранных языков и навыками переводческой работы; известно, например, что он перевел на русский язык вольтеровскую историю царствования Петра I [1, с. 90]. Конечно, переводчик отразил особенности русского языка начала XIX в. и поэтому нередко прибегал к громоздкой передаче специальных немецких терминов. Иногда он не мог подыскать правильных фонем для обозначения переводимых понятий; к примеру, название арабской эпохи летосчисления «хиджра» он обозначил «егирой» (с. 133-136). В некоторых случаях, однако, Н.А. Бекетова не удовлетворяло содержание текста Д.-Х. Хегевиша, и он делал дополнения, вынося их в подстрочные примечания. Так, сочтя недостаточным определение хронологической науки в изложении копенгагенского профессора, Н.А. Бекетов поместил рядом с ним более четкое и пространное определение, заимствованное из книги известного немецкого автора И.-Х. Гатерера [4] (с. 1, прим. 2). В другом случае московский переводчик «усилил» сюжет датского автора о выделении двух ветвей хронологической науки (астрономической и исторической), причем, рассуждения Н.А. Бекетова (с. 27, прим.) были созвучны «классическим» определениям Л. Иделера [6, s. 5-6], с которыми в России еще не были знакомы.

Несомненно, что книга Д.-Х. Хегевиша была выбрана в качестве будущего учебника потому, что в общих чертах соответствовала содержательному и структурному построению университетского курса Н.А. Бекетова, значит, перелистывая страницы неинвентаризованной книги из библиотеки РАН, мы примерно знакомимся с содержанием первых в России лекций по хронологии, которые слушали такие выдающиеся в будущем исследователи, как Я.И. Бередников, М.П. Погодин, И.Д. Беляев, П.В. Хавский и др.

После тщательного и сложного описания предмета хронологической науки (с. 1-3) книга давала метафизическое определение времени и единиц его учета, а также их соотношение между собой (с. 3-26). Вслед за тем изложение последовательно велось по двум тематическим «блокам»: календари (с. 26-86) и эры летосчисления (с. 86-146).

В описании конкретно-исторических календарных систем не наблюдается какой-то определенной схемы (хронологической или типовой), что повторяет текст немецкого оригинала. Вслед за изложе-

нием современных и самых популярных в начале XIX в. солнечных календарей (юлианский и григорианский) описываются лунно-солнечные календари – афинский, македонский, римский (с частичным повторением того, что уже говорилось по поводу юлианского календаря) и древнееврейский, затем самый первый в истории человечества солнечный календарь Древнего Египта, далее азиатские календарные системы (вавилонская, персидская и арабская), и завершается эта часть учебника описанием французского революционного календаря. Большинство календарных систем представлены схематично, с пропусками многих важных деталей, а иногда и с грубыми ошибками: например, «набонассаров год», т. е. блуждающий солнечный год из 365 дней (12 месяцев по 30 дней + 5 дополнительных дней-эпагоменов), применявшийся в Древнем Египте и в «Альмагесте» Клавдия Птолемея, почему-то относится к древневавилонской хронологии (с. 75-76), хотя в Двуречье в эпоху Древнего мира солнечного времяисчисления никогда не существовало.

В описании систем летосчисления («эпох») прослеживается хронологический принцип изложения: от наиболее древних (египетские и вавилонские) к более молодым (христианская и «магометанская»). Здесь также отмечаются ошибки: эпоха эры Набонассара, например, относится к 746 г. до н.э. (с. 95-96), а эпохой эры Селевкидов объявляется начало правления Александра Македонского (с. 116-118).

Наличие подобных фактических нелепостей было характерной чертой хронологической литературы XVIII – начала XIX в., что объясняется заимствованием сведений из различных популярных изданий, не отличавшихся точностью информации. Важно, все же, отметить «блочное» изложение материала в переводном учебнике (и в лекционном курсе Н.А. Бекетова). В настоящее время в преподавании исторической хронологии используется иной принцип группировки фактов (регионально-хронологический). Очевидно, что избранное Н.А. Бекетовым построение курса имеет ряд преимуществ, поскольку формирует в сознании учащихся строгое разграничение двух основных видов систем учета времени (календарных и летосчислительных); вместе с тем, подобная структура изложения отодвигает на второй план проблему эволюции времяисчислительных навыков человечества и затрудняет постижение взаимосвязи между отдельными единицами учета времени.

Несомненно, что переведенная Н.А. Бекетовым книга могла бы сыграть важную роль в преподавании передовых для начала XIX в. достижений историко-хронологической науки и стать прекрасным руководством для ее постижения студентами, восполняя недостаток

отечественной учебной литературы (пособие М.С. Гастева начали издавать в 1833 г., а закончили только... в 1840 г. [2]). Этой книге, однако, было уготовано забвение. Внешний вид экземпляра из библиотеки РАН объясняет загадку исчезновения переводного учебника. Известно, что его печатание в университетской типографии началось незадолго до смерти Н.А. Бекетова [1, с. 90]. Профессор умер 8 августа 1829 г.; к этому моменту издание было почти закончено, не хватало только титульного листа и переплета. Смерть переводчика и инициатора издания приостановила дело, после чего незаконченный и оставшийся анонимным учебник к читателям, естественно, не поступил и хранился в типографских кладовых. Постепенно память об этой книге становилась все более зыбкой, и, в конце концов, она стала считаться исчезнувшей. Даже такой опытный библиотекарь, каким был академик А.А. Куник, в чьих руках оказался один из ее экземпляров (он-то, видимо, и соединил его под одним переплетом с книгой архиепископа Феоктиста по сходству тематики), не смог определить автора и время появления этой книги. Мы, однако, помним о том, что Московский университет был не только начальным «очагом» преподавания хронологии в российских учебных заведениях, но и местом появления самого первого учебного пособия по этому предмету.

1. *Вернадский И.В.* Бекетов Николай Андреевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Ч. 1. М., 1855.
2. [*Гастев М.С.*] Материалы для вспомогательных наук истории: Книжка первая (для хронологии). М., 1833 (1840).
3. *Феоктист (Мочульский)*. Опыт герменевтического объяснения о Пасхалии по неисходимому Индиктиону. М., 1799.
4. *Gatterer I.-Ch.* Abriss der Chronologie. Göttingen, 1777.
5. *Hegeiwisch D.-H.* Eiuleitung in die Historische Chronologie. Altona, 1811.
6. *Ideler L.* Handbuch der Mathematischen und Technischen Chronologie. Bd. 1. Berlin, 1826.

Репрезентация Марины Мнишек как «императрицы Московии» в живописном проекте Вишневецкого замка

Историческая живопись; репрезентационная программа; Смутное время; царская власть; императорские амбиции.

В работе рассматривается репрезентативная программа Марины Мнишек, созданная в первые годы XVII столетия. На основе анализа коллекции картин из Вишневецкого замка (сейчас собрание ГИМ) раскрывается ее политическое кредо и амбиции дома Мнишков.

Марина Мнишек – одна из ключевых фигур эпохи Смутного времени. Отечественные историки от Н.М. Карамзина [3] до Р.Г. Скрынникова [9] единодушны в негативной оценке ее личностных качеств и политических амбиций: «политическая авантюристка» (БСЭ) [8, с. 1077]; жертва собственного честолюбия (А. Гиршберг) [1]; «жалкое орудие римско-католической пропаганды» (Н.И. Костомаров) [5]. Историки отказывают ей даже во внешней привлекательности [10].

Цель данной работы – анализ репрезентации образа Марины Мнишек в произведениях современной ей «придворной» живописи XVII в.: трех исторических произведений и двух парадных портретов.

Исторически панно (кроме портрета из Вавеля) создавались для Вишневецкого замка (Тернопольская обл. совр. Украины) польскими художниками² первой трети XVII в. «по завершении событий Смутного времени». Стилистически они близки к типу «сарматского портрета», популярному в кругах польской аристократии в конце XVI – начале XVII в. [11].

Первая группа картин – панорамы трех этапов интронизации Марины Мнишек. Отечественная официальная версия их наименований подчинена хронологическому принципу [12]:

1. Обручение Марины Мнишек с послом Лжедмитрия Афанасием Власьевым в Кракове 22 ноября 1605 г.;
2. Въезд Марины Мнишек со свитой в Москву 3 мая 1606 г.

¹ Лётин Вячеслав Александрович, Ярославский государственный театральный институт (РФ, Ярославль), к. культурологии; liotin@yandex.ru.

² Авторство некоторых картин приписывается придворному художнику Мнишек Ш. Богушу (1757 (?) – 1648), сопровождавшему Марину и ее отца в Московию. См.: [2; 6].

3. Венчание Лжедмитрия и Марины Мнишек в Москве 8 мая 1606 г.

Изначальная локализация картин в едином пространстве предполагает единого заказчика и единство идейного замысла: дать идеальную модель события³. Так исторический триптих предстает не историей замужества (обручение – встреча невесты – венчание), а – «воцарением» (обручение / венчание – коронация – триумф) героини.

«Двойственность» же восприятия произведения российской культурной традицией и ее «польскими» создателями обусловлена спецификой природы обряда венчания Мариной Мнишек на царство: обручение жениха и невесты, миропомазание Марины, венчание Марины и Димитрия. Для русских через акт миропомазания полька-католичка приобщалась к православию. При этом краковское «обручение» Марины и Димитрия русской стороной во внимание не бралось [13], а для поляков было актом бракосочетания. И для «родственников» невесты ее миропомазание в Успенском соборе воспринималось как коронация.

«Исторические» картины подобны трем актам символической религиозной драмы.

1. *Обручение в Кракове.* Символическое значение: смерть героини.

Центральная группа (невеста, представитель жениха и благословляющий их священник) рифмуется с композицией алтарного образа (Распятие с предстоящими святыми), что сообщает сцене оттенок жертвенности. Трагическая тональность события акцентируется и темным тоном одежд Марины и свиты. Центральная группа фланкирована польскими магнатами (справа от алтаря, за женихом) и придворными дамами (слева от алтаря, за невестой).

2. *«Встреча...» / «Coronatio...» Марины.* Символическое значение: воскресение героини в новом пространстве и новом качестве. Здесь это самостоятельное событие, представленное как соло героини (нет Димитрия!) и вынесенное за пределы города на условный берег моря (Москва!). Символика ландшафта: скала, над морем, рифмуется

³ На основе анализа деталей фона и их сопоставления с историческими реалиями, а также на специфике иконографии «императора» на парадном портрете из Вишневецкого замка В. Козляков в книге «Марина Мнишек» (ЖЗЛ) связывает картину, именуемую «Въезд Марины Мнишек в Москву...» с событиями Тушинского периода. См.: [4, с. 180-185].

с храмом-шатром над свитой. Скала – твердь, для основания чего-либо. С ней отождествляется Бог («Господь – твердыня моя, и крепость моя, и избавитель мой». Вторая книга Царств, 22, 2). Образ скалы на картине аккумулирует эти значения, представляя иконический знак «внутреннего монолога» будущей царицы, обращенного и к Богу и к царственному супругу. Море – символ страстей.

«Походный» храм, в котором происходит коронация, увенчан золотой скульптурой, в которой по атрибутам – копье и хоругвь – читается Св. архангел Михаил. Это посредник между мирами и, возможно, патрон самого предприятия. Краковское обручение состоялось 22/12 ноября, на следующий день после празднования католиками Явления Св. Михаила.

Общая символика картины: Св. Архангел Михаил осеняет принятие Мариной земного венца. Ее кредо хранить христианскую веру, противостоять страстям и усмирять их.

3. «Венчание в Успенском соборе». Символическое значение: триумф царицы. Успенский собор трактуется как открытая площадка-помост, окруженная зрителями. «Алтарь» – штандарт с двуглавым орлом.

Димитрий и Марина восседают на тронах в центре. За царем – бояре, за Мариной – польские магнаты (в реальности удаленные из храма в момент обряда). Исторически царице в «московском» обряде венчания сопутствовала княгиня Мстиславская. И в «венчальной» сцене в Кракове за Мариной стоят женщины. Здесь же – исключительно мужчины, во главе с отцом героини. Русская царица, не только не отрекается от «рода отца своего», но и акцентирует связь с ним в «собственной» репрезентативной программе.

Светлые кафтаны русских бояр контрастируют с темными жупанами польских магнатов. При этом кафтан царя абсолютно идентичен кафтанам бояр из его свиты, чего в исторической реальности не могло быть в принципе [7]. Художником-европейцем «не замечаются» бармы – символ царской власти, – зато прописываются скипетр, держава и «европейские» венцы, идентичные по форме и величине. В реальности такой венец был изготовлен только для царицы. Костюм героини представляет своеобразный компромисс культур: цвет и орнаментика платья идентичны нарядам русских, а покрой «европейский».

В позе царицы Марины угадывается иконография Мадонны. Так сквозь образ царицы земной проступает образ Царицы Небесной.

Образы-символы выстраивают метафизический сюжет триптиха, развивающийся по духовной вертикали: героиня становится царицей, обретая сакральную харизму власти.

Более детально опыт самоидентификации Марины Мнишек в статусе русской царицы / императрицы предстает в парадных портретах.

Фон в портрете Марины Мнишек (ГИМ) акцентирует царственность модели, так как сюда перенесен походный храм с картины «Въезд Марины Мнишек со свитой в Москву...»⁴.

В портрете акцентируются сразу три грани образа Марины – принадлежность к роду Мнишков (геральдический знак – медальон Мнишков), «царственный» статус в Польше (владетельная корона на голове) и католицизм (на золотой цепи шестиконечный крест). Так, став русской царицей, Марина сохраняет и родовую, и национальную идентичности. Более того, именно они рассматриваются создателями «вишневецких» портретов как условие царского статуса.

Изображение Марины Мнишек на коронационном ростовом портрете Ш. Богуша (1606, Вавель) идентично описанному выше. Основные отличия: нейтральный пейзаж фона и богатая аранжировка героини деталями пурпурного цвета (драпировка-занавес, красное сукно стола под инсигниями, обувь).

Марина Мнишек, равно, как и ее супруг, репрезентируются в чуждых русской культуре конца XVI – начала XVII вв. формах (парадный портрет), а также в чуждых гендерных проявлениях (наделение женщины-царицы равными с мужчиной-царем атрибутами власти). И в «исторических», и портретных изображениях Марина Мнишек предстает именно как царица / императрица. Лишенная трона, она не перестанет ощущать себя царицей, заявив корреспонденту, «забытому» присоединить в обращении к ней царский титул, что солнце не утрачивает блеска даже тогда, когда его закрывают тучи [1].

1. *Гиришберг А.* Марина Мнишек: Историческое исследование / Русск. пер. с предисл. А. Титова. М., 1908.

⁴ Можно предположить, что такой фон был дописан позже, уже по факту свершения коронации, так как между предполагаемым временем создания портрета (1604) и временем коронации (1606) прошло полтора – два года.

2. Энциклопедія Львова. Львів, 2007. Т. 1.
3. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 2009.
4. *Козляков В.Н.* Марина Мнишек. М., 2005.
5. *Костомаров Н.Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1995.
6. *Мамулов С.С.* Удивительный народ из страны чудес. М., 2000. Кн. 3.
7. *Михайлова И.Б.* И здесь сошлись все царства...: Очерки по истории Государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010.
8. Мнишек Марина // Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 16. М., 1974.
9. *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981.
10. *Скрынников Р.Г.* Три Лжедмитрия. М., 2004.
11. *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет: Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.
12. *Ульяновский В.И.* Смутное время. М. 2006.
13. *Успенский Б.А.* Свадьба Лжедмитрия // Этюды о русской истории. СПб., 2002.

УДК 94(47).04

Л.А. Черная¹

Модернизация русской культуры XVII века: сверху или снизу?

Русская культура; модернизация; переход от Средневековья к Новому времени

Русская культура XVII столетия не была только «переходной», она обладала своим собственным характером, содержанием и значимостью. Основным смысл происходящего в этом столетии для истории русской культуры в целом связан с модернизацией «снизу», в противовес модернизации «сверху», проводимой в эпоху Петра Великого.

Русская культура XVII столетия, на наш взгляд, не получила в научной литературе адекватной оценки. Ее обычно рассматривают как «переходную» по отношению к культуре петровской эпохи. Между тем, у культуры XVII столетия есть собственная цельность и собственная значимость, которые позволяют рассматривать ее независимо, вне связи с петровскими преобразованиями.

Сущность русской культуры XVII столетия кроется в процессе модернизации «снизу», в то время как в начале XVIII в. Петром Великим проводилась модернизация культуры «сверху». Придворная куль-

¹ Черная Людмила Алексеевна, Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова (РФ, Москва), д.и.н.; tchernie@rambler.ru.

тура XVII века «догоняла» культуру подданных, в особенности в области виршевой поэзии и музыки. Первые цари из дома Романовых прошли сложную эволюцию своего отношения к польской культуре: от полного отторжения и неприятия во времена Михаила Федоровича (особенно в годы соправления с патриархом Филаретом – 1619-1633 гг.) до ориентации на польские образцы в разных сферах бытовой и церемониальной культуры при Алексее Михайловиче, а затем полного и всестороннего заимствования польских достижений в культуре во время правления Феодора Алексеевича.

С самого начала «бунташного» столетия, во время Смуты уже наблюдаются процессы, связанные с «полонизацией», проникновением польского влияния во все сферы русской культуры самых разных социальных слоев, начиная с одежды и бритья бород и заканчивая барочной поэзией и переводом басен Эзопа Федором Гозвинским.

Этапы и формы «полонизации» русской культуры: внешнее (визуальное) усвоение в первой половине столетия, сменяется глубоким внутренним освоением новаций, приведшим к реформам в изобразительном искусстве («живоподобие»), музыкальной культуре (партесное пение и инструментальная музыка), садовом искусстве (ренессансные «итальянские» и барочные сады) и др.

Роль книги в модернизации русской культуры неоспорима. Именно через книгу шло в основном освоение русскими новых явлений. Переводческая деятельность Посольского приказа, наличие большого числа частных переводчиков с польского языка (пленные поляки, польские эмигранты) позволило значительно расширить круг переводной литературы, начиная от исторических хроник и заканчивая «фацециями».

Модернизация «снизу» наиболее показательна на примере распространения виршевой поэзии. В 1630-1640-х годах уже сложилась так называемая «приказная школа» (термин А.М. Панченко), в рамках которой создавались специальные «Алфавиты» двоестрочных рифм, писались многочисленные послания с акростихами, «серпантинные» и другие фигуративные стихи. Только во второй половине XVII столетия, начиная с 1664 г. виршевая поэзия появилась в придворной культуре московских государей. Первым придворным поэтом был Симеон Полоцкий, привезший в Москву польский вариант барочной поэзии. В правление «тишайшего» Алексея Михайловича виршевая поэзия постоянно звучала на всех праздничных и траурных мероприятиях царского двора («Орел российский», «Гусли добродетельная», «Френы, или плачи» и т.п.). Кроме того, Симеон Полоцкий писал по заказу придворной аристократии массу стихов «по случаю» (возвращение

главы семейства в дом свой, первое представление юноши при дворе, бракосочетание и т.д.). После смерти С. Полоцкого придворными поэтами стали Сильвестр Медведев и Карион Истомин. Но в целом, придворная поэзия возникла значительно позднее «приказной» поэзии, что еще раз свидетельствует о движении модернизации «снизу».

Распространение украинского партесного пения на несколько голосов началось также «снизу», как и увлечение москвичей органной инструментальной музыкой, исполнявшейся польскими музыкантами. Первый теоретический труд «Идея грамматики мусикийской» был составлен поляком Николаем Дилецким не в царском дворце, а в доме купца Григория Дмитриевича Строганова в Сольвычегодске. «Киевские спеваки» обучали певчих патриарха Никона. Царские певчие едва ли не последними перешли от знаменного пения к многоголосному, и от записи нот крюками к нотолинейной европейской системе. Инструментальная музыка при дворе Алексея Михайловича была допущена впервые при исполнении балета «Орфей» в придворном театре в 1674 году.

Широкое распространение «фряжских листов», «немецких печатных листов», под которыми подразумевались западноевропейские гравюры, наблюдалось в XVII столетии не только в Москве, но и в других русских городах. Гравюра стала одним из демократических видов искусства, доступных самым широким социальным слоям. Гравюрами украшали стены комнат, по ним обучали детей, художники копировали гравюры из европейских печатных «Библий», перенося их на иконы. Переход к «живоподобию» начался в среде передовых, лучших мастеров, многие из которых были царскими изографами. Однако, новая «светловидная манера письма» была их личной инициативой, не связанной с царскими заказами или указаниями и установками. Иосиф Владимиров, автор «Послания» к Симону Ушакову, призывал всех художников перейти от копирования древних иконных образцов к копированию живой окружающей жизни. Ведущий художник Оружейной палаты Симон Ушаков в своем «Послании к люботщательному иконного писания» называл художника «вторым зеркалом», призванным отражать увиденное реалистически. Мастер планировал создать учебный атлас с изображением всех частей человеческого тела. «Живоподобная» живопись – самое яркое доказательство модернизации русской культуры XVII века, по сути перешедшей от средневекового типа к культуре Нового времени, причем задолго до петровских преобразований.

Мягкая и постепенная модернизация русской культуры «снизу» на протяжении XVII столетия была нарушена агрессивной и быстрой,

и как следствие, плохо усваиваемой обществом, модернизацией «сверху», проводимой Петром Великим.

УДК 94(47).06

О.Е. Глаголева¹

**Провинциальные дворяне в России середины XVIII в.:
индивидуальные лица в коллективном портрете (по
материалам международного исследовательского
проекта «Культура и быт русского дворянства в
провинции XVIII в.»)**

Дворянство XVIII в.; провинция; Уложенная комиссия 1767-1774 г.; Тульская губерния; Орловская губерния; Московская губерния; инновационные технологии в исторической науке.

В докладе будут представлены материалы и результаты исследовательского проекта «Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в.», проводимого под эгидой Германского исторического института в Москве исследователями трех стран (Россия, Германия, Канада, науч. руководитель О.Е. Глаголева), а также база данных и сайт проекта <http://adelwiki.dhi-moskau.de>, в которых накоплены сведения о более чем 5,5 тыс. дворян, проживавших или имевших собственность в Орловской, Тульской и Московской губерниях во второй пол. XVIII в. В центре внимания проекта – провинциальные дворяне указанных регионов, принявшие участие в кампании по созыву Уложенной комиссии 1767-1774 гг.

История российского дворянства стала в последние годы довольно модным направлением исследовательских поисков как профессиональных историков, так и всех интересующихся историей России. Правящие элиты страны и процессы трансформации, происходившие в них в период XVII – XVIII в., стали объектом более пристального внимания со стороны ученых [4]. В то же время в изучении истории «рядового» дворянства, особенно дворян, проживавших в провинции, до сих пор наблюдаются серьезные пробелы. В исторической науке продолжают бытовать стереотипные воззрения, считающие провинциальное дворянство почти поголовно неграмотным и невежественным, а жизнь в провинции дикой и темной, которой «не коснулись лучи просвещения» [5, с. 41]. Все еще доминирующий взгляд на российское дворянство XVIII в. как оторванное от

¹ Глаголева Ольга Евгеньевна, Германский Исторический Институт в Москве (РФ, Москва), к.и.н., Ph.D.; olga.glagoleva@utoronto.ca.

своей среды сословие [6], переживавшее «экономический застой, упадок и кризис» [8, с. 29], базируется на слишком общих и переставших удовлетворять современному уровню развития науки сведениях, почерпнутых в основном в трудах историков XIX в. и немногочисленных мемуарах. Главной причиной столь неудовлетворительного положения с изучением дворянства российской провинции XVIII в. остается малоизученность огромных пластов документальных материалов, сохранившихся как в центральных, так и в особенности в региональных архивохранилищах.

Пересмотр во многом устаревших исторических концепций и взглядов на провинциальное дворянство XVIII в. стал задачей международного исследовательского проекта «Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в.», проводимого под эгидой Германского исторического института в Москве (ГИИМ) исследователями трех стран (России, Германии и Канады) в 2009-2013 гг. Начальным этапом проекта стала международная научная конференция *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в.*, проведенная в стенах ГИИМа в 2009 г. Исследовательские работы, опубликованные после конференции [3], положили теоретическое основание исследованиям в проекте.

В центре внимания проекта находились дворяне Орловской, Тульской и Московской провинций и уездов, вошедших по реформе 1775 г. в одноименные губернии, принявшие участие в кампании по созыву Уложенной комиссии 1767-1774 гг. Как наиболее социально активные, эти дворяне стали центральными фигурами складывавшихся в 1760-х–1770-х гг. локальных дворянских сообществ. Выявление и детальное изучение локальных дворянских сообществ и, в первую очередь, изучение человека в его конкретном локальном социуме на территории трех соседних регионов центральной России стало возможным только благодаря выявлению и изучению огромного количества ранее неисследованных архивных документов, хранящихся в государственных архивах Орловской и Тульской областей, а также РГАДА, РГИА и РГВИА.

Наши главные исследовательские направления включали в себя изучение участия представителей провинциального дворянства в кампании по созыву Уложенной Комиссии 1767-1774 гг. на местах, а также в работе самой комиссии; политического и гражданского сознания дворянства второй пол. XVIII в.; его социально-экономического облика; ежедневной жизни в провинции и культурных запросов провинциальных дворян. Взяв за отправную точку наших исследований подходы, прежде всего, локальной истории [1], мы поставили перед собой

задачу посмотреть на события созыва и работы комиссии по сочинению нового Уложения 1767-1774 гг. в контексте локальной истории и в рамках более широкого хронологического периода 1730-х–1780-х гг. В первую очередь, нас интересовали всевозможные связи между дворянами – социальные, экономические и культурные, которые могли бы говорить о существовании локальных сообществ в провинции и особенностях их функционирования.

Для успешной реализации нашего проекта нам удалось собрать динамичную команду исследователей в составе 13 человек. Среди российских ученых – специалистов в разных областях знаний, отвечающих потребностям нашего проекта, были как уже известные ученые, так и очень перспективная молодежь: Е.В. Акельев, Г.О. Бабкова, В.Е. Борисов, Ю.В. Жукова, Л.М. Кондакова, О.Н. Купцова, Е.И. Кузнецова, М.В. Ослон, Е.И. Самарцева, И.В. Фаизова, Б.В. Шарькин. Руководителем со стороны ГИИМа является И. Ширле, научный руководитель О.Е. Глаголева. Среди партнеров нашего проекта – ведущие специалисты в области изучения России XVIII в. мирового масштаба: А.Б. Каменский и Е.В. Анисимов (Россия), Клаус Шарф (Германия), Владимир Берелович (Франция), Элиз Виртшафтер и Давид Ранзел (США).

Изучение сразу трех регионов и нахождение участников проекта не только в разных городах, но и большую часть времени в разных странах, определило необычность наших исследовательских подходов. Возможность собираться для обсуждения лишь раз в полгода вызвала необходимость создания электронного форума для обсуждений, что породило, в свою очередь, идею создания общей базы данных, куда все участники проекта могли бы вносить данные, собранные из разных источников. Так у нас появилась компьютерная база данных о дворянах Орловской, Тульской и Московской губерний, ставшая важной частью нашей исследовательской работы, а наш проект превратился в проект интерактивный. В этом смысле наш проект является совершенно уникальным, и интерактивный аспект нашего исследовательского метода – новшество, впервые применяемое в исторических исследованиях по истории России, да мы и не знаем аналогов в исторической науке других стран; этот метод – наша идея и собственная разработка (идея, техническая и научная разработка О.Е. Глаголевой и М.В. Ослона).

База данных привела к созданию сайта нашего проекта, который сегодня открыт для публики (<http://adelwiki.dhi-moskau.de>). Наша база данных, несомненно гораздо шире открытого сайта. Это и понятно: она включает множество специфических служебных страниц с инстру-

ментарием наших исследований, программными продуктами, разработанными специально для нашего проекта нашим программистом М. Ослоном, массу обрабатываемых нами исторических источников, страницы обсуждений нашей работы внутри нашего коллектива и т.д. Тем не менее, на нашем сайте открыто около 300 страниц, отражающих, в первую очередь, работу провинциальных дворян в Уложенной комиссии 1767-1774 гг., и их количество постоянно увеличивается. После публикации трех готовящихся к изданию томов с материалами и научными статьями, являющимися результатом реализации нашего проекта, мы намерены постепенно открыть остальные страницы нашей базы.

Говоря об уникальности нашего проекта, следует, конечно, сказать, что компьютерные базы данных появились почти одновременно с появлением компьютерной техники. Наиболее распространенными являются базы данных, включающие в себя однотипные сведения, например, переписи населения, статистические данные о развитии отраслей промышленности, сельского хозяйства, о выборах и т.д. При их создании обычно пользуются методом цифровой табличной кодировки (см., например, [6]). Цифровая кодировка используется и при создании баз данных генеалогического и биографического характера, примером которых может служить информационно-поисковая система «Род князей Голицыных» [2]. Несомненно, базы данных, использующие методы цифровой кодировки, дают интересные и порой весьма широкие возможности для количественного анализа собранной информации. Однако трансформирование текстовой информации в машино-читаемую требует огромных трудозатрат, получаемый результат доступен лишь специалистам, и без машинной обработки подобные таблицы мертвы.

Наш способ организации базы данных предельно прост и доступен как его создателям, так и пользователям, и обладает, на наш взгляд, многими достоинствами, которых не имеют другие способы создания баз данных. Разработанная на основе системы Wikipedia, прельстившей нас понятностью и простотой интерфейса и легкими способами организации информации, наша база данных позволяла размещать информацию в системе без ее предварительной кодировки, в текстовом режиме, что сохраняло легкую читаемость и понимаемость материала. Созданная нами система позволяла сделать то, что раньше было недоступно историкам – она создавала возможности для коллективного труда нового уровня, когда в создании одного текста – например, одной статьи о человеке, событии, одного документа и т.п.,

могли одновременно участвовать сразу несколько исследователей, находящихся к тому же в разных частях света.

В отличие от стандартного размещения информации на страницах Википедии, организованного в свободном стиле с минимальной структуризацией, информация нашей базы данных строго структурирована. Для этого все данные о персонах и имениях внесены в два специально разработанных шаблона. Шаблон «Персона» содержит 72 параметра, являющихся одновременно поисковыми полями; шаблон «Усадьба» имеет 41 параметр. Создавая данные шаблоны, мы старались максимально отразить разнообразие вносимых в базу данных сведений о человеке и его собственности. Возможности существования базы данных в сети Интернет дали нам еще один инструмент, поистине бесценный для выполнения задач нашего проекта – возможность создавать гиперссылки и тем самым связывать информацию об отдельных индивидуумах и целых группах людей, а также «привязывать» ее к размещаемым в базе данных документальным и другим источникам, тем самым создавая обширную сеть взаимодополняемых сведений, почерпнутых из многочисленных и разнообразных источников. Наглядность представления материалов в сети Интернет, его многоуровневость и интерактивность взаимодействия разных блоков представленной информации, наряду с возможностью размещения в рамках базы данных не только текстовых, но и графических материалов – портретов включенных в базу данных персон, изображений усадеб и городов, картографических источников, – уже на уровне накопления и введения материалов в нашу базу данных давали наглядную и чрезвычайно ценную картину исторического процесса во всем его многообразии, глубине и разносторонности, воссоздавали объемную картину провинциальной жизни второй половины XVIII в.

На момент завершения основных работ по проекту в нашей базе данных насчитывается почти 17 тыс. страниц, причем более 10 тыс. страниц составляют собственно нашу базу данных. В ней содержатся около 5,5 тыс. страниц по персоналиям и 2,5 тыс. страниц по имениям и усадьбам дворян. Кроме того, база данных содержит большое количество страниц с архивными и другими источниками, а также вспомогательными материалами, создаваемыми нами в ходе нашей исследовательской работы, такими как списки подписавших указы от уездов трех губерний дворян, депутатов Уложенной комиссии, представителей местной администрации и чиновников, владельцев имений по губерниям и уездам, усадеб и т.д. Из 5,5 тыс. дворян – почти 1200 человек составляют женщины – это довольно внушительный корпус

сведений о провинциальных дворянках. Мы видим большинство из них активными участницами социальной и экономической жизни.

Нам удалось доказать, что представление о том, что русское дворянство проигнорировало кампанию по созыву Уложенной комиссии, не совсем справедливо. Как показали наши исследования, из действительно проживавших в уездах дворян почти половина приняла участие в выборах и подписании наказов, а отсутствовавшие дворяне прислали отзывы в гораздо большем количестве, чем раньше считалось. Наибольшую активность проявили отставные дворяне в самом действенном возрасте, от 30 до 50 лет. Мы уточнили процедуру выборов и приоритеты, которыми руководствовались дворяне в выборе предводителей и депутатов. Наша база данных позволила проанализировать семейно-родственные отношения дворян, их экономические связи и проблемы, с ними возникавшие, уровень грамотности и культурные запросы. Материалы проведенных исследований показывают провинцию не как «глушь» и пространство невежества и затхлости жизни, но как динамичный сектор экономики страны, в развитии которого дворянство играло определяющую роль во многих отношениях. Внутри локальных дворянских сообществ существовали развитые связи самых различных типов. Активность дворянства в различных областях экономики, социальной сферы и культуры русской провинции XVIII в. отражала его способность к адаптации в меняющихся условиях жизни.

1. *Глаголева О.Е.* Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в.: Подходы и методы изучения // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. / Ред. О. Глаголева и И. Ширле. М., 2012.
2. *Горянов А.В., Горянова Л.Т.* Информационно-поисковая система "Род князей Голицыных" // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы XII Голицынских чтений 22-23 января 2005 г. Большие Вяземы, 2005.
3. Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. / Ред. О. Глаголева и И. Ширле. М., 2012.
4. Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750) / [отв. сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен; отв. ред. серии А.В. Доронин]. М., 2013.
5. *Newlin Th.* The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral, 1738-1833. Evanston, Illinois, 2001.
6. *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia: the Eighteenth-century Nobility. New York and London, 1966.
7. *Steven Ruggles.* Historical Census Data from the University of Minnesota. // <http://www.hist.umn.edu/~ruggles/hist5011/census%20data%202.ppt>.
8. *Wirtschafter E. K.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb (Ill.), 1997.

Императрица Екатерина II в церемониале высочайшего путешествия

Церемониал; религиозные ритуалы; идентичность; легитимация власти; императорский образ.

В статье рассматривается, как императрица Екатерина II использовала символические ресурсы культурного пространства для того, чтобы утвердить образ российской императрицы.

В практике высочайших путешествий императрица Екатерина II использовала символические ресурсы культурного пространства для того, чтобы утвердить образ российской императрицы. Важным элементом этого образа являлась его православная составляющая. В этом отношении поездки императрицы по стране представляют существенный интерес в плане изучения использования ею факторов религиозной идентичности как одно из средств политической легитимации.

Поменяв с приездом в Россию свою религиозную идентичность, Екатерина II понимала важность ее проявления не только в повседневной, придворной политической жизни, но и в своих поездках по стране. Акцент на религиозной составляющей, во многом, был вызван ее нелегитимным восхождением на престол. Поэтому в своих путешествиях Екатерина постоянно стремилась поддерживать образ православной императрицы, что отражалось в аккуратном исполнении ею религиозных обрядов. Особенно это проявилось в путешествии по Волге в 1767 г. Практически в каждом населенном пункте, сойдя с лошадей или с пристани, она шла прямо в церковь, выстаивала службу, выслушивала литургию, прикладывалась к образам и мощам святых. Так, во время путешествия по Волге, в Твери 2 мая 1767 г., в день Преполовления, после литургии в соборной, Спаса Преображения, церкви, несмотря на дождь, императрица приняла участие в крестном ходе². В этом отношении Екатерина существенно отличалась от Елизаветы, которая, несмотря на свою набожность и суеверность, судя по отзывам современников, не могла даже выстоять на одном месте цер-

¹ Ибнеева Гузель Вазыховна, Казанский федеральный университет (РФ, Казань), д.и.н.; Guzel.Ibneyeva@ksu.ru.

² Екатерина шествовала от собора до пристани, где было сооружено место для освящения воды. См.: Санкт-Петербургские ведомости. № 41. 22 мая 1767 г. Прибавление.

ковную службу и все время перемещалась по храму, иногда же вообще покидала его, не дослушав литургии [1, с. 206].

О том, какое внимание русская царица уделяла обрядовой стороне культа в ходе путешествия в Крым, свидетельствует дневник венесуэльца Франсиско де Миранда, путешествующего в то время по России. Так, 26 марта 1787 г. в Киеве в страстную пятницу, в соборной церкви Успения богородицы был осуществлен обряд поклонения Спасителю. Была внесена плащаница с изображением образа усопшего Спасителя³. По словам Миранды, клирики целовали лик, а императрица и дамы – ноги этого образа. Миранда отмечал, что после этого обряда императрица подозвала господина Мамонова и послала сказать мне, чтобы я «не воспринимал праздник "tout a fait" [совсем] как акт веры с ее стороны» [3, с. 126-127]. Екатерина была достаточно религиозна. Однако, она, видимо, внутренне не высоко ценила обрядовую сторону церкви. Вместе с тем, прагматически настроенная царица понимала значение православия для русских людей. Соблюдая православные обряды, она выглядела в глазах населения «русской», природной царицей, в чем достигала определенного успеха.

Исправное соблюдение религиозных обрядов не остается незамеченным со стороны подданных. Г. Добрынин, наблюдая за Екатериной в Могилеве в 1780 г., так воспринял ее религиозность: «Известно, что государыня ... рождена и воспитана в законе евангелическом, а грекороссийский приняла уже перед бракосочетанием. Но, с каким достойным зрением благочестием и нравственной простотою, предстала она тогда священному алтарю, и, при важнейших действиях, заключающих в себе таинство греко-восточной церкви, изображала на себе полный крест, и поклонялась столь низко, сколь позволяет сложение человеческого корпуса! Сие приметно было всем тогда, и единоверцам, и католикам!» [2, с. 209].

Свою православную суть она проявляет не только на исконно российских землях, но и в остзейских губерниях – Лифляндии и Эстляндии (1764 г.). В этом лютеранском пространстве она намеренно посещает православные церкви в Ревеле и Риге⁴. Местная администрация срочно сооружает «царское место» в Ревельской соборной

³ КФЖ. 1787. 27 марта. С. 240.

⁴ КФЖ. 1764. С. 379.

церкви⁵. К моменту приезда Екатерины в цитадели Риги намеренно строится соборная Петропавловская церковь и колокольня⁶.

Религиозная идентичность акцентируется императрицей и тем, что она принимает участие в обращении инородцев в православие. Так, 1 мая 1787 г. к ней обратились с просьбой о крещении осетины, и, она участвовала в их обращении⁷. Объектом ее особенного внимания становятся учебные духовные учреждения. Императрица предпочитала посещать духовные школы, а не светские учебные заведения. Так, например, она посетила Казанскую духовную семинарию и «новокрещенскую школу» (1767)⁸, позднее в Москве – Троицкую духовную семинарию (1785)⁹ и т.д.

Особое внимание в своих поездках августейшая путешественница уделяла духовенству: посещала кельи, больных, приглашала к обеду духовных лиц. Причем, она сообщает приближенным об этом, очевидно, рассчитывая на определенный эффект. Так, например, 29 марта 1787 г. она информирует Миранду о том, что навещала после службы больного архиепископа в Киеве. «Какое человеколюбие», отмечает венесуэлец [3, с. 129]. Так создается имидж истинно православной царицы.

Частью императорского церемониала являлось посещение ризниц. Императрица часто их осматривала. 2 июня 1780 г., будучи в Смоленске, после литургии в церкви Иоанна Предтечи Екатерина осмотрела архиерейскую ризницу¹⁰. Пребывание в ризницах имело не только ритуальный характер, оно имело важную символическую направленность. Ведь ризницы составлялись и за счет ценностей, подаренных представителями династии Романовых. Екатерине было немало важно проявить сопричастность к преемственности поколений императорской фамилии.

⁵ По донесению Ревельской генерал-губернаторской канцелярии, о сделании в Ревельской соборной церкви царского места, 18 марта 1764 г. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 45. Д. 91.

⁶ По донесению псковского епископа Иннокентия, коим представляет о построении в Риге, цитадели соборной Петропавловской церкви и при ней колокольни, 10 мая 1764 г. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 45. Д. 161.

⁷ Храповицкий А.В. Записки ... С. 28; Храповицкий А.В. О пребывании императрицы Екатерины II в Кременчуге 1 мая 1787 г. См.: ОР РГБ. Ф. 323. Ед. хр. 82 (папка 1348). Л. 79.

⁸ КФЖ. 1767. 30 мая. С. 189–190.

⁹ КФЖ. 1785. 1 июня. С. 335–336.

¹⁰ Парфений, епископ смоленский – В.Г.Рубану, 16 июня 1780 г. См.: ОР РНБ. Ед. хр. 653. Д. 23. Л. 8 об.

Императрица использовала возможность их посещения и для того, чтобы приобрести церковную утварь для принесения в дар духовенству других епархий. Известно, что после визита в ризницу Киево-Печерской лавры (1787) она купила ряд предметов церковного облачения и распорядилась передать их казанскому духовенству (четыре фелони и «воздух»)¹¹.

Ритуал коронованной особы свидетельствует о том, что она бывает в значимых для православной церкви и паствы местах. В этом отношении Киев, как город с многовековым прошлым, позволял российской императрице манипулировать символическим капиталом, и тем самым поддерживать образ «природной» русской императрицы. Помимо того, что она посетила киевские соборы, церкви и монастыри (Софийский собор, девичий Богословский монастырь, Фроловский девичий монастырь, Михайловский монастырь), 15 февраля 1787 г. Екатерина посетила верхние (ближние) и дальние пещеры в Киево-Печерской лавре¹². Пещеры Киево-Печерской лавры имеют особое значение для православных людей. Поселение преподобного Антония на территории Дальних пещер считают началом основания Киево-Печерского монастыря [4, с. 3–4]. Со временем пещеры, хранившие в себе мощи святых, становятся местом паломничества. Не случайно здесь Екатерина принимает помазание миром из мирооточивых глав¹³.

Екатерина осознавала важность посещения значимых культовых сооружений, что отражалось и в понимании необходимости информирования населения об этих венценосных визитах. О посещении пещер и причащении там императрицы Панфилов сообщил в Правительствующий Синод для отсылки этого сообщения в канцелярию императорской Академии Наук «для припечатания о сем в газетах»¹⁴. Понятно, что власть продолжала воздействовать на население в целях формирования у него определенного восприятия императорского образа.

Другим важным аспектом восприятия населением Екатерины как истинно благочестивой императрицы являлись ее пожертвования, дары русской православной церкви. Широкий размах приобрели пожалования императрицы в Киеве в 1787 г. Для нее Киев был не только город, с которого начиналась русская земля, но, прежде всего,

¹¹ Национальный музей Республики Татарстан. Сектор этнографии. № 5906, 5959, 10448–26, 10573.

¹² КФЖ. 1787. 15 февраля. С. 169–170.

¹³ КФЖ. 1787. 15 февраля. С. 170.

¹⁴ По репорту духовника императрицы Иоанна о причастии императрицы в Киево-Печерской Лавре. 1787 г. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 68. Д. 83. Л. 1–2.

место, откуда начало распространяться православие. Поэтому особое внимание Екатерина уделила материальному положению киевского духовенства. Так, например, ею была пожалована монашеству Лавры сумма в размере 3 тыс. руб.¹⁵, которую духовный собор решил честно разделить между братией в соответствии с их рангом в церковной иерархии¹⁶. Заштатному монашеству Киево-Печерской лавры было пожаловано 500 руб.¹⁷. В Малороссии с 1786 г. начала проводится секуляризация земель и императрице было важно показать, что государство поддерживает и тех, кто остался за штатом. Внимание ее к духовенству выразилось и в даровании риз Софийскому собору, Десятинной церкви и другим церквям¹⁸.

С сочувствием отнеслась императрица к проблемам Лавры. Узнав о появлении в фундаменте соборной церкви Лавры (Успенский собор) трещин, 18 марта 1787 г. она сделала распоряжение губернскому архитектору Буцци осмотреть церковь и принять меры на укрепление ее фундамента¹⁹. 23 марта 1787 г. императрица распорядилась о переводе денежной суммы для привоза булыжников для мощения улиц Киева, часть из которых направлялась на сохранение фундамента церкви²⁰. Вообще, на исправление построек Киево-Печерского монастыря и кафедральной церкви было пожаловано 24 тыс. руб.²¹

В дар монастырям и церквям ею жаловалась церковная утварь. Так, например, в Киево-Печерскую лавру было подарено серебряное паникадило²²; в Киево-Софийский собор – золотые сосуды: потир («выложенной сканной золотой работой»), дискос²³; в Златоверхо-

¹⁵ Ордер ... соборному старцу экклисиарху ... Захарию, соборному иеромонаху ... отцу Иерониму, иеродьякону Филарету ... См.: ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1 (заг.). Д. 605. Л. 314 об.

¹⁶ См.: Росписание поскольку кому из монашествующей Соборской братии в штате почитающейся следует с высочайше пожалованной от Ея имп. Вел-ва трех тысячной суммы, март 1787 г. См.: ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1 (заг.). Д. 605. Л. 319–319 об.

¹⁷ Росписание ... Л. 326.

¹⁸ ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1 (заг.). Д. 749. Л. 3–3об.

¹⁹ Дело об освидетельствовании во время бытности Ея имп. вел-ва в Киеве архитекторами Лаврской соборной церкви за алтарем фундамента и прочих трещин, 23 марта 1787 г. См.: ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1 (заг.). Д. 749. Л. 5.

²⁰ Екатерина II – гр. П.А.Румянцеву, 23 марта 1787 г. См.: ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1 (заг.). Д. 749. Л. 3.

²¹ О пожалованных императрицею Екатериною II ... См.: ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1 (заг.). Д. 749. Л. 3 об.

²² Там же. Л. 3.

²³ Репорт Иоанна Леванды и ключаря Павла Альшевского, 18 апреля 1787 г., Киевософийский собор. См.: Институт рукописей научной библиотеки Украины им. Г.В.Вернадского Ф. 230. Ед. хр. 36. Л. 4.

михайловский – золотая лампада с жемчужной и «бриллиантами клетью»²⁴. Особое внимание августейшая особа уделяла украшению православных святынь, общезначимых для всех прихожан. Так, например, Киево-Софийскому собору в 1787 г. она дарит парчовый покров к мощам святителя Макария; Златоверхомихайловскому монастырю – парчовый покров к мощам св. великомученицы Варвары²⁵. Киево-Печерской лавре (1787) жалует золотую лампаду с бриллиантовой кистью к мощам св. кн. Владимира, а также парчовые покровы ко всем святым мощам. Этот дорогой подарок символически отражает стремление Екатерины подчеркнуть понимание ею значимости этих святынь: мощи св. Владимира олицетворяли начало православия на Руси, мощи других святых – его утверждение.

Все эти дары, безусловно, являлись важным ресурсом в утверждении легитимности российской императрицы. Высшие иерархи церкви в лице Самуила Миславского воспользовались этим поводом для того, чтобы еще раз подчеркнуть ее истинное благочестие. Так в письме к Екатерине, Самуил выводил из высочайших даров ее истинную веру: «она поставляя драгоценнейший матерний дар в Храм Богоматери с восхищением проповедует чистейшую веру и пламеннейшее усердие Вашего Величества к Богу... и не находя иной жертвы кроме вечных благодарений и горячих молений новой славы, возвышается ко пресветлому превечному престолу...»²⁶. Таким образом, Самуил поднимал образ императрицы до уровня божественного престола, т.е. подчеркивал сакральность ее власти.

Один из аспектов легитимации власти – соответствие власти установленным нормам как формальным, так и неофициальным; оправданность этих правил верованиями, разделяемых правительством и народом. Взаимодействие с духовенством, аккуратное исполнение обрядов, дары императрицы – все это должно было быть замечено подданными российского государства. Акцент на религиозной идентичности в церемониале высочайшего путешествия способствовал утверждению императорского образа Екатерины II как природной «русской» православной императрицы. Большую роль в утверждении благочестивого облика Екатерины II сыграло православное духовенство. Екатерина II как никто другой из российских императриц XVIII века использовала возможности религиозных ритуалов для того, чтобы нарастить свой политический ресурс.

²⁴ О пожалованных императрицею Екатериною II ... Л. 3.

²⁵ О пожалованных императрицею Екатериною II ... Л. 3.

²⁶ Самуил – Екатерине II, январь 1789 г. См.: ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1 (заг.). Д. 749. Л. 63.

1. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII в. // В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988.
2. *Добрынин Г.* Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске. СПб., 1872.
3. *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской империи / Ф. де. Миранда. М., 2001.
4. Пещеры Киево-Печерской Лавры. Киев, 2004.

УДК 94(477)

Л.Ю. Посохова¹

Мир вещей и стиль жизни ректора Харьковского коллегиума Лаврентия Кордета

Православные коллегиумы; стиль жизни; история вещей.

На основании реестров личных вещей реконструируется стиль жизни ректора Харьковского коллегиума Лаврентия Кордета. Делается вывод о том, что в его стиле жизни нашли отражение процессы модернизации, характерные для XVIII в., переплетались черты «нового» и «традиционного».

Православные коллегиумы – Киевский, Черниговский, Харьковский и Переяславский (основаны соответственно в 1632, 1700, 1726, 1738 гг.) – стали ярким проявлением развития украинской культуры в раннее Новое время, олицетворяя встречу культурных традиций Запада и Востока Европы. Рождение такого феномена как «православный коллегиум» произошло в ходе трансфера и адаптации европейских образовательных форм [о модели православного коллегиума см.: 4]. В православных коллегиумах были восприняты образовательные традиции гуманистических школ Европы, главным образом иезуитских коллегиумов. Наиболее известным является Киевский (Могиланский) коллегиум, добивавшийся статуса «академии» от правительства Речи Посполитой, затем Московского государства. Становление других коллегиумов происходило под влиянием культурных, политических и социальных условий, которые сложились в XVIII в. на украинских землях Российской империи. Хотя исследователей интересовали прежде всего деятели Киево-Могиланской академии, изменения, происходившие в жизни профессоров «провинциальных» коллеги-

¹ Посохова Людмила Юрьевна, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (Украина, Харьков), д.и.н.; Lposokhova@mail.ru.

умов в XVIII в., являются важными маркерами «внутренних границ» и культурных диффузий.

Лавретний Кордет (1720–1781) несколько десятилетий был преподавателем, префектом, затем ректором Харьковского коллегиума. Реконструировать его стиль жизни, интересы, предпочтения можно по тем вещам, которые окружали его в повседневной жизни. В свою очередь набор этих вещей фиксируется благодаря найденным «реестрам» личных вещей и эпистолярным². Методологической основой данного исследования послужила теория «стилей жизни» Мартина Дингеса [1].

О жизни и деятельности Лаврентия Кордета известно немного, а исследования представлены лишь статьями в биографических справочниках [2, с. 19-20]. Известно, что он родился в казацкой семье в Слободской Украине, учился в Киево-Могилянской академии, после чего был направлен преподавателем в Харьковский коллегиум и принял монашеский постриг. Такая траектория карьеры была характерной для многих преподавателей православных коллегиумов [3, с. 233–252], однако его социальное происхождение скорее говорит в пользу того, что это был нетипичный случай, ибо большинство преподавателей были выходцами из духовенства. Лаврентий Кордет преподавал в Харьковском коллегиуме в 1750–1770 гг., во время существенных изменений в самой модели православного коллегиума, когда усилились противоречия между ее формой и содержанием, между коллегиумами и новыми образовательными институтами Российской империи. В историографии, прежде всего советской, утвердилось мнение о том, что коллегиумы были архаичными заведениями, а их преподаватели – монахами, оторванными от реалий жизни. Насколько «стиль жизни» Лаврентия Кордета соответствовал таким характеристикам? «Реестр» его вещей настолько обширный и разнообразный, что, на наш взгляд, позволяет ответить на данный вопрос.

Половину списка вещей Лаврентия Кордета составляли книги (в первом реестре их записано 215, во втором – 243), что неудивительно, поскольку собирание книг было своеобразным «маркером» принадлежности к сообществу профессоров и высшего духовенства. Соответственно, прежде всего сделаем акцент на исследовании состава личной библиотеки Лаврентия Кордета, поскольку она является ярким

² РГИА. Ф. 796. Оп. 67. Д. 572. Л. 1–14; Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины. Ф. 20. Д. 13. Л. 230–298 (далее ссылки на «реестры» даются по этим источникам).

отражением вкусов, склонностей и предпочтений владельца. Репертуар книг свидетельствует о том, что явным приоритетом для него было преподавание. Характерной чертой его интересов выступает энциклопедизм, вполне отвечающий интеллектуальной моде XVIII в. В библиотеке ректора немало книг из разных областей знания: медицинские справочники, труды по астрологии, экономике, энциклопедия Дидро-Д'Аламбера. Наибольший интерес Лаврентий Кордет проявлял к географии и истории: в реестре более 70 «позиций» книг историко-географического содержания (что также соответствует XVIII в. – эпохе путешественников и первооткрывателей). Это были произведения, которые использовали в качестве учебных пособий («Всеобщая география» Б. Варения, работы А. Бюшинга, «Земноводного круга краткое описание» И. Гюбнера, атласы Венсгейма и др.), специальные работы по географии («Топография Оренбургская», «Описание Константинополя», «Описание земель Северной Америки», описания Китайского и Каспийского морей), популярные «путеводители» («Дорожная география» Ж.-Ж. Экспийи). В библиотеке было немало книг, которые играли роль пособий и стали важными вехами на пути становления истории как самостоятельной дисциплины (работы С. Пуфендорфа «Введение в историю», Г. Кураса «Введение в генеральную историю»; труды Фрейера, Буддея, Боссюэ, Лакроца на латинском и русском языке и др.). Наблюдается интерес владельца данного книжного собрания к истории Российского государства («Древняя российская вивлиофика» Н. Новикова, «Сибирская история» И. Фишера и «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства» М. Щербатова), но также к истории европейских государств, стран Востока и Америки («История датская»; «История о переменах, происходивших в Швеции»; «Родословная история о татарах»; книги по истории Мексики, Японии и др.). Интерес к всемирной истории стал отличительной чертой просветителей, и ректор Харьковского коллегиума, судя по библиотеке, придерживался таких же взглядов и предпочтений. Становится понятно, что не случайно белгородский епископ Самуил Миславский рекомендовал председателю «Вольного Российского собрания» И.И. Мелисину именно Лаврентия Кордета как специалиста, который может доработать и дополнить статьи готовившегося к изданию географического словаря³. Лаврентий Кордет выполнил задание, известно также о его желании стать членом этого общества.

³ Материалы для истории Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1891. № 20. С. 363.

Как известно, XVIII в. стал временем рождения новой науки. Об интересе Лаврентия Кордета к современной ему науке свидетельствует «философский отдел» его библиотеки. Кордет преподавал курс философии в коллегииуме, основываясь на воззрениях Христиана Вольфа. При этом он собрал большинство изданных на латыни и русском языке пособий Ф. Баумейстера по логике, натурфилософии и метафизике. В его библиотеке немало философских трудов выдающихся мыслителей того времени (Вольтера), ученых-естествоиспытателей (М.В. Ломоносова).

Книги по богословию (их относительно немного) преимущественно ориентированы на преподавательскую практику (рукописный курс и опубликованные трактаты Феофана Прокоповича, проповеди разных авторов). При этом в собрании видим и ряд трактатов на латинском языке, протестантские трактовки Святого Письма (И. Буддея, Я. Рамбаха и др.).

Библиотека Лаврентия Кордета позволяет говорить о его увлечении популярно-развлекательными изданиями (это были «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», «Полезное с приятным», «Трудолюбивый муравей», «Живописец»). В его книжном собрании имеется ряд романов развлекательно-морализаторского содержания, а также книги, адресованные молодежи, женщинам (большинство из них были переведены на русский язык с немецкого и французского языков в 1760-х – 1770-х гг.).

Насколько такая направленность интересов была характерной для других профессоров коллегииумов и представителей церковной элиты? Например, в библиотеке ректора того же коллегииума Платона Малиновского или в собрании префекта Иоакима Карпинского светской литературы вообще не было⁴. В то же время библиотечное собрание черниговского епископа Кирилла Лящевецкого (оно было передано в Черниговский коллегииум), демонстрирует совпадение ряда книг по истории, географии, философии, увлечение ее владельца приключенческими и сатирическими романами⁵. Таким образом, говорить об абсолютной уникальности примера Лаврентия Кордета нельзя. Более того, есть основания утверждать, что Век просвещения затро-

⁴ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1912. Т. 34 (1754 г.). Стб. 611–620; Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. II (1721–1795). Т. 4. К., 1907. С. 285–291.

⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1903. Т. 50 (1770). Стб. 697–711.

нул значительную часть российских интеллектуалов XVIII в., в том числе и тех из них, кто принадлежал к духовному званию.

Значительная библиотека, собранная человеком, никогда не выезжавшим из провинции, предполагает налаживание сети контактов. Такого рода «научная коммуникация» стала неотъемлемой частью интеллектуальной жизни Европы еще в XVI в., но в XVIII в. она уже охватила более широкий круг людей. Эпистолярное наследие Лаврентия Кордета вписывается в обозначенную модель, охватывает те же сюжеты: фиксируются просьбы прислать книги, наблюдается обмен впечатлениями от прочитанных книг. Адресатами были коллеги как текущего времени, так и прошедшего (например, он продолжал переписку с киевским митрополитом Самуилом Миславским), а также бывшие ученики.

О занятиях и вкусах вне сферы профессиональных обязанностей ректора «рассказывают» его личные вещи. На характер времяпровождения с гостями указывает наличие шахмат, запасов табака и серебряных табакерок. Нюхание табака в XVIII в. являлось статусным символом верхушки европейского общества, в том числе монашеской, а табакерка была неотъемлемой деталью культуры рококо. Реестры покупок ректора фиксируют интерес к новым продуктам (рижский бальзам), красивым вещам, в том числе из одежды. Ректор имел оружие: две пистолы, штуцер и карабинерную шпагу, запас пуль. В перечне имущества видим также шесть двуручных пил, клещи, молоты, железные формы для выливания пуль. Хорошо известно, что в этом веке увлечение ремеслами охватило даже царствующих персон.

Стиль жизни Лаврентия Кордета соотносится со стилем жизни интеллектуала своего времени. Появление таких людей считают одним из ярких социокультурных признаков эпохи Просвещения [5, с. 90]. Ректор Харьковского коллегиума представляет собою тот тип профессионала, который значительную часть жизни посвятил преподаванию. В реалиях Российской империи XVIII в. эти люди были генетически связаны со «стилем жизни» церковной элиты, но вместе с тем становится все заметнее тенденция к сближению со «статусным» поведением светской верхушки. В полной мере профессорский стиль жизни обособится лишь в XIX в. «Мир вещей» Лаврентия Кордета ярко свидетельствует о таком переходном времени, причудливо и органично соединившего элементы церковного и светского, «нового» и традиционного. Впрочем, это вполне соотносится со своеобразным характером православных коллегиумов, объединивших признаки светского и духовного учебного заведения, и существовавших в эпоху значительных культурных перемен.

1. *Дингес М.* Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000.
2. Лаврентий (Кордет) // Русский биографический словарь. Т. 10 (Лабзина–Ляшенко). СПб., 1914.
3. *Посохова Л.Ю.* На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст. Харків, 2011.
4. *Посохова Л.Ю.* Православные коллегииумы Российской империи (вторая половина XVIII – начало XIX вв.): между традициями и новациями // *Ab Imperio*. 2010. № 3.
5. *Трофимова В.С.* «Республика учености»: идея, идеал и виртуальное сообщество европейских интеллектуалов XV–XVIII веков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 20.

УДК 94(47).066

Л.Н. Вдовина¹

Масон в России XVIII в. как историко-культурный тип личности: взгляды, поведение, эмоциональный мир

Масонство; тип личности; взгляды; духовная жизнь; вера; эмоции; эпоха Просвещения.

В эпоху Просвещения существенно усложнилась духовная жизнь образованных людей в России. Одним из проявлений этого процесса стало масонство. Автор размышляет о формировании типа личности русского масона, анализирует религиозные и общественные взгляды, поведение и эмоции масонов в екатерининское время.

Масонство в России XVIII в., особенно во второй половине столетия, оказывало заметное влияние на культурную жизнь и общественную атмосферу. По результатам последнего исследования в ордене на протяжении века состояли 3093 члена, выходцы из разных социальных групп общества – от аристократии до представителей третьего сословия. Биографии русских масонов XVIII в. позволяют выявить род занятий 2020 вольных каменщиков. Анализ взглядов, поведения, поступков, эмоционального мира этих людей дает возможность представить очертания историко-культурного типа личности русского масона эпохи Просвещения.

Русское масонство было преимущественно (но не исключительно) дворянским движением. Около половины масонов (1100), чьи

¹Вдовина Людмила Николаевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; alvdo@yandex.ru.

занятия известны, состояли на военной и гражданской службе. Среди них были представители «правлящей» элиты: Воронцовы, Панины, Трубецкие, Куракины, Чернышевы и др. Но большинство масонов из офицерской и чиновной среды принадлежало по Табели о рангах к чинам от второго и третьего класса до восьмого. Вторая по численности социальная прослойка – купечество (около 300 братьев). К ней присоединяются масоны так называемых «свободных профессий» – банкиры, юристы, предприниматели. Особую группу составляли люди, трудившиеся в области просвещения (профессора, студенты, учителя, издатели), искусства (художники, архитекторы, актеры, композиторы), медицины, церковной сфере, а также ремесленники [9; 10, с. 25–28].

Масонские ложи были открыты для представителей различных социальных кругов, что не могло не привлекать в них тех, кто хотел знакомства и общения с более знатными и влиятельными людьми. И.П. Елагин мотивами своего вступления в братство «вольных каменщиков» называл «любопытство и тщеславие». Не меньшее значение, чем масонская тайна, имели карьерные интересы: возможность общения со знаменитыми людьми, которые стояли высоко над ним «и чинами, и достоинствами», надежда «через братство достать в вельможах покровителей и друзей». Но молодого человека ожидало разочарование. Он увидел странные обряды и символы, а сами масоны производили впечатление людей, «желающих за счет вновь приемлемого забавляться» и умели только «при торжественной вечере за трапезой несогласным воплем непотребные реветь песни и за счет ближнего хорощим упиваться вином» [4, с. 93-94].

Впервые вопрос о типологии личности русского масона был поставлен Н.А. Бердяевым, который считал масонство «первой свободной самоорганизацией общества в России», которая не была навязана сверху. По его мнению «в масонстве произошла формация русской культурной души, оно вырабатывало нравственный идеал личности» [2, с. 57, 58]. Но черты этого идеала, связанного с духовным пробуждением общества, Бердяев не раскрывал.

Можно предположить, что каждый из русских масонов – личность (или мог ею быть), со всеми присущими человеку положительными и отрицательными чертами. С научной точки зрения важно выяснить, что именно объединяло этих людей, имевших разные масонские градусы, входивших в ложи разных систем, что вызывало душевные кризисы и духовные искания, заставляло испытывать материальные лишения. Единственная возможность в этом разобраться – обратиться к взглядам масонов.

Масонство – религиозно-философское, мистическое учение, со сложной организационной структурой и разработанными масонскими практиками для членов лож. Главное, что объединяло вольных каменщиков – это вера и служение Богу через самопознание, строгое исправление самого себя, следуя «по стезям христианского вероучения». Свою цель они связывали с поисками истинного христианства, созданием внутренней церкви.

Масоны исходили из двух положений: человек нарушил природное равенство и «вселенная есть отечество каменщика». Но масонство не несло полного отрешения от национальной самобытности. Так, И.В. Лопухин писал, что истинный патриотизм заключается в том, чтобы «не на французов или англичан походили русские, а были столько счастливы, как только они быть могут» [6, с. 190]. Русские масоны наивно полагали, что возвратится золотой век Астреи и наступит всеобщее благоденствие и всемирное братство. Они стремились достичь царства Божьего на земле посредством нравственного совершенствования каждой отдельной личности. Масонство соединяло людей разных национальностей, вер и сословий, каждому давалось в ордене звание брата.

Утопичность проведения в жизнь идеи о равенстве и братстве в русских условиях была очевидной. Лопухин вспоминал, как он разгневался на своего слугу и поносил его разными непристойными словами. Вдруг он почувствовал всю мерзость своего поступка и бросился в ноги своему камердинеру просить прощения [6, с. 40-41]. В этом эмоциональном поведении и поступке слились воедино импульсивность личности и необходимость соблюдения масонского правила: быть кротким со всеми, даже с представителями низшего сословия. Масоны-дворяне умозрительно могли соглашаться с тем, что раб не только человек равный по рождению свободному, но и может быть выше господина, раба страстей. Но в отношении к крепостному праву, как Ф.Н. Глинка, считали, что «наши крепостные дворовые люди похожи на канареек; в клетках они зародились; в клетках воспитались; выпустите их на волю, они не найдут где и как добыть себе хлеба, и многие пропадут с голоду и холоду» [11, с. 37]. Есть и другой пример. Известный масон С.И. Гамалея отказался принять пожалованные ему за службу 300 душ крестьян, объяснив тем, что не может нести ответственности за чужие души, когда с собственной душой трудно справиться.

Такие известные символы масонов, как отвес знаменовали прямоту и чистосердечие, а угол – законность и совесть. Масоны считали, что закон должен быть всеобщим, обязательным для всех. А.М. Куту-

зов писал в 1790 г. из Западной Европы, охваченной пожаром Французской революции, Лопухину: «Я ненавижу возмутительных граждан – они суть враги отечества и, следовательно, мои. Признаюсь, я люблю вольность, сердце мое трепещет от радости при слове сем. Но при всем том уверен, что истинная вольность состоит в повиновении законам, а не нарушении оных» [1, с. 22]. От закона они требовали ясности изложения, гуманности и милосердия. Масоны ратовали за отмену смертной казни, не замечая при этом одного противоречия. В масонской практике при вступлении в орден и каждом дальнейшем возвышении требовались клятвы, которыми масон соединялся с орденом, причем отступничество каралось смертью. Собственно масонские строгие правила поведения не для всех действовали одинаково. Так, известный московский масон и профессор И.Г. Шварц, человек сложного характера, в припадке гнева проткнул шпагой одного из братьев, но за этот поступок не понес никакого наказания.

Масоны высоко ставили любовь к Отечеству (государству) и государю. Поскольку превышение власти и другие злоупотребления происходили без ведома монарха, масоны считали своей обязанностью выступать против несправедливости, лести и лицемерия. Лопухин откровенно признавался, что он считает себя обязанным говорить государю правду, не опасаясь даже царского гнева, потому что Отечество он любит выше себя.

Масоны проповедовали принцип свободы совести, разрешая каждому исповедовать свою веру. Православное духовенство обвиняло масонов в отступничестве. С точки зрения христианской веры масоны являлись сектантами, отрицавшими монашество и посты и введшими новые обряды служения Богу: таинства причащения, крещения, погребения они совершали по своим обрядникам. Масонов обвиняли в безбожии. Но это не так. Вера в Бога и бессмертие души были обязательным условием вступления в орден. Н.И. Новиков, пережив тяжелый духовный кризис, пришел к масонству, убедившись, что «истинные масоны свято почитают христианское учение», идут по пути самопознания и исправления самого себя. Другой видный масон Лопухин описывал сильное потрясение, которое он пережил в пору своей увлеченности французскими просветителями Вольтером, Руссо и Гельвецием. «Охотно читывал Вольтеровы насмешки над религиею, Руссовы опровержения и прочия подобныя сочинения», – вспоминал он. Более того, он занялся переводом «Системы природы» Гольбаха, но увидев работу завершенной, почувствовал глубокое раскаяние и перевод сжег [6, с. 19-20].

После сильных эмоциональных потрясений, приводивших к полному разладу в душе и уме, трудно было вернуться к вере отцов в ее традиционной форме, но и «афеизм» для таких людей, как Елагин, Лопухин, Новиков, был неприемлем. Лопухин через два года после описанного случая вступил в масонскую ложу. Новиков стал масоном, находясь в состоянии душевного беспокойства и растерянности. «На распутии между вольтерьянством и религией я не имел точки опоры или краеугольного камня, на котором мог бы основать душевное спокойствие, а потому неожиданно попал в общество» [5, с. 118], – так он анализировал этот важный шаг в своей жизни. Масонство и вольтерьянство отнюдь не тождественные явления, хотя определенная связь между ними существовала. Многие русские масоны испытали на себе сильное воздействие идей Вольтера [3].

Русские масоны принадлежали к кругу людей образованных. Среди них были такие известные писатели, как А.П. Сумароков, А.Н. Радищев, Н.И. Новиков, В.И. Майков, И.Ф. Богданович, Я.Б. Княжнин, Ф.П. Ключарев, И.В. Лопухин, И.П. Тургенев, В.В. Чулков, авторы масонских уподобий М.М. Херасков и М.М. Щербатов, переводчики А.А. Петров, С.И. Гамалея, А.М. Кутузов; профессора Московского университета Х.А. Чеботарев и А.А. Прокопович-Антонский, студенты В.Я. Колокольников, М.И. Невзоров, актер И.А. Дмитревский и многие другие менее известные имена. Всех их объединяла любовь к просвещению. Одних жажда познания приводила к чтению масонской мистической литературы; других – к написанию собственных сочинений, изданию и распространению книг не только масонского содержания.

Еще одна черта масона – благотворительность, которая была основой взаимоотношений масонов как между собой, так и с другими людьми. Благотворительность осуществлялась в самых разных формах: помощь голодающим крестьянам, содержание студентов в России и за границей, издание и распространение книг, раздача бесплатных лекарств, создание училищ, литературных и научных обществ. Яркая выраженная личная инициатива некоторых масонов, прямое или косвенное вмешательство в действия властей не могли не раздражать императрицу. В конечном итоге масонская благотворительность и филантропия стали причиной гонений на масонов.

Перечислив наиболее важные составляющие личности русского масона, следует заметить, что ее нравственным ядром было внутреннее моральное самосовершенствование, работа над «диким камнем» человеческой природы. Помимо этого, масонство означало определенный образ мировосприятия и поведения. Судя по самоанализу,

эмоциональный мир этих людей включал самые разнообразные чувства: грусть, уныние, гнев, меланхолию, жертвенность, честолюбие, любопытство. Изучение эмоций, влияние чувства и разума на поведение людей века Просвещения – тема, которая нуждается в дальнейшем исследовании [8].

Хотелось бы избежать некоторых иллюзий в отношении к масонам. Заботясь об общественном благе, масоны относились к обществу свысока, посвящая в свою тайную деятельность только избранных, считая себя лучше окружавшего их мира. Все это вело к формированию масонофобии и негативного образа масона в представлении современников. Масонов объявляли «преступной сектой», «безбожниками», «прислужниками Сатаны». Масонофобия в России подталкивалась и развивалась самой императрицей Екатериной II. Для нее они были отъявленными шарлатанами. Позднее в них стали видеть возможных заговорщиков, организаторов беспорядков по примеру Франции, несмотря на то, что русские масоны таких поводов не давали. Кутузов с горечью описывал создавшуюся ситуацию: «Отрицай Бога, обманывай искусно, клевети и будешь в глазах их добрым и безопасным гражданином; но воздерживайся от всех сих модных качеств – отменно заслужишь имя мартиниста и преопаснейшего человека в обществе» [1, с. 97].

Распространение масонства в России было следствием усложнения духовной жизни наиболее образованной части русского общества: личность стремилась к свободе от гнета власти, интеллектуальная деятельность становилась самоценным занятием. Ответом, по тонкому замечанию А.С. Пушкина, стали масоны, в которых «странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия отличали их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. Нельзя отрицать, чтобы многие из них принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франкмасонских ужинах» [7, с. 352]. Представленные наблюдения во многом совпадают с образной характеристикой поэта.

1. Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII в. Пг., 1915.

2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990.
3. *Вдовина Л.Н.* Вольтерьянство и масонство в контексте духовной жизни русского общества в последние десятилетия XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 2006. №3.
4. *Елагин И.П.* Записка Елагина // Русский архив. 1864. Вып. 1.
5. *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000.
6. *Лопухин И.В.* Записки сенатора И.В. Лопухина. Репринтное воспроизведение. М., 1990.
7. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. VII.
8. Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010.
9. *Серков А.И.* Русское масонство. 1731-2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001.
10. *Смит Д.* Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006.
11. *Соколовская Т.О.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). М., 1999.

УДК 930.85

О.Д. Шемякина¹

Григорий Сковорода: мыслитель и человек эпохи барокко

Григорий Сковорода; барокко; Просвещение; мистицизм; космологическое время; историческое время.

В статье дается историко-культурологический анализ творчества и личности Г.С. Сковороды. Автор выделяет основные характеристики его учения, показывает, каким образом в нем проявились основные черты эпохи барокко.

Изучение творческого наследия Г. Сковороды (1722-1794) стало хрестоматийной темой для гуманитариев, занимающихся отечественной мыслительной традицией, и в то же время личность и творчество украинского мыслителя настолько своеобразны, что стали причиной неуспокоенности исследовательской мысли.

Мистик, неоплатонически интерпретировавший христианскую доктрину в форме учения «о трех мирах», живший в эпоху позднего барокко, на смену которому пришло Просвещение, отстаивавший принципы свободного философствования, противопоставленного любой общественно регламентируемой деятельности, создает иллюзию

¹ Шемякина Ольга Дмитриевна, МГУ имени М.В.Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; shemyakin3@gmail.com.

бессистемности его философской системы. Попытки же систематизации неизбежно ставят вопросы о периферийности и маргинальности его фигуры в европейском интеллектуальном процессе. В его творчестве соединились неоплатонизм, понимание счастья как душевного покоя, который является следствием свободы от страстей в эпоху хоть и позднего, но барокко с его эстетизацией страсти, страдания и крови. А символика сердца, столь значимая для мыслителей барокко, предстает у Сковороды как мудрость, невозможная без сердечного веселия, поэтому идеальный гностик для него – смеющийся Христос [3, с. 154].

Понятие «духа барокко» гораздо шире понятия исторического стиля [2; 7], оно означает мятежную, взрывающую себя изнутри форму, которая, однако, рассыпается не на сотни эклектических осколков, а, свободно осваивая предшествующие философские и религиозные смыслы, движется, возрастая в истине, навстречу ее божественной полноте.

Григорий Саввич Сковорода родился 22 ноября (3 декабря) 1722 г. в селе Чернухи на Полтавщине, в семье малоземельного казака. В 1734-1753 гг. учился с двумя перерывами в Киево-Могилянской академии, где был отмечен как один из лучших студентов. Из стен Академии Сковорода вынес превосходное знание античной литературы, древних и новых языков и стойкую неприязнь к схоластике [3, с. 143].

Украинский мыслитель восстановил и реализовал в своей жизни и учении древнее, исконное представление о философии. Философия – это не сумма готовых знаний, которую следует усвоить, а затем передать ученикам. «Философия – прежде всего путь – рискованный поиск, аскетическое усилие как креативный акт... усилие, пробуждающее самосознание, неустанная работа по поддержанию его бодрствования... Важно также, что философия, это “веселое ремесло и умное веселие” (Вяч. Иванов), насквозь пронизана стихией игры, она и родилась в этой стихии, о чем философ не забывает даже перед смертью. “Как нам похоронить тебя, Сократ?” – спрашивали философа ученики. “Как угодно, – отвечал Сократ, – если, конечно, сумеете меня схватить и я не убегу от вас”... Напоминал об этом и Сковорода, завещав написать на его могильном камне свое знаменитое: “Мир ловил меня, но не поймал”» [3, с. 143].

Его называли степным Ломоносовым, будучи одним из самых образованных людей своего времени, он большую часть своего времени проводил в постоянных странствованиях пешком по Слободской Украине, останавливаясь по дороге на хуторах, в дворянских усадьбах

и монастырях, посвящая свое время проповедыванию того, что для истинно счастливой жизни нужны знание и мудрость, счастье состоит в душевном мире и сердечном веселии, для достижения его нужно отдаться на волю Божию, что значит жить согласно с природой. А жить согласно с природой означает не входить в «несродную статью», не нести должность, природе противную, не обучаться, к чему не рожден, все это носит у Сковороды название «несродности».

Бессеребренник, нищий и бездомный странник, «любитель священной Библии», жил не только в эпоху барокко, но и в уже наступившем веке Просвещения, в котором интеллектуально властвовал человек-машина Ж.О. де Ламетри, человек-инструмент, или человек как особым образом организованный кусок мяса Дени Дидро [3, с. 142]. Исследователь творчества Григория Сковороды О.В. Марченко, чтобы подчеркнуть, какое маргинальное положение занимала антропология Сковороды в европейском интеллектуальном процессе, приводит цитату из «Разговора с Д'Аламбером» Дени Дидро: «"Мы – инструменты, одаренные способностью ощущать и памятью. Наши чувства – это клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа и которые часто издают звук сами по себе... Во вселенной, в человеке и в животном есть только одна субстанция. Ручной органчик – из дерева, человек – из мяса. Чижик из мяса, музыкант из мяса, иначе организованного, но и тот другой одного происхождения, имеют одинаковое устройство, одни и те же функции, одну и ту же цель"» [3, с. 142].

Классическим представлениям о барокко, если понимать его не расширительно, а в жестких рамках исторического стиля, Сковорода тоже не соответствовал. Маргинальность статуса ставит вопрос о характере контекста для определения границ центра и периферии, значимости хронологического принципа в изучении истории смыслов, что является общегуманитарной задачей, стоящей и перед историками, и перед философами, и перед филологами.

Григорий Саввич Сковорода был не просто философом, а христианским философом, что ставит совершенно в особую плоскость понимание начала, причин и следствия. Настоящее и будущее в космологическом сознании связано не причинно-следственными отношениями, а символическими, прошлое в этой системе задает точку отсчета: «настоящее и будущее оказываются связанными не непосредственно, а опосредованно – через исходное, интегральное и всепроникающее состояние» [4, с. 28].

Совмещение космологического и исторического сознания исключительно отчетливо представлено в христианской догматике.

«Христос как Богочеловек принадлежит одновременно и космологическому началу и историческому процессу. Действительно, Христос – это Бог–Сын и Бог– Слово (ипостась Троицы), который “был в начале” (Ин. I, 1-3) и сам есть “начало создания Божия” (Откр. III, 14), “начало и конец” (Откр. I, 8; XXI, 6; XXII, 13); согласно Символу веры, он рожден от Бога-Отца “прежде всех век”. Сам Христос говорит о себе: “Прежде нежели был Авраам, Я есмь” (Ин. VIII, 58), и замечательно, что употребление глагольных времен в этой фразе противостоит профанному, грамматическому употреблению... И вместе с тем, земное воплощение Христа – от Рождества до Распятия – соотносено с историческим развитием событий и, следовательно, принадлежит истории...» [4, с. 30].

Истина для теолога находится вне исторического времени, как вне времени пребывает Божественный Абсолют. Если в изучении работы кровеносной системы и сердца как анатомического органа хронология имеет важное значение, потому что развитие медицины в историческом времени настолько расширило человеческое знание, что оно стало инструментом спасения человеческих жизней, то в кардиогности (познании сердцем, которое является источником возрождения) речь идет о другом спасении. И в том, что Григорий Сковорода, живший в XVIII в., близок мистикам Парацельсу (1493-1541), помещающему душу в сердце, которое бьется в такт с Божественным дыханием, или Якобу Бёме (1575-1624), или Мейстеру Экхарту (1260-1327) [5, с. 229], нет ничего удивительного и архаичного. Вне зависимости от времени мистик ищет среди окружающей нас тьмы источник света и откровения в пылающем сердце. Когда мистик «закрывает глаза, то открывается внутренний ясновидящий взор и человек обретает способность прислушиваться к голосу сердца, переполняется великой страстью, в которой все сливается в одно большое переживание единства» [5, с. 229-230]. Опыт мистика, несмотря на всю силу и глубину переживания, герметичен, он лишен визуальной оплотненности метафоры сердца в классическом европейском барокко. Достаточно вспомнить искусство Бернини, который воображал, что можно в буквальном смысле смыть с себя грехи, омывшись кровью Христа, поэтому в изображении сцены распятия льются реки крови, омывающие тела грешников.

Если опуститься вниз по хронологической лестнице, то можно обнаружить удивительное сродство идей Григория Сковороды с эмоциональной мистикой восточного отца церкви Макария Египетского (301-391). В его «Гомилиях» говорится не только о том, что «на скрижалях сердца Божественная благодать пишет законы Духа и небесная

тайны» [1, с. 68], но и то, что «где ум твой, там и сокровище твое». «Следовательно, какому делу кто отдает свое сердце, и куда влечет его пожелание... там и его Бог. Если сердце всецело желает Бога, то Он становится Господом того самого сердца: такой человек отрешается от всего, становится бедным, бросает город... и постится, такой достигает своей человеческой вершины, или же напротив он достигает успеха в мирских делах, в семье, в любви к родным: чему отдано его сердце и чем захвачен ум – там его Бог» [1, с. 69].

Интенция этих слов близка идее «сродности» Григория Сковороды, его знаменитой концепции сродного (т.е. софийного) труда. «Социальная динамика, движение человека по общественной лестнице к возделенной “вершине” оказывается в сковородинском понимании знаком негативного, неистинного существования (которое даст о себе знать состоянием “тоски”, “скуки”). Позитивным движением является возрастание внутрь, осуществление индивидом сродности, божественного о себе замысла, отрасли божественного Логоса, “внутреннего человека”, что происходит в форме какой-либо общественно значимой деятельности, поднятой на уровень мастерства. “Я учил, – повторял Сковорода, – познавать себе самого, к чему он рожден, ибо никого Бог не обидил”. Совокупность сродностей и есть применительно к сфере микрокосма София – Премудрость Божия» [3, с. 152].

Маргинальность и периферийность фигуры Сковороды трудно доказуема, если доказуема вообще, потому, что отличительной глубинной чертой эпохи барокко была попытка реконструкции средневекового христианского единства культуры при отсутствии тотального единого центра [6, с. 331], поэтому язык барокко – совмещение уже пройденного и еще не достигнутого [6, с. 346]. Свободное структурирование многообразия идей, тем и образов предшествующих эпох европейской культуры является его принципом, порождающим такое множество смысловых отражений, что в известном смысле делает любую фигуру эпохи барокко маргинальной.

И в этом отношении наверно не удивительно, что Сковорода формулирует свое учение о двух натурах, видимой и невидимой в платоновских терминах, хотя профессора Киево-Могилянской академии, как правило, отдавали предпочтение аристотелизму, и платоновское учение представало в их курсах объектом радикальной критики. Но что примечательно – отвлеченно–логическая система Платона в учении Сковороды оказывается чудно отепленной идеей христианской софиологии, в которой заключен принцип сопряжения и взаимоотношенности [3, с. 151], что стало так значимо для русской религиозной философии XIX в.

Чиновный мир имперской России менее всего подходил идее «доброты всякой», наполняющей мир. Жизненный путь философа, гонимого и скитающегося, подарил русской культуре Человека Пути и Человека в Пути в географическом и культурном пространстве, которое никогда не могло быть полностью освоено властью.

1. *Вышеславец Б.П.* Значение сердца в религии // *Путь. Орган русской религиозной мысли.* М., 1992.
2. *Карпентьер А.* Мы искали и нашли себя. М., 1984.
3. *Марченко О.В.* Григорий Сковорода, его жизнь, сочинения и учение // *Духовный алфавит. Григорий Сковорода и литература его времени.* М., 2000.
4. *Успенский Б.* Этюды о русской истории. СПб., 2002.
5. *Хёстад Уле Мартин.* История сердца в мировой культуре. М., 2009.
6. *Чечот И.Д.* Барокко как культурологическое понятие. Опыт исследования К. Гурлита // *Барокко в славянских культурах.* М., 1982.
7. *Шемякина О.Д.* Концепция барочности Алехо Карпентьера и типы творческой активности российских предпринимателей // *Общественные науки и современность.* 2009, № 4.

УДК 94(47).05

О.Е. Кошелева¹

Рукописный сборник учебного состава и А.А. Виниус²

А.А. Виниус; рукописные сборники; учебная литература; просвещение.

Статья посвящена анализу рукописного сборника, принадлежавшего, по мнению автора, личному архиву А.А. Виниуса (1641 – 1716). В его состав входит комплекс русских по происхождению текстов, имеющих учебный характер, а также Послание 1707 г. Виниуса Петру I, в котором автор представляет себя как деятель просвещения. Материалы сборника свидетельствуют о том, что А.А. Виниус старался внести личный вклад в дело обучения и образования в России.

Жизнь Андрея Андреевича Виниуса (1641-1716) пришлась на переломную эпоху – начинал он службу московским государям при царе Алексее Михайловиче, заканчивал – при Петре I. Среди последних работ о Виниусе выделяются капитальные исследования И.Н. Юркина [16; 18; 19]. Трудно добавить что-либо к созданному им «портрету» Виниуса, тем не менее, мне хотелось бы нанести на него еще

¹ Кошелева Ольга Евгеньевна, Институт Всеобщей Истории РАН (РФ, Москва), д.и.н.; okosheleva@mail.ru.

² Работа поддержана грантом РГНФ, проект № 11-06-00277а.

один штрих, который, быть может, сделает портрет более выразительным.

Речь пойдет о рукописном сборнике (далее сборник Эрм22)³, в котором содержатся два текста, безусловно принадлежащих перу А.А. Вiniusа. Они известны и опубликованы. Это – «Статьи наказные ... прикащикам и старостам, чтоб из сообща в тех моих вотчинах ... работали» [опубл.: 3, с. 21-35], написанные в марте 1709 г. и Послание («моление») Петру I, созданное в начале 1707 г. [опубл.: 10]. Вычленение двух наиболее ярких текстов из всего «кодекса» отражает типичную ситуацию по отношению к рукописным сборникам. Из них извлекаются и публикуются те произведения, которые важны для определенного исследования, сборник же в его целостности остается вне фокуса внимания. В то же время его состав и содержание могут многое рассказать о их составителе. В случае со сборником Эрм22., таким, на мой взгляд, являлся А.А. Вinius. Вероятно, сборник входил в его личный архив, где было место и для инструкций приказчикам, и для личных посланий. Вряд ли посторонний мог включить в свой сборник такие тексты сугубо частного характера. От архива Вiniusа сохранилась также книга учета отправленных писем (в основном, сыну) и некоторые полученные им письма, а также «книга домашних записок»: хозяйственный дневник, приходо-расходные записи [8, Т. 1, с. 279]. По смерти Андрея Андреевича его архив пропал: дети и внуки умерли раньше него, старые бумаги дальним наследникам были не нужны.

Сборник Эрм22 представляет собой переплетенные вместе тетради, на которых были в разное время переписаны сочинения, чем-то заинтересовавшие составителя. Они были соединены вместе между 1709 и 1716 гг. Тексты переписаны не рукой Вiniusа, а писцами (за исключением одной строки). Сборник можно условно разделить на две части: в первую входят тексты единой тематики, во вторую – разной. Рассмотрим сначала состав последней. «Чины избрания патриаршества московского» (лл.129-156 об.), написаны в двух тетрадях, отличающихся качеством бумаги и почерком от всего сборника. Начинается текст с того, что «в нынешнем 180 году» царь Алексей Михайлович позвал к себе в столовую палату церковных иерархов и назначил патриархом Питирима. Далее подробно рассказывается о процедуре избрания и венчания Питирима и Адриана. Пропущен патриарх Иоаким, о котором сделана примечательная помета, что запись о его

³ РНБ. Эрмитажное собр. № 22. (далее указания на листы приводятся в тексте статьи).

поставлении находится у подьячего Артемона Тимофеева⁴. Это следы любопытного сбора исторического материала путем копирования приказных документов, чем-то схожий с трудами французских «эрудитов» XVII в. На пустом обороте второй тетради другим почерком, киноварью, записан цифирный ряд и прописи (фраза из них «по милости великаго Бога да откроется разум учащихся» (л.156 об.) копирует эту же фразу на л.99.

Далее следует переведенная в 1675 г. с польского языка «Книга, глаголемая Планетник» [1, с. 114 – 115; 13, с. 210] (л.157-162 об.), это краткий зодиакальный гороскоп на каждый месяц. Он имеет логическую связь со следующим за ним текстом «Статьи наказные ... прикащикам», поскольку они также распределены по месяцам года. Завершает сборник Послание А.А. Винисуса Петру I.

Начальная часть сборника состоит из произведений учебного характера. Первые семьдесят страниц заняты поучительными двустрочными виршами, озаглавленными «Книга Нововидное зеркало», происхождение их пока неизвестно. Далее следует: «Домострой» Кариона Истомина. Это трудноузнаваемое в русской переработке сочинение Эразма Роттердамского «*De civilitate morum puerilium*». В 1675 г. оно было переведено на русский язык с польского печатного издания [17, с. 5-17], как не без основания полагают, чудовским монахом Епифанием Славинецким, и получило название «Гражданство (*m.e. светскость – О.К.*) обычаев детских». Перевод стал помещаться в рукописи, составленные для детского обучения [20, с. 191-206], как руководство к поведению в обществе, поскольку собственных сочинений на эту тему древнерусская литература не имела. Карион Истомин также занимался написанием книг для детского обучения [2], почти все, что он писал в этом жанре, было написано им виршами. В ставшую чрезвычайно модной стихотворную форму перелажались в то время самые различные прозаические произведения [14], Карион переложил в нее «Гражданство обычаев детских», переименовав его в «Домострой». Приведу из него пример:

Непраздну бытии юну подобает,
Всяк приличну делу да внимает
В доме и в торгу, в вотчине, в приказе
Ремесло свое твори во указе.
Лицем и сердцем являтися благо,
Ничто же давай знати в себе злаго,

⁴ Артемон Тимофеев был в 1675 г. уже пожалован в дьяки Приказа Большого дворца (см. [5, с. 556]). Видимо, помета сделана в 1674 г., когда и произошло поставление Иоакима.

Но во всем честност буди показуя,
Не произноси скверна слова буя».

Автограф «Домостроя» относится к 1696 г.⁵. В списке же Эрм22 под текстом есть помета: «Сочини сия иеромонах Карион Истомин. Лета 1700» (л.82 об.). Вероятно, эта дата относится ко времени переписки текста, а не к его сочинению. Так же как и в случаях с «Гражданством», «Домострой» здесь оказывается в одном ряду с текстами для обучения детей. За ним, тем же почерком переписаны «Склады или стих для учения скорописнаго детем» (л.94). Это – мудрые изречения обычные для использовавшихся при обучении письму прописей. Далее идет текст из популярного печатного сочинения Иннокентия Гизеля «Мир с Богом человеку» (изд. 1669, 1671), говорившего о грехах и покаянии. Это глава о «Семи милостях», разделяющихся на милости духовные и милости телесные. В Эрм22. есть только милости духовные: 1) согрешающих от греха отводить, 2) не умеющих – учить, 3) сомневающимся – добре советовать, 4) о спасении ближнего – Господа молить, 5) печальных утешать, 6) терпеть неправды, 7) долги прощать (л. 98). Этот текст в XVIII-XX вв. использовался и в учебных изданиях [6, с. 386], и в наставлениях после исповедания [9, с. 747], он входит и в современное православное обучение. Милосердие – одна из важнейших добродетелей христианина. Но помимо этого для человека, тесно общавшегося с царем Петром, было естественным чаяние, что и царь будет милостив и станет «долги прощать». А долги у Винуса были. Текст о милости написан парадным стилем: с киноварным заглавием и расположением текста посередине листа.

За сим следует краткий текст «Правда естественная», т.е. «правда», основанная на человеческой природе. Он восходит к книгам Иисуса Сирахова сына, и впервые на Руси встречается в Изборнике Святослава 1073 г. [6, л. 266], далее – в Изборнике 1706 г., в списках Пчелы, в «Наказаниях отца к сыну», где звучит так: "Человече, если ты не знаешь, как спастись, и книг не умеешь читать, то не делай другому того, что самому тебе не любо, и спасешься" [12, с. 499]. В Эрм22. эта же сентенция: «Сице творити человеком, якоже нам от них творимо быти хошет. Елика не угодна себе быти, иным не творити» (л.99). В Азбуке Екатерины II также встречаем: «Не делай другому, чего не хочешь, чтобы тебе сделано было» [15, с. 50]. Это изречение помещали в учебные тексты потому, что руководствуясь указанным советом, даже и простец мог знать, как ему верно поступать в любой ситуации.

⁵ ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 49-50.

Далее шли и другие, более конкретные, наставления в учении: «Зри прилежно. Внимай разумно. Пиши неспешно. Прочитай неложно» (л.100).

В сборник также вошли письмовник «Како грамотки писать ко всякому чину» (л.101-112 об.)⁶ и стихотворный азбуковник «Избрание разных стихов и складов по алфавиту, хотящим учиться и учить писати детей» (л.113-123). Азбуковник начинается со слов, взятых у Иоанна Богослова (Откр.1:8):

«А. Аз есмь алфа и омега. Начало и конец.

Аз есмь дверь, мною аще кто внидет, спасется».

Подобные азбуковники имели давнюю традицию и восходили к «акростихидным азбукам» [7], служившим в качестве первого упражнения в чтении.

Следующий текст связан с обучением скорописному письму: «Избрание разных вещей или складов во удобство ко учению скорописнаго писания» (л.124-128). На обороте идущего далее текста «Чин избрания патриаршества», как уже отмечалось, также были сделаны учебные записи, в том числе арифметические, так что и эти тетради оказываются тематически связанными с темой обучения.

Таким образом, большую часть сборника Эрм22 занимают не «богословские русскоязычные рукописные тексты», как их характеризует С.Г. Милюков, а тексты, предназначенные для обучения и воспитания детей. И хотя они, вероятно, и «не имели авторства А.А. Виниуса и смыслового единства с текстом его послужного списка» [10, с. 240] (таким странным образом Милюков называет Послание Петру I), но, тем не менее, возможно, были собраны им из разных рукописей в разное время и объединены вместе.

Следует отметить, что и библиотека Виниуса содержала книги, относившиеся к детскому обучению («Книга стихотворная, творение неких детищ, галанского языка» и «Книга о учении детем и из Библей, галанского языка»). Обучение детей в то время относилось к понятию домостроительства, и есть своя логика в том, что инструкции приказчикам и тексты для обучения детей попали под один книжный переплет Эрм22. Очевидно, что эти тексты собраны вместе и переписаны с целью использовать их в обучении. Однако где и как?

Они могли находить применение в домашнем кругу А.А. Виниуса. Он уделял внимание обучению двух своих сыновей, возможно,

⁶ В описи библиотеки Виниуса есть: «Тетрадь как писать грамотки ко всякому чину, галанского языка». Возможно, в Эрм22 – его перевод на русский язык этого сочинения (благодарю И.Н. Юркина за указание на эту и другие книги из этой описи).

намеревался обучать единственного внука, умершего в 1705 г. Если Виниус и не учил детей сам, то наверняка приглашал учителя, использовавшего учебные тексты. Их подборка представляла собой достаточную ценность, ибо учебных материалов было мало. Об учительских навыках самого Виниуса известно то, что он обучал юного Петра I голландскому языку [18, с. 208-210].

Учебные тексты сборника Эрм22 могли быть предназначены и для организации обучения в разных государственных учреждениях. Будучи главой нескольких московских приказов, А.А. Виниус стремился развивать в них систему обучения. Им была создана школа при Пушкарском приказе [18, с. 295-298], существовало ученичество при Аптекарском приказе, но особенно Виниус заботился об образовании в Сибири, будучи главой Сибирского приказа.

Вернемся к Посланию Виниуса Петру 1707 г. Это – прошение о милости, подкрепленное рассказом о своих служебных заслугах и незаслуженных обидах. Оно достойно специального исследования⁷, здесь же отмечу два позитивных фактора своей службы, которые Виниус выдвигал в нем на первый план: 1) радение об увеличении доходов казны и 2) о просвещении, о подготовке грамотных кадров на государевой службе. Он писал: «И с такою горячестию имел есмь о ваших государских людех поболение дати, и яко зело к наукам удобные каждый во своем деле будет искусен, никем не принужден в бесчисленных суетах...» (л.196).

Будучи в Сибири, Виниус увидел, что «вящшая часть сибирская духовенства, дворяня, паче ж духовнаго чина, тако упивалися, казаки радование, казаки весма были в лепоте («в слепоте») неведения, без грамоты или мало искусна, во нравех зело загрубелых, от ви («от вина») лютость, подобны абием зверем, вне познания христианских правил и дел;...» (л.182 об.) «Обучения ж ради, во благих гражданских, христианских нравех же, яко да злыя обычаи, донде же не вкоренятся, измежут, послан в Тоболеск вашего величества указ великаго по образу всех христианских благоуправляемых стран построить училища. (...) Сие ваше царское повеление в Тоболску благочестна исполнены, и светолучных наук подражател боярин князь Михало Яковлевич Черкаской радостно прием (л.183 об.) едино училище отроком, духовнаго чина людем, повелел устроить на митрополна («на митрополичьем») дворе, второе же — дворянским детем, на своем, и приставля к ним добрых учителей, елико тамо от сослонных («от сосланных») бе во множестве. Второи школе теи со 180 учеников, не токмо

⁷ Анализ текстов прошений о милости см. [21].

повеле по вся дни прилежно учати и, те их зря подвиги и в диспутациях слыша доброе учащих похвалил, а ленивых кроткими словеса обличал, подвизал к наболшей тцаливости («тцательности»), и сих всех вседневно от своая трапезы писати («питати») повелел. Ниции ж сих во изрядное ведение и искусстве грамотки словенской, полно и частью латинской цыфири и геометри достигше, яко бы во инья человецы преродишася» (л.183). Тобольский воевода (1698-1710) боярин кн. М.Я.Черкасский действительно радел и об обучении, и хорошо учил собственных сыновей Петра и Алексея, как это ясно из выдающейся учебной рукописи, написанной их учителем⁸ (возможно Н. Спафарием). Виниус старался организовать помимо школ и обучение в приказах, куда брали учеников в качестве «неверстанных подьячих» [4, с. 106]. Он по собственному желанию учил подьячих составлять книги бухгалтерского учета, которые вел и в своем хозяйстве [8, Т. 2, с. 2]: «... писареи научил, како книги и подрядчики сщоты писать ... дабы, яко в зеркале, мочно видеть из остатков наличная вещи и цены и когда куды что послано» (л.194).

Подробно Виниус писал и о том, как повышал уровень профессиональной грамотности работников Пушечного двора. «Служители алтирлери были пушкари, гранатчики, боммбандиры, болшеи частью люди грамоте по своему чину должности неискусной, и книг у себя ради артилериа науки не имея» (л.193). Сначала он нашел подходящего для обучения мастера – «токмо единаго в трезвости сушаго именем Симиона» и познакомил его с «добрыми авторами той науки». Результат превзошел ожидания: «От сих моих ему данных ведомостей такое себе почерпнух искусства, яко сеи тцательны и трезвы муж, такие начал к тому лити пушки, мортиры и гоубицы, каковых во Еуропе лутче бысть не бе возможно («возможно») и в руски («в России») прежде не бывало» (л.194). Затем Виниус «...устроих школу, в ней же от артирлерии служащих детеи с 300 человек или вящше, иже по учени руской грамоте, потом цифирю, геометри и фортуфикаци, да впедь («впредь») основателне науку инженерскую могут познати. И сеи науки в полтретя лета семь учеников достигли. Их же вашим царским повелением в Берлин послал, яко да в воисках крля прускаго у самого дела и военных промыслов основателным ведением инженерскую науку себе примати» (л.195 об.).

Очевидно, что Виниус любил обучать и придавал знаниям, книгам, просвещению большое значение. Не важно, что мы не знаем, как и для чего очутились в его сборнике Эрм22 учебные материалы

⁸ РНБ. Q.I. 327.

русской традиции, важно – что они не противоречили его интересам, его стилю жизни.

Виниус знал, что Петру импонируют люди, занимающиеся обучением его подданных, и иноземцы, передающие русским свои знания, потому он подробно освещал для него эту сторону своей деятельности. Однако любовь Виниуса к просвещению отнюдь не была показной. Он сам внес немалую лепту в просветительские взгляды Петра, которые возникли в результате его юношеских знакомств с «русскими иноземцами», не мыслившими жизнь без школы и обучения. Пришло им время пожинать плоды брошенных в благодатную почву семян.

1. *Альшиц Д.* Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей (памятники XI-XVII вв.). СПб., 1968.
2. *Браиловский С.Н.* Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902.
3. Вотчинные инструкции приказчикам // Хрестоматия по истории СССР: век XVIII /Сост. М.Т. Белявский и Н.И. Павленко. Под. ред. Л.Г. Бескровного и Б.Б. Кафенгауза. М., 1963.
4. *Демидова Н.Ф.* Профессиональное обучение при московских приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII века. М., 1889.
5. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России. Библиографический справочник. М., 2011.
6. Изборник Святослава 1073. Факсимильное издание. М., 1983.
7. *Ковалева Т.В.* Русская акростихидная азбука и ее роль в развитии поэзии для детей // Филологические науки. 2004. № 2.
8. *Козловский И.П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-ой пол. XVII в. Варшава, 1913. Т. I-II.
9. *Маркелов Г.В.* Старообрядческая исповедь для иконописца // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001.
10. *Милюков С.Г.* Неизвестное послание А.А. Виниуса Петру Первому // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2009. Вып. 10.
11. *Моисеева Г.Н.* Иоиль Быковский – составитель книги «Начальное учение хотящимъ учиться» //ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48.
12. Наставление отца к сыну //Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981.
13. *Николаев С.И.* Польско-русские литературные связи XVI – XVIII вв. Библиографические материалы. СПб., 2008.
14. *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.
15. Российская Азбука для обучения юношества чтению, напечатанная для общественных школ... СПб., 1782.
16. *Тимошина Л.А.* О научной биографии Андрея Андреевича Виниуса // Очерки феодальной России. М., 2010. Вып. 14.
17. *Численко Н.Д.* «Гражданство обычаев детских» и его польский источник // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978.

18. Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус. М., 2007.
19. Юркин И.Н. От первопрестольного града Москвы. А.А. Виниус в Москве и Подмосковье. М., 2009.
20. Bragone M. Ch. "De civilitate morum puerilium" Эразма Роттердамского в России (кон. XVII – перв. пол. XVIII в.) // *Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy.* / eds R. Bartlett, G. Lehmann-Carli. Berlin, 2007.
21. Davis N.Z. Fiction in the Archives. Pardon Tales and their Tellers in Sixteenth-Century France. Stanford, 1987.

УДК 94(47).048

Н.В. Башнин¹

**Записная тетрадь указам и распоряжениям
архиепископа Вологодского и Белозерского Симона
1681–1682 гг.²**

История Русской Православной Церкви; Русский Север; Вологодская епархия; архиепископ Вологодский и Белозерский Симон; источниковедение.

В статье рассматривается «тетрадь» архиепископа Вологодского и Белозерского Симона 1681–1682 гг., в которую заносились краткие сведения об указах, распоряжениях и письмах, поступавших на рассмотрение к архиерею за время его пребывания в Москве.

В данной работе рассматривается «тетрадь записная всяким архиепископим указом московской езды 189-го генваря с 11 числа»: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. № 110. Рукопись в 4⁰, 75 л. (+ 2 листа без архивной фолиации между л. 64 об. и л. 65 и 2 листа без фолиации в конце рукописи после л. 75 об.); писана, по-видимому, одной рукой, но разными чернилами скорописью XVII в. Большинство листов рукописи (преимущественно в верхней части) в пятнах от воды, на некоторых видны следы плесени. Рукопись частично реставрирована в XIX в., несколько листов подклеено желтой папиросной бумагой (л. 1, 4, 8, 45, 46, 47, 49, 51, 77). Нижние углы листов затерты, по всей видимости, еще в XVII–XVIII вв. Первый и последний листы загрязнены, углы листов ветхие, видимо, рукопись некоторое время была без переплета. Переплет конца XIX в. – картон, обтянутый желто-корич-

¹ Башнин Никита Викторович, Санкт-Петербургский институт истории РАН (РФ, Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, к.и.н.; nvbashnin@gmail.com.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00039а).

невой бумагой, корешок и уголки желто-коричневой кожи, на обложке в центре наклейка красной кожи с гравированными золотом буквами: «Записная тетрадь указам и распоряжениям архиепископа Вологодского Симона за время поездки его в Москву в 1681–1682 гг. Q. П. № 110. ИБ.» и изображением двуглавого орла. На основании изучения филиграней и формата листов рукопись может быть условно разделена на две части. В первой части рукописи (л. 1–59) бумага более плотная, чем во второй части, филигрань Кувшинчик (?) просматривается с трудом (по альбомам не отождествляется); во второй части рукописи (л. 60–77) размер бумаги несколько больше (ок. 1 см.), а филигрань Голова шута (типа – Дианова № 176, 178 (1670-е гг.) [2]. Потетрадной нумерации нет, архивная фолиация черными чернилами в правом нижнем углу. В первой, второй, третьей, четвертой, пятой и восьмой тетради – 8 листов, в шестой, седьмой, девятой и одиннадцатой тетради – 6 листов, в десятой тетради – 10 листов, далее 1 лист, в двенадцатой тетради – 4 листа. Рукопись сшита серыми льняными нитками. На л. 1. в верхнем левом углу черными чернилами: «Q. П. № 110», внизу простым карандашом: «№ 8», в центре фиолетовый штамп с литерами «И. Б.». Такой же штамп внизу на л. 25, также внизу дважды на л. 74 и в центре на л. 75 об. На л. 75 об. внизу черными чернилами заверка: «В этой рукописи семьдесят пять (75) листов. Библиотекарь И. Бычков». Рукопись описана: Каталог собрания рукописей П.И. Савvaitова, ныне принадлежащих Императорской Публичной библиотеке / Сост. И.А. Бычков. СПб., 1900. С. 63. № 47. Судя по всему, рукопись хранилась в Вологде, где была выявлен П.И. Савvaitовым, а потом передана в Императорскую Публичную библиотеку.

«Тетрадь записная» неразрывно связана с деятельностью видного церковного иерарха второй половины XVII в. – архиепископа Вологодского и Белозерского Симона. Он был хиротонисан в архиепископы 23 октября 1664 г. из игуменов Александрo-Свирского монастыря и пребывал на Вологодской кафедре до 1684 г. (скончался 29 апреля 1685 г., похоронен в Спасо-Прилуцком монастыре) [9, стл. 731, 992]³. Биография архиепископа Вологодского и Белозерского Симона

³ В Вологодской летописи сообщается: «193-го году. Сентября в 8 день поставлен на Вологду преосвещенный Гавриил архиепископ Вологоцкий и Белозерский, а Симону, бывшему архиепископу, отказано за немощь, скорби его и великия болезни. Того же году месяца апреля в 29 день преосвященный Симон архиепископ Вологоцкий и Белозерский преставися в Прилуцком монастыре, положено бысть тело его в том же монастыре за олтарем соборных церкви» [1, с. 185]. Летописец Ивана Слободского содержит запись несколько

еще не стала предметом специального исследования, но известны отдельные факты его жизни [3; 6; 7]. Ж.Ф. Коновалова изучила состав книжного собрания архиерея и отметила, что «Симон до старости пользовался книгами – читал, переписывал, делал выписки из печатных сочинений, писал грамоты и письма» [4, с. 113]. Об этом свидетельствует нахождение в его «келейной рухляди» в 1683 г. семи пар очков: «Пятеры очки большие руки, во влагалищах бархату черново. Двои очки средние, влагалище бархату зеленово в костях»⁴. В новейшей работе М.С. Черкасова приведена перечень более 750 документов из архива Вологодского архиерейского дома, в том числе за период управления епархией архиепископом Симоном [10, с. 338–416].

«Тетрадь» архиепископа Симона была заведена 11 января 1681 г., но первая запись с указанием игумену Иоакиму в Галактионовой пустыни о «принятии» предыдущего настоятеля Сергия и предоставлении «кельи, где ему жить», появилась 12 января 1681 г.⁵ В рукописи находим записи об архиерейских указах за январь, февраль, март, апрель, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь 1681 г., за январь и февраль 1682 г.

Распределение по месяцам записей в «тетради» архиепископа Вологодского и Белозерского Симона 1681–1682 гг.

Всего записей	1681												1682	
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль
217	17	9	32	5	-	5	13	15	13	20	15	25	25	23

Источник: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. № 110.

Из таблицы видно, что количество записей распределяется внутри тетради неравномерно: 32 в марте 1681 г. и ни одной в мае 1681 г. Всего насчитывается 217 записей, отражающих в большинстве случаев краткое содержание исходящей документации, реже – входящих

иного характера: «Лета 7173. Октября в 23 день возведен бысть на престол архиерейства преосвященный Симон архиепископ Вологодский и Белозерский, жил в архиерействе 19 лет 10 месяцев и осмь дней; и приключившей же ся ему болезни, оставя и архиерейский престол, был на обещание в Прилуцком монастыре 7 месяцев и осмь дней, преставися лета 7193 месяца апреля 29 дня и погребен бысть в Прилуцком монастыре» [5, с. 195].

⁴ Опись панагий, платья и других вещей архиепископа Вологодского и Белозерского Симона 1683 г. ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. № 389. Л. 27 об – 28.

⁵ ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. № 110. Л. 1, 2.

документов. Отметим, что с 17 февраля по 2 марта 1681 г. и с 26 апреля по 19 июня 1681 г. записей в тетради нет⁶. Можно предположить, что архиепископ Симон в эти дни из Москвы куда-то выезжал, возможно, в Вологду. Этому может быть и другое объяснение: весенняя распутица. Последняя запись в тетради о женитьбе ц. Федора Алексеевича на Марфе Матвеевне Апраксиной 15 февраля 1682 г. датирована 23 февраля 1682 г., согласно предписанию патриарха на Вологду была послана «богомольная грамота»⁷.

Исходя из приведенных данных, отметим, что архиепископ Симон больше года (13 месяцев) пребывал в Москве, но судя по записям, он был прекрасно осведомлен о различных событиях в Вологодской епархии. Владыка отдавал распоряжения, касавшиеся дел непосредственно архиерейского дома и архиерейской вотчины, монастырей, пустыней и церквей. Архиерей знал и учитывал различные мелкие бытовые дела. Так, крестьянину Гришке Яковлеву из д. Каликина архиерейской подмосковной вотчины в январе 1681 г. был увеличен срок возврата хлеба «до осени, а доплатить только четверть»⁸. Казначеем Афонасию и дьяку Ивану Алленеву «велено на каменные хлебные анбары измять глины наплотно и пазы все замазать накрепко <...> на верх насыпать земли, а в которых полатах в дверях и в окнах у затворов волоковены, и в те двери и в окна волоки по настоящему прибить, как и у протчих»⁹. В феврале 1681 г. отдавались распоряжения, касавшиеся строительных работ на архиерейском дворе. Казначеем старцу Никону и дьяку Ивану Алленеву предписывалось «к каменному строению известь готовить против пряхняго», лес, приготовленный «на архиепископли брусяные хоромы», надлежало «выкатать на берег»¹⁰.

По государеву указу приходилось неоднократно поселять стрельцов «за многие службы и за кровь и за раны и за старость и за увечье» в вологодские и белозерские монастыри, давать им одежду, деньги и хлеб¹¹. По подсчетам «игумена духовных дел» Феодосия, приказного Бориса Ивановича Моркова и дьяка Данила Столбицкого «в Вологодцком-де и иных городов в уездах за монастырями, кроме Прилуцкого монастыря, 3255 дворов, да в Белозерском уезде, опричь Кирилова Белозерского, 957 дворов, обоево 4212 дворов, а отставных стрельцов розослано на те дворы на пятьдесят дворов по человеку.

⁶ Там же. Л. 9 об, 25.

⁷ Там же. Л. 75 – 75 об.

⁸ Там же. Л. 5 – 5 об.

⁹ Там же. Л. 51 – 51 об.

¹⁰ Там же. Л. 9 об.

¹¹ Там же. Л. 5 об – 6; Л. 49 об – 51.

Итого на 3550 дворов 71 человек, а в остатке 662, и на 400 дворов, как будет восемь человек салдат розошлют. А в остатке в Вологодском и в Белозерском уезде за монастырями в розни 262 двора, за Прилуцким монастырем 599 дворов. А послано к ним отставных стрельцов пять человек. А по памяти ис приказу Большаго Дворца за приписью дьяка Семена Комсина 188-го году больши-де того к ним, в Прилуцкой монастырь, отставных стрельцов и в Кириллов монастырь посылать не велено»¹².

В 1660-х гг. архиепископ Симон вел допросы обвиняемых в расколе [4, с. 113]. Судя по записи в «тетрадь» от 2 марта 1681 г., княгиня Анна Хилкова, уличенная в церковном расколе, была отправлена в Воскресенский Горицкий монастырь, а игуменье Марфе надлежало отписать архиепископу о том, как примут и устроят раскольницу. Примечательны и дисциплинарные меры, применяемые архиереем. Так, спасскому попу Ивану с вологодского посада велено «против прежняго архиепископля указу по триста поклонов исполнять до своиво, архиепископля, на Вологду приезде, а сыну иво, Федоту, в то число споможение в поклонех чинить»¹³. В некоторых случаях архиерей действовал либерально. 23 января 1682 г. он подписал челобитную «Галактионовы пустыни игумену Иоакиму», который, заметим, не так давно стал настоятелем в этой обители, сменив прежнего игумена Сергия¹⁴. Игумену Иоакиму указано «в той пустыне быть по-прежнему, а буде он в той пустыне быть не похочет, и ему, Иоакиму, быть в Глушицком монастыре игуменом же. А буде он и в Глушицком монастыре быть не похочет, ему быть по-прежнему в том же Знаменском¹⁵ монастыре, а в пустыни на Сохотине перевозе¹⁶ не переходить, и буде в том Знаменском монастыре быть не похочет и ему, Иоакиму, священническая не действовать и наше благословение да не будет»¹⁷.

На основании некоторых записей можно судить о скорости исполнения предписаний, посылаемых из Москвы. Например, 7 марта 1681 г. на Вологду отправили наказную память к игумену Глушицкого монастыря Иосифу и к протопопу белозерского Преображенского со-

¹² Там же. Л. 52 – 52 об.

¹³ Там же. Л. 69.

¹⁴ Там же. Л. 2. П.М. Строев в Галактионовой пустыни игумена с именем Иоаким не упоминает, Сергей значится в 1672, 1677, 1683, 1689 гг. [9, Стл. 767].

¹⁵ Видимо, имеется ввиду Филипповская Знаменская пустынь под Устюгом [9, Стл. 777]. Игумена с именем Иоаким П.М. Строев не упоминает.

¹⁶ Сведений об этой пустыни нет.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. II. № 110. Л. 69.

бора Аврамию с указанием провести расследование «бесчинств» игумены Воскресенского Горицкого монастыря Марфы. Как следует из приписки на нижнем поле этого же листа, распоряжение было исполнено, «очные ставки даны» и «дело отдано в Патриарш розряд июля в 29 день», очевидно, 1681 г.¹⁸ Как видим, на это ушло менее пяти месяцев.

Основными постоянными адресатами и исполнителями распоряжений архиепископа Симона являлись следующие лица: «духовных дел игумен» Феодосий, приказной Борис Иванович Морков, казначей старец Никон (умер в конце февраля – не позднее 7 марта 1681 г.¹⁹) и старец Афонасей (назначен 29 марта 1681 г., в должность вступил в апреле (?) 1681 г.²⁰), дьяки Данил Столбицкий и Иван Алениев и дети боярские: Федор Блинов, Максим Блинов²¹, Филипп Караулов, Василий Григорьев сын Александров, Петр Александров, Василий Головков и Иван Суровцев.

Выезд архиепископа Симона из епархии и появление исследуемой рукописи, связано с попытками реформирования Русской Православной Церкви ц. Федором Алексеевичем и отменой местничества в 1681–1682 гг. [8, с. 422–452, 456–457].

Исследование рукописной тетради с записями о распоряжениях владыки за время пребывания его в Москве дает представление об особенностях управления Вологодской епархией во время отсутствия

¹⁸ Там же. Л. 12.

¹⁹ Там же. Л. 11 об.

²⁰ Архиепископ Симон после смерти казначея старца Никона произвел следующие «кадровые» перестановки: «В дому Премудрости Слова Божия казначеем ключенному старцу Афонасию, а вместо иво, ключником и житником велено быть старцу Селивестру. И велено у него, старца Афонася, досмотреть отпускные и, буде, отпускная у него обявитца прямая и впредь к нему привяски не будет, и ему велено быть в казначеях и домовую казну против прежних казначеев ему, Афонасию, да дьяку Ивану Алениеву велено отвести налицо и всему написать описные двою книги за их и за своими руками и одне велено прислать к Москве, а другия положить в домовой казне» (Там же. Л. 22).

²¹ Максим Блинов, очевидно, сопровождал архиепископа Симона в его поездке в Москву, после чего он и другие сопровождающие 16 января 1681 г. были отпущены в Вологду: «Послана на Вологду архиепископля грамота к казначею старцу Никону, да к дьяку к Ивану Алениеву, а с тою грамотою отпущены с Москвы Максим Блинов с товарищи, пятнатцать человек, да иеродьякон Инокентий да старец Логин да с ними же отпущено дватцать лошадей да девятеры сани да дровни. А хто люди имяны и каковы им лошади даны и тому написано под грамотою роспись. Да с ними же послано одеяло волчье под сукном темно-зеленым, да два ключа сундушные, да десять бочек больших и малых добовые, новые. И о том о всем отпуск в черне» (Там же. Л. 4).

правлящего архиерея на кафедре и некоторые сведения к биографии архиепископа Симона.

1. Вологодская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
2. Дианова Т.В. Филигранные XVII–XVIII вв.: «Голова шута». М., 1997.
3. Евгений (Болховитинов), митр. Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархий / Публ. ркп. митр. Евгения и прил. Н.И. Суворова // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. № 17–20, 22–24; 1866. № 1, 6, 7, 9, 10, 13, 16, 17, 24.
4. Коновалова Ж.Ф. О библиотеке архиепископа Вологодского и Белозерского Симона // Памятники культуры. Новые открытия. 1978. Л., 1979.
5. Летописец Ивана Слободского // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982.
6. Никольский А. Симон, архиепископ Вологодский // Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. 18.
7. Савваитов П.И. Об учреждении Вологодской епархии / С примеч. Н.И. Суворова // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. № 5–7.
8. Седов П. В. Закат московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
9. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.
10. Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

УДК 94(47).06

Д.Ю. Арапов¹

Буддизм в Русском Забайкалье в XVIII в.

Буддизм; лама; дацан; буряты; Забайкалье; Китай.

Работа посвящена анализу политики империи Романовых по отношению к буддизму в Русском Забайкалье в XVIII в.

Важной стороной российской политики на окраинах монархии Романовых являлась ее религиозная составляющая. После закрепления Забайкалья за Москвой по Нерчинскому мирному договору 1689 г. с Китаем перед царской администрацией встала задача выстраивания отношений с Буддизмом, распространенным среди местных жителей-бурятов. В целом можно констатировать, что русские власти проводили в «буддийском вопросе» достаточно гибкую политику. Принятие бурятов в российское подданство не сопровождалось

¹ Арапов Дмитрий Юрьевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н.; hiztoricbetzy777@yandex.ru.

принудительным крещением, хотя добровольный переход в Православие поощрялся. В договоре 1689 г. шести бурятских тайшей (князей) с сибирским наместником Ф.А. Головиным о признании ими власти «Белого царя» Москва обязалась бурятов «в Православие... не принуждать» [4, с. 3].

Данная, достаточно терпимая по отношению к Буддизму линия действий была продолжена в ходе дальнейшего царствования Петра I и правления его преемников. В своем поведении в «буддийском вопросе» русское правительство исходило прежде всего из задач внутренней и внешней политики монархии Романовых. Основные принятые в России XVIII в. законодательные решения о последователях учения Будды были связаны с устройством порядка духовной жизни забайкальских бурятов-буддистов. Царские администраторы преследовали здесь, главным образом, две цели: 1) насколько возможно, пресечь связи забайкальских буддистов с зарубежными буддийскими центрами, подконтрольными маньчжурскому Китаю, 2) постараться выстроить самостоятельную буддийскую конфессиональную организацию в пределах русских границ [2]. Для достижения этих целей в Забайкалье стали создаваться буддийские духовные обители (дацаны), где пребывали монахи (ламы) [1].

Важную роль в «буддийском вопросе» сыграл известный отечественный дипломат С.В. Рагузинский, который во второй половине 20-х гг. XVIII в. был отправлен в Китай для заключения ряда русско-китайских соглашений (о торговле, разграничении границы и т.д.) [8, с. 286; 10, с. 183-188]. Считая необходимым установить контроль над вероисповедными делами коренного населения Забайкалья, оградить его интересы от всех видов экспансии со стороны Цинской империи, Рагузинский составил в 1728 г. (или в 1729 г.) «Инструкцию пограничным дозорщикам» (по другому названию – «Пограничное определение»). В этом документе он писал: «Лам заграничных, чужих поданных в улусы к себе ясачным инородцам [т.е. бурятам – Д.А.] не пропускать и довольствоваться теми ламами, которые после разграничения с Китаем остались на российской стороне для того, дабы российских поданных пожитки не чужим, но своим доставались... Ежели оставшихся лам на российской стороне по нынешнему разграничению недовольно [недостаточно – Д.А.], в таком случае выбирать их между собою из каждого рода по два мальчика благоразумных и к наукам охотных, хотя из сирот или кто похочет... дабы... ламы оных [мальчиков – Д.А.] учили мунгальской [старомонгольской – Д.А.] грамоте и прочему, что таким принадлежит, дабы верноподанным ныне и впредь в чужих ламах не было нужды, а которые выучатся совер-

шенно мунгальской грамоте, в которой российским подданным и иностранцам не без нужды, тех обнадеживать милостью Его Императорского Величества [Петра II (1727-1730) – Д.А.] в произведении чинов и в начальники» [6, с. 130; 9, с. 302-303].

В бурятских источниках и русской дореволюционной литературе отмечалось, что в 30-е гг. XVIII в. в районе Кяхты (в бассейне р. Чикой на территории современной Республики Бурятия) был размещен Хилгантуйский (Цонгольский) дацан. В первые годы своего существования этот дацан представлял из себя передвижное, собранное из войлочных кошм сооружение, своего рода просторный ковровый шатер [1, с. 267]. Главным ламой в этом, первом на территории Русского Забайкалья, дацане, стал «ученый» тибетец Агван-Пунцук, появившийся в России еще в 1694 г.

В начале 40-х гг. XVIII в. царская администрация решила юридически регламентировать вероисповедные дела бурятов-буддистов. В отечественной историографии принято связывать эти меры с именным указом императрицы Елизаветы Петровны от 1741 г. Обычно цитируются слова дочери Петра Великого, которая утвердила в этом документе штат буддийских служителей в «150 комплектных лам, которые были приведены к присяге на верность России, освобождены от ясака и получили разрешение проповедовать между кочующими свое учение». Главной буддийской «кумирней» был определен там же Хилгантуйский дацан, его «ширентуем» (настоятелем) был назначен вышеупомянутый Агван-Пунцук [3, с. 401-402; 7, с. 17-18]. В 1991 г. данное решение было официально отмечено бурятскими политиками и буддийскими духовными кругами, как важнейшее этапное событие в истории Буддизма в нашей стране [5].

Вторым по старшинству после Хилгантуйского дацана явился основанный в 1758 г. юго-восточнее оз. Байкал Гусиноозёрский дацан, который постепенно опередил по значению своего предшественника и в 1809 г. стал центром управления Буддизмом в Забайкалье [2, с. 38-39]. Следует отметить, что забайкальские ламы в середине XVIII в. все же фактически продолжали юридически зависеть от заграницы, ибо получали духовное посвящение от главного ламы Монголии – «хутукты», жившего в г. Урге (совр. Улан-Батор) и подконтрольного маньчжурской администрации Цинского Китая. Окончательное установление духовной самостоятельности бурятского Буддизма произошло лишь в 1767 г., когда императрица Екатерина II назначила главного ламу Хилгантуйского дацана Дамбу Доржи Заяева главой бурятского буддийского духовенства с титулом «бандидо-хамбо-лама» и правом

самостоятельно утверждать в духовном сане других бурятских лам [4, с. 88-89].

Таким образом можно констатировать, что российская политика по отношению к забайкальским буддистам была весьма толерантной. В целом она удачно вписалась в общий имперский курс на конфессиональную веротерпимость в монархии Романовых, который был утвержден в екатерининском указе от 17 июня 1773 г. [2].

1. Буддизм. Словарь / Под ред. Н.Л. Жуковской. М., 1992.
2. Буддисты в Российской империи в 1917 г. (законодательство, описания) / Сост. Д.Ю. Арапов и Е.В. Дорджиева. Элиста, 2004.
3. Буряты. М., 2004.
4. *Вашкевич В.В.* Ламаиты в Восточной Сибири. СПб., 1885.
5. 250-летие официального признания буддизма в России. Улан-Удэ, 1991.
6. Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. СПб., 1898. Вып. 6.
7. Ламаизм в Бурятии XVIII - начала XX вв. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск, 1983.
8. *Лециловская Н.И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. М., 2006.
9. Русско-китайские отношения в XVIII в. М., 2006. Т. III.
10. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн. X. Т. XX.

УДК 2(С18Ирк)

А.П. Санников¹

Иркутское викариатство: попытка обустройства церковных дел на восточных окраинах России в первой четверти XVIII в.²

Восточная Сибирь; русская православная церковь; епархиальные власти; Тобольская митрополия; Иркутское викариатство; епископ Варлаам Коссовский.

В статье рассматривается учреждение в составе Тобольской митрополии Иркутского викариатства и деятельность его первого главы епископа Варлаама (Коссовского).

В истории русской православной церкви в Восточной Сибири особым этапом стала первая четверть XVIII века. К этому времени, в основном, были очерчены границы края, выстраивалась политика по

¹ Санников Александр Павлович, Иркутский государственный университет (РФ, Иркутск), к.и.н.; aps.72@mail.ru.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00308.

отношению к коренным народам, успешно шли колонизационные процессы и осваивалась столь обширная территория.

К началу XVIII в. в Восточной Сибири действовало более 60 церквей и 14 монастырей, входивших в состав Тобольской митрополии, которая простиралась от Уральских гор до берегов Тихого океана, и являлась самой обширной епархией русской православной церкви [4, с. 28]. Ее глава именовался митрополитом Тобольским и Сибирским.

Наличие только одного центра православия в столь обширном регионе снижало эффективность управления. Одному человеку, при всех его устремлениях и усилиях, управлять такой огромной территорией становилось невозможно. Управление приобретало бюрократический стиль. Архиереи общались со своей паствой по средствам посланий, грамот и увещаний. Отсутствовало главное – личное общение архиерея и верующих.

Правительство неоднократно пыталось изменить положение дел. Еще в 1667 г. на церковный собор от имени царя было внесено предложение «в царстве Сибирском в Тобольске вместо архиепископии митрополии быть, в Томске – епископу, на Лене [в Якутске – С.А.] – епископу быть»³. Однако в то время возобладало мнение тобольского архиепископа (с 1668 г. митрополита) Корнилия, считавшего, что недостаточное количество церквей и монастырей не позволит достойно содержать новых архиереев и приведет лишь к «умалению епископского сана». Через 14 лет, 27 ноября 1681 г., вышел новый царский указ, с «приговором» патриарха о «пожаловании средств из государевой казны для удовольствования новых архиереев – в Томске, Енисейске и на Лене»⁴. Но он также остался не реализован.

Идею создания нового духовного центра в Восточной Сибири возродил тобольский митрополит Филофей (Лещинский). Он добился у Петра I разрешения на проведение в Тобольске 6 декабря 1702 г. собора сибирского духовенства, целью которого являлась выработка мер по улучшению положения дел в приходах и монастырях. Итогом работы собора стало пространное решение, состоявшее из 51 статьи и охватывавшее все стороны церковного и монастырского служения [3, с. 127-135]. Собор стал первым и единственным форумом духовенства в XVIII в., на котором происходило открытое обсуждение всех накопившихся проблем, при этом священнослужители могли лично обратиться к архиерею.

³ ПСЗ. Т. 1. № 412.

⁴ ПСЗ. Т. 2. № 898.

Варлаам Коссовский. Портрет. Начало XVII в.

Вторым шагом митрополита Филофея стало учреждение Иркутского викариатства, на которое он получил разрешение у Петра I в 1706 г. Его центром стал Иркутск. Город был выбран не случайно: он связывал Прибайкалье и Забайкалье, динамично развивался и застраивался, через него шли торговые караваны в Китай. К этому времени в Иркутске имелись 3 приходские церкви и 2 строились, действовало 2 монастыря.

В состав Иркутского викариатства передавались 42 церкви и 4 монастыря: Иркутский Вознесенский мужской (1672 г.), Иркутский Знаменский женский (1693 г.), Посольский Преображенский мужской (1682 г.), Нерчинский Успенский мужской (1664 г.). Географически Иркутское викариатство находилось как бы внутри тобольской митрополии, объединяя лишь южную часть Восточной Сибири – большую часть Даурской десятины (за исключением Селенгинского Троицкого монастыря и приграничных с Китаем территорий). Северная часть – Енисейская, Якутская и Киренская десятины осталась в составе Тобольской митрополии.

Главой викариатства был назначен Варлаам (Коссовский). Варлаам родился ок. 1654 г. в Киеве в семье купца. Духовное образование получил в Киево-Могилянской академии, где учился одновременно с будущими митрополитами Дмитрием (Туптало), Филофеем (Лещин-

ским), Иоасафом (Кроковским). В 1690 г. он принял монашество, был келарем и наместником Николаевского Пустынного монастыря в Киеве.

В 1702 г. сибирский митрополит Филофей (Лещинский) пригласил Варлаама в Тобольск и назначил его главой архиерейской школы. Затем его перевели архимандритом в Туруханский Троицкий монастырь, а 15 декабря 1706 г. посвятили в сан епископа с титулом Иркутского и Нерчинского.

В литературе сложилось устойчивое мнение, что находясь в Иркутске Варлаам около 3 лет «провел не у дел» [1], а затем «без указа» покинул кафедру, прихватив ризницу Иркутского Вознесенского монастыря [2]. Однако во многом это мнение ошибочно.

Епископ Варлаам прибыл в Иркутск в октябре 1707 г. и энергично принялся за дела управления. Он освятил 3 новые церкви, определил места для возведения новых храмов. Привлек к их строительству купечество и заручился поддержкой местной администрации.

Ему удалось получить место в центре Иркутска для строительства архиерейского дома, а также царский указ, повелевавший местной администрации «из иркутских доходов архиерейской двор построить»⁵. Однако местные власти явно не спешили с его возведением. В 1709 г. епископ Варлаам писал в столицу, что «архиерейской двор и донныне не строится»⁶. Епископ вынужден был проживать в иркутских монастырях, домах купцов и духовенства, находиться в «большом стеснении».

Изначально доходы Иркутского викариатства планировались в размере 108 руб. в год, из сумм, собираемых с вверенных церковей и монастырей. За счет этих средств должен был содержаться не только сам епископ Варлаам, но и певчие и служители [5, с. 282]. В своем прошении к царю он указывал, что «мне без твоего государева хлебного и соляного жалования и вина с домовыми також и с прочими, которые приезжают просить невозможно» [4, л. 135]. Ему удалось добиться в Сенате определения: «Вино епископу выдавать 200 ведер, денег 300 рублей, соли 300 пуд погодно»⁷. В дальнейшем иркутские архиереи неоднократно обращались к этому решению Сената.

Викарию удалось привлечь к церковному служению многих образованных людей из разных сословий. Иркутские и забайкальские церкви получили священников и причетников «искусных в чтении и пении, достойных и благочестивых». В ставленническом деле епископ

⁵ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 9. Кн. 511. Л. 135.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 136 об.

Варлаам явно выходил за пределы отведенных ему полномочий и рассматривал прошения из «Лосиногогорского яру, Енисейска, Туруханска и Красного яра, Илимска, Якутска, Иркутска, с Селенги, Нерчинска, которые от Тобольской епархии в дальнем разстоянии и ставленники для поставления в Тобольск за нужными и дальними путями ездить вельми трудно а в близости те города к Иркутскому и Нерчинскому городам»⁸.

Из-за этого отношения с митрополитом Филофеем становились все более натянутыми и переросли в 1709 г. в конфликт из-за Киренской десятины. Иркутский викарий попытался распространить свою юрисдикцию на Киренск и его округу, ссылаясь на близость к Иркутску. В ответ 14 октября 1709 г. митрополит направил заказчику строителю Киренского Троицкого монастыря Иоасафу грозное послание с требованием: «...буде Преосвященный Варлаам, епископ Иркутский и Нерчинский учнет от себя какие указы к тебе присылать или похощет Киренскую десятину под своею властью имети, и тебе б отнюдь ево ни в чем не слушать, и на Киренге и во всей Киренской десятине попам слушать ево не велеть» [3, с. 154].

В Иркутск тобольский архиерей направил разъяснение, что епископ Варлаам «послан в вспоможение митрополиту Филофею, ради дальнего разстояния». Горожане по-своему истолковали сложившуюся ситуацию и стали называть Варлаама «ненастоящим» епископом. Поняв, что находясь в Иркутске, ничего изменить не сможет, епископ Варлаам «без указу» покинул место своего служения и уехал в Москву, взяв с собой ризницу Иркутского Вознесенского монастыря, поскольку не имелось ткани на пошив новых риз, а местные власти задержали выплату жалования.

В Москве епископ Варлаам встретился с местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Стефаном (Яворским) и изложил свое видение проблемы: учреждение самостоятельной Иркутской епархии и расширение ее границ. Стефан (Яворский) поддержал Варлаама (Коссовского) и сообщил об этих предложениях Петру I. Однако Петр I эти предложения не поддержал. Формально епископ Варлаам оставался главой викариатства и представлял интересы Тобольской митрополии в Синоде.

21 января 1714 г. он был назначен архиереем Тверской епархии. В феврале 1720 г. вместе с еще 5 епископами присутствовал в Сенате при утверждении «Духовного Регламента». 9 июня 1720 г. он был переведен на Смоленскую кафедру в сане митрополита. 4 мая 1721 г. он

⁸ Там же. Л. 135 об.

скончался в Смоленском Троицком монастыре и похоронен в смоленском кафедральном Успенском соборе.

Согласно завещанию митрополита Варлаама, из оставленных им 6 тысяч рублей часть денег жертвовалась Иркутскому Вознесенскому монастырю, куда также поступило часть книг из обширной библиотеки архиерея (всего имелась 381 книга).

Озабоченный судьбой православной церкви на востоке митрополии, тобольский архиерей Филофей (к этому времени схимонах Федор) решил на пастырский визит в эту часть своих владений. Необходимо отметить, что Филофей – единственный из тобольских архиереев XVII–XVIII вв., посетивший Восточную Сибирь. К этому времени ему уже шел 70-ый год. В марте 1719 г. он прибыл в Иркутск, в апреле побывал в Забайкалье. Находясь в Иркутске, он посвятил в сан архимандрита Вознесенского монастыря архидьякона Антония (Платковского), и уполномочил его управлять делами викариатства, в качестве местоблюстителя, что делалось не редко в это время.

В 1721 г. на короткое время Иркутское викариатство, «пустовавшее» к этому времени уже 7 лет, приобрело своего нового главу. В 1718 г. в опалу попал митрополит Крутицкий Игнатий (Смола). Вопреки всем указаниям он «оказал почтительность» к опальной царице Евдокии Лопухиной, называя ее не инокиней Еленой, а царицей Евдокией Федоровной, публично целовал ее руку, подарил пару лошадей для выезда и выдал мирское платье. 8 сентября 1721 г. разгневанный Петр I повелел: «быть ему не митрополитом, а епископом Иркутским»⁹. 1 октября 1721 г. во время заседания Синода опальный митрополит «пал в ноги государю», вымолил прощение и освобождение от новой должности, но с условием удалиться в пустынь.

Предлагавшиеся императору кандидатуры на данный пост – архимандрит Чудова монастыря Феофилакт (Лопатинский), архимандрит Киево-Печерской лавры Иоанникий (Сенютович), оберiero-монах флота Рафаил (Забаровский) – не были поддержаны. В результате Иркутское викариатство по-прежнему не имело своего главы.

Административные функции исполняли местоблюстители – архимандрит Антоний (Платковский), иеромонах Корнилий, архимандрит Мисаил (Трусов), протоиерей Петр Шульгин. За это время были построены новые церкви, ожидавшие своего освящения, вновь обострилась проблема замещения вакантных мест в приходских храмах. В 1725 г. при Иркутском Вознесенском монастыре была открыта школа

⁹ Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. Иркутск, 1868. С. 525-526.

для детей духовенства, однако не был решен вопрос об ее финансировании. Выявились огромные недостатки денежных средств. Например, на монастырскую школу Антоний (Платковский) израсходовал 7000 руб. из сумм Вознесенского монастыря, 3000 руб. – Посольского монастыря, при этом сам архимандрит остался должен монастырю 3794 руб. 62 коп.¹⁰ Школьные избы оказались «не топлены и не белены». Возник конфликт с местной администрацией о соляных варницах Иркутского Вознесенского монастыря. Присоединение к Иркутскому Вознесенскому монастырю двух монастырей – Посольского Преображенского и Братской Спасской пустыни, инициированные архимандритом Антонием (Платковским), едва не закончились гибелью последних.

Дальнейшее существование викариатства без своего главы становилось невозможным. Среди лиц высшего духовенства, облеченных доверием власти, претендентов было мало. В Восточную Сибирь они соглашались ехать, но только в качестве главы самостоятельной епархии. Однако правительство медлило с решением по этому вопросу. Лишь в 1727 г. последовал указ об учреждении самостоятельной Иркутской епархии, после которого викариатство прекратило свое существование. Примечательно, что границы Иркутской епархии вплоть до 1731 г. совпадали с границами викариатства.

Таким образом, Иркутское викариатство послужило той основой, на которой создавалась новая епархия, обеспечившая дальнейшее развитие православной церкви на восточных окраинах Российской империи.

1. *Алексеев А.И.* Варлаам (Коссовский), митрополит Смоленский // Православная энциклопедия / [http:// pravenc.ru/ text](http://pravenc.ru/text)
2. *Громов П.* Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий первый епископ Иркутский. Иркутск, 1868.
3. Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653-1726). Казань, 1875.
4. *Дулов А.В., Санников А.П.* Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2006. Т. 1.
5. *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI-XIX вв. Казань, 1913. Т. 2.

¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф.10 (Казанская духовная академия). Оп. 2. Д. 899. Л. 86.

Православная религиозность императорского двора России XVIII в.

Русский двор; религиозность.

Статья посвящена религиозности европеизированного императорского двора России XVIII в. На примере посещения церковных служб в ней показана приверженность Романовых православным обычаям и их изменение в век Просвещения.

При изучении образа и стиля жизни императорского двора России XVIII в. принято обращать внимание прежде всего на его европеизацию, т.е. усвоение светской культуры и отход от прежних допетровских форм жизни, в том числе религиозности. И действительно, русский двор XVIII в. получил совершенно новый, на западный манер облик, с которым позиционировал себя как во внешнем мире, так и внутри России.

Начавшись при Петре Великом, уже в правление Анны Иоанновны и в начале царствования Елизаветы Петровны было завершено создание новых дворцовых структур, введены европеизированные чины, сформирована новая придворная жизнь с европейскими церемониалами, бытом и светскими развлечениями. В этом общем процессе европеизации, однако, перед петербургским двором стояла важная задача – определиться в системе современной культуры и образе жизни с выбором тех ключевых символов, которые бы позволяли двору быть не только европейским, но и русским. Представляется, что выполнение этой функции, т.е. идентификации в глазах народа как двора национального, русского, взяла на себя православная религиозность.

Демонстрировалась она Романовыми различными формами публичного отправления культа: соблюдением православных таинств при коронациях, свадьбах, рождении детей и погребениях членов царского дома, публичным посещением служб в дни церковных и новых светских праздников, соблюдением при дворе постов и др.

Подробно остановимся на посещении двором православных служб.

В допетровское время «выходы на праздники» являлись стержнем придворной жизни. По И.Е. Забелину, в XVII в. было закреплено обычаем около 60 выходов в год, не считая воскресных

¹ Агеева Ольга Гениевна, ИРИ РАН (РФ, Москва), д.и.н.; cultura_iri@mail.ru.

служб. Выходы могли совершаться пешком, в карете или в санях, всегда в сопровождении многочисленной, до 700 человек, свиты из бояр и других служилых и дворовых чинов. Выходы всегда отличало пышное декоративное оформление и великолепия одежды. Все праздники, на которые «ходил» великий государь, делились по степени важности на три категории² [4, с. 377-380].

В век Просвещения высочайшее посещение православных служб осталось одной из самых ярких черт религиозности двора. Однако состав отмечаемых при дворе праздников изменился. Два периода выделяются в посещении служб монархами. Это – начало века, т.е. правление Петра I и его ближайших преемников, и период с 1730-х годов.

XVIII в. начался с особого отношения к религиозности царя Петра I. В начале 1690-х годов он разрушил обычай многочисленных выходов на праздники в традиционной форме и, из-за походного образа жизни, посещал только часть традиционных служб московского двора.

Материал «Походных журналов» Петра I в сравнении с допетровскими выходами показывает, что из 13 традиционных выходов на праздники первой группы осталось 11 (новолетие, Рождество, Богоявление, Благовещение, Пасха, Вознесение, Троица, Вход в Иерусалим, Успение богородицы и дни царских ангелов). Отставлены были праздники образа Спаса Нерукотворного Спасова и Ризы господней.

Из второй группы праздников XVII в. перестали отмечаться публично 10 (Богородицы Казанской, Богородицы Введения и Знамения, Покров, день страшного суда, сборное воскресенье, дни архангела Михаила, московских митрополитов Петра, Алексея, Ионы и Филиппа, дни Иоанна Богослова и Иоанна Белоградского). Остались посещаемыми богослужения на пасхальной неделе, Рождество богородицы, Воздвижение честного креста, Сретение, Обрезание господне (как праздник Нового года), а также дни ангелов царских родственников.

Наконец, из последней третьей группы сохранились выходы в воскресные дни, на святках и в сочельники. В забвении же оказались 10 праздников, в основном русских святых и отцов церкви (дни Сергия чудотворца, Саввы Сторожевского, трех святителей, черниговских чудотворцев, царевича Дмитрия, а также Иоанна Златоуста, Григория Богослова, царевича Иоасафа, великомученика Георгия и Ильи пророка).

² ПСЗ. Т. 2. № 850.

Таким образом, из принятых при московском дворе праздников в начале XVIII в. на первом месте оказались праздники двенадцатые. Кроме этого, царем посещались праздники некоторых популярных святых, например, Николы зимнего, поднятых на щит как покровителей России и Невских земель св. апостола Андрея Первозванного и св. князя Александра Невского. Молчаливо упразднено было более 20 традиционных праздников русских святых и отцов церкви, которые за исключением нескольких (св. Сергия Радонежского, св. Георгия и др.) не возродились и после Петра I.

Вместе с тем в начале века появилась посещаемая царской семьей новая система светских государственных торжеств, включавшая более 20 царских, военных, орденовских праздников и светский новый год. Все они начинались с утренней церковной службы.

После того, как в правление Анны Иоанновны в России стали строить дворцы с большими придворными храмами, произошел возврат к регулярному посещению воскресных и праздничных служб царской фамилией, двором и столичной элитой. Сопровождались такие выходы торжественным шествием императрицы в дворцовый храм. Регулярное посещение праздничных служб в дни двенадцатых праздников, дни некоторых святых и по воскресеньям было закреплено при последующих царствованиях.

Сведения о количестве таких посещений храмов содержат Камер-фурьерские церемониальные журналы. По ним, в течение года императрица Елизавета Петровна, например в 1750 г., посетила вместе с двором 58 служб, Екатерина Великая в 1780 г. имела выход на 102 службы [3; 5]. В конце века, например в 1794–1795 гг., при дворе насчитывалось по Месяцеслову так называемых табельных дней – церковных, придворных и кавалерских праздников – 59, и их было бы 66, если бы некоторые не совпадали по дням и не праздновались одновременно [2, с. 158]. Таким образом, к концу века русский двор столь же часто посещал службы, как и двор московский XVII в., хотя и был изменен пантеон святых, дни которых отмечались.

Кроме этого, новая православная религиозность двора предполагала иную форму празднования. В первой четверти XVIII в. Петр I резко изменил понятие царского выхода «к празднику». Царь, члены его фамилии и государственные чины съезжались к праздничным службам в соборы Петербурга без специальных церемоний, процессий и приглашений. В самой форме православных праздников стали исчезать некоторые обряды, имевшие ранее глубокий сакральный смысл. Так, были отставлены «тайные» выходы царя в праздничные дни в богадельни и тюрьмы для раздачи милостыни, выходы на богомолья в

монастыри, кормление нищих во дворце, раздача милостыни на улицах Москвы, взаимные «поздравления» царя и патриарха и т.п. [4, с. 385 и далее]. По словам мемуариста К. де Бруина, то, что в праздничных обрядах было в старину «делом важным», в первые годы XVIII в. оказалось «как-то не в большом употреблении». Таковым было участие царя в зимнем водосвятии, дарение яиц на Пасху и др. [1, с. 44, 60, 108].

Изменилось и место проведения служб с участием монарха. Петр I для слушания литургий чаще всего выезжал в Троицкий, Исаакиевский и другие петербургские соборы. С появлением церквей во дворцах посещение храмов вне стен резиденций постепенно исчезло, и произошло замыкание религиозной придворной жизни внутри дворцов. Посещение Александро-Невского монастыря и шествие на иордань для зимнего и летнего водосвятия являлись в новой столице исключением из правил.

Во дворце присутствие на службах в храме предваряли торжественные шествия-выходы из личных покоев правящей семьи с небольшим окружением из придворных чинов. Шествие следовало по парадным помещениям дворца, где находились собранные по повесткам чины первых рангов (1-4, 1-6 или 1-8 классов по Табели о рангах). Открывали колонну придворные дамы и кавалеры, следовавшие парами, от младших к старшим, за ними перед коронованной особой шли члены императорской фамилии. Все были в парадных костюмах, императрица в дни больших праздников с малой короной на голове. В орденские дни в процессии следовали одетые в полный комплект орденской одежды кавалеры ордена во главе с орденмейстером – императором или императрицей.

Вслед за литургией могли отправляться молебны, произноситься проповеди, при окончании службы стреляли пушки. Затем в храме к монаршей руке подходили священнослужители. Чужестранные министры на службы, как правило, не приглашались.

Особой чертой религиозности XVIII в. являлось регулирование специальными указами посещения служб и поведения в храмах. Так, при Петре I были указы, запрещающие высоким чинам вести в храмах дела (слушать во время служб доклады подчиненных и принимать решения), указы о соблюдении в церквях тишины и введении штрафа за народные разговоры, для чего устанавливались железные ящики на цепях для получения денег и др. [См., например: 6, № 974. с. 11-12, № 1010. с. 44-45.]

В середине века последовали указы о присутствии и поведении двора в придворных храмах. Указом от 6 апреля 1751 г. было пове-

лено не впускать в Большую придворную церковь «простых людей», ранее ее свободно посещавших. «Простые люди» это – лица из «незнатного народа, а особливо женска пола, которые случатся быть... в платках, чепцах... и в неуборных платьях». Объявлять таковым, чтоб они из церкви вышли вон, должны были назначенные лакеи, гайдуки и гоф-фурьеры³.

6 января 1752 г. вышел указ, который делал посещение служб обязательным и уточнял круг лиц, допускаемых в придворный храм. Приезжать следовало в воскресные и праздничные дни «к литургии» обоюбого пола персонам первых классов, которые приезд ко двору имеют. Отсутствие их на службах во дворце каралось. Если пропустивший службу не был болен, то впредь к высочайшему двору не допускался. Дополнительный указ от 12 января предписывал иметь обязательные приезды «только в двенадесятые праздники и высокопраздничные дни», тогда как приезд в воскресные дни объявлялся свободным – «кто сам пожелает»⁴.

Указ от 28 апреля 1747 г. касался неупотребления кавалерами, дамами и прочими «чинами без изъятия» табака в церкви во время службы Божией. У ослушников камер-лакеи должны были отбирать табакерки и рапортовать о том в Придворную контору. Указ от 6 февраля 1749 г. устанавливал за разговоры в придворной церкви наказание, подобное наказанию в обычных церквах – надевание цепей с ящиками. Для этого было повелено сделать для знатных чинов – ящики медные вызолоченные, для «посредственных» чинов – белые луженые, а для прочих – простые железные⁵.

Год спустя после прихода к власти Екатерины Великой, 20 ноября 1763 г., указ о недопустимости разговоров в церкви был повторен. Наказанием, которое было прежним с тем же делением лиц на три категории и тремя видами ящиков с цепями, следовало заниматься псаломщикам. Тот же указ предписывал в праздничные и воскресные дни «приставливать» к церковным дверям гайдуков, предупреждавших о наказании за разговоры⁶.

Таким образом, при европеизированном русском дворе XVIII в. при всех новациях светской жизни постоянно уделялось внимание следованию традициям публичного посещения православных служб.

³ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 84. Л. 45.

⁴ Там же. Д. 87. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 73. Л. 73; Д. 81. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 110. Л. 115-115 об.

1. *Бруин К де.* Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. М., 1873.
2. *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга... 1794-1796 гг. СПб., 1996.
3. Журналы камер-фурьерские 1750 г. СПб., б.г.
4. *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI-XVII ст. М., 1895. Т. 1. Ч. 1.
5. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1780 г. СПб., 1888.
6. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1875. Т. 3.

УДК 94(47).008:003

А.О. Крылов¹

Знак и означаемое в антистарообрядческой полемике святителя Димитрия Ростовского

Димитрий Ростовский; старообрядцы; семиотическое сознание; знак; история культуры.

В статье показано, что свт. Димитрий Ростовский в своем «Розыске раскольничей брынской веры» обличает старообрядцев с позиции учения о знаке блаж. Августина. Делается заключение о ключевой роли могилянской традиции в складывании семиотического сознания русского общества Нового времени.

На рубеже XVII-XVIII в. в российской церковно-интеллектуальной среде существовали две четко оформленные группы: европейски образованные православные интеллектуалы, так или иначе связанные с могилянской традицией и лидеры старообрядчества, переживавшего этап своего богословского становления. В ситуации полемического противостояния староверов и представителей патриаршей церкви, неизбежно должно были проявиться различие между мышлением, воспитанным в традиции второй схоластики и европейской риторической культуры и образом мысли, стремившимся опираться лишь на культурные достижения *Slavia Orthodoxa*. Одному из таких различий и посвящен данный доклад.

В своих работах 1970-х гг. С. Матхаузерова, анализируя челобитные Никиты Добрынина, попа Лазаря и «Жезл правления» Симеона Полоцкого, пришла к выводу о существовании у авторов второй половины XVII в. двух теорий текста: субстанциональной – у старообрядцев, и релятивистской – у «новообрядцев» [10, с. 273-274]. Эти на-

¹ Крылов Алексей Олегович, Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет (РФ, Москва); kot165@post.ru.

блюдения позднее были развиты Б.А. Успенским и В.М. Живовым, заключившими, что в основе Раскола лежал чисто семиотический конфликт, хотя он и воспринимался современниками как богословский. Этот конфликт проявлялся в различном отношении к сакральному знаку и, в частности, к богослужебному языку. Старообрядцы понимали сакральный знак неконвенционально, как средство выражение Божественной Истины, форма выражения которой не может противопоставляться ее содержанию. «Новообрядцы», наоборот, понимали знак конвенционально, как некую условность, необходимую для точной передачи смысла [6, с. 23-25; 11, с. 336]. Причина различий в восприятии, лежала, по мнению исследователей, в принадлежности оппонентов к различным культурам: старомосковской и европейской.

Однако новейшие исследования старообрядчества XVIII в. продемонстрировали всю сложность и противоречивость отношения старообрядцев к проблеме знаков. Развитие «раскола» из рассеянных диссидентских общин в сплоченное религиозное движение в первой четверти XVIII в., происходило уже в условиях широкой рецепции риторической культуры. Это позволяет с уверенностью утверждать, что семиотические воззрения старообрядцев нельзя свести к некой единой «доктрине» или «теории», общей для всего старообрядчества и тем более – для всей древнерусской культуры в целом.

На наш взгляд, ключевое значение для постижения семиотического конфликта XVII в. имеет понимание того, как собственно шло формирование семиотического сознания (то есть понимание того, какое значение роли и действия знаков в мире) у интеллектуалов могилянкой традиции с одной стороны и старообрядческих лидеров – с другой.

Первые учения о знаках возникли в Античности, наиболее влиятельным среди них стала концепция Аристотеля. Достижения античных философов в семиотике были восприняты христианскими богословами патристической эпохи [9, с. 89, 91]. Особое значение семиотика приобрела для богословской мысли на Западе.

Это произошло благодаря трудам одного из величайших западных отцов Церкви, блаж. Августина. Он специально посвятил свой трактат «Христианская наука» проблемам семиотики и герменевтики в их связи с богословием, главным образом – с постижением смысла Священного Писания. Тем самым блаж. Августин стал создателем первого в истории западной мысли общесемиотического учения, которое было крайне влиятельным вплоть до XVII в.

Блаж. Августин определял знак следующим образом: «Знак есть вещь, которая помимо формы, напечатлеваемой в чувствах, дает из

себя узнать нечто другое» [1, с. 73]. При этом всякий знак – это нечто материальное, воспринимаемое чувствами. Знаки делятся на естественные и искусственные, создаваемые людьми, при этом любое слово, даже слово Писания есть искусственный знак, созданный людьми и для людей [1, с. 74]. Позднее семиотическое учение блаж. Августина было воспринято в схоластике, в частности – в «Сумме богословия» Фомы Аквинского. В раннее Новое время семиотическая традиция блаж. Августина развивалась в трудах вторых схоластов [2, с. 13].

В конечном итоге именно сочинения представителей второй схоластики, такие как «Коимбрский курс логики», были положены в основу курсов философии, читавшихся в Киево-могилянской коллегии XVII в. [7, с. 31-32], по ним же выпускники коллегии самостоятельно осваивали теологию. Тем самым представители могилянской традиции неизбежно усваивали основные положения общесемиотического учения блаж. Августина.

Иначе происходило формирование семиотических представлений ранних старообрядцев. Вопрос соотношения знака и означаемого детально не рассматривался восточно-христианскими богословами и затрагивался ими лишь в контексте богословия имени Божия и богословия иконы. При этом в средневековой славянской книжности святоотеческие сочинения, освещавшие эти проблемы с точки зрения «высокого богословия» были практически не представлены [8, с. 221]. Блаж. Августин же вообще почитался на Руси еретиком [12, с. 193]. Все это способствовало тому, что семиотическое сознание ранних староверов было неустойчивым и противоречивым, что и проявилось в дальнейшем развитии старообрядческой культуры: преобладание неконвенционального отношения к знаку в творчестве идеологов раннего старообрядчества сменилось в нач. XVIII в. причудливым сочетанием барочных «витийств» проповедей братьев Денисовых и аллегорической экзегезы, положенной в основу беспоповческой эсхатологии [3, с. 255-256] с неконвенционализмом в сакральных текстах и обрядах.

Свт. Димитрий Ростовский был одним из ярчайших представителей киевской богословской школы рубежа XVII-XVIII вв. В его библиотеке, наряду с сочинениями восточных и западных отцов церкви, мы можем встретить и множество трудов представителей второй схоластики, что позволяет утверждать, что Ростовский митрополит был в общих чертах знаком с семиотической концепцией блаж. Августина.

Свое главное полемическое антистарообрядческое сочинение, «Розыск раскольничей брынской веры», Ростовский Святитель начинает именно с проблемы соотношения знака и означаемого. Этот

вопрос раскрывается свт. Димитрием через понимание того, что такое вера вообще. Первый раздел «Розыска» так и называется: «Есть ли их [старообрядцев – А.К.] вера правая вера?»

Сперва свт. Димитрия дает традиционное христианское определение веры как убежденности в невидимом [4, с. 3-4]. Предметами веры являются реалии духовного мира и богооткровенные истины – догматы, поскольку человек не может познавать их чувственно. Соответственно, все, что является осязаемым и материальным, т.е. чувственно познаваемым уже в земной жизни, не может быть предметом веры для христианина.

Старообрядцы же делают грубейшую ошибку, делая предметом своей веры то, во что верить не должно: старые иконы, старые книги и прочее. [4, с. 9-10]. Отсюда делает вывод о том, что старообрядцы подменяют веру в Бога верой в материальные святыни [4, с. 10].

Далее, свт. Димитрий, не употребляя специальных терминов, излагает семиотическую теорию блаж. Августина: материальные сакральные символы, будь то иконы, просфоры или тексты суть знаки, средства для передачи информации о предметах веры.

Придя к такому заключению, свт. Димитрий переходит к разбору конкретных положений старообрядцев, представляя их в качестве примеров своего тезиса. Первым является пример иконы. Ссылаясь на прп. Иоанна Дамаскина, автор «Розыска» сравнивает икону с книгой [4, с. 14], поясняя, что икона лишь средство, помогающее вознести ум к Изображенному на ней и оказать Ему честь [4, с. 16]. Тем самым возраст иконы не важен.

С такой же точки зрения свт. Димитрий разбирает и отношение старообрядцев к кресту, рассуждая, что изображение креста – знак, обозначающий Распятие Сына Божия, и поэтому нет существенного различия, сколько концов будет иметь этот знак – четыре, восемь или более. Суть означаемого от этого никак не изменится [4, с. 20-21]. Слова, сказанные о материальных святынях, свт. Димитрием прилагались и к текстам: поскольку духовные книги должны возводить ум христианина к Богу, то изменения в тексте не имеют значения, если эти изменения не препятствуют познанию Бога [4, с. 20-23]. В этом же духе свт. Димитрий рассуждает и о «нововводных обрядах» [4, с. 32].

Старообрядческие «неконвенциональные» воззрения на сакральный текст свт. Димитрий опровергает с помощью ряда примеров, таких как курьезные описки в старинных рукописях [4, с. 25-27], или несогласие евангелистов между собой при передаче слов Спасителя [4, с. 35-37].

Однако в наибольшей степени различие богословских подходов свт. Димитрия и старообрядцев раскрывается при обсуждении вопроса об имени Иисуса. Старообрядческая позиция исходит из того, что имя Христу было наречено ангелом. Соответственно, традиционное московское Иисус сохраняет имя Христа так, «еже Ангел нарече», а «никонианское» написание Иисус является человеческим искажением имени Божия.

Автор «Розыска» для разрешения вопроса о том, как следует писать имя Христа предлагает отрешиться от *формы* и обратиться к *содержанию*. Русское написание Иисус точно передает написание греческого слова «Целитель» и еврейского «Спаситель» и, тем самым, заключает в себе их смысл. Отстаиваемое же староверами написание «Иисус» бессмысленно, единственное, с чем его можно соотнести – с греческим словом «исоус», «равноухий», а такой смысл имени Христа является очевидным кощунством [4, с. 47]. Здесь свт. Димитрий стремится подчеркнуть, мысль о том, что имя Бога существует для человека и на человеческом языке, а потому обязательно несет доступный человеку смысл.

Если в полемических сочинения («Розыск») Святитель акцентировал конвенциональные, человеческие качества имени Божия, то в проповедях он говорил о силе имени Божия и его мистических свойствах, о поклонении имени Иисус [5, с. 240]. Подобное сочетание конвенционального понимания имен Божиих с их мистическим почитанием свойственно восточному богословию в целом [9, с. 95].

Все эти примеры, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют в пользу того, что критика свт. Димитрием старообрядческого понимания сакральных символов основывалась на семиотическом сознании, сформированном августиновской традицией. Важным следствием этого является ориентация Святителя на поиск смысла, доступного для человека, в сакральных знаках. Таким образом, проблема соотношения знака и означаемого тесно соотносится с проблемой соотношения веры и знания в жизни христианина. Решением этих проблем для свт. Димитрия, просветителя и мистика, стала вся его жизнь.

Кроме того, рассмотренные факты позволяют предположить, что «субстанциональная теория текста», равно как и теория «неконвенционального отношения к знаку, характерного для традиционной русской культуры» [12, с. 356], представляют собой лишь своего рода зеркальное отражение августиновской общесемиотической теории, возникшее в сочинениях, в которых могиляне полемизируя со староверами, конструировали образ «Раскола». У самих же ранних старооб-

рядцев семиотическое сознание не было настолько развитым, чтобы породить четкую и непротиворечивую семиотическую доктрину.

Все это заставляет нас вновь обратить внимание на роль моголианской традиции в отечественной культуре. Рецепция латинского богословского и философского наследия, осуществленная киевскими богословами, способствовала складыванию целостного семиотического сознания российского общества.

1. *Августин, блаж.* Христианская наука. СПб., 2007.
2. *Вдовина Г.В.* Язык неочевидного. Учение о знаках в схоластике XVII века. М., 2009.
3. *Гурьянова Н.С.* Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.
4. *Димитрий Ростовский, свт.* Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1855.
5. *Димитрий Ростовский, свт.* Жития Святых. Кн. 2. Декабрь Январь. Февраль. Киев, 1764.
6. *Живов В.М.* К типологии барокко в русской литературе XVII – начала XVIII в. // Человек в культуре русского барокко. М., 2007.
7. *Зайцев Д.А.* Киево-Моголианская школа в ее влиянии на русскую религиозно-философскую мысль второй половины XVII в. Дисс. ... к. философ. н. М., 2010.
8. *Лескин Д., прот.* Онтологический статус имени и слова в философской культуре Древней Руси // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2006. № 1 (4).
9. *Лескин Д.Ю.* Спор великих каппадокийцев и Евномия о границах богопознания и его рецепция в русской философии XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 3.
10. *Матхаузерова С.* Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31.
11. *Успенский Б.А.* Раскол и культурный конфликт XVII века // Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.
12. *Шляпкин И.А.* Святитель Димитрий Ростовский и его время. СПб., 1891.

УДК 930.27

В.П. Богданов¹

Церкви и монастыри в записях на книгах старопечатной кириллицы

Церкви; монастыри; записи на книгах; старопечатная кириллица.

Статья продолжает серию работ автора по изучению записей на книгах. В статье анализируются упоминания церквей и монастырей, расширяющие пред-

¹ Богданов Владимир Павлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; vrbogdanov@gmail.com.

ставления о бытовании старопечатной кириллицы. Благодаря этим записям устанавливаются пути «книжной миграции», состав библиотек ряда церковных центров.

О потенциале записей на книгах как историческом источнике сказано много. В последнее время наблюдается возрождение интереса к этому источнику. Предпринимаются даже попытки анализа записей путем создания масштабных баз данных. Автор уже имел честь докладывать о некоторых своих результатах в этой области на первых и вторых чтениях памяти Л.В. Милова. В базе данных, построенной на основе каталогов старопечатной кириллицы, подготовленных под эгидой МАЛ [2; 5; 6; 7; 8; 10; 11], на сегодняшний момент учтено 1284 церкви и 341 монастырь, упомянутые в записях на книгах. Эти духовные центры находятся в 623 населенных пунктах 156 уездах / районах 64 губерний / областей Российской империи / СССР.

При этом 238 (т.е. 15 %) церквей и монастырей фигурируют в двух и более записях. Безусловными рекордсменами по частоте упоминания являются церковь Похвалы Пресвятой Богородицы Орлагородка (61 упоминание), Николая чудотворца и мученицы Варвары на Сполье в Ростове Великом (55) и Спасо-Преображенский Ярославский монастырь (51). Похвальская церковь – это одна из центральных церквей уральской вотчины Строгановых. Она была одним из объектов постоянных вкладов нескольких поколений этой легендарной семьи. Книги из ее богатой библиотеки в настоящее время встречаются в ряде государственных хранилищ, в том числе и РГБ [4]. Спасо-Преображенский монастырь на протяжении столетий был крупнейшим книжным центром. Как известно, именно здесь графом А.И. Мусин-Пушкиным было найдено «Слово о полку Игореве». С 1781 г. здесь стал располагаться «архиерейский дом» – резиденция митрополита, до этого находившаяся в Ростове. Ростовская церковь Николая на Спольи примечательна тем, что ее священники участвовали в кампании по изъятию «старых, с новыми не согласных книг» по всей епархии. Записи об этой кампании содержатся более чем на 100 экземплярах [3].

Четыре каталога имеют региональный характер и отражают те собрания, которые исторически складывались в том или ином крае. Однако книги ряда церквей и монастырей оказались ныне совсем не в тех регионах, с которыми изначально была связана их судьба. Т.е. в совокупности записи на книгах дают представления о местных книжных собраниях, существовавших ранее. Например, книги, находившиеся в XVII в. в церквях и монастырях гг. Владимира и Муромы,

в XX в. оказались в пермском, ростово-ярославском регионах, откуда поступили в местные хранилища или были получены в ходе археографических экспедиций МГУ. Примечательно, что 60 книг Калязинского Троицкого Макарьева монастыря оказались разбросаны по хранилищам тверского края (где их находится наибольшее количество, т.к. собрание в 1920-е напрямую поступило в ТГОМ), Москвы, пермской и ростово-ярославской земли. Причем экземпляр, хранящийся ныне в НБ МГУ был получен в 1975 г. археографической экспедицией в сотнях километров от Тверского края – в Соликамском районе! В 1976 г. в ПОУНБ хранится еще один экземпляр, также связанный изначально с Калязинским монастырем. Лидерами населенных пунктов по числу упоминаний в записях, являются Москва (64 упоминания), Ростов (47), Ярославль (40), Углич (21), Тверь (19), Соликамск (18), Чердынь (11)... Упоминание в записях на книгах, бытовавших в разных регионах, одних и тех же церквей и монастырей говорит о том, что создаваемая база данных достаточно полно охватывает интеллектуальное пространство страны.

Привязка книг к тем или иным монастырям и церквям, которые дают записи, позволяют проследить источники формирования библиотек. Особенно интересны в этом плане вклады царей Ивана V и Петра I в церковь Дмитрия царевича «что на крови» в г. Угличе. 17 из них были переданы по именному указу «великих государей» 24 января 1694 г.: круг миней², Пролог (1-я и 2-я половина) и Октоих (1-я и 2-я части в одной книге), Апостол, Триоди цветная и постная. Две книги были переданы по указу «великих государей» от 20 декабря 1695 г.: Псалтырь с воследованием и Евангелие. Одна книга была передана в ц. Дмитрия уже в 1697/98 г. Петром I (Требник). Все вклады были сделаны по челобитью священника Иоанна Минина «с причтом». Благодаря царским вкладам церковь оказалась полностью укомплектована богослужебной литературой. Причина того, почему книги данной церкви оказались так хорошо представлены, заключаются, видимо, в том, что собрание ее целиком перешло в Угличский историко-художественный музей, хотя время и обстоятельства этого перехода неизвестны. К слову сказать, некоторые церкви и монастыри (в том числе и достаточно удаленные) явно пользовались особым вниманием царской семьи и удостоились нескольких вкладов. Так три книги были вложены в ходе богомолья великой схимницей и царицей

² В Угличском историко-художественном музее, куда поступили книги церкви царевича Дмитрия, отсутствует Минейя на июль-месяц.

Марфой Ивановной в Богоявленский девичий монастырь в г. Углич³, три Михаилом Федоровичем в ц. Николая Чудотворца в Можайске⁴.

В то же время, в ряде случаев названия монастырей и церквей являются неким уточнением. Например, дополнительной характеристикой жертвователя. В 1695-1698 гг. архимандритом Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле Иосифом было совершено 12 вкладов в эту обитель [6, № 1; 35, 502, 523; 7, № 194, 379, 322, 452, 611, 736, 742, 765]. При этом все записи содержали примечательную формулу: «по велению архимандрита Иосифа, что из Владимира Царяконстантиновского монастыря». В справочнике П.М. Строева значится архимандрит Иосиф, переведенный в 1691 г. из Угрешского монастыря и пробывший на своем посту до 1699/1700 гг. [13, стб. 338] Формулировка вкладных записей позволила разделить двух Иосифов. Автор вкладов 1695-1698 гг. сменил своего тезку на посту архимандрита в 1693 г. [9; 12].

Понятно, что записи наглядно показывают миграцию книг. Так Апостол (Вильно, Тип. Мамоничей, после 1595 г.) в 1615 г. был вложен стольником П.С. Агибаловым в ц. Архистратига Михаила с. Большие Печерки Арзамасского уезда. В 1693/4 г. была пожалована царями Петром и Иоанном в какую-то другую церковь. Возможно, в церковь Введения того же села. В XVIII в. книга оказалась в с. Бояркино Пензенского уезда, а в 1987 г. была получена ПОУНБ от жительницы д. Савина Чайковского района Пермской области [5, № 10]. Рамки тезисов не позволяют осветить проблему миграции подробнее. Заметим лишь, что миграция осуществлялась «с востока на запад», но не из Сибири в центральные или южные районы страны. Это легко объясняется тем, что основными пользователями старопечатных кириллических изданий в XVIII-XX вв. стали старообрядцы. И направление «за Урал» (а не наоборот) было характерно для их расселения.

В заключение остается напомнить: создаваемая база данных – открытая, т.е. постоянно пополняется. Дальнейшие сопоставления записей могут изменить выявленные цифры, но даже имеющиеся в ней на сегодняшний момент данные позволяют выявлять важные процессы в книжной культуре России XVII-XX вв.

³ Евангелие. -МПД, 19.03.1627 [7, № 14*], Минея общая. -МПД, 14.10.1625 [6, № 138], Псалтирь с воследованием. -МПД, 26.10.1627 [10, № 184].

⁴ Триодь цветная. -06.12.1635 [10, № 275], Минея служебная, сентябрь. -МПД, 30.08.1636 [10, № 295]. Еще один вклад известен также по публикации Т.Ф. Волковой: Октоих. Ч. 1. -МПД, 1631 [1, с. 503].

1. *Волкова Т.Ф.* Записи первых Романовых и княжеско-боярской знати XVII в. на книгах, собранных на Усть-Цилемском Севере // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50.
2. *Гадалова Г.С., Перелевская Е.В., Цветкова Т.В.* Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI – 1725 год): Каталог. Тверь, 2002.
3. *Гулина Т.И.* К вопросу об источниках формирования библиотеки Ярославского архиерейского дома // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в. Материалы II Международной научной конференции. Москва, 30-31 октября 2009 г. М., 2011.
4. *Емельянова Е.А.* Записи членов семьи Строгановых на книгах кириллической печати в собрании Российской Государственной Библиотеки // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в. Материалы II Международной научной конференции. Москва, 30-31 октября 2009 г. М., 2011.
5. Кириллические издания XVI-XVII вв. в хранилищах Пермской области: каталог. Пермь, 2003.
6. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493-1652 гг.): Каталог. Ярославль; Ростов, 2004.
7. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1652-1700 гг.): Каталог. Ярославль; Ростов, 2009.
8. Кириллические печатные книги XVII в. библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры / Авторы-составители *И.В. Поздеева, А.В. Дадыкин*. М., 2002.
9. *Поздеева И.В.* Книжная культура российских монастырей: Новое об архимандрите Спасоярославского монастыря Иосифе // 5th International Hilandar Conference: Love of Learning and Devotion to God in Orthodox Monasteries. Selected proceedings. Volume 1. Belgrad, Columbus. 2006.
10. *Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М.* Кириллические издания. XVI век – 1641 г.: Находки археографических экспедиций 1971-1993 годов, поступивших в научную библиотеку Московского университета. М., 2000.
11. *Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М.* Каталог книг кириллической печати XV-XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980.
12. *Соломин И.И.* Экземпляр Кирилловой книги с автографом-завещанием архимандрита Ярославского Спасо-Преображенского монастыря Иосифа (Приложение) // Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли 1652-1700 годы: Каталог. Ярославль; Ростов, 2009.
13. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. М., 2007.

Книжная торговля на Европейском Севере России в середине XVIII в. (по материалам таможенных книг Устюга Великого)

Таможенные книги; книжная торговля; формирование книжного рынка.

В статье предпринимается анализ книжной торговли в Великом Устюге в конце 1740-х – начале 1750-х гг. Рассматривается репертуар книг, ценообразование, основные направления торгового обмена.

Таможенные книги являются ценным многоплановым источником по истории торговли в русском государстве XVII – первой половины XVIII вв. Особую ценность представляют поздние таможенные книги, зафиксировавшие торговые отношения в отдельных регионах накануне отмены внутренних таможен, так как после 1753 г. источников аналогичных по полноте и разнообразию представляемой информации о торговом обороте не сложилось. Таможенные книги регулярно используются для исследования цен на хлеб, ткани, рыбу и иные массовые и стандартные товары, характеристики торговли в целом. Привлечение данного вида источников для анализа книжной торговли является не типичным, поскольку далеко не все таможенные книги содержат достаточный для этой цели объем информации.

В рамках данного исследования предпринимается попытка анализа книжной торговли на Европейском Севере России в середине XVIII в. на примере в Великого Устюга. Расположенный на важнейшем Сухоно-Двинском пути Устюг, безусловно, являлся одним из важнейших торговых центров региона. Исследование его книжного рынка, на наш взгляд, должно позволить сформировать представление о книжной торговле региона в целом.

Источниковую базу исследования составили «Записная пошлинная книга Великоустюжской таможи» за период со 2 января 1748 г. по 26 июля 1749 г. и «Таможенная книга Великоустюжской таможи» за период с 3 января 1751 г. по 20 января 1752 г., хранящиеся в Великоустюжском центральном архиве [1; 2].

Книжная культура и книжная торговля в Великом Устюге XVII в. неоднократно подвергались специальному исследованию.

¹ Красиков Алексей Николаевич, Вологодская государственная молочно-хозяйственная академия имени Н.В. Верещагина (РФ, Вологда); istorik-vologda@yandex.ru.

Первым опытом изучения книжной культуры города стала работа В.Ф. Боцяновского, выполненная на материале писцовой книги Устюга Великого 1676 г. и посвященная анализу книжных собраний приходских церквей. Из данных, собранных исследователем, следует, что богослужение в большинстве крупных приходских храмов города во второй половине XVII в. совершалось с преимущественным использованием печатных книг. Значительная часть книжного фонда была вложена устюжскими купцами, активно занимавшимися книжной торговлей. Специальному исследованию книжной торговли в Великом Устюге посвящена статья Л.А. Тимошиной. Исследовательница показала активное проникновение книг Московского печатного двора в Великий Устюг, что, в свою очередь, свидетельствовало о высоком уровне грамотности среди посадского населения. Представители торгово-ремесленных слоев Устюга активно покупали книги в Москве, и большие объемы покупок свидетельствуют о формировании в городе книжного рынка. Специальные исследования о книжной торговле в регионе в XVIII в. отсутствуют. Необходимо отметить только общие работы о развитии книжного дела в России, в том числе, монографии С.П. Луппова и М.И. Слуховского.

Среди сведений о многочисленных товарах, содержащихся в рассматриваемых источниках, упоминания о книгах достаточно редки. Так в явках товара 1748/49 г. книги фигурируют только в 4 записях из почти 800, а в явках 1751/52 г. в 13 случаях. Но даже и такой объем информации дает представление о репертуаре, основных источниках поступления книг, объеме книжной торговли в городе.

В таблице 1 приведены общие сведения о явках, содержащих книги. При подсчете количества книг комплекты, состоящие из нескольких томов (Минеи, Октоихи, Прологи) учитывались как одна книга. Причина такого варианта учета состоит, с одной стороны, в том, что они продавались только комплектами, а с другой – в невозможности достоверно определить количество томов в комплекте.

Таблица 1. Книжная торговля в Великом Устюге по таможенным книгам 1748-1749 и 1751-1752 гг.

№ явки	Купец	Источник поставки книг	Количество книг	Общая стоимость, руб.
1748 – 1749 гг.				
743	Иван и Стефан Черноземовы	Макарьевская ярмарка	23	13,1
761	Стефан Бушуев	Москва	25	5,15

774	Александр Кушеверский	Москва	26	4,75
	Семен Казаков	Москва	6	6,3
1751 – 1752 гг.				
27	Александр Кушеверский	Москва	10	0,25
43	Иван и Стефан Черноземовы	Макарьевская ярмарка	8	10,0125
	-	Москва	9	34,8
	-	Москва	25	24,75
74	Семен Казаков	Москва	14	9,9
146	Василий Дружков	Москва	105	170,43
147	Стефан Говоров	Москва	70	23,9
151	Лука Новоселов	Москва	17	9,15
254	Стефан Говоров	Москва	54	24,91
255	Андрей Панов	Москва	87	58,97
267	Александр Протодьяконов	Москва	59	29,28
9	Семен и Лаврентий Казаковы	Москва	3	6,2
33	Александр Протодьяконов	Москва	59	29,28
57	Иван и Стефан Черноземовы	Макарьевская ярмарка	7	9,275
	-	Москва	7	35,44
	-	Москва	16	24,1

Источник: [1, лл. 356 об. – 358 об., 369 – 370 об., 377 об. – 381 об.; 2, лл. 12 – 13, 20 – 23 об., 48 об. – 51, 88 – 92 об., 137 – 141 об., 145 – 145 об., 157 об. – 159 об., 175 об. – 177, 190 – 193.]

Из приведенных данных видно два основных источника поступления книг в Великий Устюг. Первым и основным из них является Москва, вторым – Макарьевская ярмарка. Книготорговые связи устюжских купцов с Москвой были достаточно устойчивы и сложились еще в XVII в., когда многие великоустюжские купцы выступали как постоянные и достаточно крупные покупатели лавки при московском печатном дворе. Данные таможенных книг позволяют установить два варианта покупки книг в Москве: «из лавок» и «в типографии», при этом большинство книг покупается в лавках. Это отличает книжную торговлю данного периода от предшествующего столетия, когда практически все книги покупались в лавке при

типографии. Новацией (в сравнении с XVII в.) является и покупка книг на ярмарке. Однако этот способ приобретения книг еще не пользуется популярностью. Среди устюжан книги из Нижнего Новгорода привозят только братья Иван и Стефан Черноземовы. При этом объемы поставки крайне не велики. Доминирование Москвы как источника поставки книг на Европейский Север, на наш взгляд, обусловлено тремя факторами. Во-первых, это традиционная ориентация местного купечества на торговлю с Москвой, во-вторых, удорожание книг при их перепродаже на ярмарке, что при крайне низкой маржинальности книжной торговли, делало ее нерентабельной, наконец, в-третьих, уровень развития книжной торговли в стране оставался достаточно низким, что делало покупку книг вне Москвы затруднительной.

В отдельных случаях представляется возможным проследить и более сложные пути поступления книг на Русский Север. Так в одной из явок упоминаются «четыре Молитвослова черниговских печати с футляры – цена четыре рубли восемь гривен», купленные в одной из московских лавок и явленные купцов Андреем Пановым [2, л.139]. Связано это, по всей видимости, с дефицитом отдельных видов изданий на рынке и необходимостью его компенсации за счет продукции украинских типографий.

Значительный интерес представляет анализ ассортимента книг, поступавших на местный рынок. Всего в источниках упоминается порядка 30 богослужебных и четких книг. Большинство наименований составляют богослужебные книги, такие как Октоих, Минея, Пролог, церковный Устав, Часослов, Триодь, Требник и другие. Подобный состав продаваемых книг был характерен и для XVII в. Однако изменения в читательских интересах и издательской политике типографий, происшедшие в ходе преобразований Петра I, оказали значительно влияние на ассортимент книжной продукции в лавках великоустюжских купцов.

Расширение спектра издаваемых книг вызывает появление Нового Завета и Катехизиса, расширявших круг религиозного чтения устюжан. Появляется и авторская религиозная литература («Камень Веры», «Розыск» Димитрия Ростовского и некоторые другие).

Процессы секуляризации культуры, импульс которым был дан реформами Петра Первого, нашли свое отражение и на книжном рынке Великого Устюга. В составе привозимых книг появляется светская литература. На страницах таможенных книг мы встречаем упоминания об Уложении (скорее всего одно из изданий Соборного Уло-

жения 1649 г.), «Эзоповых баснях», неких «исторических книгах», содержание которых, к сожалению, не раскрывается.

XVIII в. привнес и еще одну особенность в ассортимент книжной торговли. Значительное распространение получили так называемые «печатные листы», привозившиеся купцами в достаточно больших объемах (как правило, по 80 – 100 штук) и продававшиеся по низким ценам.

При анализе ассортимента книжной продукции нельзя не обратить внимания на огромное количество книг учебного назначения. По сути, только их можно считать массовыми на местном рынке. Азбуки в Великий Устюг доставлялись десятками и, по всей видимости, неплохо продавались. Кроме того, в материалах таможи мы находим весьма частые упоминания о букварях, учебных Псалтырях и учебных Часословах. Все это свидетельствует о высоком уровне грамотности в городе, а возможно, и в уезде среди черносошного крестьянства.

В целом, анализируя ассортимент книжной продукции в Великом Устюге середины XVIII в., можно констатировать факт постепенного его расширения в сравнении с предшествующим XVII в. Читательские запросы горожан уже не ограничивались религиозной литературой, а социокультурный функционал книги неуклонно расширялся под влиянием общих секуляризационных процессов.

Специализированная книжная торговля в городе (как и в стране в целом) еще не сложилась. Книги упоминаются исключительно в явках очень разнообразного состава вместе с предметами одежды, интерьера и многим другим. Из таблицы 2 видно, что суммарная стоимость привозимых в город книг была невелика. Купечество рассматривало книги как один из очень широкого спектра товаров для торговли.

Весьма непростым является вопрос о ценах на книги. В таблице 2 приведены сведения о стоимости книг по данным явок таможенных книг Великого Устюга.

Таблица 2. Цены на книги в Великом Устюге по данным явок таможенных книг 1748-1749 и 1751-1752 гг.

Наименование книг	Цена, руб.	Наименование книг	Цена, руб.
Аблемант духовный	0,15	Пролог (комплект годовой)	5,9
Азбука	0,02-0,03	Псалтырь учебная	0,5
Алфавит духовный	0,6	Псалтырь	0,58-0,68

Апостол	1,8-1,85	Псалтырь с воследованием	2,4
Букварь	0,35-0,4	Псалтырь учебная	0,5-0,85
Евангелие напрестольное	3,5	Регламент духовный	0,27-0,40
Ирмологий	0,37-0,9	"Розыск" Димитрия Ростовского	1,35-1,6
Камень веры	3,5	Святцы	0,27-0,35
Канонник	0,4	Служебник	0,5-0,9
Катехизис	0,36-0,51	Требник	0,6-0,9
Минья месячная (годовой комплект)	24,2	Требник малый	0,55
Минья общая с праздниками (комплект)	3,8	Триодь цветная	1,7-2,1
Молитвослов	1,2	Триодь постная	3,30-3,35
Новый Завет	1,45	Уложение	1,25
Октоих (комплект)	4,05-4,2	Устав	3,5
Полуустав	1,2	Часослов	0,3-0,45

Источник: [1, лл. 356 об. – 358 об., 369 – 370 об., 377 об. – 381 об.; 2, лл. 12 – 13, 20 – 23 об., 48 об. – 51, 88 – 92 об., 137 – 141 об., 145 – 145 об., 157 об. – 159 об., 175 об. – 177, 190 – 193.]

Анализ приведенных цен показывает, что наценка книг в сравнении с ценами московской типографии была незначительной. Прибыль купцов от книжной торговли могла измеряться всего несколькими процентами. Установление значительных наценок не представлялось возможным ввиду низкой покупательской активности устюжан на книжном рынке. Из данных таблицы 1 видно, что книжная торговля была вялой. Купцы регулярно вынуждены были предъявлять книги на таможенную повторную, а иногда и в третий раз, то есть фиксировать остатки товара с прошлых лет. В таможенных книгах мы находим примеры двух-трехлетней «задержки» книг в купеческих лавках. Чем объясняется такое положение дел – дороговизной книг или низким интересом покупателей – сказать сложно.

В целом, можно говорить о достаточно высоком уровне развития книжной торговли на Сухоно-Двинском пути в 40-е гг. XVIII в. Книжный рынок Великого Устюга соединил в себе как консервативные тенденции (преобладание богослужебной и богословской

литературы) так и важные новации (появление новых путей поставки, развитие торговли светской литературой).

1. Записная пошлинная книга Великоустюжской таможни за период со 2 января 1748 г. по 26 июля 1749 г. // Таможенные книги Великого Устюга середины XVIII в. / Сост.: *Г.Н. Чебыкина, М.С. Черкасова*. Вологда, 2012.
2. Таможенная книга Великоустюжской таможни за период с 3 января 1751 г. по 20 января 1752 г. // Таможенные книги Великого Устюга середины XVIII в. / Сост.: *Г.Н. Чебыкина, М.С. Черкасова*. Вологда, 2012.

ABSTRACTS

Olga G. Ageeva. Orthodox religiousness of the imperial court of Russia of the XVIIIth c.

Russian imperial court; orthodox religiousness.

The article deals with the orthodox religiousness of the imperial court of Russia of the XVIII century. The investigation of the divine services demonstrated the following the orthodox traditions in combination with the appearance of some new ceremonial forms.

Mikhail O. Akishin. The international legal framework of incorporation of Siberia to Russia: problem definition

History of international law; Russia; Siberia; China.

The article discusses the problem of Russia's usage of the principles and norms of international law during the incorporation of Siberia and establishing the diplomatic relations with Munghal khanates and Qing empire.

Aytugan I. Akmanov. The first experience of the mass land measurements in Orenburg region in the late XVIII c.: Personnel and material support for the General Land Survey

General Land survey; Orenburg Province; surveyors; clerks; instruction.

The article gives a description of some aspects of the initial phase of the General Land Survey in the Orenburg province. Archival materials shows the large administrative efforts made by the survey institutions.

Irek G. Akmanov. The life of Baskir batyr Aldar Isyangildin

Tarkhan; Bashkir people; Russia; the fortress; the East; the Kazakh Horde; the rebellion; the government; the general.

The article investigates the biography of Bashkir Batyr Aldar, the leader of the revolt 1704-1711. This person also proved to be a patriot of Russia, when he served in Russian army and as an ambassador among Kazakhs.

Nikolay M. Aleksandrov. The impact of natural and geographical factor on the forms of rental obligations of serfs in the decades before the abolition of serfdom in Russia (based upon the materials of the Upper Volga region)

Peasants; landowners; labour-dues (corvee); rent; Upper Volga.

The article shows the state of manorial economy and the status of peasants of the Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces in the first half of the XIX c. The interconnection of the natural geographical factor and a way of exploitation of serfs is tracked. Local features of development of village are revealed.

Victor V. Alekseev. Providing the means of subsistence for the 'illegitimate children' according to the Old Russian law

Old Russian law; children born out of wedlock; material support.

In the article, the formation of a concept «an illegitimate child» in the monuments of the Old Russian law is considered, and the impact of ecclesiastical law is evaluated.

Sergey V. Alpatov, Stepan M. Shamin. Joy in daily life of Russian princes and their retinue (X–XIV cent.)

Prince; retinue; chronicle; oral epic; joy.

Based on data of chronicles and oral epics comparative study of joy – a notable phenomenon of daily life of Russian princes and their retinue (X–XIV cent.) –

demonstrates markable coincidence of results: *family*, *retinue* and *victories* were defined as spings of joy both at medieval literature and folklore. Notwithstanding there is a meaning contrast between information from two given sources: *faith* was a literary reason of joy, whereas *feast* was a folkloric one.

Anna N. Aponasenko. Swedish Cadaster Maps of Ingermanlandia as a Source for Social and Economic History of the Neva region in the XVII c.

Ingermanlandia; Sweden; land survey; landowning; cadaster maps.

The article presents a source study of the Swedish caraster maps of the XVII c., and the opportunities of comparing them with the maps of General Land Survey.

Dmitry Yu. Arapov. Buddhism in Russian Zabaikalie in the 18th Century

Buddhism; lama; datzan; Buryats; Zabaikalie; China.

The work discusses the Imperial Policy in Buddhism in Russian Zabaikalie in the XVIII c.

Lyudmila M. Artamonova. The origins of provincial intelligentsia in I.A. Vtorov's diary entries (Simbirsk, 1791-1793)

Russia at the end of the 18th century; history of the Volga region; the provincial culture; intellectual history, source studies.

The unique source of personal origin expands our knowledge about the school reform of Catherine II and the intellectual development of the young representatives of Russian provincial society.

Nikita V. Bashnin. Archbishop of Vologda and Belozersk Simon and his copy-book of decrees and directions 1681–1682

History of the Russian Orthodox Church; Russian North; Vologda province; Archbishop of Vologda and Belozersk Simon; source study.

The copy-book of Archbishop of Vologda and Belozersk Simon is investigated. This source was compiled during the Archbishop's visit to Moscow in 1681–1682 and contains the instructions and orders on the management of the diocese.

Elena D. Bepalenok. The participation of the merchants of Vyazma in baptism of new-born children in second half of the XVIII century

The merchantry; godfathers and godmothers; the interpersonal and the interstate relations.

The participation in baptism of children was one of the main aspects of everyday life of Russian merchantry in XVIII century. Persons, invited as godfathers and godmothers, were not accidental. The investigation of this phenomenon shows the interpersonal and the interstate relations of merchantry.

Roman P. Bilanchuk. 'History of the City of Shenkursk' – the monument of provincial historiography of the late XVIII c.

The modernization process of the end of XVIII century; topographic and historical descriptions; provincial historiography of the XVIII century.

The article is based on the analysis of previously unknown monument. The author considers the process of emergence of the new forms of historical writing in one of the local territories of the European North as a significant cultural phenomenon of the «transition» period.

Vladimir P. Bogdanov. Churches and Monasteries in the Inscriptions on the Old-printed Cyrillic books

Church; the monasteries; inscriptions on the books; old-printed kirillic editions.

This article continues the series of the author's works about inscriptions on the books. The article analyses the mentions of the churches and monasteries that extend the view about the existence of the old-printed kirillic editions. These records show the ways of "migration" of books, the content of a number of ecclesiastical centres.

Aleksandra V. Bogdanova. Was Solovetsky monastery a large landowner on the eve of secularization of 1764?

Solovetsky monastery; secularization; patrimonial lands; peasants.

The research reveals patrimonial lands' composition and location and also the number of peasants of the Solovetsky monastery on the eve of the 1764 secularization of the church lands. Comparisons with similar figures of some other Russian monasteries show that Solovetsky monastery was not a large landowner in the mid- XVIIIth c.

Anastasya A. Bogomazova. The sea vessels in the economy of the Solovetskiy monastery in the middle of XVII century (according to the data of the manorial inventories)

The Solovetskiy monastery; the monastic economy; usolye; the inventory; lodja.

The article covers the issue of the sea economy of the two places of salt production that belonged to the Solovetskiy monastery in 1650s. The presence of the monastery's own ships is shown on the basis of the inventories.

Jaroslav V. Boiko. Territorial distribution and sectoral structure of employment of economically active population of the Nadnepryanskaya Ukraine (second half of XIX c.)

Labor market; labour resources; distribution of employed population; division of labor; structure of employment.

The article reveals the territorial distribution of labor resources and determines the proportion of the employed population in the Nadnepryanskaya Ukraine at the end of XIX century. The article highlights the sectoral division of labor and the employment rate of the economically active population in the productive sector of the economy.

Natalia Y. Bolotina, Arkady I. Komissarenko, Antonina Y. Kononova. The information on the ploughfields of Karelian peasants in the cadasters of Karelian royal patrimonies in Bezhetskiy Verkh in the second half of XVII c.

Ploughfields; Karelian dvortsovye peasants; peasant farm; Karelian royal patrimonies; Bezhetskiy Verkh; the second half of XVII century.

The cadasters of Karelian royal patrimonies at Bezhetskiy Verkh of the second half of XVII c. include the information on the ploughfields for every Karelian village. This makes possible to estimate the peasant allotments in royal patrimonies. Karelian dvortsovye peasants have more arable lands then other categories of peasantry.

Nikolai S. Borisov. From the history of political and ecclesiastical struggle in epoch of Kulikovo battle. "The story of Mityay"

Russian Orthodox Church; the Grand Prince of Moscow; political murder; metropolitan of Kiev and All Russia.

The report is dedicated to one of the most dramatic episode in the history of Russian Orthodox Church – unsuccessful attempt of Grand Prince Dmitry of Moscow to turn his father-confessor Mikhail as candidate for metropolitan of great Russia. The intent analysis of the main historical source Povest` o Mityae allow the author to put forward

some new interpretations of the story. In particular, he came to the conclusion that Mityay was murdered by somebody of his suite.

M.B. Bulgakov. The Census Book of Kolomna (1678): A Source Study

Perepisnye books; Kolomna; the 1678-1679 census.

The article discusses the features of the census books in 1678 for the city of Kolomna

Pavel V. Chechenkov. Nizhny Novgorod gentry corporation in the 1620s: size of manors and quantity of peasants

Muscovy; the gentry; gentry corporations; estates; Nizhny Novgorod.

Study investigates the correlation between the nominal (oklad) and the actual size, and also the population density of gentry landholdings in Nizhny Novgorod in the early XVII c.

Marina S. Cherkasova. Ustyug's «squirrel» during the times of Peter the First

Taxes; a census of the population; a unit of payment.

The paper the investigates the information on the old units of payment in the census book of Velikiy Ustyug for 1710, «belki» (squirrels). The book is a result of the population accounting practically unknown in the scientific literature and it is kept in the archive of Velikiy Ustyug of Vologda region.

Liudmila A. Chernaya. The modernization of Russian Culture in the XVII c.: from top or from bottom?

Russian Culture, modernization, the transition from the Middle Ages to the New Time.

The Culture of the XVII c. is not "transition" only, it has its own character, completeness and importance.

The sense of the XVII c. in the history of Russian culture is connected with the modernization "from bottom", in contrary of the epoch of Peter the Great, when the modernization went "from top".

Dmitry A. Chernenko, Mikhail I. Borisov, Anna A. Yaskunova. Comparative analysis and electronic mapping of data of sources of XVII – XIX cent. on the history of the Vologda region

Historical geography; agricultural history; Vologda.

The work is devoted to the possibility of applying the methods of statistical analysis and computer mapping of information of sources of XVII – XIX cent. on the history of rural settlements in the Vologda region.

Sergey V. Chernikov. Sovereign Court's ranks in the ruling elite (1725-1730)

Sovereign's Court; generalitet; ruling elite.

This paper tackles question about the role Sovereign Court's ranks in the formation ruling elite (1725-1730). The author comes to conclusion about the continuity update mechanisms of the ruling elite.

Natalia A. Chetyrina. Testaments of the residents of Sergievsky Posad in first half of the XIX c.

Testament; heirs; property; Sergievsky Posad.

In the archive of the Ratusha (city hall) of Sergievsky Posad a number of private legal documents are researched, including 267 'dukhovnye' (testaments), 37 'razdelnye' (acts of property division), and 1 'sgovornai' (act of betrothal). The testators of different estates passed movable and immovable property, specified the reasons for the

deprivation of inheritance, ordered the charity donations, established the procedure for burial and commemoration, etc.

Andrey V. Deduk. On the historic geography of Kornitsky stan of Solova (Krapivna) district

Kornitsky` stan; Kornike; Solovsky` district; boundaries.

This paper reviews the history of the Kornitsky «stan» of Solovsky district. Its borders' reconstruction was made based on the landmark documents of the XVII – XVIII centuries.

Gleb G. Donskoy. Preparation of funeral accessories in human life in medieval Russia

Funeral; coffin; shroud; Holiness; story about death.

This article describes the preparations to the burial in medieval Russia. It is shown that every man had to take care of his funeral accessories.

Eduard L. Dubman. The construction of Karsun and Simbirsk fortifications as a part of a single fortification system of European part of Russian forest-steppe

Belgorod fortification; Simbirsk fortification; Karsun fortification; felled trees; ramparts; ditches; city; burg.

The article describes the features of construction of Karsun and Simbirsk fortifications as a part of a single fortification system, which was built in 1630-1650 on southern - southeastern part of European Russia.

Alexey A. Frolov, Olga N. Trapeznikova. Possibilities of testing of the L.V. Milov hypothesis about the assessing of plough land quality in the Novgorod taxation unit “obzha” in the end of XV c.

Agrarian history of medieval Russia; the taxation of plough lands; ancient cadaster descriptions.

The article represents possible ways to check an adequacy of hypothesis that had been proposed by L.V. Milov about specific features of taxation that was practiced on Novgorod lands in Middle Ages.

Natalia A. Gefke. Salt supplies in Kuznetsky uezd in 1720s

Salt monopoly; salt supply; Western Siberia; Kuznetsk district; serving class people.

The article discusses the topic of salt supply to the Kuznetsk district which is one of the Western Siberia south border areas. The arrangement if this trips for salt was the responsibility of the local authorities and was carried out by the means of the serving class people.

Olga E. Glagoleva. The Provincial Nobility in the mid-Eighteenth Century Russia: The Individual Faces in a Collective Portrait (based on Materials of the International Research Project *Culture and Everyday Life of the Nobility in the 18th-Century Russian Provinces*)

Nobility; provinces; Legislative Commission of 1767-74; the Orel, Tula and Moscow provinces; local history; innovative technologies in historical research.

The paper describes the findings and results of a German-Russian research project, *Culture and Everyday Life of the Russian Provincial Nobility in the 18th century*, held in 2009-2013 under the umbrella of the German Historical Institute, Moscow (project director Olga Glagoleva). The main goal of the project was reconstruction of local provincial noble communities of the 1760s-1770s in three provincial regions, the Orel, Tula and Moscow provinces. The work was primarily based on the nobility's nakazy to

the Legislative Commission analyzed in the context of the local history. The paper also presents the web site (<http://adelwiki.dhi-moskau.de>) developed as part of the project and containing more than 5,500 pages of information on provincial noble men and women.

Vladimir N. Glazjev. The settlement of cities and the formation of the uyezds in the Central Chernozem Region in the late XVI – early XVII c.

South of Russia; XVI – early XVII century; cities; population.

The article considers the population of the new southern Russian cities in the late XVI – early XVII century.

Alexey A. Golubinsky. The Surveyor's Career: Stepan Khrulev

General Land Survey (Boundary); legislation; plans; atlases; Economic notes.

The dating of plans, maps and atlases of districts and provinces of General Land Survey is a problem which is far from solution. The resolving was found in collecting all accessible information about surveyors, who subscribed these plans, so the whole biography of one of surveyors, Stepan Khrulev, the soldier's son, was reconstructed, and his career from garrison's school to third member of survey office was traced.

Anton A. Gorsky. On the problem of so-called 'The Big Horde'

The Big Horde, chronicles, acts.

The article discusses the idea that the name "Bolshaya Orda" ('The Big Horde'), used in the Russian chronicles, is the translation of the Turkish 'Ulug Orda'. The author justifies the position that this term has Russian origin, meaning 'the most influential among the Hordes'.

Lyudmila P. Goryushkina. Choice of princes' and tsars' wedding days in the first half – in the middle of the XVIth century

Princes' and tsars' weddings; chronicles; liturgical calendar; memorable dates; the XVIth cent.

The paper deals with choice principles of princes' wedding days, church calendar influence and Moscow rulers' preferences.

Anatoly L. Gryaznov. The questionable transactions with ancestral votchinas of princes Ukhtomskii in the second half of the XVIth century.

Land ownership, XVI century, votchina, the ancestral landownership of princes, property.

The paper addresses the issue of reliability of the information, using the documentation for a number of possessory ancestral votchina of princes Ukhtomskii. Several questionable transactions with these fiefdoms are revealed.

Alexandre Husson. The Organization of Military Service of the Don Cossacks during the Russian-Turkish war (1735-1739): Traditions and Novelties

Donskoe voïsko; irregular army; Russian-Turkish war (1735-1739); B. Kh. Minikh; P. P. Lassy; S. Efremov; I. Frolov; A. Krasnoshokov.

The article investigates the involvement of the Don Cossacks in the military campaign of the Russian army against the Crimean Khanate in 1738. The conscription system and the patterns of the Cossack military service are examined, the special attention is paid to the intervention of the military administration into the Cossack's affairs, and the counteraction of the Cossack's elite (starshiny).

Guzel V. Ibneyeva. The empress Catherine II in the ritual of the highest journey

Ceremonial; religious rituals; identity; power legitimacy; imperial image.

Using the symbolic resources of cultural space by Catherine II to affirm an image of the Russian empress is considered in this article.

Ananiy G. Ivanov. Bills of sale of the town Kozmodemyansk in the materials of General Land Divisions in Kazan province at the end of the XVIII century

Materials of General Land Survey; bills of sale; Kozmodemyansk.

Civil acts, which were discovered by the author in materials of General Land Survey in Kazan province, are analyzed for the first time. These acts are related with the history of Kozmodemyansk, one of the oldest towns in the Middle Volga region in XVII–XVIII centuries.

Vladimir I. Ivanov. Special features of formation and composition of the Black Sea Cossack army's clergy in the late XVIII c.

Clergy; Black Sea Cossacks; orthodox church.

New lands, annexed by Russia in the late XVIII c., underwent to intensive military-political, economic, and also religious developing. In Kuban region, granted to Black Sea Cossack army, after several years was created the sufficiently numerous and original group of clergy.

Nataliya P. Ivanona. Statistical analysis mesyatseslov as dating elements in the letopises (based on the materials of Novgorod letopises)

Mesyatseslov; calendar; letopises.

The aim of the presented research is revealing and analysing commemorations used by letopis-makers as dating elements. It is widely accepted that Russian letopis-makers used mesyatseslov as a calendar to date historical events. Letopises give a practical example of mesyatseslov.

Tatiana V. Kaigorodova, Sergey V. Tsyb. The forgotten episode of development of historical science at the Moscow University

Moscow university; professor N.A. Beketov; handbook of historical chronology.

In 1815 professor N. A. Beketov started teaching historical chronology at the Moscow university. For the educational purposes he translated the book of the Danish scientist D.-H. Hegeiwisch («Eiuleitung in die Historische Chronologie», Altona, 1811) into Russian. It had to become the textbook for students. The process of printing started in the printing house of the university, but Beketov's death interrupted this work. The book didn't get to readers, but now the authors have succeeded to find one its copy in library of the Russian Academy of Sciences

Elena V. Kamarauli. Evolution of material supplies of sluzhily bureaucracy in Russia in the second half of the XVII-XVIII centuries: to problem statement (on the materials of the southern uezds and Voronezh province)

Sluzhily bureaucracy; mandative work; nobility; local land tenure; Voronezh province.

The article researches the different types of material supplies of sluzhily bureaucracy (mandative people of the XVII century and noble bureaucracy of the XVIII century), such as "feeding from affairs", pomestje and monetary salary.

Valery V. Kanishchev. Russian folk calendar and the real weather in the South of Central Russia in the XVII - XX cc.

History of climate; folk calendar; South of Russia.

The article dwells upon the attempt to compare the daily weather registered in the descriptive sources and instrumental weather measurements in some periods of the XVII – XX cc. in different parts of Central Russia with the Russian folk calendar and to define its peculiarities in the Oka-Don area.

Maxim V. Khatskevich. Conscription in the Russian Empire in the late 1720s

Conscription; recruits; Russian army in the 18th Century.

The present paper focuses on the conscription in the Russian Empire in the late 1720s. The main subject of our study is the conscription of 1729. We explore the term of conscription, the procedures of conscription in the different provinces and the effectiveness of conscription as an army staffing instrument.

Sofya I. Khazanova. Apocryphes about Moses in old russian literature

Apocryphes; Moses; prophet; Paleja; old russian literature; language.

In this article were studied sources about Moses in old slavonic literature. In the work discussed problem of relations between Russian and talmudic literature.

Dmitry A. Khitrov. The digital maps of administrative division of Russian Empire before and after the Guberna Reform of 1775

Administrative division; gubernia reform of 1775; digital maps.

The paper discusses the sources and methods of compiling the digital maps of Russia's administrative division in the 2nd half of the XVIII c.

Kirill S. Khudin. Herbalists & Pomyas'. On the question of Apothecary Chancellery activity.

Apothecary Chancellery; History of medicine; Seventeenth century; herbalists; pomyas'; medicinal herbs.

The article discusses the history of application of *pomyas'* labour (people who served in Tsar's Household chanceries) as herbalist (people who gather herbs) in the 1st half of the seventeenth century. The features which distinguish the difference between the meaning of *pomyas* and *herbalist* are introduced. The coordination problems, related to supply of raw materials for manufacturing of medical products, between Apothecary Chancellery and the Household departments, are examined in the paper.

Mikhail A. Kiselev. The problem of tax privileges of qualified workers at Ural state metallurgical plants in the 20-40s of the XVIII century

Russia in XVIII century; industrial legislation; qualified workers (masterovye ljudi); history of the Urals.

The paper describes the realization of rule for the exemption of qualified workers from taxes on state-owned metallurgical plants in the Urals in 1720-1740s. The author analyzes the contradiction between the rule, based on the dynamic development, and the rigid structure of the tax system.

Arkadiy I. Komissarenko. The Role of the Vyatka Region in the Russian Grain trade via the Arkhangelsk Port, 1730s – 1740s

Grain trade; Vyatka region; Russian-Dutch trade.

The article, based on the customs books of Vyatka region, examines the amount of supply of agricultural products to the foreign market in 1730s – 1740s.

Elena S. Korchmina. Are the powerful nobility malignant defaulters of the poll tax?

The poll tax; tax arrears; nobility; the Russian history of the 18th century.

The purpose of this essay is to draw the attention to the problem of powerful of Russian nobility as tax payers. The article is based on the key archive document that was used for a long time. Its interpretation influences greatly our comprehension of Russia as a deeply paternalistic state.

Olga E. Kosheleva. Handwritten miscellanea with instructional content and A.A. Vinius

A.A. Vinius; handwritten miscellanea; instructional texts; Enlightenment; education.

The article is concerned with handwritten miscellanea, which is, by the hypothesis of the author, comes from the personal archive of A.A. Vinius (1641- 1716). It is composed mainly of Russian by origin instructional texts for pupils and it includes epistle of A.A. Vinius to Peter the Great (1707) as well. In the latter A.A. Vinius set himself up as an Enlightener. The miscellanea represent A.A. Vinius as a figure, who made his personal contribution to the educational engagement in Russia.

Daniil N. Kozlov, Alexander V. Glukhov, Alexey A. Golubinsky, Dmitry A. Khitrov. Natural and positional factors of land use differentiation in the late XVIII c. European Russia: Methods of digital analysis of General Land Survey materials

Land use reconstruction; digital analysis; the General Land Survey map.

The article considers the possibility of digital analysis of the General Land Survey map in relation to the ordering of the factors of land use structure differentiation on a local scale.

Natalia V. Kozlova. Personalized environment of the Russian townsman of the XVIII century: sources and method of reconstruction

Town; urban population; environment; sphere of personal contacts (communication); mass sources; serf acts.

The paper presents the method of reconstruction of the Moscow inhabitants' personalized sphere of communication in the XVIII century is based on the entry books of the bondage offices (krepostnye kontory), the materials of church, administrative and police accounting of population.

Aleksei N. Krasikov. Book trade in the European North of Russia in the middle of the XVIII century (based on customs books Veliky Ustyug)

Customs books; book trade; the formation of the book market.

The paper analyzes the book trade in the Veliky Ustyug in late 1740s and early 1750s. The repertoire of books, pricing, and guidelines of trade are considered.

Tatjana A. Kruglova. On the social functions of «Note on the Disorders in Malorossiia» (1750s)

«Note on the Disorders in Malorossiia»; source analysis; social functions of historical source; Malorossiia (Left-Bank Ukraine); administrative reform of 1764.

The article covers the general views of scientists on the social functions of the well-known historical document – «Note on the Disorders in Malorossiia».

Alexey O. Krylov. Sign and signified in anti-Old Believers polemics of st. Dimitry of Rostov

Dimitry of Rostov; old believers; semiotic conciseness; sign; history of culture.

Article shows that st. Dimitry in his “Rozyisk Raskol’nochei Brynskoj Very” argues against old believers from the perspective of st. Augustin’s theory of sign. Author makes the conclusion about the key role of the Mohylan tradition in the process of development of the semiotic conciseness in early modern Russia.

Aleksei V. Laushkin. Selection of days for princes' infant sons' postrigi (cut of hair) in Old Rus'

Old Rus'; paganism and Christianity; princes' infant sons' postrigi (cut of hair); the Church calendar.

The author supports the idea of Christian spirit in Old Russian princes' infant sons' postrigi (cut of hair) and adduces new arguments in favor of this idea — these ceremonies often coincide with Christian feasts.

Vyacheslav A. Letin. Representation of Marina Mnishek as the «Empress of Muskovy in a painting project of Vishnevetzkiy Castle

Historical painting; representational program; time of Trouble; Royal authority; Imperial ambitions.

In this paper the representative program of Marina Mnishek is considered. This program designed as a set of pictures for Vishnevetsky Castle in the beginning of 17th century (now known as collection of State Historical Museum). Marina's political credo and Mnishek House's ambitions are represented through the analysis of these pictures.

Pavel V. Lukin. The Theft of Cows ('Korov'ia tat'ba') in the Short Edition of the 'Pravda Rus'skaia'

Old Russian law; Russkaya Pravda; history of Old Rus.

The article deals with the comparison of the clauses of the Short and Expanded Editions of the Russkaya Pravda. The author comes to the conclusion that those of the Short Edition are more ancient and authentic.

Denis A. Lyapin, Nikolay A. Zhirov. The size and location of the population of Livensky and the Yeletsky uezds in the late XVI – early XVII c.

Livensky uezd; Yeletsky uezd; census books; landlords.

The article discusses the issues of settling the southern Russian border area at the end of the XVI-XVII centuries, in particular the Livensky and Yeletsky uezds in the right bank of the Upper don. The authors point out the specifics of placement and the quantity of population of the regions.

Aleksandra N. Makarova. «Since the local place is the most coastal and infertile»: the palace peasants are between opportunities and taxes (by the example of Vazhsky district Arkhangelogorodskaya province)

Palace peasants; taxes; naturel resources; peasants petitions.

By the example of one of the northern Russian districts – Vazhsky district of Arkhangelogorodskaya province the opportunities and interests of the palace peasants in regards to state taxes are considered on the basis of such a source as peasant petitions.

Tatiana A. Matasova. The Old Russian translation of the first book of Pomponius Mela's 'Geography'. Historical context, research opportunities, methods of publication

Pomponius Mela; Old Russian translation; manuscript; publication; the great voyages of discovery; Italy.

In the article the Old Russian translation (the turn of XV-XVI centuries) of the ancient Roman geographic texts is under examination as it has never attracted attention of the scientists. The need of the publication of the text, which the author hopes to exercise, is justified.

Svetlana S. Mints. Professor Milov's University courses

Professor L.V. Milov; methods of History; theory of Feudalism; theory of Modernisation; education by problems; student notes as a kind of historical sources.

This article is about University courses, lectured by Professor L.V. Milov at Moscow University in 1960s-2000s as well as about one special methodological course, which he conducted in 1978.

Yu.A. Mizis, P.K. Napolnikova. The Beekeepers' 'Ukhozha', as a Form of Landuse and Settlement in the Southern Frontier of Russia, XVII-XVIII c.

Honey; wild beekeeping; rent; colonization of Southern Russia; forest history

The article investigates the history of keeping the wild bees and the formation of 'ukhozha', the forest areas consigned for beekeeping, in the Southern Frontier of Russia. The organization of honey production and its impact on the process of colonization are discussed.

Ludmila V. Moshkova. Palaeographic analysis of the acts dating by the early XVI-th century: the problem of identification of handwriting

Palaeographic analysis; identification of handwriting; acts; clerkly handwriting.

This paper is devoted to the identification of handwriting, which transcribed the text in the cadastres book of Derevskaia fifts (1499-1500) and 5 acts of 1505-1512 years issued on behalf of the Grand Dukes Ivan and Vasily Ivanovich.

Tofiq T. Mustafazade. Economic activity of the Russian authorities in the Caspian coastal provinces temporarily attached in 1722–1735

Persian campaign of Peter I; Russian-Azerbaijan relations; Caspian provinces.

The article reveals the economic policy of Russia in the Caspian coastal provinces of Azerbaijan, temporarily incorporated in 1722-1735. It is stated that the Russian authorities generally retained the traditional territorial administration and socio-economic relations in Caspian coastal provinces. Due to the relative stabilization of situation in the region, partial systematization of taxation, and other actions as well, some revival of economy in Caspian coastal provinces was observed.

Valery I. Nikulin. Natural factor in the life of peasants in the Capital Governorate in the mid - XIX c.

Northwest; Saint Petersburg Governorate; peasant economy; forest industries.

This article explores forest as one of the natural factors that had impact on households of landowners in Saint Petersburg Governorate in the mid- XIX century. At this time, timber wood depletion harshly increased as a result of rapid felling by peasants for the purpose of sale. Peasants engaged in forest industries were highly dependent on landlords and timber men.

Sergei N. Pakhunov. The demographic consequences of the plague in Russia (1771-72)

Historical demography; population; mortality; plague epidemic in the 18th Century.

The present paper discusses some of the consequences of the epidemic of plague in Russia in 1771-72, which are reflected in the gender and age structure of the population, specifying the age group of plague victims, both male and female.

Andrey I. Papkov. Orthodox immigrants from the Polish-Lithuanian Commonwealth on the southern borderland of Russia in the first half of XVII c.

Russian Church; Russian Tsarstvo; South of Russia; Dnepr-Don forest-steppe; Krym Khanstvo; Polish-Lithuanian Commonwealth; Church; monastery.

The author considers a number of episodes dealing with moving of the Orthodox monks from the Polish-Lithuanian Commonwealth to Russia, as well as actions of the Russian and Polish border authorities in this connection.

Svetlana L. Perechitskaya. The pivots of the Russian colonisation at the end of the 18th century.

Colonisation; the south of the Russian Empire; state peasants; the Volgo-Don transfer; the Azov seaboard.

The article justifies the significance of the Volgo-Don transfer and Azov seaboard as strategic points of the military and civil colonisation on the south of the Russian Empire during the reign of Catherine II. It determines the main social base of migrants to the indicated lands - state peasants - according to the government's plans for reclamation of the southern territories.

Alexander V. Peregudov. On the question of the competence of the 'Tzars' Voronezh Shater' and documentation of its activities

Navy; 'Tzars' Voronezh Shater'; chief of the Admiralty.

In the article, the review of spheres of competences of the principal administrative organ of the Voronezh shipbuilding at the end of the XVII century through a prism of the analysis of its office-work is given.

Konstantin V. Petrov. On the reception of Byzantine law in pre-Mongol Russia

Ancient Russian state; Ancient Russian Law; Byzantine law; Reception of Byzantine law.

The article is devoted to the analysis of existing view on the reception of Byzantine law in pre-Mongol Russia. And also it is aimed at developing an approach to the problem with the preservation of historical sources and the methodology of historical research.

Irina G. Ponomareva. On the rite of investiture in Ancient Rus'

Investiture; rites and rituals of vassalage; symbols of vassalage.

In Rus' as in Western Europe Prince-suzerain formalized the devolution of domain to the Prince-vassal through a special ceremony. Russian sources report as symbolic objects of investiture the sword and the cross.

Lyudmyla Y. Posokhova. The world of things and the lifestyle of Kharkov Collegium rector Lavrentiy Kordet

Orthodox colleges; lifestyle; the history of things.

Based on the registers of personal belongings, the lifestyle of Kharkov Collegium rector Lavrentiy Kordet is reconstructed. The conclusion is made that his style of life was the reflection on the modernization processes typical for the XVIII c., the features of the «new» and «traditional» were also intertwined.

Aleksandra Yu. Prokofieva. Unwed marriages in the urban environment of the XVIII c. (on the example of Moscow). Destiny, motives and emotions

Urban family of the XVIII century; unwed marriages; social norms; family law.

This paper seeks to examine an unexplored topic in the history of Russian family, which is unwed marriages (i.e. not approved by church) in the urban environment of the XVIII century. The usage of new archival material related to Moscow - investigation files - makes possible a law enforcement analysis, it also gives a chance to reconstruct the real people's lives, to hear their voices, to grasp the reasons of their behavior.

Viktor P. Pushkov. Count S.G. Stroganov's Regulations against the 'Lechery' in his Perm estates in the mid-XIX c.

S.G. Stroganov, Old Believers, manorial administration, Perm region.

'The rules for averting and suppression and of dissoluteness' is a unique piece of the local lawmaking of the mid-XIX c. They were composed and started appliance since 1846 under a direction of S.G. Stroganov at his Perm estate. They had been caused by contradictions between the traditional culture of Russian old-believers and the prevailing laws. Old-believers of "Pomorskoye" non-priest confession who inhabited the Verhokamyje region did not admit church marriages, that resulted in a wide expansion of illegal sexual intercourses. That revealed mostly severely in Sepychyovskaya district – a historic hearth of local old-believers. "Rules" provided verbal suggestions, financial penalties, corporal punishments, sending to recruits, Siberian exile. The article considers some typical cases of illegal intercourses from the whole set of 30 during 1847. Generally the research has revealed a doubtful efficiency of the management enterprise.

Alexej I. Razdorskij. Horse trade in Belgorod in the XVII c. (according to customs books)

Economic history; horse trade; customs books; Belgorod; South of Russia.

In the article on the basis of the analysis of the statistical and factual data containing in 13 Belgorod customs books of 1640s–1670s, volumes and turns of horse trade in Belgorod, movement of the prices of horses, geographical and social structure of dealers are considered.

Aleksandr P. Sannikov. The Irkutsk Vicariate: an attempt of arrangement of ecclesiastical Affairs in the Eastern outlying districts of Russia in the first quarter of XVIII c.

Easten Siberia; the Russian Orthodox Church; eparchial authorities; the Tobolsk Metropolitan; the Irkutsk Vicariate; the Bishop Varlaam Kossovsky.

The article considers the establishment of the Irkutsk Vicariate as a part of Tobolsk Metropolia and the activities of the first Chapter of the Bishop Varlaam Kossovsky.

Olga D. Shemyakina. Gregory Scovoroda: thinker and person of the Age of Baroque

Gregory Scovoroda; Enlightenment; mysticism; cosmological time; historical time.

This article gives a historical and cultural analysis of creativity and personality of Gregory Scovoroda. The author highlights the main features of his teaching, shows how it evinced the typical features of the Baroque.

Taisiya N. Sidorenko, Olga V. Bershadskaya. The natural environment as a factor of social and economic development of the Kuban and the Chernomore at the end of XVIII - XIX centuries

Natural environment; society; economy; the Kuban Oblast; The Black Sea Governorate.

The influence of environment on society and economy of the Kuban Oblast and the Black Sea Governorate at the end of the XVIII-XIX centuries is considered in the article.

Yurij N. Smirnov. Colonization and transformation of administrative division of the South-Eastern provinces in pre-reform Russia

Russia in 19th century; Nikolai I; administrative divisions; Samara province; colonization; grain trade.

Administrative transformation in the middle of the 19th century and changes of provincial borders in the South-East Europe were objective. They were, above all, determined by the settlement and the development of new lands.

Natalia V. Sokolova. Trinity-Sergius monastery tenure in Nizhny Novgorod and Balakhna uyezds in early XVIII century

Land estate; landowning; The Economic notes of the General Land Survey; Trinity-Sergius monastery.

The article examines landowning of the Trinity-Sergius monastery estates in Nizhny Novgorod region in early XVIII century, using the methods of historical mapping of the monastery estates based on the materials of the General Land Survey.

Yuri S. Starikov. Church activities of Metropolitan Daniel of Moscow

The history of the Russian Orthodox Church; Metropolitan Daniel; Vasily III.

The article describes the issues related to the activities of Metropolitan Daniel (1522-1539). The author describes economical, canonical and pastoral work of Daniel. On the basis of a significant range of sources the article attempts to provide the identity of the Metropolitan as a talented administrator and manager.

Petr S. Stefanovich. On the Transformation of the *pol'udie* in Old Rus'

History; Old Rus'; taxes; administration.

The author summarizes all the data on the institute of *pol'udie* in Old Rus' from the late 9th to the early 16th century and concludes that this institution had transformed. At first, in "tribal" society *pol'udie* was gifts and food which population gave voluntarily to their leaders/rulers when they went round over a territory of a given "tribe". Then, under the Rus' rule, the gifts and food were combined with an obligatory tribute which was collected during the circle-trips, and these trips were called *pol'udie* (X-XI c.). Beginning at the early XII c. the *pol'udie* evolved into one tax collected in naturalia or money in favor of a prince or his agents or his beneficiaries.

Liliya G. Stepanova. Reconstruction of developing land on the basis of Materials from General Land Survey and cadastres

Ploughland; Materials from General Land Survey; Cadastres; GIS; Model Approach; Land Developing Model.

The paper analyzes the principles of reconstruction of developing land on the basis retrospective approach. The basis in such approach plougland is the main one, the information about plougland is different in the data of General land surveying and cadastres.

Arkadiy E. Tarasov. On the problem of imposing days of Russian medieval bishops

Canonic law; bishop Imposing rite; hierarchy; calendar and chronology culture; Medieval Rus`.

This paper investigates some bishop selection and imposing Russian rites of XV-XVII centuries for the purpose to find out canonic law tradition, deals with selection of days and time of day hierarchy ordination.

Stephan N. Temushev. The causes of political fragmentation of Ancient Rus'

Political fragmentation; land (principality); volost; tax and tributary system; kniaz; posadnik.

The paper analyzes the problem of determining the cause of political fragmentation of the ancient Russian state. The fragmentation is considered as a stage in the development

of tax and tributary system. The main cause of disunity called the desire for redistribution of tax-tribute to their advantage by representatives of the princely family.

Andrei S. Usachev. About a probable source of information on Western Europe at the Russian church elite of the 16th century (a addition to the biography of diplomat Mitrofan Karacharov)

Russian-European cultural relations; Mitrofan Karacharov; Pafnutyevo-Borovsky monastery; Church history; clerks; 16th century; Medieval Russia; Russian history.

The question of sources of oral data of the West European countries in the monastic environment is considered. It is suggested that appearance of the information into monasteries in the 16th century could be connected with leaving in monasteries the Russian diplomats, such as Mitrofan Karacharov. He has left in the Pafnutyevo-Borovsky monastery in 1526.

Lyudmila N. Vdovina. Mason in Russia in the XVIII c. as historical cultural type of personality: opinions, behaviour and emotional world

Freemasonry; type of personality; opinions; spiritual life; faith; emotion; the Age of Enlightenment.

In the Age of Enlightenment the spiritual life of the educated people in Russia became more complicated. One manifestation of this process was the Freemasonry. The author reflects on the formation of personality type of Russian Mason, and examines religious and social ideas, behavior and emotions of Masons in the time of Catherine II.

D. M. Volodikhin. Russian Military Elite in Oprichnina and Zemshchina

Russia; history of Russia; mestnichestvo; voevode; oprichnina; nobility; service aristocracy; military elite; military hierarchy.

The author considers the social structure of the Russian voevode's staff during the period of the Tzar's Feodor Ivanovich reign (1584--1598). The article traces the changes that were taking place among the military officers of the Russian army depending on the political conjuncture of that time.

Madina R. Yafarova. The Ottoman military plans in the First Chigirin Campaign of 1677

Chigirin campaign; Russian-Ottoman war 1672-1681.

The paper discusses the Ottoman military plans in the Chigirin campaign of 1677, reviewing the materials of questioning the Ottoman captives.

Igor N. Yurkin. «...In a different way, to evaluate what were the famous Tula and Kashirskiye manufactures of the XVII c.» (reflections on several pages of L.V. Milov's «Russian Plowman»)

Manufactory; Tula and Kashirskiye plants; natural and climatic factor.

The article considers the views of L.V. Milov on the factors that determined the peculiarity of the development of the Russian metallurgical manufactures of the XVII c., and also his evaluation of the effectiveness of the phenomenon of early Russian manufactures.

Tatyana V. Zhibrova. Azov customs and pothouses' administration in the late XVII - early XVIII cc.

Custom head; pothouse; tax-collectors; "pot money"; contract holder.

The article concerns with the problem of customs and pothouses' administration in Azov in the end of the XVII- beginning of the XVIII centuries. The author analyses the

ways of arrangement and complication of a custom house and a pothouse, paperwork directing, aspects of communications with contract holders are shown.

Vecheslav D. Zhukov. On the question of the fate of the Embassy of Ivan Fustov and Ivan Lomakin in the Crimea in 1639: the “promissory notes” of the members of the Embassy and paying off these debts by the Moscow government

The redemption of captives; Ivan Fustov; Ivan Lomakin; the Crimian Khanate.

The author investigates the fate of the ordinary members of the Embassy of I. Fustov and I. Lomakin to Crimea, arrested by the Khan in 1639. The mechanism of redeeming the captives by the Russian government is revealed.

Mariya A. Zin’ko. The large princely patrimony formation in the second half of XVI– the second quarter of XVII c. (the patrimony of the Princes Telyatevsky)

Large princely patrimony; mobilization of land tenure; the Princes Telyatevsky.

The article investigates the mobilization of Princes Telyatevsky’s patrimonial land tenure. The author identified the creation and consolidation of the large patrimony in the XVI–XVII c. by three generations of the princely family.

Список сокращений

АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
АЮ	Акты юридические
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси
ВЦА	Великоустюжский центральный архив
ГААО	Государственный архив Архангельской области
ГАВО	Государственный архив Воронежской области
ГАКК	Государственный архив Краснодарского края
ГАСО	Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург)
ГАУО	Государственный архив Ульяновской области
ГИМ	Государственный исторический музей
ИРИ РАН	Институт российской истории РАН
КФЖ	Камер-фурьерский журнал
МАЛ	Межкафедральная археографическая лаборатория исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
МГАМИД	Московский государственный архив министерства иностранных дел
МПД	Московский печатный двор
НА РГО	Научный архив Русского Географического общества
НБ МГУ	Научная библиотека МГУ имени М.В. Ломоносова
ОР ГИМ (= РО ГИМ)	Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	Отдел рукописей российской национальной библиотеки
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
ПОУНБ	Пермская областная универсальная научная библиотека им. А.М. Горького
РАН	Российская академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	Российская государственная библиотека

РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГНФ	Российский гуманитарный научный фонд
РНБ	Российская национальная библиотека
РО БАН	Рукописный отдел Библиотеки академии наук
РИО	Русское историческое общество
СПБИН РАН	Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси
ТГОМ	Тверской Государственный объединенный музей
ТОДРЛ	Институт русской литературы. Труды отдела древне-русской литературы
ЧОИДР	Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЦГАДА	Центральный государственный архив древних актов (см. РГАДА)
ЦДИАУ	Центральный Державный Исторический Архив Украины
ЦИАМ	Центральный исторический архив Москвы

Научное издание

Русь, Россия: Средневековье и Новое время.

Выпуск 3

Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова

Материалы к международной научной конференции

Техническое редактирование, верстка Л.П. Горюшкина

Оформление обложки И.П. Кулакова